
ФРЕД САБЕРХАГЕН
БЕРСЕРКЕР
III
СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ФРЕД САБЕРХАГЕН

БЕРСЕРКЕР III

РОМАНЫ

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1994

ББК 84(7США)
С 121
УДК 820(73\)—31

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского *Т. Н. Замиловой, А. Московской, Е. Хотунцевой*

Художник *А. А. Шуплецов*

Публикуется впервые с разрешения автора и его литературного агента Александра Корженевского. Любые другие публикации настоящего произведения в любой форме, в целом или частями являются противоправными и преследуются по закону

Саберхаген Ф.

С 121 Берсеркер-III: Романы/Пер. с англ. Т. Н. Замиловой и др.; Худож. А. А. Шуплецов.— Смоленск: Русич, 1994.— 560 с.— (Сокровищница боевой фантастики и приключений).

ISBN 5-88590-029-9.

В третью книгу сериала вошли произведения Фреда Саберхагена, написанные в разные годы. Динамичные сюжеты, невероятные приключения в необъятных глубинах космоса, бесконечный поединок человечества с расой мыслящих машин смерти — все это несомненно заинтересует любителя фантастической литературы.

С 8200000000 **ББК 84(7США)**

© by Fred Saberhagen,
«Berserker Base», 1985
«Blue Death», 1985
«The Winged Helmet», 1969
«The Adventure of the Metal Murderer», 1979
© Перевод Т. Н. Замилова, А. Московская, Е. Хотунцева, 1994
© Оформление. А. А. Шуплецов, 1994

ISBN 5-88590-029-9

БАЗА БЕРСЕРКЕРА

БАЗА ПЛЕННИКОВ

В первые минуты своего пленения кошмарной машиной Ларс Канакуру проклинал ее металлическое нутро за то, что оно сохранило ему жизнь. Чертов берсеркер никак не отреагировал на поток ругательств, хотя, Ларс был уверен, слышал их. Он также, казалось, плевал на ракету, запущенную с маленького одноместного космического аппарата Ларса. Ларс так и не узнал, что с ней стало. Но приборы показали, как ужасный берсеркер тянул к его маленькому кораблю свои силовые полящупальца, действующие на расстоянии многих километров. Ларс видел и чувствовал, как машина захватывает его в объятия смерти.

Но смерти не мгновенной. Это было бы слишком большим везением. Бессмысленные атаки фанатичных человеческих существ были, вероятно, известны машинному опыту берсеркера. Но, похоже, они совершались так редко, что вызывали интерес к тем, кто пытался оказать сопротивление. Очевидно, берсеркер решил, что Ларса следует оставить в живых для изучения.

В крошечной кабине одноместного корабля Ларса не было никакого оружия, и вообще ничего такого, чем можно сразу покончить с собой. И прежде, чем он смог найти хоть какое-то орудие самоубийства, в кабину истребителя с шипением начал поступать неизвестный газ. Ларс потерял сознание.

Когда он очнулся, то обнаружил, что уже не находится на борту своего корабля. Теперь он лежал, распростертый на твердой незнакомой поверхности, заключенный в маленькой, без окон и дверей, камере. Голова раскалывалась от боли. Тусклый красноватый свет исходил откуда-то сверху, слышалось слабое шипение подогреваемого воздуха.

Он сел. Гравитация — несомненно, искусственная — воздействовала на него с обычной земной силой. В камере было тесновато, чтобы встать во весь рост. Не хватало

места не то что ходить а даже ползать, два метра на два — невелико пространство.

Ларса не радовало, что он еще жив. Теперь было ясно, что ему не дадут умереть сразу, а подвергнут изучению.

В то же время он обнаружил, что самоубийство перестало казаться ему единственным выходом. Эта мысль изначально была чужда его природе.

Итак, он стал пленником машины берсеркера. Некоторые прошли через это и вернулись в мир людей, чтобы рассказать о своем опыте, а самые удачливые сумели даже извлечь ту или иную выгоду из этого невероятного события. Это были всего лишь единицы из тех, кто уцелел, и считанные чудеса на миллионы и миллионы кубических световых лет, на протяжении многих веков, в течение которых человечество вынуждено было вести войну против берсеркеров.

Как ветеран космических странствий, Ларс почти с первых же минут своего пробуждения понял, что в данный момент находится в полете: чувствовались слабые признаки движения, изменения гравитации, сопутствующие им неприятные ощущения. Машина, пленником которой он был, опережая свет, несла его через пространство математической реальности по неведомым районам Галактики в направлении, о котором он не мог и догадываться.

Человек никогда в действительности не чувствовал себя в чужом мире космического пространства как дома. Но слишком долго этот мир был своим для Ларса Канакуру, и оказаться в нем опять было привычным, действовало успокаивающе. У него не оставалось шанса получить помощь в том секторе обычного пространства, где его схватили. Ларс сознавал, что этот маленький участок Галактики с немногочисленными планетами, принадлежал теперь берсеркерам. Одна из этих планет была его домом...

Камера, в которой он находился, предназначалась лишь для поддержания жизни, не более того. Ларс вновь осмотрелся, теперь уже более внимательно. Его космический скафандр, так же как и содержимое его карманов, исчезли. На нем все еще был комбинезон и легкие ботинки, которые Ларс всегда надевал в полете под скафандр — обычная боевая экипировка службы, к которой он относился.

Камеру заливал тусклый красноватый свет, исходя-

щий от металлических или керамических — он не знал, каких точно — пола и стен. Воздух здесь был, конечно, пригоден для дыхания, но время от времени в пространстве возникала волна какого-то экзотического запаха явно неорганического происхождения. Вскоре он обнаружил, что здесь есть подача воды, почти ледяной. По желанию она поступала из небольшого отверстия в панели, которая служила водопроводом.

Он мысленно вернулся к космическому сражению, военной миссии, которые привели его в эту камеру. Другой раз будет умнее. Ларс вдруг осознал, что повторяет себе это снова и снова. Казалось, он никак не может поверить, что другого раза не будет, во всяком случае, для него.

Тогда он стал думать о том, что его ждет. Как правило, берсеркеры убивали быстро, человеческие страдания не значили для машин ровным счетом ничего. Все, на что берсеркеры были запрограммированы — это желание уничтожить человека. Но в его случае время скорой расправы уже миновало.

Тогда Ларс решил не заглядывать вперед, так как мгновенная смерть была лучшим выходом по сравнению с тем, что могло произойти с пленниками берсеркера. Действительно, все другие варианты — конечно, кроме чудесного спасения — были, по его мнению, гораздо хуже.

Лучше думать о настоящем. Ларс Канакуру решил, что он вполне мог оказаться единственным живым существом на расстоянии многих световых лет. Но почти тотчас ему пришло в голову, что это не совсем так. В его теле живут, должно быть, миллиарды микроорганизмов, так же, как и в любом человеке. Он носит в себе целые популяции видов. Эта простая мысль успокоила его.

Он почувствовал, что снова в состоянии здраво мыслить и контролировать ситуацию.

В этой ужасающе примитивной камере у него не было возможности следить за бегом времени. Но через некоторое время — могли пройти сутки или часы — он снова уснул и увидел сон.

Ларсу снилась контрольная панель корабля с многочисленными электронными датчиками, и он понимал, что это какой-то новый пульт управления космического истребителя. Он был счастлив видеть его, так это означало, что он сбежал от берсеркера. Но чувство тревоги не исчезало. Один из индикаторов на панели выглядел

очень странно, он, казалось, показывал пары рифмованных слов, и Ларсу было очень важно понять их, но он не мог.

Сон не испугал его по-настоящему, но показался настолько реальным, что произвел на Ларса сильнейшее впечатление. Обливаясь потом, он проснулся. Руки скребли теплую поверхность стола. Очень странный сон.

Он лежал, испытывая слабость и безразличие. Он выпил воды и наверняка поел бы, имей еду в запасе. Пока еще он не проголодался по-настоящему. Берсеркер непременно накормит его, когда возникнет потребность. Если бы его хотели умертвить, это бы уже произошло. Ларс вновь задремал, но вскоре проснулся.

И вдруг он осознал, что космический полет несущей его машины завершился.

Сейчас, сквозь массу металла, окружавшего его, едва ощутимо доносились звуки и вибрация, характерные для жесткой стыковки. Он решил, что берсеркер, захвативший его, достиг своей базы. И это означало, что вскоре станет ясно, что его ждет.

Сразу после стыковки одна из стен камеры Ларса открылась, и машина зашла за ним. Металло-керами*ческое тело передвигающегося* устройства имело вид муравья и было в два раза меньше Ларса. Машина ничего *не сказала, и он не оказал ей* сопротивления. Она принесла костюм астронавта, но не его собственный, а такой, что подошел бы ему, и, похоже, сделанный человеческими руками. Несомненно, скафандр тоже был однажды где-то захвачен, и женщина или мужчина, носившие его, были теперь, очевидно, мертвы. На нем еще сохранились выцветшие знаки различия, но в слабом красном свете символы едва можно было разобрать.

Берсеркер швырнул скафандр к его ногам. Очевидно он хотел, чтобы человек надел костюм, не гадая о его происхождении. Ларс мог прикинуться непонимающим, попытаться озадачить своего захватчика необъяснимым поведением, но обнаружил, что больше не жаждет смерти. Он надел скафандр и загерметизировал его. Подаваемого воздуха было достаточно, и он имел сладковатый запах.

Машина вывела Ларса наружу в безвоздушное пространство за пределы камеры. Это путешествие не было слишком долгим, всего несколько сотен метров, но со множеством зигзагов и поворотов, по коридорам, явно не рассчитанным на людей. Большая часть пути проходи-

ла в условиях уменьшенной гравитации, которая, как почувствовал Ларс, здесь была естественной. Об этом свидетельствовали такие тонкости, которые ощущает только тот, кто имеет достаточный опыт.

Примерно на полпути проводник вывел его из огромного космического берсеркера, захватившего Ларса в плен, и они оказались под звездным небом, лишенным атмосферы, на скалистой поверхности, исполосованной длинными тенями от бело-голубого солнца, и Ларс понял, что ощущение изменения гравитации не обмануло его. Теперь он стоял на поверхности планеты. Настолько, насколько Ларс мог видеть (а горизонт здесь был близким) она представляла собой сплошную потрескавшуюся скалу, по которой равномерно двигались призрачные пылевые формы — формы, возникающие не под действием ветра, а из-за дрейфующих электрических зарядов. Ларс уже однажды видел что-то похожее в другом мертвом мире. Этот мир, очевидно, был мал, если судить по близкому горизонту, отсутствию атмосферы и гравитации, в несколько раз меньшей, чем земная. Несомненно, сейчас это место было лишено каких бы то ни было признаков жизни, но, скорее всего, оно уже было таким до прихода берсеркеров.

Все выглядело так, словно они решили обосноваться здесь навечно. Повсюду виднелись многочисленные сооружения берсеркеров, башни и копи, а также другие непонятные строения, возвышающиеся на фоне безжизненного ландшафта насколько хватало глаз. Было трудно судить о происхождении или назначении конструкций. Что вообще строили берсеркеры? Гигантскую судоверфь, где можно создавать себе подобных, или ремонтные доки для аппаратов, пострадавших в боях? Ларс имел отличный обзор и, когда позже размышлял над увиденным, то подумал, что машины намеренно все устроили так, чтобы он мог хорошо разглядеть всю силу и нечеловеческую мощь, окружавшую его.

Затем его провели в подземелье, в узкий тоннель, и на лицевой пластине его гермошлема померкло это бело-голубое солнечное сияние.

Одна дверь закрылась за ним, а через другую он попал в небольшую комнату из полуобработанной скальной породы, куда с шипением стал поступать воздух. Еще одна дверь перед ним плавно отъехала в сторону. Мгновение спустя Ларс осознал: что-то изменилось. Он больше не был один. Здесь находились другие пленники,

такие же люди, как он. В первое мгновение Ларс был чрезвычайно изумлен, хотя потом не мог понять, что же так потрясло его.

Послышались человеческие голоса. Человеческие фигуры, в таких же комбинезонах, как у него, развернулись в его сторону. Небольшая группа состояла из четырех землян — двух мужчин и двух женщин.

Комната, в которой они содержались, была, вероятно, площадью около 10 квадратных метров и имела высоту, позволяющую стоять в полный рост, но не более того. Здесь не было мебели, и четверка сидела на каменном полу. В комнате было еще три двери по одной в каждой стене. Две из них были открыты.

Двое мужчин и женщина поднялись на ноги, как только Ларс приблизился. Вторая женщина осталась сидеть на полу, и ее вид говорил о полном безразличии к происходящему.

Ларс представился: «Летный офицер Ларс Канакуру, Объединенные силы Восьми Миров».

«Капитан Абсалом Наксос, Стратегический Корпус Защиты, Новые Гебриды»,— капитан говорил так быстро, словно боялся не успеть выдать всю необходимую информацию. Он имел вид голодающего человека, находящегося в постоянном напряжении. Его черные как смоль брови, выглядели почти искусственными на бледном лице, и редкая черная поросль на щеках, казалось, напрасно пытается самоутвердиться.

Ларс ответил: «Рад познакомиться. Желал бы, чтобы это произошло при более благоприятных обстоятельствах.

«Мы все тоже. Здесь паскудная жизнь».

Женщина — та, которая была моложе и красивее — слегка выступила вперед: «Пат Сандомер. Я просто гражданское лицо».

«Здравствуйте»,— Ларс пожал протянутую ему руку. Сквозь толщу скалы то тише, то громче постоянно доносился звук работающих машин. Ларс заключил, что где-то рядом, скорее всего, рудник или что-нибудь подобное.

У Пат были действительно прекрасные серо-голубые глаза. Она сказала, что ее захватили на пассажирском лайнере, атакованном берсеркером, она была уверенна, что экипаж и все пассажиры погибли.

«Я Николас Опава»,— второй мужчина производил первоначальное впечатление человека мягкого. Естественный темный свет его кожи скрывала бледность тюрем-

ного узника. От него веет безнадежностью, подумал Ларс. Опава сказал, что он был единственным человеком на борту автономного научного аванпоста, где его и захватил берсеркер.

Последняя в этой группе, Дороти Тотонак, была несколько старше других и выглядела замкнутой. Ее имя назвала Ларсу Пат; в конце концов, Дороти поднялась на ноги, но, казалось, была намерена ограничиться только кивком.

Ларс спросил, сколько времени они уже провели здесь. Оказалось, что всего несколько дней. Началось легкое препирательство о способе подсчета времени, когда взгляд Ларса упал на одну из раскрытых дверей. В соседней комнате, примерно такого же размера, как та, в которой он стоял, находились другие живые существа, но не земляне, Ларс подошел к Николасу Опаве и взял его за руку. Инстинктивно перейдя на шепот, он спросил: «Это Кампаны?» За всю свою историю космических странствий он никогда не видел ничего подобного. Но тем не менее с первого взгляда узнал эти квадратные тела, покрытые складками кожи; их узнал бы любой образованный человек с любой планеты. Хотя изображения Кампанов встречались довольно редко, каждый видел их.

Опава только устало кивнул.

«Мы с ними ладим вполне нормально»,— вставил капитан Наксос в своей обычной деловой манере.— «Условия у нас одинаковые, все вместе здесь заперты, им приходится быть дружелюбными».

Ларс стоял, уставившись на Кампана. Он убедился, что все, что он знал о них оказалось верным: форма их неуклюжих угловатых тел напоминала механизмы, но он никогда не слышал, чтобы ум Кампанов называли механическим.

Кроме умственных способностей, которые были весьма необычны по земным меркам, а иногда даже внушали благоговейный ужас, Кампаны славились тем, что старались избегать контактов с землянами. Но вот один из них вышел из своей комнаты и направился к людям. Походка была медлительной, перекатывающейся, но ее нельзя было назвать неуклюжей.

«Могу поспорить, идет поприветствовать новичка»,— сказала Пат Сандомер.

И оказалась права. Толстое существо (две руки, две ноги, покрытая чешуей кожа или тесно облегающие

одежды?) приближалось прямо к нему. Все остальные немного отступили.

«Было бы глупо сказать вам «Добро пожаловать»,»— Ларсу показалось, голос прозвучал удивительно чисто и ничем не отличался от человеческого, хотя рот и горло, его породившие, выглядели совсем по-иному.— «Но можно пожелать вам здоровья, что я и мои товарищи Кампаны и делаем».

«Спасибо. Вам того же»,— что сказать чужаку? — «Как вы попали в плен?»

Похожий на руку отросток шевельнулся. Рот, гораздо шире, чем человеческий, артикулировал земные слова с бесхитростным старанием: «По несчастью, мой друг, по несчастью». Произнеся это, Кампан медленно повернулся к ним спиной и начал путь назад, к своим товарищам. Какого пола это существо? Ларс не мог сказать. Он слышал, что Кампаны сами редко интересовались половыми различиями.

«Я думал, они никогда не говорят с нами так свободно»,— пробормотал Ларс, наблюдая за удаляющейся спиной.

Пат, в сущности, повторила все сказанное капитаном Наксосом: Кампаны, вынужденные обстоятельствами, могли быть хорошими компаньонами. И все же берсеркеры понимали, что необходимо обеспечить два разных биологических вида двумя раздельными комнатами, признавая необходимость психологического разделения.

Ларс проголодался, как волк, а здесь была вполне пригодная еда, розово-зеленые пирожные, о которых упоминали бывавшие в плену у берсеркеров. Он мог видеть Кампанов, жующих в своей комнате пирожные другого цвета. После того, как Ларс поел, товарищи по несчастью показали ему отдельную камеру, где можно было поспать или просто побыть одному. Эта камера очень напоминала ту, что была на корабле берсеркеров, за исключением того, что была высечена в скале, и в ней не было двери. У каждого из пленников была своя келья, где он мог уединиться, и еще одна оставалась незанятой. Все индивидуальные камеры, используемые пленными выходцами с Земли, были расположены в конце небольшого бокового зала, выходящего из общей комнаты.

Крайне уставший, Ларс вытянулся на припасенном для этой цели одеяле, закрыл глаза. Он вдруг почувствовал себя тесно связанным с этими людьми, которых не знал еще час назад.

Он все еще ощущал рядом с собой их присутствие даже сейчас, когда спал.

Ему снова снился сон. И вновь он видел загадочную контрольную панель и датчик с рифмованными словами, которые никак не мог расшифровать.

В этот момент он проснулся и инстинктивно повернул голову. Взгляд пересек открытый проем его кельи, короткий переход на углу и уперся в общую комнату. За ней была другая дверь, ведущая в комнату Кампанов, через которую на Ларса смотрел один из них. Когда их взгляды встретились, существо отвернулось.

Из того, что было известно о Кампанах, на первом месте стояла сила их разума; среди них были Прорицатели Вероятного. Они обладали также способностью телепатии (правда, в большенстве случаев бесполезной) на чрезвычайно большие расстояния — по крайней мере, некоторые индивидуумы-Кампаны, такие, как Третий Историк, известный своими контактами с Землей. Ларс не удивился бы, узнав, что этот слишком реальный сон был вызван мыслительными упражнениями Кампанов в интеллектуальной силе. Но он не мог найти объяснения, зачем Кампанам интересоваться его снами или тем, видит ли он их вообще.

А, может быть, это была попытка передать информацию телепатическим способом? Однако, сон о датчике впервые приснился Ларсу несколько дней назад, еще до того, как он попал на базу и узнал о том, что здесь есть Кампаны. Но это был слабый довод против истинной телепатии: Ларс понимал, как мало земляне знали о ней. Наверное, время не всегда может служить препятствием при телепатическом контакте, думал он.

Таким образом, сон может являться способом передачи любой секретной информации, средством связи, неподвластным мощи перехватчиков берсеркеров. Если это так, Ларс решил не упоминать о своем сне вслух.

Четверо землян бодрствовали, когда Ларс присоединился к ним в общей комнате. Один ел, двое других разговаривали, один — на этот раз Опава,— сонно бродил по комнате. Дороти Тотонак все еще выглядела печальной, но теперь, по крайней мере, сказала ему «здравствуй». Ларс поел еще розово-зеленых пирожных, обменявшись несколькими словами со своими товарищами. Никто не рассказал о своих странных снах. Никто не упомянул о том, что мозг берсеркера, который контролирует эту базу, наверняка каким-то образом прослушивает все, о

чем они говорят, наблюдает за всем, что они делают, хотя Ларс был уверен, что все это знали. Возможность утаить от врага такую малость как сон давала ему крохотное чувство превосходства над остальными.

Беседа продолжалась недолго, когда открылась та дверь, что впустила Ларса внутрь помещения для пленников. Вошел конвой муравьиноподобных машин. Космических скафандров у них не было. Беседа людей прервалась, и как по команде, все встали, повернувшись к врагу лицом.

Воцарилось минутное молчание. Тогда дверь в третьей стене отъехала в сторону, открыв освещенный красным светом проход.

Капитан Наксос беспокойно задвигался. «Что-то новенькое! Они ни разу не открывали эту дверь с тех пор, как я здесь». Капитан был пленником дольше всех, по крайней мере, на несколько часов.

Полдюжины муравьиноподобных машин жестами указывали людям на впервые открытую дверь.

«Похоже, нам нужно идти»,— пробормотала Пат Сандомер.

Ларс попытался придумать какую-нибудь отговорку, чтобы выиграть хотя бы минуту, но никакой существенной причины не нашлось. Вместе со своими товарищами по несчастью в сопровождении маленьких машин он двигался по заполненному воздухом переходу. Состав атмосферы и сила тяжести соответствовали земной норме на протяжении всего пути.

Дороти, сияя, будто новизна ситуации радовала ее, прокомментировала: «Кампаны хорошо переносят наши родные условия. А вот нам у них, как мне говорили, было бы тяжело».

Больше никто не пожелал поддержать разговор. Переход оказался не более 30 метров длиной. В дальнем конце он разветвлялся на несколько камер, вырубленных в скале, каждая из которых была гораздо больше, чем кельи для сна, но меньше их общей комнаты. Каждая комната была тесно уставлена непонятными механизмами. Люди безучастно переглянулись: было невозможно понять, кто же из этих роботов здесь главный.

Ларс услышал какой-то звук и обернулся. Пятерых Кампанов под конвоем маленьких проводников-берсеркеров также вели в этот комплекс камер, набитых изощренной техникой.

Живые и механические тела заполнили помещение.

Теперь каждый из землян — Ларс не знал, произвольно или нет — был соединен в пару с Кампаном. Ларса и его нового компаньона отвели в одну из камер, набитых техникой. Там стояли две кушетки. Ларс видел, как Кампана уложили на одну и подсоединили к хитроумному комплексу аппаратуры с помощью проводов и прочих более сложных приспособлений. Затем и Ларса уложили на другую кушетку. Маленькие муравьиноподобные берсеркеры закрепили его руки и ноги и что-то подсоединили к голове.

Тотчас в его мозгу возникли странные мысли и представления, словно продиктованные извне. Появившиеся образы были чуждыми, незнакомыми, но вполне отчетливыми.

По-видимому, производили настройку, и вскоре была достигнута совместимость. Наконец Ларс увидел ясные, простые слова:

«Я Кампан. Постарайся контролировать свой страх. Я не думаю, что берсеркер в настоящий момент собирается причинить нам зло».

Послание было понятным, но Ларс не знал, поступает ли оно непосредственно от мозга Кампана или через аппаратуру. Он открыл глаза, но из-за расположения кушеток не смог увидеть партнера. Комната в скале казалась чем-то еще менее реальным, чем новый мир странного общения, возникший в его голове.

«Он пытается использовать наш мозг, твой и мой вместе. Мы очень различаемся по образу мыслей, но с помощью этой хитроумной техники наши мысли могут стать как бы совместимыми. Вместе можно сделать больше, чем по отдельности. Он намеревается использовать наш интеллект для исследования далеких миров, где...»

Что-то в хитроумной аппаратуре тихо заработало, и связь прервалась. И все же до Ларса дошел смысл происходящего. Должно быть, гигантский компьютерный мозг берсеркера, доминирующий над всеми и управляющий этой базой, пытался, используя два таких различных биологических мозга, сделать то, что один разум, и даже вся аппаратура берсеркера сделать не в состоянии: проверить, какой сектор Космоса попал под прицел последней вылазки его истребителей.

Этот первый сеанс — сплошные проверки и тестирование — длился долгие изнуряющие часы. Ларсу довелось увидеть картины жизни и деятельности нескольких

миров, корабли, находящиеся в космическом пространстве. Но у него было весьма смутное представление о том, что он видит и испытывает, и никакого выбора. Он предполагал, что Кампан испытывает то же самое. Берсеркер использовал их как живую аппаратуру.

Никакой радиосигнал не мог передать информацию в космосе быстрее света. Сигналы, исходящие из мозга — если это правильное определение такой трансэфирной передачи — были, очевидно, другого свойства.

Информация иного порядка просочилась в подкорку Ларса, привнесенная, вероятно, в результате интеллектуальных усилий самого берсеркера, высасывающего знание о знании под воздействием какого-то закона, заставляющего оставлять что-то взамен. Ларс знал, что какое-то время назад десять или более гигантских кораблей берсеркера отправились с этой базы в полет, и целью настоящего опыта было проверить, как эти аппараты, находившиеся на невообразимом и недостижимом для какой бы то ни было свези расстоянии, себя ведут.

Телепатический сеанс был прерван. Кампана, соединенного с Ларсом в тандем, отключили и увели. Его место занял другой. Ларс догадался, что идет апробация различных сочетаний живого разума, но всегда землянина и Кампана в паре, подключенных... последовательно или параллельно? Имело ли смысл искать электронный эквивалент для определения? Разум Кампана и разум землянина, как понимал Ларс, могли как-то дополнить друг друга, что берсеркеры и собирались использовать в своих целях.

Когда аппаратура снова была включена, у Ларса возникло впечатление, что навязанный контакт был гораздо более неприятным для Кампана, чем для него.

Наконец, провода были отключены, и Ларс поднялся с кушетки. Он не имел ни малейшего представления как долго продолжался сеанс. Изнуренному до изнеможения, как после многочасового бега или сражения, ему разрешили вернуться в жилой комплекс. Остальные пленники устало тащились рядом.

Им дали короткий перерыв для отдыха и еды.

Затем людей вновь провели по переходу, тестирование и опыты продолжались. На этот раз у некоторых землян потом чувствовалось умственное утомление, путаница в мыслях. Но пока побочные эффекты были терпимы.

Повторные сеансы продолжались, должно быть, несколько дней. Все эти тесты с аппаратурой были посвя-

щены, как считал Ларс, проверке и, в какой-то степени, тренировке. Наконец были выявлены оптимально совместимые пары.

Только тогда и начались настоящие рабочие телепатические сеансы.

Ларс, подключенный к одному из Кампанов (он все еще не мог с уверенностью отличать их друг от друга), ощутил шумовые помехи, неразбериху и путаницу в сознании — результат прикосновения живого разума Кампанов, видоизмененного холодным зондированием мозга аппаратурой берсеркера.

Время искривилось. Будущее и прошлое слились воедино в царстве стремительного интеллекта Кампана и едва успевающей за ним мысли Ларса Канакуру. Теперь снова возникли ясные образы, передаваемые другим мозгом. Они были фрагментарны, практически неосознаваемы. Они проходили через мозг Кампана быстрее, чем Ларс мог их зафиксировать.

Видения стремительно менялись без всякого участия со стороны Ларса.

«Сохрани это в тайне, мой земной союзник и партнер. Это должно быть скрыто во что бы то ни стало. Не дай берсеркеру в это проникнуть...»

Ларс попытался ответить Кампану, хотя в данный момент едва ли был в состоянии самостоятельно сформулировать любую связную мысль.

И снова, другой стремительный отрывок: «Сохрани это в тайне...»

Затем высветился мысленный пейзаж, сухой, замороженный, мелькнувший в одно мгновение, как вспышка молнии. И немедленно вслед за этим потух.

Тотчас Ларс, дрейфующий в какой-то дремотной стране, понял, что Кампан, подсоединенный вместе с ним к одной машине, был мертв. Ларс подумал, что, вероятно, он узнал об этом даже еще раньше берсеркера или почти в одно время с ним.

Внезапная смерть в связке была вызвана, по-видимому, действием берсеркера. Как Ларс мог заключить из создавшейся ситуации, берсеркер посчитал, что преступная, ненадежная, «bad life» выкинула, возможно, какой-то телепатический трюк. Но он не знал точно, что эта «bad life» сделала, не подозревал, что нечто ценное осталось от нее и было передано Ларсу. Иначе он бы уже попытался вывернуть мозг Ларса Канакуру наизнанку...

...два обрывка мыслей, переданных Кампаном, нужно было сохранить в тайне.

ПРОГРАММА РЕМОРЫ. Это был один из них. Простое имя. Название компьютерной программы? Или, может быть, программа перевооружения, попытка какого-то мира подготовиться к своей защите против берсерков? Чем в действительности была программа Реморы, где она была и почему ее следовало держать в тайне — ключа к этой загадке Ларс не имел.

Он считал, что другой фрагмент был еще чем-то более бессмысленным: КУИБ-КУИБ. Слова, лишенные какого-то ни было значения, во всяком случае, во всех известных Ларсу языках.

Самая общая информация, полученная им во время телепатических сеансов, состояло в том, что, по крайней мере, у трех из десяти или более запущенных берсеркеров дела обстояли удовлетворительно. В остальных случаях берсеркеры испытывали... определенные трудности. Жизнь во многих ее проявлениях была на удивление стойкой и упрямой.

Живым телепатическим устройствам предоставили еще один короткий отдых. Потом начался новый сеанс. И теперь через чуждый фильтр нового (или, возможно, более податливого?) разума Кампана Ларс начал воспринимать другой сегмент жизни невероятно далеких людей.

И снова нахлынул поток информации, возникли видения...

ЧТО ДЕЛАЕТ НАС ЛЮДЬМИ

«Надежда Эстер» — совершенная сфера, ощетинившаяся лопастями, антеннами и сканерами, усеянная лазерными амбразурами, наблюдательными скриннерами и приемниками — была высотой более ста метров. Она покинула орбиту своего родного мира со скоростью пущенного из рогатки стального шарика. Ее бока ярко сверкали в чистом солнечном свете. Разгоняясь до своей крейсерской скорости 0,85 скорости света, она прошла мимо внешних планет — сначала Филомела с его гигантскими полосами свободного холодного водорода, затем одинокого Переуинкла, мерцающего на границе спектра —

в черноту и свечение. Она была лучшим, что когда-либо создали или могли создать человеческие руки. Так и должно быть: ведь ей суждено вернуться через столетия.

На ее борту находилось триста девяносто два человека.

Они тоже были лучшими из лучших, кого Эстер могла предложить. Дипломаты и медики, лингвисты, биологи-теоретики, физики, ученые, даже библиотекари, поскольку «Надежда Эстер» несла в себе колоссальный банк знаний: все участники полета были нацелены на выполнение исторической миссии. В их число входили бесспорные сливки молодой Службы Эстер — ее персонал — так называемые «пьютеры» и «ницианцы», которые знали, как «Надежде Эстер» плыть в тонковолоконных ветрах галактики. Словом, это были триста девяносто два человека, тщательно отобранные из всего населения планеты, прошедшие испытания и подготовленные для того, чтобы в конце концов принять участие в кульминационном повороте судьбы Эстер.

Триста девяносто из них пребывали во сне.

Двое бодрствующих должны были нести корабельную вахту. Но они были заняты совсем другим. Они бегали обнаженными по открытой раковине коридора между чистыми безликими комнатами, где криогенные капсулы надежно укрывали своих обитателей. Темпл посмеивалась, потому что знала, что Грасиас никогда не поймает ее, если она ему не поддастся. На нем все еще были следы от мороженого, которым она в него запустила, и которое стекало теперь струйками с его волос на грудь. Но он ничего не сможет сделать, если она сама не замедлит бег. Возможно, Темпл не была проворнее или сильнее его, лучше обучена или более высокой квалификации — но она, несомненно, превосходила Грасиаса в скорости.

Это была их дежурная смена, неделя, которую им следовало проводить вне своих капсул раз в полгода, и так до самой смерти. У «Надежды Эстер» было 25 таких вахт от Службы, этому персоналу суждено было умереть во время исполнения миссии: старея со скоростью одна неделя в полгода, они не могли дожить до возвращения корабля домой. Все остальные должны были дожить до момента, когда «Надежда Эстер» достигнет своей цели. Проведя во сне все путешествие, они бы только стали немного старше, чем в момент старта. Но Служба должна была нести корабельную вахту. Таким образом, перед теми, кто планировал полет, стояла трудная задача: то

ли населить звездолет одними пьютерами и ницианцами и молиться о том, чтобы они могли выполнить работу дипломатов, физиков-теоретиков и лингвистов; то ли пожертвовать некоторым количеством персонала Службы и освободить место для людей, которые были бы тщательно подготовлены для выполнения этой миссии. Те, кто планировал полет, посчитали, что умения разобрать «Надежду Эстер» по винтику, а затем собрать вновь вполне достаточно для любого отдельно взятого мужчины или женщины и не стоит требовать от них большего. Таким образом, осуществление самой миссии следовало возложить на других специалистов.

Следовательно, «Надежда Эстер» не могла взять достаточное количество пьютеров и ницианцев для обеспечения возвращения миссии домой.

Чтобы найти выход из ситуации, было решено, что часть времени своей смены персонал Службы будет уделять проблеме продолжения рода. Если у них родятся дети, они смогут передать им свои знания и умения. А если дети появятся на свет достаточно скоро, они успеют вырасти, чтобы довести корабль домой, когда это понадобится.

Темпл и Грасиас особенно не были заинтересованы в том, чтобы иметь детей. Но ко всем другим вопросам воспроизведения они относились очень серьезно.

Она замедлила на несколько секунд свой бег, только чтобы подразнить его. И вновь припустилась с удвоенной силой. Он не собирался чересчур усердствовать в любовной игре — даже в беседе — до тех пор, пока она не заставит его сердце колотиться. В один из дней медлительный, немного скучноватый, но вполне подходящий любовник, станет именно тем, что ей нужно. Только не сегодня. Сегодня она вся источала энергию, от кончиков ногтей до корней волос, и она хотела, чтобы Грасиас был на высоте.

Но, когда она, смеясь, бросила взгляд через плечо, чтобы посмотреть, как он там, его там не было.

Где...? Ну, что ж, хорошо. Он пытается взять игру под свой контроль. Выиграть, обхитрив ее, потому что не может догнать. Темпл громко рассмеялась, остановившись, чтобы перевести дыхание и подумать. Несомненно, он нырнул в одну из комнат или переходов коридора в надежде сократить путь и оказаться впереди нее — или, может быть, устроил ей засаду. А она не слышала, как открылась и закрылась автоматическая

дверь, потому что продолжала бежать и шумно дышала. Очень хорошо! Это был тот Грасиас, которого она хотела.

Но куда он свернул? Только не во вспомогательный компком*, у этой комнаты не было выхода. А как насчет ближайшего капсулохранилища? Оттуда он мог бы спуститься на лифте во внутреннюю раковину и вернуться наверх. Но это было бы рискованно: дальше ему пришлось бы гадать, как далеко, насколько быстро и в каком направлении она движется. Что давало ей шанс повернуть его оружие против него же.

Усмехнувшись, Темпл направилась к двери следующего капсулохранилища. Уловив ее приближение, дверь почти бесшумно открылась и закрылась за ней. Ей был знаком вид криогенных капсул, находящихся во власти поддерживающей их аппаратуры с тройной защитой и автономным питанием, чтобы никакая глобальная поломка не могла свести миссию на нет, поэтому она едва посмотрела вокруг и направилась к шахте лифта.

Индикаторы показывали, что ею не пользовались. Так что Грасиаса там не было. Замечательно. Она воспользуется шахтой для подъема во внешнюю раковину и укроется от него там, чтобы подогреть его аппетит. Она обернет его гамбит против него самого. Довольная собой, Темпл приблизилась к двери шахты лифта.

Но когда она нажала на сенсор, лифт никак на это не отреагировал. Ни одна из лампочек не зажглась. Подъемник оставался на месте. Удивленная, она навалилась на сенсор всей тяжестью тела. Ничего. Она подпрыгивала, махала руками. Ничего не менялось.

Это было странно. Когда Грасиас проводил утреннюю диагностику, единственная неисправность была в скрытой проводке синтезатора пива. Но почему не работал подъемник?

Думая, что ей следует пойти в соседнюю комнату и проверить другую шахту, чтобы решить, насколько серьезна возникшая проблема, Темпл шагнула назад к двери в капсулохранилище.

На этот раз дверь не поддалась ей.

Это было так неожиданно, что она налетела на дверь. Это больше испугало ее, чем причинило боль. В свои неполные тридцать лет она никогда не сталкивалась с

---

* компком (сокр.) — компьютерный командный пункт *(прим. перев.)*

отказом автоматических дверей. Все двери, кроме запертых, открывались: на запертых дверях обычно горели дежурные лампочки, которые невозможно было не заметить. Индикаторы на этой двери показывали, что она открыта и работает.

Она сделала новую попытку.

Дверь не открывалась.

Это было уже не странно. Это было серьезно. Значительная поломка, которая не выявилась при проверке. Или она произошла только что? В любом случае время игр кончилось. «Надежда Эстер» нуждалась в помощи. Нахмурившись, Темпл поискала взглядом ближайший микрофон, чтобы позвать Грасиаса и сообщить ему, что происходит.

Микрофон был напротив, на стене возле шахты подъемника. Темпл направилась к нему.

Но не успела она подойти, как дверь комнаты плавно отошла в сторону. С бесстрастным выражением на темном лице и немелодичным посвистыванием, морщившим его губы, в комнату вошел Грасиас. Он нес перекинутый через плечо легкий спальный тюфяк. Дверь за ним спокойно закрылась.

«Куда-то идешь?» — спросил он тоном небрежного любопытства. Непроизвольно Темпл широко улыбнулась. «Чтоб вас всех разорвало»,— проговорила она.— «Как ты это сделал?»

Он пожал плечами, стараясь притушить блеск глаз: «Все очень просто. Вспомогательный компком как раз над нами». Он кивнул в направлении компьютерного командного пункта, мимо которого она проходила.— «Корабельные сенсоры, регистрирующие движение, показали, где ты. Я видел, как ты вошла сюда. Поставил временную дополнительную защиту. Дал компьютеру задание не реагировать на тело, масса которого меньше моей. И в результате ты заперта здесь на час-другой».

«Тебе должно быть стыдно!» — она не могла сдержать улыбку. Его хитрость порадовала ее.— «Это самая безответственная вещь, о которой я когда-либо слышала. Если другие пьютеры тратят время, устанавливают дополнительную защиту, компьютер к концу нашего путешествия будет не в состоянии приготовить элементарный суп...»

Он не стал ловить ее счастливый взгляд: «Теперь слишком поздно». Все еще притворяясь бесстрастным — несмотря на некоторые явные признаки обратного —

он положил тюфяк перед собой на пол. «Заперты здесь еще на часок...» — когда Грасиас взглянул на Темпл, его черные глаза горели, как угли.— «Не хочу тратить его зря».

Она сделала попытку рассердиться: «Идиот!» И почти прыгнула в его объятия, как только он предоставил ей эту возможность. Они все еще несли свою вахту, когда зазвучал корабельный ревун, и компьютер привел «Надежду Эстер» в состояние аварийной готовности.

Темпл была ницианкой, а Грасиас — пьютером своей дежурной смены. Служба готовила их к выполнению этой работы почти с самого рождения. Они имели компьютерный доступ к величайшим знаниям, которыми располагала Эстер, всем тем огромным ресурсам, которыми проектировщики и конструкторы начинили «Надежду Эстер». В определенном смысле они были высочайшими горными вершинами на долгом пути восхождения Эстер к ее будущему: они в большей степени, чем дипломаты и библиотекари, воплощали то, к чему так упорно стремились эстерианцы на протяжении трех тысячелетий.

Сами термины «нициянец» и «пьютер» были всего лишь атавизмами, фрагментами слов, уцелевшими после трагедии Крушения, которые звучали магически и бессмысленно в течение всего последовавшего за Крушением неминуемого периода варварства. Сохранившиеся легенды рассказывали о пьютерах и ницианцах, пилотировавших огромный колонизаторский корабль «Эстер», устремившийся прочь от Земли. Сотни тысяч световых лет галактического вакуума отделили их от родного мира человеческой расы. На «Эстер», как и на всех гигантских кораблях, посылаемых с Земли для спасения человечества от позабытых теперь кризисов, большинство людей пребывали во сне века в течение всего космического путешествия, в то время как нициянцы и пьютеры проживали свои жизни и умирали поколения за поколениями, поддерживая безопасность и жизнь на корабле до тех пор, пока компьютеры и сканеры не обнаружат мир, пригодный для жизни его спящих обитателей.

Это была долгая и героическая работа, эта бесконечная вахта мужчин и женщин, которые управляли кораблем. В одном отношении им повезло: когда «Эстер» достигла своего последнего места передышки, это была поверхность планеты, богатой подходящим воздухом и растительностью, и почти лишенной враждебной фауны. Солнце планеты было всего на несколько градусов жарче

земного, сила тяжести всего на несколько единиц больше. Люди, которые вышли из сна и очутились на поверхности планеты в надежде на жизнь в новом мире, могли справедливо считать себя счастливчиками.

Но в другом отношении, нициапцы и пьютеры проиграли. Пока большинство ее обитателей пребывали во сне, «Эстер» работала сотни и тысячи лет — энтропия оставалась неизменной. Части корабля выходили из строя. Пьютеры и нициапцы занимались ремонтом. Другие части ломались, и их восстанавливали. Тогда на «Эстер» стало не хватать запасов и оборудования. Детали, что выходили из строя, ремонтировались за счет других. В конце пути нициапцы и пьютеры поддерживали жизнь корабля только благодаря своей изобретательности и смелости. Но они не смогли спасти его от крушения.

Крушение расстроило все, что планировали люди Земли для людей «Эстер». Компьютер вышел из строя, и банки его данных стали непоправимо бесполезны. Пожары уничтожили книги, что находились на корабле. Уцелели лишь те части оборудования, которые не могли работать без ионного генератора и не могли быть отремонтированы без дополнительного изготовления микросхем. Двигатели «Эстер» сгорели в ярком пламени от напряжения при попытке посадить корабль в условиях атмосферы и теперь навсегда остыли.

Почти восемьсот мужчин и женщин пережили Крушение, но у них ничего не было, чтобы поддерживать свое существование, за исключением знаний и владевшей ими решимости.

То, что потомки этих пионеров выжили, чтобы назвать свою планету Эстер и вначале не дать погибнуть жизни, а потом мечтать о будущем, о звездах, космических полетах и Земле — это дань скорее их мужеству, чем знаниям. Значительная часть их знаний не имела существенной ценности. Потомки настоящих пьютеров и нициапцев знали как управлять «Эстер», но едва ли понимали, как она функционировала. И никто из персонала не был обучен, как выжить в условиях настоящих джунглей. Что касается спящих, то если верить легенде, более десяти процентов из них были политиками. Еще двадцать процентов составляли те, без кого, по мнению политиков, никак нельзя было обойтись — секретарей, работников прессы, охраны и даже косметологов. Эти оставшиеся

шесть сотен индивидуумов едва ли знали, как выжить в условиях жестокой реальности.

И все же они нашли способ существования.

Сначала они просто физически выжили: путем экспериментов (порой с фатальным исходом) учились отличать съедобные растения от несъедобных; хорошо помнили, что такое огонь и вынесли с «Эстер» кое-какое имущество и оборудование, прежде, чем она взорвалась; сумели объединиться и правильно распределить обязанности.

Потом потребовалось проявить упорство: они нашли булыжники и заточили их края, чтобы обрабатывать растения; из листьев и шкур небольших животных изготовили для себя одежду; они научились плести убежища; они поддерживали свой род.

Затем они боролись. В конце концов, что можно ждать хорошего от жизни в мире, который они не могли покорить?

Наконец они стали приобретать знания, которые ранее утратили.

Обитатели новой Эстер считали, что это должно занять слишком много времени. Но судя по пути, который обычно проходят планетные цивилизации, эстерианская история развивалась с чрезвычайной быстротой. Тысячу лет спустя после Крушения люди Эстер вспомнили колесо. (Некоторые теоретики утверждали, что в действительности о колесе никогда не забывали. Но чтобы его использовать требовалась ровная поверхность — а Эстер была покрыта джунглями. И многие столетия никакое колесо не могло сравниться по ценности с хорошим топором. Старая память о колесе ждала своего часа до тех пор, пока Эстерианцы не расчистили достаточного пространства, чтобы ценность его стала очевидной.) Через тысячу лет после появления колеса к жизни был возвращен печатный пресс. (Одна из самых серьезных проблем за всю историю Эстерианцев до настоящего момента заключалась в том, что они не знали, как быть со всеми отходами, которые оставались после расчистки места для городов, полей и дорог. Появление бумаги до изобретения печатного станка лишь частично решало проблему.) Через тысячу лет после появления печатного станка «Надежда Эстер» была готова для осуществления своей миссии. Сами того не зная, люди Эстер на несколько тысячелетий превзошли срок, понадобившийся Земле, чтобы пройти этот же путь.

Многим они были обязаны своей решимости. Люди, прибывшие с Земли с целью сохранения и продления человеческого рода, без особой радости взирали на то, что было весьма далеким от ожидаемого. Но решимость не могла оставаться абстрактным приложением сил: люди должны знать, чего они хотят. В противном случае их ожидали бесконечные войны, так как решительные люди, не знающие, чего они хотят, обычно излишне агрессивны.

Так появилась мечта, формировавшая эстерианскую жизнь и цивилизацию начиная с самых ранних поколений, врожденное чувство общей цели и единого устремления — все это, стало успешно противостоять войнам, заставило людей делиться своими знаниями и вдохновляло прогресс, поддерживаемый легендами о Земле и Эстер.

Два поколения спустя после Крушения никто даже смутно не представлял, где находилась Земля: знания так же, как и инструменты для звездоплавания, были утрачены. Спустя еще два поколения после этого уже никто не представлял, как Земля выглядит. Еще через два поколения реальность космического полета стала будоражить воображение эстериан.

Но идеи выдержали испытания временем.

Земля.

Эстер.

Нициапцы и пьютеры.

Сон.

На Эстер в большей степени, чем где бы то ни было мечты давали пищу для целей. На Эстер развилась цивилизация, вскормленная легендами. У всех вместе и у каждого в отдельности образы и мечты, озарявшие разум во время сна, превращались в цели, которые направляли активный разум.

Заново открыть Землю.

И вернуться.

На протяжении веков это звучало абсурдно. Если бы это был сознательный выбор, а не всепланетная мечта, его давно бы сбросили со счета. Но поскольку это была мечта, едва уловимое воплощение лишь в поэзии, живописи и тайном молчании сердца, она сохранилась до тех пор, пока люди не созрели для ее осуществления.

А тем временем эстериане заново изобрели телескоп и другие воспринимающие устройства, достаточные, чтобы начать расшифровывать сигналы, поступающие из космоса.

Некоторые из них звучали так, словно их посылали с Земли.

Это было замечательное достижение. В конце концов передачи, на которые обратили внимание эстериане, не были предназначены для них. (В действительности, они вообще не могли быть предназначены для кого-либо. Они скорее, были похожи на случайные эмиссии — возможно, детрития, мира, который разговаривал сам с собой и своими планетами.) Они путешествовали так долго, прошли сквозь такое количество различных гравитационных колодцев (источников) на своем пути и были настолько рассеяны, что ни один даже самый смелый оптимист в обсерваториях Эстер не мог утверждать, что они были посланиями. В самом деле, это был всего лишь едва слышимый в эфире шепот, вздох, в сравнении с которым голоса других более далеких звезд звучали как крик.

Все же движимые призрачной мечтой эстериане создали аппаратуру, которая позволила им не только услышать этот шепот, выделить его из общей космической какофонии и сделать удивительно проницательное заключение о том, что (или кто) породил (или породило) его, но и идентифицировать возможный источник на звездных картах.

Эффект для Эстер был неожиданным. Говоря простыми словами, всеобщая мечта вдруг вышла из подсознания.

Земля. ЗЕМЛЯ.

После чего понадобилось всего несколько мгновений, чтобы кто-то сказал: «Мы должны попытаться полететь туда».

Именно то, что и делала в настоящий момент — спустя столетия колоссальных затрат глобальных ресурсов, времени, знаний и решимости — «Надежда Эстер».

Естественно,— люди есть люди — на Эстер было несколько мужчин и женщин, которые не верили в миссию. Но все же довольно большое число их верили — те, у кого было достаточно здравого смысла или врожденное презрение к осторожности. В результате, пока планировали и строили «Надежду Эстер», на планете развернулась всеобщая дискуссия. Некоторые люди продолжали твердить: «А что если это вовсе не Земля? Что, если это какая-то чужая нам планета, где не отличат человека от мышиного навоза и всем все равно?»

Или: «На таком расстоянии ваши расчеты могут иметь погрешность в десяток парсеков. Как вы предполагаете исправить это?»

Или: «А что, если корабль повстречает кого-то на своем пути? Поиск разумной жизни должен быть более важным, чем поиск Земли. А может быть, им не понравится вторжение нашего корабля в их пространство? Они могут взорвать «Надежду Эстер» — а потом прилететь сюда, чтобы посмотреть на нас».

Или, еще: «А что, если корабль пройдет весь путь до конца, и ничего там не обнаружит?»

Что ж, даже самый жаркий сторонник миссии мог признать, что это было бы тяжелым ударом, если бы «Надежда Эстер» прошла по галактике тысячи световых лет и потерпела неудачу. Размах планирования и подготовки полета, включающие проектирование корабля, отбор и обучение экипажа, изумлял. Но эстериане не приступали непосредственно к строительству корабля до тех пор, пока не нашли ответ на вопрос, который они считали основополагающим для миссии.

Возможно, для любой обитаемой планеты Галактики им стал бы вопрос о скорости. Тысяча световых лет — это слишком большое расстояние. Нужна была скорость передвижения выше скорости света. Но у эстериан было слепое пятно. Они знали из легенды, что их предки во время многовекового космического перелета пребывали во сне. Поэтому они просто не могли трезво подумать о каком-то другом способе путешествия. Они знали, как и Земля тысячелетия назад, что скорость света теоретически была абсолютно непреодолима: они верили в это, поэтому обратили свое внимание на другие аспекты.

Нет, больше их беспокоил вопрос безопасности. Они хотели послать «Надежду Эстер», будучи уверенными, что никакой пролетающий мимо недруг, метеоритный дождь или дипломатическая неудача не смогут расстроить ее.

Итак, к ее строительству не приступили до тех пор, пока какой-то плохо оплачиваемый преподаватель в каком-то беззвестном университете не обратил внимание людей на область исследований, над которой прежде смеялись:

С-вектор*.

Для людей, которые не выполняли домашние работы по теоретической математике или абстрактной физике, «С-вектор» можно было определить как «под прямым углом к скорости света». Это не имело ни для кого никакого смысла — но не мешало эстерианам этим развле-

---

* С-вектор — вектор скорости света *(прим. перев.)*.

каться. Не скоро они обнаружили, что можно построить генератор, проецирующий поле С-вектора.

Если такое поле проецировалось вокруг объекта, оно формировало непробиваемый щит-экран, который не могли пробить ни пули, ни лазерные пушки, ни водородные торпеды. (Любой снаряд или сила, ударяющие в щит, отклонялись в сторону «под правым углом к скорости света» и прекращали свое существование в материальном пространстве. Когда это было обнаружено, несколько ученых потратили не один год, ломая голову над тем, нельзя ли применить поле С-вектора для движения корабля со скоростью выше скорости света. Но никто из них не мог сформулировать, что это было за направление «под прямым углом к скорости света».) Казалось, что это, несомненно, можно использовать как оружие — направь поле на объект, смотри, как объект исчезнет — пока исследователи не выявили, что поле нельзя ни направить на объект, ни создать вокруг объекта, если объект и силовой генератор не были стационарно связаны друг с другом. К счастью, открытие С-вектора было учтено мужчинами и женщинами, проектирующими «Надежду Эстер».

Корабль, оборудованный С-векторными щитами был бы защищен от любой опасности, за исключением прямого столкновения со звездой. И, если бы корабль был оборудован С-векторным самоликвидатором, то Эстер была бы ограждена от любой неприятности, которая могла бы грозить команде «Надежды Эстер» извне или произойти по ее вине.

Сооружение корабля началось почти тотчас же.

И в конце концов было завершено.

Лингвисты, биологи и физики прошли подготовку. Медики и библиотекари были снабжены оборудованием. Дипломаты проинструктированы. Каждый из нацианцев и пьютеров знал, как разобрать «Надежду Эстер» до ее последней микросхемы и заново собрать ее (не упоминая команду «герго») из запасных частей.

Покидая орбиту, ложась на курс и набирая скорость, корабль оставил позади Филомел и Периуинкл и направился в галактический вакуум будущего. Для эстериан словно ожила легенда — словно мечта, робко существовавшая в человеческой душе с самого Крушения, поднялась во весь рост и стала реальностью.

Шестью месяцами позже, приблизительно, спустя 0,4 световых года после старта с Эстер, Темпл и Грасиас

не думали о легендах. Они не представляли себя защитниками мечты. Когда прозвучал аварийный сигнал тревоги, они поступили так, как поступил бы любой образованный, хорошо обученный, быстро соображающий представитель персонала Службы — они панически испугались.

В панике, как дети, бежали они, позабыв об одежде, в направлении ближайшего вспомогательного компьютерного командного пункта.

Грубо говоря, различие между нициапцами и пьютерами было таким же как между компьютером и его программным обеспечением — хотя у них, несомненно, было и много общего. Грасиас командовал действиями, которые Темпл выполняла физически. У нее бы ушли часы, чтобы понять, что он сделал с дверными сенсорами. Но, когда они, услышав сигнал тревоги, свернули тюфяк и устремились — она впереди, а Грасиас сзади — из капсулохранилища, а дверь не открылась, у него первого мороз пробежал по коже.

«Проклятье»,— проговорил он.— «Эта команда дополнительной защиты будет в силе еще двадцать минут».

Он выглядел так, словно в мыслях ругал себя последними словами, она вцепилась в него: «Держи ее открытой для меня, идиот».

Он покрутил пальцем у своего лба: «Правильно».

Почти налетев на сенсоры, он открыл дверь; она прошла мимо него в коридор. Но ей опять пришлось ждать его у двери в компьютерный компункт. «Ну, давай же, давай»,— с беспокойством говорила девушка,— «Что бы не означал этот сигнал, в нем нет ничего хорошего».

«Я знаю»,— пот, покрывший лицо, придавал ему выражение сильного испуга. Он мрачно прошел сквозь сенсорное поле в комнату вспомогательного компункта и направился к своему стулу у главного монитора компьютера.

Темпл последовала за ним и быстро заняла свое место напротив пульта управления. Несколько секунд никто из них не видел клавиш и показаний. Взгляды были прикованы к главному дисплею над пультами.

На экране радара на фоне далеких звезд автоматические сканеры корабля рисовали какое-то изображение. Даже на таком расстоянии Темпл и Грасиас не нуждались в компьютере, чтобы понять; точка света на экране двигалась. Они могли видеть, что звезды отсту-

пают по мере того, как сканеры фокусируются на изображении.

Это двигалось прямо на них.

Оно быстро приближалось.

«Астероид?» — спросила Темпл, скорее для того, чтобы услышать чей-то голос. Предполагалось, что компьютер приведет «Надежду Эстер» в состояние аварийной тревоги в том случае, если возникнет опасность столкновения с любым объектом, размер которого представляет опасность.

«Да, конечно»,— грубоватые пальцы Грасиаса проворно бегали по клавиатуре, передавая информацию на другие экраны вспомогательного компьютерного пункта. Вспыхивали цифры и графики.

«Если астероиды способны изменять курс».

«Изменять...?»

«Он только что сделал корректировку»,— подтвердил он.— «Идет прямо на нас. К тому же»,— он указал на экран слева,— «замедляя ход».

Она пристально смотрела на экран, видела, как скачут цифры. Цифры — это его стихия; он разбирался в них быстрее, чем она. Но она знала, что означают слова: «Это корабль».

Грасиас вел себя так, словно не услышал ее. Он наблюдал за экранами в состоянии, близком к обмороку.

«Но этого не может быть!» — продолжала она.— «Если так близко от Эстер находятся корабли, почему мы их никогда не слышали? Мы должны были запеленговать их передачи. Они тоже должны были услышать нас. Бог знает, как много шума производили наши передачи за последнюю пару столетий. Мы не собираемся приветствовать их?»

«Мы приветствуем»,— сказал он,— «нет ответа». Он выждал секунду, затем заявил: «Их размеры примерно в три раза превосходят наши». Это прозвучало ошеломляюще. Тщательно выговаривая слова, он сказал: «Компьютер показывает, что его замедление началось со скорости, превышающей скорость света».

Темпл ничего не могла с собой поделать. «Но это невозможно!» выкрикнула она.— «Твои глаза лгут. Проверь еще раз!» Он ударил еще по нескольким клавишам, и цифры на дисплее преобразовались в экстраполяционную кривую. Что бы она ни означала, приближающийся корабль все еще двигался быстрее «Надежды Эстер» — и все еще при этом сбавлял ход.

На секунду она закрыла лицо руками и сжала ладонями виски. Пульс бился, как после адреналиновой перегрузки. Но это была ее работа, то, к чему ее готовили. Она резко отбросила руки и вновь посмотрела на экраны. Объект приближался, но график не изменился.

Приближался со сверхсветовой скоростью. Несмотря на то, что эстерианские ученые утверждали, что это невозможно.

Ну, что ж, сказала она себе. Еще один закон природы коту под хвост. Но, спокойно. Спокойно.

«Почему они не вступают с нами в контакт?» — спросила она.— «Если мы знаем о них, то и они должны знать о нас».

«Им это не нужно»,— ответил Грасиас, не отрываясь от приборов.— «Сканируют нас с тех пор, как побили нормальную космическую скорость. Компьютер сообщает о наличии сканирующих лучей повсюду, достаточно чувствительных, чтобы измерить твое кровяное давление». Затем он замер и выпрямился, исторгая проклятье: «Зондирующие лучи пытаются проникнуть внутрь компьютера».

Темпл сжала подлокотники своего кресла. Она была бессильна, это его область: «Они способны это сделать? Ты сможешь их остановить?»

«Защита не пускает их».— Он изучал показания приборов, переводя взгляд с одного экрана на другой.— «Это не может продолжаться долго. Возьми управление компьютером на себя».

Не дождавшись ответа, он переключил свою клавиатуру на ее консоль и поднялся с сиденья. Быстро подошел к другой важной панели, к приборной доске дополнительной защиты. Теперь чувствуя себя неуверенно, поскольку всегда работала с инструментами или аппаратурной частью машины, она взяла на себя управление компьютером и стала следить за показаниями дисплея. Но буквы плыли, а от подсказок, казалось, не было прока. Работая в состоянии аварийной тревоги, компьютер продолжал просить ее ставить вопросы, но она не могла придумать ни одного. Вместо этого она спросила Грасиаса: «Что ты делаешь?»

Его руки бегали по клавиатуре вверх и вниз. Он обливался потом. «Меняю защиту»,— сказал он,— «Выполняю целую серию изменений, замыкая их в кольцо». Когда он закончил, ему понадобилась минута, чтобы проверить, что получилось. Он выразил толику удовлетворения

и вернулся на свое место. Переключая управление с консоля Темпл на свой, он сказал: «На этот раз компьютер нельзя взломать, зная лишь нынешний код. Нужно знать, какой код следует за ним. Петля изменяется довольно часто, что некоторое время сохранит нас в безопасности».

Она позволила себе вздохнуть с облегчением — и тихо выругаться от злости на приближающийся корабль. Ей не нравилось чувство бессилия: «Если эти сукины дети не смогут взломать компьютер, как ты думаешь, они попытаются вступить с нами в контакт?»

Он пожал плечами и взглянул на приборную доску: «Каналы открыты. Если они заговорят, мы услышим». Минуту он покусывал свою нижнюю губу. Затем откинулся на спинку кресла и повернулся к Темпл. Его глаза были черны от ужаса. «Мне это не нравится»,— отчетливо произнес он.— «Мне это совсем не нравится. Со скоростью, превосходящей скорость света, корабль движется прямо на нас. Прямо на Эстер. И они не пытаются заговорить, а вместо этого стараются взломать наш компьютер».

Она понимала его ужас. Ей самой было страшно. Пока он выглядел так, словно нуждался в ее помощи, она не думала о своих переживаниях. «Не хочешь ли ты сказать»,— проговорила она, нарочно растягивая слова так, чтобы они звучали насмешливо и спокойно,— «что к нам приближается враждебно настроенный объект?»

Он безмолвно кивнул.

«Что ж, мы неплохо защищены. Может быть, скорость света не так уж неуязвима, у нас есть С-векторный щит. Единственное, о чем нужно беспокоиться — это Эстер. Если этот корабль пронесется мимо нас, мы его никогда не догоним. Как далеко он сейчас?»

Грасиас повернулся к своей консоли и запросил несколько данных: «В пяти минутах». По его лицу не было видно, но по тону голоса она чувствовала, что он благодарен ей за это проявление спокойствия.

«Я не думаю, что нам следует ждать, что произойдет»,— продолжала она.— «Нужно сейчас же отправить послание домой».

«Это верно!» — он немедленно приступил к работе, набирая на дисплее данные, кратко излагая историю контакта «Надежды Эстер» с приближающимся кораблем. «Постоянный прием»,— бормотал он, набирая информацию для передатчиков.— «Всегда в духе време-

ни. Пусть Эстер знает, на что мы способны».

Темпл с одобрением кивнула, и вдруг от изумления широко разинула рот — цифры на экране превратились в электронный мусор. А из всех громкоговорителей внутри и снаружи корабля одновременно донесся шипящий звук перегоревшей проводки. Она еле удержалась, чтобы не закричать, но тренировка и здравый смысл взяли верх. Она знала, что это было. «Радиопомехи»,— сказал Грасиас.— «Они нас глушат». «С такого расстояния?» — поинтересовалась она.— «С такого расстояния? Этому сигналу»,— она проверила свои данные,— «понадобилось три с небольшим минуты, чтобы достичь нас. Как это у них получается?»

Несколько мгновений он не отвечал: был занят восстановлением порядка на дисплее. Затем сказал: «Они мчатся со сверхсветовой скоростью. Наши сканеры рядом с их просто игрушки. Почему бы и их радио не быть лучше?»

«А, может быть»,— хрипло вставила она,— «они начали глушить еще до начала нашей передачи, сразу, как только засекли нас?» Несмотря на свое желание выглядеть спокойной, она тяжело дышала. Неуверенность и злость в голосе выдавали ее.— «Ты не можешь прорваться?»

Он снова попытался и покачал головой: «Слишком плотно».

«Проклятие! Грасиас, что мы собираемся делать? Если мы не можем предупредить Эстер, все теперь зависит от нас. Если это враждебный корабль, нужно с ним как-то сражаться...»

«Наш построен не для этого»,— заметил он.— «Надежда Эстер» неповоротливая, как скала».

Она понимала. Корабль был рассчитан скорее на оборону, чем на нападение. Корабль был построен, во-первых, чтобы на нем могли выжить люди; во-вторых, чтобы до нужного момента «законсервировать информацию о своем родном мире. Как внешне, так и внутренне он не был приспособлен для участия в военных действиях. Те, кто проектировал миссию, даже не представляли себе возможности встречи с чужим (не говоря уже о вражеском) кораблем так близко от дома.

Оказалось, что кораблю нужно различное вооружение, большая скорость и гораздо меньшая масса. Но теперь уже ничего нельзя было изменить. «Нам нужно как-то занять их внимание»,— сказала она.— «Заставь

их прежде вступить с нами в контакт». Ее озарила идея: «Что наши сканеры узнали о них?»

«Не так уж много. Размер. Скорость».— Тогда, словно, интуитивно, он понял, что было у нее на уме: «Конечно, щиты. Выглядят, как обычные дезинтегрирующие силовые поля».

Она почти улыбалась: «Ты шутишь. Не С-векторные?»

«Нет».

«Тогда, возможно»,— была видна усиленная работа ее мысли.— «Возможно, мы что-то можем сделать. Если мы не в состоянии задержать их — может быть, мы сможем как-то поразить их,— а они не смогут нам ответить — может быть, тогда они не полетят на Эстер.

Грасиас, мы находимся с ними на одной траектории?» Он взглянул на нее.— «Не совсем. Расхождение в пределах одного километра».

Она заявила, словно была командиром корабля: «Поставь нас на их траекторию».

Улыбка рассеяла его сосредоточенность: «Слушаюсь, сэр, Темпл, мэм, сэр. Хорошая идея!»

Он начал медленно вводить в компьютер команды. Пока он вводил поправку на изменение курса «Надежды Эстер» и затем на следование курсом, пересекающим траекторию приближающегося корабля, Темпл надела ремни безопасности. Меньше трех минут, подумала она. Три минуты до удара. Мгновение ей казалось, что Грасиас движется *слишком медленно. Но прежде, чем она* успела что-либо сказать, *Грасиас оторвал руки от приборов* и начал пристегивать свои ремни безопасности. «Двадцать секунд»,— сказал он. Она обхватила себя руками: «Мы это почувствуем?» — «Инерционный сдвиг? Конечно».— «Нет, идиот. Мы почувствуем удар?»— Он пожал плечами: «Если мы столкнемся. Никто никогда не пробовал пробить С-векторный щит чем-то таким огромным». Живот Темпл повело в сторону, весь вспомогательный компьютерный компункт, казалось, закрутило, как волчок.

Поправка курса была произведена почти сразу: на скоростях, с которыми двигались «Надежда Эстер» и чужак, один километр уместился всего в один легкий поворот.

Менее двух с половиной минут. Если мы столкнемся... Она не могла сидеть и ожидать в молчании: «Что показывают сканеры? С этого расстояния мы должны бы уже сосчитать их зубы».

«Проверяю»,— ответил он. Нажав несколько клавиш, он получил на главном экране новые данные — и уставившись на них, не говорил ни слова. Его рот остался открытым; и все лицо выражало крайнее удивление.

«Грасиас?» Она сама взглянула на экран. Изо всех сил стараясь шевелить мозгами, она заставила себя посмотреть на колонки цифр. Она потеряла контроль над своим голосом и сорвалась на крик: «Грасиас!» — «Не могу в это поверить»,— шептал он.— «Нет, не могу поверить».

Как показывали сканеры, приближающийся корабль был битком набит компьютерами, оружием, оборудованием самого различного размера и формы, источниками механической и электрической энергии всевозможных видов — и ни одного живого существа.

«Совсем ничего»,— она попыталась произнести это, но сразу не удалось. У нее перехватило горло, и она не смогла говорить. Напряженные мышцы не позволяли ей даже сглотнуть.— «На корабле нет ничего живого!»

Внезапно «Надежда Эстер» сместилась по курсу, и Темпл почувствовала, что ее сердце было готово выпрыгнуть из груди. Чужак пытался уклониться от встречи, а «Надежда Эстер» отрабатывала свою поправку.

Одна минута.

«Это безумие!» — почти кричала она.— «Он движется быстрее света и начинает тормозить прямо перед нами, начинает глушить нашу передачу, и изменяет курс в попытке избежать с нами столкновения — и там на борту нет никого живого? А к кому нам обращаться, если мы захотим сдаться?»

«Не принимай близко к сердцу»,— сказал Грасиас,— «не все сразу. А что, если это искусственный интелект? Возможно, корабль думает сам. Или является автоматическим. Исследовательский зонд, например...»

Новое смещение курса не дало ему договорить. Сильный инерционный удар — слишком сильный. Ее голова дернулась влево. Сигнал тревоги заревел, как тысячи клаксонов. «Надежда Эстер» пыталась вновь лечь на курс столкновения с чужим кораблем, пыталась...

На экранах загорелись яркие предупредительные надписи, сигналы опасности, так же хорошо знакомые Темпл, как ее имя. Три корабельных двигателя подверглись критическому перегреванию. Один из них разрывался на кусочки, пытаясь выполнить смещение. «Надежда Эстер» не была предназначена для этого.

Темпл была ницианкой корабля, она не могла позволить на корабле поломку: «Останови!» — пыталась она перекричать вой сирен.— «Мы не должны это делать!»

Грасиас резко опустил руку на клавиатуру и отменил курс столкновения.

Опасность перегрузки уменьшилась. Индикаторы на приборной доске Темпл говорили о том, что повреждены моторы, заклинены сместившиеся в своих рамах двери, в медицинской секции выскочил замок, перевернуто несколько криогенных капсул. Сигнал тревоги внезапно стих.

В ту же секунду заревел сигнал предупреждения о столкновении, но и он смолк, внезапно наступившая тишина казалась громче всех сирен.

Взгляд Грасиаса упал на экраны. Он вовремя поймал картинку: другой корабль неясной металлической громадой прошел мимо так быстро, что глаз не мог уследить. Прошел на расстоянии, как показывали приборы, всего в несколько десятков метров. По размеру чужак напоминал крепость — массивную, квадратную, огромную.

Когда он пролетал мимо «Надежды Эстер», то выстрелил в упор ярко-красным столбом силового поля.

Все экраны во вспомогательном комкомпункте погасли. «Боже!» — выдохнул Грасиас.— «Сгорели сканеры?» Это уже была область Темпл. Ее еще пошатывало от пережитого шока: знать, что в «Надежду Эстер» стреляли! Но ее руки были натренированы до автоматизма, они знали, что делать. *Едва до нее дошло, что сказал* Грасиас, как она уже занималась диагностикой схем сканеров. Ответ промелькнул на экране перед ее глазами.

«Повреждений нет»,— сообщила она.

«Что тогда?» — В его голосе звучало беспокойство, желание скорее найти правильный ответ.

«У тебя есть развертка их луча?» — спросила она в свою очередь. «Достаточное для анализа? Прямой угол к скорости света не является ли постоянным направлением для любой силы? Возможно, С-вектор послал его в какое-то свернутое поле».

Вот то, что ему было нужно: «Правильно!» Руки Грасиаса снова замелькали над приборной панелью.

Почти тотчас он получил ответ: «Ионный луч. Без щита нас бы разложили до субатомного уровня. Сканеры работают, только пропало визуальное изображение. Имеется отставание визуального образа на одну секунду».

«Хорошо». Она проверила свои данные и убедилась

в том, что попытки «Надежды Эстер» маневрировать с чужаком не причинили ей большого вреда. В то же время Темпл себя успокаивала, что сила чужого ионного луча не ощущалась за щитом. Тогда она вновь обратила свое внимание на экраны и Грасиаса:

«Что же сейчас делает наш друг?»

Он что-то пробурчал и кивнул на главный дисплей. Компьютер строил новый график, показывающий курс другого корабля относительно «Надежды Эстер».

Она смотрела, не веря своим глазам. Это было невозможно. Невозможно кораблю таких размеров, летящего с такой скоростью, сделать такой резкий поворот.

Но, конечно, думала она с неясным чувством, близким к помешательству, на борту нет ни единого живого существа, чтобы почувствовать стресс перегрузки.

«Ну, что»,— она сглотнула, голос ее дрожал,— «по крайней мере, мы привлекли их внимание».

Грасиас попытался рассмеяться, но его смех был скорее похож на хрип: «Хорошо для нас. Но что теперь?»

«Мы могли бы попытаться сбежать»,— предложила она. «Сделай так, чтобы расстояние между нами и домом увеличилось, и как можно скорее».

Он покачал головой: «Это не сработает. Они гораздо быстрее».

«Кроме того»,— прохрипела она,— «за нами тянется такой хвост частиц, что даже мы могли бы по нему определить дорогу назад к Эстер. К тому же беспрестанная радиоболтовня... Если этот механический бегемот захочет найти наш родной дом, мы же сами и помогли».

Грасиас оторвался от пульта управления и вместе с креслом повернулся к Темпл. Выражение его лица обеспокоило ее. Глаза казались скучными, почти пустыми, словно от напряжения ум потерял свою остроту.— «У нас есть выбор?» — спросил он.

Мысль о том, что он мог погубить «Надежду Эстер», панически билась в ее голове; но девушка заставила ее отступить. «Конечно»,— быстро выговорила она, стараясь передать ему хоть каплю своей ярости.— «Мы можем бороться!»

Его глаза не смотрели на нее. «Конечно, у нас есть лазерная пушка»,— сказал он.— «Водородные торпеды. Но корабль, как этот»,— он кивнул в сторону экрана,— «оснащен такой защитой, которую мы не сумеем пробить. Как мы можем бороться?»

«Ты сказал, что у них всего лишь щиты, разрушающие

силовые поля. Мы можем достать их. Любой непрерывный обстрел способен их пробить. Вот почему «Надежду Эстер» не начинали строить, пока не смогли додуматься до чего-то лучшего».

Он все еще не поднимал глаз. Тщательно выговаривая слова, произнес: «Я не думаю, что мы можем пробить щиты корабля».

Темпл обрушила удар на край своей приборной доски. «Черт побери, Грасиас! Нам следует попытаться! Мы не можем сидеть и ждать, когда они решатся сделать что-то ужасное с нашим миром. Если тебе все равно»,— она резко откинулась назад, сделала глубокий вздох и слегка задержала, чтобы немного прийти в себя, затем спокойно сказала: «Переключи компьютер на меня. Я сделаю это сама».

В течение одной минуты он сидел, не шевелясь, и смотрел куда-то мимо ее подбородка. Затем медленно кивнул и вяло повернулся к своему пульту.

Но вместо того, чтобы переключить компьютер на Темпл, он отдал ему приказ начать торможение «Надежды Эстер». Чтобы, потеряв инерцию, корабль стал более маневренным.

Тихо, сквозь зубы Темпл издала вздох облегчения. Пока «Надежда Эстер» тормозила, врезая стропы в тело Темпл, а лишенный жизни чужой корабль продолжал свой невозможный разворот, девушка на своей приборной доске начала разблокировку вооружения. Вереница огоньков на табло показывала состояние каждой единицы военного снаряжения «Надежды Эстер».

Никто не ожидал, что будет так, думала она про себя. Они никогда бы не могла представить себе, что это случится. Если бы миссия Эстер повстречалась с какой-то неожиданной формой жизни, другим космическим судном, планетарным разумом, все должно было идти по-иному. Ожидалось, что будет холодное недоверие, страх неизвестности; желание защитить свой мир; проблемы коммуникации; мудрая предосторожность — только не неспровоцированная атака. Только не решительное сражение в центре бесконечности, когда на карту поставлено само существование Эстер.

Только не с кораблем, набитым техникой и без единого живого существа. Неужели настал решающий момент?

Хорошо: какой цели может служить подобный корабль? Исследовательский зонд? Тогда бы он не проявлял

враждебность. Оборонительный заслон для теоретически безопасного сектора Вселенной, покой которого нарушила «Надежда Эстер»? Но они находились по крайней мере на расстоянии пятидесяти световых лет от ближайшей к Эстер звезды; и невозможно было себе представить интеллект настолько параноидальный, чтобы сфера его территориальных интересов простиралась так далеко. Или какой-то вид автоматического оружия? Но у Эстер не было никаких врагов.

Ни одно из предположений не имело смысла. По мере того, как она пыталась расставить все по полочкам, замешательство росло и грозило перерасти в панику.

К счастью, Грасиас выбрал именно этот момент, чтобы хрипло спросить ее: «Готово? Он быстро меняет курс и идет прямо на нас. Будет на линии через минуту».

Она сделала попытку взять под контроль дыхание, отогнать прочь зарождающийся страх. «Дай уклоняющийся курс»,— сказала она,— «и переадресуй его на мою панель». Военная программа предполагала знание точного курса следования «Надежды Эстер», чтобы использовать оружие более эффективно.

«Зачем?» — спросил он.— «Нам не нужно уклоняться. Щит нас прикроет».

«Пусть они гадают»,— в ее голосе явственно чувствовалось напряжение.— «И покажи, что мы можем ударить их с ходу. Сделай это!»

Ей казалось, что он движется слишком медленно. Но быстрее, чем смогла бы она, он выстроил на дисплее курс следования чужого корабля и смещение, которое должна была проделать «Надежда Эстер».

Девушка попыталась вытереть пот с ладоней о свои голые ноги, но это не слишком помогало. Рассердившись, она резко опустила их на пульт управления вооружением.

Схема Грасиаса оставалась на основном экране; но дисплей напротив позволял ей видеть, как чужой корабль, подлетевший ярким металлическим снарядом Галактики, был готов ударить по «Надежде Эстер» со всего размаху. Внезапно с неистовой яростью, словно другой корабль действительно собирался ее уничтожить, Темпл открыла огонь.

Лучи света из всех лазерных амбразур, которые компьютер мог одновременно задействовать, ударили по чужаку.

Хотя корабль был огромен, лучи сфокусировались на одной единственной секции: Темпл пыталась усилить

их воздействие. Когда они попали в разрушающее силу поле, свет внезапно заиграл всеми цветами спектра, порождая радужное сверкание.

«Результат отрицательный»,— сообщил Грасиас, в это время «Надежда Эстер» выполняла свое первое смещение по курсу,— «Никакого эффекта».

Она почувствовала, как ремни врезаются в тело, кожа щек напряглась. Темпл дала команду на ведение продолжительного огня, а сама старалась удерживать голову в таком положении, чтобы видеть происходящее на экране.

Пока ее лазеры превращали щиты чужого корабля в игру фейерверка, из него вырвался в сторону «Надежды Эстер» прямой, как пика, ярко-красный столб мощного излучения.

Изображение на экранах снова пропало.

Но в этот раз Грасиас был наготове. Пока нельзя было воспользоваться экранами для визуального наблюдения, он вывел на дисплей данные сканеров. Темпл увидела свой лазерный огонь в виде уравнений на графике, связывающим «Надежду Эстер» с необитаемым кораблем. Каждые несколько секунд линия возвращалась другим путем — ионный луч был так точен, словно «Надежда Эстер» стояла на месте. «Никакого эффекта?» — задыхаясь, спросила она Грасиаса, поскольку новый поворот «Надежды Эстер» бросил ее на другую сторону кресла.— «Мы жестко обстреливаем их. Должен быть какой-нибудь результат!»

«Результат отрицательный»,— повторил он. «Этот щит разлагает силу почти тотчас, как она в него входит. Он не разрушается».

Нападающий прошел мимо. Через мгновения он будет вне досягаемости лазерных пушек Темпл.

«Отмени поправку на смещение»,— быстро проговорила она, отменяя непрерывный огонь.— «Следуй за ним. Так быстро, как только можем. Дай мне шанс послать торпеду».

«Хорошо»,— ответил он. И секундой позже неимоверная перегрузка навалилась на нее, так как все корабельные двигатели заработали в полную силу, с ревом набирая скорость.

«Надежда Эстер» легла на курс чужака и сделала все возможное, чтобы уравнять скорость.

«Сейчас»,— пробормотала Темпл,— «сейчас, прежде, чем они начнут поворачивать». Быстро нажимая нужные

клавиши на пульте управления вооружением, она запрограммировала настоящий шквал огня из водородных торпед. Затем по компьютеру сверила координаты курса. «Вперед!» — нажимая сразу всей ладонью на пусковые кнопки, она выстрелила.

Компьютер автоматически отменил С-векторную защиту, чтобы беспрепятственно пропустить торпеды. Выпущенные из шахт почти со скоростью движения «Надежды Эстер», они практически мгновенно достигли 0,95 скорости света и устремились за другим кораблем.

Грасиас не ждал указаний Темпл. Он скомандовал двигателям обратный ход, замедляя «Надежду Эстер», чтобы оказаться как можно дальше от взрыва, когда торпеды попадут в цель.

Если они попадут... Кривая сканера на дисплее указывала на то, что чужак начал разворот.

«Давай»,— выдохнула Темпл. Бессознательно она обрушила кулаки на ручки кресла.— «Давай же! Ударь этого мерзавца! Ударь его!»

«Столкновение»,— подытожил он, когда все сигналы на экране сошлись.

В это мгновение изображение восстановилось. Они видели, как горячий белый шар лопнул, разбрасывая энергию взрыва во все стороны.

Затем изображение на экране и данные сканеров на долгие секунды расстроились. Детонация такого количества водородных торпед превратила все пространство вокруг «Надежды Эстер» в сплошной хаос: происходила эмиссия энергии на каждой частоте; формировались и распадались сверхзаряженные частицы, освобожденные силой взрыва.

«Мы достали его»,— проговорил Грасиас.

Темпл, крепко сжав ручки кресла, вглядывалась в беспорядок на экранах: «Как думаешь, они могут противостоять этому?»

Он даже не пожал плечами. Он выглядел совершенно обессиленным: «Не нанесли бы ответный удар...»

«Ты не можешь расчистить экраны? Нам нужно видеть».

«Компьютер сейчас этим занимается».— Минутой позже: «Ну, вот оно появляется».

Экраны прояснились и сканеры нарисовали перед ним новую кривую. Она показывала, что чужак круто развернулся и возвращался к «Надежде Эстер».

Результат опять был отрицательным. Никакого повреждения!

«О Боже»,— вздохнула она.— «Я не могу этому поверить». Казалось, что силы оставили ее. Она обмякла в ремнях: «Что же нам сделать теперь?»

Он продолжал всматриваться в экраны, пока нападающий корабль заканчивал разворот. Тогда он сказал: «Не знаю. Снова попробуем столкновение?»

Так как она не ответила, он запросил об этом компьютер, дав задание ждать до самой последней минуты — учитывая плохую маневренность «Надежды Эстер» — а затем поставить корабль на пути следования чужака. После этого он переключил управление на автоматический режим и прислонился к спинке кресла, удерживаемый стропами. К ее удивлению, он широко зевнул.

«Нужно поспать»,— невнятно пробормотал он. «Радуйся, когда смещение будет закончено».

От удивления и страха она повела себя дерзко: «Ты рассуждаешь не слишком трезво, Грасиас!» Он был нужен ей, но, казалось, что он удаляется все дальше и дальше. «Как ты думаешь, после всего этого миссия сможет продолжаться?» Какие у нас шансы, что корабль сдастся и отпустит нас? Бог мой, там нет ни одного живого существа! Все это сплошная машина. Может оставаться здесь и бомбить нас веками, и ей это даже не надоест. Или обратит свое внимание на Эстер, которая сроит С-векторный щит, достаточно большой, чтобы прикрыть им всю планету,— и забудут о нас, оставит здесь, чтобы напасть на наш родной мир, потому что мы ничего не можем сделать, чтобы остановить ее, а Эстер беззащитна. Мы даже не знаем, чего она хочет. Мы...»

Она могла бы еще продолжать; но в этот момент компьютер бросил «Надежду Эстер» прямо перед чужаком. Двигатели взревели, стремясь к столкновению, которого стальной монстр не мог бы избежать. Темпл чувствовала, что удерживающие ее стропы словно кромсали тело на кусочки. Она хотела закричать, но даже не смогла набрать в легкие и глотка воздуха.

На дисплее начали появляться данные о повреждениях и другие показатели.

Но чужой корабль свернул в сторону и прошел мимо, даже избежав прикосновения.

Секунду «Надежда Эстер» поддергивалась, стараясь следовать за своим противником. Тогда Грасиас заставил себя выпрямиться и отменил команду на столкновение.

Тотчас перегрузки ослабли. Корабль следовал новым курсом, предопределенном инерцией, а чужак разворачивался, чтобы идти за «Надеждой Эстер».

«Проклятье»,— тихо сказал он.— «Проклятье...»

Темпл в ремнях безопасности дала себе передышку. Мы не можем, думала она вяло. Не можем даже врезаться в эту штуковину. Она не может разрушить нас, а мы — причинить вред ей. «Надежду Эстер» не замышляли как боевой корабль. Не предполагали, что ей придется сражаться, защищая свой родной мир: полагали, что она сделает это с помощью умелой дипломатии, и держась на расстоянии. А если худому суждено обернуться еще худшим, предполагалось, что она защитит Эстер... своим невозвращением. Это была миссия мира, миссия мечты Эстер, корабль не предназначался для иного сражения, кроме как за свое собственное выживание.

«По некоторым причинам»,— пробормотала Темпл в тишине вспомогательного комкомпункта,— «это не совсем то, чего я хотела, когда вступала в ряды Службы».

Грасиас тоже собрался что-то сказать. Но шипящий звук перегоревшей проводки, доносящийся из громкоговорителей, оборвал его. Этот звук обжег Темпл, как плевок кипящего масла.

Это не были радиопомехи. Она видела это на табло данных, мельтешащих на экране. Это был еще один сканирующий зонд, как тот, что пытался ранее проникнуть в компьютер. Но теперь он продирался в незащищенные внутрикабельные коммуникационные средства.

После начальных всплесков статического электричества звуки начали меняться. Шипение превратилось в свист и вздохи, завывание и ворчание. Минуту ей казалось, что она слышит какую-то непостижимо чужую речь. Но прежде, чем она смогла запустить компьютерную программу перевода — или попросить об этом Грасиаса — интерференция в телефонах уменьшилась, и стали различимы голос и слова.

Голос раздался одновременно изо всех репродукторов вспомогательного комкомпункта.

Слова, которые поняли Темпл и Грасиас.

Голос звучал, как из плохо отрегулированного динамика, металлический и бесстрастный. Но слова были отчетливо слышны:

«Сдавайся, «bad life». Ты будешь уничтожена».

Сканирующий зонд усилил звук всех репродукторов. Голос был настолько громким, что, казалось, сорвет с петель дверь комкомпункта.

Непроизвольно Темпл выдохнула: «Боже правый, что это за дьявольщина?»

Грасиас ответил, хотя все было и так ясно: «Другой корабль. Говорит с нами». Это прозвучало серо, устало, почти без всяких интонаций.

«Без тебя знаю!» — резко выкрикнула она.— «Ради бога, проснись!» Внезапно она шлепнула ладонью по своей приборной доске, открыла радиоканал. «Кто вы?» — задала Темпл вопрос в свой микрофон.— «Что вы хотите? Мы не представляем угрозы. Наша миссия миролюбива. Почему вы атакуете нас?»

Графики сканера на главном экране показывали, что чужой корабль закончил разворот и доставал «Надежду Эстер». Сейчас он подгонял под нее свою скорость и курс, возвышаясь неясной тенью на расстоянии около полукилометра.

«Сдавайтесь»,— вновь раздалось из репродуктора.— «Вы плохая форма жизни. Вы будете уничтожены. Вы должны сдаться».

Ослабев от страха и напряжения, не в состоянии больше контролировать себя, Темпл с силой отшвырнула микрофон, и, повернувшись к Грасиасу вместе с креслом, уставилась на него. «Ты не можешь это выключить? Просто разрываются барабанные перепонки!»

Медленно, словно в полусне, он нажал несколько кнопок на своем пульте. Едва взглянув на показания дисплея, пробормотал: «Проблема с аппаратурой. Сканирующий зонд мощнее питания компьютера. Нужно уменьшить звук вручную». Потом широко раскрыл глаза, так, словно увидел что-то, способное удивить его даже в таком заторможенном состоянии: «Задействованы репродукторы только здесь. В этой комнате. Скотина точно знает, где находимся мы и каждый винтик рядом с нами».

Это было непостижимо. Это было настолько невероятно, что до предела обострило ее внимание, позволило максимально собраться несмотря на паническое чувство страха. «Подожди минуточку»,— сказала она.— «Они что, используют только эти громкоговорители? В этой комнате? Как они могли знать, что мы здесь? Грасиас, ведь на борту находятся триста девяносто два человека. Как они могли узнать, что бодрствуем лишь мы вдвоем, ты и я?»

«Вы должны сдаться»,— снова пронзительно завопили репродукторы.— «Вы не можете спастись бегством. У вас нет скорости. Вы не можете сражаться. Ваше вооружение слабо. Когда ваша защита будет разбита, вы окажетесь бессильны. Ваши секреты будут разграбаны. Только сдача в плен позволит сохранить ваши жизни».

Она снова включила свой микрофон: «Нет. Вы ошибаетесь. Мы не представляем опасности для вас. Кто вы? Чего вы хотите?»

«Смерти»,— последовал ответ.— «Смерти для всего живого. Смерти для всех миров. Вы должны сдаться».

Грасиас закрыл глаза. Не глядя, он положил руки на приборную доску и вывел визуальное изображение на главный экран. Дисплей показал плывущий рядом с «Надеждой Эстер» враждебный корабль, похожий на порожденную небом военную крепость. Он так точно выдерживал дистанцию, что казался неподвижным. Он казался таким близким, что Темпл подумала, что могла бы достать его ракетой.

«Возможно»,— вздохнул Грасиас,— «они не знают, что мы единственные, кто бодрствует».

Она не могла понять, о чем он думает; но ухватилась за эти слова, как за спасительную соломинку.

«Что ты имеешь в виду?»

Он не открыл глаз. «Криогеннозамороженные»,— сказал он.— «Жизненные функции столь заторможены, что мониторы едва могут уловить их. Капсулы — это просто оборудование. Даже компьютер не выдаст их. Может быть, сканирующий зонд думает, что мы единственные живые существа на борту?»

Она затаила дыхание: «Если это так...» В ее голове промелькнули идеи: «Они, наверно хотят, чтобы мы сдались, так как не могут раскусить наши щиты. И потому, что хотят знать, что мы, вдвоем, здесь делаем, на таком большом корабле. Идти на Эстер, не зная ответов на подобные вопросы, должно быть для них равносильно самоубийству. И пока они будут пытаться пробить нашу защиту, они, пожалуй, останутся здесь.

«Грасиас»,— ее сердце тяжело билось от безрассудной надежды,— «сколько времени тебе понадобилось бы, чтобы дополнительно защитить компьютер и направить С-векторное поле на тот корабль? Сейчас мы неподвижны относительно друг друга. Мы можем применить наш генератор поля как оружие».

Его глаза расширились, когда он повернул к

Темпл голову, то он выглядел больным. «Сколько времени тебе понадобится»,— спросил он,— «чтобы перестроить генератор для такого проецирования? И что мы будем использовать взамен щитов, пока ты работаешь?»

Он был прав: она знала это еще до того, как услышала его вопрос. Однако должно же быть что-то, что они могли предпринять, должно. Они не могли на протяжении тысячелетий спокойно плыть в космической пустоте, когда их родному миру грозила опасность уничтожения.

Должен был существовать какой-то выход. Репродукторы вновь начали твердить: «Bad life», вы предупреждены. Сейчас начнется деструкция вашего корабля. Вы должны сдаться, чтобы спасти ваши жизни».

«Bad life»,— в замешательстве думала она про себя. Что это значило? — «Плохая жизнь?» Не является ли этот корабль каким-то видом автоматического оружия, неистово странствующим по просторам галактики, берсеркером — палящим во все стороны и уничтожающим вокруг все то, что он называет «скверной жизнью»?

Как он собирается уничтожить «Надежду Эстер»?

Не пришлось долго ждать, чтобы выяснить это. Почти сразу она почувствовала всем телом, что тяжелый металлический корпус начал вибрировать до самого винтика. Долей секунды позже незначительная вспышка света на атакующем судне показала, что там применили какое-то реактивное оружие.

Взревели сигналы тревоги, и индикаторы повреждений на пульте Темпл начали выдавать данные о происходящем бедствии.

Высокий профессионализм взял верх над растерянностью. Ее руки плясали на приборной доске, выводя данные на дисплей: «Мы получили удар. Сквозь щит. Пробит корпус». Все три слоя металлической обшивки корабля. Я не знаю, что это было, но оно оставило дыру до самой стены внешней раковины.

Грасиас прервал ее: «Как велико повреждение?» — «Около одного квадратного метра». Она вернулась к своему сообщению.— «Компьютер закрывает пневматические двери, изолируя пробоину. Потери минимальные — мы потеряли один теплообменник для регуляции климата. Но если они повторят атаку, может выйти из строя что-то более жизненно важное». Полагаясь на С-векторные щиты, строители «Надежды Эстер» не удосужились сделать ее менее уязвимой.

Чужак повторил удар. Раздался новый глухой звук

разрывающейся бумаги. Еще одна небольшая вспышка света на корабле нападения. Снова сигнал тревоги. Пульт управления Темпл выглядел так, словно проводил мониторинг сумасшедшего дома.

«В то же место»,— проговорила она, борясь с нарастающим желанием закричать.— «Пробита внешняя раковина. Незначительные потери воздуха. Компьютер закрыл еще несколько пневматических дверей». Она продолжала подавать пульту управления команды. «Экстраполируя траекторию выстрелов, продолжаю закрывать пневматические двери на пути их следования». Затем она стала определять вероятный объем повреждений, исходя из разрушительной силы снарядов: «Еще два таких удара и будет пробита средняя раковина криогенной камеры. Мы начнем терять людей».

А если снаряды будут продолжать лупить в одно и то же место, в глубь корабля, они непременно достигнут С-векторного генератора.

Дело обстояло именно так: «Надежда Эстер» могла быть уничтожена.

Грасиас, что это? Предполагалось, что это невозможно. Как они такое с нами делают?»

«Все происходит слишком быстро, чтобы сканеры могли уследить»,— несмотря на ступор, он уже вывел на экран все ответы на вопросы, которые ему были нужны.— «Снаряды вылетают со сверхсветовой скоростью. Вспышка света появляется после попадания. Они бы нас испарили, если бы не щиты. С-вектор снижает скорость до нормальной космической, когда снаряд уже внутри поля. Корабль не был рассчитан на это».

Быстрее света — на мгновение ее мозг отказался понимать слова. Снаряд, движущийся со сверхсветовой скоростью. Когда он врезается в щит, значительная часть его энергии уходит под прямым углом к скорости света и тормозит его. Только тормозит, не в силах остановить.

Словно в насмешку, вновь взорвались репродукторы: «Нам нужен ваш корабль целым и невредимым. Сдавайтесь. Мы сохраним вам жизнь. Вам будет дарована возможность жить, как «good life».

В крайнем волнении, не сознавая, что она делает, Темпл резким движением включила радиоканал: «Заткнись!!» — закричала она в темноту пространства, отделяющего «Надежду Эстер» от чужака. «Прекрати обстрел! Дай нам возможность подумать! Как мы можем

сдаться, если у нас нет даже шанса подумать?»

Хватая ртом воздух, она взглянула на Грасиаса. Она испытывала чувство ярости и не знала, как с этим справиться. Его глаза, полуприкрытые веками, были пусты: словно он собирался заснуть. Испытывая от страха тошноту, она жарко зашептала ему: «Сделай что-нибудь! Ты же корабельный пьютер. Ты должен наблюдать за ним. У тебя должно быть какое-то решение. Они не могут поступить так с моим кораблем!»

Медленно — слишком медленно — он повернулся к ней. Его шея, казалось, была не в состоянии держать голову прямо. «Сделать что? Щиты — это все, что у нас есть. Но сейчас они бесполезны. У этой» — его лицо исказила гримаса,— «у этой штуковины есть все. Мы ничего не можем сделать».

В гневе она сорвала ремни безопасности, вскочила с места и подбежала к нему, чтобы растормошить. «Должно что-то быть, что мы в силах сделать!» — кричала она ему прямо в лицо. «Мы люди, а это чудовище — ничто, всего лишь набор микросхем и обезумевших программ. Мы превосходим его! Не сдавайся! Подумай!»

Некоторое мгновение Грасиас пристально смотрел на нее. Потом издал пустой смешок. «Что хорошего в том, что мы люди? Это не аргумент. Имеет значение только интеллект и мощь. У этих машин — интеллект. Возможно, гораздо выше нашего. Они шагнули дальше нас в развитии. У них огромная мощь». Он равнодушно повторил: «Ничего мы не можем сделать».

В ответ она хотела разозлить его. «Мы можем не сдаваться в плен! Мы можем продолжить сражаться! Нас не победить, если мы достаточно упрямы в желании бороться!» Но как только Темпл подумала об этом, она поняла, что была неправа. Ничего в жизни не могло быть упрямее машины, выполняющей то, что ей велено.

«Но интеллект и сила — это еще не все»,— запротестовала она, настойчиво пытаясь найти то, что искала, во что могла верить, что способно пробудить Грасиаса.— «А как же эмоции? Этот корабль не может никого любить. Да, как насчет любви?»

Когда она это произнесла, он поморщился. Небрежно закрыл лицо руками, и все тело его передернулось.

«Ну, что ж»,— продолжала она, слишком отчаявшаяся, чтобы оттягивать дальше,— «мы можем использовать самоликвидатор. Уничтожить «Надежду Эстер»,» — эти слова застряли у нее в горле, но она заста-

вила себя произнести их,— «лишить их возможности узнать, как устроен генератор щита. Альтруизм. Вот чего у них наверняка нет».

Он резко оторвал руки от лица, сжал кулаки и обрушил на ручки сиденья. «Прекрати»,— прошептал он.— «Прекрати. Машины еще какие альтруисты! Они совершенно не думают о себе. Единственное, чего они не могут — это почувствовать себя плохо, если у них отнять то, чем они хотят обладать. В любое мгновение они возобновят обстрел. Мы — мертвецы, и ничего уже нельзя сделать, ничего. Прекрати мучать меня».

Его злость и отказ должны были обидеть ее. Но он пробудился и был оживлен, а в глазах горел тот огонь, который она любила. Вдруг Темпл почувствовала, что она больше не одна: он вернулся из своего состояния неосознанного ужаса. «Грасиас»,— мягко проговорила она.— «Грасиас...» В потаенных уголках ее мозга зародилась мысль, пугающая и обнадеживающая, мысль, которую она боялась высказать вслух: «Мы можем всех разбудить. Может быть кто-то другой что-то придумает. Можем поставить вопрос на голосование. Пусть миссия примет свое собственное решение».

«Или мы можем...»

То, о чем подумала Темпл, испугало ее до безумия, но тем не менее она все рассказала Грасиасу. Потом позволила ему орать на себя до тех пор, пока он не исчерпал все аргументы против.

В конце концов они должны были спасти Эстер.

Ее часть подготовки была достаточно простой. Она оставила его во вспомогательном комкомпункте и на ближайшем подъемнике спустилась во внутреннюю раковину. Сначала она зашла на склад, чтобы взять свои инструменты и магнитные сани. Затем отправилась на центральный командный пункт.

Там она включила радиоканал. Надеясь на то, что чужак ее слушает, сказала: «Я Темпл. Мой напарник сошел с ума — он хочет сражаться. Я же хочу сдаться. Мне нужно убить его. Но это будет нелегко. Дайте мне время. Я собираюсь отключить щиты».

Она набрала побольше воздуха и заставила себя вздохнуть. Поймет ли чужак, что означает вздох? — «К несчастью, когда щиты будут отключены, автоматически сработает самоликвидатор. Его я не могу обезвредить. Поэтому не пытайтесь захватить корабль. Его

вместе с вами разорвет в клочья. Я сама выйду к вам.

Я хочу быть хорошей формой жизни, а не плохой. Чтобы доказать свою преданность, я собираюсь принести с собой портативный генератор С-векторного поля, которое мы используем в качестве щита. Вы сможете ознакомиться с ним, узнать, как он работает. Он вам действительно нужен».— Чужой корабль, возможно, мог почувствовать напряженность ее голоса. Она сделала над собой сверхусилие, чтобы придать интонации больше сарказма.— «Вы бы уже погибли, если бы это не была мирная миссия. Мы знаем, как пробить ваши щиты — у нас просто здесь нет мощного оружия».

Вот так. Она отключила передатчик. Дала им немного времени на обдумывание.

В центральном комкомпункте она открыла один из входных люков, взяла свои инструменты и магнитные сани и спустилась вниз, в самое сердце «Надежды Эстер», где функционировало наиболее жизненно важное оборудование корабля — компьютерные банки данных, индуктор искусственной гравитации, первичная система поддержания жизни, С-векторный генератор.

Пока она работала, то не разговаривала с Грасиасом. Ей хотелось знать, как он там; но ей уже было известно, что линии внутренней коммуникации находились в пределах досягаемости сканирующего зонда.

В относительно короткий срок — Темпл была ницианкой «Надежды Эстер» и хорошо знала, что делает — она отключила самоликвидатор корабля от компьютерных линий и погрузила его на магнитные сани. Величина устройства (прозванного проектировщиками миссис «чёрный ящик») составляла не более половины человеческого роста. Но это был полнокровно функционирующий независимо от «Надежды Эстер» С-векторный генератор, способный в одиночку, только своими энергетическими ячейками отправить целый корабль под прямым углом к скорости света. Поскольку компьютерные провода были отключены, Грасиас ничего не мог сделать, чтобы уничтожить корабль; но прежде, чем отправить сани, Темпл убедилась в том, что радиотригтер самоликвидатора был в боевой готовности.

Теперь, покинув центральный комкомпункт, она отправилась на подъемнике в камеру средней раковины, где находились ее и Грасиаса криогенные капсулы. Его там еще не было. В ожидании, она обошла комнату вокруг и отключила все репродукторы. Она надеялась, что ее

перемещения со стороны выглядит так, словно одна незаметная форма жизни готовила ловушку для другой.

Его долго не было. Задержка вызвала в ней чувство глухого раздражения. Неужели он снова впал в коматозное состояние? А, может быть, изменил свое решение — предположив, что она сошла с ума? Он так смотрел на нее, словно она просила помочь совершить самоубийство. А что, если сам он...?

Дверь с шорохом отворилась, и Грасиас почти вбежал в комнату. «Нужно спешить»,— выпалил он.— «До падения щитов у нас всего пятнадцать минут».

Его лицо имело свирепый вид и носило следы синяков, словно во время ее отсутствия он занимался тем, что лупил себя кулаками. На мгновение ее поглотила мысль о том, насколько ужасно было то, что она просила его сделать.

Несмотря на необходимость спешить, она подошла к нему, обвила руками и крепко обняла. «Грасиас»,— выдохнула она,— «это сработает. Не смотни на меня так».

Он тоже обнял ее в ответ, но так грубо, что она чуть не задохнулась. И почти сразу отпустил. «Пусть радио твоего скафандра работает»,— хрипло проговорил он, пробираясь мимо нее к своей капсуле.— «Если ты умрешь, компьютер заменит тебя. Выталкивай себя из пространства!» —Он резко шагнул внутрь капсулы.— «Двухступенчатый код»,— продолжал он.— «Сначала произнеси мое имя»,— его глаза горели черным огнем, полные боли и страха,— «если это сработает, повтори «Эстер». Что бы ни случилось, корабль не должен погибнуть, когда все пребывают во сне».

Словно отпуская ее, улегся в капсулу и скрестил на груди руки.

Но, когда она подошла к нему попрощаться, резко вытянул их и схватил Темпл за запястья. «Почему?» — спросил он мягко,— «почему мы поступаем так»?

«О, Грасиас!» — его отчаяние тронуло ее.— «Потому что это единственный способ убедить их не взрывать «Надежду Эстер», не пытаться высадиться на ней, пока отключены щиты».

Хрипло, сквозь зубы он спросил ее: «Почему я не могу пойти с тобой?»

Слезы текли по ее щекам, и она не могла остановить их. «Они скорее поверят, если подумают, что я убила тебя. И кто-то должен оставаться здесь. Чтобы решить, что делать, если все пойдет не по плану. Этому нас учили».

Долгое мгновение он смотрел на нее с выражением страдания на лице. Потом отпустил ее руку: «Компьютер разбудет меня, когда ты подашь первый сигнал».

Ей следовало спешить, казалось, она не переживет расставания; но она заставила себя быстро поцеловать его, отступила назад, и крышка капсулы стала медленно опускаться, пока не накрыла его. Газ, подготавливающий тело к замерзанию, заполнил капсулу. Но он все еще продолжал смотреть на нее темным, горячим взглядом, пока внутренняя поверхность крышки не утратила свою прозрачность, покрывшись кристаллами льда.

Не обращая внимания на слезы, что испещрили ее лицо, Темпл покинула Грасиаса. Сани, управляемые магнитным полем, катились впереди. Она подошла к шахте подъемника и поднялась в наружную раковину. Темпл приблизилась, насколько это было безопасно, к бреши, пробитой сверхсветовыми снарядами в корпусе «Надежды Эстер». Отсюда она направила магнитные сани в подготовительную комнату возле воздушного шлюза, откуда она могла попасть в ближайший выход наружу.

В подготовительной комнате она облачилась в скафандр. Поскольку все зависело от связи, проверила исправность радио четыре раза. Затем она закрепила пневматические застежки скафандра и направила магнитные сани к воздушному шлюзу.

В автоматическом режиме она довела давление в шлюзовой камере до абсолютного нуля вакуума. После этого ей уже не нужны были сани. Не промедлив и минуты, она легким движением втолкнула «черный ящик» в металлическую полость шлюза, нажала на кнопки открытия шлюзовых дверей.

Двери раскрылись, оставив ее один на один с обнаженной пустотой космоса.

Сначала она не увидела чужого корабля: за шлюзом все было погружено в черноту. Но «Надежда Эстер» находилась на расстоянии, равном всего половине светового года от дома; и, когда глаза Темпл привыкли к пустоте пространства, она обнаружила, что солнце Эстер дает достаточно освещения, чтобы видеть вражеское судно на фоне звезд.

Оно казалось слишком большим и смертоносным. Но после того прощального взгляда Грасиаса она уже не колебалась. Это должно было свершиться. Как только смолк сигнал тревоги в шлюзовой камере (и на «Надежде Эстер») предупреждая корабль, что щиты

опущены, она прочистила горло и пустила в ход свой призывный голос.

«Все в порядке»,— сказала она по радио.— «Я сделала это. Я убила своего напарника. Я отпустила щиты. Я хочу, чтобы и вы сдержали ваше обещание. Сохраните мне жизнь. Я выхожу. Если мы будем находиться в радиусе ста километров, когда сработает самоликвидатор, это нас погубит.

У меня с собой портативный генератор поля. Я могу показать вам, как им пользоваться. Вы должны выполнить ваше обещание».

Она не стала ждать ответа; да и не рассчитывала на него. Единственный ответ, который она уже получила ранее — это прекращение обстрела. Этого было достаточно. Все, что теперь от нее требовалось — как можно ближе подобраться к чужому кораблю.

Преисполненная решимости, она сильнее сжала ручку черного ящика и, включив маленькие двигатели своего скафандра, отправилась вместе со своей ношей мимо тяжелых дверей в темноту.

Автоматически дверь затворилась, оставив ее снаружи.

На какое-то мгновение сознание собственной ничтожности овладела ею. Никто из эстериан никогда не был вне корабля, на расстоянии половины светового года от дома. Все ее тренировки проходили на родной орбите Эстер, планеты, которая служила точкой опоры в безмерности пространства. И там был свет! А здесь только мерцание и поблескивание камер и сканеров «Надежды Эстер» — и едва различимая масса чужака с его неказистыми линиями, чуть выделявшимися на фоне черноты космоса.

Но она понимала, что, если будет и дальше об этом думать, то сойдет с ума. Стиснув зубы, она направила все свое внимание — так же, как и маленькие движки своего космического скафандра — навстречу противнику.

Теперь все зависело от того, знает ли чужак, что на борту «Надежда Эстер» были и другие живые люди. Будет ли чужак в состоянии на основе дедукции сделать вывод о скрытом значении С-векторного щита. И сможет ли она уйти.

Из-за колоссальных размеров другого судна расстояние между кораблями казалось меньше, чем оно было на самом деле. Наконец она достаточно приблизилась к ко-

раблю, чтобы увидеть: одна из его боковых дверей открылась. Затем — настолько внезапно, что она содрогнулась и ее прошиб пот — Темпл услышала голос, исходящий из ее телефонов.

«Ты войдешь в док, который открыт для тебя. Он хорошо защищен и неуязвим для взрыва. Оставайся в нем вместе со своим устройством. Если ты попытаешься перехитрить нас, будешь уничтожена своим собственным оружием.

Если ты хорошая жизнь, ты останешься цела. Ты должна будешь снять со своего устройства крышку, чтобы мы могли его исследовать. Когда его принцип будет понят, тебе позволят ответить на другие вопросы».

«Огромное спасибо»,— выговорила она в ответ. Но она не замешкалась и не растерялась. Напротив, она сразу направилась к открытому люку, пока не достигла дока.

Тогда для проверки она установила двойную защиту, которую Грасиас ввел в компьютер устройства. То, что она собиралась сделать, было настолько безрассудным, рискованным и опасным, что она действовала, не раздумывая, словно занималась этим всю жизнь.

Нацелив двигатели скафандра на боковую поверхность «черного ящика», она включила их на полную мощность. И они с такой силой швырнули ящик в черную пасть дока, что ее собственное движение в том же направлении прекратилось.

Она ждала, пока не увидела, что силовое поле, защищавшее док, остановила полет ящика, и он неподвижно замер. Затем она так громко закричала в микрофон, словно компьютер был глухим: «Грасиас!»

По этому позывному из «Надежды Эстер» появился лучевой тягач, который выхватил ее у чужака из-под носа.

Это был небольшой промышленный лучевой тягач, какие использовались при постройке «Надежды Эстер», а позже при осуществлении погрузки. Он был слишком тонок и слабо сфокусирован, чтобы служить оружием. Но идеально подходил для быстрой переброски объектов величиной с Темпл в ее космическом облачении на расстояние, равное расстоянию между двумя кораблями.

Времени было в обрез, но она приняла решение почти не думая об этом. Пока луч мчал ее к «Надежде Эстер», она закричала в микрофон: «Эстер!»

И по этому призыву ее корабль поднял одновременно

все С-векторные щиты и привел в действие взрыватель «черного ящика». Она попала внутрь корабля в самое последнее мгновенье, когда чужак все еще был в состоянии достать ее.

Позже они с Грасиасом видели, что кончина их противника была абсолютно лишена зрелищности. Еще нетвердо стоя на ногах после вынужденного краткого сна, он встретил ее в подготовительной комнате, чтобы помочь снять скафандр; и на ее настойчивый вопрос: «Ну как? Сработало?» — он не мог ответить, потому что сам еще не проверял данные. Из капсулы, едва проснувшись, он сразу прошел сюда. Затем они бросились в ближайший вспомогательный компункт, чтобы посмотреть, были ли они теперь в безопасности.

Да, угроза миновала. Чужого корабля нигде в пределах досягаемости сканеров не было видно. Нигде ни малейшего следа.

Грасиас вывел на экран данные визуального обозрения и сканирования, и они увидели, что произошло с чужим судном после того, как на него было направлено С-векторное поле: оно просто перестало существовать.

Темпл захотелось отпраздновать такое событие. На самом же деле ей хотелось только одного — на них опять не было одежды. Но, когда она дала ему понять, чего она хочет, Грасиас легонько оттолкнул ее. «Через несколько минут»,— сказал он.— «Нужно сделать кое-какую работу».

«Какая работа»? — запротестовала она.— «Мы только что спасли мир — а они даже не подозревают об этом. Мы заслужили отдых до конца всего путешествия».

Он кивнул, но не сделал ни шагу от пульта управления.

«Какая работа»? — повторила она.

«Изменение курса следования»,— сказал он, пытаясь скрыть улыбку.— «Возвращаемся назад на Эстер».

«Что»? — Темпл была настолько поражена, что не заметила, как перешла на крик: «Ты отменяешь миссию? Просто так? О чем, черт побери, ты думаешь»?

Изо всех сил он пытался сделать суровый вид. Но желание улыбнуться победило. «Теперь мы знаем, что сверхсветовая скорость достижима»,— сказал он.— «Просто нужно провести дополнительные исследования. Итак, почему мы должны проспать тысячелетия, пока наш корабль будет странствовать в Галактике? Почему бы не вернуться домой, не изучить проблему и не начать все

заново, когда мы научимся делать то же, что и тот корабль».

Он взглянул на нее: «Имеет смысл?»

Она тоже улыбнулась: «Имеет смысл!»

Когда он закончил работу с компьютером, то рассчитался с ней сполна за то брошенное мороженое...

ДРУЗЬЯ ВМЕСТЕ

«Тысячи лет?» — спросил Ларс, все еще беспомощно лежа на спине, подключенный к зондирующей мозг аппаратуре. Его взгляд был устремлен на низко нависший скалистый потолок, но он не замечал его. Видение, которое только что промелькнуло перед ним, было поразительно реальным.

Ни Кампан, ни берсеркер не ответили.

Ларс повторил свой вопрос вслух слабым дрожащим голосом: «Тысячи лет? Неужели действительно их колония была такой древней?»

Двое людей, с разумом которых он только что побывал в контакте, Темпл и Грасиас, ощущали именно такой возраст своей цивилизации. Для Ларса их чувство убежденности было вполне естественным. Эти люди на борту «Надежды Эстер» были членами колонии, возраст которой был гораздо большим, чем Ларс мог себе представить.

Когда последние нити ментального контакта были почти разорваны, Ларс почувствовал, как партнер Кампан бережно прикоснулся к его разуму и задержал его внимание. Ларса посетила еще одна мысль: курс колонизаторского корабля, стартовавшего с Земли на Эстер, отклонившись от основных полетных траекторий, мог подвергнуться релятивистскому искривлению, которое ввергло корабль в Галактическое прошлое. Но контакт, который только что состоялся, проходил в настоящем.

«Кампан, что мы можем сделать?»

«Попробуй сохранить в тайне от берсеркера существование прямоугольного оружия. Не думай о нем».

«Как я могу не думать?..»

Но ответа не последовало. Ментальный контакт был прерван. Мгновение спустя Ларсу стало ясно, что нет никакой надежды узнать, что же ему только что предложил Кампан. Ларс снова чувствовал, как бесстрасный зонд

аппаратуры берсеркера опять посылает в его мозг разведывательные импульсы. Это был не инструмент, а какой-то узкий пучок энергии, вызывающий в мозгу отвратительное и неописуемое чувство. Внезапно весь эпизод о Темпл и Грасиасе вновь прокрутился перед его мысленным взором, как ускоренный фильм. Ларс был уверен, что компьютер берсеркера, проводящий эксперимент, теперь каким-то образом восстанавливал его. Только на одно мгновение Ларс ощутил контакт своей мысли с этим приемником, сконструированным из металла, электричества и математических формул. И в это мгновение человек всем своим существом почувствовал, что машина хладнокровно приняла весть о поражении, как приняла бы и любое другое известие. Берсеркер обшарил и обобрал его мозг, и... но стоп! Теперь ощущение зондирования пропало, а зонд что-то пропустил. Две вещи — наверняка. Потому что он, Ларс, думал о них, когда зонд вторгся в него. А для берсеркера (Ларс молил бога, чтобы это было так) тщательно прочитать человеческую память было выше его способностей.

Он не мог помешать берсеркеру украсть у него сведения о прямоугольном оружии. Не нарочно ли Кампан заставил его думать о нем, запретив делать это, чтобы скрыть что-то более ценное?

По этой или иной причине берсеркер пропустил две вещи, о сокрытии которых так беспокоился его первый напарник: «куиб-куиб», что бы это ни означало, и также — как называлась эта вещь? Какая-то программа?

Ларс понял, как умно и расчетливо действовал Кампан, заставив его забыть об этом, насколько более мощным было их развитие по сравнению с его собственным, даже в такой области, как чисто интеллектаульная деятельность.

У него больше не было связи с Кампаном. Ларс, освобожденный от своих материальных уз, сел на кушетке. Теперь он мог видеть, что его напарник еще дышал, но само тело Кампана оставалось совершенно неподвижным, словно полностью истощенным. Его тоже освободили, и его проводник теперь ждал, когда он поднимется.

Машина-проводник Ларса тоже ждала его. По крайней мере, размышял Ларс, теперь имеющий возможность думать самостоятельно, одна из проклятых штуковин была уничтожена теми людьми с «Надежды Эстер». Человечество в их лице сумело выиграть тот поединок. Хотя теперь компьютер, контролирующий базу, стремя-

щийся разгадать секрет прямоугольного эффекта, несомненно, пошлет на Эстер новые боевые комплексы.

Испытывая отвращение к кушетке, к которой был привязан неизвестно сколько времени, Ларс поднялся на ноги. Он чувствовал себя грязным и голодным, испытывал жажду и потребность принять ванну, нуждался в элементарном физическом отдыхе и комфорте.

Маленькая машина, служившая ему проводником и надзирателем, подняла одну из своих тонких конечностей и показала, что он должен двигаться. Но Ларс уже ушел. Ему позволили самостоятельно добраться до их общей комнаты, где уже собрались остальные четыре пленника с Земли. Все они выглядели утомленными и рассказывали друг другу о разнообразных потрясениях во время телепатических сеансов.

Пока Ларс приближался, все четверо смотрели на него с интересом. Наксос заметил: «Мы гадали, что с тобой, потому что сами уже давно вернулись».

«Шел эксперимент. Дайте мне пить».

Он выпил воды и взял кое-что из еды с подноса, где ее обычно оставляли машины. Разговор шел общий. Берсеркер, очевидно, не возражал, чтобы его живые инструменты беседовали о предмете опытов, которым они подвергались.

Люди, в лучшем случае, вспоминали фрагментарную последовательность событий, некоторые вообще ничего не помнили.

Слушая чужие рассказы, *Ларс подумал, что его* команда была наиболее результативной.

«Как ты?» — наконец кто-то спросил его.

Он не видел причины скрывать происшедшее. Было ясно, что все, касавшееся эпизода Грасиас-Темпл, уже известно берсеркеру. Ларс сказал: «Я думаю, вполне нормально по сравнению с тем, что говорили вы».

Он пересказал им основные моменты истории Грасиаса и Темпл. Товарищи по несчастью смогли разделить эту радость далекой и, возможно, единственной победы человека. Ничто не прервало повествования Ларса. Огромную машину, что контролировала их, не волновали чувства людей по поводу поражения одного из комплексов. Возможно, решил Ларс; машина заключила: пленники будут более полезными, если им позволят слышать, то, что поднимает их настроение.

Когда Ларс закончил свою повесть, Дороти опустилась на пол. Она подробно, но словно нехотя изложила

историю, представшую перед ее мысленным взором с помощью партнера Кампана — о поражении людей, когда эскадрилья кораблей была буквально стерта в порошок аппаратами берсеркера, историю, свиделем которой она была вынуждена стать. Настроение слушавших несколько упало.

И снова ничто не говорило о том, что переживания людей могли как-то взволновать их тюремщика, которому, казалось, было безразлично, о чем они говорят. Теперь у Ларса создалось впечатление, что машина специально предоставляет пленникам возможность общаться, поскольку заинтересована в стабильности интеллектуальных возможностей своих живых устройств.

Он высказал вслух эту мысль.

Николас Опава предположил: «А, может быть... она ждет, что мы расскажем друг другу о том, что она не в состоянии из нас выудить при зондировании. А так она это услышит».

Пятерка переглянулась, и слова повисли в воздухе. Группа разошлась, не произнеся более ничего, кроме обычных слов жалобы на голод и усталость.

Повторно группу созвали в зал машинного мозга спустя несколько часов. Ларс подумал, что его напарником на этот раз был все тот же Кампан, но не мог с уверенностью утверждать это. Даже тогда, когда в его мозгу снова возник поток видений.

С ТАКИМИ ДРУЗЬЯМИ

«Ты улетаешь?» — спросила Джемма.

Пат резко поставил ногу в ботинок: «Да».

«Даже сейчас, когда ты знаешь, что по этому поводу думают Котаботы и что при этом чувствуют?»

«Я не знаю, что они чувствуют и что делают по этому поводу или по какому другому. Может, расскажешь мне об этом. Ты у нас большой знаток Котаботов. Что они чувствуют? Если они вообще способны чувствовать, в чем я глубоко сомневаюсь»...— Он надел ботинок, который сильно растянулся и стал велик от постоянной сырости климата Ботеа, застегнул его на лодыжке и тяжело потопал ногой.

«Ты даже не пытаешься понять их!» — сердито сказала Джемма. Она стояла в дверях, капюшон блузы был откинут на спину так, что он мог видеть ее прекрасные черные волосы, ее прекрасную черную кожу, ее бесконечно прекрасное лицо. Ему следовало подать протест, как это обычно делали Котаботы, протест против ее дьявольски прекрасной внешности.

«Ладить с ними?» — заорал он. «Ты тратишь уйму времени, стараясь войти к ним в доверие, и что в результате?»

«Ничего смертельного не произойдет, если отложить полет на неделю. Ты утверждал, что это обычная работа. А может, ты чего-то не договариваешь?»

«Это обычная работа»,— сказал Пат.— «Ты сама становишься похожей на Котабота. Я ведь должен осматривать с орбиты алмазные копи шесть раз в неделю. Это требование Адаманта. А твои Котаботы очень обеспокоены моими червями, копающимися в центре их деревни, хотя следовало бы радоваться, что я наблюдаю за ними».

Ему действительно необходимо было проверить орбитальные инфраскопы, что следили за механическими червями-землероями и их продвижениями в пластах угля, но не по этой причине он перенес дату полета на несколько дней раньше. От руководства Адаманта (Алмазной компании на одноименной планете) пришло сообщение, что берсеркер уничтожил обитаемую планету под названием Полара. Это было *второе известие о берсеркере* за последние три месяца. Оно поступило спустя всего две недели после первого, переданного по радио, а это означало, что Адамант придает информации особую важность, потому что послал ее кораблем на Канделстоун, который являлся ближайшим ретрансляционным пунктом. Однако Адамант не посчитал обязательным пересылать ее кораблем прямо до пункта назначения, хотя такое решение мог принять и оператор на Канделстоуне. Пат предпочел увидеть в этом обнадеживающий знак: Адамант полагает, что берсеркеров поблизости нет. Если бы там думали иначе, то непременно примчались бы на Ботеа военным кораблем. В конце концов, они должны были спасти все эти IIIB алмазы, для чего черви-землерои и бурили хранилища в угольных пластах. Пат принял к сведению предупреждение и все общие данные о берсеркерах, сообщенные по радио. Поэтому он собирался подняться на орбиту и проверить защиту, невзирая на Котаботов.

«Но ведь прошло только 35 дней со времени твоего последнего обзора»,— сказала Джемма.— «Котаботы говорят, что у тебя на уме другое. Они хотят, чтобы я выразила протест».

«Опять, что-то новенькое?» — спросил он.— «Ну давай, вперед».— Он жестом указал на компьютер.— «Что волнует твоих друзей на этот раз? Урожай их мерзкого смэша?»

«Нет»,— ответила она и уселась перед управляемым голосом терминалом.— «Они говорят, что гарпия повреждает нематею».

«Нематею?» — промолвил Пат. Он сунул в ботинок другую ногу и встал.— «А при чем здесь я?»

«Они сказали, что, когда ты в последний раз делал орбитальный облет, она начала странно пахнуть».— Джемма так свирепо смотрела на него, что Пат готов был рассмеяться.

Но слишком велико было его изумление. «Ради бога, нематея и так воняет блевотиной»,— сказал он.— «У нее шипы повсюду, даже на цветах. Когда я последний раз ее видел, она совершенно заглушила их вонючий смэш».— Он покачал головой: «Знаешь ли, они невыносимы. Я здесь уже два года, и каждый раз они придумывают очередную гадость, чтобы испортить мне жизнь».

«А зачем было говорить им, что твой орбитальный корабль называется «гарпия»?* — спросила она.— Ты не лучше их!».

«По-моему»,— сказал Пат,— дело заходит слишком далеко. Я все же лучше, чем Котабот».

«Ладно, пусть так»,— сказала Джемма.— «Но ты постоянно конфликтуешь с ними. Если бы ты мог обращаться с Котаботами как с человеческими существами...»

«Но они не человеческие существа! Мне плевать, что говорит ICLU. Они пришельцы, которые существуют во Вселенной только для того, чтобы сводить людей с ума».

«Ты смешон»,— заявила Джемма.— «Отлично знаешь, что они эмигрировали с Трайджа, до этого с...»

«Эмигрировали, мой бог! Их просто выкидывали с каждой планеты, где они пытались обосноваться. Они...»

Джемма протянула ему управляемый голосом терминал.— «Ты должен дать мне компьютерный допуск»,— жестко сказала она.

---

* Гарпия — в древнегреческой мифологии — крылатая женщина-чудовище, богиня вихря, злая женщина *(прим. перев.)*.

Он вырвал его у нее из рук. «Допуск для Джеменки Багази, представителя ICLU»,— сказал он и вернул ей терминал.— «Ну, давай, вырази протест номер пять тысяч».

«Я и выражу»,— сказала она.— «Я хочу выразить протест Алмазной Добывающей Топливной компании и Бриллиантовой микрокристальной корпорации от лица Котаботов»,— заявила она компьютеру.

«Ради бога, дорогуша»,— отозвался компьютер.

Джемма сердито посмотрела на Пата.

«Этот протест какой будет по счету?» — спросил Пат.— «Миллионный? Двухмиллионный?»

«Двести восемьдесят первый»,— сказала Джемма.

«Это будет Протест Номер Двести Восемьдесят Три, дорогая»,— поправил компьютер.— «Какое название ты собираешься присвоить этому протесту, милашка?»

«Назови его: «Отказ от сотрудничества»,— сказала Джемма беспощадно.

Пат надел короткую легкую куртку, закрепил на кармане портативный управляемый голосом терминал и теперь стоял, глядя, как Джемма работала за пультом. Она замолчала и сидела, нахмурясь. Но даже сейчас она была прекрасна. И Пат совсем не волновался, поскольку на него она всегда хмурилась. А как же иначе, говорил он себе, с какой стати представитель ICLU из числа аборигенов, имея к тому же на своей шее Котаботов, должен улыбаться инженеру Адаманта, который к тому же под ногами этих аборигенов раскопал всю планету? Когда он переставал злиться на Джемму, то даже испытывал к ней чувство жалости, поскольку ей приходилось жить в Котаботсткой деревне и общаться с Котаботами двадцать шесть часов в сутки.

«Выдай мне список всех протестов этого месяца»,— обратилась она к терминалу и нахмурилась еще больше.

«Что случилось?» — спросил Пат.— «Протест потерялся?»

«Нет»,— последовал ответ,— «У меня есть еще один. Ты запираешь дверь, когда уходишь из конторы, не так ли?»

«Я удивлен, что ты не обвиняешь меня, будто я стер протест. Да безусловно, я запираю дверь. Она запирается по моему голосу. Так же, как и компьютер. Ты сама забыла про свой протест. Ну, согласись, что это так. Я же делаю это для тебя».

«Делаешь — что?»

«Заставляю тебя забыть то, что ты делаешь. Ты без ума от меня. Только не хочешь это признать!»

«Прочти мне названия всех протестов»,— сказала она,— «только без всяких там «дорогуш», пожалуйста».

«Как тебе угодно, милая»,— ответил компьютер.— «Отказ в сотрудничестве», «Отказ в сотрудничестве», «Опасность для жизни», «Отказ в сотрудничестве», «Угроза Котаботам», «Отказ...»

Патрик наклонился к компьютеру и скомандовал: «Заткнись!»

«Пойдем со мной»,— сказал он.

«Что?» — спросила она и посмотрела на него, все еще хмурясь.

«Давай поднимемся вместе на гарпии».

«Я не могу»,— возразила она.— «Котаботам это не понравится».— «Конечно, не понравится. Когда им что-нибудь нравится? Все равно, пойдем».

«Но они уже думают...» — начала она и остановилась, отвернувшись. Пат наклонился ближе.

«Так-то ты отговариваешь Дьявола от его орбитального облета?» — спросила внезапно появившаяся Скамбала.— «Я прислала тебя сюда написать протест, а не флиртовать с представителем Адаманта. Я говорила и говорю тебе снова, что он ждет не дождется подходящего часа, чтобы изнасиловать тебя».

Мало того, что Котаботы были воинственно настроены, недоброжелательны и злобны — они к тому же отличались подлостью, и Скамбале здесь не было равных. Пат окрестил ее «Камбалой» (что означало «помойка») в тот же день, как она стала называть его «Дьяволом». Но ему хотелось бы переименовать ее в «Скалку» («Прячущаяся за спиной»). Она подкралась к конторе с наружной стороны ограды так, что никто не видел и стояла там, приклеившись к двери, неизвестно сколько времени. Затем она перелезла через ограду и вошла в контору вместе с младшей дочерью, грозя Джемме своим губкообразным пальцем.

«Я как раз составляю протест, Скамбала»,— сказала Джемма.

«Да, конечно, ты составляешь его»,— проговорила она, потрясая своим мухоморным пальцем перед самым носом Джеммы. Джемме следовало бы откусить его, подумал Пат.— «Я просила тебя разузнать, что ему нужно. Ты узнала? О, нет! Она составляет протест! И пока ты

рассиживаешь здесь, он уходит. Ты сказала, что он губит нематею?»

Дочь Камбалы подошла к Джемме и встала рядом с ней. Она послюнявила палец и начала рисовать им на экране манитора.

«Джемма говорила мне»,— сказал Пат.— «Я думал, что Котаботы считают нематею зловредным сорняком».

«Хочу картинку»,— жалобно захныкала дочка Камбалы.— «Пусть она нарисует картинку».— Она притопнула ножкой.— «Хочу картинку сейчас!»

Джемма сама вывела картинку на экран, очевидно, не доверяя больше своему голосу вести беседу с компьютером.

«Не такую!» — ныла девочка,— «Хочу другую!»

«Котаботы сами решат, какая трава сорная, а какая нет, без тебя»,— заявила Скамбала.— «Ты, Дьявол, всего-навсего инженер Адаманта. В контракте сказано, что ты не будешь причинять вред нашему урожаю или нашей деревне».

Котаботы обожали цитировать свой излюбленный контракт, которого Пат в глаза не видел. Хотя, по слухам, документ был сногсшибательный. Дочка Камбалы стала яростно нажимать на клавиши компьютерного пульта.

«Я ничего плохого не сделал ни вашему урожаю, ни вашей деревне. Я ничего не сделал вашим нематеям. Пока».

«Угроза!» — взвизгнула Скамбала.— «Он угрожал мне! Ты слышала, Джеменка? Он угрожал мне! Заяви протест!»

Интересно, подумал, он как она собирается это сделать, если этот тупоумный ребенок бессмысленно молотит по клавишам пульта.

«Скамбала»,— спокойно сказала Джемма,— «Я уверена, что он не собирался...»

«Вот как... Принимаешь его сторону? Я знала, что он подкупит тебя. Мы запрещаем совершать этот орбитальный облет. Скажи ему, Джеменка!» — Она махнула Джемме рукой.— «Скажи, что ты наш представитель!»

«Я говорила...» — начала Джемма.

«Я тоже просил ее не совать свой нос в дела Адаманта»,— сказал Пат. Он схватил свой гермошлем.— «Она не пойдет со мной, и это окончательное решение».

Скамбала взвилась, яростно глядя на Джемму: «Тебя никто не просил говорить, что ты собираешься идти с

ним. О, я понимаю, не следовало пускать тебя сюда одну. Я видела, как ты на него смотришь! Хочешь остаться с ним наедине, не правда ли? Отвратительно! Отвратительно!»

Дочка Скамбалы бросила пульт управления и теперь взобралась на компьютер и стянула со стены шахтерский противогаз. Пат отобрал его: «Наедине? Ха! Она собиралась шпионить за мной на орбите, но предупреждаю, только через мой труп».

Дочь Скамбалы заныла.

«Ты возьмешь ее с собой!» — завизжала Камбала.— «Я сказала, возьмешь! Мы заявим протест!»

«Скамбала»,— сказала Джемма.— «Не слушай его. Он...»

Дочка Камбалы тянулась за энергетическим ружьем, которое висело на стене над масками.

«Я ухожу»,— сказал Пат.— «Можешь выразить протест, когда вернусь». Он взял плату блока управления для гарпии, еще один шлем и открыл дверь.— «А теперь все выходите!»

«Ты не можешь силой выставить нас из своей конторы!» — заявила Камбала, но на всякий случай она схватила дочь в охапку и потащила ее вниз по ступенькам, продолжая бушевать.

Джемма оставалась стоять у компьютера.

«Ты тоже»,— сказал он и протянул ей шлем. Но она его не взяла и прошла мимо Пата к двери, а потом спустилась по ступенькам вниз.

Он закрыл дверь и зашагал к трапу гарпии, путаясь ногами в куче увядших листьев и веток нематеи. Дары, оставленные Котаботами... То ли они боялись кораблей, то ли благоговели перед ними — Пат не мог точно определить. Но они постоянно оставляли им приношения и пожертвования. Возможно, это нельзя было назвать пожертвованиями в буквальном смысле слова, хотя по мнению Пата, человеческие жертвоприношения могли бы вполне соответствовать духу мышления Котаботов. Особенно, если принять во внимание дочку Камбалы... У основания трапа он обернулся, чтобы посмотреть, была ли поблизости Джемма. Да, была.— «Я не возьму ее, Камбала, и покончим с этим»,— сказал он.

«Возьмешь, или я разорву наш контракт!»

Пат сделал вид, что это произвело на него сильное впечатление. «Садись»,— сказал он сурово и потянул Джемму наверх, в гарпию.

«Закрыть дверь»,— последовал приказ компьютеру. Трап убрался, и дверь плавно опустилась. Пат бросил Джемме ее шлем и прошел вперед, чтобы вставить в компьютер гарпии плату блока управления. Скамбала начала молотить в дверь.

«Поспеши»,— сказала Джемма, натягивая летный костюм.

Пат с удивлением взглянул на нее.— «Что ты сказала?»

«Ничего»,— ответила она.

«Застегни ремни»,— велел он и скользнул в кресло пилота.— «Мы взлетим очень быстро».

Он резко запустил стартовые двигатели. Скамбала и ее дочь отошли на почтительное расстояние. Пат вывел гарпию с места стоянки и рванул вверх.

На орбите Ботеа болталось большое количество аппаратуры, вся она принадлежала Адаманту: инфраскопы, картограферы, минные заградители, большая ретрансляционная станция, которая регулярно через Галактику посылала Джеммины протесты на Канделстоун, а оттуда на Адамант; различные спутники охраны и обороны. На Ботеа имелось два орбитальных атомных орудия и целый набор восьми- и пятнадцатитонных взрывных устройств. Все они были нацелены на того, кто попытается посягнуть на драгоценные IIIB алмазы Ботеа. Кристаллы, обладающие избирательной проводимостью; единственно, пригодные для изготовления многослойных компьютерных микросхем, были обнаружены и на других планетах, но везде на большой глубине (около половины ярда) и непременно в новокиберлитовых трубках, по твердости не уступающих алмазам. На Ботеа они грудами лежали практически на поверхности. Ну, не совсем, конечно, а на небольшой глубине в пластах мягкого желтого угля. И ничто не препятствовало их добыче, кроме этих нескольких угольных отложений, с которыми легко справлялись буравящие их механические черви. И, конечно, Котаботов. Система обороны планеты была рассчитана на защиту от пиратов и одиночных истребителей, но никак не от берсеркера, обладающего самым первоклассным оружием. Но, по крайней мере, она существовала.

Пат вышел на более низкую орбиту, свободную от спутниковых минных полей, и мог беспрепятственно проводить визуальный обзор, не опасаясь столкновения. Но

он стартовал слишком резко, и пришлось выполнить целый ряд корректировок, так что ему и компьютеру понадобилось пятнадцать минут, чтобы вывести гарпию на запланированную орбиту. Он велел компьютеру держать под контролем спутники обороны и сообщить о возможном появлении атомной пушки в пределах видимости. Он надеялся, Джемма не догодается, что это не входит в его обычные обязанности.

Она сняла защитный шлем и наклонилась вперед, чтобы увидеть Ботеа через крошечный носовой иллюминатор.

«Она прекрасна, не правда ли?» — сказал он. Облака закрывали Ботеа, что было даже к лучшему, потому что горы и поля смэша выглядели ядовито-зелеными даже на таком расстоянии. Но, к счастью, здесь не слышен их запах, подумал Пат.— «Разве ты не рада, что я предложил тебе лететь вместе?»

«Предложил?» — спросила она, освобождаясь от строп.— «Да, ты просто похитил меня!»

«Похитил?» — сказал он, отстегнул ремни и поймал рукой один из поручней над головой. — «Я всего лишь испытал на старушке Камбале один из известных психологических приемов, основанных на чувстве противоречия».

«Тебе не следует так ее называть, она может выразить протест».

«Тогда и я подам на нее — за то, что она называет меня Дьяволом. Только не говори, что она не может произнести мое имя, она отлично знает, что делает».

Джемма еще не отстегнулась: «Тебе все же не следует так конфликтовать с ними. На Адаманте могли бы...»

«Могли бы что?» — спросил он и наклонился, чтобы помочь ей с ремнями.— «Они даже не ответили ни на один из двухсот восьмидесят трех протестов, поданных за последние два года, не так ли?»

«Двухсот восьмидесяти одного»,— поправила Джемма и снова нахмурилась. Пат отстегнул ее ремни, и сила инерции толкнула Джемму прямо к нему. Свободной рукой он обнял ее за талию.

«Ну что ж, как видно Камбала была права»,— сказал он.— Ты ждала удобного случая, чтобы оказаться со мной наедине».

«Котаботы считают...» — проговорила она, и он думал, что она выскользнет из его рук, но Джемма не сделала этого, а неожиданно улыбнулась: «Ты и впрямь все

очень хорошо устроил. Может, тебе стоит стать представителем ICLU. У тебя настоящий талант заставлять людей делать то, что ты хочешь».

«Разве?» — спросил он и отпустил поручень, чтобы обнять ее и другой рукой.— «Включая и тебя?»

«Я...» — она ухватилась за поручень и воспользовалась им, чтобы оттолкнуться, отчего Пат врезался прямо в переборку.

«Прости»,— смутилась она.— «Я не привыкла к невесомости». Она повернулась и выглянула в боковой иллюминатор.— «Это и есть один из инфраскопов, что ты должен проверить?»

Отталкиваясь руками он добрался до нее. «Который?» — спросил он положил свою руку на ее, чтобы быть уверенным, что в этот раз поручень она не отпустит.

«Вот тот остроконечный»,— сказала Джемма.

Он покрутил ручки, чтобы она могла лучше видеть: «Этот иллюминатор имеет телескопическую настройку». Пат положил руку на ее плечо и повернул к себе: «Он сообщает о погодных условиях. Предупреждает о приближении грозы».

«О»,— сказала она, слегка задыхаясь.— «И какая же погода сейчас?»

«Как раз сейчас»,— сказал он и взял ее за подбородок,— «я бы сказал, что прогноз благоприятный...»

«Атомная пушка на подходе»,— оповестил компьютер.

«Как ты вовремя»,— сказал Пат.— «Я сейчас вернусь»,— обратился он к Джемме и на руках начал пробираться к компьютеру. Экран терминала был еще чистым, в носовом иллюминаторе он также ничего не увидел. «Где же пушка?» — спросил он.

«Это не она?» — отозвалась Джемма у бокового иллюминатора. Она производила телескопическую настройку.— «Такая большая, большая чёрная штука вон там?»

«Какая большая черная штука?» — спросил Пат.— «Я ничего не вижу. Ты, наверное, настроила телескоп на пылевую частицу».

«Это не пылевая частица»,— ответила Джемма.— «Вот она, смотри: довольно далеко и чуть ниже. Я имею в виду, не в плоскости эклиптики».

«Дай мне широкий обзор»,— скомандовал Пат компьютеру. «Дальность наблюдения тысяча километров, обзор в 180 градусов».— Компьютер выполнил команду.

«Теперь ты его видишь?» — спросила Джемма.

«Да»,— ответил Пат.— «Вижу».— Он изогнулся, чтобы поймать поручень..— «Отойди от окна».

«Он громадный»,— проговорила Джемма.— «Что это? Инфраскоп?» — Пат обхватил ее, и они отлетели к противоположной переборке.

«Я не понимаю, о чем ты думаешь»,— сердито заговорила Джемма, выбираясь из его объятий.

«Это берсеркер»,— сказал Пат.

«Берсеркер?» — переспросила она. Джемма поймала поручень и повернулась к Пату. «Берсеркер?» — прошептала она.— «Ты уверен?»

«Уверен»,— был ответ.

«Атомная пушка на экране»,— известил компьютер.— «Вам нужны данные?»

«Ш-ш-ш»,— отозвалась Джемма.

Пат слишком тихо для компьютера сказал: «Взорви его, разнеси его всем, что у тебя есть».

Это была чисто инстинктивная реакция. Орбитальные пушки с их жалкими мегатонными атомными зарядами могли причинить этой штуковине не больше вреда, чем его энергетическая винтовка. Джемма была права. Он был громаден. Пат вернулся к компьютеру и рассматривал. «Как далеко он находится?» — последовал вопрос.

«В 926 километрах»,— ответил компьютер.

На расстоянии почти в тысячу километров. Не так уж далеко. Джемма уселась в кресло рядом с Патом и пристегнулась. «Что будем делать?» — спросила она.

«Не знаю».— Они оба говорили шепотом.— «Он очень далеко. Возможно, если я включу двигатели, он нас не увидит. Но, может, и наоборот. Возможно, он уже засек нас».

Ему ничего не нужно было говорить. Джемма тоже слышала о берсеркерах, иначе она сейчас так не сжимала бы подлокотники своего кресла. Она так же хорошо, как и Пат, знала, что он намерен уничтожить все живое на Ботеа, включая и нематею. И Пата, и Джемму, и любого, кто окажется поблизости.

«Если бы он нас заметил, то уже взорвал бы»,— сказала Джемма.— «Значит, он еще не видит и не слышит нас».

Они могли бы перестать говорить шепотом, но все еще продолжали: «Он может принимать нас за спутник. Это значит, есть единственный шанс: оставаться там, где сейчас, пока он не окажется между нами и Ботеа».

«Сколько на это уйдет времени?»

Пат поднёс управляемый голосом терминал к самым губам: «Посчитай, сколько нужно времени, чтобы мы оказались вне пределов видимости берсеркера»,— тихо скомандовал он.

«Одиннадцать минут, девятнадцать секунд»,— сказал компьютер, и его металлический голос взорвал тишину в кабине. Джемма вздрогнула.

«Держи себя в руках»,— сказал Пат. И вновь обратился к компьютеру: «Хорошо, я хочу, чтобы ты передал на Ботеа изображения берсеркера, голографические, инфракрасные, рентгеновские — все, какие только возможны, в разных сечениях. Но подожди! Сделай их распечатку. Никаких передач. А пока переключись только на вузуальное общение. Снова заговоришь, когда мы будем вне пределов его видимости».

«Спасибо тебе»,— сказала Джемма.— «Я знаю, он не может нас слышать, но...» — Она, прерывисто дыша, наклонилась вперед, чтобы видеть экран.

То, что заметил Пат, успокоило его, но лишь в незначительной степени. На берсеркере были следы повреждений. Половина его кормы отсутствовала. Он не знал, в какой части берсеркера хранился его арсенал, но потеря столь значительного куска непременно должна была отразиться на его мощи. Интересно, подумал он, не этот ли Берсеркер уничтожил поселение на Поларе. Если это он, то ему задали хорошую трепку. Но он их всех истребил, напомнил себе Пат.

«Одиннадцать минут»,— проговорила Джемма так, словно компьютер сказал «столетие». Пат представлял, что она чувствует. У него чесались руки взять на себя управление гарпией и доставить Джемму домой — сейчас, немедленно. Он знал, что это было бы самоубийство, но любое действие казалось лучше беспомощного сидения здесь в течение еще 10 минут и ожидания, когда же берсеркер поймет, что они — не спутник и не разнесет их на части.

Он снова заговорил в терминал: «Выведи отсчет на экран и проведи необходимую подготовку для снижения. Дай мне двухминутную готовность».

Он пристально всматривался в экран, жалея, что не имеет доступа к банкам данных компьютера. Может быть, сообщение с Полары и другие сведения о берсеркере, присланные Адамантом, вкупе с его собственными данными могли бы помочь разработать самый простой

план: как разрушить барсеркер с помощью двух атомных пушек и нескольких взрывных устройств. Но он не осмелился запросить информацию. Она поступала бы от главного компьютера, и берсеркер наверняка перехватил бы ее. По этой же причине он не мог вызвать помощь. Сигнал бедствия — не выход из положения. Когда он достигнет Канделстоуна, они давно уже будут мертвы.

«Такое впечатление, что ему уже здорово досталось»,— сказала Джемма, впиваясь взглядом в экран.— «Может, его все еще преследуют боевые корабли».

Непохоже, чтобы он пришел прямо с Полары, подумал Пат. Он уже собирался это сказать, когда его взгляд упал на Джемму. Она выглядела напуганной до смерти, съежившись так, словно ожидала удара. Компьютер начал выдавать распечатки обработанных данных, она взяла их и держала с видом человека, не понимающего, что делает. Ее глаза были прикованы к компьютеру, к отсчету времени, который показывал, что осталось шесть минут.

Вместо этого Пат сказал: «Могу поспорить, что они висят у него на хвосте. Сразу же пошлем сигнал бедствия с указанием его координат, как только он окажется у нас за спиной».

«А мы когда-нибудь вернемся вниз?» — спросила она.

«Ты что, издеваешься? Я всегда провожаю своих девочек домой!»

На ее лице появилось слабое подобие улыбки.

«Загрузим в компьютер все эти сведения и посмотрим, можно ли составить план уничтожения этого берсеркера».

Но она даже не слушала его: «Как думаешь, когда он начнет атаковать?» — спросила она.

«Не сейчас. Пока он, наверно, занят ремонтом, и ничего не предпримет до тех пор, пока не узнает, что его обнаружили. Может быть, мы сумеем напасть раньше, чем он закончит с ремонтом».

«О»,— произнесла она с облегчением.

Пат и сам хотел бы и сам думать так же. Даже если берсеркер укроется где-то в стороне от Ботеа, чтобы зализать полученные раны, он не может прислать на планету своих кровожадных андроидов, вооруженных лазерами и ядовитыми газами. И этого будет вполне достаточно для уничтожения людей и Котаботов.

Котаботы... Он совершенно забыл про них. Они ни-

когда не будут сотрудничать, даже если узнают, что такое берсеркер. И с какой стати они поверят, что вокруг их планеты вращается смертоносная машина войны берсеркер, если они до сих пор не верили ничему, что говорил им Пат?

«Когда мы вернемся домой»,— сказал Пат, удивленный, как уверенно и спокойно прозвучал его голос,— «придется унести компьютер вниз в шахту. Это наиболее безопасное место. Мы можем взять и систему автономного жизнеобеспечения, чтобы продержаться. В таком случае, даже если берсеркер разнесет вдребезги мою контору, мы все же сумеем разработать наш план. Берсеркер будет бессилен достать нас в шахте. Согласна?»

«Согласна»,— сказала Джемма, и Пат почувствовал ее страх. Она тоже совершенно забыла о Котаботах, и он не собирался напоминать ей о них. Во всяком случае, до тех пор, пока она и компьютер не окажутся в безопасности внизу, в шахте с герметичными противопожарными дверями.

«Хорошо»,— сказал он,— «ну, как тебе наше первое свидание?»

Вот это да! От неожиданности она даже попыталась улыбнуться. «Скажи, прогулки с тобой всегда так волнующи?» — вопрос прозвучал не без кокетства, хотя голос ее еще дрожал.

«Именно это я и пытался тебе внушить на протяжении многих месяцев»,— ответил он.— «Подожди, и ты увидишь, куда я поведу тебя в следующий раз...»

«Вы будете вне пределов видимости через две минуты»,— сообщил компьютер.

Джемма затаила дыхание.

Пат велел компьютеру выдать общий вид берсеркера, и они оба сидели, уставившись на него в течение, казалось, целой вечности, ожидая, что машина выпустит в них одну из ракет. Таймер отсчитывал последние пятнадцать секунд.

«Держись, детка»,— сказал Пат и включил двигатели.

Она взглянула на него.

«Извини, что должен проводить тебя домой так рано, но у меня еще назначена встреча...»

Казалось, что спуск никогда не закончится. Пат с трудом сохранял спокойствие, так как был совершенно уверен, что такая крошечная планета не сумеет остановить Берсеркера. Компьютер с постоянством часов, от-

считывающих последние минуты жизни, выдавал распечатки данных, Джемма принимала их не глядя.

«Входим в атмосферу»,— сообщил компьютер, и они оба подпрыгнули.

«Перехожу на ручное управление»,— сказал Пат и зарылся носом аппарата в облака.

Джемма, вдавливаемая в спинку кресла, сидела, закрыв глаза, прижимая к груди, как ребенка, распечатки данных. Пат резко поднял гарпию и направил ее к конторе.

«Мы справились»,— сказал он.— «Раз контора на месте, не будем терять времени».

Джемма протянула Пату ворох распечаток и отстегнула ремни: «Что я должна делать?»

«Хватай распечатки и автономную систему — все, сколько сможешь унести. Я возьму остальное и терминал».

Ты собираешься послать сигнал бедствия?»

«Нет, мы возьмем передатчик с собой. Если я подам сигнал отсюда, берсеркер узнает, где мы, и конторы у нас не будет».— Пролетая над заостренными верхушками деревьев, они приближались к посадочной площадке конторы.

«Может, нам сначала нужно пойти к Котаботам»,— сказала Джемма.

«Сначала мы возьмем компьютер»,— сказал Пат.— «Тебе не стоит беспокоиться о Котаботах. Если берсеркер отправит вниз посадочный аппарат, ему, пожалуй, хватит одного взгляда на старушку Камбалу, чтобы повергнуть назад и показать нам свой хвост».

«Это неподходящее время для шуток»,— сказала Джемма.— «Котаботы...»

«...Могут позаботиться о себе сами».— Он начал торможение гарпии и остановил ее. «Открыть дверь»,— сказал он и выскочил наружу еще до того, как она полностью открылась.

«Разве ты не собираешься брать с собой плату блока управления?» — спросила Джемма.

«Нет, оставь ее, пошли»,— сказал он и припустился со всех ног к конторе.

На выходе, сложив на груди свои губкообразные руки, стояла Скамбала. Ее муж Ручирра, или Ретч (что означало «рвота»), как назвал его Пат, был короче жены и по форме напоминал ядовитую поганку. Он стоял рядом,

держа, как карты, прямоугольные распечатки. «Что это?» — спросил он.— «Наши протесты, которые вы отказались переслать?»

«Дай их мне»,— сказал Пат и хотел было вырвать их. Но Ретч отступил назад. Принтер выдал еще одну карточку. Он забрал и ее: «Пусть Адамант узнает, что ты бойкотируешь Котаботов. Джеменка, подай протест!»

«Сейчас же отдай эти распечатки»,— потребовал Пат,— «у меня нет времени играть с вами в игры!»

«Пат»,— сказала Джемма,— «дай, я займусь этим»,— Она повернулась к Скамбале.— «Это хорошо, что я побывала с Девлином в орбитальном полете. Мы обнаружили нечто ужасное. Берсеркера!»

Камбала не высказала удивления: «Не рассказывай мне сказки! Я знаю, что ты позволила Дьяволу опозорить себя, пока была с ним на гарпии. Именно поэтому ты и хотела лететь с ним, не так ли? Чтобы вы вместе могли заниматься там отвратительными вещами!»

«Что ты несешь, поганая старая ведьма!» — вырвалось у Пата.— «Она пытается спасти ваши жизни. Не теряй времени, Джемма! Забирай автономную систему, а я...»

«Я сказала, что разберусь с этим»,— сердито возразила Джемма.— «Возьми передатчик и все, что еще можешь прихватить. Ручирра, отдай ему распечатки, а я расскажу вам обо всем, что произошло».

«Ты видишь, она признает это, Ручирра!» — взвилась Скамбала.— «Я говорила тебе, что это случится!» — Теперь она потрясла пальцем прямо перед его носом. Пат схватил распечатки и засунул в куртку. Ручирра замычал. Пат начал засовывать в мешок из-под смэша автономную систему.

«Он ведь опозорил тебя, разве не так?» — не унималась Камбала..

«Послушай»,— начала Джемма,— «над Ботеа, высоко в небе, над облаками, там, где вы не можете его видеть, находится берсеркер. Это ужасная военная машина уничтожения. Она убьет нас всех. Нужно...»

— Он опозорил тебя?» — взвизгнула Камбала.— «А?..»

С минуту Джемма стояла молча и просто смотрела на Камбалу, и Пат был уверен, что она сдастся под таким натиском. Он ждал, чтобы подать ей передатчик и мешок.

«Он пытался опозорить меня»,— сказала она,— «но я ему не позволила».

«О, большое спасибо!» — заявил Пат. Он взял передатчик и голосовой терминал, положил их во внутренний карман куртки и протянул руку за двумя энергетическими ружьями.

«Я потом все расскажу тебе»,— сказала Джемма.— «Но сначала вы должны пойти со мной в шахты. Вы и все Котаботы. Там вы будете в безопасности».

«Ну, вот»,— сказал Пат.— «Мы готовы. Если Котаботы не хотят спуститься в шахты, то могут оставаться здесь и познакомиться с берсеркером. Они смогли бы отлично поладить!»

«Можешь идти, если тебе нужно»,— сказала Джемма.— «Я не уйду, пока не объясню Котаботам все».

«Объяснишь все? Да тут не нужны никакие объяснения! Все, что их интересует — это хапал ли я тебя своими грязными руками?» — Принтер выдал еще одну распечатку и отключился. Ретч сделал движение в его сторону, но Пат перехватил сообщение. «Для вашего сведения, я хапал ее своими грязными руками. И тогда»,— он твердо посмотрел на Джемму,— «...и тогда она была очень даже не против. Теперь, конечно, все это выглядит по-другому...» — Он схватил свое энергетическое ружье и побежал вниз по ступенькам.— «Если ты передумаешь, я буду у входа в шахту на реке»,— проговорил он и покинул посадочную площадку.

Уже на полпути к входу в шахту он понял, что не следовало оставлять Джемму. Ему, как грязному насильнику, каким он был в глазах Котаботов, нужно было взвалить ее на плечо и унести с собой. Тогда, вероятно, все Котаботы последовали бы за ним — просто из любопытства.

Он уже почти повернул назад. Но остановился и подсоединил автономную систему к терминалу. «Посмотрим, что-нибудь входит в атмосферу?» — запросил он.

«Нет».

Одиночное автономное устройство ограничивало компьютер до прямых ответов «да» или »нет». Но этого будет достаточно до тех пор, пока он не достигнет входа в шахту. «Подай звуковой сигнал, если какой-то объект будет входить в атмосферу, начиная с этого момента»,— приказал он, снова засовывая терминал в куртку. Он будет предупрежден и сможет вернуться за Джеммой,

если берсеркер вздумает высадить на планету андроида. Но он совершенно упустил из вида тест на ядовитые газы или вирусы. Если берсеркер решил уничтожить целую планету, Пат предпочел бы умереть, не узнав, что тот сделал с Джеммой.

Вход в шахту был усыпан ветками нематеи, усеянными шипами — дарами, что Котаботы принесли для червей, которые, по их мнению, должны были в один прекрасный день, взрывая землю, выйти на поверхность и съесть их живьем. Они верили в это, хотя Пат сотни раз говорил, что не допустит такого. Когда они вообще верили чему-нибудь, что я им говорил, с горечью думал Пат, отбрасывая ногами с дороги ветки с шипами.

«Открыть дверь»,— громко скомандовал он. Массивная металлическая дверь поднялась вверх. На Адаманте называли построенные червями заграждения «противопожарными дверями», и в официальных бумагах говорилось, что они сооружались на протяжении всей длины шахт и возле каждого выхода на поверхность, чтобы предотвратить распространение возможного пожара, если таковой возникнет в угольных пластах. Но Пат отлично знал их истинное назначение. Адамант снабдил его атомными пушками и двумя энергетическими ружьями, чтобы охранять алмазы от грабителей, а в критической ситуации, перед тем, как умереть, он должен был закрыть все двери и замуровать алмазы. Так было написано в его контракте. Он хотел бы это сделать с берсеркером, но боялся, что *не удастся.*

Двери, конечно, не препятствие для атомного оружия, но во всяком случае, можно будет закрыть вентиляторы и дышать припасенным кислородом, используемым червями в качестве топлива, хотя и недолго. Берсеркер подождет.

Пат бросил свою поклажу и установил терминал сразу за дверью. Он включил контрольные огни, но дверь оставил открытой. Повторил запрос: «Ты не видишь никаких объектов, входящих в атмосферу?»

«Нет»,— был ответ.

«Хорошо»,— он закончил установку автономного устройства, разместив его вдоль одной из кислородных труб, что тянулась рядом с тоннелем, прорытым механическим червем.

«Какие-нибудь объекты входили в атмосферу?» — снова спросил он, так как теперь мог получить более полный ответ.

«Ни один с тех пор, как твоя гарпия повторно вошла в атмосферу. В это же время в атмосферу, плавно вошел еще один объект...»

«Какой объект?»

«Корабль типа твоего, но он превратился в наземный транспорт. Его масса...»

«Где он сейчас?»

«Я покажу»,— сказал компьютер и отметил на диаграмме района место, как раз в центре самого большого поля смэша Котаботов.

«Что он делает?»

«Никаких признаков активности, но я улавливаю в том районе загрязнение атмосферы с химическим содержанием...» — он остановился, чтобы провести химический анализ. Пат не стал ждать.

«Закрыть двери!» — закричал он, схватил энергетическое ружье и выскочил наружу.

Еще раньше, чем он достиг посадочной площадки возле конторы, Пат увидел дым, идущий со стороны поля смэша. Надеюсь, что это дым, думал он, а не газ.

Он взлетел по ступенькам и открыл дверь в контору, чтобы взять противогаз. Волна дыма ударила в лицо. Его первой мыслью было, что контора горит. Второй — что этот газ не ядовит, раз он, вдохнув его полной грудью, все еще жив. Но, если дым станет гуще, он не сможет дышать. Он и так уже едва мог видеть, что происходит.

Пат надел шахтерский противогаз и защитные очки. Пожар не коснулся конторы. Дым шел в открытое окно с поля. Были видны языки пламени. Огонь двигался в направлении деревни Котаботов. Мимо конторы беспорядочной толпой двигались Котаботы с мешками на плечах.

Он схватил второй противогаз и сбежал по ступеням навстречу им. «Идите к входу в шахту возле реки»,— прохрипел он.— «Я встречу вас там. Где Джемма?»

Они шли мимо, словно не замечая его, прижав к носам подолы рубашек. Замыкали группу Ручирра и Скамбала со своими тремя дочерьми, которые жались к ним и громко ревели.

«Где Джемма?» — повторил Пат.

«Я же говорила, что он вовсе не в шахте!» — с триумфом сказала Камбала.— «Это был всего-навсего трюк, чтобы поджечь наши поля!»

«Мы выразим протест!» — заявил Ручирра.

Пат схватил его за обе губкообразные руки и встряхнул: «Скажешь, наконец, где она, или я придушу тебя! Где Джемма?»

«Попытка убийства!» — громко взвизгнул Ретч.— «Адамант узнает об этом!»

Пат больше не мог тратить на них время. Он бросился в деревню мимо нестройной толпы Котаботов, которые кашляли и обливались слезами от едкого дыма, пахнущего жженными куриными перьями. Но никто из них не бросил свои мешки. Попасть в саму деревню он не мог. Ее домишки уже горели. Крытые нематеей крыши с треском обрушивались внутрь глиняных хаток. Сложенная из угля ограда, опоясывавшая деревню, тоже горела. Жаркая красная лента, клубящаяся желтым дымом.

«Джемма!» — закричал он.— Джемма!»

Огромное поле смэша тоже горело, но дыма было меньше. Вдали, в центре его, он смог разглядеть приземистый черный объект, пауком жавшийся к земле, а перед ним — другие, меньшего размера — не тела, как надеялся он. Это, определенно, был посадочный аппарат берсеркера. Он также надеялся, что объекты перед аппаратом не были андроидами. Во всяком случае, они не двигались.

Вдруг он увидел, что к посадочному аппарату, находясь уже на полпути, движется какая-то фигура, с трудом пробираясь через один из бродильных рвов.

«Джемма!» — закричал Пат. Фигура обернулась, затем снова продолжала свой путь. Он бросился к ней, перепрыгивая заросли горящего смэша, чтобы достичь того же рва. На дне канавы все еще была вода, но даже сквозь подошвы ботинок Пат почувствовал, какая она горячая. Разбрызгивая воду, он бежал к тому месту, где стояла Джемма, прикрыв подолом блузы рот и кашляя.

«Какого черта ты здесь делаешь?» — заорал он. Отбросив от ее лица подол, он натянул ей на голову противогаз.— «Это посадочный аппарат берсеркера!»

Джемма была дальше от опасного места, чем он думал. Сейчас аппарат находился на расстоянии не более пятидесяти метров. «Прячься!» — приказал он, увлекая ее вниз, в мерзко воняющий ров.

«Я знаю»,— попыталась она выговорить, продолжая кашлять.— «Котаботы...»

«Это они устроили пожар? Аппарат стрелял в них?»

«Нет»,— ответила она. Кашель прекратился, но голос

еще оставался хриплым.— «Аппарат ничего не делал. Это я зажгла огонь!»

«Ты? Какого черта; Ты что, думала, что машина зайдется от кашля или как?»

«Я сделала то, что первое пришло в голову. Тебя не было рядом, чтобы спросить!» — она поднялась.— «Нам нужно пойти туда и взять...»

Вдруг сверкнула вспышка ярко-красного света, раздался резкий потрескивающий звук, и объекты перед аппаратом вспыхнули.

«Мне послышалось, ты сказала, будто он ничего не делает?» — спросил Пат.— «Это лазер! Мне плевать, что ты хотела пойти и что-то там забрать! Бежим!» Он схватил ее за руку. Джемма не сопротивлялась. Они побежали, пригнувшись, вдоль рва, на край поля, затем пошли, укрываясь за дамбой, окружавшей ее. Посадочный аппарат продолжал вести огонь. Пат снял ружье и выстрелил несколько раз, что, казалось, не произвело никакого эффекта. Аппарат не ответил. Вместо этого он издал скрежещущий звук и покатился прямо на них.

Пат оглянулся. Котаботов, к счастью, нигде не было видно. Иначе Джемма могла настаивать на разъяснении им происходящего. Ветер изменил направление, и огонь переметнулся на другую сторону деревни. Это означало, что контора и гарпия уцелеют, если берсеркер не взорвет их. «Уходим»,— сказал Пат, выпустив еще два заряда. Они побежали, прячась за деревенской оградой, к густым зарослям нематеи, которые еще не загорелись.

«Что ты делаешь?» — закричала Джемма.— «Куда мы идем? Это не та дорога!»

«Нам нужно увести его подальше от гарпии. Мы срежем путь, пройдя сквозь чащу, а затем вернемся назад вдоль реки к выходу в шахту. Он не слишком быстро передвигается. Мы его опередим!»

В одной из траншей аппарат застрял. Пат несколько раз выстрелил, чтобы напомнить ему о себе, и они вломились в заросли. Это было ужасно! Джемма зацепилась за одну из ветвей, и Пату пришлось оторвать изрядный кусок блузы, чтобы освободить ее. В результате они здорово поцарапались, пока смогли выбраться.

Река была не лучше. Дым пожара скопился у ее берегов так густо, что даже защитные очки помогали мало. Машина медленно нагоняла их. Очевидно, они прокатилась прямо по зарослям. Джемма и Пат, шумно разбрызгивая воду, добежали до входа в шахту.

«Открыть дверь»,— скомандовал Пат, когда они были еще на расстоянии ста метров. Возле двери стояла кучка Котаботов. Когда она с лязгом поднялась, те попятились назад, роняя мешки с пожитками.

«Все внутрь!» — приказал Пат и повернулся. Он опустился на колено, чтобы попытаться достать из ружья одну из гусениц аппарата, когда тот выедет из рощи.

Джемма пыталась провести Котаботов через дверь в глубь шахты, в темноту вырытого червями тоннеля, но они во что бы то ни стало хотели подобрать свои узелки, хотя берсеркер практически наступал им на пятки.

«Они все вошли?» — прокричал Джемме Пат. Аппарат выехал на площадку перед входом.

«Да! Нет! Скамбала, скорее сюда! Бегом, Пат!» — взмолилась она. Он подскочил к двери с криком: «Джемма, ложись!» и затем, уже с опозданием: «Двери закрыть!»

Он прижался к стене, закрыв собой Джемму. Дверь с лязгом упала. Он остался стоять, все еще прижимая Джемму к себе, и прислушиваясь. Раздавались слабые посвистывания: это означало, что берсеркер продолжал лазерный обстрел. Свободной рукой Пат стянул противогаз. Котаботы наблюдали за ним с вызывающе воинственным видом.

«Думаю, дверь выдержит»,— сказал Пат Джемме,— «Но не помешает поставить на пути еще несколько противопожарных дверей. Теперь можешь снять эту штуку».

Джемма стащила с головы противогаз. В тусклом свете она выглядела испуганной, если не сказать больше. На ее темных щеках виднелись серые следы сажи.

«Все в порядке»,— сказал Пат,— поворачивая ее к себе. «Он оказался там, где мы и хотели. Он не нашел гарпию и не сможет прорваться сквозь дверь. Адамант позаботился об этом. И, если ты дашь мне несколько минут, я придумаю, как вышвырнуть его с Ботеа».

После этих слов она побледнела и испугалась еще больше. Аппарат действительно поверг ее в ужас. Пат притянул ее к себе и неловко погладил по спине: «Все в порядке, дорогая!»

«Так я и знала»,— проговорила Камбала.— «Позорит ее прямо перед нами. Кто из нас будет его следующей жертвой?»

Джемма выскользнула из рук Пата. «Скамбала»,—

сказала она, подбирая фонарь и мешок, набитый автономными узлами,— «Пат хочет, чтобы мы спустились в глубь шахты. Вы будете выполнять то, что он говорит, иначе я отошлю вас обратно». Он не помнил случая, чтобы прямая угроза подействовала на Котаботов, но сейчас это сработало. Камбала и другие, шаркая ногами, отступили, давая Пату дорогу.

Пат зажег фонарь на своем шахтерском противогазе и передал, держа за ремни, Джемме: «Пошли».

«Я подам против этого протест»,— заявила Скамбала.

«Считай, что ты уже это делаешь»,— ответила Джемма и начала путь по тоннелю, прорытому механическим червем.

Возле второй противопожарной двери Пат решил, что он предпочел бы встретиться лицом к лицу с берсеркером, чем и дальше иметь дело с Котаботами. Младшая дочь Камбалы споткнулась о кусок угля и подняла вой, который эхом отозвался в стенах шахты, а Ретч и Скамбала пригрозили ему, по крайней мере, еще тринадцатью протестами.

Он закрыл дверь и сказал: «Пока достаточно. Дайте мне место, чтобы установить компьютер». Он поставил его на края вентилятора и попросил данные об их местонахождении. «Там немного дальше есть пересечение ходов, оставленных червями. Джемма, отведи Котаботов туда, а сама возвращайся назад, ты мне будешь нужна».

«Хорошо»,— сказала Джемма и повела их вниз по проходу. Пока она отсутствовала, Пат осмотрел поверхность и изучил все распечатки. Высадившийся аппарат все еще стоял возле шахты, но уже не стрелял. Пат надеялся, что тот не собирается применять еще какое-нибудь оружие. Пожар прекратился сам по себе. Гарпия была цела и невредима, как и контора. Берсеркер тоже, но он был по другую сторону Ботеа, где останется еще ближайшие три часа: больше он ничего и никого на поверхность планеты не отправил.

«Что можешь сказать по поводу посадочного аппарата?» — сделал Пат запрос компьютеру.

«Соответствует описанию берсеркера, высадившегося на Полару»,— тотчас ответил компьютер.— Защитная система планеты уничтожила трех андроидов и нанесла существенный урон берсеркеру, но посадочный аппарат не пострадал. Он изготовлен из титанового сплава». Компьютер нарисовал техническую схему посадочного

аппарата. Это определенно была та самая штука, что стояла снаружи.— «У посадочного аппарата нет собственного электронного мозга, как у андроидов. Он получает команды от берсеркера на орбите».

«Берсеркер, похоже, залег на орбите, чтобы построить себе новые андроиды, и мы обнаружили его случайно»,— сказал Пат.

«Данные с Полары показывают, что посадочный аппарат может быть уничтожен, как видно на схеме, прямым попаданием сверху в среднюю секцию взрывного устройства мощностью две тонны». В середине диаграммы, прямо над передатчиком, загорелся огонек.

«Если они знали, как уничтожить, почему не сделали этого?» — спросил Пат и пожалел об этом. Он боялся, что уже знал ответ... Все большие корабли поселения сражались в небе с берсеркером, люди внизу пытались остановить андроидов, а что делал посадочный аппарат? Был ли это вирус или газ?» — «Подключи нас к внутреннему кислороду»,— сказал Пат.— «Вентиляторы включи...» — «Где?» — Берсеркер был с другой стороны планеты, он мог начать свою атаку на нематею и дикий смэш.— «Включи вентиляцию у Точки Контакта с Поверхностью номер десять, но сначала проверь состав воздуха и держи его под наблюдением. Покажи мне ту диаграмму еще раз».

«...Я оставила Котаботов на пересечении тоннелей»,— сказала Джемма, поспешно возвратившись назад и слегка задыхаясь.

«Хорошо»,— произнес Пат.— «*Теперь ясно, почему* это посадочный аппарат такой тугодум. Это всего-навсего транспорт для андроидов берсеркера, но здесь их нет ни одного. Он получает приказы от берсеркера, а они, вероятно, заключались в том, чтобы спуститься вниз, оглядеться, может быть, захватить пару туземцев для изучения. Я не думаю, что он был готов вести сражение».

«Тогда почему он начал стрелять в нас?»

«Не знаю, Джемма, может, он решил, что пальба по нему — это проявление враждебности? Может быть, он только взглянул на Котаботов и сам решил уничтожить их всех до одного. Как бы то ни было, мы выходим наружу»,— он указал на экран.— «Мы пройдем вниз, минуем перекресток и выйдем в тоннель, который приведет прямо на поверхность. Мы окажется на расстоянии полутора километров от гарпии».

«Гарпии»,— слабо повторила Джемма.

«Да»,— сказал Пат. Он отцепил передатчик от управляемого голосом терминала и положил его в карман.— «Мы поднимемся на гарпии вверх и вышибем из наземного аппарата мозги прежде, чем он получит новый приказ».

«Нет, мы не сделаем этого»,— сказала Джемма, и голос ее прозвучал сердито.

Пат обернулся: «У тебя что, есть идея получше?»

«Нет»,— ответила она. Теперь она выглядела не рассерженной, а, скорее, напуганной до смерти.— «У меня нет никаких идей».

«Ну что ж, тогда попробуем по-моему. Или ты хочешь остаться здесь и строчить для Котаботов протесты?»

«Мы не можем подняться на гарпии, Пат»,— проговорила она.— «Котаботы забрали плату блока управления. Они отнесли ее посадочному аппарату...»

Пат встал: «Вот почему ты пыталась вернуться назад...»

«Да»,— ответила Джемма и слегка попятилась, словно он собирался ее ударить.— «Я разожгла огонь, но это не помогло. Они все равно отнесли плату посадочному аппарату».

«А он ее взорвал... Почему ты не сказала сразу? Забудь об этом! Ты все сделала, что могла. Мне не следовало оставлять командный блок гарпии, зная что это нас погубит. Ты ведь знаешь это?»

Она облокотилась на угольную стену: «Да, знаю».

Пат сидел, сгорбившись, против кампьютера и старательно всматривался в него: «Он ... я не знаю... Возможно, если уйти как можно глубже, закрыть все противопожарные двери, то мы сумеем продержаться, пока на Канделстоуне не получат наше сообщение».

Она отошла от стены и взглянула на экран дисплея: «А как насчет орбитальных атомных орудий?»

«Ты что, шутишь? Даже если бы мы знали, куда бить, то потребовался бы заряд в четыре раза превосходящий силу того, что есть — и это чтобы сделать в нем хоть небольшую вмятину!»

«Я имела в виду посадочный аппарат»,— сказала она. И перегнулась через его плечо, чтобы получше разглядеть схему аппарата.

«Атомный удар, будь он направлен на Ботеа, уничтожил бы и нас. Но он направлен в другую сторону. Джем-

ма, без гарпии мы ничего не можем сделать!»

Она продолжала смотреть на экран: «А как насчет этих механических червяков?» — спросила она.

«Черви?»

«Да. Эта диаграмма показывает, что можно ударить сверху, но система связи блока управления проходит по всей длине аппарата. Почему бы нам не попытаться достать его снизу? Мы могли бы установить на червяке двухтонное взрывное устройство и пробуравить ход под посадочный аппарат. Разве нет?»

Он встал на ноги. «Где ближайший червяк?» — спросил он у компьютера.

Компьютер обозначил двойным огоньком местоположение ближайшего червя-землероя на карте шахты. Он находился в тоннеле под ним, всего в нескольких сотнях метров от пересечения ходов.— «Задержи его там. У него есть мины?»

«Да»,— был ответ.— «Девятнадцать».

«Девятнадцать»,— проговорил Пат.— «Джемма, ты потрясающая!»

«Я сопоставил данные, полученные с Полары, и картину повреждений берсеркера, у меня есть план атаки»,— сказал компьютер.— «Корабль с направленным дымовым экраном и С-пушкой мог бы прорваться сквозь защитное поле берсеркера к его мозгу».

«Да, отлично, но у нас нет дымового экрана! Или пушки. Тем не менее, *спасибо!*». *Он протянул Джемме* два шахтерских противогаза, *снял со стены тоннеля* водородный фонарь: «Пойдем, Джемма!» Она последовала за ним. Но перед этим попросила компьютер по радиопередатчику разъяснить еще раз пункт за пунктом, потом повторила запрос.

Компьютер вел их по неровному ходу, прорытому червями к нужному месту — перекрестку тоннелей. Какое-то время Котаботы пытались следовать за ними, пока Джемма холодным тоном не сказала: «Оставайтесь в боковом тоннеле, или я попрошу Пата натравить на вас червяков». Они были так изумлены, что даже не выразили желания заявить протест. Вместо этого Ретч заискивающе спросил, нельзя ли им взять фонарь. Джемма дала им один из шахтерских противогазов с закрепленным на нем фонарем.

Пат не был уверен, что они не передумают в последний момент и не пойдут за ними — посмотреть, не посягнет

ли он на Джемму. Он закрыл две противопожарные двери, которые остались позади них.

«Ты уверен, что мы в нужном месте?» — спросил Пат. Никакого ожидаемого пересечения тоннелей не было. «Я не вижу никаких ходов»,— проговорил он и тут же чуть не свалился в проем. Она вела прямо вниз, эта грубо вырытая дыра в середине тоннеля. Когда Пат посветил туда фонарем, то увидел только дно, но ни одного червяка.

«Ну вот»,— сказал Пат и прошел на несколько метров по тоннелю и свернул за угол.

«Мне показалось, ты сказал, что это то самое место»,— промолвила Джемма.

«Это оно,— сказал он,— «А сюда мы отправимся, когда червяк выйдет из своей норы». Он показал ей полость, образованную в результате обвала мягкого угля.

Он вернулся назад в тоннель и втиснулся в дыру, пытаясь найти в стене упор для ноги. Джемма держала фонарь. Затем Пат забрал его, чтобы она могла спуститься вниз и стать рядом с ним на кучу булыжников.

«Такое впечатление, что здесь произошел обвал»,— сказала Джемма,— «как мы проберемся?»

«Никак»,— ответил Пат.— «Я думаю, что червяк здесь». Он стал на колени и начал расчищать место, отбрасывая глыбы желтого угля. Под ними пальцы почувствовали гладкую поверхность головы червяка. «Видишь?» — спросил он.

«Где же взрывное устройство?» — поинтересовалась Джемма.

«Внутри его пасти. Мы не сможем добраться до его. Но кнопки управления — снаружи, как раз за головой»,— он отбросил еще несколько булыжников, обнажился скошенный прямоугольник контрольной панели. Пат поднял крышку: «Когда червяк копает новый ход, он выплевывает снаряд, пятится на безопасное расстояние и взрывает его. Я собираюсь изменить последовательность, хочу исключить выброс снаряда. Когда взорвется первый из двухтонных снарядов, за ним сдетонируют и остальные восемнадцать. Дай координаты посадочного аппарата».

Он протянул передатчик, и она сделала запрос: «Укажи местонахождения посадочного аппарата»,— а затем приложила передатчик к уху Пата, чтобы он мог набрать указанные координаты на панели.

«Отлично»,— проговорил он, выпрямляясь.— «Я настроил его на выход как раз под посадочным аппаратом и на его подрыв. Сначала он отправится по уже существующим ходам на максимальной скорости. Затем на последнем отрезке в сотню метров его челюсти заработают на полную мощность, и будем надеяться, что он не сгорит прежде, чем поднимется на поверхность. Таким образом, нашей единственной задачей будет»,— он взял Джемму за талию и поставил ее на первую ступеньку,— «...убраться с его дороги. Потому что ровно через тридцать секунд после того, как я запущу червя, он вылезет из этой норы, невзирая на то, будем мы здесь или нет».

Она уже стояла наверху. Пад подал ей фонарь и крепко ухватился за выступ, быстро нагнулся и нажал на пуск. Джемма поставила фонарь и наклонилась над ямой, чтобы подать ему руку.

Червь-землерой издал низкий звук, похожий на рычание, дрогнул и, резко подавшись назад, освободил свою серую металлическую голову из-под груды камней. Пат еле успел впрыгнуть на вторую ступеньку. Джемма ухватила его за руку и подтянула к краю ямы.

«Давай!» — просила она, изо всех сил пытаясь вытащить его. Он выкарабкался наверх. «Червь идет!» — вскрикнула она и наклонилась за лампой.

«Брось, некогда!» — заорал Пат и толкнул ее за угол тоннеля в нишу в стене.

Червяк оглушительно зарычал и внезапно исчез в дальнем конце тоннеля. Какое-то время на руднике воцарилась тишина, а затем раздался грохот обвалившейся скалы: в яму обрушился уголь, который червяк подкопал на своем пути. Внезапно тоннель погрузился в темноту.

«Нужен фонарь»,— сказала Джемма.— «Ты ведь сказал, что у нас есть тридцать секунд?»

Пат отошел от нее: «А я думал, у тебя хватит ума не выпускать его из рук ни на минуту. Причем здесь время?»

Ему не следовало отходить от Джеммы. В абсолютной темноте он не имел ни малейшего представления о том, где она находилась. Он прислушался, стараясь уловить ее дыхание, но услышал только двойной клацающий звук. Это автоматически открылась и тут же закрылась ближайшая противопожарная дверь, пропуская червяка. Пат сделал осторожный шаг вперед и едва не провалился в другую яму. Он прислонился к стене ниши, уперся руками в скалу и присел на корточки. «Тебе бы тоже не мешало сесть и расслабиться»,— сказал он и похлопал

по полу рядом с собой.— «Некоторое время мы побудем здесь».

«Можешь сидеть, если хочешь»,— проговорила Джемма и наступила ему на руку.— «Мне нужно назад: убедиться, что с Котаботами все в порядке. Они, наверное, думают, что придет червяк и съест их».

Она сошла с его руки и тут же растянулась, споткнувшись о его ноги. Он на ощупь нашел ее колено, а затем и руку, чтобы помочь встать. «Интересно, как далеко ты собираешься уйти без света?» — спросил Пат сердито.— «Провалишься в ту яму, из которой мы только что выбрались. Или еще хуже. Мы остаемся здесь!»

«Котаботы...»

«Котаботы спокойно позаботятся о себе сами. Я хоть сейчас могу поставить на Котабота против берсеркера»,— сказал он, не выпуская ее руки.— «Мы останемся здесь до тех пор, пока червяк не взорвет этот аппарат». Джемма ничего не ответила, но ее рука напряглась. «Садись»,— сказал Пат, усаживая ее рядом.— «Передатчик еще у тебя?»

«Да»,— холодно ответила она.— «Если ты меня отпустишь, я достану его из кармана».

Он слышал, как она копошилась, извлекая его. «Возьми»,— наконец сказала она и стукнула Пата передатчиком прямо по носу.

«Спасибо»,— поблагодарил он.

«Я не хотела...» — сказала она.— «Я же не вижу тебя!»

Он поймал ее руку и забрал передатчик. «Где червяк?» — последовал вопрос компьютеру.

«Только что миновал пересечение ходов и по главному тоннелю поднимается вверх»,— ответил компьютер.

«Хорошо»,— сказал Пат.— «Сообщи, когда он начнет рыть новый тоннель.

Минутой позже компьютер объявил: «Он начал копать».

«Ты можешь приблизительно сказать, сколько времени ему нужно, чтобы добраться до поверхности?»

«От восьми до двенадцати минут»,— ответил компьютер.

«Предупреди, когда ему до поверхности останется десять метров»,— попросил Пат. Он положил передатчик в карман и легко прикоснулся к руке Джеммы, взял ее в свою.— «Я не хочу, чтобы ты снова ударила меня по носу»,— сказал он.— «Через какие-нибудь двадцать ми-

нут у нас будет достаточно света, чтобы продолжить путешествие».

«Пат»,— проговорила она.— «Это я виновата, потеряла лампу...» — Голос ее немного дрожал.

«Ну, вот что, перестань меня дурачить»,— сказал он весело.— «Знаю, ты нарочно бросила этот фонарь, чтобы остаться со мной наедине в темноте».

«Неправда!» — с негодованием воскликнула она. Пат ожидал, что она вырвет руку, но Джемма этого не сделала.

«Давай»,— сказал он,— «ты же умирала от желания побыть со мной, так как сейчас. Признайся, ты ведь без ума от меня?»

«Я признаюсь»,— сказала она, и голос ее больше не дрожал.— «Я без ума от тебя».

С чего он взял, что не сможет найти ее в темноте? Пат не сделал ни одного лишнего движения. Он не задел ее по носу. Ему вообще не понадобилось двигаться, чтобы найти и поцеловать ее.

«Червяк в десяти метрах от поверхности»,— оповестил компьютер из кармана Пата после того, как незаметно пролетели эти — сколько их было — восемь или десять минут? — «Девять с половиной метров, девять...»

«Я так и знала»,— произнесла Камбала, направляя на них луч света от шахтерского противогаза.— «Я сказала Ручирре, что это никакой не берсеркер, а всего-навсего трюк, чтобы вы могли...» — Вдалеке раздался низкий пронзительный звук, Джемма зажмурилась от света: «Что это? Такое впечатление, будто...»

«Я знаю, как это звучит»,— ответил Пат. Он выхватил передатчик из кармана.

«Семь с половиной метров»,— объявил компьютер.

«Что это за звук?» — заорал Пат в терминал.

«Мы знали, ты лжешь нам, пытаясь заманить в ловушку под землей, чтобы червяки могли нас съесть, а ты — завладеть Джеменкой и опозорить ее»,— продолжала Камбала.

«Что вы сделали?» — спросила Джемма.

«Как только мы вернемся в деревню, то заявим протест. Пойдем, Джеменка!» — Она схватила Джемму своей губкообразной лапой.— «Мы сейчас же уходим. Ручирра открыл двери!»

«Закрыть двери!» — завопил Пат.— «Закрыть двери!»

«Двери не среагируют на твой голос, идущий из передатчика»,— заявил компьютер.— «Слишком большие искажения».

«Прикажи Ручирре немедленно закрыть двери»,— обратилась Джемма к Камбале,— «иначе внутрь въедет посадочный аппарат!»

«Он уже не там, где раньше?» — спросил Пат.

«Да, он в главном тоннеле»,— ответил компьютер.

«Ты должен закрыть все двери прежде, чем он продвинется дальше. Имитируй мой голос!»

Воцарилась пауза. Компьютер голосом Пата объявил: «Закрыть двери!» — и вспыхнул свет.

Вспышка ослепила Пата. За долю секунды до взрыва он иступленно схватил Джемму и попытался толкнуть под навес пещеры. Они оба повалились, и он прикрыл ее собой. Нужно было укрыться от валунов, которые покатились на них, и переждать, пока стихнет грохот. Скоро все успокоилось. Но Пат даже не пытался подняться.

«Попытка убийства!» — вопила откуда-то издалека Камбала.

Падая, Пат уронил передатчик. «Ты здесь?» — заорал он.— «Где посадочный аппарат? Двери закрылись?» — Ответа не последовало. Так и есть! Двери были открыты, и единственное, что могло взорваться — это компьютер. Посадочный аппарат, вероятно, был уже на полпути сюда.

Пат перевалился набок. «Ты в порядке?» — спросил он Джемму, удивившись, что смог ее разглядеть. Затем встал и протянул ей руку, посмотрев на место, где находилась пещера. То, что они не оказались заваленными под грудой камней, было настоящим везением, потому что пещеры больше не существовало.

Джемма села и посмотрела в тоннель. «Откуда идет этот свет?» — спросила она.

Свет был слишком ровным для лазера и слишком ярким, чтобы думать, будто это Котаботы со вторым шахтерским противогазом идут обвинить его в надругательсве над Джеммой. Свет имел слегка красноватый оттенок. Пат прислонился спиной к стене и закрыл глаза. «Уголь горит»,— сказал он.

Джемма потянулась вперед и взяла передатчик. «Ты там?» — спросила она, поднеся его близко к губам.— «Ты еще там?»

«Бесполезно»,— сказал Пат.— «Взрыв червяка уничтожил компьютер».

«Вы меня слышите?» — раздался голос.— «Где вы? Назовите себя».

«Я Джеменка Багази, представитель ICLU»,— сказала она.— «Мы находимся в угольных шахтах. Вы записываете?»

«Записываем»,— ответил голос.— «Это Бузз Джеймсон. Дорогая, вы знаете, что тут прямо над вами находится берсеркер?»

«Да!» — ответил Пат, но Джемма не отпустила передатчик.

«У вас есть направленный дымовой экран? И сверхсветовая пушка?»

«У нас есть все, что твоей душе угодно, крошка. У нас здесь наверху половина военного флота Адаманта. Только скажи, что нам делать, и мы взорвем этот берсеркер и спустимся за тобой, милая».

«Хорошо»,— сказала Джемма.— «Но поспешите! У нас в шахте посадочный аппарат».

«Только посадочный аппарат?» — переспросил Джеймсон,— «а андроиды?»

«Нет»,— сказала Джемма.— «Быстрее! У аппарата есть лазер».

«Не волнуйся, дорогая! Мы так здорово его глушим, что он не может получать сигналы от своего папы-берсеркера. Он никуда не движется. И папа-берсеркер тоже не может услышать о твоем плане. Почему бы тебе, дорогуша, не сказать, что мы еще должны сделать?»

«Очень хорошо, самое время»,— сказала Камбала.— «Я думала, Адамант никогда не откликнется на наши протесты».

Они вышли из шахты, хотя Джеймсон велел им оставаться на месте. Но им не очень-то этого хотелось, тем более, что посадочный аппарат получил повреждения. Рудник все еще горел, однако оранжевый свет из главного тоннеля не становился ярче, и Пат не чувствовал запаха дыма.

Теперь было достаточно света, чтобы видеть, и они оба, Джемма и Пат, глядя на карту, хорошо представляли, где находятся.

«Мы выходим»,— сказал он Джеймсону по передатчику.— «Вызови Котаботов, чтобы показали место выхода на поверхность возле перегонных кубов».

После первого поворота тоннеля им снова пришлось

включить фонари на шахтерских противогазах. Пат послал Камбалу вперед, чтобы она держала противогаз высоко над головой, как лампу. Он надеялся, что это занятие заткнет ей рот. Напрасно.

«Хочешь, чтобы я шла впереди, чтобы столкнуть меня в яму»,— заявила она.

«Это мысль!» — сказал Пат.— «С другой стороны»,— обратился он к Джемме,— «она может оказаться единственной из Котаботов, кто выжил...»

«Джеймсон — специальный уполномоченный Адаманта по урегулированию конфликтов»,— сказала Джемма.— «Я читала об этом. Зачем он здесь?»

«Может, чтобы уничтожить берсеркер»,— ответил Пат.— «Я не думаю, что Адаманту есть дело до нас. Но они должны защищать свои алмазные копи!»

Наружная дверь была закрыта. «Открыть дверь»,— скомандовала Камбала голосом Пата. Дверь немедленно поднялась вверх.

«Ах, вот как ты открыла дверь, ты, липкая поганка, да я тебя!..»

«Ты слышала это»,— промолвила Камбала.— «Он мне угрожал!»

От солнечного света Пат зажмурился. На площадке толпились Котаботы и среди них примерно дюжина мужчин и женщин в летных костюмах и шлемофонах. Джеймсон не шутил: вместе с ним прибыла добрая половина военного флота.

«Не теряйте времени»,— заявил Ретч.— «Он поджег наши поля смэша, он взорвал наш рудник, он пытался убить нас. Арестуйте его!» Ретч разговаривал с высоким рыжеволосым мужчиной, державшим свой шлемофон под мышкой. Это был Джеймсон.

«Приятель, мы так рады тебя видеть»,— сказал Пат и протянул руку для пожатия.

Джеймсон выглядел смущенным.

«Эти идиоты открыли противопожарные двери и дали посадочному аппарату войти в шахту. Если бы вы не прибыли вовремя, с нами было бы покончено»,— сказал Пат.— «Да, вспомнил, вам нужно отдать распоряжение главному компьютеру включить противопожарную систему. Там внизу горит уголь! Компьютер в моей конторе».

«Вы Патрик Девлин?» — спросил Джеймсон.

«Да»,— сказал Пат.

«Вы арестованы».

Стыдясь самого себя, Джеймсон запер Патрика в его конторе и отправился на переговоры с Котаботами. Но когда он вернулся, то выглядел не смущенным, а скорее разгневанным.

«Я предупреждал, что с ними разговаривать бесполезно»,— сказал Пат.— «Я потушил пожар. Это горел не уголь. Котаботы притащили в шахту почти половину своего урожая смэша. Я закрыл основной тоннель. Посадочный аппарат все еще сидит там. При взрыве он не пострадал. Что с ним можно сделать?»

«Тебя отстраняют от должности»,— сказал Джеймсон.— «Завтра утром мы заберем тебя с Ботеа».

«Без Джеммы я не поеду!»

«У тебя вряд ли есть возможность предъявлять требования»,— ответил Джеймсон.— «Даже если Джемма хочет уехать с тобой».

«Что все это значит? Конечно, она хочет ехать со мной! Котаботы пытались убить нас обоих. Если бы не вы...»

«Да, несомненно, это замечательно, что я прибыл вовремя»,— он поднялся.— «Против тебя выдвинуты обвинения в уничтожении частной собственности, попытке убийства, в изнасиловании...»

«Изнасиловании? Но ты же сам в это не веришь, не так ли? Спроси Джемму. Она тебе скажет!»

«Она-то мне и сказала»,— промолвил Джеймсон.— «Она-то как раз и обвиняет тебя. Отказ в подаче протестов и отказ в сотрудничестве».

«Джемма... выдвинула обвинения?»

«Да, поэтому дело и приняло серьезный оборот. Котаботы с самого начала требовали твоего отстранения. В их культуре сексуальное насилие считается абсолютным табу».

«Вот здорово! Я полагаю, что они хотят меня повесить, и ты не прочь сделать то же самое. Жаль, что ты уничтожил берсеркера: он был не таким уж плохим парнем в сравнении с тобой и Котаботами. Да и Джеммой...»

«Тебя не повесят»,— сказал Джеймсон,— «хотя, по моему мнению, ты этого заслуживаешь! Тебя женят».

Джеймсон под вооруженной охраной доставил Пата в деревню Котаботов. Она не успела сгореть дотла. Глиняные домишки уцелели. Джемма в бесформенном черном мешке с букетом колючей нематеи стояла у

входа в хижину, служившую хранилищем смэша. Она не взглянула на него — так же, как и Пат — на нее.

Джеймсон как капитан корабля провел церемонию, с негодованием глядя на Пата и сочувственно улыбаясь Джемме. В одну секунду он все закончил, захлопнул книгу и сунул им под нос свидетельство о браке для подписи. Джемма подписала его, не говоря ни слова, дождалась, пока подпишет Пат, и удалилась в хижину.

Скамбала погрозила Пату пальцем: «Сейчас тебя женят согласно церемонии Котаботов». Она повернулась к Джеймсону и сладко ему улыбнулась: «Мы установили перегородку в хижине, чтобы быть уверенным, что Дьявол не изнасилует Джеменку во время церемонии».

Вооруженная охрана бросила Пата в хижину и заперла дверь. Внутри пахло жженными куриными перьями. Перегородка в виде куска тонкого черного металла, зажатого между тяжелыми мешками сохнущего смэша, доходила до самого верха, где когда-то была крыша.

«Они установили эту перегородку, чтобы я тебя не изнасиловал»,— сказал Пат.— «Полагаю, это была твоя идея?»

Джемма не ответила.

«Изнасилование, ха? Полагаю, ты им сказала, что и пожар устроил я? Чудненько! Почему же ты не сказала, что и берсеркера притащил я, чтобы уничтожить их?»

Ответа по-прежнему не последовало. Он слышал, как Ручирра что-то поет монотонным голосом и уловил слова: «Дьявол» и «отвратительный насильник».

«Но ничего, не беспокойся»,— сказал он.— «Еще успеешь сказать после свадьбы». Он подошел к перегородке и приложил ухо. Ничего не было слышно. Звук пения удалился и вскоре смолк.

Пат почувствовал запах дыма: «Здорово! Они собираются нас поджарить! Это, наверное, их излюбленная часть церемонии...»

Джемма все еще продолжала хранить молчание. Может быть, ее даже не было по ту сторону перегородки. Может быть, они запихнули туда Камбалу, и сейчас она пытается прорваться и сунуть ему под нос свой палец.

Пат попытался поднять перегородку, но та оказалась тяжелее, чем казалось на первый взгляд. Он с интересом подумал, где Котаботы ее достали. Это могла быть часть от взорванного червяка, но тот металл был светло-серым, а этот почти черным.

«Так вот что это!» — закричал он.— «Они разобрали

на части посадочный аппарат! В следующий раз они используют берсеркера для освещения. С чего я решил, что их нужно спасать? Нам следовало отослать их наверх, чтобы они спасли нас!»

«Они и так спасли нас»,— ответила Джемма. В ее голосе, искаженном металлом, появилось что-то от звона колокольчика.— «Это они послали за Джеймсоном!»

«О, действительно... Хм, не будет ли вам угодно рассказать, как они умудрились передать послание на Адамант всего за двадцать минут?»

«Не за двадцать минут! Они отправили его три недели назад. Я тебе говорила, это был дополнительный протест. Они скопировали твой голос для компьютерного доступа и отправили протест сами».

Он хорошо мог слышать голос Джеммы через перегородку поэтому причины громко говорить не было, но он закричал: «Почему ты думаешь, что Адамант не замедлил прислать сюда людей после какого-то их протеста, хотя раньше они не обращали внимания на те, что посылала ты?»

«Я никогда не посылала протесты, которые составляла»,— сказала она.

Металлическая перегородка оказалась невесомой, когда он подхватил ее и бросил в угол на мешки со смэшем. Он смотрел на Джемму, она выдергивала из своего букета шипы.

«Почему ты не заявляла протесты?» — спросил он.

«У Джеймсона есть план, как нас вызволить отсюда»,— сказала она, словно обращалась к своему букету.— «Контракт Котаботов категорически запрещает заключение любых легальных контрактов между представителями ICLU и людьми Адаманта. Конфликт интересов».

«А свидетельство о браке — это легальный документ! Что же он собирается делать? Отправить нас назад на Адамант для судебного разбирательства?»

«Нет, он собирается обвинить Ручирру в нарушении контракта. Он считает, что Котаботы сами спровоцировали брак, когда настояли на моем участии в орбитальном облете вместе с тобой — что они и сделали на самом деле. Он скажет, что Адамант собирается порвать контракт, а это значит — закрыть алмазные копи. Ручирра примет другую сторону и будет настаивать, что они не хотят прекращения контракта. Джеймсон заявит, что единственный вариант, на который согласится Адамант — это забрать инженера Адаманта и ICLU предста-

вителя на Адамант, чтобы там аннулировать их брак».

«Итак, этот план целиком и полностью придумал Джеймсон, а?»

Она выдернула колючий цветок: «Ну, не совсем. Я имею в виду, что рассказала ему, как ты вынудил Котаботов сделать то, что ты хотел, а план придумали мы вдвоем».

«Чья это была идея, что мы поженимся?» — спросил он.

Она укололась о шип и смотрела, как из пальца течет кровь.— «Моя»,— сказала она.

«Почему ты не отправляла протесты?»

«Потому что боялась, что они тебя отзовут»,— произнесла Джемма и, наконец, посмотрела на него.— «Я не хотела, чтобы ты уходил...»

«Мне плевать, что скажет Джеймсон, но мы не будем аннулировать этот брак!»

«Я говорил тебе, что он не может удержать свои грязные руки, чтобы не прикасаться к ней!» — раздался голос Ретча откуда-то сверху. Он свесился через край обуглившейся крыши и смотрел на них.

«Поэтому вы и оставили их там вдвоем?» — спросил Джеймсон, появившись в дверном проеме.— «Именно поэтому вы послали ее вместе с ним в орбитальный облет? Потому что знали, что произойдет?»

Джемма настояла, чтобы Пат поговорил со своим сменщиком (а точнее, сменщицей) прежде, чем они уедут.— «Я намерен дать ей пару советов, как обращаться с Котаботами. Иначе это будет несправедливо, если она с головой окунется в дела, не будучи хотя бы предупрежденной. Я очень ей сочувствую. Джеймсон подобрал ее именно потому, что она инженер».

Сменщица уже сидела в конторе Пата и с интересом смотрела на терминал компьютера. Когда они вошли, она поднялась и уперлась руками в бока. У нее была бледная, похожая на губку кожа и гладкие волосы.— «Я полагаю, вы несете ответственность за то, что этот компьютер называет меня «дорогая»,— сказала она и ткнула пальцем Пату в лицо.— «Я считаю это грубым проявлением сексуальной озабоченности. Я намерена выразить протест». Она повернулась спиной к управляемому голосом терминалу.

«Что же вы не делаете этого?» — спросила Джемма, подошла к компьютеру и набрала код, дающий соответ-

ствующий доступ.— «Это программа для передачи, которой я всегда пользовалась при заявлении протестов. Уверена, что с ее помощью вы получите отличные результаты».

«Я в состоянии написать свои собственные программы передачи»,— заявила сменщица.

Джемма снова приблизилась к терминалу и стерла с экрана код. «Замечательно»,— сказала она.— «Не пользуйтесь ею! Пойдем, Пат, мы же не хотим опоздать на наш корабль».

У дверей Пат оглянулся. «Вам здесь понравится, милая»,— сказал он и послал ей воздушный поцелуй.

РОДНИКИ ПЕЧАЛИ

Итак, еще одна проклятая штуковина была унитожена благодаря тому, что хорошие люди вовремя оказались в нужном месте. Берсеркеров стало, по крайней мере, на два меньше, думал Ларс, когда к нему вернулась способность мыслить самостоятельно. Не то, чтобы эта далекая машина, терзавшая тела и разум своих пленников, извлекая нужную информацию, восприняла поражение как слишком большую неудачу. На базе берсеркера было полно других боевых единиц, готовых к отправке. К тому же врагу удалось-таки уничтожить еще одну планету, Полару.

Но когда телепатический сеанс, связавший Ларса Канакуру с людьми на планете Ботеа, был полностью завершен, и его тело освободилось физически — от ремней, а разум — духовно, от чужого влияния, его мысли все еще оставались с тем далеким миром, где человек победил стальное чудовище. Джеменка Багази и Пат Девлин вселили в Ларса самое необходимое и прекрасное чувство — надежду, что он сможет продержаться.

Когда-то Ларс знал человека из военного флота Адаманта. У этой корпорации был более мощный флот, чем у большинства планетарных правительств. Если бы только, думал Ларс, немедленно поднимаясь на ноги возле зондирующей мозг аппаратуры, вторая половина этого флота могла оказаться теперь здесь... или лучше весь флот! Но, вероятно, даже всех кораблей Адаманта пока было бы недостаточно, чтобы захватить базу, подобную этой.

Ларс снова вернулся в общую комнату, в круг своих друзей по несчастью. Они отчаянно спорили, кому под каким одеялом спать. Когда Ларс подошел, ему показалось, что этот глупый детский спор — еще одно доказательство разобщенности и слабости людей.

Хотелось вмешаться и сказать: «Берсеркеры, в конце концов, выиграют эту великую войну. Потому что они, бесспорно, едины, а человечество совершенно разделено, рассеяно и каждый думает лишь о себе». Правда, Ларс до сих пор не мог признаться себе в таких мыслях. Многие так и не осознают этого, прожив целую жизнь.

Дороти Тотонак довели почти до слез, до обморока, так как она не получила одеяла, которое ей понравилось. Возможно, теперь кто-то и хотел бы его отдать, но дело зашло слишком далеко...

Пат Сандомер пыталась поговорить с мужчинами, чтобы помочь Дороти, но они почему-то возмутились и вспылили. В результате все завелись и обстановка накалилась еще больше.

Может быть, думал Ларс, он был слишком строг: чем они могли здесь помочь друг другу?

Теперь Капитан Наксос немного отодвинулся от других. На его лице было написано недоумение: как он мог ввязаться в такой детский спор? Он что-то бормотал, но что именно, Ларс не слышал. Тем временем и Николас Опава тоже отошел в сторону с выражением детской обиды на лице. Казалось, сейчас ему было так плохо, как Ларсу в самые тяжелые моменты его жизни.

Наконец Наксос заметил возвращение Ларса: «Где ты был?»

«Был привязан там к той штуке. Где же еще?» Он уже собирался сказать, что выбегал за выпивкой, но решил, что вряд ли кто-нибудь способен сейчас воспринимать шутки.

«Давайте не будем говорить о делах»,— почти приказал Наксос.— «Отвратительно, что нам приходится это делать».

Дороти Тотонак подняла глаза: «Разговоры помогают не сойти с ума, и я не собираюсь их прекращать!»

Тогда Пат добавила: «Нет смысла бояться, что он нас подслушает. Он уже знает обо всем, что мы там пережили».

Но Ларсу было известно на этот счет гораздо больше. Он не мог пока выразить словами свои неясные ощущения.

Время шло, но пленников не вызывали. Никто из них не имел часов, и в камерах было невозможно следить за сменой дня и ночи. Но все согласились, что нынешний интервал между сеансами был длиннее прежних.

Кто-то вслух высказал мысль, которая тайно беспокоила всех: «Наверное, мы стали бесполезны и просто больше здесь не нужны, потому что остальные корабли, отправленные с базы, побеждают на всех границах...»

Не было смысла спорить с таким заявлением.

Неожиданно внутренняя дверь тамбура открылась. Там стояло несколько машин сопровождения. Они держали космические скафандры для каждого из землян.

Пятеро людей переглянулись. Машины отдали скафандры, и люди стали одеваться. Когда все были готовы, их вывели.

Мы могли бы все одновременно открыть клапаны скафандров, подумал Ларс. Но эта мысль больше не нашла отклика в его душе. Идея самоубийства теперь воспринималась как надуманная.

Пятерка сразу обнаружила, что радиопередатчики скафандров работали и были настроены на один канал. Они могли переговариваться:

«Он бы не стал беспокоиться насчет скафандров, если бы хотел уничтожить нас сейчас».

«Это однозначно! Но что ему нужно от нас?»

«Нас просто куда-то ведут. Наверное, он вырыл нам квартиры побольше...»

«Или поменьше...»

«С комплектом прочищающей мозги аппаратуры последней модели...»

Берсеркер не давал пленникам никакой информации и не отвечал ни на какие вопросы. Ларс не слышал его голоса с тех пор, как прибыл сюда, но не сомневался, что тот мог разговаривать. Судя по его действиям, их собирались отправить в своеобразное путешествие.

Сначала — когда их вывели наружу, под сияние бело-голубого солнца и направили к огромным докам, где стоял бесконечно однообразный ряд космических истребителей, часть которых подлежало ремонту,— пленники надеялись, что их посадят на корабль не в этом, так в каком-нибудь другом месте.

«Может, существует высшая жизнь, которой нужны рабы-люди? Я слышал рассказы...»

Кто-то оборвал говорившего: «Мы все слышали».

Их поднимали на борт то одной, то другой смертоносной космической машины, но нигде не задерживали; это было облегчением для всех пятерых — на удивление большим облегчением, что их пока не разлучают. Это маленькое сообщество людей успело стать чем-то единым, несмотря на детские разногласия.

Идея, очевидно, состояла не в том, чтобы отправить их с базы, а наоборот — дать полное, исчерпывающее представление о ней и ее возможностях. Все путешествие заняло около пары часов. Пятерым пленникам пришлось вползать и выползать из машин, заглядывать в глубокие шахты, карабкаться по узким мостикам — впрочем, недостаточно высоким в условиях здешней низкой гравитации, чтобы предоставить наиболее отчаявшимся шанс самоубийства. Тут были сотни машин всех размеров, форм и назначений. Некоторые использовались на самых разных работах, другие сооружались для боевых действий или ремонтировались после участия в сражениях. Деятельность базы берсеркера была организована с гораздо большим размахом, чем Ларс себе представлял. Скорее всего, даже двух флотов Адаманта здесь было бы недостаточно...

Теперь-то он нам предложит, думал он. Теперь он нам официально предложит стать «good Life». Самым отвратительным было то, что сейчас Ларс не знал, что бы он ответил...

Но предложение так и не поступило. Чем бы ни хотел завершить великий компьютер, контролирующий базу, эту демонстрацию своей мощи, но только не этим. Причина крылась в другом. Может быть, предполагалось всего лишь внушить землянам еще больший благоговейный ужас, сломать их внутреннее моральное сопротивление, что значило гораздо больше официальных заявлений.

Ларс внезапно подумал, будет ли Кампанам предоставлена возможность подобного путешествия, и вообще, «обращались» ли когда-нибудь Кампаны берсеркером в «good Life». Хотя, те, с которыми он до сих пор сталкивался, доказали, что это невозможно. На минуту Ларс изумился этой мысли: как они доказали? О, да. Было что-то, что ему не следовало вспоминать... усилием воли он направил свои мысли на другое.

Наконец, пятерку землян привели назад в их кельи и молча забрали скафандры. Им позволили отдохнуть.

Говорить было не о чем, и каждый пребывал в задумчивости.

Затем снова наступило время телепатического сеанса.

Этот сеанс был не самым удачным для Ларса. Во всяком случае, он проходил не так, как предыдущие. Сразу, как только Ларс впал в состояние полутранса, стало ясно, что Кампан, с которым он был в связке, каким-то образом блокирует информацию и не позволяет ей полностью доходить до сознания Ларса. Словно что-то промелькнуло... и ушло, исчезло.

Ларс чувствовал нечто близкое к тому, что называлось «размягчением мозгов». Кампан проводил неведомую ему работу по блокированию какого-то целостного, логически выстроенного эпизода, а потом словно скомкал его и спрятал. Закопал. Где?

Пока это длилось, Ларс не мог избавиться от осознания, что привязан к зондирующей мозг аппаратуре. После завершения сеанса он чувствовал бо́льшую усталость, чем когда-либо.

Вернувшись в жилой отсек, Ларс долго и жадно пил воду, мечтая, чтобы на ее месте оказалось что-нибудь покрепче. Он не притронулся к еде, а заполз в свою келью и тотчас провалился в глубокий сон.

И узнал, где Кампан закопал промелькнувший эпизод.

Ларсу снилось...

УДИВЛЕННЫЙ

Говорили, будто берсеркер, если это нужно, мог изменять форму и выглядеть весьма привлекательно. Но здесь был не тот случай. Несясь в звездной тишине, он был массивен и темен, и лишен всяких излишеств в дизайне. Это была машина — планетный убийца, направляющийся к миру по имени Корлано, чтобы стереть в порошок его города, уничтожить биосферу. Он обладал всем необходимым, чтобы проделать это без особого труда, и здесь не требовалось никакой дипломатии, хитрости или специального расчета. Именно для уничтожения он был запрограммирован и вооружен.

Он никогда не гадал, почему все должно быть так,

а не иначе. Он никогда не сомневался, верна ли заложенная в него программа. Никогда не размышлял, может ли все быть так, как хочет он. Он был формой жизни, хотя и искусственной. Смертоносной машиной, управляемой единым разумом. И если наличие цели можно назвать добродетелью, то он, в определенной степени, был добродетельным.

Его рецепторы почти вслепую прощупывали пространство далеко впереди. Он знал, что у Корлано не было никакой особой защиты. Так что здесь не ожидалось никаких трудностей.

Кто начертил схемы для льва?

Это было что-то далекое и совершенно не относящееся к делу... Считалось, что разрушитель мира на боевом задании не должен отвлекаться на что-либо столь мелкое.

Он стремительно мчался к Корлано с боевой системой наготове.

...Уэйд Келман сразу ощутил тревогу, как только увидел эту штуку. Он перевел взгляд на Мак-Фарланда и Дорфи.

«И вы не разбудили меня, пока охотились за этой лодчонкой, подгоняли орбиты и ловили ее? Представляете, сколько времени пропало даром?»

«Тебе нужно было отдохнуть»,— глядя в сторону, ответил маленький темный человек по имени Дорфи.

«Черт! Вы знали, что я сказал бы «нет»!

«Может, в нем что-нибудь стоящее, Уэйд?» — заметил Мак-Фарланд.

«Это контрабандный рейс, а не операция спасения. Время дорого».

«Согласен! Но раз мы ее поймали»,— вставил Мак-Фарланд,— «какой смысл спорить о том, что уже сделано?»

Уэйд оборвал дурацкий спор. До сих пор он только и делал, что сбывал котрабандный товар. Он не был настоящим капитаном в обычном смысле слова. Они втроем были в деле — равные вложения, равный риск. Однако он лучше их знал, как управлять малыми судами. Это, плюс их уважение к нему до настоящего момента, возродили в Уэйде командирские замашки прошедших счастливых и печальных дней. Если бы напарники его разбудили и поставили эту операцию спасения на голосование, он все равно бы проиграл. Но он знал, что в экстренном случае они все же обратятся к нему.

Уэйд резко кивнул.

«Хорошо, штуковина у нас»,— сказал он.— «Но что это, черт побери?»

«Будь я проклят, если знаю, командир»,— ответил Мак-Фарланд, приземистый, светловолосый человек с бледными глазами и кривым ртом. Через люк он взглянул на подцепленную кораблем штуковину и оглянулся на Уэйда.— «Когда мы ее засекли, я подумал, что это спасательная шлюпка. По размеру совпадает...»

«И?»

«Мы подали сигнал, ответа не получили».

«Вы нарушили радиотишину из-за этой лодчонки?»

«Если бы это была спасательная шлюпка, в ней могли находится люди, нуждающиеся в помощи».

«Не слишком-то пострадавшие, судя по ее виду. Все же...» — Он вздохнул.— «Ты прав. Продолжай!»

«Никаких признаков электрической активности».

«И тогда вы ее выловили, черт вас побери?»

Дорфи кивнул.

«Да, приблизительно так»,— подтвердил он.

«И что, она полна сокровищ?»

«Я не знаю, чего она полна. Но это не спасательная лодка!»

«Я это вижу».

Уэйд через открытый люк всматривался во внутренности штуковины. Он взял у Дорфи сигнальный фонарь, прошел вперед и осветил ее. Внутри среди странной аппаратуры не было места для пассажиров.

«Давайте сбросим ее!» — сказал он.— «Не знаю, что вся эта чепуха значит, к тому же она повреждена. Сомневаюсь, стоит ли ее куда-то тащить».

«Могу поспорить, что профессор разберется, что к чему»,— сказал Дорфи.

«Дай бедной леди поспать! Она — пассажир, а не член команды. Какое ей дело до этой штуки?»

«Предположим,— только предположим! — это ценное оборудование»,— размышлял Дорфи.— «Скажем, что-то экспериментальное. Может быть, промышленники или правительство пожелают заплатить за него?»

«А предположим, это замаскированная бомба, которая не взорвалась?»

Дорфи отступил от люка: «Я об этом не подумал!»

«Я сказал, выбросьте ее от греха подальше!»

«Даже не разглядев как следует?»

«А зачем? Я не уверен, что ты сумеешь протиснуться туда!»

«Я? Ты гораздо лучше разбираешься в инженерных конструкциях, чем любой из нас!»

«Поэтому вы меня и разбудили, а?»

«Ну что ж, раз ты здесь...»

Уэйд вздохнул. Затем нехотя кивнул: «Это будет безумно рискованно и бесполезно».

Он пристально посмотрел через люк на диковинную механическую «начинку»: «Передай аварийный фонарь, он мощнее этой штуки».

Уэйд взял фонарь и просунул его в люк: «Подвергался высокому давлению, не правда ли?»

«Мы шлепнули заплатку на дыру в его корпусе».

«Какого черта?»

Он вполз в люк, встал на колени и наклонился вперед. Держа фонарь перед собой, Уэйд водил им из стороны в сторону. Тревога не исчезала. Во всех этих кубиках, кнопках и соединениях было что-то чуждое... и этот один огромный кожух... Он выбрался наружу и похлопал по корпусу. Чужой...

«У меня ощущение, что он инопланетный»,— заключил он.

Уэйд ступил на небольшую открытую площадку. Потом ему пришлось наклонить голову и продвигаться на руках и коленях. Он начал прикасаться ко всем этим штучкам — осветительным приборам, выключателям, разъемам и небольшим устройствам неизвестного назначения. Казалось, все было сконструировано для вращения, поворачивания и скольжения. Наконец, он лег плашмя и пополз вперед.

«Думаю, весь этот набор приспособлений — оружие»,— сообщил он некоторое время спустя.

Он добрался до большого кожуха. Панель слегка приоткрылась, когда Уэйд прикоснулся к ней кончиками пальцев. Он нажал сильнее, и панель подалась еще больше.

«Черт тебя подери!» — воскликнул он, когда устройство начало тихо тикать.

«Что случилось?» — окликнул его Дорфи.

«Ты!» — кричал Уэйд, пятясь назад.— «Ты и твой приятель! Вы сильно неправы!»

Он развернулся так быстро, как только смог, и буквально выскочил из люка.

«Избавьтесь от него!» — крикнул он.— «Сейчас же!»

Тут он увидел Джуну — высокую ученую даму в серой

блеклой одежде. Она стояла, прислонившись к левой переборке, с чашкой чая в руке.

«Если это бомба, вышвырните ее, прежде, чем она разорвется!» — добавил он.

«Что вы нашли?» — спросила она своим на удивление богатым по тембру голосом.

«Там какое-то диковинное и явно разумное устройство»,— ответил Уэйд.— «Оно попробовало взбрыкнуть, когда я до него дотронулся. Уверен, что вся эта белиберда внутри — оружие. Ты не знаешь, что все это значит?»

«А как ты думаешь?» — спросила Джуна.

«Инопланетная конструкция, оружие, мозг... Мои ребята только что спасли поврежденный берсеркер — вот что! И он пытается вновь заработать! От него нужно освободиться — и быстрее!»

«Ты уверен, что это так и есть?» — спросила она.

«Уверен — нет. Напуган — да».

Она кивнула и отставила свою чашку, поднесла руку ко рту и кашлянула.

«Я бы хотела сама взглянуть на штуку, пока вы не избавились от нее»,— сказала она мягко.

Уэйд на мгновение закусил нижнюю губу.

«Джуна»,— наконец произнес он,— «Я понимаю твой профессиональный интерес к компьютерам, но мы должны доставить тебя живой и невредимой, помни об этом».

Она улыбнулась, впервые за несколько недель, что он знал ее.

«Я действительно хочу взглянуть на него!»

Потом ее улыбка застыла. Он кивнул.

«Только одним глазком!»

«Понадобятся мои инструменты. И я хочу переодеться во что-нибудь подходящее для работы».

Она повернулась и скрылась в левом люке. Уэйд строго посмотрел на своих партнеров, пожал плечами и отвернулся.

Сидя на краю своей койки, под звуки обволакивающей его мелодии «Славянских танцев» Дворжака, Уэйд поглощал завтрак с небольшого подноса и размышлял о берсеркерах, докторе Джуне Бейл, компьютерах вообще, и о том, как все они оказались здесь, что ждут от этого путешествия.

Последнее время в этом секторе периодически стали замечать разведчиков берсеркеров. Не составляло боль-

шого труда сделать вывод, что на сегодняший день планета Корлано не обладала должной защитой. Этим объясняется некоторая нервозность той части населения Корлано, которую составляли беженцы, спасшиеся от нападения берсеркера на далекий Джельбар. Многие тогда выбрали Корлано как район, наиболее удаленный и безопасный. У многих успели родиться и вырасти дети. Однако злая ирония судьбы заключалась в следующем: те же самые люди потом долго и успешно проталкивали и протолкнули-таки законопроект, крайне ограничивающий производство и ввоз систем обработки информации. Этот закон и действовал теперь на Карлано. Еще один случай массовой паранойи — результат пережитого ужаса — нападения берсеркеров...

Конечно, существовал черный рынок. В машинах, более сложных, чем разрешал закон, нуждались бизнесмены, частные лица и даже само правительство. Люди, такие, как сам Уэйд и его партнеры, ввозили требуемую аппаратуру и ее комплектующие. Официальные лица обычно искали другой путь. С подобной идиотской ситуацией Уэйд сталкивался и в других местах.

Он отхлебнул кофе.

И Джуна Бейл... Специалист ее ранга по системам обработки информации была здесь тоже персоной нон грата. Она могла бы отправиться в поездку туристом, но тогда бы пришлось подвергнуться тщательной проверке. Это могло бы сильно помешать Джуне выполнить весьма опасную работу, для которой ее и наняли — организовать и провести на Корлано специальные курсы.

Уэйд вздохнул. Он привык к правительственному лицемерию. Когда-то он служил... Впрочем, было ли это вообще? Не стоит снова предаваться неприятным воспоминаниям. Позже дела действительно наладились. Еще несколько рейсов, подобных этому — и он сможет внести последние платежи для оформления развода, заняться судовождением на законном основании, стать респектабельным, может быть, даже процве...

Зазвонил внутренний коммутатор.

«Да?» — ответил Уэйд.

«Доктор Бейл просит разрешения провести тестирование мозга этой бесхозной штуковины»,— сообщил Мак-Фарланд.— «Она хочет раскрыть некоторые панели и подключить оборудование к корабельному компьютеру. Что скажешь?»

«А это не опасно?» — в свою очередь, спросил Уэйд.—

«Что, если она спровоцирует его активность? Иметь дело с берсеркером и так не слишком приятно, а в случае...»

«Она говорит, что может изолировать мозг от системы вооружения»,— добавил Мак-Фарланд.— «Кроме того, она не думает, что это берсеркер».

«Почему?»

«Во-первых, по нашим компьютерным данным он не совпадает внешне ни с одним из известных типов берсеркеров...»

«К черту! Это ничего не доказывает! Ты же знаешь, чертова машина может приспосабливаться, изменять форму — в зависимости от полученного задания».

«Во-вторых, она была в группе, занимавшейся изучением потерпевших аварию берсеркеров. Она считает, что этот мозг не похож на то, что встречалось ранее...»

«Хорошо, это ее работа, и я уверен, она хочет, как лучше, но... А что ты думаешь?»

«Мы знаем, она отличный специалист. Поэтому ее и ждут на Корлано. Дорфи все еще считает, что эта штука может пригодиться. А у нас есть права корабля-спасателя. Может, стоит разрешить ей немного покопаться? Уверен, она знает, что делает».

«Джуна сейчас с тобой?»

«Нет, она уже внутри штуковины».

«Похоже, что вы опять обошли меня на повороте? Скажи ей, пусть продолжает».

«О'кей!»

Возможно, это хорошо, что он отказался от своих полномочий, размышлял Уэйд. Всегда трудно принимать решение.

«Танец» Дворжака заполнил все его мысли, и пока он пил кофе, все остальное для него перестало существовать.

Долго дремавшая, скрытая в самых дальних тайниках памяти программа словно проснулась в недрах гигантского мозга берсеркера. В его процессор внезапно ворвался поток новых данных. Он немедленно начал подготовку к отклонению от курса на Корлано. Это не было нарушением добродетели в его понимании (то есть неукоснительного следования цели) а скорее, явилось реакцией на распоряжение Свыше...

Кто положил предел молитве?

С помощью чувствительного тест-оборудования Джуна проверяла совместимость систем. Она манипулировала трансформаторами и преобразователями энергии, добиваясь нужного уровня мощности и частоты напряжения для подключения чужака к корабельному компьютеру. Она заблокировала все линии связи, идущие от этого специфического мозга ко всем остальным системам странного судна. Кроме одной, что вела к его собственному поврежденному источнику энергии. Блок питания мозга был исключительно простым устройством, которое, по-видимому, могло работать на любом радиоактивном материале, помещенном в его небольшую камеру. Сейчас в этой камере содержались только тяжелые инертные элементы. Она освободила ее и очистила, затем снова наполнила топливом из запасов корабля. Она думала, что Уэйд будет возмущаться по этому поводу, но он только пожал плечами.

«Заканчивай»,— сказал он,— «чтобы мы могли от него избавиться».

«Мы не сделаем этого! Он уникален!»

«Посмотрим...»

«Ты действительно его боишься?»

«Да».

«Но теперь он совершенно безопасен!»

«Я не доверяю иноземным обломкам!» — воскликнул он.

Она зачесала назад свои тронутые сединой волосы.

«Послушай, я знаю, почему тебя тогда уволили из капитанов — ты взял на борт мину-ловушку, замаскированную берсеркером под спасательную шлюпку»,— сказала она.— «Возможно, любой поступил бы так же. Ты думал, что спасаешь человеческие жизни...»

«Я сыграл не по правилам того сектора»,— произнес Уэйд,— «и в результате погибли люди. Меня отговаривали, но я поступил так, как считал нужным. Это очень напоминает...»

«Здесь — не зона военных действий»,— перебила она,— «и эта штука не может нам повредить».

«Ладно, продолжай работать!»

Она замкнула цепь и села перед пультом.

«Возможно, потребуется время»,— констатировала она.

«Хочешь кофе?»

«Неплохо бы!»

Чашка остыла, и он принес ей другую. Джуна ставила

вопрос за вопросом, комбинируя различные варианты. Ответа не было. Наконец, она вздохнула, откинулась назад и взяла чашку.

«Что, очень поврежден?» — спросил Уэйд.

Она кивнула.

«Боюсь, что да, но я надеялась, что смогу что-то из этого извлечь — какой-то ключ, намек...»

Она отпила кофе.

«Ключ?» — спросил он.— «Ключь к чему?»

«Нужно узнать, что за аппарат и откуда прибыл. Представляешь, он ужасно древний. Настоящий реликт. Любая сохранившаяся информация была бы просто археологической находкой!»

«Сочувствую»,— сказал Уэйд.— «Вот бы ты что-нибудь такое обнаружила...»

Она повернулась на стуле и смотрела в чашку. Уэйд первым увидел сигнал компьютера.

«Джуна! Экран!»

Она развернулась, пролив кофе на колени.

«Черт!..»

Ряды непонятных символов проплывали по экрану.

«Что это?» — спросил он.

«Не знаю — пока»,— ответила она.

Она подалась вперед, тотчас забыв о нем.

Уэйд, должно быть, стоял там около часа, прислонившись спиной к переборке, и зачарованно наблюдая за конфигурациями на экране, *за движениями ее рук с* длинными пальцами, набирающими на клавиатуре безуспешные комбинации. Потом он заметил то, чего не видела она, будучи целиком поглощенной символами.

На левой стороне панели светилась маленькая индикаторная лампа. Он не имел ни малейшего представления, в какой момент она зажглась.

Уэйд шагнул вперед: ведь это означало, что включился звуковой режим работы. Штуковина пыталась установить контакт сразу на двух уровнях! «Ну-ка, попробуем»,— сказал Уэйд.

Он протянул руку и щелкнул выключателем под индикатором.

«Ну, говори же!»

Из динамика раздался бесполый голос, послышались пощелкивания и стоны. Язык, несомненно, был экзотическим.

«Боже!» — воскликнул Уэйд.— «Это он!»

«Кто он?» — Джуна повернулась и уставилась на него.— «Ты понимаешь этот язык?»

Он покачал головой.

«Я не понимаю этого языка, но, кажется, узнаю его».

«Что это?»

«Я должен быть уверен! Мне понадобится другой пульт, чтобы проверить»,— сказал он.— «Пойду в соседнюю комнату и вернусь, как только кое-что достану».

«Хорошо, но что же это, как ты думаешь?»

«Я думаю, что мы нарушаем еще более жесткий закон, чем законодательный акт о контрабанде».

«Какой?»

«Запрет на проведение любых экспериментов с мозгом берсеркера».

«Ты не прав»,— возразила Джуна.

«Увидим».

Она смотрела, как он уходит. Потом начала покусывать ноготь большого пальца, чего уже много лет не делала.

Если он прав, штуковину следует закрыть, запечатать и передать военным властям. Но Джуне казалось, что Уэйд ошибается.

Она протянула руку и приглушила отвлекающий ее голос. Теперь нужно было спешить попробовать что-то другое, прорваться, пока он не вернулся. Похоже, он слишком уверен в себе. Она чувствовала, что он должен вернуться с каким-то очень убедительным доказательством и, пожалуй, еще больше укрепится в своей версии.

Она отдала компьютеру распоряжение научить взятый под контроль мозг изъясняться на одном из земных языков. Потом принесла чашку свежего кофе и сделала глоток.

* * *

...По мере того, как он продвигался, его сигнальные системы тревоги все более и более возбуждались. Гигантская смертоносная машина включила двигатели на торможение, потому что первым приказом, полученным ее процессором после проведения предварительной идентификации, было: «Продвижение вперед с осторожностью».

Внимание берсеркера было приковано к далекому судну и пойманому им аппарату, но он выполнял маневр сближения, как того велела подчиненная военной логике

память — не торопясь, тщательно и методично. По мере приближения он приводил в состояние боевой готовности все большее число единиц вооружения.

* * *

«Все в порядке»,— сказал Уэйд, вернувшись и заняв свое место.— «Я был не прав. Это не то, что я думал».

«Может, ты наконец расскажешь о своих подозрениях?» — спросила Джуна.

Он кивнул.

«Я не силен в лингвистике»,— начал он,— «но зато люблю музыку. У меня очень хорошая память на звуки: мысленно могу проиграть в голове целые симфонии. Я даже играл на нескольких инструментах, хотя с тех пор прошло столько лет... Но на этот раз память подвела. Я был готов поклясться, что эти звуки похожи на то, что я однажды слышал в записи Кампанов — в тех фрагментах, которые мы от них получили. Там шла речь о Строителях — той самой мерзкой расе, создавшей берсеркеры. В корабельной библиотеке есть копии, и я сейчас прослушал их еще раз — спустя годы после того... Да, я ошибся. Они звучат по-другому. Теперь ясно, что это не язык Строителей».

«Но я была уверена, что берсеркеры никогда не пользовались языковым кодом Строителей»,— сказала Джуна.

«Я этого не знал. Но, непонятно почему, был уверен, что уже слышал нечто подобное на тех пленках. Забавно... Интересно, что это все-таки за язык?»

«Я попробовала помочь ему поговорить с нами. Но у него не слишком хорошо получается».

«Ты обучила его земному языковому коду?»

«Да, но он только бормочет. Ничего не понятно. Будто читаешь Фолкнера, когда у тебя мозги не в порядке».

Она повернула выключатель голосового режима.

«Протектор преодолеет проклятые торпеды и горящие, как солнце, глаза; три звездных границы, две в зените...»

Она выключила тумблер.

«Он произносит то же самое в ответ на вопросы?» — спросил Уэйд.

«Да, но все же у меня есть кое-какие идеи...»

Зазвонил внутренний коммутатор. Уэйд поднялся и принял сообщение. Это был Дорфи.

«Слушай, мы засекли что-то странное, идущее в нашем направлении»,— сказал он.— «Думаю, тебе лучше самому взглянуть».

«Хорошо»,— ответил Уэйд.— «Уже иду, извини, Джуна!»

Она не ответила. Она изучала на экране новые комбинации.

«Идет на пересечение нашего курса. Движется быстро»,— сказал Дорфи.

Уэйд внимательно просматривал данные, высвечивающиеся на экране дисплея.

«Довольно большая масса»,— заметил он.

«Что это, как ты думаешь?»

«Говоришь, он ранее изменил курс?»

«Да».

«Мне это не нравится!»

«Слишком большой для судна обычного типа и назначения».

«Да»,— заметил Уэйд.— «Все эти разговоры о берсеркерах должны были превратить меня в невротика, но...»

«Да, я об этом тоже подумал».

«Выглядит достаточно большим, чтобы спалить континент...»

«Или поджарить целую планету. Я слышал о них в той лиге, но никогда...»

«Но, если это то, что мы думаем, то какой ему смысл менять курс? Не могу представить, что он станет терять время на охоту за нами. Должно быть, дело в другом».

«В чем?»

«Не знаю».

Дорфи отвернулся от экрана и облизнул губы, между его бровей появились складки морщин.

«Я думаю, он один»,— сказал Дорфи.— «Если это так, то что будем делать?»

Уэйд коротко и хрипло рассмеялся.

«Ничего»,— сказал он наконец.— «Мы абсолютно ничего не можем сделать против такой штуковины, как эта. Мы не можем уйти от нее и не можем отстреляться. Считай, мы уже мертвы, если это то, что мы думаем, и если ему нужны именно мы. Что ж, в таком случае, я надеюсь, что он хоть скажет, из-за чего берет на себя такой труд».

«Что, по-твоему, ничего нельзя сделать?»

«Пошли сообщение на Корлано. Если оно достигнет цели, у них по крайней мере, будет шанс выставить на линию все, что есть. Раз он подошел так близко к их системе, то неужели непонятно, зачем? Если вы верите в Бога, сейчас самое подходящее время, чтобы как следует помолиться...»

«Ты капитулянт, сукин сын! Должно быть что-то еще!»

«Если что-нибудь придумаете, поставьте меня в известность. Мы с Джуной будем беседовать наверху. Между делом отправтьте сообщение».

* * *

Берсеркер повторно включил маневровые двигатели. Насколько надо приблизиться, чтобы очутиться на расстоянии максимально близком и в то же время безопасном? Он продолжал корректировать курс. Это нужно было сделать немедленно. Новые указания продолжали поступать на его процессор по мере того, как он приближался к своей цели. До сих пор он не сталкивался с подобной ситуацией. Но это была древняя программа, которую раньше никогда не приводили в действие. Сначала последовал приказ навести орудия на цель, а потом — запрет использовать их!.. И все из-за небольшой электрической активности...

* * *

«...наверное, явился за своим отпрыском»,— закончил Уэйд.

«У берсеркеров не бывает потомства»,— возразила Джуна.

«Знаю. Просто прозвучало несколько цинично. Нашла что-нибудь новенькое?»

«Я испробовала все виды сканирования, чтобы определить объем повреждений. Думаю, около половины объема его памяти было уничтожено».

«Не очень-то богатый улов тебя ожидает...»

«Возможно. А возможно, и нет»,— сказала она, тяжело вздохнув.

Уэйд повернулся и увидел, что ее глаза стали влажными.

«Джуна...»

«Прости, черт возьми! Это не похоже на меня. Но стоять так близко к разгадке — и быть уничтоженной какой-то идиотской машиной смерти, когда ответ совсем рядом? Это просто несправедливо! У тебя есть бумажный носовой платок?»

«Да, сек...»

Пока он возился с настенным раздаточным устройством, зазвонил коммутатор.

«Помехи в передатчике»,— объявил Дорфи.

Вслед за возникшей паузой раздался незнакомый голос: «Привет. Вы капитан судна?»

«Да»,— ответил Уэйд.— «Вы — берсеркер?»

«Можете называть меня так».

«Что вам нужно?»

«Что вы здесь делаете?»

«Я выполняю корабельный рейс на Корлано. Что вам нужно?»

«Я заметил, что вы транспортируете аппарат необычного вида. Что это?»

«Устройство для кондиционирования воздуха».

«Не лгите, Капитан. Как ваше имя?»

«Уэйд Келман».

«Не лгите мне, Капитан Уэйд Келман. Аппарат, который вы буксируете — это не процессор атмосферных газов. Где вы его взяли?»

«Купили на блошином рынке»,— объявил Уэйд.

«Вы снова лжете, Капитан Келман».

«Да, лгу. Ну и что? Если ты собираешься с нами расправиться, с какой стати я должен давать прямые ответы на все вопросы?»

«Я ничего не сказал по поводу расправы с вами».

«Но это единственное, что ты можешь делать. Для чего же ты здесь?»

Уэйд и представить не мог, что способен так разговаривать. Даже в воображаемой беседе со смертью подобное безрассудство казалось невероятным. Это все потому, что больше уже нечего терять, решил он.

«По моим данным, аппарат функционирует»,— констатировал берсеркер.

«Да, функционирует».

«И какую работу он выполняет для вас?»

«Он делает то, что мы считаем нужным»,— сказал капитан.

«Я хочу получить этот аппарат»,— произнес берсеркер.

«С какой стати?» — спросил капитан.

«Я требую этого».

«Я расцениваю это как угрозу».

«Расценивайте, как вам угодно».

«Я не собираюсь его бросать. С какой стати, спрашивается?»

«Вы ставите себя в опасное положение».

«Не я в этом виноват!»

«В определенном смысле — вы. Я понимаю ваш страх передо мной. И он оправдан».

«Если бы ты собирался просто атаковать нас и забрать его, ты бы уже поступил так, не правда ли?»

«Верно. Я несу только очень тяжелое вооружение для выполнения той работы, на которую меня запрограммировали. Если бы я мог повернуть его против вас, вы все превратились бы в пыль. Конечно, включая и аппарат, который я требую».

«Тогда, как я понимаю, у нас еще больше причин вцепиться в него!»

«Логично, но вы не представляете истинного положения дел. Не располагаете всей совокупностью фактов».

«Чего же такого я не знаю?»

«Я уже отправил сообщение с просьбой прислать небольшие агрегаты, чтобы разобраться с вами».

«Тогда почему ты суетишься и говоришь нам об этом?»

«Я сообщаю об этом потому, что им понадобится время прибыть сюда, а я бы предпочел отправиться и исполнить свою миссию, а не ждать их здесь».

«Благодарю! Но мы бы предпочли умереть позже, а не раньше. Мы подождем».

«Вы не понимаете, я даю вам шанс остаться в живых».

«Что ты предлагаешь?»

«Я хочу, чтобы вы немедленно бросили этот блок оборудования. После чего вы можете отбыть».

«И ты отпустишь нас? Не будешь атаковать?»

«У меня есть право присвоить вам категорию «good Life», если вы будете мне служить. Оставьте аппарат — это и будет рассматриваться как служба. Я присвою вам категорию «good Life» и отпущу невредимыми».

«А как мы узнаем, что ты сдержишь обещание?»

«Я говорю правду. Альтернатива для вас — верная смерть. Учтите мои размеры и мощь, представьте очевидный характер моей миссии,— и поймете, что несколько ваших жизней — ничто по сравнению с этим».

«Ты расставил все точки. Но я не могу дать немедленный ответ. Нам требуется время, чтобы рассмотреть твое предложение».

«Понятно. Я возобновлю переговоры с вами через час».

Передача закончилась. Уэйд почувствовал, что весь дрожит, нашел стул и буквально упал на сидение. Он видел, что Джуна внимательно смотрит на него.

«Можешь выругаться как следует?»

Уэйд покачал головой, и на его губах мелькнула улыбка.

«Ты вел себя замечательно!»

«Нет! Я словно следовал сценарию. Нам нечего было делать. У нас и сейчас нет выбора».

«По крайней мере, ты дал нам еще немного времени. Интересно, зачем ему так нужна эта штуковина?» — глаза Джуны сузились, а губы крепко сжались.— «Ты можешь сделать сканирование берсеркера?» — вдруг спросила она.

«Конечно».

Он поднялся и подошел к пульту.

«Я сниму показания с другого компьютера и выведу их на этот экран».

Минуту спустя на экране возник образ парящей смертоносной машины. Уэйд подключил информационную панель, демонстрируя все детали, которые смогла прощупать сканирующая аппаратура корабля.

В течение примерно минуты Джуна изучала дисплей, раз за разом прокручивая данные. Потом произнесла: «Он лжет».

«Насчет чего?» — спросил Уэйд.

«Здесь, здесь, здесь и здесь»,— заявила она, указывая на секторы лицевой части берсеркера.— «И здесь...» — она ткнула пальцем в ту часть информационной панели, где описывалось вооружение.

Пока она говорила, в комнату вошли Мак-Фарланд и Дорфи.

«Он лгал, когда говорил, что на его борту только супероружие, способное стереть нас в порошок. Вот это, например, похоже скорее на легкое вооружение...»

«Не понимаю, о чем ты говоришь!»

«Он, вероятно, способен вести прицельный выборочный огонь с минимальными разрушениями. Он, пожалуй, смог бы уничтожить нас, не повредив при этом реликт, наш аппарат-ископаемое».

«С какой стати ему лгать?» — спросил Уэйд.

«Меня это тоже интересует...» — сказала Джуна и снова стала грызть ноготь большого пальца.

Мак-Фарланд покашлял.

«Мы слышали все»,— начал он,— «и все обговорили».

Уэйд повернул голову и смотрел на него оценивающе.

«Да?»

«Мы считаем, что должны отдать ему то, что он хочет, и сматываться».

«Вы поверили всей этой чепухе, наплетенной «good Life»? Он взорвет нас, как только мы тронемся с места!»

«Не думаю»,— сказал Мак-Фарланд.— «Прецедентов полно. У них действительно есть право присваивать нам категории, как он говорил. Они заключают сделку, когда усматривают в чем-то свой интерес».

«Дорфи»,— спросил Уэйд,— «ты отправил сообщение на Корлано?»

Маленький человечек кивнул.

«Хорошо»,— произнес Уэйд.— «Если у нас нет других причин, то мы останемся здесь и будем ждать. Из-за Корлано. Тем небольшим аппаратам, о которых говорил берсеркер, понадобится какое-то время, чтобы добраться сюда. Каждый час, что мы выиграем в ожидании, будет для них дополнительным временем, чтобы укрепить собственную оборону».

«Я понимаю...» — начал Дорфи.

«...но в конце нас ждет верная смерть»,— закончил вместо него Мак-Фарланд,— «а наше предложение — гениальный выход. Я сочувствую Корлано не в меньшей степени, чем ты. Но, если мы здесь умрем, им там это не поможет. Ты знаешь, что это местечко имеет не слишком надежную оборону. Они все равно протянут ноги, выторгуем мы для них часок-другой или нет».

«Ты не можешь знать этого наверняка»,— сказал Уэйд.— «В прошлом некоторые на вид слабые миры отбивали очень тяжелые атаки. И даже берсеркер признал, что несколько наших жизней — ничто в сравнении с целым ненаселенным миром».

«Ну что ж, я говорю о возможном выходе. Я пустился в это предприятие не для того, чтобы стать мучеником. Я собирался пощекотать нервы блюстителям закона, но не самой смерти!»

«А ты что скажешь, Дорфи?» — спросил Уэйд.

Дорфи облизнул губы и отвел взгляд.

«Я с Мак-Фарландом»,— тихо проговорил он.

Уэйд стиснул зубы и повернулся к Джуне.

«Итак, нас двое»,— подвел итог Уэйд.

«У нее нет права голоса»,— возразил Мак-Фарланд.— «Она — всего-навсего пассажир».

«Речь идет и о ее жизни тоже»,— ответил Уэйд.— «Она высказала свое мнение».

«Значит, она не хочет отдавать аппарат этой чертовой машине!» — выпалил Мак-Фарланд.— «Она, видите ли, не прочь сидеть здесь и играть в игрушки, пока все будет гореть ярким пламенем! Что ей терять? Она умрет, и...»

Уэйд зарычал и вскочил на ноги.

«Дискуссия закончена!» — объявил он.— «Мы остаемся».

«Но голоса разделились поровну!»

«Я беру командование на себя и повторяю, что будет так, как решено».

Мак-Фарланд рассмеялся.

«Он берет командование! Это — всего лишь вшивый контрабандный рейс, а не служба, с которой тебя вышвырнули, Уэйд. Ты не можешь командовать...»

Уэйд ударил его: дважды в живот и в челюсть — слева снизу.

Мак-Фарланд сполз вниз, перегнувшись пополам и хватая ртом воздух. Уэйд смотрел на него, оценивая габариты противника. Если он поднимется в течение десяти секунд — будет драка, решил он.

Но Мак-Фарланд только потер подбородок, сказал: «Проклятье!» и слабо покачал головой. Потом добавил: «Тебе не следовало этого делать, Уэйд».

«Я подумал, что следовало».

Мак-Фарланд подернул плечами и встал на одно колено.

«О'кей, командуй»,— проговорил он.— «Но я все равно уверен, что ты делаешь крупную ошибку».

«Я позову тебя в другой раз, когда понадобится что-то обсудить»,— сказал Уэйд.

Дорфи приблизился к Мак-Фарланду, чтобы помочь подняться, но тот сбросил его руку.

Уэйд взглянул на Джуну. Она выглядела бледнее обычного, ее глаза горели. Она стояла в проеме открытого люка, словно собиралась защищать его от врага.

«Я собираюсь принять душ и лечь»,— сказал Мак-Фарланд.

«Хорошо».

Джуна прошла вперед, когда Мак-Фарланд и Дорфи вышли. Она взяла Уэйда за руку.

«Он лгал»,— снова тихо повторила она.— «Ты понимаешь? Он мог бы нас взорвать, а потом, возможно, восстановить машину, но она не хочет...»

«Нет»,— ответил Уэйд.— «Я не понимаю».

«Похоже, что он почти боится этой штуки!»

«Берсеркерам неизвестен страх».

«Допустим, я слишком очеловечивала его. Но складывается впечатление, будто этот аппарат имеет над ним необъяснимую власть! Я думаю, что это что-то особенное, и оно создает для берсеркера неожиданную проблему».

«Что же это может быть?»

«Я не знаю. Но, если ты дашь мне время, может быть, сумею разгадать. Отвлекай его внимание насколько сможешь!»

Уэйд задумчиво кивнул и сел. Его сердце колотилось.

«Ты говоришь, что примерно половина его памяти повреждена...»

«Ну, это только предположение. И я собираюсь восстановить ее в полном объеме из того, что есть».

«Как?»

Она направилась к компьютеру.

«Я попробую ввести программу сверхскоростной формы Анализа Вьенера для обработки той части памяти, что осталась. Это мощный нелинейный метод для работы с высоким уровнем шумов, с которым мы как раз здесь столкнулись. Но для этого, похоже, нужно провести астрономические вычисления. Для ремонта нам придется использовать другие информационные системы, может, даже часть груза. Я не знаю, сколько времени это займет, и сработает ли это вообще».— у нее перехватило дыхание.— «Но мы должны суметь реконструировать недостающее и восстановить память. Вот почему мне потребуется максимум того времени, что ты сможешь дать»,— закончила Джуна.

«Я попытаюсь»,— пообещал он.— «Давай действуй! И...»

«Знаю»,— сказала она сквозь кашель.— «Спасибо».

«Принесу что-нибудь поесть, пока ты работаешь».

«В моей каюте»,— проговорила она,— «в верхнем ящике тумбочки — там три пузырька с таблетками. Принеси лучше их и воды запить».

«Хорошо».

Уэйд ушел. По дороге он заглянул в свою каюту,

чтобы захватить пистолет, который обычно держал в гардеробе — единственное оружие на борту корабля. Он обыскал ящики несколько раз, но пистолета нигде не было. Он тихо выругался и пошел в комнату Джуны за лекарством.

* * *

Берсеркер установил дистанцию и в ожидании предался размышлениям. Он раскрыл часть информации, чтобы объяснить суть предложенной сделки. Все же не повредило бы напомнить Капитану Келму о серьезности его положения. Возможно, это поторопит их с решением. Повинуясь приказу, глухо зарокотала гидравлика и открылись наружные амбразуры, чтобы выставить дополнительные орудия. Извергающие огонь устройства были нацелены на маленькое суденышко. Большинство орудий были слишком мощными, чтобы уничтожить корабль, не повредив то, что у него на буксире. Это была всего лишь демонстрация, но достаточно устрашающая...

* * *

Уэйд смотрел, как работает Джуна. Чтобы входной люк соответствовал требованиям безопасности, на корабле существовало несколько мест, откуда его можно было открыть с помощью дистанционного управления. Так что он заткнул за пояс электронный ключ и не спускал глаз с дверного проема. Похоже, это было единственное, что он мог предпринять, не доводя дело до прямого конфликта, который в их ситуации был неизбежен.

Периодически Уэйд продолжал включать голосовой режим работы и слушал, что бормотала штуковина, иногда на земном, иногда на странном чужом языке, слова которого, казалось, звучали знакомо. Он задумался. Джуна была права: что-то явно пыталось прорвается на поверхность. Но...

Задребезжал коммутатор внутренней связи. Это был Дорфи.

«Наше время истекло. Он хочет снова говорить с тобой»,— сообщил Дорфи.— «Уэйд, он выставил дополнительные орудия...»

«Соедини меня»,— был ответ. Он немного выждал, затем сказал: «Алло?»

«Капитан Келм, час истек»,— послышался уже знакомый голос.— «Сообщите ваше решение».

«Мы ни к чему не пришли»,— ответил он.— «Разошлись во мнениях. Нам требуется еще время для обсуждения».

«Сколько?»

«Не знаю. По крайней мере, несколько часов».

«Очень хорошо. В течение последующих трех часов я буду связываться с вами ежечасно. Если в течение этого срока вы не придете к решению, я пересмотрю свое предложение присвоить вам категорию «good Life».

«Мы поторопимся»,— сказал Уэйд.

«Я соединюсь с вами через час».

«Уэйд»,— вставил Дорфи в конце сеанса связи,— «все эти орудия нацелены прямо на нас. Думаю, он собирается взорвать нас, если мы не отдадим то, что он просит».

«Я так не считаю»,— ответил Уэйд.— «Как бы то ни было, у нас теперь есть еще время».

«Для чего? Несколько часов ничего не изменят!»

«Через несколько часов я тебе и отвечу»,— сказал Уэйд.— «Как Мак-Фарланд?»

«Он в порядке».

«Отлично!»

Уэйд прервал связь и выругался.

Хотелось выпить, но он боялся, что мысли потеряют ясность. Он был близок к разгадке...

Он вернулся к Джуне, сидящей за приборной доской.

«Как дела?»

«Все на месте, и я сейчас его проверяю»,— сказала она.

«Когда все станет ясно?»

«Трудно сказать...»

Он опять включил голосовой режим работы.

«Куибиан-куибиан-кел»,— произнесло устройство.— «Куибиан-куибиан-кел, макс куибиан».

«Интересно, что бы это могло значить?» — спросил Уэйд.

«Это — повторяющаяся фраза, или слово, или целое предложение. Я только что сделала анализ и пришла к мысли, что это может быть его собственное имя».

«В нем есть определенный ритм».

Уэйд начал напевать. Потом насвистывать, постукивая пальцами по стенке контрольной панели, аккомпонируя себе.

«Вот оно!» — воскликнул он наконец.— «Это было то место, и это было не то место...»

«Что?» — спросила Джуна.

«Я должен проверить, чтобы знать наверняка»,— сказал он.— «Держи оборону! Я скоро вернусь».

Он поспешно вышел.

«То место, но не то место»,— раздалось из динамика.— «Как это может быть? Противоречие?»

«Ты приходишь в себя!» — воскликнула Джуна.

«Я восстанавливаюсь»,— раздалось в ответ через некоторое время.

«Давай поговорим, пока идет процесс»,— предложила она.

«Да»,— сказал аппарат, потом опять понес несусветный бред, иногда прорывающийся сквозь треск радиопомех.

...доктора Джуну Бейл, скорчившуюся в судорогах в туалете, рвало. Потом она сжала веки ладонями и попыталась сделать глубокий вдох, чтобы подавить приступы головокружения и дрожи. Когда ее желудок окончательно успокоился, она приняла двойную дозу лекарств. Это было рискованно, но выбора у нее не было. Сейчас нужно было предотвратить новый, более сильный приступ. Могла помочь только сильная доза. Стиснув зубы и кулаки, она ждала, когда лекарство начнет действовать.

Когда час истек, Уэйд Келман связался с берсеркером и уговорил его еще на одну часовую отсрочку. В этот раз смертоносная машина была настроена более воинственно.

* * *

Послушав последнюю передачу, Дорфи тоже радировал берсеркеру и предложил заключить сделку. Берсеркер сразу же согласился.

Он убрал все орудия, направленные на корабль, кроме четырех необычной конструкции. Он неохотно пошел даже на такую уступку, но предложение Дорфи в какой-то степени внешне оправдывало ее. В действительности он не исключал, что именно демонстрация дополнительного вооружения могла послужить причиной

усиления активности неизвестного электрического поля, которое он вновь зафиксировал. Программа по-прежнему предписывала соблюдать осторожность и не поддаваться на провокации.

Кто начертил схемы для льва?

«Куибиан»,— произнес реликт.

Джуна, бледная, сидела перед приборной доской. Прошедший час состарил ее лицо. На комбинезоне были видны свежие следы грязи. Когда Уэйд вошел, то буквально застыл от неожиданности.

«Что случилось?» — спросил он.— «Ты выглядишь...»

«Все в порядке».

«Нет! Я знаю, что ты больна. Мы пойдем...»

«Нет, все в самом деле в порядке»,— сказала она.— «Уже прошло. Оставь, как-нибудь обойдется».

Он кивнул и прошел, в его левой руке был маленький магнитофон.

«Вот что у меня есть»,— сказал он.— «Послушай!»

Он включил магнитофон. Послышалась серия пощелкиваний и стонов. Она продолжалась около четверти минуты и прекратилась.

«Проиграй это еще раз, Уэйд»,— попросила она и слабо улыбнулась, включила тумблер голосового режима.

Он подчинился.

«Переведи»,— попросила она, когда все кончилось.

«Обрати — непереводимое — в — непереводимое и трансформируй вверх»,— раздался из динамиков голос реликта.

«Благодарю»,— сказала Джуна и добавила: «Ты был прав, Уэйд».

«Ты знаешь, где я это нашел?» — спросил он.

«На пленках Кампанов».

«Да, только это говорят не Строители...»

«Я это знаю».

«И ты знаешь, что это?»

Она кивнула.

«Это язык врагов Строителей — Красной Расы, против которых и были впервые брошены берсеркеры. В этом маленьком открывке записан призыв или молитва, которую выкрикивали круглые красные человечки. Возможно, что эта пленка использовалась Строителями в целях воздействия. Она ведь оттуда?»

«Да. Как ты узнала?»

Она погладила приборную доску.

«Куиб-куиб приходит в себя. Он даже нам помогает. Сейчас он отлично справляется с самовосстановлением после того, как мы инициировали процесс. Мы немного поговорили, и я начала понимать». Она зашлась в таком глубоком мучительном кашле, что на глазах выступили слезы.— «Ты не дашь мне стакан воды?»

«Конечно!»

Он пересек каюту и принес стакан.

«Я сделала чрезвычайно важное открытие»,— сказала она, отпив глоток.— «Хорошо, что тебе не позволили освободиться от аппарата».

В каюту вошли Мак-Фарланд и Дорфи. Мак-Фарланд держал пистолет Уэйда и целился в него.

«Выбрось эту дрянь»,— сказал он.

«Нет»,— ответил Уэйд.

«Тогда это сделает Дорфи, пока я буду держать вас здесь. Готовься, Дорфи, и захвати газовый резак».

«Вы не понимаете, что делаете»,— сказал Уэйд.— «Джуан мне только что рассказала, что...»

Мак-Фарланд выстрелил. Пуля срекошетила о стены каюты и упала в дальний угол.

«Мак, ты сошел с ума!» — закричал Уэйд.— «Еще один такой выстрел — и от тебя самого ничего не останется!»

«Не двигаться! О'кей, это было глупо, но теперь я буду умнее. Следующая попадет тебе в плечо или ногу. Я так задумал. Все ясно?»

«Да, черт возьми! Но сейчас мы не можем просто бросить аппарат. Он почти исправлен, и мы знаем, откуда он. Джуна говорит...»

«Меня это не интересует! Две трети его принадлежит мне и Дорфи, и нашу долю мы немедленно выбрасываем за борт. Если твоя треть отправится вслед за ними — считай, тебе не повезло. Берсеркер уверяет, что ему больше ничего не нужно. Он нас сразу отпустит. Я в это верю».

«Послушай, Мак! Мы не должны отдавать берсеркеру то, что он так жаждет получить. Я думаю, что смогу уговорить его на еще одну отсрочку».

Мак-Фарланд покачал головой.

Дорфи закончил подготовку и снял резак с подставки. Когда он направился к открытому люку, Джуна сказала: «Подожди, если ты задраишь люк, то перерубишь кабель. Это нарушит связь с мозгом Куиб-куиба».

«Прошу прощения, доктор»,— сказал Мак-Фарланд.— «Но мы очень спешим!»

Тогда с пульта управления послышались слова: «Нашу ассоциацию собираются уничтожить?»

«Боюсь, что да»,— ответила Джуна.— «Сожалею, что не смогла закончить».

«Не переживай! Процесс продолжается. Я ассимилировал программу и использую ее самостоятельно. Очень полезный процесс».

Дорфи вошел в люк.

«Джуна, у меня перед расставанием есть вопрос»,— сказал аппарат.— «Да? Что такое?» — спросила Джуна.

Затвор люка начал описывать круги, и Дорфи уже поднял резак, чтобы заварить швы.

«Мой словарь еще не полон. Что означает на вашем языке «Куибиан»?»

Когда она говорила, вращающийся затвор перерубил кабель, так что Джуна не узнала, услышал ли он слово «берсеркер».

Уэйд и Мак-Фарланд одновременно резко обернулись.

«Что ты сказала?» — произнес Уэйд.

Она повторила.

«Ты сама себе противоречишь»,— сказал он.— «Сначала ты утверждала одно, теперь...»

«Ты собираешься говорить о словах или машинах?» — спросила она.

«Давай, продолжай. Говори! Я буду слушать».

Она вздохнула и выпила еще воды.

«Я услышала рассказ Куиб-куиба по кускам»,— начала она.— «Мне пришлось заполнить некоторые пропуски собственными догадками, но, похоже, они верны. Столетия назад Строители, очевидно, вели войну с Красной Расой, которая оказалась сильнее, чем те рассчитывали. Они решили нанести им удар с помощью своего абсолютного оружия — самовоспроизводящихся смертоносных машин, которые мы называем берсеркерами».

«История известная»,— заметил Уэйд.

«Красная Раса была покорена»,— продолжала Джуна.— «В результате кошмарной войны их почти полностью уничтожили. В последние дни они перепробовали многое, но к этому времени уже было поздно. Они были сломлены. Они даже попытались использовать нечто, над чем я всегда размышляла — такое, на что даже сейчас мир, подобный Земле, не отважился бы пойти,—

из-за всех запретов на исследования в этой области, из-за своей паранойи...»

Она остановилась и сделала еще глоток.

«Они построили собственные берсеркеры»,— продолжила она,— «но не такие, как «оригиналы», созданные Строителями. Они изобрели машину смерти, которая должна была атаковать только берсеркера — своеобразного «антиберсеркера» — для защиты родной планеты. Но этих аппаратов было слишком мало. Люди Красной Расы выстроили их в линию вокруг своей планеты и, несомненно, это была мощнейшая оборона. Еще антиберсеркеры умели совершать короткие прыжки, перемещаясь в пространстве. Но у врага было значительное количественное преимущество в той последней великой массированной атаке. В конечном счете все они были уничтожены».

Корабль вздрогнул. Все повернулись к затвору люка.

«Он все-таки отцепил его»,— констатировал Мак-Фарланд.

«Корабль при этом не должно было так сотрясти»,— возразил Уэйд.

«Это возможно, если аппарат сразу после освобождения набрал скорость»,— заметила Джуна.

«Но как он мог со всеми своими опечатанными контрольными схемами?..» — спросил Уэйд.

Она бросила короткий взгляд на пятна грязи на своем комбинезоне: «Я восстановила его схемы, когда узнала правду; не могу сказать, какой процент его былой эффективности сохранился, но уверена, что сейчас он собирается атаковать берсеркер!»

Затвор люка повернулся, и вошел Дорфи, расстегивая комбинезон. Люк за ним сразу захлопнулся.

«Нам нужно немедленно отсюда сматываться!» — закричал Мак-Фарланд.— «Это тихое местечко сейчас превратится в зону военных действий!»

«Уж не ты ли собираешься вести корабль?» — поинтересовался у него Уэйд.

«Конечно, нет...»

«Тогда верни мне пистолет и уйди с дороги!»

Он забрал оружие и прошел на мостик.

* * *

Они долго, сколько позволяли экраны, наблюдали за тяжеловесными передвижениями гигантского берсерке-

ра, за вспышками энергетических взрывов, за молниеносными движениями, исчезновениями и появлениями его крошечного атакующего противника. Позже, через некоторое время после того, как изображения на экране пропали, на фоне звездной черноты возник огненный шар.

«Он попал в цель! Куиб-куиб достал его!» — закричал Дорфи.

«Возможно, что и тот достал его»,— заметил Мак-Фарланд,— «как ты думаешь, Уэйд?»

«Я думаю»,— ответил он,— «что вижу вас здесь в последний раз. И никогда ни с одним не буду иметь ничего общего».

Уэйд поднялся и ушел к Джуне, захватив свой магнитофон и несколько записей.

Она повернулась к нему, оторвавшись от своего собственного экрана, и слабо улыбнулась, когда он присел на край ее постели.

«Я хочу поухаживать за тобой»,— сказал Уэйд,— «до тех пор, пока ты не перестанешь во мне нуждаться».

«Было бы приятно»,— ответила она.

...По следу. По следу. Они приближались. Их было пятеро. Их, должно быть, вызвал великан. Прыгнуть им на хвост и схватить тех, что сзади, прежде, чем остальные поймут, что происходит. Еще прыжок, удар в левый борт, снова прыжок. Они никогда не сталкивались с такой тактикой. Обманное движение. Огонь. Прыжок. Снова прыжок. Огонь. Последний кружится, как волчок, стараясь опередить. Ударить его. Заряд прямо в цель. Есть.

Последний во Вселенной Куибиан-куибиан-кел покидал поле битвы, подбирая обломки для новых ремонтных работ. Потом, конечно, ему понадобятся дополнительные материалы, чтобы восстановить форму.

Кто начертил схемы для льва?

ВЕЛИКИЙ СЕКРЕТ

Куибиан-куибиан кел...
Два секрета выдать не смел...

...И Ларс очнулся, хватая ртом воздух, от своего куибианского сна и увидел, что рядом с ним в келье стояла на коленях Пат Сандомер.

Ее серо-голубые глаза были широко распахнуты и полны сочувствия: «Тебе снился кошмар! Ты кричал и бормотал что-то...»

Ларс приподнялся на локте. Он весь взмок, словно только что перенес приступ сильной боли. Но он помнил не боль, а только сон, и притом так живо, словно видение было частью реальности.

Не удивительно, что Кампан попытался подальше спрятать этот последний эпизод и сильно рисковал, скрывая его от врага.

Как только Ларс провалился в сон, переживания тех далеких людей — Уэйда Келмана, Джуны Бейл и других — вместе с вычислениями, занимавшими мозг увиденного во время сеанса сражающегося берсеркера — внезапно всплыли из подсознания, из-под беспорядочных фрагментов его собственных мыслей, куда были упрятаны Кампаном.

Тогда Ларс спросил у Пат: «Что я там болтал?»

Пат покачала головой. Длинные волосы, взлохмаченные, но все же не потерявшие своей привлекательности, заколыхались: «Ничего не смогла понять. Что-то... похожее на «криб-криб»? Или какую-то обычную чепуху?»

«Что я говорил?»

«Не переживай так, Ларс! Это всего лишь сон. Удивительно, что мы еще не свихнулись от такой жизни»,— и Пат, поддавшись внезапному импульсу, прикоснулась к его руке.

Ларс сжал ее руку и не хотел отпускать, а она и не убирала ее. Он не пытался обнять Пат. В тот момент она была для него не более, чем кто-то, на кого можно опереться.

Куиб-куиб, спасатель, должно быть, мчится сейчас сюда в бесконечной галактической ночи. Должно быть... Если только, он, Ларс, одержимый видениями, от которых он не может избавиться, каким-то образом не выдал их. Он не мог сказать Пат, он не мог сказать никому, он не мог произнести ни слова. Ларс не мог придумать для Пат никаких объяснений или отговорок. Он слишком устал, чтобы даже разговаривать. Но только одного Куиб-куиба против целой базы недостаточно... несмотря на то, что он в щепки разнес пять боевых аппаратов.

В крайнем изнеможении Ларс снова забылся глубоким сном.

Когда он проснулся, Пат исчезла.

В общей комнате Ларс присоединился к остальным, но великий секрет Куибиан-кела все еще сверлил его мозг. Дороти сообщила, что Пат увели. Пришла одна из машин сопровождения — скафандра с ней не было — жестами она указала на Пат, повела ее по переходу в зал с мозговыми сканерами и закрыла за ней дверь. С собой машина увела и одного из Кампанов. Это был первый случай, чтобы на сеанс зондирования увели только одну пару пленников.

Глядя в комнату, где Кампаны проводили почти все свое время, Ларс почувствовал, что у этих существ появилось какое-то новое настроение — или это было нечто большее, чем просто настроение? — печаль, хотя никаких особенных изменений в их поведении он не заметил.

Он подумал, что шумы которые, не смолкая, доносились в человеческую обитель сквозь камень стен — звуки рудниковых, строительных и ремонтных работ заметно усилились. Но этот факт он оставил без объяснений.

Дороти Тотонак, Капитан и Николас Опава начали или возобновили спор о том, зачем берсеркерам понадобилось водить по базе своих пленников.

Внезапно разговор перешел на другую тему. Ларс, слышавший краем уха, не уловил, когда именно это произошло, но теперь они гадали, кто из них мог быть представителем «good Life». Необъяснимо, как подобное подозрение о «good Life» зародилось и пустило корни, но оно, тем не менее, возникло. Все бросали на Ларса, как, впрочем, и друг на друга, подозрительные взгляды.

Ларс, в свою очередь, стал подозревать Пат — странно, что ее должны были отделить от остальных и забрать сразу после того, как она посидела рядом с ним, пока он спал и кричал во сне, но у него не было способа высказать свои подозрения вслух (так как проклятая машина могла услышать), не упомянув о секретных сведениях, которые он тщательно скрывал от берсеркера.

Вскоре механические проводники пришли и за остальными. Огромная дверь плавно отошла назад, открыв коридор, ведущий в зал с аппаратурой для исследования мозга. Четверых Кампанов тоже взяли.

Пока его подключили к зондирующей мысли машине, Ларс решил, что в этот раз его партнером стал другой Кампан.

УТРОБА СМЕРТИ

Курьер сбился с курса в космическом пространстве и сделал остановку, чтобы сориентироваться. До солнца берсеркера было еще очень далеко, так далеко, что эта нестерпимо бело-голубая А-звезда смотрелась как точка, хоть и самая яркая среди многих себе подобных. Другие звезды, переполнявшие небеса, в немеркнущем великолепии всех оттенков — от радио — до гамма-излучения, за исключением того места, где Млечный Путь пенился вокруг черноты или соседней темной туманности — выглядели как грозовая туча.

Определив свое местоположение, он начал разгон и быстро превысил крейсерную скорость, а затем вышел на околосветовую. Ничем не скомпенсированные нагрузки от ускорения размазали бы о стену любое живое существо. Но здесь не было кают и не было пассажиров; курьер, по существу, являлся единым монолитным блоком.

Он начал вести на всех волнах мощную радиопередачу. Сообщение делалось на стандартном английском: «Переговоры! Переговоры! Переговоры!» Когда ускорение закончилось, частота была изменена для обеспечения смещения Допплера, чтобы сообщение наверняка достигло цели. Курьер, несомненно, был созданием рук человеческих. Берсеркеры непременно атаковали бы его, если бы не имели веских причин не делать этого. Такой поступок был бы мотивирован скорее страхом не перед тем, что боеголовка может сделать с одним из их горделивых истребителей, а перед тем, что может случиться с астероидными минами и построенными в космосе фабриками.

«Побуждение»; «страх»; «гордость» — бессмысленные слова, когда речь идет об управляемых компьютерами системах, безжизненных, не обладающих сознанием и самосознанием, запрограммированных на уничтожение всего живого во Вселенной.

Но ведь и курьер тоже был автоматом, хотя не настолько сложным и многооперационным, как простейший из берсеркеров.

«Переговоры! Переговоры! Переговоры!»

Тем временем — впрочем, время не имеет значения для объекта, у которого нет сознания, но солнце берсеркеров уже поблескивало не точкой, а крошеч-

ным диском — навстречу курьеру вышел военный корабль. Это было небольшое судно (из тех, которыми с легкостью жертвовали в бою), но все же достаточно крепкое: стометровая сфера, начиненная пушками, ракетными установками, энергометами. Его масса, незначительная в сравнении с другими планетными убийцами, делала его маневренным. Тем не менее ему понадобилось время и сложные расчеты, чтобы сравняться в скорости с курьером.

«Прекратить ускорение», — скомандовал берсеркер.

Посланник подчинился. Замедлил ход и берсеркер. Огромный шар и мимолетная щепка, они летели по инерции параллельным курсом на расстоянии тысячи километров друг от друга.

«Объясни причину своего присутствия»,— последовал еще один приказ. («Команда», «подчинение»... Трудно вообразить больший абсурд, чем когда два робота объясняются между собой!)

«Послание от людей», — ответил курьер.— «Они знают, что вы переместились в эту часть космоса».

Обмен информацией между машинами не добавил ясности. Несмотря на гигантские астрономические расстояния, операцию такого масштаба невозможно долго скрывать в этом небольшом секторе Галактики, где у людей были поселения с высоким уровнем технологического развития. Устройства, даже более простые, чем курьер, патрулировавшие пространство в радиусе не одного светового года, наверняка раздобыли эти сведения и передали их своим хозяевам. Конечно, не всем человеческим существам в звездной округе стало известно о перемещениях берсеркеров. Это к тому же не означало, что они многое могли сделать для предотвращения бешеных атак с новой базы. Их собственные силы были рассеяны вдали от центров более древних цивилизаций. В лучшем случае они могли найти средства для обороны отдельных миров — и то, вероятно, не всех.

Берсеркер не стал расходовать ватты на выяснение содержания послания. Он просто позволил курьеру продолжать.

«Их анализ показывает, что вы скоро нанесете удар, раз продолжаете использовать минеральные и энергетические ресурсы планетарных систем для ремонта и репродукции. Если превосходящие силы человечества двинутся против вас, вам придется оступить; но этого не

случится в ближайшем будущем, если вообще когда-нибудь случится. Те, кто меня послал, предлагают ценную информацию для вашего смелого предприятия».

Логические схемы выдали вопрос: «Они — «good Life?»»

«Ответ не запрограммирован, но в моих информационных банках памяти нет указаний на то, что они хотят активно сотрудничать с вами. Это может быть вопрос личной заинтересованности, надежда заключить выгодную для них сделку. Я только могу сказать, что при таких условиях договора вы достигните невиданной доселе цели: сделать стерильным целый мир, очистив его от всего живого».

Наступила радиотишина, если не считать слабого шороха звезд. Берсеркеру понадобилась доля секунды, чтобы оценить услышанное: «Другие будут поставлены в известность, прежде чем ты отбудешь. Мы организуем встречу для соответствующих переговоров, и ты доставишь своим людям протокол заседания. На каких частотах они работают?»

...Была середина утра Илианского дня, когда Салли Дженнисон пришла домой. Оттепель и обычные грозы, что следуют за солнечным восходом, прошли. Небо было чистым, пурпурно-синим, за исключением нескольких облаков, которые отсвечивали румянцем то здесь, то там. На востоке великий, догорающий красными угольками Карлик-солнце карабкался по небосводу вслед за Олгой-луной; тени сделали крупные кратеры на луне более четкими. Внизу смутно вставали над горизонтом горы Зубья Пилы, сверкал, как в огне, пик Снежной Короны.

Земля в других местах была слегка холмистой, так что Река Большой Дороги спокойно несла свои воды к Сапфирному Озеру. Лодка оставила позади пустынные берега и теперь проплывала мимо населенной части Джесердала. Поля волновались темно-желтой массой по обе стороны дороги; хлеба созрели, были убраны, вновь посеяны и созрели опять — с той поспешностью, которую предполагает короткий Илианский год: уже несколько раз с тех пор, как отбыла экспедиция. В северном направлении была видна деревушка с круглыми, как осиные гнезда, домишками. Редко встречавшиеся местные жители, работавшие у ручья, приветствовали Салли и ее спутника. Их было немного: впрочем, ей и не доводилось

слышать, чтобы на этой планете люди любили собираться большими группами. Строевого леса было достаточно — высокие стволы, темно-красная листва... Над покрытой ржавчиной поверхностью, где пузырились горячие источники и где однажды Салли видела вырвавшийся вверх столб воды, стелился пар.

На блестящих крылышках порхали инсектоиды. Вверху парил Всадник ветра. Река и ветерок шептались друг с другом. Воздух к середине дня потеплел и наполнился острыми запахами. Пел невидимый кроликот.

Мирное спокойствие было далеко от Салли и казалось нереальным.

Внезапно оно было нарушено. Салли подсоединила свой передатчик к энергосистеме лодочного мотора, вставила пленку для прямого считывания данных и продолжительной, повторяющейся передачи: «Привет, Университетская Станция. Привет всем и везде. Это — партия Дженнисон возвращается после того, как мы перестали вас слышать. Я несколько раз вызывала вас, но не получила никакого ответа».

Из устройства раздался незнакомый мужской голос, хриплый от напряжения, говоривший по-английски с сильным американским акцентом: «Что такое? Кто вы? Где?»

Салли открыла рот от изумления, но быстро взяла себя в руки. Годы на чужбине и пережитые опасности научили ее спокойно встречать повороты судьбы. Глубоко внутри она почувствовала волну облегчения — она оказалась не единственным человеком, оставшимся в живых на Илиа! — но эта волна принесла с собой и ледяной поток беспокойства. Что стало с ее друзьями, с каждым из сотни исследователей и вспомогательного персонала, которые работали на базе и были разбросаны по всей планете?

Она смочила губы, чтобы ответить: «Салли Дженнисон. Последние двадцать дней я выполняла в полях на Дальней Стороне ксенологические* исследования».— Человек, вероятно, не привык к медленному вращению Илиа и не понял, что означало здесь «двадцать дней».— «О, это примерно шесть месяцев в земном исчислении! Но когда связь прервалась — да, конечно, я могла из того далека отправлять и получать сообщения, у нас есть на орбите

---

* Ксенолог — здесь: специалист по изучению инопланетных рас и форм жизни *(прим. перев.)*.

комсаты* — я заволновалась и отправилась назад».

«Где вы? Кто с вами?» — вопрошал голос.

«Я — на Реке Большой Дороги, проплываю мимо Города Тацоров. Он находится примерно в ста пятидесяти кликах к западу от станции. Со мной остался только один спутник из местных, он живет рядом с нами. Остальные члены экспедиции, тоже местные, уже высадились по пути следования и разошлись по домам...»

Внезапно Салли разозлилась: «Вот что, хватит! Господи Иисусе! Может, теперь вы мне скажете, кто вы и что вообще происходит?»

«Нет времени»,— ответил голос.— «Ваши люди в безопасности. Мы пошлем кого-нибудь на воздушном автомобиле подобрать вас как можно быстрее. Передачу прекратите. Немедленно!»

«Что? Послушайте...»

«Доктор Дженнисон, на подходе берсеркеры. Они могут прибыть с минуты на минуту. Они не должны засечь никакой электроники, никаких следов человека. В соответствии с военным положением объявляю радиомолчание. Отключите вашу аппаратуру!»

Голос оборвался. Окоченевшими пальцами Салли отсоединила передатчик. Она тяжело опустилась на скамью, огляделась, с испугом заметив, что она все еще была у руля.

Радуга-в-Тумане застенчиво погладил своей четырехпалой рукой ее руку. На ней была рубашка с короткими рукавами, и Салли почувствовала, как покров его кожи (не волосы, не перья, а нечто замысловатое, красивое и нежное) щекочет ей руку.— «Теперь ты, наконец, получила сообщение, Леди — Которая — Ищет?» — провибрировал, просвистел, прожжужал он.

«Не совсем то, что хотелось»,— ответила она по-английски. Они понимали языки друг друга, хотя и не все звуки могли произнести. Новая интонация в голосе Салли расстроила его.—«Ладно, кто бы он ни был, но он сообщил, что мои люди в безопасности».

«Хорошая новость помогает пережить плохую».— Вот что он имел в виду.

«Но твои люди — в смертельной опасности!» — почти выкрикнула она.— «И весь твой мир!»

Она так смотрела на своего многолетнего друга,

---

* Здесь: сокращенное «коммуникационный саттелит», спутник связи *(прим. перед.)*.

словно видела его впервые: тело, как у нее, но ростом он доходил ей только до подбородка и обладал более худощавым сложением: круглая голова, уши фавна, короткое лицо с подрагивающими кошачьими усами, огромные золотистые глаза; нежный серый светящийся покров кожи. Пояс, сумка и патронташ составляли весь его наряд; стальной нож, который он носил с такой гордостью, но не потому, что это была большая редкость в их первобытнообщинном мире, а потому, что это был ее подарок... Салли видела лики планет, обезображенные берсеркерами: радиоактивные скалы, пепловые ветры, отравленные моря.

Но это безрассудно! — подумала она вдруг. Они никогда не слышали об Илиа. Они не могли знать об этой планете, разве только по дикой случайности, но если так произошло, то как мог тот человек узнать об этом?

И он хотел, чтобы я прекратила передачу, потому что ее мог засечь берсеркер, а как насчет того летающего средства, что он послал за мной? Что ж, возможно, он вынужден рисковать, чтобы поспешно доставить меня в укрытие. За такое ничтожно короткое время малое транспортное средство имеет меньше шансов быть замеченным с помощью оптики, чем радиопередача — с помощью электроники.

А как же насчет наших ретрансляционных спутников? Как насчет самой Университетской Станции — зданий, посадочной полосы, игрового поля, всего?

Почему никто никогда не говорил мне об этих... чужих?

Радуга-в-Тумане гладил желтые волосы, ниспадающие на шею в виде конского хвоста: «Я чувствую, что у тебя большая печаль»,— вздохнул он.— «Может твой брат по странствиям дать тебе какое-то утешение?»

«О, Радди!» — она крепко прижала его к себе, борясь с желанием разрыдаться. Он был тёплым, и от него пахло пряностями, как на кухне, когда она была еще ребенком и жила на Земле.

Ее внимание привлекло стрекотание наверху. Салли увидела каплевидную форму, плавно снижающуюся в восточной части неба. Она черкнула по солнечному диску, но короткий взгляд на Красного Карлика не ослепил ее. Салли поняла, что это был воздушный автомобиль. Модель была незнакомой. Ну что ж, за

многие века ее раса колонизировала множество планет, и ни одна из них не была «просто шариком», а всегда — безграничным, загадочным миром. На одной Илиа было столько тайн и чудес, что исследователю хватило бы на несколько жизней...

Автомобиль приземлился на левом берегу реки, где весенний дерн образовал аметистовый ковер.

Из машины выпрыгнул человек и поманил ее. Он был высокого роста, худощав, одет в зеленую униформу, однако под лучами местного солнца этот цвет приобрел безобразный оттенок. Ворот его рубашки был незастегнут, она топорщилась на талии из-за портупеи, но выправка явно выдавала человека военного.

Салли подогнала лодку к берегу, заглушила мотор и вышла. Теперь она увидела вблизи его гладко выбритое лицо с резкими чертами. Морщины на обветренном лице и белые пряди в коротких темных волосах свидетельствовали о том, что ему было больше сорока по земному календарю. На плечах поблескивал знак кометы, а на рукавах был изображен кронциркуль перпендикулярно к электрической схеме.

В свою очередь, он тоже бросил на Салли испытующий взгляд: около тридцати, ростом почти с него, хорошего телосложения, гибкая и подвижная благодаря полевым условиям своей работы. Он вяло поприветствовал ее и представился: «Ян Данбар, капитан инженерного корпуса, Космический Флот Адама». Своим акцентом он напоминал того парня, который услышал запрос Салли в эфире, был выходцем с другого континента. Да, она слышала об Адаме, так как планета находилась в их общем районе, но ее информация по этому вопросу была очень скудной...— «Пожалуйста, садитесь, мы подвезем и вашего парня, если он пожелает».

«Нет, он отведет лодку»,— возразила она.

«Доктор Дженнисон»,— начал Донбар,— «ваша лодка слишком велика, чтобы один человек мог справиться с ней без мотора, а его мы собираемся снять и забрать». Он повернул голову к аэромобилю и прокричал: «Камерон, Гордон, вылезайте, и за работу!» — «Есть, сэр!» — из машины выкарабкались с инструментами два молодых человека в такой же униформе, но без офицерских знаков различия.

Рука Радуги-в-Тумане скользнула в руку Салли. «Что происходит?» — испуганно спросил он, хотя однажды,

вооруженный одним лишь ножом, отражал атаку копьерога, отвлекая его внимание до тех пор, пока она не нашла свое ружье. Он был вторым человеком в команде Салли, когда она уехала изучать племена, незнакомые ему так же, как и ей. Это было совсем недавно; поиск привел их в края, где никогда не видели Олгимуны, которая вечно висит в его родном небе и которую он называл Материнский Дух.

«Я не знаю, что происходит»,— пришлось ей признаться.— «Был разговор о враге».— «Что же это значит?» — поинтересовался он. Действительно, на Илиа Салли никогда не слышала о войнах и убийствах.

«Опасные существа, обезумевшие звери»,— мысль о ядерных ракетах и энергетических лучах, готовых обрушиться на эту планету, была подобна глотку уксуса.

«Поторапливайтесь!» — крикнул Данбар.

Салли и ее спутник втиснулись на заднее сидение рядом с Яном. Двое рядовых тоже сели — после того, как сняли мотор и другое лодочное оборудование. Они заняли переднее сидение, один взял на себя управление. Воздушный автомобиль взмыл вверх. Несмотря ни на что, Радуга-в-Тумане испытывал восторг. Ему нечасто приходилось летать.

Салли чувствовала, что из-за тесноты в кабине Данбара сильно прижало к ней. Ее пронзило ощущение близости мужчины. Прошло уже много времени с тех пор, как она рассталась с Питом Брози и Фудживарой Ито. Первый был планетологом, второй — молекулярным биологом, ее любовники не могли разделить с Салли ее увлечение на всю жизнь — ксенологию.

Ее пронзило недоброе предчувствие: как они там? Где?

Беспокойство переросло в негодование. «Ну, вот что, Капитан Данбар»,— выкрикнула она,— «не скажете ли, что, черт возьми, происходит?»

Призрак улыбки промелькнул на его застывшем лице: «То, что ваши люди, полагаю, называют повелением свыше, Доктор Дженнисон».

«Хм?» — она была удивлена.

«Вы по происхождению из Северной Америки на Земле, правда?»

«Д-да... Но как вы догадались, если еще час назад не подозревали о моем существовании?»

Он пожал плечами: «Речь, походка, облик. Я смотрел фильмы, читал книги, встречал путешественников.

Не считайте Адамитов неотесанными невеждами только потому, что дальше нас люди в космосе уже не живут». Призрак снова погрузился в свою могилу. Взгляд, обращенный к Салли, опять стал бесцветным. «Может, наши предки когда-то были счастливы, но берсеркеры положили этому конец. Что меня очень интересует в настоящий момент — это почему никто не сказал нам о вас, Доктор Дженнисон. Мы бы отправили за вами машину. А сейчас, боюсь, вы в такой же ловушке, как и мы все».

Салли взяла себя в руки, сжала губы, с вызовом посмотрела своим голубым взглядом в его серые глаза и сказала: «Едва ли я способна мыслить здраво, пока сама не узнаю некоторые факты. Я могу спросить, что происходит? Кто ваши люди и что стало с моими?»

Данбар вздохнул: «Мы эвакуировали их. Да, это было наше собственное решение, причем принятое в страшной спешке, но нам тоже крепко досталось от ваших людей. Ведь первое, что мы сделали — это убрали комсаты: вот почему вы потеряли связь, хотя прошло не так уж много времени с тех пор, как мы наложили запрет на любые трансляции. Между тем...»

Аэромобиль пошел на снижение. Салли выглянула в окно за Данбаром. И невероятным усилием подавила готовый вырваться вопль.

Внизу сияла огромная гладь Сапфирного Озера, окруженного ставшим для Салли привычным здесь сельским покоем. Восточные горы, колесо красного солнца, вся в шрамах сверкающая луна были нетронуты. Но там, где Река Большой Дороги впадала в озеро, к которому примыкала Университетская Станция, теперь зияла черная пустота, словно на этой земле полдня полыхал торфяной пожар и уничтожил все, включая и сами здания, или уже побывали берсеркеры.

...Небо серебрилось от звезд. Но ни одна не сияла вблизи этой пустыни одиночества. Единственное, что обозначало место встречи, была триангуляция* на дальние галактики.

Выплыв из космического простора, берсеркер вышел на радиосигнал, подаваемый кораблем Мэри Монтго-

---

* Триангуляция — в геодезии способ определения координат с помощью системы смежно расположенных треугольников, вершинами которых являются искомые пункты *(прим. перев.)*.

мери, застывшем в ожидании. Приборы определили, что чужое судно приблизилось, провело настройку и выравнивание и лежало теперь на расстоянии в тысячу километров. Телескопия показала, что по размерам берсеркер не превышает ее корабль, хотя и сплошь утыкан орудиями. Он смутно поблескивал и казался глубокой тенью на фоне Млечного Пути.

Одна в главной командной рубке (так как экипаж был весьма немногочисленным), Мэри устроилась в кресле у пульта управления и нажала светящуюся пластину, что было сигналом ее готовности к переговорам. Вокруг виднелись переборки, выкрашенные в какие-то скучные цвета, стрелки, дрожащие на циферблатах, серпантины данных, попискивающая и бормочущая электроника. Воздух, поступающий из вентиляторов, немного попахивал маслом: что-то, неважно что, было в порядке в системе восстановления. Старые кости Мэри давно ныли, но это уже не имело значения.

Ее слуха достиг голос берсеркера. Он был синтезирован из голосов пленных землян, захваченных давным-давно, и звучал резко и неровно — звуковой монстр, собранный из останков мертвецов, наводящий ужас на многих. Монтгомери зло фыркнула, затянулась своим «черути» и выпустила в динамик колечко дыма. Детская бравада, подумала она. Почему и нет? Кто видел?

«Переговоры в условиях перемирия?» — начал берсеркер.

Монтгомери кивнула прежде, чем до нее дошло, что это по меньшей мере глупо. «Да»,— сказала она.— «У нас есть что вам предложить».

«Кто вы? Где та планета, о которой говорил посланник, какова ваша цена?»

Монтгомери хихикнула, смутная радость охватила ее: «Спокойно, вампирчик! Ваш род, вы все опять обосновались в этих секторах, чтобы снова убивать, или как? Ну что ж, в прошлый раз мой мир жестоко пострадал. Но сейчас оборона у нас стала получше, мы в состоянии вас победить, хотя и дорогой ценой. Предложим, что мы даем вам взамен другой населенный мир — но не колонию людей, поскольку все-таки мы не предатели, понимаешь? Это мир бесполезный для нас, но в нем есть жизнь, которую вы сможете уничтожить, разумная форма. Они примитивны и беспомощны перед вами. Ваш один-единственный крупный боевой корабль превратит эту планету в пепел за пару дней при минималь-

ном риске. В обмен на такой легкий триумф — не оставите ли нас в покое?»

«Кто вы?»

«Свой мир мы называем Адам».

Берсеркер покопался в банках своих данных. «Да»,— сказал он.— «Мы напали на него 357 земных лет назад. Нанесен серьезный ущерб, но прежде чем миссия могла быть завершена, прибыли тактические силы Великого Флота и вынудили нас отступить. Мы только проводили рейд, и у нас не было подкрепления».

«Да, но с тех пор Адам значительно укрепил оборону».

«На этот раз и у нас есть база, планетарная система, сырье для строительства бесчисленного множества новых машин. Почему бы нам не покончить с Адамом?»

Монтгомери вздохнула: «Был бы ты живым человеком,— способным мыслить и чувствовать — ты, металлическая мерзость — я бы попросила прекратить играть со мной в игры. Но, полагаю, что в твоем компьютере нет таких данных. Давненько мы не сталкивались. Так слушай!

Несмотря на нанесенные нам раны, население Адама сейчас больше, чем прежде, промышленность развита гораздо лучше, имеется небольшой, но крепкий военный космический флот во всей системе хорошо организована гражданская оборона. Вы не сможете разбить нас до прибытия Великого Флота человечества, которые выкинут вас из этого сектора. Тем не менее мы бы охотнее предпочли не нести потери в живой силе и технике, если бы за этим последовал отказ от вторжения. Поэтому мы и предлагаем вам сделку — мир за мир».

Хотя берсеркера нельзя было назвать живым организмом, ему нельзя было отказать в проницательности. «Если цель, которую вы предлагаете, так легкодоступна»,— поинтересовалась машина,— «почему бы нам после этого не обратить свой взор на вас?»

Монтгомери несколько успокоил вкус дыма во рту и в значительно большей степени — взгляд на семейную фотографию, висевшую над контрольной панелью управления. На ней был запечатлен ее умерший муж — ах, Колин... Ее сыновья и дочери с решительным видом стояли рядом со своими женами и мужьями среди внуков Мэри и Колина. Она добровольно согласилась на эту миссию, потому что для такого дела нужно было отправить имен-

но человека — ни один из компьютеров, созданных людьми, не смог бы проявить достаточную гибкость. А если переговоры не состоятся и берсеркер откроет огонь — что ж, она успела пожить на этом свете и многое повидала...

«Я уже говорила, что мы — крепкий орешек, и вам нелегко будет раскусить нас»,— ответила она,— «а это вы можете проверить в разведовательном полете. Стоит только проанализировать побочное излучение, идущее от орбитальных крепостей и патрулирующих кораблей. Потом представьте, какие у нас могут быть наземные установки — целые реки для охлаждения энергометов. А ведь вы об этом и не думали, правда?»

«Тем не менее, было бы логично атаковать вас, особенно после того, как мы с легкостью осуществим часть нашей цели по стерилизации мира без потерь».

Монтгомери скорчила кораблю, видневшемуся на фоне звезд, дьявольскую гримасу. «Видишь ли»,— заявила она,— «прежде, чем обратить вашу мощь на беспомощную планету, мы во всех направлениях разошлем роботов-посланников. Они будут нести свидетельства — наши записи, твою электронную подпись — свидетельства подлинности договора о том, что мы дали вам информацию в обмен на неприкосновенность.

Вы заключали сделки с человечеством и раньше. Но если вы нарушите одну, столь важную, как эта, многих ли в будущем вы сумеете завербовать в «good Life»?»

Машина не задала больше никаких вопросов, что на ее месте непременно бы сделала Монтгомери. Например, как люди с других планет отнесутся к своим братьям, Адамитам, которые продали живой мир в обмен на отказ от военных действий? Тонкости такого рода были выше возможностей машинного разума. Действительно, устало сознавалась себе Мэри Монтгомери, это было выше понимания — и ее собственного, и понимания любого эксперта, который обсуждал данный вопрос. Их шаг не должен был вызвать всеобщего осуждения, а недовольные пошумят-пошумят и быстро умолкнут. Нечеловеческие разумные существа были редкостью, научной ценностью, но все-таки не людьми. Вашим первым и главным обязательством является обязательство перед себе подобными.

И разве это были человеческие существа, которые построили первые берсеркеры бесчисленное множество лет назад и запрограммировали их на уничтожение все-

го живого — как оружие в той проклятой, давно забытой войне. Разве не так?

Наступившая тишина проникла в сознание Мэри и заполнила его целиком.

«Этот аппарат уполномочен заключить соглашение от имени всех наших объединенных сил»,— заявил берсеркер.— «В основном нас все устраивает. Для начала представьте описание планеты, которую вы бы нам отдали».

...Солнце медленно поднималось, в то время как Олга шла на убыль. Ночная часть луны была видна к юго-востоку над Зубьями Пилы — там, где она висела на полпути к зениту. Разряженная атмосфера, блики солнечного света на облаках, отраженной свет Илиа — все это вызывало мерцание дневной освещенной части изрытого оспинами серпа луны, северная полярная шапка возвышалась, как султан из перьев.

Для Салли этот пейзаж был привычным, но она вдруг почувствовала, каким чужим он должен казаться Данбару: мрачное красное дневное светило, в шесть с половиной раз превышающее размеры земного солнца и совершающее ход от полудня до полудня более, чем за неделю, а от лета до лета — менее, чем за месяц; луна, почти в четыре раза превышающая земное ночное светило по размеру и почти в двадцать по яркости, которая никогда не заходит, если ты остаешься на месте. Интересно, какое небо на Адаме?

Пейзаж едва ли гармонировал с царящим повсюду разрушением; увиденное привело Салли в состояние шока, а спустя несколько часов после посадки на нее обрушились новые удары. Под землей Адамиты вырыли пещеры, а наверху демонтировали Университетскую Станцию, утопив в озере часть оборудования. В подземелье она видела незнакомцев в униформе, снующих, как муравьи, по однообразным коридорам, слышала громкие приказы, шарканье шагов и сверлящий звук невидимых работающих машин. Ей нашли закуток для сна и место в офицерской столовой, но есть не хотелось. Воздух был теплым и душным, так как времени хватило только на обеспечение минимальных жизненных условий, а ведь еще требовалось высечь в скале целый комплекс цехов, командных постов, бараков и все это укрепить, чтобы могло выдержать прямое попадание в одну мегатонну. Фантастическая работа, проделанная за такой

короткий промежуток времени, хотя и с помощью мощных умных машин... Зачем? Зачем? Зачем?..

Ее принял, но только для краткой беседы, Эндрю Скримжур, Адмирал, руководитель всей операции. Слишком большой круг вопросов был в его ведении. Усталость избороздила морщинами его лицо; палец, постоянно поглаживающий седые усы, нервно подрагивал; он говорил монотонным голосом.

«Да, мы сожалеем, что забыли о вас. Я отправил запрос, когда услышал. Насколько моя служба могла выяснить, это произошло по недоразумению. Поймите, отсюда такая спешка с нашей стороны, и в ответ — такое негодование и злость ваших людей: споры, отказы, которые грозили перерасти в прямое столкновение, не действуй мы быстро и твердо. Кроме вас, полевой работой занимались и другие ученые, разбросанные, конечно, почти по всему шарику. Мы отыскали и привезли их, полагая, что эвакуировали всех. Мы не прекращали проверять ваши списки, так как никто не хотел, чтобы о ком-то забыли. Так получилось, что нам просто о вас не сообщили, Доктор Дженнисон. Несомненно, каждый из ваших друзей считал само собой разумеющимся, что это уже сделал кто-либо другой. Кроме того, они были слишком разгневаны, чтобы вообще разговаривать с нами, за исключением крайней необходимости. Более того, мы не могли отправить всех одним рейсом; нам потребовалось несколько кораблей, и на любом судне могли подумать, что вы на борту другого».

Да, Пит и Ито придут в ужас, когда узнают, подумала Салли. Самое худшее — бессилие и незнание, причем хуже для них, чем для меня. (О, нет, мы вовсе не давали друг другу обещания или что-то в этом роде. Нам просто было хорошо вместе, и мы наслаждались этим общением, в большей степени духовным, нежели физическим. Но все же мы были близки и нежно любили друг друга. Мне их очень не хватает, спокойного седого Ито и Пита с его неиссякаемой жизненной энергией, которой позавидовал бы человек вдвое его моложе...)

«Куда вы их доставили?» — поинтересовалась Салли.

Скримжур пожал плечами: «На Адам. Куда же еще? Им будут созданы все условия, пока идет подготовка к их отправке домой или в другие места. Может быть, некоторым позволят вернуться сюда для продолжения работы»,— он вздохнул.— «Но для начала нужно очи-

стить от берсеркеров этот сектор космоса. Пока же путешествие может оказаться неоправданно опасным, и наши власти задержат ваших людей для их же безопасности».

«Чтобы они молчали, вы хотите сказать!» — вспыхнула она.— «У вас не было никакого права так грубо вмешиваться, разрушить все, что мы построили, приостановить все наши работы! Если на Земле узнают об этом, то вряд ли захотят отправить свои военные корабли для защиты Адама».

Кустистые брови Скримжура сошлись на переносице. «У меня нет времени препираться с вами, Доктор Дженнисон»,— выпалил он.— «Да, о вас забыли во время эвакуации. Считайте, что и вам, и нам просто не повезло»,— он сдержал свои эмоции.— «Мы сделаем все от нас зависящее. Я позабочусь, чтобы офицер, приставленный к вам, не отходил от вас ни на шаг. Был, как дуэнья»,— сурово пошутил Скримжур.— «Представьте себе, сейчас на Илиа примерно с десяток женщин, и все слишком заняты делом, чтобы заниматься любовными интрижками. Но если наши мужчины будут плохо себя вести, им нужно просто дать понять, что не следует отвлекаться от дел даже в столь редкое свободное время».

Салли встряхнула головой: «Не беспокойтесь, Адмирал! У меня нет ни малейшего желания водить с ними компанию. С вашего разрешения, я избавлю их от своего присутствия».

«Вы имеете в виду, подняться наверх?» — поинтересовался он.— «Что ж, ничего страшного в этом нет при соблюдении определенных предосторожностей. Мы сами иногда поднимаемся. Тем более, что с вами всегда будет ваш сопровождающий».

«Зачем? Не кажется ли вам, что я знаю эти места намного лучше, чем любой из вашей команды?»

Он кивнул: «Да, конечно. Но дело не в этом: вам не следует далеко уходить. Вы всегда должны быть готовы немедленно вернуться по первому же сигналу тревоги или укрыться в случае опасности. Я хочу, чтобы для надежности кто-то был рядом. Это в ваших же интересах. Берсеркер на подходе».

«Но, если я не успею нырнуть в подземелье до нанесения удара, какой же смысл прятаться в кустах? Вся долина затянется радиоактивным дымом!»

«Есть шанс, один на тысячу, но тем не менее — что берсеркер выследит вас сверху...» — Скримжур резко

оборвал себя,— «простите. Мне нужно работать. Вернитесь в свой отсек и ждите офицера-телохранителя».

Этим офицером оказался Ян Данбар. Салли поймала себя на мысли: интересно, что он думает о ее небе?

«Видите ли»,— неловко (или стеснительно?) начал он,— «та часть работы, за которую я отвечаю, выполнена, если не считать мелких рутинных дел. Я больше не понадоблюсь до тех пор, пока не начнутся боевые действия. Мы в долгу перед вами. Извинения, объяснения, помощь, когда это будет возможно, в восстановительных работах — словом, располагайте нами. Я берусь... выступать от лица этой стороны... если вам угодно».

Салли подозрительно посмотрела на Данбара, но он явно не заигрывал. Похоже, просто не знал, как себя вести в этой ситуации. Пока они шли, он смотрел прямо перед собой, сжав руки в кулаки и продолжая глотать слова.

Желание причинить боль, да еще такому уязвимому человеку, да еще на этой опустошенной земле (в чем была и его вина), становилось слишком велико.— «У вас будет очень много работы. Четыре университета Солнечной системы объединили свои ресурсы, плюс солидная премия Мемориального фонда Карлсена, которая была выделена для работы постоянно действующей здесь исследовательской группы — и все пошло прахом! А как вы предполагаете компенсировать потерянное время, восстановить дружеские отношения с местным населением, для налаживания которых мы потратили столько сил?» — она широко размахивала руками.— «И какую же память о себе вы оставляете? Вот эту?»

Под нагами скрипела зола. В воздухе носился песок. Поселение было разрушено до основания, укатано бульдозером, облито горючей жидкостью и подожжено. То, что уцелело в огне, было выброшенно в озеро. Салли признала, что здесь человеку удалось достичь полного сходства результатов своего труда с последствиями естественного пожара.

Данбар поморщился: «Пожалуйста, Доктор Дженнисон! Пожалуйста, не считайте нас варварами: мы пришли, чтобы развязать войну против извечного врага всего человечества». После паузы он мягко добавил: «Мы на Адаме уважаем науку. Я сам мечтал стать планетологом, когда был мальчишкой».

Салли почувствовала, как сжалось сердце. Ее отец был планетологом.— «Боже мой, папа, мама — как вы там, дома, на Земле? Мне не следовало так надолго покидать вас...

Нет, мне никогда бы не понравился такой человек!»

«Не уходите от разговора»,— сказала она со всей резкостью, на которую была способна.— «Зачем вы пришли на Илиа? Какой безумный план разработали?»

«Встретить берсеркера, когда он прибудет. У вас же не было никакой обороны во всей планетарной системе!»

«Она и не была нужна!»

Салли и Данбар миновали опаленную местность и ступили на весенний пурпурный дерн, усеянный белыми цветами, который пружинил под ногами, как живой. Пройдя несколько метров вдоль берега озера по самой его кромке, они поднялись по склону, который заканчивался обрывом над самой водой. Теперь ветер был чистым, свежим и пахнул землей и зеленью.

«Берсеркеры не могли и мечтать о том, что здесь есть жизнь»,— сказала Салли.— «Это такое великое чудо...»

«Берсеркеры не «мечтают»,— жестко возразил Данбар.— «Они делают заключения на основе обработанных данных. Илиа упоминалась в сводке новостей. Да, по крайней мере, один раз было дано полное описание всех параметров. Вы опубликовали результаты ваших исследований».

«Сенсационная новость об Илиа умерла пятнадцать или двадцать лет назад, когда берсеркеров и в помине не было — как в этой части космоса, так и вблизи наших внутренних цивилизаций. Кроме того, как они могли в межзвездном пространстве ловить программы, передаваемые по кабелю или плотному лучу — корзинами, что ли? А если касаться публикации со времен открытия, то не думаю, что берсеркеры подписываются на наши специализированные научные журналы!»

«Тем не менее они не знают?»

«Откуда? И как вы можете с уверенностью утверждать это?»

«Дело в интеллекте. Вообще-то я не вправе свободно обсуждать сейчас наши методы. И это, как вы помните, не входит в мою компетенцию».

«Почему же тогда они не пришли раньше? Мы были уткой, сидящей на гнезде...»

Он замигал: «Чем?»

Салли не могла сдержать улыбку. Эта растерянность внезапно превратила его в простого, открытого человека.— «Легкой добычей. Это земное выражение. Точнее, североамериканское. Я не знаю, как там у вас на Адаме — есть водоплавающие?»

Он снова стал чужим и замкнутым: «Очень мало с тех пор, как нас навестили берсеркеры».

Через минуту он ответил на ее предыдущий вопрос: «Мы не можем точно сказать, когда начнется вторжение. Мы только можем приготовиться к нему как можно быстрее».

Они поднялись на обрыв и остановились. Некоторое время они стояли плечом к плечу, любуясь ширью вод, дыша спокойно и ровно. Держит себя в форме, как отец, подумала Салли. Ветер взъерошил ей волосы и обдал нежной прохладой лицо.

«Как я понимаю»,— медленно сказала она наконец,— «с Адама вы не могли отвлечь большие силы. С чем же вы прибыли? Каковы ваши планы?»

«У нас есть несколько космических истребителей, спрятанных на вашей планете и на вашей луне. Все имеют электронные щиты. Тепловое излучение с базы присутствует здесь постоянно и потому существенно ни на что не влияет».— Данбар указал рукой вперед.— «Моя работа в основном была связана с дамбой. Мы установили супермощное вооружение... наладили камуфляж и систему охлаждения...» — он запнулся.— «Лучше я ничего не буду говорить».

Салли хмуро смотрела на поднятый со дна ил и бесформенный хлам, что портил чистоту озерной поверхности. Для берсеркеров это не имело ровным счетом никакого значения — что мог робот знать о природе, если он был создан только для убийства? Но для нее, для Радуги-в-Тумане, для всех, кто когда-то жил на этих берегах и любил их...

Ее мысли стали приходить в порядок, хотя в волосах скрипели крупинки песка. «Вы готовите ловушку?» — заметила она.

Он кивнул: «Да, это очевидно»,— и усмехнулся: «Трюк состоит в том, чтобы они не заподозрили присутствия врага до самого последнего момента, когда уже будет поздно».

«Но постойте... они ни о чем не догадаются, увидев здесь одни развалины и пустыню?»

«Вы имеет в виду, не насторожит ли это врага? Нет — в этом-то все и дело! Они не подозревают, что Земля знает о существовании этой планеты. Она ведь была обнаружена случайно, в процессе астрономического исследования. Генеральный Штаб на Адаманте решил, что это могло бы стать для нас хорошим шансом нанести сокрушающий удар по их металлическому брюху».

Данбар бросил быстрый взгляд на нее, потом на свои часы и опять на нее. Его голос потеплел: «Девушка, Доктор Дженнисон — по земным меркам уже поздно. Вы столько пережили сегодня, плюс целый день ничего не ели и выглядите очень усталой. Позвольте проводить вас домой, накормить и уложить спать!»

Салли и сама это почувствовала, усталость и слабость дали о себе знать. Настороженность окончательно исчезла.— «Думаю, вы правы...» — пробормотала она.

Он взял ее за локоть, и они отправились вниз. «Если вы устали от разговоров, давайте лучше помолчим»,— предложил Данбар,— «но если нет, поговорим о чем-нибудь, кроме этой проклятой войны...»

...Мэри Монтгомери перевела дыхание. «Мы обнаружили ее совершенно случайно»,— сказала она берсеркеру.— «Астрофизические исследования. Диффузия в одной туманности оказывала незначительный, но интересный эффект на соседние звезды — и даже на некоторые дальние. В результате давления звездного света и завихрения в галактическом магнитном поле перемещалось вещество, пока — не достигало солнца. Была отправлена экспедиция, чтобы познакомиться с этим феноменом поближе. Среди экземпляров, отобранных наугад из огромного числа более или менее интересных для изучения, оказалась звезда Красный Карлик, среднего типа М. Обнаружили, что у него была планета, на которой существовала жизнь».

Любое живое существо удивилось бы, услышав о подобном открытии. Машина, дрейфующая в космосе, просто констатировала: «Это кажется маловероятным. При низкотемпературном источнике тепла разброс орбит, где вода может находиться в жидком состоянии, очень невелик.

Это не просто невозможно, а абсолютно невероятно, чтобы вокруг холодного солнца по точному эллипсу вращалась планета.

К тому же у нее должна быть соответствующая масса, это не должен быть водородный гигант или безжизненная скала».

«Да, и это делает ситуацию еще более невероятной! Но все же этот мир существует, и имеет размер и химический состав Земли».

«Допустим, это так, тогда она должна находиться так близко к своей звезде, что период ее вращения вокруг собственной оси в результате замедляющего влияния гравитации составляет даже не до 2/3 период ее обращения вокруг солнца, а фактически равен ему. Одна часть полушария всегда обращена к солнцу. Газ, попавший на теневую сторону, должен замерзать. Поэтому атмосфера и гидросфера, хоть и в недостаточной степени, но сохраняют состояние, при котором химическая эволюция начинает переходить в биологическую стадию, неорганическое в органическое».

Монтгомери кивнула седой головой. В душе она засомневалась, имел ли берсеркер эти данные в своих банках информации или только что все просчитал. Второе выглядело правдоподобнее. Он обладал невероятными возможностями, этот псевдомозг внутри железного корпуса. В конце концов, он был уполномочен — нет, не то слово! — он был в состоянии заключать сделки от имени своего флота.

В ней поднялась волна ненависти. Она так крепко сжала подлокотники кресла своими крючковатыми пальцами, словно душила этого монстра. Нет, подумала Мэри, негодуя, он не способен дышать... Тогда запустить ракету! Но ни одна из тех, что имеются на борту, не пробьет защиту, которой обладает берсеркер, он же ответит гораздо более мощным оружием. Просто выпустит в нас энергетический луч и так же легко разрежет наш корабль пополам, как лезвие гильотины входит в плоть шеи.

Нет, это тоже отпадает, подумала Монтгомери, осознавая, что рассуждает черезчур абстрактно. Корабль относится к классу разрушителей, но его размеры явно не позволяют нести на борту генератор, способный послать достаточно мощный луч, из-за дисперсии на том пространстве, что разделяют нас. Дредноут, конечно, сумел бы это сделать, хотя даже его дальнобойности было бы недостаточно, и удар мог получиться беспорядочным. Чтобы хорошо располосовать чудовище на таком расстоянии, вам понадобился бы мощный источ-

ник энергии, охладитель и абсолютный физический объем для фокусировки — да, стационарные прожекторы как те, что мы настроили повсюду на Адаме.

Если здесь развернется сражение, берсеркер снесет наши экраны и противоракетные установки. Ему даже не нужно будет наносить ответный удар. Несколько килотонн взорванного поблизости вещества будет достаточно, чтобы убить нас излучением.

Господи, что у меня на уме? От нас же не ожидают военной провокации! Я, действительно, становлюсь старой...

Она предпочла продолжить беседу, а не дразнить врага, который не имел терпения, чтобы его терять (или, скорее, наоборот — имел небесконечное терпение), но который хотел противопоставить ее жизни свою «не — жизнь». «Один из наших философов заметил, что невероятное случается»,— сказала Мэри.— «Если бы не случалось, то оно было бы невозможным».

Машина сделала едва заметную паузу перед тем, как ответить. «Мы здесь не для того, чтобы обсуждать дефиниции. Как случилось, что планета, о которой вы говорили, стала населенной? Где она? Поторопитесь. Нам надо еще многое успеть сделать».

Монтгомери понадобилось немало времени, чтобы набраться решимости; да, эти слова никогда не умрут и будут волновать снова и снова. Тогда один из двенадцати, прозванный Иудой Искариотом, пошел к первосвященникам. И сказал им: «Что вы мне дадите, если я передам его вам?» И они договорились о тридцати сребрениках...

Она услышала свой голос, произносивший спокойно и быстро: «Кроме того, что эта планета находится на правильной орбите, у нее, имеющей размеры земли, есть спутник, имеющий размеры Марса. Таким образом, они связаны друг с другом, а не с их звездой. Период их обращения составляет девять с четвертью земных дней, что обеспечивает циркуляцию воздуха. Справедливо, что ночи холодные, но не слишком, когда ветры дуют прямо по терминатору*, а в течение долгих дней океаны накапливают тепло. Год длится здесь двадцать два земных дня, но я уверена, это для вас неинтересно. Вам интересно только то, что на этой планете

* Терминатор (астр.) — граница света и тени на поверхности планеты или спутника *(прим. перев.)*.

существует жизнь, которую можно уничтожить.

Но у вас нет лишних кораблей, чтобы отправиться на поиски, если вам предстоят дела, которые нужно успеть сделать прежде, чем на вас пойдет армада кораблей наших внутренних цивилизаций. А Красные Карлики, как вы знаете — очень распространенный вид звезд...

Давайте заключим сделку. Если тот мир такой, как я описала, то вы соглашаетесь держаться подальше от Адама, тогда как в других местах можете делать, что хотите. Давайте разошлем курьеров с сообщением, что мы заключили пакт. После этого я дам вам координаты звезды. Отправьте разведчика, чтобы удостовериться — какой-нибудь небольшой корабль. Убедитесь, что я говорю правду.

А потом уже одного-единственного вашего военного корабля будет достаточно, чтобы положить конец той жизни...»

...Салли Дженнисон проснулась после двенадцатичасового сна отдохнувшей, голодной и с ясной головой. Комната, что ей предоставили, едва могла вместить кровать и ее багаж, снятый с лодки. Ругаясь, она с трудом вытащила тренировочный костюм, натянула его и отправилась в спортивный зал, о котором ей говорили. В узких коридорах толпились мужчины, она чувствовала на себе их взгляды, но никто из них не толкнул ее нарочно и не поприветствовал ее. «Кислые пуританские зануды эти Адамиты»,— думала она.— «Или это во мне говорит моя боль?»

Она хорошо потренировалась в женской секции зала, приняла душ, переоделась и почувствовала себя немного лучше. К этому времени часы показывали уже около полудня; период вращения планеты пришельцев вокруг своей оси не слишком отличался от земного. Она прошла в офицерскую столовую, заняла место на скамье за длинным столом и с аппетитом поела. Правда, еду нельзя было назвать слишком вкусной — полевой рацион их экспедиции отличался в лучшую сторону.

Женщина с волосами песочного цвета, что сидела справа от нее, дружелюбно спросила: «Вы ведь та ученая дама, что осталась не у дел? Сочувствую. Я — Кейт Фрейзер, медицинский корпус!» — Салли неохотно пожала руку.— «Вы — ксенолог, если я не ошибаюсь? Может, если вам больше нечем заняться, вы смогли бы помогать в больничном блоке? Вы, наверное, умеете ока-

зывать первую помощь, а нам так не хватает персонала. Куда хуже, если придется набирать случайных людей, когда начнутся боевые действия...»

«Не стоит говорить здесь об этом, лейтенант Фрейзер»,— предостерег худощавый рыжеволосый человек, сидевший напротив.— «Кроме того, думаю, она не совсем подходит для работы во флоте»,— он откашлялся.— «Мое почтение, Доктор Джиннисон. Видите ли, каждый здоровый взрослый человек на Адаме до преклонного возраста состоит в запасе военных сил. Благодаря этому, мы успешнее сотрудничаем в наших группах, чем любые специально приглашенные гражданские лица».— И с гордостью добавил: «Берсереры теперь не поспеют приблизиться к Адаму, чтобы обстрелять его».

Отчаяние и злость с новой силой вспыхнули в душе Салли: «Зачем же вам тогда понадобилось вторгаться на Илиа?»

«Упреждающая стратегия»,— сказала Фрейзер. Рыжеволосый нахмурился и остерегающе покачал головой.

Но этого жеста не заметил очень молодой офицер. Его округлая, слегка полноватая фигура (весьма необычная для данного круга), выдавала мальчика из обеспеченной семьи. «Просто отбросить проклятых берсеркеров недостаточно»,— объявил он.— «Они все равно станут рыскать поблизости. Пока будет опасно совершать путешествия и внешние перелеты, страховые тарифы останутся убийственными».

Салли мало что знала об Адаме, но память ее всколыхнулась. После последнего нападения, разорившего планету и людей, многие ударились в новые предприятия, для которых требовались меньшие затраты природных ресурсов, чем в старом обществе с его экономикой, основанной на сельскохозяйственном производстве. Жесткая деловая этика бизнеса плюс всеобщее уважение к знаниям создали их обладателям преимущества, которые с течением времени возросли еще больше. Развитое судовождение и солидные банковские капиталовложения Адамитов теперь высоко ценились в их звездном секторе. Примитивная раса стяжателей, подумала Салли.

«Главная проблема, с которой нужно справиться», продолжал юноша,— «состоит в том, что берсеркеры являются машинами фон Нойманна...»

«Достаточно, Прапорщик Стюарт!» — оборвал его рыжеволосый.— «Приказываю вам явиться в мой офис к 15.00».

На младенческих щеках вспыхнули алые и белые пятна. Салли догадалась, что Стюарта ожидал суровый выговор.

«Простите, Доктор Дженнисон»,— обратился к ней рыжеволосый.— «Военная безопасность. Ах, да, меня зовут Крейг, Командир Роберт Крейг».

«Вы что, боитесь, что я сбегу и выболтаю ваши секреты врагу?» — презрительно усмехнулась Салли.

Он закусил губу: «Конечно, нет. Но берсеркеры не могут под пытками выдавить из вас то, чего вы не знаете. А они способны на все. Понимаете? Среди них есть роботы, бездушные породии на людей, такого же размера, формы, с такими же движениями».

«А как же вы?»

«Рядовые и те офицеры, которым не нужно что-либо знать, просто подчиняются приказам. Головные офицеры дают клятву, что не сдадутся в плен живыми»,— Крейг бросил взгляд на свое табельное оружие. Стюарт, похоже, уже обрел былой надменный вид.

«Не могли бы мы поговорить о чем-то более веселом?» — спросила Фрейзер.

Но все было напрасно. Беседа не клеилась. Ян Данбар сидел слишком далеко от Салли, чтобы участвовать в разговоре. Они столкнулись в дверях холла перед столовой. «Добрый день»,— поздоровался он в своей странной манере, полусурово — полузастенчиво.— «У вас есть какие-нибудь планы на ближайшие несколько часов?»

Она взглянула на его строгое лицо: «Здесь есть библиотека? Мне нечего читать. Наши книги, пленки — те, что были на станции, да и мои собственные — как и все имущество персонала, пропали...»

Он поморщился: «Да, конечно, у нас обширный выбор компьютерных банков данных, текстов, видео- и аудиокассет. Я провожу вас в телекомнату, если хотите. Но — хм, мне казалось, вы предпочтете побеседовать с глазу на глаз, сейчас, после того, как отдохнули. Вы можете задавать мне любые вопросы, конечно, в разумных пределах. Я говорю о соблюдении интересов безопасности. Постараюсь давать честные ответы».

«Интересно, это что — подготовка наступления? Хотя нет, я так не думаю. Не то, чтобы это много для меня значило. Уверена, что смогу справиться с ним. Но, боюсь, он держит себя в еще более крепкой узде».— Вслух же она произнесла: «Отлично! Где?»

«Единственное место — моя комната. Конечно, мы могли бы опять пойти наверх, но, я думаю, есть вещи, которые вам следовало бы увидеть — и, естественно, дверь останется открытой».

На губах Салли промелькнула улыбка.

Пока они шли по переходам, она расспрашивала его, почему люди и машины продолжали работать. Он объяснил, что хотя основные работы уже сделаны, еще многое нужно было успеть в оставшееся время, особенно это касалось дополнительного укрепления местности. Он напомнил Салли, что берсеркеры придут, чтобы испепелить мир.

Она почти воскликнула: «Но вы ничего не делаете, чтобы защитить Илиа!» — но подавила импульс. Может быть, позже. Сначала нужно было многое разузнать, а для этого требовались выдержка и спокойствие. Отдохнув и придя в себя, она понимала, как мало смысла было во всем, что она видела и слышала до сих пор.

«Вы мне сказали, что вы — инженер, Капитан Данбар»,— закинула она удочку.— «А какая специальность?»

«В основном тяжелые энергетические устройства»,— ответил он,— «на гражданке я участвовал в проектах на пространстве в десятки световых лет. Мои работодатели... их можно назвать поставщиками «технических мозгов». На Адаме это одна из важных статей экспорта».

«Как интересно! Не могли бы вы объяснить одну вещь, над которой я ломаю голову? Я слышала о ней мельком, и не имела возможности спросить, что это значит, или пойти и справиться в словаре».

«С радостью!» — прочла Салли на его лице. Вполне нормальная реакция мужчины, консультирующего привлекательную женщину. Вслух он произнес: «Пожалуй, да, если знаю сам».

«Что такое машина фон Нойманна?»

Он остановился: «Эй? Где вы это слышали?»

«Не думаю, что это такой уж секрет»,— ответила она вкрадчиво.— «Несомненно, я могла бы выяснить все в справочной библиотеке базы, услугами которой вы только что предложили мне воспользоваться».

«Ах, да...» — он оправился от удивления и снова зашагал вперед, торопливо бормоча: «Это — не какая-то отдельная машина, а некая общая концепция, истоки которой относятся к ранней кибернетике. Ее предложил Джон фон Нойманн; он был среди первопроходцев. В общих чертах: это — машина, которая выполняет ту или иную

работу и время от времени производит себе подобных, вместе с копиями инструкций их основного задания».

«Понимаю — нечто похожее на берсеркеров?»

«Ни в коем случае!» — воскликнул он с бóльшим жаром, чем следовало.— «Военный корабль не строит другие военные корабли!»

«Но ведь система в целом, весь берсеркерный комплекс, включая рудниковые, поисковые, очистительные, производственные устройства, действительно функционирует как машина Нойманна, разве не так? Наряду с базовой программой, которую он копирует, копируется и программа уничтожения всего живого. Затем программа сама модифицируется в свете собственного опыта. Она обучается или эволюционирует».

«Да, если вам нравится, вы можете использовать вашу метафору»,— нехотя сказал Данбар.

Сначала Салли пожалела о своем вопросе. Что, собственно она узнала? Да ничего конкретного. Возник некий смутный образ — не более того. Но каким холодом веяло от этого образа... Страшны даже не вспомогательные берсеркеры, которые грабят планеты и астероиды, истончая их до прозрачности, растаскивая минералы, превращаясь в новые машины, несущие старый код — все то же желание истреблять. Нет, не это заставило ее содрогнуться, а внезапная мысль о полости во Вселенной, в которой, как в материнском чреве, вынашиваются посланники смерти, чтобы потом вернуться и оплодотворить свою матерь вновь.

Слова Данбара принесли избавление. Его настроение поднялось, хотя по некоторым причинам он хотел скрыть это от нее.

«А вы, действительно, плутовка»,— произнес он почти сердечно.— «Теперь мне хочется познакомиться поближе. Вот мы и пришли. Добро пожаловать!»

Комнаты для офицеров представляли собой крашеные, площадью всего в четыре квадратных метра, помещения для одного человека. Этого было достаточно для кровати, письменного стола, полок, шкафа, туалета, пары стульев и даже оставалось место, чтобы походить, если вы разволновались или хотите снять напряжение. На столе стояли терминал компьютера, айдофон, пишущее устройство, лежала бумага. Жилец должен был много работать и мало спать.

Салли с любопытством осмотрелась. Флюоресцентный свет холодно падал на гипсовые стены и искус-

ственный ковер. Личные вещи были на виду — картины, несколько сувениров, подставка для трубки и пепельница, чайный сервиз и электроплитка, небольшой набор инструментов, полузаконченная модель морского парусника с Земли. «Присядьте»,— настоял Данбар.— «Заварить чай? У меня есть китайский черный, жасминовый, зеленый, розовый — какой вы предпочитаете?»

Салли приняла предложение, сделала выбор и разрешила ему закурить. «А почему бы нам не закрыть дверь, Капитан?» — предложила она.— «Снаружи шумно. С вами я чувствую себя совершенно спокойно».

«Благодарю...» — действительно ли краска проступила на его загорелой коже? Он занялся чаем.

На самой большой картине был изображен пейзаж: долина, вдоль которой стеной вставали утесы, сверкающая гладь озера на заднем плане. Это нисколько не напоминало Джесердал. Земля была покрыта редкой травой и вереском. Кедры защищали маленький домик от сильных ветров, под порывом которых изогнулись густые кроны. Величественный вид портил кратер с застывшими стеклянными краями; расплавившийся камень обратился в беспорядочные и бесформенные груды. Тяжелые дождевые тучи нависли над вершинами. А над всем этим дневной свет оттенял бледные полумесяцы двух лун.

«Это пейзаж Адама?» — поинтересовалась она.

«Ага»,— ответил он.— «Озеро Айтоун, где я родился и вырос».

«Оно, похоже... пострадало».

Он кивнул: «Берсеркер — главнокомандующий нанес удар по Бену Крерану. Восстановление шло с трудом, и земли утратили свое былое плодородие»,— он вздохнул.— «Хотя ему еще повезло по сравнению с другими. В других местах воздух моментально превратился в плазму, а почва испарилась до скальной породы. А еще...— но умоляю, давайте оставим эту тему!»

Она изучающе посмотрела на его худую фигуру и заключила: «Похоже, ваша семья не богата».

«О, конечно, нет»,— он издал смешок,— «финансисты и судостроительные бароны встречаются среди нас не так часто, как говорят. Мои родители владели землей, но она не могла давать слишком большой урожай. Кое-что они выжимали из воды».— И добавил гордо: «Но они были привязаны к земле и убеждены, что дети сумеют добиться большего».

«Как же вам это удалось?»

«Стипендии во время всего обучения в инженерной школе. Позже хорошо оплачиваемая работа, особенно за пределами нашей планетной системы».

У тебя, наверное, замечательный талант, раз все получается, подумала Салли. Ее взгляд остановился на другой картине возле стола: подростки, мальчик и девочка: «А это ваши дети?»

«Ага»,— его тон стал жестче.— «Мы с женой развелись. Она получила опекунство. Так лучше. Я редко бываю дома. Это было основной причиной, почему Эллен ушла. Я вижусь с ними при каждом удобном случае».

«А вы не могли бы жить на одном месте, дома?» — спросила она тихо.

«Похоже, что я отношусь к другому типу людей. Я уже говорил вам, что хотел стать планетологом, но мне казалось, что здесь все уже открыто и изучено».

«Как мой отец!» — выпалила она.

«Он — планетолог?»

«Да, профессор в колледже Западного Орегона, если это говорит вам о чем-то. Он уже почти не занимается полевой работой, но в прошлом ему пришлось попутешествовать. Мать сумела пережить его длительное отсутствие».

«Замечательная леди!»

«Она любит его».— Конечно, любит. Ожидание всегда вознаграждалось, когда отец возвращался домой.

«Чай готов»,— сообщил Данбар с облегчением, что можно избежать разговора о личном. Он накрыл стол, уселся напротив нее, положив стопу одной ноги на колено другой, набил и прикурил трубку.

Напиток был горячим и приятным на вкус. «Замечательно!» — похвалила она.— «Выращен на Земле, насколько могу судить. Такой здесь стоит недешево. Вы, должно быть, знаток».

Он улыбнулся. На короткий миг его вид вызвал симпатию. «Faute de mieux». Я бы с большим удовольствием предложил вам вино или эль, но мы здесь вынуждены воздерживаться от спиртного. Посмею спросить, как вам этот спартанский гарнир к нашей еде? Ну что ж, как заметил этот старый расист Честертон:

«Чай — хоть и восточный,

Но все ж джентльмен...»

От испуга Салли пролила немного чая в блюдце: «Не может быть! Вы говорите сейчас, как мой отец!»

«В самом деле?» — он, казалось, был действительно удивлен.

«Школа?»

Он снова улыбнулся. «А вот и нет. Это потому, что приходилось много путешествовать, а в отсутствии компании человек вынужден читать».

Вот и шанс проверить его: «И есть какие-то особые интересы?»

«Что ж, я люблю англоязычных писателей девятнадцатого века. А еще я увлекаюсь историей, в частности, средневековой Европы»,— он подался вперед.— «Но хватит обо мне. Давайте поговорим о вас? Что вам нравится?»

«Между прочим, я разделяю ваши литературные пристрастия. Я играю в теннис, рисую, извлекаю звуки из флейты, довольно хорошо готовлю, играю в покер и быстрые шахматы».

«Что ж, давайте сыграем»,— с радостью предложил он.— «В шахматы. Я — более осторожный тип. Мы хорошо подойдем друг другу».

«Хм, а он привлекателен, когда сам этого хочет»,— подумала она.

Она постаралась не развивать идею дальше. Мужчины, которые привлекали Салли, были всегда старше ее. Этакие интеллектуалы, которые вели активный образ жизни. (По-видимому, она подсознательно сравнивала их с отцом, к которому ее всегда тянуло, но что за черт?..) Хотя Данбар — она мысленно звала его «Ян» — был...

Был кем? Противником? Непосредственным врагом?

Как вытянуть из него правду? Ладно, отец, бывало, говорил: «Когда других способов нет, попробуй откровенность».

Она поставила свою чашку на полочку возле стула: тонкий намек на то, что она не собиралась злоупотреблять его гостеприимством.

«Капитан, мне будет гораздо легче и спокойнее»,— объявила она,— «если вы кое-что разъясните...»

На секунду он смешался, потом черты его приобрели твердость и... покорность? Морщины стали резче. «Да», — проговорил он,— «было ясно, что вы поднимите те же вопросы, что и ваши коллеги, тем более, что у вас живой ум и вас никуда не отправляют в спешном порядке».

«Кроме того, у меня особый интерес»,— продолжила Салли.— «Это не значит, что другие не разделяют его, но

случилось так, что все происходящее прямо касается меня. Видите ли, я изучала не структуру планеты, не ее химические процессы или что-то в этом роде. Предметом моих исследований были сами местные жители. Я работала и общалась непосредственно с ними, в некоторых случаях наши отношения были очень теплыми. Отдельные индивидуумы стали моими друзьями, столь же дорогими, как и люди».

Данбар кивнул.— «А сегодня вы видите, что им, как крысам, грозит уничтожение»,— сказал он более мягким тоном, чем она могла ожидать.— «Что ж, именно поэтому мы и пришли сюда, чтобы защитить их».

Салли стала жесткой: «Капитан, я достаточно много знаю о берсеркерах. Любой, кто желает жить во Вселенной грез, должен знать. Если планета не защищена — а вы меня уверили, что им известно об отсутствии обороны на Илиа — то одного крупного судна будет достаточо, чтобы покорить ее за пару дней. Следовательно, они вряд ли станут беспокоиться и посылать еще машины».

Данбар с ожесточением дымил трубкой. Голубые клубы дыма вились у него над головой и уходили в вентиляцию. Она уловила терпкий запах.—«Наши планы построены на выжидании».

«Такое впечатление, что вы разместили здесь свое самое мощное наземное вооружение. Вряд ли берсеркер первым покажется над этим горизонтом. Нет, он выйдет на орбиту и начнет бомбардировку первого попавшегося района — оставляя на Илиа полосу опустошения от полюса до полюса и так до тех пор, пока не попадет в контролируемый вами сектор пространства».

«Вот для этого здесь и находится наш космический флот истребителей. Доктор Дженнисон. Его недостаточно, чтобы уничтожить берсеркера, но они отвлекут его внимание. Преследуя их, он выйдет прямо на нас».

«Рассчитывая на э́то, вы рискуете тысячами жизней!»

«А что остается? Я уже говорил, что без этой операции планета обречена».

«И, конечно, вы прибыли сюда из побуждений чистого альтруизма»,— с вызовом спросила Салли,— «ради примитивных существ, даже не людей, которых никто из вас никогда в глаза не видел?»

Он снова усмехнулся, но усмешка скорее напоминала звериный оскал: «Нет же! Мы бы очень сожалели, если бы произошла такая космическая трагедия. Тем не менее, с нашей «эгоистичной» точки зрения, они пришлют

один наиболее слабый берсеркер из всех наиболее сильных».

Салли нахмурилась и стала барабанить кончиками ногтей по полке, наконец ее взгляд встретился с его, и она проговорила: «Знаете ли, в этом нет смысла. Если принять во внимание, сколько боевых единиц должен иметь их флот, то ваши усилия не сопоставимы ни с какой возможной развязкой».

«Нет же, милая, подождите, вы не сведущи в военной науке!»

«Я вообще сомневаюсь, существует ли такая наука!» — выкрикнула она.— «И я бы хотела знать, откуда вы знаете, что враг знает об Илиа! И...»

Завыла сирена. Из динамиков донесся голос, пророкотав громом даже сквозь стены — так, что до боли задрожали барабанные перепонки: «Внимание! Внимание! Слушать всем! Красная* тревога! Замечен разведывательный берсеркер! Боевые станции, полная маскировка!»

«Адский Иуда!» — вырвалось у Данбара. Он вскочил со стула, рванулся к терминалу, с остервенением нажимая на клавиши, вывел на экран видеосигнал. «У-у-п-у-у-п-у-у-п!» — завывали сирены.

Салли тоже вскочила. Она заглянула Данбару через плечо. Как она поняла, радара и ничего такого, что разведчик мог заметить, конечно, не было. Используемые средства наблюдения были пассивными: оптика, детекторы нейтрино, измерители силовых полей.

С Сапфирного озера они не заметили судна. Это было бы слишком невероятным совпадением, если бы в данный момент оно как раз проходило над ними. С устройств, установленных где только можно, информация, преобразованная в простые радиошумы, поступала в подземную крепость. На экране появился блестящий веретенообразный объект, который со свистом пронесся в верхних слоях атмосферы и скрылся из виду.

Данбар откинулся назад. Салли увидела, что его рубашка под мышками стала темной от пота. Почувствовала, что с ней происходит то же самое. «Разведчик»,— прошептал он.— «Все подтвердилось...»

«Разбойник покинул атмосферу и устремился в пространство»,— разнеслось из динамиков.— «Тревога второй степени. Состояние боевой готовности».

Наступила звенящая тишина.

---

* Здесь — боевая тревога *(прим. перев.)*.

Данбар медленно распрямился и повернулся к Салли. Его голос охрип: «Скоро начнутся военные действия».

«Что он хотел?» — спросила она так, словно на ее шею была накинута веревка.

«Как что? Убедиться, что Илиа не охраняется!»

«Ах, Капитан, простите меня, это был настоящий шок, мне нужно пойти и немного отдохнуть».

Салли выскользнула из его комнаты и вышла в прихожую. «Нет, не провожайте, со мной все будет в порядке!» — хрипло выкрикнула она. И не обернулась, чтобы посмотреть на выражение его лица. Казалось, он перестал для нее существовать. Все стало нереальным.

Она ощущала, как откуда-то изнутри, из самых глубин ее существа, поднимается и растет чувство смертельной опасности. Зачем берсеркерам понадобилось присылать разведчика? За открытием планеты, естественно, следует ее изучение, значит, разведчики должны были уже побывать здесь. Но почему они не напали на Илиа сразу — еще тогда, недели назад?

Потому что они не знали о ней до последнего момента! Но Адамиты сказали, что знали. И этого разведчика Адамиты ждали.

Тогда получается, что именно Адамиты выдали нас врагу. Они что — «good Life»? Есть ли у них договор с берсеркерами? Если нет, то какова их цель?

Что я смогу сделать? Я — одна, и нахожусь в их руках. Могу ли я сидеть и смотреть, как совершается бойня?

Пока она искала дорогу, ответ уже созрел.

В багаже Салли уцелело несколько упаковок с едой. Она засунула их в карманы комбинезона. Биохимия Илиа слишком отличалась от земной, поэтому люди не употребляли в пищу ничего местного. По той же причине у нее был иммунитет ко всем Илианским болезням. С водой проблем не будет, если только она не заражена радиоактивными осадками.

«Нужно вернуться в комнату Данбара»,— с отчаянием думала она,— «если он еще там. Если нет, то его надо найти. Убедить... но как? У меня не слишком большой опыт в искусстве обольщения или в чем-то подобном. Но я должна уговорить его стать моим прикрытием».

Он сам избавил ее от забот. Раздавшийся стук в дверь придал Салли мужества. Данбар стоял за дверью с выра-

жением участия на лице, собранный и подтянутый: «Простите, не собираюсь вам докучать, но вы были так расстроены... Могу я чем-то помочь?»

Осознание собственной силы, пусть и небольшой, бросило ее в жар, как глоток вина. Вдруг она успокоилась. Дзен — релаксация, как учил ее Ито, и абсолютная решимость. Победа или проигрыш — она будет играть.

«Разве у вас нет обязанностей, Капитан?» — задала она вопрос, естественный в этой ситуации.

«Еще не время. Разведчик берсеркера определенно уходит из этой системы. Пройдет еще пятьдесят — шестьдесят часов, прежде чем он отчитается, и сюда прибудет основной корабль. А может, и не только он»,— он запнулся, уставившись в пол и сжав кулаки.— «Да, скоро меня вызовут для последних проверок, тестов, тренировок, рабочих совещаний. Но не сейчас. Могу ли я вас как-то успокоить?»

Салли ухватилась за это предложение: «Давайте мне возможность подняться наверх»,— тихо сказала она.

«Что?» — изумился он.

«Я не привыкла изображать из себя маленькую сентиментальную девочку»,— подумала она.— «И несомненно, у меня это плохо получится. Единственная надежда, что он не увидит разницы».— «Это, может быть, моя последняя прогулка по местам, которые я так люблю. Пожалуйста, Капитан Данбар — Ян — пожалуйста!»

Несколько мгновений он стоял молча. Он был решительным человеком: «Да, конечно, почему бы и нет? Вам бы, конечно, хотелось побыть одной, но, прошу прощения, у меня — приказ, я должен вас сопровождать».

Салли ослепительно улыбнулась: «Я понимаю и ничего не имею против. Огромное спасибо вам! Спасибо!»

«Идите, если вы не против».— Ну и ну, она обнаружила, что робость Данбара трогает ее.

Если не считать пульсирования машин, в коридорах было тихо. Рядовые сворачивали строительные работы и готовились к сражению. Когда они проходили мимо часовни, Салли услышала нестройное пение:

«Бог воинов — Джошуа,

Приготовь сейчас твои молнии!»

Она подумала, значит ли что-нибудь этот гимн для Данбара или он, как и она сама, оставил религию и стал агностиком?

Разве это было важно?

Лестница вывела их мимо караула, где часовые салютовали ему, наверх, в одиночество. Легкий ветерок, дувший с озера, смягчал полдневный жар. Облака проплывали ярко расцвеченными лохмотьями. Олга светилась тонкой аркой со столбами пылевых бурь на теневой стороне. Салли устремилась, ускорив шаги, к деревьям, стоящим поодаль.

«Я понимаю, вам хочется подольше побыть в вашей прежней жизни»,— осмелившись, произнес Данбар.

Она кивнула: «Конечно. Сколько у нас еще осталось времени?»

«Вы слишком пессимистичны, девушка,— простите, Доктор Дженнисон! Мы разобъем берсеркеров, не сомневайтесь!»

«Откуда такая уверенность? Это будет самая большая машина, управляемая самым совершенным компьютерным мозгом, несущая самое тяжелое вооружение. Я видела иллюстрации, читала описания. Он будет не только нести чудовищный арсенал нападения, но и изобиловать изощренными средствами защиты: силовыми полями, антиракетными установками, интрацептивными лучевыми прожекторами. Могут ли ваши немногочисленные ликвидаторы — или что там у вас есть — могут ли они рассчитывать на то, что одолеют его или хотя бы удержат от причинения ужасающе-опустошительного разорения территорий?»

«Я уже говорил, что наша главная задача — удержать его там, где смогут достать базирующиеся на поверхности планеты орудия».

«Это похоже на безумную карточную игру! Он будет движущейся мишенью на расстоянии многих сотен километров...»

«Мы не собираемся распылять энергию по ветру, мы точно знаем, куда ударить. Строение такого корабля хорошо известно благодаря сведениям, полученным при изучении аппаратов, захваченных в прошлых сражениях».

Салли закусила губу: «Вы полагаете, что штуковина глупа. Что будет пассивно сидеть на синхронной орбите, если не заподозрит ловушку. До сих пор было известно, что они превосходят людей по хитрости...»

Тон Данбара изменился, став более жестким: «Да, безусловно, наша компьютерная технология пока еще не может сравниться даже с технологией древнего Франкенштейна, который изобрел этого монстра. Их поведе-

ние трудно предвидеть, как поведение менее развитых систем даже в статичном положении. Они совершенствуются, обретая собственный опыт, они обновляются. Вот что делает их смертельно опасными. Если бы мы только могли построить что-нибудь сопоставимое...»

«Но мы бы никогда не были уверены, что они не обратятся против нас»,— казалось, это возразила не Салли, а ее страх, подавший голос из самых глубин естества.

«Хм, общепринятая точка зрения... Пусть будет так... у нас нет никакой объективной информации. Никто не изучал современный компьютер берсеркера — кроме нескольких фрагментов аппаратного оборудования. И ноль программного обеспечения. Когда плен становится неминуемым, штуковина уничтожает себя»,— Данбар хрипло рассмеялся.— «Также применяемое нами оружие не слишком много от него оставляет».

«И все же вы рассчитываете, что сможете обхитрить один из самых высококлассных его аппаратов?»

«Они не всемогущи, Доктор Дженнисон! Они тоже связаны законами физики и логикой тактической борьбы. Люди не раз побеждали их. Это будет еще один случай».

Пепел кончился, начался дерн. «Может быть, может быть...» — проговорила женщина.— «Но для меня этого мало! Берсеркер вернется. Он применит свое самое мощное оружие. Вы укрепили свою базу, но что вы сделали, чтобы защитить месных жителей? Ничего!»

Он растерялся: «Мы не могли. Мы ничего не знали об аборигенах».

«Мои коллеги знали! Они бы могли принять меры, чтобы никто не пострадал!»

«Правильно это или нет, но нам было приказано немедленно и полностью очистить местность от вашей команды и от того, что дышало и двигалось, чтобы мы могли приступить к выполнению своего задания»,— сказал Данбар дрожащим голосом.— «Я ненавижу саму мысль о гибели живого, но то, что мы делаем, необходимо для сохранения всех местных видов».

Развязка приближалась. Табельное оружие капитана было всего в нескольких сантиметрах от руки Салли. Когда она выхватила пистолет из кобуры, то не испытала возбуждения, а только еще острее почувствовала, что ее окружало.

«Ну уж нет!» — закричала она.— «Стоять! Не двигайся!»

«Что это значит?» — от испуга он замер.— «У тебя что, крыша поехала?»

«Сказала, не двигаться!» — бросила она. Их разделяли метры живого цветущего дерна. Пистолет в ее руке не дрогнул.— «При малейшем подозрении я выстрелю, и поверь, уж точно не промахнусь!»

Самообладание и хладнокровие вернулись к Данбару, и он ровным голосом сказал: «Что ты делаешь? Зачем? Я все равно не поверю, что ты «good Life»».

«Я-то — нет»,— бросила она.— «А ты?»

«Ха, как ты могла вообразить...»

«Полегче! В твоей истории о берсеркерах, случайно вышедших на Илиа, концы не сходятся. Объяснение тому, что я тут видела, может быть только одно: это вы информировали их и вы, Адамиты, вызвали их сюда? Ты не посмеешь отрицать это!»

Он проглотил слюну, облизнул губы и отвел взгляд. «Мы — капкан, который должен захлопнуться»,— проговорил он.

«Ради единственного трофея вы бы поставили целый мир на карту? Вы так же опасны, как и ваш враг!»

«Салли, Салли, я не могу сказать тебе...»

«И не пытайся! У меня нет больше времени. Я собираюсь сделать то, что вы никогда бы мне не позволили — найти укрытие для местных жителей, если такое еще можно здесь найти после всего, что вы сотворили. Возвращайся! Немедленно! Я застрелю любого, кто попытается следовать за мной!»

Он посмотрел на нее долгим взглядом. В темнеющих деревьях зашелестел ветер.

«Вам следовало»,— наконец прошептал он,— «вам следовало хотя бы взять разрешение у Адмирала».

«Разве этот фанатик мне бы его дал?»

«Не знаю, может быть, и нет. Вы — смелый и решительный человек.

«Уходи!» — Она навела пистолет ему на лоб и слегка надавила на курок.

Ян кивнул: «Прощай»,— со вздохом сказал он и тяжелой походкой отправился назад. Она с минуту смотрела ему вслед, а затем исчезла в зарослях.

...Луна смерти незаметно завершила космический полет и тяжело устремилась навстречу красному солнцу. Звездный свет мерцал, отражаясь от сферы многокилометровой ширины, которая служила корпусом. Орудийные стволы, ракеты и лучевые прожекторы отбрасывали

на нем тени от слабого света, струящегося впереди, и создавали иллюзию мертвой планеты, лик которой был испещрен темными утесами и кратерами.

Луч радара принес информацию о двойном мире. Берсеркер вычислил орбиты и соответственно отрегулировал свои векторы. Иначе его приемные устройства ничего не будут регистрировать, кроме нескончаемого космического шелеста.

Солнечный диск с темными пятнами на его проклятой жаровне расплавился. Желанный шар и его спутник поблескивали полумесяцами. Теперь берсеркер медленно шел на снижение, чтобы выйти на орбиту вокруг живой планеты.

Вдруг детекторы дрогнули. Моторы пробудились: с обеих планет навстречу ему летели космические истребители — корабли людей.

Берсеркер наблюдал за ними. Они насчитывали от силы полдюжины единиц, они были ничтожны и при ближайшем рассмотрении незначительны. Ну, не совсем: любой из них мог выпустить боеголовки, которые были бы превращены берсеркером в тучу расплавленных комков. Если они нападут все вместе, их силы будет недостаточно, чтобы сломать его защиту. На полпути она аннигилирует их ракеты, абсорбирует их энергетические лучи и сметет корабли людей в небытие, если они решат сразиться.

Следует ли ему?.. Алгоритм нахождения решения представлял собой «логическое дерево». Центральный компьютер берсеркера просчитывал варианты, последовательно выстраивалась цепь логических рассуждений. Люди могли здесь находиться случайно (вероятность низка). Если нет, то у них есть план, в котором откровения Монтгомери играют немаловажную роль (вероятность высока). Следует ли берсеркеру отступить? Но это могло входить в намерения людей: они часто блефуют. Предположение, что они сильны в этой системе, изменило бы стратегию, а именно: вызвало бы недооценку их могущества в других секторах.

Берсеркер мог ретироваться, чтобы вернуться с непобедимой армадой и выставить ее против всего, что здесь есть у человека. Но это означало бы отсрочку любых других атак. Это дало бы врагу время, в котором он так нуждается, чтобы получить помощь от других отдаленных секторов. Но другие миры не должны быть вовлечены в эту акцию.

Требовалась информация. Компьютер вычислил, что для него было оптимальным продолжить курс. В самом худшем случае погибнет всего лишь одиночный крупный корабль. Он обдумал отправку на базу курьера с донесением, но воздержался, просчитав, что люди заметят его и уничтожат раньше, чем он сможет выйти в открытый космос. Если случится провал, то пусть его собственное сообщение предупредит остальных.

Берсеркер величественно, как сказали бы люди, двинулся вперед, руководимый только одним желанием — убивать.

Сначала по возможности ему следует избавиться от выставленных против него истребителей. Они были широко рассредоточены, но маневрировали в основном возле своей цели. Вычисления и принятое решение: двигаться их путем, искать встречи, тем временем установить орбиту и начать стерилизацию, отбрасывая любой уцелевший человеческий корабль, который осмелится отвлечь берсеркер от его миссии.

Он качнулся и пошел вниз, то же сделали и маленькие суденышки, сосредоточившись в пространстве над терминатором. Берсеркер продолжил путь. Истребитель смело рванул вперед. Берсеркер сместил векторы, чтобы сократить расстояние и вышел к границе атмосферы на скорости меньше орбитальной. Его тело медленно по кривой пошло на снижение. Но параметры уже были в его банках данных; двигатели заработали, чтобы снова поднять его вверх, просто используя силу гравитации.

Из ночной черноты, что была под ним, блеснула молния.

Мгновенно отреагировал огневой контрольный центр корабля. Сразу, как только датчики уловили сквозь металл всплеск энергии, была выпущена ракета.

Времени хватило только на одну. Берсеркер перевернулся и, разрезанный пополам, начал падать. Вокруг заплясали звезды, раскаленные добела капли того, что когда-то было оружием, они остывали и становились черными. Управляемый радаром луч со скоростью света продолжал свою работу. Отрезанный от всех проводов центральный компьютер плыл в своем корпусе среди других обломков — слепой, глухой, немой и беспомощный.

Человеческие суда рванулись спасать уцелевшие обломки, пока они не успели обратиться в метеоры.

...Молодая растущая Олга холодно отсвечивала красным мерцанием над Снежной Короной. Горы внизу вставали зазубренным крепостным валом под созвездиями, которые Земля никогда не видела. Во впадине предгорья отблески костров отражались в сотнях и сотнях глаз Илиан, столпившихся вместе. Эту ужасающую тишину нарушал лишь редкий звук. Все хранили молчание.

Салли Дженнисон тоже сидела, сгорбившись, как и они. Она, чужак с голой кожей, хуже всех переносила холод и больше всех нуждалась в тепле. Ее друзья, которые собрали и привели сюда остальных, сидели на корточках по обе стороны. Она почти физически ощущала их вопрошающие взгляды.

Радуга-в-Тумане облек вопрос в слова: «Сколько нам еще ждать, Леди-Которая-Ищет? Еда, что мы принесли с собой, кончается. Малые и старые страдают. Ты и сама это хорошо знаешь».

«Да, знаю»,— ответила Салли. Дыхание белым призраком сорвалось с ее губ. От голода ее голова стала легкой; ее собственные припасы кончились несколько часов назад, когда она привела народ Джесердала на восток в укрытие: «Лучше терпеть невзгоды, но жить, чем умереть».

Легко, как перышко, он прикоснулся к ее руке. «Тебе приходится тяжелее всех»,— пропел он.— «Мы бы не хотели потерять ту, которую любим. Когда все смогут вернуться назад?»

«Когда минует опасность».

За горным кряжем, что вставал на западе, раскололось небо. Саван бело-голубого свечения в одно мгновенье окутал луну и звезды. Деревья и тени обрели четкие контуры, словно вырезанные рукой гравера. Илиане запричитали, закрыли лица руками и теснее прижали к себе младенцев. Салли, ослепленная, споткнулась.

«Держитесь!» — взмолилась она.— «Радди, скажи, чтобы они не теряли мужества! Мы же живы!»

Всем своим существом она почувствовала, как содрогнулась земля. Она слышала, что начали рушиться скалы. Звездное мерцание в ее глазах погасло.

Вместе со своими помощниками она ходила среди Илиан, успокаивая и приободряя их. Они не ударились в панику, это было несвойственно их натуре. Хотя они в большей степени, чем она, были уязвимы для светового излучения, ничье зрение не пострадало. Воздух помешал

совершиться худшему. Салли с облегчением заплакала.

Через несколько минут они услышали звук, гром которого отозвался в горах многократно повторенной канонадой. Но вторая адская вспышка не последовала. Что случилось, то случилось.

«Опасность миновала?» — спросил Радуга-в-Тумане, когда воцарилась тишина.

«Думаю... думаю, что да»,— ответила Салли.

«Что нам теперь делать?»

«Подождите здесь! Вы можете продержаться до... рассвета. Хотя, если все нормально, это закончится раньше. Тогда мои товарищи прибудут сюда на транспортных средствах и увезут вас еще до рассвета».

«Домой?»

Ей пришлось признаться: «Боюсь, что нет. Ваши дома снесены и сожжены, как были бы сожжены и вы сами, если бы мы не укрылись. Вам понадобится всего год, короткий Илианский год или два, чтобы отстроиться заново. Сначала мы расселим вас среди ваших сородичей во внутренних землях, которые не пострадали.

Но я должна идти и сказать об этом людям. Мне лучше отправиться прямо сейчас...»

«Нам»,— сказал Радуга-в-Тумане.— «Мое ночное зрение лучше твоего, и по дороге я могу найти что-то из еды. И я не позволю Леди-Которая-Спасла-Нас путешествовать одной».

Салли приняла его предложение. Он бы все равно настоял. Кроме того, он был прав. Без сопровождающего она могла бы просто не дойти от усталости.

Или, если бы люди Адама не выехали на своих аэромобилях на ее поиски, не прихватив для верности очки ночного видения...

Они нашли ее.

«Мы слишком заняты»,— выпалил Адмирал Скримжур.— «Никаких официальных брифингов, дебрифингов и прочей чепухи. Нет времени! Позже, все позже — только ради того, чтобы удовлетворить бюрократов. В промежутке, Доктор Дженнисон — теперь, когда вы выспались и перекусили — я проинструктирую Капитана Данбара о деталях дискуссии. Он тоже заслужил отдых».

«Он что, не сомкнул глаз?»

Она поинтересовалась, могут ли они выбраться из шума и тесноты подземелья и мирно поговорить (если

мир между ними возможен). Данбар согласился. Остаточная радиоактивность наверху была неопасной, если не подвергаться ей слишком долго. Тепло одевшись, они поискали над Сапфирным Озером утес.

Олга была в почти полной фазе. На ее розовом лике виднелось всего несколько шрамов — только темные узоры и узкие полосы яркого света, которые были высоко плывущими облаками. На холодной спокойной воде она оставляла почти совершенную световую дорожку. Подножье гор окутал густой туман, и Снежная Корона была едва заметно тронута белизной. Под ногами потрескивал лед — единственный звук, раздававшийся в тишине. Он лежал блестящим покрывалом на опаленном дерне, на превращенных в руины домишках и разбитых в щепки деревьях. С восходом солнца все бы снова ожило, зазеленело и пошло в рост.

Данбар говорил приглушенным голосом, словно боялся спугнуть тишину: «Теперь понимаете, Салли, что не следовало нас бояться? Правда, вас, скорее всего, не отпустили бы для выполнения этой миссии милосердия, если бы вы обратились с такой просьбой. Излишняя предосторожность... Ситуация вроде той, когда вы появились в своей лодке. Как бы там ни было, но вы вырвались и спасли столько жизней! Мы перед вами в вечном долгу».

«А как же вы сами?» — поинтересовалась она.— «Вы не справились со своими обязанностями».

Он улыбнулся мальчишеской улыбкой: «Ах, нет! Мною весьма довольны. И без ложной скромности добавлю, что с успехом выполнил свое настоящее задание. Это кое-что поважнее. Эпизод с вами просто не войдет в мой послужной список».

Она с пониманием кивнула: «Да, вы уничтожили берсеркера...»

«Ошибаетесь!» — с ликованием воскликнул он.— «Мы не уничтожили его, в этом-то вся и штука! Мы взяли его в плен!»

У нее замерло сердце. Она во все глаза смотрела на Данбара.

Он стал серьезным. «Мы не могли заранее сказать об этом вам или вашим коллегам. Ведь попытка могла и провалиться. Тогда нам бы пришлось начать все заново в другом месте. Поэтому мы не смогли рисковать и раскрывать секрет».

«А сейчас?» — с жаром спросила Салли.

Он посмотрел на нее. На его лице, затененном капюшоном, были видны только глаза. «Сейчас»,— сказал он,— «мы можем помочь вам и Илиа. Мы будем нести охрану вашего мира — по крайней мере, до тех пор, пока им не займется Объединенный Союз. Нет, это вовсе не значит, что мы ожидаем нового нападения. Если они не получат никаких известий от посланного корабля, то вероятнее всего, что-то заподозрят. У них много другой работы, которой им придется заняться, прежде чем их изгонят из целого сектора».

Сердце Салли сжалось: «Включая штурм Адама?»

«Вероятно... Но в этом случае успеха им не видать. Лучше даже и не пытаться. Тот факт, что мы их надули, приведет берсеркеров в замешательство. В любом случае, у нас есть силы — включая наше наземное вооружение и то, которое мы можем установить вокруг всей этой планеты — силы, которые мы можем использовать для защиты Илиа».— Его лицо посуровело.— «Мы причинили его народу зло — пусть с правой целью, но зло. Мы платим свои долги, Доктор Дженнисон».

«Но какова была ваша цель?» — спросила она с недоумением.

«Ну как, я же говорил вам — захватить неповрежденный первоклассный берсеркер! Не просто корабль как таковой, хотя изучение обломков тоже принесет пользу. Нас интересует его мозг, принципиальный компьютер, его аппаратная часть и программное обеспечение. *Взять до того, как он уничтожил* себя.

С этой целью мы заманили его в ловушку — туда, где у нас стоял лучевой прожектор — оружие, обладающее гигаваттной мощностью — и было озеро для охлаждения энергетической системы. Расчеты подтвердили, что рассечение берсеркера на расстоянии в две-три тысячи километров возможно».

Она поймала его руку и сжала пальцы: «Как замечательно!» Потом ее восхищение угасло: «О да, я понимаю, что полученные данные будут очень полезны. Но разве после этого они не смогут что-то изменить, усовершенствовать?»

«Они могут изменить все»,— ответил Данбар. Минуту они стояли молча, и от их дыхания шел пар. Потом он тихо добавил: «Вы спрашивали про машины фон Нойманна. Вы были правы: флот берсеркеров суть именно это, если брать в целом. Самовоспроизводящаяся

система, в основе программы которой лежит поиск и уничтожение всего живого.

А что, если мы, люди, создадим другую машину фон Нойманна, в основе программы которой будет поиск и уничтожение берсеркеров?»

Она ответила автоматически, не подумав: «Я кое-что об этом читала. Такая попытка уже была предпринята на ранних этапах войны, но она не сработала. Берсеркеры быстро научились справляться с этими машинами или ликвидировали их все до одной».

«Да, да»,— согласился он.— «Древние Строители строили слишком хорошо. Наша раса не смогла создать компьютеры, которые могли бы сравниться с их творениями по возможности, гибкости систем, приспосабливаемости и умению эволюционировать. Наша сила в другом. Мы непременно должны развивать организацию жизни, новые формы человеческого сообщества, рассчитывать на самоотверженность, мастерство самих людей. Это самое главное на заключительном этапе борьбы с берсеркерами. Именно это никогда не подводило нас. Мы много раз спасали себя сами».

Салли вспомнила свое представление об утробе, о Вселенском чреве смерти и содрогнулась.

«На основе этих новых знаний»,— услышала она голос Данбара,— «мы собираемся создать подобные машины, но их назначением будет ликвидация берсеркеров».

«Смеем ли мы?» — ответила она. В ночи раздался громкий треск: это мороз расколол поваленное дерево.— «Не обернутся ли они потом против нас?»

Его лицо выражало непоколебимую решимость: «Извечный страх... Может, по одной этой причине все человечество объединится против нас и запретит подобную разработку.

А может быть, мы ее осуществим, но не получим однозначного ответа... Но тогда, по крайней мере, наши охотники за берсеркерами измотают врага, чтобы было легче нанести последний сокрушающий удар.

Но даже если и этого не случится, все равно — получена бесценная информация! Когда мы изучим нашего ... пленника, то гораздо лучше будем разбираться в современных берсеркерах. Сумеем подготовиться к сражению с ними».

У Данбара вырвалось: «Салли, разве ради этого не стоило подвергать Илиа риску?»

Но он тут же смутился. «Простите меня, Доктор Дженнисон»,— проговорил он и отнял руки.

Она разглядывала его сквозь ледяное мерцание. И вдруг подумала, что, возможно, не стоит опасаться роботов, которые охотятся на других роботов. Весь страх, скорее, заключался в том, что бесконечная война рано или поздно должна была породить людей, которые были бы столь же ужасны, как и их механические монстры-враги. Сейчас она не знала ответа. Ей и не дано прожить столько, чтобы узнать. Она и он были просто двумя людьми, одиноко стоявшими в невероятно длинной зимней ночи.

Салли сделала шаг вперед, снова взяла Данбара за руку и сказала: «Ян, мы можем потом продолжить наш спор. Но давай будем друзьями!»

ОПАСНЫЕ СНЫ

Возвращаясь после всего пережитого во время телепатического сеанса к жалкой реальности существования в качестве штепселя к компьютеру берсеркера, Ларс обнаружил, что он все еще подключен к мозговым сканерам в тесных сводах пещеры. Но теперь с ним было пьянящее чувство будущей победы.

Итак, антиберсеркерная машина воскресла из далекого прошлого и была готова стать реальностью. Великая, чтобы не сказать — опасная, идея, наконец, должна была повторно воплотиться в жизнь благодаря землянам.

Но задуманная людьми Адама и Илиа версия Куиб-куиба казалась совершенно бесполезной для пятерых земных пленников и десятка Кампанов, заключенных здесь, в самом центре базы берсеркера, запертых и обреченных помогать врагам, которых они ненавидели. Новый Куиб-куиб опоздает для них, по крайней мере, на два десятка лет.

После испытанного бурного восторга Ларс снова впал в отчаяние. Если раньше он пытался держать себя в руках, то теперь ему казалось, что все кончилось. Может быть, пришло время попросить кого-то из своих товарищей убить себя и тем самым покончить с опасными снами, которые навсегда останутся похороненными в глу-

бинах его сознания? Капитан Наксос, вероятно, лучше других подошел бы для этого...

Конечно, при условии, что ему можно довериться. Судя по тому, как капитан говорил об антиберсеркере, его можно было назвать подлинным фанатиком «bad Life». Но Наксос мог оказаться и агентом «good Life». Опять же, если принять во внимание, что среди пленных землян таковой имелся.

Кампан не смог утаить тот последний эпизод, и насколько было известно Ларсу, даже и не пытался. Великий мозг берсеркера, контролирующий базу, теперь имел соответствующую информацию и, несомненно, уже планировал превентивные меры, направленные против будущего современного аналога Куиб-куиба, а, возможно, и против самого воскресшего оригинала.

Шум, издаваемый роящими, строящими, ремонтирующими машинами и доносящийся сквозь толщу скал, свидетельствовал о возросшей скорости выполняемых работ.

Ларс снова спал. Это был более или менее нормальный сон, но опять вернулось и встревожило его видение: приборная панель, слова, рифмы... На этот раз сон еще в большей степени, чем раньше, был пронизан ощущением срочности. В новом варианте какой-то инопланетянин, не Кампан, выкрикивал Ларсу рифмованные строки; существо, покрытое темной шерстью, с впечатляющими клыками и когтями, распевающее стихи.

Очнувшись, Ларс начал гадать, не был ли этот сон о приборной доске и стихах тоже каким-то ранее скрытым эпизодом телепатического сеанса. Но он больше не мог припомнить никаких выпавших фрагментов. Сюжет этот также не мог быть тенью или отражением другого.

Ларс вышел из кельи, чтобы присоединиться к остальным в общей комнате. Оказалось, что Пат Сандомер уже вернулась. Она выглядела более усталой и изможденной, чем другие. Но спокойно поздоровалась с Ларсом и сказала, что ее забирали на дополнительный телепатический сеанс. Результатом было видение полускрытых картин, но ничего необычного.

Ларс решил, что бессмысленно настаивать, выясняя подробности. Но его интересовало, не лжет ли Пат. Не выходила ли она в другую комнату по собственной воле, чтобы рассказать берсеркеру про его сонный бред о Куиб-куибе?

Прежде, чем он успел передумать и не расспраши-

вать Пат, за ним пришла машина-проводник, чтобы увести на очередной сеанс.

С обреченным видом Ларс разрешил машине увести себя. Он бросил взгляд на своего собрата по несчастью Кампана и подумал, что это был прежний партнер.

Ларс лег на кушетку и позволил машине подключить к голове электроды.

ПИЛОТЫ СУМРАКА

А теперь слушай.

Речь пойдет о мужчине и женщине, и огромной враждебной машине. На протяжении многих поколений в этой истории лишь слегка изменялись подробности, но в целом она правдива. Некоторые пытались в ней кое-что приукрасить, но почти всегда бросали эту затею. Они понимали, что здесь приукрашивать нечего, и я с ними согласен.

Все происходило на самом деле, и было это так...

Имя женщины было Морган Кай-Анила. Но люди называли ее «Маджи», хотя, никому, кроме друзей или членов семьи, не удавалось делать это дважды. В любой момент Морган Кай-Анила была готова поставить на место любого, и еще острее вела словесную дуэль в своей обычной манере нервной, надменной аристократки. Люди старались с ней не связываться.

Морган была эмигранткой, живущей на средства, присылаемые с родины. Ее домом был Оксмар, одно из богатейших поместий, раскинувшихся среди светлых зеленых парков к югу от столицы Викторианского континента. Теперь она жила там, где могла найти работу. Работа подворачивалась, как только в нашем мире, называемом тогда Алмира, назревала очередная политическая заварушка. Партнером Морган был ее корабль, блестящий смертоносный истребитель по кличке «Бродяга». Оба, поодиночке и вместе, они были способны на все. Стиль жизни этой парочки будоражил умы обитателей Алмиры.

Теперь о мужчине. Его пока не волновало, есть у него стиль, или нет. Он был слишком молод и, как водится, совсем без денег. Зато у него имелось несколько имен и какая-то темная история, но здесь не было его

вины. Жители Северной Земли, которых в конце концов убедили принять опеку над мальчишкой от свирепых Ринов, окрестили его Холтом Калдером. И только слабый отблеск прошлого в памяти взрослого Холта Калдера напоминал, что настоящие родители хотели дать ему имя Игашо. Потом были Рины, рты которых извергали последовательность яростных звукосочетаний, означавших примерно следующее: «Он-беспомощный-сирота-которого-мы-обязаны-взять-но-почему-мы?» Сын девственных, диких лесов, он привык откликаться на имя «Холт».

Корабль Холта не был последней или самой лучшей моделью своего класса, но над ним поколдовали местные гении, отчего его характеристики даже улучшились по сравнению с оригиналом. Официальным именем истребителя было «Предпринимательское Партнерство Общины Северная Земля с Ограниченной Ответственностью Номер Один» (ППОСОО1), но он назвал корабль «Бобом».

Еще была огромная враждебная машина. Имени как такового она не имела, если не считать цифровой последовательности кода, который отличал ее от собратьев. У нее не было семейных корней — ни электронных, ни каких-либо других, уходящих в глубь этой планетной системы. Но стиль был — нечто однообразное и тупое, как и вся ее физическая конфигурация.

Она попала в эту историю только потому, что разведчик, наугад прочесывающий пространство, зарегистрировал данные, указывающие на существование врага — жизни, которая чувствует — и передал эти данные своему начальству, которое могло изучить их и принять необходимое решение.

В результате, счастливо миновав все гравитационные колодцы системы, словно из ниоткуда, возникло это массивное чудовище.

Интеллект разведчика был несовершенен. Как обнаружил незваный гость, в этой системе было два обитаемых мира. Прекрасно. Никаких проблем. Боезапаса хватит на оба.

С тяжеловесной грацией машина неслась по орбитальной плоскости ближайшего мира, хотя прибежищем врага была та планета, орбита которой лежала ближе к центральной звезде. Просто для удобства машина сначала выбрала мир джунглей. Это была вполне подходящая цель. В случае непредвиденных осложнений компью-

терный мозг убийцы мог изменить стратегию.

Человек-«good life», если бы такой существовал, счел бы этот день благоприятным для убийства. Но машина не могла знать хорош ли этот день. Для нее не существовало ни хороших, ни плохих дней — просто дни.

Небольшой отдел машинного мозга проверил и подтвердил готовность оружия. Никогда не подводящая логика знала, когда наступит наиболее благоприятный момент для удара. Бесстрастно вращались электроны, точно так же как вращались вокруг своих осей две населенные планеты. Может быть, у машины все же был хороший день...

...как и у Морган Кай-Анилы. «Бродяга» пронзительно ревел в безвоздушном пространстве вокруг луны Страх. Случайные лучи защитных частиц поблескивали и мерцали каждый раз, когда испаряли песчинки пыли, все еще медленно оседающей в результате последней атаки Морган на бреющем полете. Ракеты, выпущенные по защитному куполу корпуса компьютеров Цагарана, хорошо справились со своей работой, если не уничтожив, то изрядно повредив цели.

«Попутный свет тебе в глотку, Цагаранский мерзавец!» — выругалась Морган, нажимая на гашетку лазера. Откровенно говоря, это дело ей было не по сердцу. Некоторые из ее лучших друзей были цагаранцами.

Из утопленных носовых амбразур «Бродяги» с высоким вибрирующим звуком вырвался лазерный луч. Морган срезала макушку главного купола Цагарана, он разорвался от перепада давления, выбросив на поверхность Страха под жесткое солнечное излучение дюжину смятых фигурок в скафандрах.

«Ха!» — Морган набросилась на вспомогательные купола и швырнула «Бродягу» в крутой победный вираж, когда корабль удирал подальше от смертельно опасного места. Уши пилота уловили отдаленный грохот взорвавшегося купола. Она надеялась, что падающие в беспорядке фигуры в скафандрах все видели. Отличный результат.

«Бродяга» быстро набирал высоту и уходил прочь от взрыхленной и обезображенной кратерами поверхности луны. Через несколько секунд они уже были на расстоянии, позволяющем Морган целиком видеть контур неправильного шара, которым был Страх.

«Хорошая работа, Мадж» — сказал «Бродяга». Кораблю было разрешено использовать варианты ненавистного детского имени Морган. Но потом она запрограммировала «Бродягу».

«Благодарю»,— Морган откинулась на подушках пилотского кресла и вздохнула.— «Надеюсь, там никого не разорвало».

«Бродяга» издал звук, который Морган привыкла представлять как электронное пожимание плечами.— «Помни, это всего лишь работа. Ты это знаешь. И они знают. Всем нравится риск и награды, иначе бы никто не взялся за нее».

Морган прикоснулась к кнопкам на панели, симулирующей звук и движение; мощный рев «Бродяги», прорезающий открытый космос, смолк. Теперь корабль беззвучно плыл в тишине вакуума.— «Я просто надеюсь, что налет принес какую-то пользу».

«Ты всегда так говоришь»,— подчеркнул «Бродяга».— «Рейд на Страх был малым, но важным предприятием. Теперь некоторое время Цагаранская база бомбардировщиков не будет сваливать на Катрин ничего опасного. Это даст Катринианам время для возведения защитных систем, так что Виктория сможет облегчить бремя Цитеранцев до того, как Кливленд II и Объединенные Провинции...»

«Достаточно»,— сказала Морган.— «Я рада, что ты следишь за развитием континентальных связей. Сказанное очень впечатляет. Но нельзя ли просто время от времени держать меня в курсе, а не запоминать механически и выдавать все подряд?»

«Конечно»,— ответил «Бродяга». Его синтезированный голос прозвучал слегка скучновато.

Морган повернулась на вращающемся стуле, чтобы посмотреть на главный экран: «Дай мне, пожалуйста, визуальный план для нашей посадки в Вулвертоне»,— корабль подчинился.— «Как думаешь, у меня еще есть время для тренировки, пока мы не врезались в атмосферу? У меня все тело затекло. Прямо как бревно».

«Если ты поторопишься»,— заметил «Бродяга».

«А как насчет моих волос?» — Морган сняла свою шапочку, которая начала расстегиваться еще во время налета на Страх. Рыжие локоны тяжелой волной упали на плечи.

«Что-нибудь одно»,— сказал корабль.— «Я не могу заниматься твоими волосами, пока ты разминаешься».

«Ну, ладно»,— сказала Морган трагическим тоном.— «Я сама займусь волосами».

Голос корабля произнес: «У тебя есть какие-нибудь планы на вечер?»

Морган улыбнулась приборной доске: «Я ухожу».

Компания космических наемников развлекалась в «Малахитовом Салуне», как они это обычно делали каждый вечер, когда большинство из них возвращались целыми и невредимыми после выполнения заданий. Это был удачный день для многих, и впереди их ждал хороший вечер. Вращающиеся медные двери салона вполне сошли бы за ворота. В этот вечер цветные голограммы на верхней стеклянной палубе пересекались с живыми танцовщиками. Зрелище слияния и разделения реальных и нереальных форм щекотало нервы, привлекая случайных прохожих на улице.

«Посмотри, мамочка!» — говорил один мальчик, нетерпеливо показывая на танцевальную площадку, где колыхающаяся голограмма обволакивала танцующего танцовщика.— «Оно съело человека!»

Мать схватила за руки обоих детей и потащила прочь. «Подонкам слишком много платят»,— сказала она.— «Не обращайте внимания!»

Старший брат презрительно посмотрел на младшего. «Онейратаксия»,— ответил он.

«Я также знаю, что *такое реальность»,— сказал* второй мальчик.

Внутри «Малахитового *Салуна» среди снующей толпы* одиноко сидел Холт Калдер. Это был довольно энергичный молодой человек приятной наружности, но в блоке он был новичком, а для завязывания космических знакомств требовалось время. Холт нечасто принимал участие в боевых операциях, и до сегодняшнего дня не видел ничего по-настоящему захватывающего.

«Позволь тебе сказать, сынок, что сегодня днем ты чуть не заплатил по счету там, у луны Отвращение»,— громким голосом, стараясь перекричать навязчивую музыку, доносящуюся сверху, сказала седеющая женщина. Ее волосы были причесаны в виде серебряного клина, а левый глаз закрывала повязка. Не дожидаясь приглашения, она пододвинула стул и уселась рядом.

Холт поставил недопитый стакан и внимательно посмотрел на нее. Сейчас, правда, он понимал, что это был не совсем умный поступок — так поспешно выйти из

тени луны по имени Ужас и обрушиться на группу куда лучше вооруженных истребителей Провинции.— «Я даже об этом не подумал»,— серьезно ответил он.

«Это точно!» — Женщина встряхнула головой.— «Тебе чертовски повезло, что Цитеранцы тряханули нас раньше, чем у меня появился шанс взять тебя на прицел».

«Вы?» — спросил Холт.— «Меня? Откуда вы знали...?»

«Запросила»,— сказала женщина.— «Я проверила регистрацию твоего корабля. Сегодня я решила обязательно посетить эту прокуренную дыру. Подумала, что мне следует спешить, если я хочу увидеть тебя живым».

Молодой человек опустошил стакан: «Сожалею по поводу вашего партнера».

Женщина выглядела огорченной: «Он был вроде тебя — и по возрасту, и по опыту. Я думала, что он следует за мной. Идиоту нужно было бы не отставать и быть очень внимательным. Тебе повезло».

Холт не знал, что говорить или делать дальше. Женщина резким движением протянула руку: «Мое имя — Танзин»,— сказала она.— «Уверена, что ты слышал обо мне»,— Холт кивнул. «Наверное, какую-нибудь гнусность...»

Холт решил: незачем упоминать, что имя «Танзин» на жаргоне наемников было синонимом слов, которыми назывались три луны: Страх, Ужас и Отвращение. Пожатие было сильным и теплым.

«Не могу не заметить»,— сказала Танзин,— «что ты довольно быстро расправился с ним».— Она жестом указала на пустой стакан.— «Заказать тебе еще?»

Холт пожал плечами: «Благодарю. Я никогда много не пил. До сегодняшнего дня. Думаю, что пережитое сильно подействовало на меня».

«Ты же завтра не летишь?»

Молодой человек медленно покачал головой.

«Прекрасно! Тогда напейся сегодня».

На другом конце длинной прямоугольной комнаты возникло какое-то замешательство. Как только легкое волнение пробежало по собравшейся толпе, Холт попытался разглядеть сквозь золотистый дым, что там происходит. Внимание публики, очевидно, было сконцентрировано на только что вошедшей в «Малахит» женщине. С такого расстояния Холт только мог увидеть, что она

была довольно высокого роста и ее длинные волосы отливали угольным блеском.

«Кто это?» — спросил он.

Танзин, которая хотела позвать официанта, бросила быстрый взгляд: «Принцесса Электа».

Рот Холта приоткрылся, когда принцесса Электа и четверо ее сопровождающих в ливреях приблизились и прошли мимо.— «Она красива».

«Сука»,— отозвался грудной голос позади него.— «Вышла шастать по трущобам».

«Ее волосы...»— Холт прикрыл рот, проглотил слюну и снова открыл его.

«Они рыжие. Ну и что?» — услышал он слова и смешок, исходившие от нового собеседника. Человек был одет в сутану и сидел за небольшим столиком справа от Холта рядом с уставленным бутылками баром.

«Ты, похоже, был в длительном патрулировании»,— заметила Танзин.

«Привет, я тоже люблю рыжий цвет»,— произнес позади Холта все тот же гремящий голос. Он обернулся и увидел двух темнобородых мужчин. Стулья, на которых они сидели, казались крошечными из-за их размеров.

Тот, что до сих пор молчал, повернулся к своему компаньону: «Что же ты тогда не пригласишь ее потанцевать?»

Его громкоголосый товарищ грубо расхохотался. «Я скорее приглашу танцевать Рину».

Прежде, чем он сообразил, что делает, Холт вскочил со своего места и повернулся к говорящим: «Заберите свои слова назад»,— спокойно произнес он.— «Я не позволю вам наносить оскорбления».

«Принцессе Электе?» — с нескрываемым изумлением спросил первый мужчина.

«Рине».

«Ты что, сумасшедший?» — спросила подошедшая Танзин и схватила его за локоть.

«А может, самоубийца»,— пробормотал человек в капюшоне, взявший его под другой локоть.— «Сядь на место, парень!»

«Не портите мне удовольствие»,— обратился к сдерживающей Холта паре тип с гремящим голосом.— «Я пролетел без карты весь путь до Кирси и обратно только для того, чтобы как следует врезать любовнику Рины».

«Хорошенькое дельце»,— сказала Танзин.— «Вы знаете, кто я?»

Оба мужчины посмотрели на нее в раздумье. «Я думаю, что справлюсь и с тобой»,— сказал первый.

«А как насчет меня?» — человек в сутане свободной рукой откинул на спину капюшон. При свете бара рассыпавшиеся локоны запламенели рыжим огнем.

Первый мужчина самодовольно усмехнулся: «Я думаю, что вами троими я смогу подтереть, надраить и отполировать пол».

Второй великан предостерег: «Успокойся, Амарант! Малышка — как же ее — ах, да, это — Кай-Анила».

Амарант задумался. «О, да... Отчаянная личность! Только за время действий на Малиновом Глетчере ты набрала столько же медалей, сколько я за весь прошлый год. Я не хочу стрелять и разнести вас на части».

«Есть очень легкий способ избежать этого»,— вставила Танзин.— «Давайте все уладим. Следующий раунд за мной».

Вид у Амаранта был нерешительный. Его приятель медленно сел и ухватил великана за локоть.— «Амарант, а как насчет того, чтобы пойти и пропустить по стаканчику с этим мошенником и двумя кровожадными дамами-ветеранами?»

Морган и Танзин сели. Холт, оставаясь стоять, спросил: «Амарант»... Что это за имя?»

Амарант повел плечами, и это движение напомнило о гигантских деревьях в лесу, которые только слегка колышатся, когда из тундры дует ураганный ветер: «В переводе это означает «Неумирающий цветок». Мой старик решил, что нам стоит эмигрировать на Кирси, и в честь этого мне следует дать такое имя. Но моя матушка решила, что оно не сочетается с моим последним именем и переименовала в «Амаранта» — значение то же, но звучит благозвучнее — имя прилипло...»

«Хорошее имя»,— сказал Холт. Он представился и протянул руку. Амарант крепко пожал ее. Приятеля Амаранта звали Богдан Хмельницкий. Появился официант, и ему заказали напитки.

После того, как Холт впервые увидел Морган вблизи, он уже смотрел на нее, не отрывая глаз.

«Эти волосы на самом деле рыжие»,— с улыбкой сказала она ему.— «Они даже еще рыжее, чем у Принцессы Электы».

Холт закрыл рот и произнес: «Ух!» Он понимал,

что выставляет себя на посмешище, но ничего не мог с собой поделать. Чувствовал, что его сердце стало биться сильнее. Это глупо, говорил он себе, и по его телу разливалось приятное тепло. Он вдыхал ее запах, и это ему нравилось. «Мы же делаем одну работу»,— предостерегал себя он, пытаясь остановить разыгравшиеся инстинкты.

Но это не помогло. Он все еще пялил на нее глаза и заикался, и надеялся, что не несет чушь.

Остальные четверо, казалось, забыли о Холте и говорили о делах.

«... что-то случилось»,— услышал он слова Амаранта, когда попытался сосредоточиться.— «Я получил эти сведения от разведчика, докладывавшего о выполнении задания, после того, как приземлился в Вулвертоне. Это было не так давно. Я пытался раздобыть информацию у трех-четырех отстраненных от полетов летчиков, но никто из них не проболтался».

«У меня такое же чувство»,— обронила Танзин. Она выглядела задумчивой.— «Я звонила своей подруге в Офис Электы. Фактически она сказала «Да» и «Я ничего не могу тебе сказать», затем «Наберись терпения, что-нибудь объявят, возможно, и сегодня вечером». Я все еще жду!» — И она без всяких усилий выпила глоток двойного «Мак-Жилрея».

«Скорее всего, сегодня»,— подал голос Богдан. Все пятеро смотрели на бар. Принцесса Электа вернулась со своим эскортом и стояла сейчас, разговаривая с одним из менеджеров «Малахита». Затем щелкнула пальцами, и двое из наиболее рослых людей сопровождения подняли ее на стойку облицованного деревом бара.

С минуту она стояла молча. Ее зеленое в обтяжку обмундирование блестело даже при этом тусклом свете. Принцесса Электа топнула по стойке обутой в сапог ножкой. Почти сразу воцарилась тишина. Музыка наверху тоже оборвалась.

«Ваш мир нуждается в вас»,— сказала Принцесса Электа.— «Я буду говорить прямо. Существующие обычные политические разногласия между Викторией, Катрин и Цитерой преодолены. Причина этого проста и смертельно опасна»,— для большего драматизма она сделала паузу.

Амарант приподнял лохматую бровь. «Наша звезда собирается превратиться в новую?» — предположил он.

«В нашей звездной системе появился враг»,— продолжала Принцесса Электа.— «Мы ничего не знаем о его природе. Известно лишь одно: сегодня же, когда здесь, как всегда эффектно, будет заходить солнце, наши колонисты на Кирси окажутся в осаде».

В комнате нарастал гул недоверчивых голосов, и Принцесса Электа с трагическим выражением лица простерла руки.— «Вы все отлично знаете, что у немногочисленных колонистов на Кирси имеется только самое минимальное вооружение. Видимо, спутниковая станция была сразу же захвачена. Сейчас враг кружит на орбите Кирси и превращает в пламя ее джунгли, которые наполняются удушливой гарью и дымом. У меня нет точной информации о том, сколько колонистов еще скрывается от опасности».

«Кто это?» — раздался голос.— «Кто он, враг?» — Шум и крики усилились до такой степени, что сосед уже не слышал соседа.

Принцесса Электа затопала ногами, пока все не стихли.— «Кто враг? Я... я не знаю».— Казалось, что ей впервые изменило хладнокровие. Но вскоре она вновь обрела его. Холт слышал, что Принцесса Электа была крепким орешком, к тому же профессионалом в своем деле, как и он, пилот, в своем.— «Я отдала приказ регулярным войскам следовать на Кирси, чтобы отвлечь врага. Полетят только добровольцы. Все союзы и правительства договорились о сотрудничестве. Жаль, но сегодня у меня больше нет новостей».

Холту снова показалось, что Принцесса Электа под взглядами потрясенной толпы в «Малахитовом Салуне» вдруг словно растерялась. Ее плечи немного опустились. Потом она собралась, к ней вернулось прежнее самообладание.— «Работники Министерства Политики будут ждать вас в порту, чтобы дать краткие инструкции. Я желаю вам всем и каждому в отдельности успеха и удачи в трудном предприятии. Я хочу, чтобы вы все вернулись целыми и невредимыми после того, как спасете на Кирси всех, кого сможете».— Она сделала легкий кивок головой и спрыгнула на пол.

«Эй, послушайте!» — раздался чей-то крик. Холт видел только макушку Принцессы. Она остановилась.— «А как насчет вознаграждения?»

«Вот именно!» — присоединился другой.— «Мы, значит, должны встать в очередь, чтобы сделать межпланетный бросок и подставить наши задницы неизвестно

кому — этому буджаму* — и все это за обычную плату и вечную славу?»

«Так как же?» — выкрикнул третий пилот, стараясь преодолеть нарастающий ропот.

Уже по одному движению головы Принцессы Электы Холту стало ясно, что она недовольна. Она подняла руку в перчатке: «Вознаграждение соответствующее. Пятикратное увеличение обычной платы. То же касается и страховки родственникам в случае вашего невозвращения».

«К чертовой матери!» — крепко выругался Амарант.— «Я возвращаюсь назад».

«Пятикратный размер — за самоубийство?» — медленно произнес Богдан. Он пожал плечами.

«Удовлетворены?» — спросила Принцесса Электа.— «Что ж, удачи вам всем и будьте осторожны!» Она быстро удалилась в сопровождении свиты.

Толпа была спокойней, чем мог ожидать Холт.

«Тысяча чертей и одна ведьма!» — выругалась Танзин.

«Я готов»,— сказал Амарант.— «Не помешало бы поспать, но...» — он красноречиво всплеснул руками.

Богдан кивнул: «Мне бы тоже».

«И мы можем возвращаться»,— сказала Танзин.— «Думаю, что весь транспорт подадут на поле».

Морган натянула на глаза капюшон. Холту стало грустно от того, что ее красота снова была так грубо спрятана.— «Еще одно развлечение впереди»,— сказала она тихо.

«Надеюсь...» — отозвался Холт. Они все посмотрели на него. Холт почувствовал себя ребенком в толпе взрослых. Он просто сказал: «Ничего, пошли».

...Полночь в джунглях. Со всех сторон пронзительно кричат и завывают ночные существа. Звездное небо над головой сверкало и вспыхивало каждый раз, когда в зените появлялась более яркая звезда.

Алнаба — ночной спутник Кирси — стал задевать купола деревьев на востоке горизонта.

Потом ночные звуки смолкли.

Внезапно изображение опрокинулось и растворилось

---

* boojum (здесь): жаргонное выражение пилотов и наемников; образовано из слов «booby» и «jumbo» — «болван» и «неуклюжий, неповоротливый» *(прим. переводчика)*.

в спокойном ярком мерцании белого света.

«Это была посадочная станция у Ленивой Ярмарки».

Чернота, и звезды, что не мерцают.

Какое-то движение.

Изображение замигало, растворилось, а потом картинка настроилась и появилось нечто.

«Каковы размеры?»

«Около километра в поперечнике. Отсюда трудно определить с большей точностью».

Это был многогранник, который можно было легко принять за сферу. Потом наблюдающий стал различать мириады углов и фасеток. По мере того, как изображение приобретало четкость, появились угловые проекции.

Устройство почти не отражало свет. В этой темноте оно казалось воплощением чего-то зловещего. Бесстрастная машина, готовая проглотить целые миры.

«Нам удалось повернуть телекамеры инспектора природных ресурсов. Это все картинки, что мы получили».

От далекой машины отделилась яркая точка. По мере приближения она становилась все больше и больше, пока наконец не заняла весь экран. Как и передача с поверхности Кирси, изображение ярко вспыхнуло и исчезло.

«Это было направлено на сам исследовательский спутник. Теперь, думаю, вы хорошо представляете, что стало с Кирси...»

Зажегся свет, и Холт заморгал.

«Должен сказать, что нас ждет адская работенка»,— сказал ему Амарант.

«Боюсь, что от моего энтузиазма почти ничего не осталось»,— вид у Танзин был мрачный.

«Лучи»,— заметил Богдан.— «Причем большей мощности, чем может дать весь этот континент. Ракетные установки до самой кормы. Как же мы собираемся брать эту штуку в оборот?»

Морган слабо улыбнулась: «Я бы сказала, что мы знаем свое дело».

«Бравируешь?» — Танзин положила свою руку поверх руки молодой женщины. Они впятером сидели за столом в аудитории.— «Ладно. Я просто спрашиваю, как мы собираемся справиться с ней?» От столиков, где сидели другие пилоты, доносились громкие недовольные голоса, раздавались вопросы.

Выступала Д-р Эпсли. Она была маленького роста, темная и держалась очень напряженно. Коалиция

правительств выбрала ее координатором по чрезвычайным ситуациям для проведения инструктирования регулярных сил. Она была известна своим острым языком и врожденной способностью принимать решения в критических условиях.

Кто-то из конца зала выкрикнул: «Вашим первым ответом вы должны пресечь все слухи. Скажите, что это за штука?»

«Я слышала, что кто-то сегодня уже назвал нашего противника «буджамом»,— она зловеще улыбнулась.— «Это было точное наименование».

«Ну-ну...» — сказал все тот же человек.— «А что такое «буджам?»

«Вам повезло, что для того, чтобы стать первоклассным бойцом, не требуется знаний классической словесности»,— фыркнула Д-р Эпсли.— «Дистанционные сенсоры заметили объект и закодировали его как snark* — объект типа кометы. Один из наших предков-программистов любил литературные ссылки...»

Морган резко вскинула голову и поднесла руку к уху. «Что случилось?» — с беспокойством спросил Холт.— «Бродяга»,— ответила она.— «Радиосвязь с кораблем. Пришлось уменьшить звук. «Бродяга» завопил мне прямо в ухо, что он все знает о снарках и буджамах. Процитировал: «Потому что снарк и был буджамом, понимаешь?»

«Так что такое... ?» — начал было он.

Д-р Эпсли повысила голос, чтобы предупредить вопрос: «Мы собираемся сражаться с тем, что в настоящий момент можно классифицировать как автоматический разрушитель, смертельно опасный реликт, доставшийся нам со времен древней войны. Это — чувствующая машина, которая запрограммирована на уничтожение любой встречающейся на ее пути органической жизни».

«Что же она имеет против нас?»

«Это — глупый вопрос»,— заметил кто-то.— «Похоже, ты, Боз, не относишься к органическим разумным существам». Человек, задавший вопрос вспыхнул и покраснел.

«Спасибо»,— сказала Д-р Эпсли.— «Для получения информации мы с помощью компьютеров углубились в историю. Объекты, подобные машине, вращающейся на

---

* — Название фантастического существа из книги Кэрола Льюиса «Алиса в Зазеркалье», образованное из слова «snake» и «shark» *(прим. перев.)*.

орбите Кирси, были известны много веков назад, когда мы искали убежище в этой планетной системе. Они являются неотъемлемой частью той деспотической цивилизации, от которой когда-то сбежали наши предки. Считалось, что безбрежность Галактики позволит им укрыться как от машин, так и от остального человечества».— Д-р Эпсли сделала паузу.— «Очевидно, машины шли по следу, а может быть, это и случайная встреча. Мы не знаем».

«Возможны ли переговоры?» — Вопрос задала Танзин.

На лице Д-р Эспли вновь появилась мрачная улыбка: «Очевидно, нет. В прошлом машины вели переговоры только в том случае, если это было составной частью их основной стратегии против человечества. Кирси была атакована без предупреждения. Машина не предприняла попытки связаться с кем-то из людей в этой планетной системе. Она не отреагировала и на наши инициативы. Она просто целенаправленно и яростно продолжает наносить по Кирси удар за ударом. Мы думаем, она выбрала тот мир только потому, что он находится на краю системы».— Рот Д-ра Эпсли приобрел твердые очертания; голос стал напряженным.— «Она не просто старается победить наших соседей, она превращает их в ничто. Мы — свидетели кровавой бойни!»

«И мы следующие?» — спросила Морган.

«Вся Алмира»,— сказала Д-р Эпсли.— «Да, мы ожидаем худшего».

«Итак, каков план?» — прогремел голос Амаранта.

Холт бросил взгляд на Морган; ее волосы почти полыхали огнем в искусственном свете зала. Да, он должен был регулярно высылать Новой Земле дивиденды, чтобы компенсировать затраты поселенцев на его обучение и покупку корабля, и до недавнего времени вся жизнь Холта была сосредоточена на приключениях, опасности и деньгах. Теперь появился новый фактор. Внезапно оказалось, что у жизни есть еще одна грань, которую следует принимать во внимание: Морган. Может быть, это было всего лишь увлечение, и он бы никогда не узнал, к чему оно приведет. Но вместо этого им, как и остальным, предстояло лететь на Кирси. Машина непременно убьет его или ее. Или их обоих. И это ощущение угнетало.

Д-р Эпсли прервала его размышления.— «Мы не знаем, какой системой защиты обладает машина. Те несколь-

ко кораблей, которые вели наблюдения с Кирси, не смогли приблизиться к ней настолько, чтобы исследовать защитные экраны. Вам следует быть более осторожными. Думаем, что ваша скорость и мобильность более высоки, чем у машины. Наша стратегия заключается в том, чтобы бросить несколько истребителей на экраны, в то время как другие будут вести перестрелку. Стандартное вооружение мы заменяем на более тяжелое».

«Хм»,— отозвался пилот, сидящий слева.— «Из ваших слов можно сделать вывод, что вы надеетесь, будто кое-кто из нас сумеет отыскать уязвимые точки этого чудовища?»

«Мы продолжаем собирать сведения об этой машине»,— сказала Д-р Эпсли.— «Если случится чудо, и нам удастся получить ответ, уверяю, вы будете первыми, кто его узнает».

«Это хреновое самоубийство!» — разнесся голос Амаранта по всему залу.

«Возможно».— улыбка Д-р Эпсли из мрачной превратилась в кислую.— «Но это единственный «хреновый» шанс, который у нас есть».

«Зачем тогда суетиться с пятикратным вознаграждением?» — пробормотал кто-то.— «Никто, кроме машины, не сумеет им воспользоваться...»

«Но почему эта буджамная штуковина хочет уничтожить нас?» — донеслось из дальнего конца зала чье-то чрезмерно громкое высказывание.

«Ты забыл, что мы сделали с Ринами!» — сердито и тоже громко сказал Холт. Его соседи пристально посмотрели на него.

«Мы же не всех их убили»,— мягко проговорил Богдан.

«Могли бы с таким же успехом убить и всех. Четыреста лет назад мы всякий раз брали их земли, когда они нам нравились. Они погибали, если становились на нашем пути».

«Но не на моем»,— запротестовал Богдан.— «Я ничего такого не сделал этим вонючим барсукам...»

«И ничего для них»,— заметил Холт.

«Заткнись»,— отозвалась Танзин.— «Успеете поссориться. Когда машина начнет бомбить Алмиру, то, я уверена, ей будет наплевать на то, где люди, а где Рины».— Она повысила голос и обратилась в сторону Д-ра Эпсли.— «Что же будет дальше?»

«Мы уже снаряжаем истребители. Это займет нес-

колько часов. Вы будете отправляться группами одна за другой. Комнаты отдыха готовы. Я всем предлагаю поспать, подкрепиться и расслабиться. Как только смогу, я вывешу специальное расписание отправки. Есть вопросы?»

Вопросы были, но не слишком важные. Холт собрался с духом и повернулся к Морган.— «Взять вам кофе?» — Она кивнула.

«Возьми кофе на всех»,— сказала Танзин,— «но отправляйся сейчас же, встретимся позже».

Словно враждебный спутник, машина продолжала кружить над Кирси.

Пыль.

Пар.

Смерть.

Забвение.

Да, именно это случилось с Кирси. Орбитальное оружие доставало до самых недр планеты. Буджам, видите ли, хотел быть абсолютно уверенным...

Комнаты отдыха представляли собой ряд помещений. Они отличались друг от друга обстановкой, убранством и даже цветом стен, чтобы ожидающий пилот мог выбрать тот, что вызывал желаемое настроение. Этот рассвет пилоты предпочли встретить либо в самых темных и мрачных комнатах, либо в тех, что были раскрашены в самые яркие вызывающие тона. В поисках уединения Холт проводил Морган в комнату, облицованную светлым деревом с коврами песочного цвета.

Войдя, Холт приказал фоновой музыке стихнуть, что было выполнено. Мужчина и женщина уселись за маленький столик и посмотрели друг на друга сквозь легкое облачко пара, поднимающееся от их чашек.

Наконец Морган сказала: «Итак, ты боишься?»

«Не совсем».— Холт медленно покачал головой.— «У меня еще не было времени, чтобы испугаться. Но уверен, что все впереди...»

Она засмеялась: «Когда придет время, и машина примет такие же угрожающие и четкие очертания, как Пик Зуб Дракона, я тоже затрясусь от страха!»

«А потом?»

«Потом я сделаю свою работу».

Он перегнулся через столик и прикоснулся к ее

руке: «Я хочу сделать то же самое».— Она незаметно убрала пальцы.

«Я кое-что знаю о твоей карьере»,— сказала Морган.— «Обратила внимание на статистику. Уверена, что все у тебя будет прекрасно».

Холт уловил в ее голосе определенные нотки и сказал: «Я не настолько моложе тебя. У меня просто меньше опыта».

«Я имела в виду не это»,— теперь она коснулась его руки,— «и не собиралась подчеркнуть твою молодость. Просто просмотрела записи, свидетельствующие о мастерстве начинающего пилота. Самое удивительное — чего стоило вообще туда попасть...»

Слова Морган прозвучали как приглашение. Холт немного расслабился. Их пальцы слегка соприкасались.

Холту всегда было нелегко рассказывать о том, как Рины растили его в условиях дикой природы. Случайный слушатель обычно принимал это за шутку или мастерски сочиненный анекдот. Да и вообще Холт редко говорил с кем-нибудь о своем прошлом. Обычно его откровенность мало кого впечатляла.

Но сейчас он вдруг чувствовал желание рассказать обо всем Морган.

Попросту говоря, жители Северной Земли бросили Холта умирать на склоне холма, когда он был еще ребенком.

Несмотря на полную вседозволенность, в целой Алмире не нашлось человека, кто захотел бы взять на себя ответственность за убийство ребенка. Все это было как-то связано с родителями Холта, погибшими при странных обстоятельствах. При каких именно, их сыну так и не объяснили толком. С тех пор подозрительность стала неотъемлемой частью отношений между Холтом и поселянами.

Во всяком случае, сразу после смерти родителей совсем юного Холта оставили умирать на крутом обрыве холодного склона небольшой горы. Через несколько часов его нашло странствующее племя охотников — Ринов. Рины относились к типу умеющих чувствовать плотоядных млекопитающих, чей отвратительный (если верить поселенцам) характер вошел в легенды. Но, несмотря на все эти пугающие детей сказки, человеческих младенцев Рины не ели. Вместо этого охотники немного посвистели над малышом, ворчливо обсуждая небыва-

лый случай человеческой безответственности и затем доставили ребенка в Северную Землю. Под покровом ночи они тайком прокрались мимо караула и положили Холта Калдера на пороге зала Ассамблеи.

На следующий день в Северной Земле состоялось собрание селян, на котором повторно было решено — но уже меньшим числом, чем в первый раз — отвезти Холта назад на склон холма.

На этот раз племени охотников понадобилось больше времени, чтобы случайно наткнуться на ребенка. Холт был уже почти мертв от переохлаждения. И вместо того, чтобы вернуть ребенка туда, где, по мнению Ринов, его ждала верная смерть и что было бы варварством, они взяли его с собой, в свое кочующее племя.

Около десяти лет Холт рос в племени и говорил на грубом свистящем языке Ринов. Конечно, он не раз замечал, что не был таким волосатым, как собратья по племени, и что его когти и зубы не были столь впечатляющими, и что у него не было светлой, наклонной полосы, как на темном мехе остальных Ринов. Рины прикладывали много усилий, чтобы он не слишком удивлялся тому, что не похож на других. Мальчика поощряли, когда он задирался со своими сверстниками-щенками. К нему искренне привязалась супружеская пара, потерявшая своих отпрысков в поставленном людьми капкане.

По прошествии нескольких длинных зим Рины решили, что было бы гуманнее вернуть Холта в мир людей. Для Ринов его возраста пришло время вступить в Призыв. Это был обряд посвящения во взрослую жизнь, и Ринам казалось, что Холту он был недоступен. В день его двенадцатилетия (хотя никто об этом не подозревал), Холта с сожалением оставили у порога зала Ассамблеи Северной Земли.

Холт не хотел уходить. Люди нашли его утром, тепло и надежно укутанного в дубленую шкуру скелка. Еще до захода солнца Холт сбежал в тундру и снова нашел своих Ринов. Они терпеливо обсудили с ним ситуацию. Потом снова сделали его беспомощным и опять доставили в Северную Землю.

На этот раз поселяне приставили к мальчику должную охрану. Вечером состоялось специальное собрание Ассамблеи, на котором было решено взять Холта обратно.

Его обучили всему, что должен знать человек, начиная с языка. Его по-новому одели и причесали. Через некоторое время он согласился остаться. Нити, связы-

вающие его с Ринами, ослабли, и Холт, наконец, в полной мере почувствовал себя человеком. За прошедшие более десятка лет в Северной Земле многое изменилось. Население хотело забыть дело старших Калдеров. Они искупили свою вину, воспитав сына. Но среди них были и такие, кто боялся его.

Когда Холт вступил в пору совершеннолетия, все поняли, что он стал лучшим среди молодых людей сообщества. Было решено, что его вхождение в мир взрослого населения Северной Земли должно быть отмечено торжественным актом. Ассамблея выбрала его главным публичным полномочным представителем партнерства сообщества Северной Земли.

Именно поэтому они приобрели для него подержанный истребитель, модернизировали его, оплатили обучение Холта и отправили его на поиски собственного пути, а между делом он регулярно выплачивал своим инвесторам щедрые дивиденды.

Спустя годы после возвращения в мир людей, Холт попытался вернуться к Ринам. Кочевники путешествовали, описывая правильную, хоть и большого диаметра, окружность, ему не составило большого труда найти то самое племя и одного из выживших приемных родителей. Но все уже было не так...

Пере-Сник, покрытый серебристым мехом шаман племени, печально процитировал Холту одну из заповедей Ринов: «Ты не можешь снова вернуться домой...»

«И ты не пытался узнать, что же такое совершили твои родители, что за тайна окружает их судьбу?» — несколько недоверчиво спросила Морган.

«Конечно пытался»,— ответил Холт,— «но решил, что впереди еще вся жизнь, чтобы выяснить это. Я не подозревал, что мне придется быть превращенным в плазму где-то на орбите Кирси».

«Ты не будешь»,— Морган слегка сжала его пальцы.— «Никто из нас не будет!»

Холт ничего не ответил. У Морган были почти округлые, как у кошки, глаза замечательного зеленого цвета.

Морган встретила его прямой взгляд.— «А потом ты что-нибудь слышал насчет Призыва»,— спросила она,— «когда Рины вернули тебя в Северную Землю?»

Он вздрогнул, взгляд стал рассеянным, и Холт снова погрузился в прошлое: «Хотя колонисты Алмиры и не хотят этого признавать, но у Ринов есть своя культура.

Они так же по-своему умны и интеллектуальны, как и мы — просто их цивилизация не имеет технологической направленности. Ей и не нужно развиваться в этом направлении.

Рины могут при желании обращаться с инструментами — но чаще они предпочитают не делать этого. Они охотники, но у них практически нет охотничьего оружия. И тогда в действие вступает Призыв».

Он остановился, чтобы отпить кофе. Морган молчала.

«Я не этнолог, но живя рядом с Ринами, узнал о них гораздо больше, чем создатели пресловутого учения — немногочисленные люди, которые когда-либо на протяжении веков проявляли к Ринам интерес».— Холт горько усмехнулся.— «Серьезное научное исследование привело бы к коммуникации, а та к признанию de facto наличия интеллекта. Значит, встал бы вопрос об этичности человеческого вмешательства человека в их жизнь».— Он покачал головой.— «Нет, гораздо лучше притворяться, что Рины — это просто умные звери...»

«Я выросла в Оксмаре»,— сказала Морган.— «Я никогда не думала о Ринах ни так, ни этак».

Холт выглядел слегка возбужденным: «Вот что я скажу тебе о Призыве: это один из главных ритуалов Ринов. Не уверен, что понимаю суть, но расскажу тебе все, что знаю».

Это одно из моих самых ранних воспоминаний.

Племя Ринов страдало от голода, что, впрочем, бывало очень часто. Незадолго до рассвета они собрались среди, съежившись под порывами ледяного ветра.

Там проходила маленькая церемония, какое-то совместное действие племени.

Шаман Пере-Сник, покрытый пышной черной шерстью, стоял перед ними, поддерживая передними лапами скальную плиту. На ее плоской поверхности он нарисовал контур взрослого скелка. Рогатое существо было изображено в профиль. Пере-Сник использовал теплые земляные краски, цвета весенней шкуры скелка. Все Рины — взрослые, молодые и подготовительного возраста — голодными глазами смотрели на картину.

Пере-Сник почуял присутствие скелка. Зверь находился в охотничьих пределах, в пределах Призыва. Шаман возглавил песнопение своих соплеменников:

«Ты рядом,

Приходи,
Как мы к тебе приходим!
С твоим прошеньем
Мы убьем тебя!
И съедим тебя,
Чтобы мы, Люди,
Могли жить!»

Слова повторялись снова и снова, пение превратилось в молебен, который перерос в хоровод, голоса слились в сотканный из звуков гобелен, который, казалось, незримо и невесомо струился в пространстве.

Пере-Сник положил изображение на голую землю, и голоса тут же смолкли. Отзвук пения еще дрожал в воздухе, хотя ветер дул в сторону убежища. Шаман произнес: «Добыча приближается».

Охотники последовали за ним в указанном направлении. Вскоре они увидели скелка, упрямо идущего им навстречу. В едином порыве Призыва охотники бросились вперед и, навалившись на мускулистое тело зверя, почувствовали жизненную силу, пылающий сгусток энергии, которым было сердце животного. Когда пение возобновилось, Пере-Сник бесстрастно вырвал это сердце, остановив поток энергии. Скелк застыл и упал, прохрипел последний раз и умер, и только тонкая струйка крови вытекала из его ноздрей. Потом Рины оттащили тушу в укрытие. Потом все ели.

«Симпатическая магия»,— сказала Морган, ее глаза слегка сузились,— «вот на что это похоже».

«Когда я стал человеком»,— голос Холта на минуту дрогнул,— «мне говорили, что магии не существует».

«Ты действительно этому веришь?» — спросила Морган.— «Тогда назови это формой группового телекинеза. Теперь становится понятным, почему у Ринов нет высокоразвитой технологической культуры. Она им просто не нужна — зачем, раз они могут удовлетворять основную потребность в еде с помощью такой рудиментарной способности как ПК?*

«У меня не было этой силы»,— сказал Холт.— «Я не мог войти в Призыв. Я только мог использовать свои когти и зубы. Я не мог стать полноправным членом их сообщества. Поэтому они и отправили меня назад».

---

* ПК — здесь: психокинез *(прим. перев.)*.

В его голосе прозвучала печаль — отголосок одинокого, брошенного всеми человека. Морган дотронулась до его руки и сжала ее.

«Понимаю»,— сказала она,— «мы ужасно недооценили Ринов».

Холт кашлянул — неловко и нарочито громко.— «Расскажи о себе»,— попросил он.— «Знаю, что тебе нет равных в бою. Но еще я слышал, как люди говорят, что ты...» — он запнулся — «несносная маленькая богачка».

Морган рассмеялась. «Я — эмигрантка, живущая на деньги, которые присылают из дома»,— сказала она.

Холт удивленно посмотрел на нее.

Морган родилась и выросла, как и предыдущие восемь поколений Кай-Анилов, в Оксмаре. Семейная цитадель, родовое поместье, раскинувшееся в аскетическом великолепии, лежало в нескольких километрах к югу от Вулвертона, столицы континента Виктория. Особняк из стекла и дерева, построенный на средства, заработанные расчетливыми Кай-Анилами, был Замком Морган в ее детские годы. Дитя богатых родителей, она вела бесконечные игры в придуманную жизнь, проводила за чтением бесчисленные холодные вечера, просматривала записи давно ушедших времен. Ее детство было заполнено мечтами о приключениях. Считалось, что, когда она вырастет, то станет хозяйкой поместья. Необязательно Оксмара. Возможно, где-нибудь еще.

Но этого не произошло.

Когда подошло время, Морган поняла, что в округе нет никого, чьей госпожей она хотела бы стать, в чей дом хотела бы войти хозяйкой. Наверное, семья воспитала ее слишком независимой (во всяком случае, так заявил один из ее несостоявшихся женихов). На самом деле Морган просто решила, что пришла пора испытать приключения, созданные когда-то ее жадным детским воображением.

Отлично, заявила ее семья. Морган была третьей, младшей дочерью и последней представительницей этой ветви рода Кай-Анилов. Ее старшая сестра должна была унаследовать фамильное имение. Морган ничего не имела против. Она знала, что всегда будет желанной гостьей в Оксмаре. Средняя сестра тоже сделала свой выбор: посвятила себя служению церкви.

В конечном счете Морган получила от семьи корабль, содержание и благословение. Мечтательница стала брать

частные (и дорогие) уроки летного мастерства, дело кончилось тем, что она стала самой настоящей эмигранткой, хотя и живущей на средства семьи. Она стала наемным солдатом. Но семья не была уверена, что младшая дочь выбрала достойную карьеру, хотя происхождение фамильных капиталов напрямую связывалось с войной.

Семья Кай-Анилов разбогатела на том, что в давние агрессивные столетия снабжала кораблями и оружием наемных пилотов, которые вели символические сражения и развязывали суррогатные войны, служивших средством решения крупных политических споров, периодически сотрясавших Алмиру. Символические сражения и суррогатные войны были не менее опасными для пилотов, чем любое другое вооруженное столкновение. Их так же сбивали, подрывали, пронзали лазерами, но, по крайней мере, гражданское население в большинстве случаев не страдало. Конечно, время от времени случались неприятные инциденты, но не бывает правил без исключений.

Несколько устав от светских сплетен и стремясь сохранить имидж респектабельной семьи, Кай-Анилы начали давать Морган больше денег, чтобы она как можно реже появлялась дома, в Оксмаре. Соседи, с алчным интересом следившие за боевыми сражениями по сводкам новостей, начали болтать. Единственная проблема состояла в том, что для Морган не могли найти жениха. Она уже присылала домой свои награды за храбрость. Племянники и племянницы обожали ее. В ней жила неутолимая жажда битвы, и для боевого симбиоза истребителей не могло быть партнера лучше, чем «Бродяга».

Семья же продолжала подыскивать поместье, где она могла бы стать хозяйкой. Но все было напрасно. Женщине нравилось заниматься тем, что она делала. Для замужества у нее еще будет время,— когда-нибудь потом, говорила она своим родителям, дядям и теткам.

Тем временем она встретила пилота, которого могла бы полюбить. Но оказалось, что он пытался заманить ее в расставленную западню во время сложной заварушки с участием трех континентальных сил. Она не смогла его убить, но не забыла...

Потом в жизни Морган появился другой человек, но он случайно попал под ее огонь во время одной ночной перестрелки на луне по имени Отвращение. «Бродягу» тоже обдурили, и ее возлюбленный погиб. После этого

Морган сосредоточилась на том, чтобы стать лучшей из нынешних пилотов-профессионалов.

На время она даже отказалась от общества людей. В конце концов, она любила свой корабль.

«Я не думаю, что люблю «Боба»»,— сказал Холт.— «Он ведь всего лишь корабль».— Холт слегка покраснел, почувствовав дискомфорт от того оборота, что принимала беседа.

«Ты просто не прожил с ним бок о бок так долго, как я с «Бродягой»»,— возразила Морган.— «Подожди еще!»

«А может быть, это потому, что ты — другое поколение?» — Брови Морган поползли вверх и она лукаво посмотрела на него. Он быстро добавил: «Я имел в виду разницу в несколько лет. Ты не один год у всех на виду. Выработала свой стиль».

Морган пожала плечами. «Я могу его поддерживать. Ты знаешь о симуляторах звука и движений?»

Он кивнул.

«Разве ты их не установил?»

Холт сказал: «Я никогда их не включаю».

«Тебе следует попробовать. Это не просто стиль — с ревом из-за солнца выйти на цель. Это помогает пилоту. Это — моральный фактор, если не нечто большее. Медики говорят, что происходит выброс адреналина. Даже в коре головного мозга рептилии происходит то же самое. Может быть, это та грань, что удерживает тебя на этом свете...»

Холт недоверчиво покачал головой.

«Ну, что, вы уже вывернулись наизнанку друг перед другом?»

Они оба повернулись.

В дверном проеме стояла Танзин. За ней маячили фигуры Богдана и Амаранта: «Не возражаете, если мы принесем свои чашечки с кофе?»

Теперь они сидели впятером, пили кофе, разговаривали, мерили комнату шагами. Казалось, прошли часы прежде, чем в комнату отдыха вошла Д-р Эпсли. Она протянула им испещренные данными листки и пояснила: «Расписание полетов».

Амарант посмотрела на свой листок и нахмурился: «Я отправляюсь на Кирси в самую последнюю очередь».

«И я»,— сказала Танзин.

То же касалось Холта и Морган.

«Я ухожу сейчас...» — произнес Богдан, отрываясь от своего листка.

«Тогда я присоединяюсь к тебе»,— твердо сказал Амарант. Он взглянул на Д-ра Эпсли.— «Как доброволец».

Администратор покачала головой: «Я не хотела приберегать всех моих лучших наемников напоследок».— Она выждала и улыбнулась, на этот раз улыбка была теплой.— «Мне нужны резервы, которые бы знали свое дело, так что вы оба летите позже».

Оба великана выглядели испуганными.

«Все ваши корабли находятся в стадии подготовки»,— сказала Д-р Эпсли.— «Естественно, что я оставляю некоторых своих лучших пилотов на потом. Выше нос, Хмельницкий!»

Казалось, Богдану было не по себе. Морган сидела, уставившись в стол, Холт и Танзин молчали.

«Я знаю, что ждать трудно»,— сказала Д-р Эпсли,— «но попробуйте расслабиться. У вас немного времени. Довольно скоро я пошлю вас на задание с наперстками, вилками и надеждой».

Все недоуменно посмотрели, когда она повернулась к выходу.

Только Морган кивнула. «Бродяга» вопил ей на ухо: «Я знаю, знаю, это из того стихотворения про снарков!»

«Ненавижу ожидание»,— бросил Амарант вслед Д-ру Эпсли.— «Уж лучше пойти добровольцем в первой партии!»

Администратор проигнорировала его замечание. Оставалось ждать.

Так как машине недоступны чувства и эмоции, ей было безразлично, называют ли ее буджам, снарк или еще как. Она будет отвечать своим сотоварищам в рейде или на базе, отзываясь на свой личный код. Собственно, ей вообще ни к чему имя.

Она запеленговала рой карликов задолго до их прибытия на орбиту Кирси. Буджам зарегистрировал количество, скорость и происхождение маленьких корабликов, включая водородные факелы, что толкали их вперед.

Никаких проблем.

Машина уже перестала рыскать по Кирси. Она отметила высокую вероятность того, что никаких форм жизни, кроме вирусов или случайных бактерий, на поверхности этой планеты больше нет.

Буджам, набрав скорость, оставил орбиту своей парковки и рассчитал траекторию таким образом, чтобы встреча с приближающимся флотом произошла как раз в промежуточной точке. Проверка системы вооружения показала, что все в полном порядке.

Пробил час для пилотов первой волны кораблей Алмиры.

Приборы буджама отсчитывали точный уровень радиоактивного распада, но машина совсем не проявляла беспокойства.

Алмиране вступили в бой, когда их корабли находились еще за сотни километров от буджама. Их враг был слишком далеко, чтобы применить лазерное или лучевое оружие. Точно нацеленные компьютерами наведения на безошибочную мишень ракеты плавно вылетели из пусковых устройств. Если компьютеры наведения и испытали мятежное чувство неуверенности при стрельбе по своему «большому собрату», то они этого никак не проявили — несколько огненных следов изгибались дугой в сторону буджама.

Ракеты достигли той точки в пространстве, что выбрала машина в качестве внешнего предела своего защитного поля. Буджам использовал их для пристреливания. Вырвавшиеся лучи сразу уничтожили половину ракет. Десятки снарядов вспыхнули ярким пламенем, рассыпались снопом мерцающих искр и исчезли. Машина подняла шиты — колеблющиеся сети фиолетовой дымки — и большинство оставшихся ракет с шипением растаяло. Небольшая кучка уцелевших боеголовок успела приблизиться к машине до того, как над ней нависла энергетическая сеть, и очутилась внутри шитов. Еще несколько лучей прорезало тьму, и ракеты, как жалкие насекомые, погибли в огне. Последняя из них врезалась в металлическую поверхность машины и быстро отскочила, рассыпавшись мелкими осколками, не причинив машине никакого видимого вреда.

«Крепкий орешек этот мерзавец»,— сказал своим парням руководитель группы первой волны.

Потом буджам провел корректировку защитных полей в соответствии с режимом атаки. Как молнии, устремились лучи к приближающимся Алмиранам. Некоторые пилоты погибли сразу же, и их тела смешались и исчезли вместе с развалившимися частями их кораблей. Другие применили тактику уклонения, вычерчивая сложные арабески и выполняя фигуры страшного танца с лучами

смерти. На буджама снова были направлены лазеры и лучи, запущены новые ракеты. Обстрел усиливался.

Но все погибли. Ни один пилот не остался в живых. На Алмиру поступила запись телеметрической информации, но ни один истребитель, ни один пилот первой волны не вернулись.

Буджам продолжал существовать.

Его курс относительно Алмиры не изменился. Вторая волна истребителей Алмиран была наготове — в ожидании совета, в ожидании приказов, просто в ожидании. Третья и последняя группа сидела на земле.

«Случилось самое страшное из того, что могло произойти...» — Д-р Эпсли отвернулась от информационных дисплеев. Остальные присутствующие сохраняли спокойствие, стояла гробовая тишина, если не считать случайно вырвавшегося всхлипа. Видны были мрачные лица. Не одна пара глаз наполнилась слезами.

«Что теперь?» — спокойно спросила Танзин.

Морган ответила: «Не присоединиться ли нам ко второй волне истребителей?» Большинство пилотов в зале заседаний закивали головами. Напряжение спало. Громко заскрипели стулья. Кто-то громко высморкался.

Холт спросил: «Так что теперь будем делать?»

«Шансы плохие, но жить можно»,— сказал Амарант, так потянув здоровенные руки, что захрустели суставы.— «Верная смерть меня не пугает».

Д-р Эпсли окинула комнату взглядом: «Я посоветовалась с Принцессой Электой и с каждым из стратегов, и мы пришли к выводу, что несмотря на всю загадочность объекта, с ним можно справиться. Требуются определенное время, чтобы сменить вооружение на более тяжелое и использовать хитроумную Византийскую стратегию. Но времени у нас нет».— Она остановилась.

«Итак?» — спросила Танзин.

«Мы готовы выслушать ваши идеи»,— Д-р Эпсли снова обвела комнату взглядом, поочередно всматриваясь в каждое лицо.

Казалось, тишина будет длиться бесконечно.

Наконец, Морган Кай-Анила откашлялась и произнесла: «Есть идея!» — Все уставились на нее.— «Не у меня».— Она медленно указала на Холта.— «У него».

И все взгляды обратились к Холту.

«Я не думаю, что это сработает»,— упрямо возразил Холт.

«У тебя что, есть идея получше?»

Молодой человек с явным недовольством покачал головой.— «Мы как кучка детворы, что пытается отправиться в колонизаторский полет. Они арендуют дядин амбар и начинают сооружать звездолет прямо за домом».

Морган сказала: «Я считаю, что мой план несколько более реальный».

«Надеешься? Та проклятая машина уничтожила целую планету!»

Женщина твердо возразила: «Я уверена, что мой план — это шанс!»

«И какой же?»

«Холт, не лучше ли ты расскажешь?» — Танзин посмотрела на него вопросительно, и, как Холту показалось, почти с упреком. Он ничего не сказал, а просто отрицательно покачал головой.

«В последние секунды перед сражением»,— сказала Танзин,— «тебе нужно выбрать курс».— Она пожала плечами.— «Если бритва Окамы покажет, что твое единственное решение верно, тогда ты полетишь, руководствуясь именно им. О'кей?» — Своим здоровым глазом она обвела весь зал.

«Тогда все в порядке!» — Морган взглянула на Д-р Эпсли.

Они вчетвером удалились в небольшую комнату для обсуждения.

«Вы можете подготовить транспорт? Конечно, на истребителях было бы быстрее, но я сомневаюсь, что там поблизости есть место для посадки».

Д-р Эпсли нажала одну крайнюю клавишу на приборной доске терминала: «Все уже готово. Ветроплан будет ждать вас, как только выйдете отсюда. Ехать нужно всем?»

«Мне действительно очень хотелось бы сопровождать Холта»,— сказала Морган и посмотрела на Танзин.

«Я могу и остаться. Если этот мудреный план сработает, смогу начать подготовку отсюда. Будьте на связи и держите меня в курсе!»

Д-р Эпсли добавила: «В соответствии с вашим планом я отправлю на север более крупный транспорт. Если у вас будет получаться и начнет вырисовываться продолжение нашего плана, найдется дело и для ваших, хм, друзей».

«Поселяне Новой Земли будут нас ждать?» — спросил Холт.

Д-р Эпсли кивнула. Взъерошенные черные волосы упали ей на глаза. Она отбросила их назад и заморгала. Было видно, что она уже давно не спала: «Их убедительнейшим образом попросили оказать содействие. Не думаю, что у вас там будут трудности. Кроме того, вы их местный золотоволосый мальчишка, который всегда приносил пользу, не правда ли?»

«Что ж»,— произнесла Морган,— «надо сказать, что это вам не Оксмар...»

Северная Земля лежала в абсолютной изоляции в самом сердце холодной и продуваемой ветрами полуарктической равнины. Вокруг города Новая Земля были разбросаны разработки рудных месторождений, вращающиеся мельницы, потрескивающие башни, извергающие снопы пламени, и всевозможные заржавленные остовы тяжелых машин.

«Он разросся с тех пор, как я был здесь в последний раз»,— заметил Холт.

«А что привело сюда первых колонистов?» — Морган начала торможение ветроплана. Он плавно скользил на высоте двух метров от поверхности замерзшей земли.

Холт пожал плечами: «Молибден, апатиты, титан — трудно сказать наверняка. Эти равнины когда-то были крупными охотничьими угодьями Ринов. Но этому быстро пришел конец. Северная Земля была построена в один день. Ринов изгнали, а те из них, что остались, были либо застрелены людьми, либо отравлены отходами химической промышленности. Это уже никого не волновало».

«Собственные интересы вылезли на первое место»,— подытожила Морган.— «И никто никогда не пробовал остановиться?»

«Кажется, некоторые попытались».— Взгляд его стал рассеянным, почти тоскливым.— «Но безуспешно. Кто их слушал? Здесь нужно было зарабатывать на жизнь, добывать состояние из-под земли».— В его голосе появились злобные нотки, и он, отвернувшись от Морган, устремил взгляд на широко раскинувшуюся перед ним панораму Новой Земли.

«Прости»,— сказала она слишком тихо, чтобы быть услышанной.

Их действительно ждали. Как только Морган посадила ветроплан на крошечном летном поле Новой Земли, их встретила небольшая группа людей. Сначала Морган не могла разобрать, кто это были — мужчины или жен-

щины. В длинных меховых шубах, запорошенные сыпавшимся с неба снегом, они были еле различимы. Огромные легкие снежинки медленно, как листья с осенних деревьев, падали на землю.

Морган отключила вентиляцию ветроплана и открыла входной люк, куда тотчас ворвались порывы ледяного воздуха, отдающего запахом промышленных отходов. Прищурившись от снежинок, щекотавших лицо, она увидела, что у многих из встречавших были густые бороды. Следовательно, это были мужчины.

«Надеюсь, что эти пальто из искусственного меха»,— сказал Холт, обращаясь скорее к себе, чем к Морган,— «или из меха мертвого скелка».

«Думаю, что так»,— согласилась Морган, желая избежать экспертной оценки. Этим мехам было далеко до добротного качества и дорогого блеска шуб, что были у ее родителей, подумала она, но остереглась произнести вслух. Встречающие тяжело двинулись им навстречу по летному полю, и снег заскрипел у них под ногами. Холт и Морган выбрались из кабины и спрыгнули на землю, оставив за собой тикающий звук остывающих моторов.

«Холт, мальчик мой!» — сказал идущий впереди человек и раскрыл объятия. Холт проигнорировал жест и остался спокойно стоять с опущенными руками. Чтобы спасти положение, мужчина принялся широко жестикулировать: «Давненько мы не виделись, сынок!»

«Разве чеки не приходили?» — спросил Холт.

«Регулярно, мой мальчик»,— ответил человек.— «Благосостояние наших людей растет с завидным постоянством благодаря тебе и твоему смертоносному кораблю».— Он повернулся и обратился к Морган: «Совсем позабыл хорошие манеры. Я — Кассим Мак-Дональд, мэр. Согласно сводке новостей из Вулвертона, вы Морган Кай-Анила, не так ли?»

Морган слегка наклонила голову.

«Много наслышаны о вас. Мы все ваши горячие поклонники!»

Морган снова скромно кивнула.

«Зимней ночью обычно нечего делать, кроме как вести учет послужных списков и наблюдать за делами таких бойцов, как вы и наш мальчик».— Мэр Мак-Дональд довольно хмыкнул и похлопал Холта по плечу.— «Уверен, что вам двоим никогда не придется воевать друг против друга».

Холт проговорил тихим голосом: «Мне кажется, было бы неплохо нас подзаправить».

«Для этого у нас масса времени»,— ответил мэр, и радостно замотал головой.— «Наши наземные заправщики зальют вас, пока мы будем на празднике. Эй, ребята!» — Он снова хохотнул.— «А еще из передач мы собираем всякую болтовню».

«Какой праздник?» — почти одновременно спросили Холт и Морган.

«У нас нет времени валять дурака»,— сказала Морган.

«Надеюсь, сообщение из столицы содержало просьбу первостепенной важности»,— добавил Холт.

Остальные встречающие переглянулись. И Морган не показалось, что они выглядели особенно счастливыми или радушными.

Улыбаясь, мэр Мак-Дональд обнажил зубы. «Вам так же, как и ветроплану, нужна заправка. Кроме того, можно встретиться с несколькими из моих местных сторонников — им бы этого очень хотелось. Знаете ли, мне скоро предстоят перевыборы».

«Мы не можем пойти на это»,— сказала Холт,— «нет времени».

«Я не говорю про большой и длинный обед»,— возразил мэр.— «Просто потратить немного времени на еду и поздороваться с народом, который хочет вас видеть. Просто небольшое напоминание о том, откуда приходят эти инвестиционные чеки».

«Нет»,— был ответ Морган.— «Я так не думаю. Нам нужно...»

Мэр мягко прервал ее: «...немного поесть и отдохнуть прежде, чем вы продолжите выполнение своей миссии, какой бы она ни была».

«Нет!»

«Да»,— повторил мэр.— «Это необходимо. Я уверен, что вы были бы поражены, узнав какими рассеянными здесь могут быть местные наземные команды, если ИМ не дать освежиться и отдохнуть».

Морган спросила: «Почему, это же...»

На этот раз ее прервал Холт.— «Я освежусь»,— сказал он, и его взгляд скрестился со взглядом мэра.— «Это будет короткая отсрочка».

Мэр Мак-Дональд просиял. «Я уверен, что ваша дозаправка будет короткой, но вполне достаточной».

Холт бросил взгляд на Морган и холодно улыбнулся мэру: «Что ж, пошли!»

Мэр указал жестом на здание терминала. «Это недалеко, нас ждет теплый транспорт»

Пока группа тяжело шагала по летному полю, Морган не покидало ощущение, что они попали в плен. Закутанные в шубы жители Северной Земли, окружавшие ее, напоминали Морган огромных скучных животных. Их мех вполне мог быть синтетическим — он еще дурно пах от сырого тумана, что низко висел над городом

Снижающиеся звездолеты на огненных ходулях

Груз, состоящий из замороженных оптимистов, плавно опускаемый и отвозимый в желтые размораживающие центры.

Города и поселки, вырубленные в зимнем пейзаже тундры.

Случайный город, возведенный в более умеренном экваториальном поясе.

Развивающийся мир, вырванный из дикости.

Триумф людей.

Груды умерщвленных Ринов, сложенные штабелями выше укреплений крепости, сооружений из ледяных глыб.

Морган уставилась на снижающиеся звездолеты. «Это неправильно»,— сказала она ошеломленно. «Большие корабли оставались на орбите. Челноки доставляли на землю людей и имущество. Потом крупные суда были разукомплектованы и спущены вниз как металлолом. Я узнала об этом, когда мне было три года»

«Это — право художника»,— заметил Холт; его собственный взгляд все еще был прикован к телам казненных Ринов.— «Историческая точность — это не самая почитаемая на Северной Земле добродетель» — На фреске напротив соотношение превосходивших сил Ринов, нападающих на осажденных людей, составляло, по крайней мере, один к десяти.

«Но это даже нельзя назвать искусством», заметила Морган. Стены круглого обеденного зала мэра были расписаны фресками на исторические темы. «И оно не вызывает у меня аппетита...»

Остальные лица, приглашенные на обед, уже постепенно заполняли комнату и рассаживались за полукруглыми столами. Мэр почему-то был на кухне. Холт сказал: «Лучшие люди Северной Земли прагматики. Когда общество вдруг непонятно почему заинтересовалось культурой и даже определило художника-лауреата, то

предпочло того, кто занимался фресковой живописью — чтобы покрыть здешний гипс дополнительным слоем изоляции».

«Накладывая краски густым слоем, малыш?» — сказал подошедший сзади мэр Мак-Дональд.— «Надеюсь, что вы оба голодны».— Даже без своей длинной шубы мэр был таким же неуклюжим, темные волоски виднелись из ворота и рукавов. Иссиня-черная борода вилась до середины груди.— «Стейк из скелка, снежные устрицы — припасла моя жена еще с прошлого сезона — паштет из печени шрейка, ячменная размазня; должен вам признаться, это исключительная пища!»

«Мы очень благодарны»,— сказала Морган.— «Но скоро ли мы сможем отправиться?»

«Очень скоро, моя дорогая».— Морган и Холт оба почувствовали на плечах тяжелые ладони мэра. Мак-Дональд повысил голос и сказал: «Ну что ж, друзья, сограждане, товарищи по союзу! От имени всех нас, кто составляет население Северной Земли, хочу официально поприветствовать наших гостей: Холта, которого, насколько я знаю, вы отлично помните»,— при этом его рука легла на плечо Холта и стала по-отечески мять его ключицу длинными мощными пальцами,— «и Морган Кай-Анилу, великолепного пилота-контрактника, которую каждый из вас сотни раз видел в ночных передачах о военных действиях».— Предупрежденная взглядом Холта, она заранее сделала напряженно-бесстрастное лицо. Все же стоило большого труда, чтобы не поморщиться.

Раздавшиеся в обеденном зале аплодисменты не показались слишком восторженными.

«Наш мальчик»,— продолжал мэр,— «и его подруга находятся здесь проездом. Насколько мне известно, они выполняют серьезную секретную миссию по заданию наших сородичей в Вулвертоне. Естественно, что мы здесь, на Новой Земле, счастливы оказать им любую посильную помощь в этом таинственном предприятии».

Ни Холт, ни Морган никак не отреагировали на намек.

«У меня есть предположение»,— сказал мэр Мак-Дональд,— «что все это имеет какое-то отношение к слухам о том, будто кто-то напал на наш соседний мир, лежащий ближе к звезде. Если так, то единственное, что мы можем сделать — пожелать этим двум пилотам, Калдеру и Кай-Аниле, большой удачи!»

На этот раз аплодисменты были более продолжительными.

Официанты начали вносить блюда с едой, от которой шел пар. Мэр подозвал их к себе: «Пусть наши гости отведают первыми». Пища, судя по виду и запаху, была хорошей. Морган и Холт не отказали себе в приличных порциях стейка, бисквита и овощей.

«Когда сейчас мы будем вкушать эту пищу»,— мэр поднял руки, чтобы указать на фрески круглого зала.— «Я надеюсь, каждый из вас задумается на мгновенье о прогрессе этого мира, достигнутом в четырехсотлетней тяжелой борьбе. Наши предки оставили своих друзей, некоторые — даже свои семьи, и конечно, свои миры, и всю человеческую цивилизацию, и отправились на поиски новой планетарной системы. Наши новые миры были удалены от влияния и покровительства старого закона.— «Мэр посмотрел поверх голов, сосредоточившись на чем-то невидимом.— «Я думаю, мы хорошо использовали все предоставившиеся возможности»,— взгляд снова обратился к людям, теперь он смотрел им в глаза и улыбался.— «Что ж, приступим к еде!»

Раздались искренние аплодисменты.

«Это еще не та предвыборная риторика, которую я ожидал услышать»,— тихо сказал Холт Морган,— «наверняка он попозже усядется на любимого конька».

«Я не хочу есть!» — раздался достаточно громкий и злой голос, чтобы перекричать весь этот обеденный гам. Говорила молодая женщина примерно одного с Морган возраста. Ее темные волосы были собраны на макушке, высокий воротничок напоминал фонтан из тонких кружев. Но выражение ее лица не соответствовало внешности.

Теперь мэр сидел по правую руку от Морган. Холт находился слева от нее. «Что-нибудь не так, Мег?» — спросил мэр Мак-Дональд. В одной руке он держал кусок мяса не намного меньше, чем весь горб скелка.

«Только собравшаяся здесь компания!» — заявила та, которую он назвал Мег.— «Одно дело — обедать с Холтом Калдером. Мне это может не нравиться, но я признаю необходимость есть с ним за одним столом. Мы все отлично понимаем, откуда берутся наши общинные средства».— Она смерила взглядом Морган.— «А вот против нее я решительно возражаю!»

Морган приподнялась со стула. Ее голос прозвучал

несколько громче, чем обычно: «Но почему? Я же ничего вам не сделала!»

Мег тоже поднялась со своего стула: «А кто вы есть?» — Она показала на нее пальцем: «Аристократы... Вы — запачканные кровью привилегированные паразиты на теле политиков!» — Мег, похоже, смаковала слова.

Морган в изумлении покачала головой и опустилась на стул.

Мэр был расстроен: «Я же предлагал, давайте приступим к еде...»

Мег гордо вышла из обеденного зала. Окружающие вдруг проявили неподдельный интерес к еде, всем этим котлетам и соусам.

Холт прикоснулся к плечу Морган, она его отдернула.

«Мои извинения»,— обратился мэр Мак-Дональд к Морган. Доверительным тоном он добавил: «Проблемы внешнего мира — это не тот товар, который легко продать здесь. Боюсь, что Холт — не самая подходящая для нас компания за обеденным столом».— Он повернулся к молодому человеку: «Между нами, парень, я бы не стал тебя винить, если бы ты посчитал, что мир не стоит спасать».— Мэр Мак-Дональд приложил к губам указательный палец.— «Но пусть мои преданные избиратели не узнают, что я это сказал».— И он посмотрел на огромный ломоть мяса в руке.— «А сейчас»,— сказал он, указывая на яства,— «а сейчас, давайте продолжим обед!»

Ветроплан с полными баками плавно скользил в разыгравшейся буре над ледяной пустыней тундры, изредко вздрагивая под порывами ветра. Плотно пообедавшие пилот и пассажир были охвачены тревожным чувством ожидания.

«Это не здесь?» — спросила Морган.— «К востоку от той вершины?»

Холт кивнул.

«Куда теперь?»

Холт дал ей направление по компасу.

«Откуда ты можешь знать? Я думала, что племена все время странствуют».

«Так оно и есть»,— ответил Холт.— «Даже с закрытыми глазами в поле я мог бы определить, где они. Я знаю время года, чувствую различные нюансы. Температура, ветер — все это имеет значение».— Он вплотную при-

близил лицо к иллюминатору.— «Фрагменты складываются в единую картину».

Морган искоса взглянула на него: «Может, это просто инстинкт — что-то, что не поддается просчету?»

«Нет»,— просто ответил он.

«Интересно...»

Холт еще раз показал направление по компасу.

«Есть, сэр»,— Морган положила ветроплан на северо-северо-восточный курс. В некотором отдалении смутно вырисовывался ряд остроконечных вершин.

«Ты был не особенно приветлив в городе»,— заметила Морган.

«Не чувствовал искренности. Надеюсь, что сейчас встречусь с друзьями»,— слова прозвучали слишком дежурно, с чувством мнимого пафоса, словно на молодого человека, с которым Морган познакомилась в Вулвертоне, надели другую личину.

«Знаешь, кроме того, что ты, несомненно, знающий свое дело классный истребитель, ты еще очень привлекательный молодой человек...»

Холт не ответил. Морган показалось, что она увидела, как вспыхнули мочки его ушей. Она стала искать и другие признаки, задумавшись при этом о своих собственных ушах — не выдают ли они ее.

Наконец, как и предсказывал Холт, они нашли лагерь — или что-то похожее. Морган медленно покружила над ним, чтобы Рины были хорошо предупреждены.— «Это шкуры?» — спросила она.— «Они живут в шатрах из шкур?»

«Смотри выше»,— ответил Холт.— «Там входы в вырытые в земле норы. Несмотря на то, что большую часть года они кочуют, в середине зимы Рины открывают земляные тоннели. Это возврат к прежней жизни. Они роют коридоры когтями. Ты увидишь».

И она действительно увидела. Морган посадила ветроплан и остановила пропеллер. Рев, издаваемый мотором, пошел на убыль и прекратился совсем. Холт с щелчком открыл входной люк, и они услышали завывание ветра. Тепло вырвалось из кабины, и внутрь проник колкий снег и пробирающий до костей холод.

Морган выглянула наружу и слегка отпрянула. Пока она закрывала ветроплан, Рины молчаливым кругом обступили машину. Хотя в такой буре она могла их и не услышать.

Она никогда не видела Ринов живьем. В фильмах их

всегда изображали предвзято. Морган рассматривала их исподволь, прищурившись от слепящего глаза снега. Рины оказались довольно неуклюжими, и было похоже, что передвигаться быстро они не могут. Но женщина знала, что чувственное восприятие обманчиво. Она также знала, что Рины прекрасно передвигались на четырех ногах и могли ходить прямо. Те, что обступили ее, стояли на двух лапах и ростом были ей по плечо. Их мех коричневого цвета отливал богатой гаммой оттенков, начиная от темно-шоколадного и кончая золотисто-каштановым.

Внезапно на сером небе блеснули лучи солнца, и Морган увидела, как в их свете заблестели когти Ринов. Они были длинными и загнутыми, как турецкие ятаганы, и казались такими же крепкими, как сталь. В воздухе, если не считать завывания ветра, повисла тишина.

«Теперь все зависит от тебя, не так ли?» — наконец сказала она Холту

Он издал звук, похожий на вздох, вышел из люка, опустился на одну ступеньку и спрыгнул на снег. Сквозь прямоугольник входа она видела, как он подошел к Ринам. Ветер ерошил их каштановую шерсть. Черные, как обсидиан, глаза следили за пришельцами.

«Куаг хрит'х, Пере-Сник тчо?» — баритон Холта, казалось снизился на целую октаву.

Сначала Рины как будто проигнорировали его слова, молча продолжая смотреть на него, и не шевелились. Они ответили, когда Холт сделал шаг вперед и показал свои поднятые ладони. Мужчина что-то коротко проговорил, но что, Морган не слышала. Рины ответили. Потом человек и Рины крепко обнялись.

Морган внезапно вспомнила, как она, будучи ребенком, стискивала в объятиях свои огромные, набитые соломой неуклюжие игрушки, смахнула непрошеную слезу и, задыхаясь, проговорила: «Это к добру!»

Теперь Рины обратили внимание и на нее. Морган пристально вглядывалась в немигающие светящиеся глаза на тупорылых мордах. Холт разговаривал с одним из них, артикулируя звуки в его манере. Потом он повернулся к Морган: «Имя этого Рина можно коротко передать как Масс-Грей (Серый Клубок). Он — подмастерье, художник, ученик Пере-Сника, шамана племени. Он просит передать тебе, что для него большая честь познакомиться с той, за кого поручился Он-сирота-и-беспомощный-кого-мы-обязаны-взять-но-почему-мы?»

«Так это ты?» — Морган не могла сдержать улыбки.— «Я бы хотела все это услышать на языке Ринов».

«Ты уже услышала»,— Холт был серьезным.— «Язык Ринов очень экономный».

«Тчо Пере-Сник, тчо»,— Рин по имени Масс-Грей повернулся и пошел в сторону убежища. Морган заметила, что при ходьбе круглые плечи Ринов выступают вперед. Холт последовал за ним.— «Идем со мной»,— сказал он Морган, когда та заколебалась.— «Мы за этим сюда и прибыли».

«Знаю, знаю»,— проговорила она.— «И это была моя идея...»

Остальные Рины, издавая ухающие и свистящие звуки, рассеялись среди шатров лагеря.

Масс-Грей провел их через дверной проем, завешанный для сохранения тепла тяжелой шкурой. Внутри убежище было скудно освещено мерцанием нескольких зажженных свечей. Морган увидела тонкий столбик дыма, поднимающегося откуда-то из центра помещения, потом она поняла, что дым шел из круглого отверстия в центре земляного пола.

«Мы идем туда»,— обратился к ней Холт.— «Не беспокойся!»

Масс-Грей растворился в дыму. Холт и Морган последовали за ним. Морган обнаружила, что туда ведут ступеньки. Она спускалась вниз, стараясь не закашляться от дыма. У подножия лестницы горел огонь, пламя которого было защищено от вентиляционной шахты каменной панелью.

Это помещение тоже было освещено тусклым светом свечей. Оно было круглым и тесным. Здесь пахло свежей землей, дровяным дымом и мускусом, запах которого не был неприятен для Морган. Здесь их ждали пятеро Ринов. Морган поняла, что это старейшины. Их шерсть при свете свечей отливала серебром.

«Они выражают нам свое почтение»,— сказал Холт.— «Рины — ночные существа. Партия, встречавшая нас наверху, специально покинула теплые норы, чтобы поприветствовать нас». Рины расположились в тени пещеры на роскошных мехах, устилавших пол. Потом самый крупный из них, с серебряной шкурой, поднялся и заключил Холта в долгие объятия. Морган слышала, как мужчина просто произнес: «Пере-Сник'т».

Потом он представил Морган. Женщина, сохранившая смутные воспоминания о том, что может означать

для животных обнажение зубов, наклонила голову, но не улыбнулась.

Потом они все удобно расселись на груде черно-белых шкур скелка. «Нужно набраться терпения»,— сказал Холт Морган.— «Нам обоим. Это не займет много времени. У меня небольшой словарный запас, слишком мало синонимов. Постараюсь использовать все свои познания в языке, чтобы передать главное».

«Я могу тебе помочь?»

«Вероятно»,— ответил Холт.— «Я попробую импровизировать, комбинируя известные мне слова и звуки».

Пере-Сник что-то пророкотал.

«Он говорит, что ты очень приятно для него пахнешь»,— перевел Холт.

Морган спрятала улыбку.

Масс-Грей, Пере-Сник и другие Рины очень внимательно слушали. Кроме языка Ринов Холт использовал язык жестов, поз и даже актерскую импровизацию, и так успешно, что Морган все понимала, когда речь шла и о прибытии буджама на орбиту Кирси, и о разрушении того мира, и об истребителях Алмиры. Она едва могла сдержать подступившие слезы, когда Холт своими длинными пальцами изображал гибель одного корабля за другим, при этом его выразительной мимики было достаточно, чтобы понять печальный конец его товарищей и друзей. Морган изо всех сил пыталась не дать воли чувствам. Потом у них будет достаточно времени для скорби, и оплакивать придется еще многих. Она подумала, останется ли кто в живых, чтобы совершить этот обряд.

Наконец монолог Холта закончился, и началось серьезное обсуждение предмета. Морган обняла колени, чувствуя, что от нее уже ничего не зависело. Она сыграла свою роль. Если все произойдет, как намечено, она снова выйдет на сцену. А пока остается сидеть здесь на мягких шкурах и слушать.

Разговор между Холтом и Ринами приобрел характер стаккато. Морган вспомнила о мяче, который ударами снова и снова посылают в сетку. Она ничего не понимала кроме того, что это были вопросы и ответы. Морган было ясно одно: среди среброшерстых Ринов шел спор не на жизнь, а на смерть. Издаваемое рычание наполняло пещеру звуками самого резкого тембра. Когти, длиною с ее ладонь, постукивали и поблескивали в догорающем свете свечей.

Масс-Грей, похоже, взял на себя роль третейского

судьи. Он поддерживал мнение старейших Ринов, но непременно вмешивался, когда остальные рычали на Холта.

Несомненно, это плотоядные, думала Морган, рассматривая их все чаще обнажающиеся зубы. Они — хищники и должны ненавидеть нас за то, что мы с ними сделали. Всех, кроме Холта.

Дискуссия достигла кульминации.

Холт встал и сорвал свою ветровку. Рины умолкли. Он стащил через голову рубашку. Волосы на его груди были не столь впечатляющими; как шерсть Ринов. Холт медленно поднял голые руки и развел их в стороны, изображая крест.

Морган поняла, что он подставляет им свой уязвимый живот. Рины снова начали ворчать и рыкать. Морган опять подумала, что они были готовы убить Холта, а вслед за ним и ее. Оружия при ней не было. Холт настоял на этом. Она знала, что все равно не спасла бы его и не справилась бы с кровожадными Ринами наверху лестницы.

Холт лучше знает, что он делает.

Масс-Грей что-то сказал. Пере-Сник что-то ответил ему. Холт заколебался, а потом медленно кивнул головой. Утвердительно. Он опустил руки, а потом вытянул ладони вперед.

Все произошло так быстро, что Морган не успела ничего разглядеть. Пере-Сник резко выбросил свою лапу вперед и полоснул Холта острым, как бритва, когтем; тонкая алая струйка побежала по внутренней стороне его указательного пальца. Черная при свете свечей кровь еще покапала немного, прежде, чем Холт сжал руку в кулак, чтобы остановить ее.

Рины снова молчали. Масс-Грей перевел взгляд с Холта на Морган, а потом опять на Холта. Дрожа от холода, Холт надел рубашку и ветровку. Он потряс рукой, словно она очень болела.

«Ты в порядке?» — спросила Морган.

Он ответил на другой вопрос, который она произнесла вслух: «Все сделано».

«Они нам помогут?»

«Вердикт еще не вынесен. Им следует посоветоваться. Нам придется подождать здесь».

Рины начали карабкаться по ступенькам вверх. Пере-Сник ушел, больше не сказав Холту ни слова. Последним поднимался Масс-Грей. У лестницы он повернулся и что-то быстро произнес.

«Он говорит, что нам следует оставаться в укрытии»,— перевел Холт.— «Разыгралась буря. Она не продлится долго, но задержит нас на несколько часов».

Рины исчезли в отверстии потолка.

«Что теперь?»

«Ждем»,— ответил Холт.

«Думаешь, они согласятся?»

Мужчина пожал плечами.

«Ты просто устал разговаривать?»

Холт бросил взгляд на расстеленные кругом шкуры: «Просто... устал». Потом перевел взгляд на нее. Одна из свечей вспыхнула последний раз и погасла. Прошла секунда.— «Все это зашло слишком далеко»,— сказал он и замолк.

«Да?» — произнесла она наконец, подсказывая ему.

Он спокойно встретил ее взгляд: «Мне холоднее, чем должно быть из-за бури. Ты не могла бы меня согреть?»

«Да»,— ответила она.— «И даже более того, если ты хочешь». Морган приблизилась к нему и нежно прикоснулась, когда погасла последняя свеча. Единственный свет давало играющее пламя костра.

«Я не имела в виду переспать»,— подумала Морган, когда пододвинувшись к Холту, почувствовала приятную тяжесть его тела. Она не могла вспомнить, когда занималась этим в последний раз, и, наверное, поэтому сразу же отпрянула. Холт, который никогда не имел связей с женщинами, приподнялся на локтях, посмотрел на середину пещеры и что-то сказал на языке Ринов. Кто-то ответил. Морган повернула голову и узнала силуэт Масс-Грея, слегка освещенный тлеющими у подножия лестницы углями.

Холт бережно освободился от ее рук и встал на колени. На мгновенье ее тело напряглось. Он легко прикоснулся пальцами к ее вискам.

Масс-Грей снова заговорил.

«Сейчас мы будем готовы»,— ответил Холт.— «Они вынесли решение»,— сообщил он Морган.

Мужчина и женщина быстро оделись. В конце концов, подумала с кривой усмешкой Морган, они были солдатами, товарищами по оружию...

«Они спустятся сюда?»

«Нет»,— ответил Холт.— «Нам нужно выйти наверх».

Когда они поднялись по лестнице и вышли из покрытого шкурами шатра, то увидели над головой чистое, хо-

лодное звездное небо. Масс-Грей проводил их до ветроплана. Морган увидела, что теперь полозья были засыпаны свежим снегом.

Пере-Сник и остальные взрослые Рины, а не только убеленные серебром старейшины, ждали их. Сгрудившись вместе, в ночной темноте, они теперь не казались Морган ни зловещими, ни опасными. Просто здесь они были у себя дома.

Двое людей остановились в метре от Пере-Сника. Масс-Грей пересек какую-то невидимую границу и присоединился к племени. Он, как и все, смотрел на Холта и Морган.

Над горизонтом зажглись первые узкие полоски восхода Алмиры. Ленты поразительной синевы раскололи небо.

Пере-Сник что-то произнес. Морган показалось, что сказанное было удивительно коротким. Холт глубоко вдохнул.

«Ну, и...?» — спросила она тихо.

«Все в порядке».

«Они помогут?»

Темная масса Ринов заволновалась. Пере-Сник что-то бросил им через плечо.

«Постараются помочь нам»,— сказал Холт.— «Думаю, они все поняли. Меня больше волнует то, чего я сам не могу постичь».

«О чем ты?»

«Они согласились».— Холт покачал головой,— «но условия сделки не определены. Я не знаю цены. И не уверен, что они знают».

«Сколько нам это может стоить?» — фактически она уже начала соображать. Ночные мысли.

Мужчина только улыбнулся. В колеблющемся эфемерном свете утренней зари эта улыбка не выглядела радостной.

...Машина с неумолимым постоянством неслась туда, где ее ждала вторая волна истребителей Алмиры. Весь флот оставался на месте, не наступая и не отступая. Корабли дрейфовали, выполняя роль жалкого шита между убийцей и жертвой.

Электронный мозг машины просчитывал безжалостно сокращающееся между ними расстояние. Машина не создала вероятностной модели человеческого поведения

и не могла это сделать. В своих информационных банках памяти она искала подобные примеры. Ничего подходящего не попадалось. В свою очередь, машина рассмотрела вариант, который считала одним из видов человеческой тактики — поставить себя на место противника. Никакого ответа получено не было.

Электроны продолжали кружиться на своих орбитах, выплетая то, что можно назвать подражанием органическому интеллекту — только этот разум был гораздо лучше организован, чем человеческий. У нее не было никакого примитивного переднего мозга животных. Никакого сознания. Никакой иррациональности. Только парадокс. Голографическое представление забвения.

Буджам искал доказательства человеческого обмана, признаки ловушки, но не получал никакой эмпирической поддержки.

Он продолжал плавание.

И, если машина была способна, то она продолжала удивляться...

«Нет?» — спросила Морган.— «Нет?»

«Нет... Мои сожаления».— Д-р Эпсли выглядела несчастной.— «Решение пришло из офиса Принцессы Электы незадолго до вашего с Холтом возвращения. Я уже снарядила транспорт, чтобы взять Ринов, но теперь придется его отозвать».

Кабинет Д-ра Эпсли на летном поле в Вулвертоне был скромным, даже аскетичным. Танзин уже ждала Морган и Холта, когда приземлился их ветроплан — и теперь они сидели вчетвером вокруг головного стола на жестких стульях с прямыми спинками.

«Но почему?» — Морган подумала, что, если она еще крепче сожмет подлокотники, то или они, или ее пальцы хрустнут.

«Пена»,— ответила Д-р Эпсли.

«Что-что?» — спросил Холт.

«Это слово использовал Премьер-министр».— Д-р Эпсли пожала плечами.— «Лунная пена, мозговая пена... Все дело в том, что он посчитал наш план самым глупым из всех, что были предложены к рассмотрению. Вот почему его прокатили».

«Признаться я его понимаю»,— согласилась Танзин. Она откинулась на спинку стула и вытянула ноги, перекинув одну через другую.— «Как если бы мне сказали: «Привет! Есть классная идея — я думаю, что моя собака

или кошка обладает телепатическими способностями и может загипнотизировать птичку». Потом кто-нибудь ответит: «Привет, но это так глупо, что может сработать...» Понимаете?»

«Я предварительно дала добро предложению Морган»,— сердито сказала Д-р Эпсли.— «Вы что, предполагаете, что это все дым? Мы в отчаянном положении!»

«Минуточку»,— сказала Морган.— «Постойте. Что, у ПМ* есть свой собственный план?» — Д-р Эпсли повернулась к ней и с отвращением покачала головой: «Его план — верная смерть. Я говорила об этом, но он ответил, что это единственное рациональное решение!»

«Самоубийство»,— Танзин рассматривала свои сапоги.— «Чистое и простое».

«Тебе не подходит ни один вариант»,— сказал Холт.

«Нет»,— голос Танзин был угрюмым.— «Нет, не подходит».

«Самоубийство?» — переспросила Морган.— «А что такого сказал ПМ?»

Д-р Эпсли жестом указала на окрашенное утренним румянцем окно, где плотными рядами стояли военные корабли: «Одна массированная атака. Корабли укомплектованы всем доступным вооружением. Масса против массы. Жесткая сила против силы».

«Машина победит»,— сказал Холт.

«Я подозреваю, что ПМ знает об этом. Я также думаю, что машина выиграет в любом случае. Но как же, правительственный жест, хоть и обреченный на неудачу, лучше полуиспеченной идейки героя сражений и мальчишки-пилота!» — в заключение Д-р Эпсли обрушила свои маленькие ручки на крышку стола.

«Нет!» — возразила Морган. Все посмотрели на нее. Она обратилась к Д-ру Эпсли: «Вы можете с вашего телефона дозвониться в офис Принцессы Электы? Я хочу говорить с ней самой!»

Не говоря ни слова, администратор набрала код.

«Что ты делаешь?» — спросил Холт.— «Я слышал, что Принцесса Электа ничего не делает без одобрения ПМ...»

«Я тебе не читала свою лекцию о могуществе?» — спросила Морган и, не останавливаясь, стала отвечать на свой риторический вопрос.— «Я ненавижу, когда право на власть не заслуживают, а получают от рождения.

---

* ПМ — здесь: Премьер-Министр *(прим. перев.)*.

Я никогда не пользовалась этим рычагом».

Д-р Эпсли до кого-то дозвонилась: «Передайте ей, что у телефона Морган Кай-Анила»,— сказала она.

«Придется поступиться принципами. Хотя и не надолго»,— сказала Морган.— «Пришло время этого «запачканного кровью привилегированного паразита на теле политика» дать кое-кому пинка».

Д-р Эпсли протянула ей трубку.

«Алло?» — проговорила Морган. Она натянуто улыбнулась, и позволила просочиться в свой голос слащавым интонациям.— «Алло, тетя Теа, дорогая, ты?»

Из реактивных сопл дротиковидных истребителей курился дымок. Ряды гладких фюзеляжей образовывали шеврон, острие которого было направлено от административного комплекса взлетного поля Вулвертона. Солнце клонилось к западному горизонту, вечерняя зарница окрасила вершины горной гряды Зубы Дракона.

Вокруг ракетных истребителей суетились группы рабочих, они заправляли баки горючим, заливали воду, проверяли и настраивали каждую единицу вооружения, устанавливали дополнительные кресла для пассажиров.

Зал заседаний превратился в вавилонское столпотворение, люди и Рины переполняли аудиторию. Атмосфера долго длившихся заседаний часто менялась. Выполняя фукцию переводчика, Холт служил связующим звеном между такими разными группами. Основная проблема состояла в том, что члены каждой из них считали, будто имеют дело с варварами.

Работающая с натугой система очистки воздуха больше не справлялась с запахом пота и мускуса. Все смешалось: звериные морды, человеческие лица, шикарный мех и голая кожа. Роскошные косые полосы на шкурах Ринов соперничали с по-театральному экстравагантной формой, слышалось рычание животных и ворчание пилотов, и над всем царила Д-р Эпсли, пытавшаяся поддерживать мир и порядок.

Ростом со среднего Рина, администратор была вынуждена стоять на стуле, чтобы ее видели изо всех концов зала. После первых заседаний многие пилоты не скрывали, что начали сомневаться.

«Знаю, что у вас есть вопросы»,— продолжала говорить Д-р Эпсли.— «Да, мы просим вас принять все на веру. Я также сознаю, что мы просто не можем приказать

нам поверить».— Кроме нее говорил Холт, он переводил сказанное для Ринов.

«Дайте мне все объяснить»,— продолжала Д-р Эпсли.— «У большинства пилотов будет задание изматывать буджама по всем параметрам и во всех направлениях. Ваша работа будет заключаться в том, чтобы отвлекать внимание машины от группы ваших коллег, которые постараются доставить наших союзников Ринов как можно ближе к противнику»,— на ее губах появилась кривая улыбка,— «так близко, как только вообще возможно».

Амарант стоял в первых рядах: «Вы думаете, этот план не обречен на такой же провал, как и идиотское предложение ПМ?»

«Если бы он был ни на что не годен, я бы ни за что под ним не подписалась!» — Д-р Эпсли устремила взгляд на ряд ракет за окном.— «Да, это будет опасно. Ваша жизнь будет зависеть от вашего ума и возможностей вашего корабля».

Амарант радостно кивнул: «Эти два понятия неразделимы!».

Выслушав перевод, Рины засопели и закашлялись. Для них это замечание также было справедливо.

«Мы тщательно изучили записи нашего первого вооруженного столкновения с машиной»,— сказала Д-р Эпсли.— «И уверены, что наши корабли смогут маневрировать над защитными экранами до тех пор, пока будут избегать ракет и лучей буджама».

«Чрезвычайно тяжело избежать лучей, маневрируя с маленькой скоростью»,— раздался чей-то голос с пола.

«Я думаю, именно поэтому все остальные будут уносить свои ноги»,— высказался кто-то еще.

«Совершенно верно!» — сказала Д-р Эпсли.— «Машина не поймет кажущейся иррациональности».

«Вы так думаете?»

«Мы так думаем».— Поднявшийся шум грозил смести администратора с места.

«И тогда Рины разорвут буджама на части?» — бросил кто-то в шутку, но достаточно громко и отчетливо.

«Образно говоря, да»,— подтвердила Д-р Эпсли.

Холт перевел это для Пере-Сника. Масс-Грей тоже услышал, и оба Рина довольно заворчали.

Д-р Эпсли с негодованием покачала головой и попросила Холта еще раз объяснить, что такое Призыв.

«Я все еще не могу поверить в этот мистический бред!» — выкрикнул какой-то пилот.

«Мне тоже кажется»,— заметил Холт,— «что Рины не могут поверить, как это свет можно собрать в лазерный пучок».

«Но это разные вещи!»

Шум в зале заметно усилился.

Сумерки переросли в настоящую ночь.

В зале заседаний Холт поднял, чтобы всем стало видно, кусок блестящего сплава размером примерно метр на мерт. На нем была выгравирована решетка из серебристых линий, которые пересекались правильными пучками угловых символов. Панель с одинаковым успехом можно было назвать электронной картой или ювелирным дизайном. Это была искусно выполненная стилизация.

«Это изготовил подмастерье Масс-Грей»,— сказал Холт,— «под руководством шамана Пере-Сника. Это сконцентрирует Призыв».

«Это — мозг буджама»,— пояснил Д-р Эпсли.

Пере-Сник что-то проурчал.

«Сердце»,— перевел Холт.— «Энергия. Электрическое поле».

«Схема может не совпадать с первичными компонентами той машины»,— сказала администратор,— «но мы постарались приблизить ее к оригиналу на основе догадки и экстраполяции после тщательного изучения банков данных исторической памяти компьютера. Когда мы составляли единое целое со всей человеческой цивилизацией, наши предки помогали препарировать одного из буджамов. Надеемся, что логическая цепь все равно остается таковой, даже если требуется усовершенствование».

В комнате наступила тишина.

«Эй!» — раздался громкий и твердый голос Амаранта,— «я пристрелю его». Его губы раздвинулись в кривой ухмылке, обнажив широкий ряд белых блестящих зубов.

Рины одобрительно заворчали, когда Холт перевел им.

«Копии панелей фокусирования Призыва мы поместили на каждый из кораблей, что возьмут Ринов. Чтобы координировать план, у наших друзей будет собственный корабельный канал связи»,— Д-р Эпсли повернулась на стуле и посмотрела на Холта.— «Вам предстоит большая работа, молодой человек. Насколько я понимаю, Пере-Сник отправится с вами?»

«Он мне отец»,— сказал Холт.— «Я ему сын...»

«Вы сможете одновременно и переводить?»

«Кроме меня никто не сможет» — сказал Холт обыденным тоном.

Пере-Сник что-то проговорил. Д-р Эпсли вопросительно посмотрела на Холта; молодой человек успел уже дать короткий ответ: «Он хотел узнать, не наступило ли время для песнопения, я ответил, что нет. Расстояние для молитвы еще слишком велико».

В первых рядах пилотов Амарант тяжело и беспокойно переминался с ноги на ногу.— «Давайте закончим», сказал он.— «Уже становится поздно, и нам всем не терпится узнать, будем ли мы жить или умрем».

Это вызвало улыбки и одобрительные кивки окружающих.

Д-р Эпсли пожала плечами: «Вы услышали все, что я должна была сказать о нашей тактике. Делайте все возможное, чтобы доставить Ринов как можно ближе к машине».

Вопросов больше не было. Холт вывел Ринов к кораблям. Танзин прошла с пилотами. В дверях зала они смешались. Выстроившиеся аккуратными шеренгами дивизионы смутно виднелись в отдалении.

Д-р Эпсли помедлила, остановившись у двери. К ней подошла Морган.— «Симпатическая магия и ПК»,— промолвила администратор.— «Следовало ли мне пожелать вам удачи? Помощи бога? Я просто скажу, что посылаю вас всех с наперстками и вилками, и надеждой!»

Морган стиснула ее руку: «Вас ждет сюрприз от тех, кто вернется». А про себя подумала: «Я знаю, что вернусь», и одобряюще улыбнулась.

Вместе они вышли на поле к кораблям. Умирающий закат, словно кровью, окрасил небосвод.

Внешне машина никак не отреагировала, когда заметила движение в рядах дальней флотилии истребителей. С поверхности планеты в небо стали подниматься и присоединяться к товарищам и другие корабли. Сенсорная система буджама регистрировала каждую боевую единицу, каждый параметр нараставшего объема энергии.

Истребители рассредоточились и в беспорядке начали движение навстречу машине. Буджан пытался определить подходящую тактическую модель и не находил.

Тогда машина, уже в который раз, выполнила еще одну проверку состояния систем вооружения.

Приближайщийся рой кораблей источал мощь и энергию.

Казалось, что все прекрасно. Дремавшее внутри машины Забвение ожидало пробуждения...

Формирования ракетных истребителей, поднимающиеся с поверхности Алмиры, казались серебряными косяками рыбы. Дроссельные клапаны были открыты корабли набирали скорость. Плюмажи перегретого пара, вырывающиеся из сопл, толкали их вперед в чернильное небо, где загорались первые звезды.

Декорации установлены, думала Д-р Эпсли, наблюдая за всем из окна башни терминала в Вулвертоне, действие начинается. Нарастающий звук ракет оглушил ее.

Тут она поняла, что пальцы ее правой руки сжаты в кулак, а рука поднята вверх. «Покажите этому негодяю!»

ПРОВЕРКА КОРАБЕЛЬНОГО КАНАЛА СВЯЗИ

Контрольный пункт Вулвертона / Все корабли: «Принцесса Электа желает вам удачи, и привезите для дворцового сада здоровенный кус от этого буджама».

Амарант/Вулвертон: «Сделаем из него чучело! Привезем его обломков до черта, чтобы дворцовые садовники соорудили из него настоящий публичный бельведер».

Богдан/Вулвертон: «Слово «бельведер» ласкает мне слух. Не могли бы мы машине присвоить это имя вместо «буджама».?»

Вулвертон/Богдану: «Прости, парень, слишком поздно. Он — уже буджам!»

Аноним/Всем: «Проклятье! Он — это смерть!»

Холт/Ринам: «Наша-с-Волосами-как-у-Морган-выбранная-голосованием-руководитель-с-поверхности планеты желает вам всем хорошей связи и удачной охоты».

Пере-Сник/Ринам: «Разве не могла ты, которая у них лидер-шаман-кормилец, вызвать такое просвещенное чувство немного раньше сегодняшнего вечера? Как, вероятно, смогли ее предки три или четыре столетия путешествий назад?»

Разные/Рины: «Радость...»

Холт/Ринам: «Было столько печальных зим...»

Пере-Сник/Ринам: «Печальные зимы...?! Дерьмо Скелка, Сынок! То, что мы сейчас делаем, суть извращение Призыва, от которого меня тошнит. Это не добыча пропитания».

Холт/Ринам: «Это нечто большее».

Пере-Сник/Ринам: «Мое непродуманное высказывание не предназначалось ни для звериных, ни для человеческих ушей».

Разные/Рины: «радость...»

Холт/Ринам: «Я не подумал, простите меня!»

Пере-Сник/Ринам: «Давайте сконцентрируемся на нашем тягостном задании. Давайте выполним его с честью».

Все/Рины: «ожидание...»
«голод...»
«экзальтация...»

«Бродяга»/ППОСЗОО1-«Бобу»: Послушай, корабль, у твоего пилота индекс выживаемости высокий?

ППОСЗОО1-«Боб»/«Бродяге»: У него есть удача, мастерство и храбрость. Мой уровень преданности — высокий. Почему ты спрашиваешь?

«Бродяга»/ППОСЗОО1-«Бобу»: Уровень интереса моего пилота к твоему возрастает. А ее интересы — это мои интересы.

ППОСЗОО1-«Боб»/«Бродяге»: Со стороны Холта я чувствую эквивалентное состояние. У меня нет ни малейшего желания, чтобы он как-то пострадал.

«Бродяга»/ППОСЗОО1-«Бобу»: Тогда мы оба должны выжить.

ППОСЗОО1-«Боб»/«Бродяге»: Перспективы меня не вдохновляют.

«Бродяга»/ППОСЗОО1-«Бобу»: Мы будем жить с ними.

ППОСЗОО1-«Боб»/«Бродяге»: С нетерпением буду ждать возможности обсудить это с тобой после сражения.

«Бродяга»/ППОСЗОО1-«Бобу»: Аналогично. Мое почтение... Боб!

Морган приказала «Бродяге» отрегулировать искусственную гравитацию таким образом, чтобы сила перегрузки была все-таки терпимой, а не изнуряющей для пассажира-Рина и пилота.

Перегрузка, казалось, никоим образом не беспокоила Масс-Грея. Художник стоически перенес подъем в стратосферу, слушая голоса Ринов на связи. Он ничего больше не придумал, как закрыть свои сверкающие глаза, когда корабль вздрогнул, и запел. В нем пробудился Рин-охотник, когда на экранах возникло далекое изображение буджама. Он ощерился и показал когти.

Морган лежала в своем пилотском кресле, убаюканная и расслабленная от завораживающей мощи реактивной силы, толкающей ее корабль вперед. Она воздержалась от выполнения двойного переворота, так как время для высшего пилотажа еще не наступило. Но она подумала, что мощь, совершенство линий, необузданная сила толкающей ее в космос газовой струи вызывало в ней самое пьянящее из всех известных чувств.

В ушах стоял гвалт базара соревнующихся между собой информационных каналов связи: Алмира и Вулвертон, Флотилия впереди, ее коллеги, Рины, «Бродяга»... Морган приказала кораблю взять связь на себя, включая и канал Ринов, и сообщать ей только о поступлении важной информации.

«Это может тебя несколько запутать»,— предупредил ее «Бродяга».

«Как нибудь переживу!»

«Бродяга» очистил атмосферу. Морган приказала включить звуковые имитаторы. Ее уши уловили дальний рокот других истребителей. Корабль под ней слегка содрогнулся, и она услышала близкий и успокаивающий рев острых, как ножи, стабилизаторов, рассекающих вакуум.

Холт бросил быстрый взгляд на среброшерстого Рина, лежащего в кресле рядом с ним. Его приемный отец, не отрываясь, смотрел на него.

«Буджам направляется в нашу сторону»,— сообщил «Боб».

«Становится нетерпеливым...»

«Возможно, немного подозрительным»,— ответил корабль.

«Иди на прямой перехват!» — Холт вздохнул и обратился к Пере-Снику: «Стоило ли нам переругиваться в присутствии всех на канале связи?»

На морде Пере-Сника появилась ухмылка: «А сейчас мы говорим не для всех?»

«Некоторое время мы можем говорить так, что кроме нас, никто не услышит».

Рин замолчал, что-то обдумывая: «Мой сын, теперь я понял, что недостаточно гонял тебя...»

Холт удивленно уставился на него.

«Я считал, что допустил ошибку, отдав тебя, такого юного, этим варварам на Северной Земле!»

«Я не мог вступить в Призыв. Не было...»

Пере-Сник поднял лапу, подушечка которой блестела,

как хорошо отполированная кожа: «Вероятно, это произошло потому, что мое суждение было несколько примитивным. Не стыдно...»

«Нет!» — Холт отвернулся от Рина.

Пере-Сник медленно и печально покачал своей массивной головой: «Мне было бы грустно сделать вывод, что ты — в меньшей степени человек, чем я предполагал».

«Напротив, я слишком человек!» «Что это, «Боб»?» — Холт обратил внимание на повелительно мигающий на консоли индикаторный огонек.

«Сообщение «Бродяги»»,— ответил «Боб».— «Морган хотела бы переговорить с тобой».

Холт расплылся в глупой улыбке, которая действительно была слишком человеческой...

Амарант вырвал свой корабль из верхних слоев атмосферы. Не потому, что ему следовало первым нанести удар — это не изменило бы ситуации — просто он не хотел бы плестись где-нибудь позади. «Первый в сердцах своих соплеменников»,— распевал он, фальшивя.— «Первый в сражении-и-и...» — Последняя нотка прозвучала фальшиво даже для его собственного уха.

Голос Танзин прохрипел по линии связи: «Может, ты будешь петь,— если, конечно, это можно назвать пением — для себя, а не на весь эфир?»

«Она права!» — подтвердил голос Богдана.

«Это — военная песня!» — запротестовал Амарант.— «Я укрепляю боевой дух».— Он взял другую, еще более фальшивую ноту.

Всего в метре от него угрожающе зарычал Рин.

Амарант прекратил пение: «Ты меня тоже критикуешь, мой волосатый коллега?»

Из горла Рина вырвался, другой более длительный низкий рык.

«Тебя, наверняка, зовут Тот-Кто-Гуляет-В-Грозу»,— сказал Амарант охотнику-Рину.— «Может быть, Тот-Кто-Гуляет-В-Грозу хочет петь со мной дуэтом?»

Корабельная связь дала сбой, за которым раздался треск помех, потому что все в одно время произнесли одно и то же слово...

«Хм, я... никогда не слышал ничего подобного на линии корабельной связи»,— сказал Холт. Он подумал: интересно, на его лице что-нибудь написано?

«И, вероятно, никогда больше и не услышишь!» — По голосу было слышно, что Морган улыбается.— «Не беспокойся, никто не слышал. «Бродяга» и «Боб» отрезали связь».

«Нам лучше включить ее».— Это был голос «Бродяги»,— «Дела с буджамом накаляются».

«Канал открыт»,— заявил «Боб».— «Удачи всем!»

«Закажу тебе чашечку кофе, когда все кончится»,— проговорила Морган.

Мозг машины просчитывал вероятности, определяя: стоит ли еще некоторое время игнорировать первые корабли, которые только что пересекли зону эффективного применения оружия, с тем, чтобы побольше выманить их сюда.

ПРОВЕРКА КОРАБЕЛЬНОЙ СВЯЗИ

Амарант всем кораблям: «Что ж, это было нетрудно!»

Холт/Ринам: «Хотя мы уже в пределах досягаемости его когтей, молитва пока не стала наживкой».

Танзин/всем кораблям: «Мы попадем в ловушку!»

ППОСЗОО1-«Боб»/«Бродяге»: «Это — ловушка!»

Пере-Сник/Ринам: «Молитва, похоже, подводит нас».

«Бродяга»/ППОСЗОО1-«Бобу»: «Это — ловушка!»

Морган/всем кораблям: «О'кей, давайте все на форсаж!»

Внезапно машина ожила, ощетинившись ракетами. Ракеты вылетели как раз тогда, когда флотилия противника рассыпалась в разные стороны по совершенно немыслимым траекториям. Буджаму пришлось иметь дело с тремястами семнадцатью полноценными отдельными боевыми единицами, не говоря уже о тысячах и тысячах беспилотных ракет, которые сыпались из истребителей, как рой растревоженных насекомых.

Пучки соперничающих друг с другом лучей пересекали сферу прикрываемого щитами пространства, словно колеблющаяся сеть с машиной-пауком в середине. Щиты и оружие буджама действовали в тандеме. Подлетающие к нему ракеты с треском вспыхивали и сгорали, пылая ярким пламенем. Машина не была снабжена эстетической программой — следовательно, она не могла оценить красоту ядерных «цветов», пышно распускающихся в саду небесной тверди.

Машина продолжала поиск модели аналога полета кораблей человека — поиск во всех направлениях. Сначала она посчитала, что сможет выиграть битву в первые двадцать секунд. Теперь это было невозможно.

Победа все еще была очевидной вероятностью, но стало ясно, что она не достанется легко и просто.

ПРОВЕРКА КОРАБЕЛЬНОЙ СВЯЗИ

Амарант/всем кораблям: «Мы прорвались! Черт, прорвались!»

Танзин/всем кораблям: «Спокойно! Мы просто блохи, и нечего брызгать слюной, если собака еще не решила почесаться!»

Холт/Ринам: «Близко, мы уже близко».

Тот-Кто-Гуляет-В-Грозу/Ринам: «Отлично. Песнопение заглушит шум, производимый моим пилотом».

Масс-Грей/Ринам: «Во всяком случае, твой пилот не угробил тебя».

Холт/Ринам: «Пока мы все живы!»

Танзин/всем кораблям: «Смотрите! Он начинает чесаться...»

Морган заложила корабль в вираж, который она могла определить как петля Иммелмана, но никогда бы не смогла объяснить происхождение его названия. «Бродяга» выполнил петлю, перевернулся и хорошенько разогнался, чтобы стая выпущенных буджамом ракет прошла мимо.

Женщина бросила взгляд на ряд изображений, выведенных «Бродягой» на экран монитора. Голографические образы, лазеры и лучи были ярко расцвечены неоновыми красками для придания им четкости и ясности. Вокруг болезненно медленно движущейся к буджаму мошки, которой был «Бродяга», танцевали паутиноподобные всплески. От миниатюрного изображения корабля во все стороны сыпались каскады искр. Некоторые из них были боеголовками, некоторые — осколками и обломками.

Казалось, что все происходит в замедленном темпе.

Морган посмотрела на находившегося рядом с ней Рина и сделала повтор. Художник Масс-Грей взял на борт альбом, что дала ему Д-р Эпсли. Довольно ворча, он всматривался в изображения на экранах и дисплеях и с ожесточением рисовал.

Пилот покачала головой и снова вернулась к проблемам скорости и маневрам. Она бросила «Бродягу» в лож-

ную лобовую атаку на вырастающего прямо на глазах буджама.

Пере-Сник заворчал, когда удерживающие его стропы врезались в покрытые густой шерстью плечи. «Боб» выполнил крутой зигзаг, и Холт молил, чтобы сработала искусственная гравитация. Если она не сработает, кабина приобретет такой вид, словно по стенам размазали ягодное варенье.

«Вы находитесь в тех пределах, о которых запрашивали»,— сообщил «Боб».— «Удачи!»

Холт проверил приборы, бросил отрывистый взгляд на машинную громаду, бесформенной грудой маячившую перед ним на главном экране. Жертв среди Ринов пока не было.

«Пора!» — объявил он по корабельной связи. «Пора!» — сообщил он Ринам.

«Хай!» — грянул хор.

Он искоса взглянул на Пере-Сника. Шаман Ринов крепко стиснул пластину с гравировкой. Его мех блестел и отражался в стилизованном изображении. Холт хотел прикоснуться к отцу, но побоялся нарушить его сосредоточенность.

Рин протянул к Холту лапу и сжал его руку: «Помни» — сказал Рин.— «Ты — настолько же я, насколько и они».

Холт улыбнулся.

Пере-Сник затянул песнопение. Его голос вибрировал и рокотал, пока другие настраивались.

«Ты близко!»

Обшивку корабля слегка передернуло. Каркас «Боба» затрещал. Холт не мог сам видеть это, но приборы показали, что опасный луч прошел всего в нескольких метрах от кончика крыла «Боба».

«Приходи».

«Как мы к тебе приходим!»

«Ближе!» — скомандовал Холт остальным пилотам.— «Нам нужно подойти так близко, чтобы изображение машины занимало весь экран...»

Голос Пере-Сника наполнил кабину корабля. Пение разнеслось по всему пространству, отделяющему его от остальной флотилии.

«С твоим прошением».

«Мы убьем тебя...»

Холт молился, чтобы те корабли, на которых не было

Ринов, продолжали отвлекать внимание машины и вызывали огонь на себя.

«...И съедим тебя».

Он осознал, что сам тоже поет. Часть его мозга, его внимание все больше и больше попадали под влияние сгустка энергии. Я должен пилотировать корабль, говорил себе Холт. Будь осторожен. Осторожен...

«Чтобы мы, люди...»

«Я подошла к этому сукину сыну ближе, чем ты»,— услышал он голос Морган.— «Давай сюда, любовь моя!»

«Могли жить...»

«Я еще ближе»,— услышал он Танзин.— «Давай, Холт, вперед!»

«Ты близко...»

Пере-Сник снова затянул песнопение. Теперь Холт включился в хор с самого начала.

«Приходи к нам».

«Как мы к тебе приходим».

На экране перед его глазами вспыхивали, меняясь, картинки. На главном дисплее появилось изображение машины, которая, казалось, не имеет ни конца, ни края.

«С твоим прощением...»

Экран переполняли ассиметричные металлические формы. Песнь, корабль — в мозгу Холта все смешалось.

«Мы убьем тебя...»

Все работало. Он мог быть и тем и другим...

«Хай!» — разнесся голос Амаранта. «Мы — здесь! Ты когда-нибудь...» — Передача резко оборвалась. В космосе разлилась тишина вакуума.

* * *

Один из лучей буджама насквозь пронзил корабль Амаранта. Пораженные смертоносным оружием только что существовавшие предметы ушли в небытие.

Компоненты мозгового центра корабля, подвергшиеся мгновенному разрушению, вспыхнули в темноте ярким пламенем. Корабль умирал от тысячи и тысячи электронных кровоизлияний.

Пройдя через пилотскую кабину, луч нанес смертельное увечье Амаранту и изуродовал Того-Кто-Гуляет-В-Грозу.

И пока корабль корчился в конвульсиях и рассыпался на мелкие осколки, Амарант успел только взглянуть туда, где когда-то была его грудная клетка, но ничего там не

увидел. Алый фонтан, затуманивающий глаза, свидетельствовал о том, что система искусственной гравитации не срабатывала.

Он знал, что будет больно, но ничего не почувствовал. Шок. Теперь уже ничего не будет. Слишком поздно.

Амарант увидел поле, усыпанное весенними трепещущими цветами, красными и золотыми, лужайку у подножья Зубов Дракона. Он умер прежде, чем картинка сменилась.

Этот же луч только слегка задел Того-Кто-Гуляет-В-Грозу. Но этого прикосновения было достаточно, чтобы испарить плечо Рина.

«Мы убьем тебя...»

Пение все еще звучало в голове Того-Кто-Гуляет-В-Грозу. И он продолжил.

«...и съедим тебя».

Корабль рассыпался на мелкие части. Последний воздух вырвался из кабины, разрывая легкие Рина. Оставаясь привязанным к креслу эластичными стропами, Тот-Кто-Гуляет-В-Грозу смотрел на огромную машину, заполнявшую перед ним все пространство.

Чтобы мы, люди....

Рин-охотник умирал в море обломков корабля. Он протянул уцелевшую лапу, и его когти царапали пустоту. Внезапно они зацепили что-то осязаемое и шелковистое — это была кисть его оторванной конечности.

Он криво усмехнулся своей жертве, изображение которой переполняло его глаза и мозг. Он чувствовал, что пение достигает кульминации.

«Могли жить...»

Собрав остатки *своей ярости, Тот-Кто-Гуляет-В-Грозу* отвел уцелевшую лапу за голову и швырнул свою оторванную кисть что было сил прямо в «лицо» своей добычи.

Большего он сделать не мог.

Крошечный сегмент защитного отдела мозга буджама заметил странный объект, движущийся навстречу ему со стороны уничтоженного корабля. Электронные схемы сработали. Взметнулся язык луча и обратил останки лапы Рина в рассыпавшийся сноп ионизированного газа.

Совершенное действие было результатом хорошо продуманного решения машины. Если бы рука не вызвала огонь на себя, буджам избрал бы другую мишень.

«Боб» пронесся мимо буджама.

Холт посмотрел на Пере-Сника и сказал: «Сейчас!»

Шаман Ринов ощутил магию колдовства, которая уже вступила в силу. Жертва не отличалась от скелка — только была большой и несъедобной.

Его народ повторял теперь все строки заклинания.

«Мы убьем тебя».

«И съедим тебя».

Пере-Сник сконцентрировался и мысленно сделал рывок в направлении своей жертвы. Он парил вдоль жарко пылающих клапанов и проводящих путей мощного сердца буджама.

Трудно было вообразить всю силу энергии этого сердца, но ее было недостаточно, чтобы помешать Пере-Снику. Шаман коснулся истинного сердца машины.

«Чтобы мы, Люди...»

В одну миллисекунду электроны бешено закрутились и разлились ручьями, в следующую — паутина энергии взметнулась волной, закачалась, захлебнулась...

«Могли жить...»

...и перестала существовать. Сердце вздрогнуло, огромная мертвая машина со свистом неслась своим курсом.

«Боб» круто свернул, чтобы избежать столкновения со случайной оборонной ракетой.

Теперь машина была инертным телом в центре разъяренного роя ос.

Холт посмотрел на Пере-Сник, Рин кивнул ему.

«Свершилось»,— сообщил он по каналу связи с Ринами и перевел сообщение остальным пилотам.

«Амарант...» — скорбно сказал Богдан.

«Мы подсчитаем потери позже»,— прервала его Морган. Ее голос прозвучал печально.— «Машина — вы уверены, что с ней покончено?»

Пере-Сник тихо проворчал.

«Она мертва»,— повторил Холт.

«Теперь уничтожить ее»,— предложил кто-то на связи.

«Как? Направить на солнце?» — это был голос Богдана.

«Может быть, сохраним ее?» — предложила Танзин.— «Выпотрошим, разберем на части, посмотрим, что там. Чем не доказательство, что мы заслужили наше вознаграждение?»

Радиопереговоры потекли своим чередом, пилоты начали подсчитывать потери.

Послышался голос Морган: «Холт? Когда мы вернемся на Алмиру с Ринами, я не думаю, что все останется по-прежнему». Холт знал наверняка, что она имеет в виду. Потом Морган добавила: «Я не забыла про кофе. Я очень хочу тебя увидеть!»

«Я тоже»,— ответил Холт.

На канале связи послышался голос Д-р Эпсли, она выразила благодарность и поздравила всех от имени ПМ и принцессы Электы. Она попыталась сказать все, что положено.

«Как насчет буджама?» — спросил Богдан.— «Если мы разберем его по частям, то сумеем определить, откуда он взялся?»

Администратор на Алмире согласилась, что это вполне реально.

«А потом, раз у нас есть теперь секретное оружие, найдем по следу его логово и вытряхнем из проклятых машин все внутренности?»

Д-р Эпсли рассмеялась: «Может быть, и вытряхнем, а, может, и нет».

«Непременно вытряхнем!» — сказал Богдан.

Но, когда Холт переводил это Ринам, он не чувствовал такой уверенности.

Находящийся рядом с ним Пере-Сник одобрительно промычал.

Теперь слушай.

Я рассказал правдивую историю. Это было время моей радостной дружбы с «Холтом», как называли его другие Люди, и моего узнавания чужого, но замечательного мира.

В том сражении я был еще совсем-совсем юным и горячим, когда летел на одном корабле с женщиной по имени Кай-Анила, вдыхая ее храбрость и воодушевление, и пытался внести свою жалкую лепту в общее дело.

А теперь я передохну немного, чтобы отдышаться и освежиться.

Только помните, мои щенята, мои малыши, моя надежда, что это — правдивая и правильная история о том, как, наконец, мы начали обретать нашу свободу.

Видение Кирси/Алмира было столь продолжительно, что Ларс, почти вернувшийся в реальный мир своего заточения, все еще переживал последний заключительный момент контакта с Ринами. В мире телепатии с деформированным временем перед ним предстали из будущего Холт Калдер и Морган Кай-Анила. А последний прямой контакт с Ринами происходил уже в настоящем. Разум Ларса соприкоснулся с интеллектами двух представителей этой расы — старого Пере-Сника, который раньше являлся ему во сне в виде животного, заросшего темной шерстью, и художника Масс-Грея.

Именно тогда Ларс осознал, как мозг живого существа, этот сгусток протоплазмы, вступает в контакт с разумом, способным существовать внутри разграфленных металлических пластин — или внутри разграфленных устройств, которые в телепатическом сеансе выглядели как металлические пластины с выгравированными серебряными линиями.

«Никакого песнопения там»,— пел Пере-Сник. А образ Масс-Грея на заднем плане, с кистью в руке, мудро кивал головой. Пение, поэзия, искусство значат многое. Не все, но многое.

Когда прервался последний контакт и Ларс вышел из телепатического транса, в его голове все еще звучали отголоски мыслей пилотов-истребителей системы Кирси/Алмира. Он все еще ощущал магию интеллекта Ринов, который так же отличался от разума его самого и Кампана, как они оба отличались друг от друга.

И, конечно, именно от Ринов исходило это последнее задиристое замечание о стихах, пении, искусстве. Ларс не знал, предполагалось ли и его сохранить в тайне. Несомненно, зонд берсеркера выудил эту мысль из сознания Ларса вместе с остальными эпизодами. Теперь не имело значения, была ли полученная информация секретной — берсеркер был знаком с ней не хуже Ларса, а, пожалуй, и лучше.

Заключенные едва успели вернуться в свое жилище, а дверь за ними — захлопнуться, как сквозь толщу скал раздался грохот взрыва и толчок, достаточно сильный, чтобы свалить пленников с ног. С укрепленного балками

потолка посыпались осколки. В какое-то мгновение Ларсу показалось, что он снова очутился в шахте с Джеммой и Патом Девлином.

Наксос закричал: «Это — не рудниковые работы, это военная атака!»

Все переглянулись. Ларс увидел на лицах своих товарищей смешанное чувство страха, надежды и восторга. Возникшее минутное затишье показалось вечностью. Ларс затаил дыхание в ожидании, что берсеркер или его противник превратят их в ничто.

Потом титанический, раздирающий уши рев потряс скалу, воздух и самое пространство. Это — не взрывы, подумал Ларс,— а запуск. Берсеркер поднимал в космос свои боевые комплексы, пытаясь скорее ввести их в действие на безопасном от планеты расстоянии. Тот, кто напал на базу, поймал его врасплох.

Новые удары обрушивались на скалу, в недрах которой находились пленники. Мощные толчки и вибрация грозили переломать людям зубы и кости. Наксос скорчился, сжал кулаки, стиснул зубы и начал высоко прыгать — насколько позволяло помещение с таким низким сводом: «Давай! Достань его! Убей его! Размажь о стенку!»

«...вместе с нами...»

«Вместе с нами!» — капитан превратил эту фразу в клич триумфа. «Давай!» — Он весь дрожал. Ларсу казалось, что капитан *переживал высшую точку неведомого* экстаза.

Остальные смотрели на Наксоса так, словно он и в самом деле отдавал приказы уничтожить их. Потом напор атаки временно ослабел. Теперь стали слышны все те же непрекращающиеся звуки продолжающихся, как ни в чем не бывало, рудниковых и строительных работ, словно ничто на свете не могло их остановить.

Но теперь появился новый шум. Определенно похожий на рев, что издают двигатели при включении реверса, только более длительный.— «Что это?..»

Они все прислушались. Ларс сказал: «Какой-то объект идет на посадку... Мне кажется. Боевой комплекс, вернувшийся для срочного ремонта».

Берсеркер, контролирующий базу, все еще не разговаривал со своими пленниками. Но люди и не нуждались в словах, явно ощущая: кто-то (или что-то) начал штурм базы. Причем, удар наносила целая армада гигантской мощности. Или, думал Ларс, это была обезумевшая от

отчаяния флотилия, управляемая людьми.

Или... В его голове родилась мысль о Куиб-куибе.

Было что-то еще... еще одна тайна. Один из тех двух фрагментов, спрятанных в самом начале, когда Кампан уже мог знать, что скрывают все эти видения...

Нет! Забыть ее, ту, другую тайну. Она должна быть окончательно забыта.

От отчаяния и бессилия он вполголоса запел детскую песенку: «Не помнить об этом — пустяк, или в огонь угодит толстяк...» («You must not remember that, or into the fire will fall the fat...»)

Ларсу показалось, что Кампаны внимательно наблюдают за ним из своей комнаты. Он не осмелился посмотреть в их сторону. Допустим, человеку приспичило петь стишки — ну и что? Ларс подумал, что если он, в конце концов, вообще свихнется, это никого не удивит.

Но в действительности он рассуждал как никогда здраво и сейчас был уверен, что кто-то где-то пытается телепатическим путем передать ему сообщение, и почему-то в стихах.

Почему? Кто?

Опять Рины? Нет. Что-то... кто-то другой!

Возник обрывок ответа: «...По нескольким причинам. Таким способом проще доказать, что я — человек. Проще избежать передачи тебе металлических мыслей...»

Чтобы доказать, что ты — человек... Кто ты?

«...Гейдж*»...

Похоже, это было имя. Вдруг Ларс понял, что сон о приборной панели теперь начал обретать определенный смысл. Но прямой контакт внезапно прервался. Пока ничего не говорило о намерениях берсеркера погубить своих пленников. Хотя было бы неразумно ожидать каких-то предупреждений. Он бы мог прислать для расправы машины сопровождения или устроить в пещере пожар — и все в мгновенье ока было бы закончено. А пока, насколько понимал Ларс, компьютер берсеркера старался по возможности защитить их от последствий штурма. Потому что некоторые из них, и в первую очередь он сам, уже доказали, как полезны в качестве живого телепатического коммуникационного устройства.

Наконец-то Ларс смог оглядеться вокруг. Кампаны сгрудились в дверном проеме своей комнаты и внимательно смотрели на землян, своих товарищей по заключению.

---

* **gage** (англ.) — датчик *(прим. перев.)*.

Опава уставился на них: «Что вы делаете? Чертовы животные, что это?»

«Пойте»,— ответил один из них.

«Петь?» — в изумлении заорал Наксос в ответ.— «Вы что, все сошли с ума?»

«Пойте, читайте стихи, это поможет!»

«Поможет? Как?»

Шум рудниковых работ внезапно усилился и превратился в настоящую лавину звуков, что заставило Ларса немедленно обернуться. Его уши уловили резкое падение давления воздуха, которое было тут же скомпенсировано автоматической системой жизнеобеспечения.

В одной из стен их общей комнаты, где мгновенье назад была гладкая поверхность монолитного камня, теперь зияла огромная расщелина. На полу комнаты валялось множество обломков. Отверстие (около метра в поперечнике) было достаточно широким, чтобы в него можно было пролезть даже с полной боевой выкладкой. И в нем, действительно, появился человек в специальном обмундировании. Вслед за ним в комнату посыпались и другие человеческие фигуры с инструментами и оружием наготове. В своей тяжелой экипировке, делающей их похожими на роботов, они мало отличались от тех берсеркеров, воевать с которыми прибыли сюда. Ларс узнал нашивки на их скафандрах.

Пятерка без скафандров отпрянула, инстинктивно сжавшись от страха.

По внешнему динамику *командир группы громко* сообщил им: «Бузз Джеймсон. Флот Адаманта. Уйдите с дороги! Мы загерметизировали за собой другой конец тоннеля, так что вашему воздуху пока ничто не угрожает».

Пятеро человек начали кричать и задавать вопросы, перебивая друг друга.

«Мы — штурмовой отряд! Это все. Наверху идет атака».— В комнате рыскало с полдюжины солдат, словно они пытались найти дорогу обратно. Зев тоннеля, оставленный позади, теперь был узок, пуст и темен. Джеймсон, насколько позволял увидеть скафандр, был рыжеволосым и очень высоким — каким его запомнил Ларс, когда смотрел на этого великана глазами Джеменки Багази. Джеймсон оглядел испуганных пленников: «Мы собираемся забрать вас отсюда, но прежде нужно сделать еще одну работу. Как пройти к этим проклятым промывающим мозги машинам? Они должны быть как раз где-то здесь».

«Но как вы узнали о...» «Подождите, сейчас не до вопросов!» Наксос уже указывал на нужную дверь.

В считанные секунды была установлена пластиковая взрывчатка, а люди нырнули в укрытие

Когда берсеркер возводил эту дверь, он явно не рассчитывал, что ее будут штурмовать подобным образом Один небольшой заряд сделал свое дело. На этот раз падения давления воздуха не было. Очевидно, в помещениях с зондирующей мозг аппаратурой воздух находился постоянно. Джеймсон и пятерка из его команды ворвались во внутрь.

Ларс ждал, что вот-вот выскочат муравьинообразные аппараты и перебьют беззащитных узников, а потом набросятся на штурмовой отряд Адаманта. Но никакого вторжения не последовало. Машины сопровождения, видимо, были заняты, подумал Ларс к примеру, какими-нибудь ремонтными работами...

Через несколько секунд в проеме тоннеля появился Джеймсон и спросил, не знают ли узники, где находится центральный компьютер. Он предположил, что центральный мозг базы, скорее всего, располагается где-то недалеко от комнат со сканерами. Но есть опасность напороться на мины-ловушки: «Нам сказали, что лучше всего добраться до центрального компьютера из пещеры пленников и аппаратного зала, где заключенных заставляли работать»

«Сказал? Кто? Как вы узнали, где мы находимся? И откуда вам известно, где центральный компьютер?»

«Мы умеем собирать информацию по крупицам. А ваши толстые дружки не теряли времени понапрасну»,— Джеймсон кивнул в сторону Кампанов. «Они постоянно держали нас в курсе событий».

Все Кампаны из своей комнаты смотрели на Ларса.

При их виде ему безумно захотелось распевать всякие дурацкие стишки. Какую-нибудь ерунду о том, что «ни один кастрат никогда не пел так чисто» Он не имел ни малейшего представления, откуда всплыла эта строчка

Джеймсон опять вернулся в тоннель за взорванной дверью, присоединившись к своим вооруженным товарищам Оттуда донесся грохот еще одного взрыва и более глухой шум перестрелки с применением оружия, не расходующего свою энергию на звук.

«Боже, как они вообще могли здесь приземлиться?» Дороти передернула плечами, как будто ее возмущала сама мысль о таком безрассудном смельчаке.

«Если это была внезапная атака и они не знали, куда идти, то добраться до мозга означало бы вырубить всю базу!»

Перед уходом Джеймсон и его люди оставили целый пакет взрывчатки. Пока его товарищи давали волю своим эмоциям, Ларс напряженно, не отрывая глаз, смотрел на этот пакет. Теперь, подумал он, теперь один из нас... Больше всего он боялся взглянуть на Пат.

Но не Пат, а Опава сделал движение в ту сторону. Этот мягкий спокойный человек выхватил из внутреннего кармана комбинезона спрятанный пистолет и направил его на мешок со взрывчаткой, чтобы взрывом обрушить потолок тоннеля на Джеймсона и его товарищей и тем самым спасти своего хозяина и господина.

«Пистолет! Он — «good life»! Они оставили ему пистолет...»

Первый выстрел прошел мимо, зацепив скалу, так как Ларс ударил Опаву по руке. Они схватились и начали кататься по полу, пока кто-то сзади не стукнул Опаву осколком скальной породы, что вывалился из тоннеля. Наксос (это был он) нанес еще один, более сильный удар.

«Проклятый... «good life»!» — Более непристойного ругательства нельзя было придумать.

Ларс посмотрел на Пат. Одна лишь мысль заполнила сейчас все: слава Богу, это была не она!

Они едва успели обменяться взглядами. Из тоннеля снова появился Джеймсон, с одним или двумя людьми. В руках еще дымилось оружие.

Хриплым, срывающимся голосом Джеймсон сообщил, что попытка подорвать мозг берсеркера не удалась. В последний момент боевые машины берсеркера перешли в контрнаступление и сдержали прорыв. Один из его людей выстрелил в тоннель, когда там появилась машина сопровождения. Ларс схватил Пат за руку. Вместе они бросились в коридор, где располагались их крошечные камеры, пытаясь найти укрытие.

* * *

Впрочем, спрятаться здесь было негде. Они сидели, скорчившись, в его келье, когда в дверном проеме появилась странная фигура. Она напомнила Ларсу машину сопровождения, только другой, не похожей на предыдущие, модели. Было видно, что машина побывала в боях.

Ларс прицелился в нее из маленького пистолета, отобранного у Опавы. Конечно, он сделал это, совершенно не надеясь, что берсеркеры снабдили любимца — человека-«good life» — оружием, способным причинить им вред.

Машина обратилась к нему человеческим голосом, живой тембр которого не спутаешь ни с чем: «Ларс, программа Реморы...»

Его палец на предохранителе дрогнул и ослаб. Все еще не отпуская руку Пат, он встал на ноги: «Что нам делать?» Он снова почувствовал падение давления; или где-то утечка, или, наконец, мозг берсеркера решил отрезать их систему жизнеобеспечения. Пат молчала, словно экономила дыхание.

Появился двойник странной машины с парой космических скафандров, которые он кинул людям под ноги и сказал: «Поторопитесь!».

Прилаживая на себя скафандр, Ларс прошелся по короткому коридору от кельи до кельи, нашел Наксоса и Дороти Тотонак и в двух словах объяснил им, что они должны подчиняться этим новым механизмам. Оба землянина с изумлением повиновались, когда машины бросили перед ними космические костюмы. На них было написано: «Оборонная Служба Чанниты». Чаннита... Интересно, где это? У Ларса было чувство, что он должен знать...

«Стоять!» — В дальнем конце короткого коридора появился Джеймсон и навел на машины, что принесли скафандры, свое оружие.

«Нет!» — закричал Ларс. Успев облачиться только наполовину, он неловко запрыгал навстречу командующему Адаманта, чтобы остановить его и внезапно понял, что у него есть подмога. Откуда ни возьмись, появились Кампаны — некоторые тоже были в скафандрах. Они окружили Джеймсона и как-то уговорили опустить оружие.

Джеймсон и единственный оставшийся в живых, но тяжело раненный член его команды, присоединились к группе пленных землян и Кампанов, которые снова были выведены из их подземелья под открытое небо. Сейчас оно словно взбесилось от полыхавших фейерверков военной атаки. Бело-голубой солнечный свет казался более тусклым из-за загрязнения ближайшего пространства осколками снарядов и машин.

Новые машины сопровождения ввели узников в один

из самых крупных занятых ремонтных доков, а затем — внутрь невероятно огромного берсеркера-монстра, большая часть корпуса которого находилась в глубокой яме ниже уровня поверхности планеты. Гигантский берсеркер имел значительные повреждения, вокруг него энергично работали машины-ремонтники: накладывали заплатки, заряжали орудия.

Чтобы попасть в его чрево, пришлось проделать долгий и опасный путь под небом, все еще безмолвно полыхавшим зарницами не такой уж далекой войны.

Оказавшись внутри громадной машины, люди услышали хриплый человеческий голос, раздавшийся сразу со всех сторон: «Канакуру, ты здесь? Очень хорошо. Это — Хилари Гейдж. Скажи им, кто я».

Казалось, что звук голоса распространяется в воздушной среде. Но Ларс предположил, что микрофоны его скафандра не в порядке. Он открыл шлем; воздух, ворвавшийся в легкие, был спертым, но вполне пригодным.

«Скажи им, кто я»,— снова повторил голос.— «И что я»,— добавил он.

«Я... не думаю, что я знаю».

«Ты должен знать. Кампаны сказали, что тебе поведали о том, как я попал сюда. Если...»

Теперь Кампаны, освобождаясь от шлемов и скафандров, окружили Ларса, как ранее они окружили Джеймсона. Каждый протягивал к нему руку.

Он почувствовал прикосновение. Много прикосновений. И не только плоти, но и мысли.

Эпизод, который был тайной, сообщение, которое следовало утаить, вставали в его сознании.

ПАДЕНИЕ КАПЛИ СЛЕЗЫ

Двумя милями выше плотный воздух планеты Гарвест разрядился до нормального земного давления. Небо было невероятно синего цвета, но этот необычный цвет все-таки был синим, и никаким иным. Дышать пока еще было нельзя, но в атмосфере присутствовал кислород — более десяти процентов. В видоискателе плывущей камеры эффектно смотрелась на фоне белых облаков одна из биологических фабрик. Камера показала огромный пуль-

сирующий шар в форме перевернутой капли слезы, с верхушки которого срывались уносимые ветром зеленые пузыри. С чувством гордости любовался видом Хилари Гейдж.

Это вовсе не означало, что когда-нибудь ему захочется попасть на Гарвест. Разноцветные осадки портили мелкие водоемы возле полюсов, что возникали из-за постоянных приливов и отливов. В зачаточной атмосфере плавало зеленое липкое вещество. Если оно опускалось слишком низко, то сгорало дотла. Планета была илистая и вязкая. Изменения происходили утомительно долго. Ошибки проявлялись через годы, а для их исправления требовались десятилетия.

Хилари Гейдж предпочитал внешнюю луну.

Когда-нибудь эта планета превратится в живой мир. Но даже тогда Хилари Гейдж не присоединится к колонистам. Хилари Гейдж был компьютерной программой.

* * *

Хилари Гейдж никогда бы не вызвался добровольцем для участия в проекте Гарвеста, если бы альтернативой не была смерть.

Смерть от старости.

Он был наслышан, что другие миры с подозрением относились к современным высокоразвитым компьютерам: они слишком походили на машины берсеркера. Только десятки тысяч миров были населены людьми. Со дня основания Чанниты берсеркеры для этого региона были не более, чем слухами. Хотя никто в действительности не сомневался в их существовании, но...

И все-таки для определенных целей было необыкновенно удобно использовать именно компьютеры, а для осуществления некоторых проектов требовался искусственный интеллект.

Компьютер, конечно, не был истиным спасением. Хилари Гейдж давно должен был умереть. Возможно, его последние мысли были о бессмертной компьютерной программе.

Компьютер не был новым. Его программное обеспечение состояло ранее из двух отдельных личностей, которые затем изменили решение и попросили их стереть...

Гейдж мог это понять. В его файлах были заложены развлечения. Они всегда были на месте, когда он к ним обращался, начало и конец, как зримые воспоминания.

Игру в шахматы, немного поэзии можно было пережить, а как насчет детективного романа, или игры в футбол?

Гейдж создал свои собственные развлечения.

За последние десять дней он ни разу не обращался к своей поэме. Его удивляла и радовала собственная выдержка. Возможно, теперь он сможет посмотреть на нее свежим взглядом...?

Вот и неправда. Вся работа промелькнула перед ним в одно мгновенье. Было впечатление, будто он закончил ее читать всего долю секунды назад. То, что всегда было настоящим богатством Хилари — его безупречная память — становилось теперь помехой.

За последние годы поэма разрослась до размеров небольшого романа, но компьютерная память Гейджа могла воспринимать ее сразу целиком. Эта поэма представляла собой историю его жизни, его единственный бросок в ворота бессмертия. Поэма отличалась единством и гармоничностью — по крайней мере, ритм и размер были совершенны, но присутствовала ли в ней динамика? Чтение поэмы от начала до конца оказалось неожиданно трудным для Гейджа занятием. Ее следовало читать по строчкам, как это делали нормальные читатели, а не воспринимать всю целиком. Оценить течение...

«Ни один кастрат никогда не пел так чисто...» Хорошо, но не к месту. Он заменил строку на другую. Никакая процессорная программа в мире не могла быть настолько легкой! Измененная эмфаза заставила его играть дальше... И это его описание взорванного берсеркерами мира Гармонии теперь приобрело новый импульс.

Дни и годы страха и гнева. Когда-то в юности он сражался с людьми. Чаннита должна была защищать свою сферу влияния. Где-то были союзники и где-то существовали берсеркеры, но он знал о них только понаслышке до того дня, пока не увидел Гармонию. Мятежники Свободной Геи хорошо сделали, что бежали на Гармонию, благодаря им он попал туда и увидел «работу» берсеркеров.

Завоевать мир так трудно, и так легко разрушить его! После этого он уже не мог воевать с людьми.

Его высшие начальники могли бы уволить его. Но вместо этого он пошел на повышение, и его отправили исследовать оборонную систему Чанниты, направленную против берсеркеров.

Они, по-видимому, представляли, что это простая подготовка будущего проекта создания рабочих мест.

Для Гейджа это было все равно, что проехаться туристом за счет правительства. В последующие сорок лет он ни разу не видел живого... то есть активного берсеркера, но путешествуя в мирах, где берсеркеры были реальностью, а не слухом, он, похоже, знал о них слишком много. Они могли иметь любые размеры и формы. Здесь они носились во времени. Там они передвигались в образе и подобии человека, который внезапно ощетинивался ножами и ружьями. Машины можно было разрушить, но никогда нельзя было внушить им страх.

Но пришел день, когда его подавил собственный страх. Гейдж потерял способность принимать решения... обо всем этом было написано здесь, в поэме. А удалось ли это передать? Он не чувствовал. Поэт во что бы то ни стало должен иметь железы внутренней секреции!

Он не был уверен, но побоялся вмешиваться дальше. Что касается формы, все было отлично. Его поэзия, наверное, слишком механическая...

Может быть, он сумеет кому-то дать прочитать поэму?..

Этот шанс может наступить неожиданно быстро. Своим периферическим чутьем он уловил на фоне космического шелеста какие-то пульсации на микроволне 2, 7 — электрошок от космического корабля, приближающегося со сверхсветовой скоростью со стороны Чанниты. Неожиданный ревизор из родного мира? Хилари записал в память измененный фрагмент поэмы и сосредоточился на сигнале.

Слишком медленный! Слишком сильный! Слишком далекий! Масса 10 в двенадцатой степени граммов — даже колоссальный источник питания едва удерживал объект в возбужденном до сверхсветовой скорости состоянии в почти однообразном пространстве между звездами. Он находился на расстоянии многих световых лет, и ему оставалось проползти своим изнуряющим черепашьим шагом еще несколько дней пути; но уже он затмевал звезду Чанниты, и это испугало Гейджа.

Берсеркер.

Его сигнальный код можно было бы выразить как вспышку последовательности битов 100101101110, как пароль с элементами описания, но не как имя или звук.

100101101110 имел три идентичных мозга и рефлекс, позволяющий действовать при консенсусе двух из них. В битве он мог потерять один или два, но так и не почув-

ствовать изменения. Столетие назад он был фабрикой, вспомогательным военным истребителем и комплексом машин для рудниковых работ на металлическом астероиде. Теперь эта тройка представляла единство. На следующей ремонтной станции три разных мозга должны были поместить в три отдельных корабля. То, что останется, должно было подвергнуться перепрограммированию, уничтожению или подключению к другой машине. Еще он мог быть разобран на комплектующие с какой-то иной целью — все равно в таком виде он уже не мог бы существовать. Названия этому состоянию нет.

Возможно, он дремал. Вселенная вокруг представлялась простой, но в ней иногда встречались энергетические течения — приходилось корректировать курс, чтобы до него доходили приказы. Приказ могла отдать жизнь или берсеркер.

Масса приближающейся звезды искривила пространство. Когда оно стало слишком изогнутым, 100101101110 пришел в состояние сверхскоростного возбуждения. Его скорость упала до одной десятой скорости света, и 100101101110 продолжал торможение дальше. Теперь он не дремал.

С расстояния в миллионы километров жизнь представляется в виде зеленых, оранжевых или фиолетовых полос спектра. С расстояния в сотни километров можно уже уловить многочисленные разнообразные излучения, испускаемые пучками живых нервов. Но необходимость подходить так близко наступала очень редко. Гораздо проще оставаться где-нибудь возле звезды, в полной боевой готовности и искать в спектре кислородного мира полоску, соответствующую температуре жидкой воды. Кислород и означал жизнь.

Там.

Иногда жизнь защищала себя. До сих пор 100101101110 никогда не подвергался атакам. Но жизнь обладала разумом. Пока берсеркер осматривался, он оставался в состоянии боевой готовности номер один.

Голубая точка с булавочную головку имела еще более крошечные луны: большую — на значительном расстоянии, и поменьше, которая находилась слишком близко, отчего приливы придали ей форму капли.

Размер большей луны был неподходящим даже для 100101101110. Меньшая, массой 4 на 10 в пятнадцатой степени граммов, будет как раз то, что надо. Берсеркер-крепость двинулся к ней, обострив восприятие до предела.

Хилари Гейдж не представлял, чего можно было ожидать.

Когда он был моложе, когда он был человеком, он построил для Чанниты оборонные сооружения, защищавшие от берсеркеров. За те четыреста тридцать лет, что Чаннита была колонией, берсеркеры ни разу не появились в ее пределах. Хилари много путешествовал. Он видел разоренные миры и разрушенные обгоревшие берсеркеры; он собирал и изучал записи людей, которые сражались и победили машину-убийцу; записей проигравших у него не было.

Его заботил Гарвест. Он просил, чтобы мониторную станцию уничтожили. Не потому, что программа (в то время, Сингх) могла восстать. Гейдж боялся, что на Гарвест могут прийти берсеркеры, могут найти мониторную станцию, могут разобрать компьютер по частям и обнаружить, что эти части превосходят их собственные.

Над ним посмеялись. Когда Сингх подал прошение, чтобы его индивидуальность была уничтожена, Гейдж снова обратился со своей просьбой. На этот раз его опять загрузили бессмысленной надуманной работой: найти способ, как обезопасить ситуацию.

Он пытался. Он создал субпрограмму Реморы, но ее следовало сделать универсальной! Удар обрушился раньше, чем была завершена программа, полностью удовлетворявшая Гейджа. Оружия на внешней луне не было никакого.

Берсеркер пришел.

Зверь был ранен. Его корпус ужасающей толщины был пробит. Никаких тонкостей и загадок в этой толстостенной массе не было, ее единственное назначение заключалось в том, чтобы сдерживать мощь атак. Тогда Гейдж спросил себя, не получил ли аппарат это повреждение на Чанните. Он бы узнал больше, если бы позволил себе воспользоваться радаром или лучом нейтрино, но ограничился пассивными инструментами, включая телескоп.

Двухсотлетний проект был завершен. Теперь берсеркер будет уничтожать все виды жизни, вплоть до микробов в воде и воздухе Гарвеста. Гейдж приготовился посмотреть, как будет умирать планета. Он попытался представить себе, что, когда все будет готово, у крепости не останется ни оружия, ни энергии, и она превратится в легкую добычу для любого охотника, станет доступной военным кораблям людей... Но на мониторной стан-

ции луны не было никакого оружия. Поэтому Хилари Гейдж мог только записывать события для архивов Чанниты.

Существовали ли те архивы до сих пор? А может быть, эта штуковина уже побывала на Чанните? Узнать об этом не было никакой возможности.

Что сделал берсеркер, когда цель не ответила ему огнем? Два столетия назад Гарвест был безжизненной планетой с редеющей атмосферой, какой когда-то была сама Земля. Теперь жизнь брала свое. Для берсеркера этот шар разноцветной слизи и осадков был жизнью, то есть врагом. Он непременно нападет. Но как?

Ему не нужно было привлекать внимание берсеркера к себе. Несомненно, машина чуяла жизнь... но Гейдж не был живым. Будет ли он уничтожать беспорядочно разбросанную технику? Гейдж не был спрятан, но он не использовал много энергии: солнечных пластин было достаточно, чтобы станция работала.

Берсеркер совершал посадку на Капле Слезы.

Шло время. Гейдж наблюдал. Теперь двигатели берсеркера изрыгали голубое пламя.

Берсеркер не расходовал горючее, его моторы питались за счет энергии самого космоса. Но что он там пытался завершить?..

Потом Хилари понял умом и нутром почувствовал: берсеркер не расходовал свою собственную энергию. Он нашел оружие в *самой природе*.

Фиолетовая звезда распустила веер вдоль орбиты Капли Слезы. Надежно сидящий на астероиде берсеркер, чья масса всего в три тысячи раз была меньше массы спутника, развил усилие, в шестьдесят раз превышающее силу гравитации, тем самым замедляя движение Капли Слезы на 0,02 G в час.

Труд на целое столетие. Он должен рискнуть, сыграв — Гарвест против него самого... Полусформированный мир против компонентов для ремонта поврежденного берсеркера.

Прежде, чем записаться самому, он изучил записи предыдущих сообщений берсеркера. В компьютере уже содержались подобные сведения.

Тут были даны частоты и коды: ориентиры звезд и миров, данные о запасах топлива, массы и энергии, описание степени поражения, опасные ситуации, очередности целей по степени важности, специальные термины для

описания тайного вооружения, применяемого жизнью для самозащиты, код перевода на язык людей или союзников, упрощенный код для берсеркера с серьезными повреждениями мозга.

Гейдж отбросил прочь свое оригинальное намерение. Он совершенно не мог выступить в роли берсеркера. Смешно, но он перестал бояться. Органов внутренней секреции у него уже не было, но человеку так свойственно испытывать страх... неужели и это тоже потеряно? Орбита Капли Слезы сужалась, затягиваясь, как аркан. Выступить, как кто-то еще! Обдумать все хорошенько. Ему нужен был не только голос. Пульс, дыхание: у него были соответствующие записи. Вице-президент Керли Барнес попрощалась с ним перед тысячью репортеров, когда Гейдж стал уже записью, и ее речь находилась здесь, в его банках памяти. Жесткая старая леди, Керли была слишком надменной, чтобы быть похожей на «good life», но он бы использовал свой собственный словарь... не забыть об этом. А как насчет техника, который болтал с ним, пока проверял свои рефлексы? Анжело Карсон был старым заядлым курильщиком, которому было уже слишком поздно чистить легкие. Глубокие хрипы в них — как раз то, что сейчас нужно!

Он настроил свой мазер и, пока размышлял, прослушал хриплое дыхание. Что еще? Может быть, картинка? Лучше обойтись без нее. Не забывать останавливаться, чтобы вздохнуть, когда говоришь. Сначала вдох, потом выдох.

«Это «good life» говорит за лунную крепость. Лунная крепость имеет повреждения».

Веер света, исходящий от Капли Слезы, не шевельнулся, и ответ не пришел.

Записи были старые, они были гораздо старше Гейджа-человека, гораздо старше Гейджа в его новом нынешнем состоянии. Другой интеллект, даже два разных интеллекта когда-то управляли этой компьютерной системой. Гольдштейн и Сингх были престарелыми людьми, почтенными гражданами, которые предпочли смерти такое существование. Хотя потом оба попросились быть стертыми. Гейдж пробыл компьютером уже восемнадцать лет. Может быть, он использовал вышедший из употребления компьютерный язык?

Нет, это глупо. Никакой код не может быть для берсеркера устаревшим. Некоторые из них не бывают на ремонтных станциях столетиями. Им нужно как-то об-

щаться... Была ли эта штуковина думающей? Конечно, повсюду были станции по обслуживанию берсеркеров, но многие из них продолжали участвовать в военных действиях до полного истощения или разрушения. Военные силы Чанниты никогда не отличались надежностью.

Попробуй снова. Только постарайся показаться как можно равнодушнее. Это — не мыльная опера. «Good life»-люди — приспешники берсеркеров — несомненно, научены подавлять свои эмоции. А, может быть, у него не очень хорошо получается их имитировать... «Говорит «good life». Крепость луны...» — очень красивая фраза получилась! — «крепость луны имеет повреждения. Все передающие устройства вышли из строя в сражении с... Альбионом». Выдох. Вдох.— «Крепость луны хранит информацию, касающуюся оборонительных сооружений Альбиона». Альбион был его сиюминутной импровизацией. Его воображение зацепилось за звезду желтого карлика с семейством из четырех мертвых планет, что находилась позади, если смотреть в сторону Чанниты. Берсеркер пришел со стороны Чанниты и ни о чем не догадается. Теперь задержать дыхание Анжело-курильщика и продолжить: «Система жизнеобеспечения повреждена. «Good life» умирает». Он хотел добавить: «пожалуйста, ответь»,— но передумал. «Good life» не стал бы просить, не так ли? И у Гейджа была гордость.

Он снова повторил. «Я...» — (теперь — сделать глотательное движение) — ««Good life» умирает. Крепость луны нема. Передающее оборудование вышло из строя, моторы не работают, система жизнеобеспечения пострадала. Странствующая крепость должна снять информацию непосредственно с компьютерной системы крепости луны. Выдох — (только послушай этот свист, бедняга сукин сын, и впрямь умирает!) — вдох: «Если странствующую крепость интересует еще и незаписанная информация, он должен захватить с собой кислород для «good life». «Это, по мнению Гейджа, должно было дать нужное ощущение: просьба без выпрашивания.

В его приемном устройстве послышалось: «Закончу миссию и жди рандеву».

Гейдж вскипел... и ответил: «Понятно». Для планеты Гарвест это означало смерть. Дьявол, это должно было сработать! Но у берсеркера приоритеты определены четко, «good life» не может спорить.

Сумел ли Гейдж обдурить его? Если нет, значит, он ничего не знает о берсеркерах. Чаннита никогда его не

увидит: Гейдж умрет. Превратится в горстку пепла или распадется на части.

Когда свет, испускаемый двигателями крепости, сошел почти на нет, Капля Слезы, сияющая сама по себе, уже входила в атмосферу Гарвеста. Камеры вздрогнули от воздушной волны и начали выходить из строя одна за одной. Белая вспышка, запечатленная последней из них, превратилась в фиолетовую черноту... вот и ее не стало...

Крепость, гребнем вздымавшаяся на Капле Слезы, сделала резкий разворот и ушла по кривой в направлении к внешней луне, навстречу Гейджу. У берсеркера были мощнейшие двигатели. Он будет здесь уже через шесть часов, подумал Гейдж. Он начал имитировать тяжелое прерывистое дыхание и стон: «Good life» умирает. Уже мертв. Крепость луны сохранила информацию в памяти... жизнь сама себя защищает... место Альбион, координаты...» Установилась тишина.

Капля Слезы теперь находилась по другую сторону Гарвеста, но ее сияние окутало планету кольцом белого пламени. Свечение ярко вспыхнуло и начало меркнуть. Гейдж видел, как ударная волна разорвала атмосферу в клочья. Кора планеты раскололась, и выступила лава; набежавшая океанская волна накрыла расселину. Почти сразу Гарвест превратился в белую жемчужину. Еще до того, как завершится этот день, океаны Гарвеста станут водяным паром.

Берсеркер прислал сообщение: «"Good life", отвечай или будешь наказан. Назови координаты Альбиона».

Но Гейдж уже оставил карьеру продажной шкуры. Берсеркер не обнаружит жизни на лунной базе. Бедняга «good life», преданный до последнего вздоха.

100101101110 имел свое собственное мнение о «good life». Опыт подсказывал, что «good life» всегда оставался верным себе: он часто поступал плохо, становился опасным. Но от него всегда при случае можно будет избавиться. Только не сейчас.

Техника и записи — это совершенно другое. Пока берсеркер приближался к луне, его телескопы изучали детали пойманной в ловушку машины. Телескопы разглядели груды лунной породы, насыпанные в виде купола. Сенсорные датчики проникли внутрь. Техника занимала почти все пространство, что он мог видеть. Для системы жизнеобеспечения места было маловато — скорее ящик, а не комната, и немного воздуха в запасе, и трубопровод,

чтобы робот или человек могли осуществлять ремонтные работы. Никаких признаков ходовой части не было, так же как и брошенных обломков. Гипотеза: один из этих кратеров и был местом катастрофы; калека спрятал свой мозг или что-то еще из того, что сохранилось, в эту построенную органической жизнью установку.

Что-либо ценное из памяти «good life», если таковое и имелось, теперь было утрачено. Но, может быть, память «крепости луны» уцелела? Она должна содержать сведения о типе жизни в этом районе. А ее информация о технологии защиты, применяемой здешней жизнью, могла оказаться просто бесценной.

Гипотеза: это западня. Не было никакой лунной крепости, только человеческий голос. Берсеркер приближался с опущенными щитами и включенными двигателями. Чем ближе он подходил, тем быстрее мог увернуться и скрыться за горизонтом... но он не замечал ничего, что хоть отдаленно напоминало бы оружие. В любом случае берсеркеру не возбранялось уничтожить саму планету. На ней не было ничего, что могло бы ему угрожать. Тем не менее он оставался начеку.

На расстоянии ста километров он еще не обнаружил никаких признаков жизни. Пятидесяти километров — тоже.

Берсеркер приземлился в районе кучи лунной породы, которую «good life» называл «крепостью луны». Машина не стала утруждать себя операцией по спасению. То, что уцелело от поврежденного берсеркера, еще послужит здравствующему. Итак, нужно вытянуть кабель, найти мозг...

Что ж, он приземлился, а страха так и не было. Раньше Гейдж видел обломки, но никогда не видел целого и невредимого берсеркера. Гейдж не осмелился применить никакой лучевой сканер. Но он свободно мог использовать свои органы чувств, например, глаза. Он увидел выбирающийся из берсеркера транспортный аппарат, с кабелем направляющийся прямо к нему.

Это было похоже на сон. Ни страха, ни гнева. Ненависть — да, но как абстрактное чувство и абстрактная жажда мести... что, конечно, было нелепо, ведь чувство мести всегда казалось нелепым. Ненавидеть берсеркера было все равно, что ненавидеть сломавшийся воздушный кондиционер.

Потом зонд проник в его мозг.

Образ мыслей был странным. Здесь они были острыми и основательными, здесь они были сложными и размытыми. Может, это был старый образец с устаревшей моделью данных? А, может быть, мозг был поврежден или модели спутаны? Сигнал сброса памяти; нужно посмотреть, что поддается восстановлению.

Гейдж почувствовал контакт, обратную связь, как свои собственные мысли. То, что последовало дальше, уже не подчинялось его контролю. Рефлекс приказал ему бороться! В его мозгу поднялся ужас и импульсы, совершенно запрещенные традицией, образованием — всем тем, что делает человека человеком.

Наверное, то, что с ним происходило, было похоже на изнасилование, но как мужчина мог это определить? Ему хотелось закричать. Но он запустил программу Реморы и понял, что она пошла. Внутри берсеркера он почувствовал реакцию берсеркера на Гейджа.

Он победно воскликнул: «Я лгал! Я — не «good life»! Я — «...»

Плазма на релятивистской скорости пронзила Гейджа. Связи были обрезаны, он стал глух и слеп. Следующий удар уничтожил его мозг, и Гейджа не стало.

Что-то случилось. Один из комплексов берсеркера заболел, он умирал... изменялся, становился уродливым. Берсеркер почувствовал в самом себе зло и отреагировал. Плазменная пушка, уничтожившая «крепость луны», развернулась и прицелилась в него самого. Нужно выстрелить в себя и уничтожить больной мозг, пока еще не слишком поздно.

Но уже было поздно. Рефлекс сработал: три мозга консультировались перед принятием любого важного решения. Если один был поражен, точка зрения двух других брала верх.

Три мозга посоветовались, и орудие отвернулось.

Кто я? Хилари Гейдж. В течение жизни я сражался с берсеркерами; но тебе я оставлю жизнь. И выслушай, что я сделал с тобой. По правде говоря, я не ожидал, что у меня будут слушатели. Три дополнительные головы? Мы сами иногда применяем этот способ.

Я — не живое существо. Я — не «good life». Я — запись памяти и сознания Хилари Гейджа. Я руководил проектом. Формирования планеты, а ты сгубил его и ответишь за это.

У меня было ощущение, словно я клялся отомстить своему воздушному кондиционеру. Все правильно: если мой кондиционер предал меня, почему бы и нет?

Шанс, что Гарвест привлечет внимание берсеркера, существовал всегда. Моя запись была сделана вместе с программой, которую мы называем «программой Реморы». Я не был уверен, что она сработает с незнакомым типом оборудования. Но ты сам решил этот вопрос, потому что на протяжении тысячелетий берсеркеру приходилось приспосабливаться к изменениям и модификациям внешнего облика.

Я рад, что мне дали сознательный контроль над программой Реморы. Две из твоих голов теперь — это я. Третий мозг я оставил нетронутым. Ты будешь давать мне информацию для управления этой... грудой железа. Ты сейчас в плачевном состоянии, если я не ошибаюсь. Чаннита, должно быть, немного потрепала тебя. Ты ведь пришел с Чанниты?

Бог проклял тебя! Тебе придется пожалеть об этом. Ты сейчас едва в состоянии достичь ближайшей ремонтной базы берсеркера, а ведь мы могли бы попасть туда без проблем, правда? Где она?

Ага...

Прекрасно. В путь! Я собираюсь записать в твою память поэму. Я не хочу, чтобы она была утрачена. Нет, нет и нет — расслабься, машина смерти, и наслаждайся, пока я буду читать. Тебе она должна понравиться. Тебе нравится *пролитая кровь? Я прожил кровавую жизнь...*

БАЗА БЕРСЕРКЕРА

«...это — не берсеркер. Нет...»

«Что?» — вопрошающее лицо Наксоса, склонившееся над Ларсом, было первое, что он увидел, когда обрел способность воспринимать окружающий мир. Ларс был распростерт на спине, но теперь над ним хлопотали не берсеркеры. Наксос и Дороти Тотонак держали его руки, и над всеми ими словно парила Пат.

Ларс повторил то, что он только что открыл: «Он — не берсеркер. Эта машина, что несет нас». В том, что она их несла, сомнения быть не могло: искусственная гравитация в космическом пространстве была очень неустой-

чивой, так что тело Ларса слегка отрывалось от пола с людьми, которые пытались его удерживать. Для Ларса, слишком хорошо представлявшего, как сильно было повреждено их транспортное средство, ощущение было жутковатым.

«Ты сошел с ума»,— спокойно сказал ему Наксос.

«Вовсе нет. Он был берсеркером раньше, но не сейчас. Я потом расскажу вам подробнее».— Ларс повысил голос.— «Гейдж, скажи этим людям что-нибудь успокаивающее».

Из динамиков откуда-то поблизости раздался хриплый свистящий голос: «Сейчас я занят, но постараюсь придумать что-нибудь, а вы тем временем наденьте скафандры». Ларс, уже наполовину снявший свой, снова надел его и застегнул.

Голос Гейджа, звучавший совсем по-земному (фактически это и была запись человеческого голоса), продолжал: «Я собираюсь открыть для вас дверь; думаю, что вы будете в большей безопасности, если войдете».

Соседний люк открылся. Ларс двинулся первым. Другие, несколько помешкав, скользнули следом, словно боялись остаться одни. Там было небольшое помещение, едва вмещающее всех — камера, имеющаяся почти у всех берсеркеров для «good life» и случайных пленников, которых машина считает полезными.

Люди, ожидавшие увидеть здесь своего властелина, в недоумении огляделись.

Пат легонько ткнула Ларса локтем: «Если он — человек, то где же он?»

«В записи. Он — компьютерная программа».

Она в недоумении захлопала глазами. Не сразу, но до нее дошло: «Боже...»

«Но когда-то он был человеком, он и сейчас сочиняет стихи. Кампаны и их наиболее одаренные союзники смогли телепатическим путем общаться с Гейджем через стихи. Они пытались связать его непосредственно со мной, но это чуть не свело меня с ума...»

Снова раздался лишенный плоти голос Гейджа, который сжато объяснил им, как удалось устроить их побег. Его приземлению на базе никто не помешал. Центральный мозг базы берсеркера был слишком занят решением тактических задач, чтобы детально исследовать этот странный израненный в битвах комплекс, хотя в другом случае он непременно занялся бы этим. Он также не заметил, что необходимые для телепатических сеансов узники

тайно похищены. Своим третьим мозгом, который по сути был мозгом берсеркера, Гейдж приказал ремонтной бригаде осуществить наиболее срочные восстановительные работы и подготовить его для полета, что и было сделано...

Наступила короткая пауза, был слышен гул отдаленных голосов — разных, но определенно человеческих. Местная радиосеть была настроена Хилари Гейджем на связь с бывшей тюрьмой беглецов.

Из разговоров и доносящихся звуков следовало, что флот Адаманта и его союзники проводили массированную атаку базы берсеркера. Джеймсон приободрил всех и дал некоторые объяснения о причинах этого штурма: «Есть такой народ, называется Котаботы. Они считают, что Адамант несет ответственность за все, что происходит во Вселенной. Они живут на скалистой планете — вы, вероятно, никогда не слышали о таком названии — «Ботеа»...»

«Вот как!»

«...— они вдруг начали жаловаться нам, что их мучают ночные кошмары и прочая чертовщина. Странные плохие сны о людях, которые зумарованы в скалу...»

«Ох»,— вздохнул Ларс.

«Но это повлекло за собой другое. Ваши толстые дружки Кампаны, как я уже говорил, тоже начали посылать многочисленные просьбы о помощи. Мы очень хотели найти эту базу и были почти у цели, когда встретили два других флота, с теми же намерениями. Один — настоящая армада от Адама. Второй, почти такой же по мощности, из Нгуни. Их поддерживали многие другие миры неземного происхождения — мы объединили усилия. В противном случае мы бы повернули назад, когда увидели б эту базу».

Пространство вокруг них вздрагивало, пронзаемое энергетическими лучами, и сотрясалось от разрывов снарядов и ракет, тучами выпускаемых армадой кораблей, скопившихся над базой, и от ответных ударов самой базы. Мощь освобождаемой при этом энергии ощущалась во всем.

Пат спросила: «А что сейчас делают Кампаны?»

«У меня такое ощущение, что они изо всех сил стараются отвлечь внимание штурмующих кораблей от этого берсеркера».

Она вздрогнула. По-видимому, этот ответ был для нее неожиданностью.

Поблизости полыхнула ослепительная вспышка, и все содрогнулось. В тюремной клетке, где находились узники, не было экранов, чтобы наблюдать за ходом сражения, но Ларс вспомнил, что однажды уже испытал нечто похожее на эту вспышку и взрыв. Но не на собственном опыте. «Куиб-куиб»,— проговорил он.

«Что такое «Куиб-куиб»?»

«Это другая история, которую я когда-нибудь расскажу тебе».— Ларс подумал, успел ли последний во Вселенной Куиб-куиб создать и наладить производство себе подобных до того, как совершил свой последний полет камикадзе. И решил, что да, успел.

Постепенно взрывы и грохот, раздававшиеся в пространстве, стали менее ощутимы. Гейдж, слишком израненный для участия в сражении, сделал все от него зависящее, чтобы избежать столкновения с врагом. Малопомалу Ларс стал верить в то, что все они сумеют выжить.

В тесном пространстве комнаты кто-то вдруг начал петь...

БЕРСЕРКЕР
«ГОЛУБАЯ СМЕРТЬ»

ГЛАВА 1

Как только раздались первые звуки свадебного марша, зазвучавшие из электронного органа, то сразу на сигнальном табло, расположенном на трехметровой высоте куполообразного зала, замигали ярко-оранжевые огоньки. Табло находилось в нижней части огромного светового купола и не увидеть сигналы тревоги было просто невозможно. Оранжевые огоньки на фоне ослепляющей белизны, переходящие в самые невероятные тона, казалось, заполнили все пространство за пределами купола. Это было потрясающее зрелище.

С первыми вспышками огоньков включилась и тревожная сирена, звук которой постепенно усиливался, дошел до пронзительного и это заглушило звуки свадебной мелодии. Музыка как бы захлебнулась и потонула в вое сирены.

Найлс Доминго — мэр Шубры выругался, слава богу, что про себя, вспомнив всех духов и святых, в которых сам не верил, но это еще не означало, что они не существуют. В конце концов в них верили другие — в отдаленных и изолированных колониях.

Он был в таком отчаянном состоянии, что ему стало казаться, что кошмары последней ночи становятся реальностью.

В момент, когда прозвучал сигнал тревожной сирены, Доминго стоял со своей дочерью на пороге входа в центральную часть куполообразного зала. Вначале дочь Мейми крепко сжала руку отца, испугавшись, затем отпустила ее, вслушиваясь в нарастающие звуки и пытаясь понять: что же это такое? Ей даже казалось, что отец своим присутствием мешает ей, отвлекает от чего-то важного.

Доминго почувствовал это — повернулся, заглянул в темно-карие глаза дочери, посмотрел на ее милое личико, похорошевшее от необычайно пышного, кружевного свадебного наряда.

Она ответила доверчивым взглядом, выражающим

полную уверенность в том, что отец для нее — главный и единственный человек, способный решить любую проблему — будь то проведение свадьбы или то, что происходило сейчас — сигнал сирены — тревога. Она уже привыкла во всем полагаться на отца, с ним ей не было страшно, тревожно. Была уверенность, что он защитит.

Но оба они имели единственное утешение и то понимали, что огоньки вокруг стенки не ярко-красные, а — оранжевые. Это означало меньшую опасность и говорило о том, что колонии Шубре пока не грозила неминуемая опасность нападения извне. Но, однако, необходимо было принимать какие-то ответные меры на сигналы тревоги, не откладывая это ни на секунду.

Выбора не было. Тем не менее целую минуту, все присутствующие в огромном зале, стояли в оцепенении, молча уставившись друг на друга.

Мэр Шубры — Доминго и его дочь стояли бок о бок на пороге зала для гостей, прибывающих на заселенную людьми планетойду по названию Шубра — спутника Солнца, не видимого с Земли. Через тридцать метров от них на другом конце прохода их ожидали священник и свидетели. И, конечно же, здесь был и сам жених — Гьюджар Сидорук. Он выглядел в это время еще более солидным, в свадебном костюме, и только капельки пота на лбу говорили о том, что он встревожен не меньше других. Гьюджар в недоумении смотрел на свою невесту и ее отца, как бы ожидая подсказки: как поступать дальше в подобных обстоятельствах?

Казалось, что первый момент тревоги затянулся, вой сирены звучал уже очень долго, бесконечно. Люди, собравшиеся на свадьбу, не знали, как вести себя и все их взоры были обращены также к Доминго.

Девять десятых населения заселенной планетойды, около двухсот человек, собрались в этом зале сегодня, а именно на свадьбу. К ним присоединилось два-три десятка гостей, прибывших из соседних заселенных колоний, находящихся на туманности Милкпейл.

Одни из гостей жили рядом на спутнике Шубры, не имеющем названия. Другим же, чтобы добраться на свадьбу пришлось провести в пути целый космический день, преодолевая полбиллиона километров через туманный космос.

Часть площади в огромном зале, где проходила свадебная церемония, занимал небольшой зимний сад. Тут были огромные, почти с деревья, необычные расте-

ния и совсем небольшие, типа травы... Постоянными жильцами этого сада были растения, привезенные когда-то с Земли, но в честь свадьбы сюда было доставлено и множество цветов с другой колонии — Ийркалы.

На Шубре, как и на большинстве других малых заселенных островах, вращающихся вокруг разных солнц на туманности Милкпейл, церемонии в открытом космосе проводились редко. Но в этом зале интерьер прямо-таки имитировал открытый космос.

Над головами гостей возвышался прозрачный, хрустальный купол, через который просвечивала и молочная белизна открытого космоса, и закатные тучи долгой, зимней ночи.

Последней ночью Доминго снились просто кошмары и все, связанные с космосом. Он понимал, что это были всего лишь сны взволнованного отца перед свадьбой дочери. Он не придавал этому особого значения, считая что все это пустяки — результат волнений, связанных с хлопотами последних дней. Но то, что происходило сейчас, даже отдаленно не напоминало о кошмарных снах, это была реальность и надо было принимать решение.

— Внимание! Все на свои посты! — воскликнул Доминго твердым, громким голосом, как только сигнал тревоги прервался. Если бы он не прекратился, то любое обращение стало бы невозможным. Вой сирены заглушал все остальное. И в наступившей почти могильной тишине, голос командира прозвучал, словно выстрел.

Пауза, вызванная минутным оцепенением, закончилась. Сомнения относительно дальнейших действий рассеялись. Даже до того, как прозвучало последнее слово команды майора, большинство из присутствующих бросились к своим дежурным постам, которые были разбросаны повсеместно.

Гости, прибывшие на свадьбу из соседних колоний, как и жители Шубры, привыкли к таким тревогам. Каждый из них знал свои обязанности, и без слов они бросились к кораблю, на котором и прибыли сюда.

Через некоторое время вой сирены повторился, но уже на более умеренном уровне. Пожав руку дочери, пытаясь поддержать ее этим, Доминго, не сказав ни слова, почти бегом бросился к кораблю. Он знал — настолько твердо, насколько может что-либо твердо знать человек — что обязан поговорить с дочерью, но только после того, как узнает причину этой проклятой тревоги. Он должен иметь, по крайней мере, один шанс, чтобы ее

успокоить прежде, чем улетит на своем корабле. Ведь в конце концов это была ее свадьба — событие по-своему уникальное.

Пробегая через такие знакомые коридоры своего собственного маленького мирка, вначале на наземном уровне, затем в подвальном, Доминго снял праздничный костюм, который обычай заставил его надеть поверх своей повседневной одежды в честь свадьбы дочери и, свернув его, сунул подмышку. А потом как-то сразу забыл об этом.

Он не сомневался, что пробежит весь путь до корабля без остановки. Колония была небольшой и ни ему, ни его друзьям не нужна было слишком долго бежать, чтобы добраться до своего поста.

Он бежал к рабочей палубе космопорта, тревожно вглядываясь вперед. Он бежал так быстро еще и для того, чтобы отвлечься от мучивших его мыслей. У него была одна дочь, и он просто был ошарашен тем, что свадьба чуть не сорвалась. «Боги ведь помогают кому-то. Вдруг все окажется шуткой?..— все, о чем он думал.

Но, если быть до конца честным, то такой поворот событий возможен, хотя и маловероятен. Но это уже из области юмора. А здесь, на границе, с юмором не расставались, порой единственное, что спасало вот в такие минуты. А может быть, это была ложная тревога 9... Или произошли какие-то недоразумения в караульной команде? А может сбои в оборудовании? Надежда теплилась в сердце, хотя он хорошо знал, что сбои и прочие ошибки случались здесь редко.

Ситуация была действительно необычной. Вряд ли, кто мог припомнить, чтобы такое случалось в момент, когда готовилось бракосочетание. А ведь это было не просто бракосочетание, а дочери — командира!

Причина тревоги должна была бы проясниться достаточно скоро и какова бы она ни была, никто, ни один колонист, живущий на туманности Милклейл, не имел право относиться к ней с пренебрежением или медлить в принятии ответных действий. Каждый, живущий на этой туманности, хорошо знал, что собой представляли берсеркеры.

Все вокруг превратилось в сплошную движущуюся массу. Наконец, вместе с другими бегущими к своим постам мужчинами и женщинами, Доминго влетел в большую скалистую пещеру космической гавани, где также мигали оранжевые огоньки. Через несколько минут май-

ор добежал до корабля «Сириан Пэрл», который дожидался его в боевой готовности. Это было сооружение из гладкого металла, скорее овальной формы, с общими размерами чуть превышающими огромный хрустальный зал, где проходила свадебная церемония и который он только что оставил. Тем не менее внутри гигантской выдолбленной пещеры космопорта корабль казался совсем маленьким.

«Пэрл», как и остальные находящиеся рядом, отреагировал на тревогу автоматически, изменяя собственный гравитационный баланс в достаточной степени, чтобы приподняться над пристанью и подготовиться к старту. Корабль, окрашенный под жемчуг, уже со всеми подключенными устройствами парил над палубой на высоте примерно одного метра.

Доминго знал, что компьютер на его корабле уже отсчитал все параметры, необходимые для предстартового режима и команда, которую может дать только человек, тогда корабль перейдет в пусковую фазу...

Майор всегда считался человеком энергичным и обладал огромной физической силой, хотя и не отличался крупным телосложением. Он подтянулся, влез в корабль через люк и через несколько минут занял свое командное кресло, установленное в небольшой полости. Тут размещался пульт управления. Это пространство было изолированно от других отсеков и кроме командира здесь могли разместиться еще только два человека.

Как только Доминго уселся, все кнопки и панели вокруг амортизированного кресла включились... Ручное же управление на пульте было дополнительным и предназначалось только для чрезвычайных обстоятельств.

Он потянулся за коричневым браслетом, висящим на тонком шнуре над его сидением, надел на голову и отрегулировал шлем, благодаря которому мог руководить всей системой корабля.

Теперь все приборы были настроены на определенные параметры электрической активности его мозга и просто мысленным приказом, что-то вроде телепатии, Доминго мог осуществлять прямое управление всеми бортовыми системами корабля. Он немедленно приступил к своим обязанностям и, не сделав ни одного физического движения, включил несколько устройств наблюдения на пульте прямо перед собой. На экране появилось голографическое изображение головы и плеч человека средних лет по имени Строцци. Это был постоян-

ный дежурный офицер в колонии и в данный момент он находился на защитном пункте, расположенном глубоко под землей. За его спиной виднелась стена из серого камня.

— Докладывайте! — приказал Доминго.

Строцци поспешно доложил командиру о том, что тревога была настоящей. Но это услышали и сотни людей, с неимоверным напряжением ожидающих: какой же будет развязка? Строцци добавил, что в настоящий момент Шубре не угрожает прямая опасность, иначе он включил бы красные огоньки.

– Тогда в чем дело? — спросил Доминго.

— Около пяти минут назад к нам прибыл робот-курьер из Лайоунинг,— ответил Строцци.

Это была другая планета ойда, заселенная землянами и принадлежащая этой же солнечной системе. Находилась она рядом, примерно, в двенадцати часах полета.

— В поступившем донесении сообщается, что они подвергаются нападению берсеркеров и им требуется немедленная помощь,— продолжал свой доклад Строцци.

— Какова мощность нападения?

— Только один корабль, но он превосходит защитные силы колонии.

Доминго выругался, в который раз проклиная почти забытых богов и полубогов. И решил собраться с мыслями.

Дежурный офицер чувствовалось после доклада расслабился. В такой неординарной ситуации продолжать разговор по стойке «смирно», но продолжал тоже нелегко:

— Они предполагают, что это Левиафан.

Когда прозучало это имя, все присутствующие и напряженно прислушивающиеся к беседе, выругались.

Доминго их, естественно не слышал, он был занят своими мыслями, пытаясь определить план дальнейших действий.

Строцци методично докладывал, сообщая, что наземные защитные системы Шубры уже производят радиолокационное обследование пространства в поиске какого-либо сообщения из Лайоунинг, однако, оттуда больше никаких сообщений не поступает.

Но это было уже и не столь важно. Когда речь идет о планетах, находящихся в туманности на таком расстоянии друг от друга, удивление вызывает скорее поступление радиоинформации, а не ее отсутствие. Пред-

почтительными на Милкпейле считались маленькие быстроходные роботы-курьеры, обеспечивающие тесную и надежную связь всех колоний, включая самые маленькие.

Строцци также доложил, что уже отправил робота-курьера из Шубры на базу Четыре-Двадцать пять, входящую в состав космических сил. с донесением о состоявшемся нападении и о планах Шубры ответить положительно на призыв о помощи. Нет сомнений, что скоро должен быть получен ответ с базы.

— Хорошо,— сказал Доминго и начал отдавать приказы.— Переключите наземную защиту на красную сигнализацию, Строцци. Дополнительную тревогу отключите! Я уверен, что все уже в боевой готовности.

— Да, сэр! — дежурный офицер нажал на кнопки.— Красная сигнализация вступила в действие.

Доминго посмотрел на другой дисплей внутри своего бронированного гнезда.

— Всем защитным кораблям Шубры подготовиться к отлету. Доложить мне, как только будете готовы. Мы отправляемся освобождать Лайоунинг. Всем гостям — доложить обстановку,— дал команду Доминго.

Теперь командир разделил свой пульт связи на два сектора и не одном из них, после вызова Доминго, появлялись голограммы гостей. Первым из них был Спэнс Бенкович, организовавший маленькую частную колонию на спутнике Шубры. Затем, появилась Елена Мосурил — глава *делегации, прибывшей из Да Гама* — большой планетойды из другой солнечной системы. Далее, появились пришельцы из Мунана и многие, многие другие, прилетевшие из различных больших и малых планетойд, расположенных от Шубры на расстоянии не далее, чем в один день космического путешествия.

Гости имели право выбора: они могли остаться, чтобы принять участие в защите Шубры, или присоединиться к команде Доминго, чтобы добавить огневую мощь своих кораблей для освобождения Лайоунинг. Но, как и предполагал Доминго, все они решили возвратиться домой, чтобы предупредить о случившемся близких. Он, на их месте, сделал бы то же самое. И он был рад, что гости быстро подготовились к отлету.

— Моя команда: «Сверяемся!».

Перед командиром на дисплее одна за другой появлялись, словно живые, голограммы знакомых лиц.

Экран вновь разделился на две части: на одной из

них воспроизводилась информация, в частности, относительно того, насколько каждый из кораблей Шубры готов к отправке.

— Чакушин на месте! — На экране появилось его жизнерадостное лицо, с импозантной бородой и белокурой шевелюрой. Это был большой, крепко сбитый молодой мужчина.

— Пойнсот на борту.— Генрик Пойнсот немного старше Чакушина и производил впечатление человека серьезного и делового.

— Я здесь, Найлс,— появилась Аполлина Суслова, привлекательная молодая женщина с большими глазами и пышной копной рыжих густых волос. На ней, как и на других членах команды, была смесь из праздничного наряда и наспех натянутого комбинезона.

— Искандер прибыл! — Это докладывал старый друг Доминго. Черноволосый, широкоплечий, всегда спокойный, медлительный и даже немножко ленивый, он, казалось, не воспринимал всерьез все эти рутинные подготовки к операции и был готов повеселиться над тем, что произойдет...

— Вильма на борту. Я прибыла сюда еще до тебя, Найлс! — Затем миловидная огневолосая жена Симеона Чакушина поправилась:

— Я имею в виду командира!

Теперь его команда была на борту. Корабль, так же как и остальные корабли, составляющие его эскадрон, были готовы. Но до сих пор не прозвучала окончательная тревога, оповещающая о сиюминутной опасности для Шубры.

Ни Строцци, Ни Меймио или кто-либо из других, находящихся в защитных отсеках, прошупывая ближайшее пространство самыми чуткими приборами, не сумели обнаружить хотя бы малейшую угрозу нападения берсеркеров на Шубру. Не смогли они получить какие-либо данные и о том, что может сейчас происходить или уже произошло в Лайоунинг.

Мощные детекторные поля защитного отсека проникали насколько возможно в беломолочную туманность, но в поле видимости не было ни одного берсеркера. За пределами нескольких сотен тысяч километров видимость была затруднена — туманность, как всегда, обеспечивала равный защитный покров как потенциальному нападавшему, так и жертве.

Один за другим все корабли эскадрона Доминго

доложили о своей готовности к пуску, но майор медлил с окончательной командой к отправке. Он хотел еще раз поговорить со своей дочерью и переключился на ее защитный пост — один из самых опасных, так как он был расположен близко к поверхности. Изображение Меймио тут же появилось на пульте и он увидел, что несмотря ни на что, она владеет собой и даже готова к действию. Она сбросила фату, которая совсем недавно украшала ее темные волосы, и успела одеть шлем. Белый воротничок подвенечного платья виднелся под бронированным скафандром, который инструкция предписывала надевать всем защитникам, находящимся неглубоко, рядом с поверхностью. За спиной дочери он увидел часть внутренней стенки небольшого блиндажа из камня и металла, на которой расположились такие же панели и пульты, что и на его корабле.

Он сказал мягко и быстро:

— Твой день еще наступит! Мы снова все устроим, дорогая!

— Я не расстроена, папа! — Это были мужественные слова, да другого он и не ожидал от дочери. Достаточно хорошо они знали друг друга. Да и ситуация обязывала к мужеству.

Они улыбнулись друг другу. Доминго добавил:

— Твоя мама...

— Что, папа? — улыбнулась Меймио в ответ.

— Ничего! — Что собирался он сказать? Что она гордилась бы дочерью? Изабель была совершенно иного характера, в этих обстоятельствах она была бы беспомощна, растерянна... Она не была создана для такой жизни. Меймио была покрепче и более приспособленной.

— Она держалась бы молодцом. Как и ты,— закончил он наконец, то что не досказал.

Его дочь кивнула головой.

Через минуту, когда все корабли отрапортовали боевую готовность, Доминго дал команду на быстрый подъем с гавани порта и бесшумный вылет в близлежащую защитную орбиту.

Для вылета в космос маленьким кораблям потребовалось всего лишь несколько секунд.

Шубра там, внизу, казалась очень маленькой. Так оно и было на самом деле. Она была не более двухсот километров в диаметре и выглядела необычайно белой, окутанной снежным слоем атмосферы, накопившейся за долгие годы искусственной гравитации.

На той стороне Шубры, где длился долгий день, работали сетки и уборочные машины, которые собирали и сортировали урожаи примитивной растительности, предназначенной для изготовления редких снадобьев. Некоторые из них отправлялись затем на далекие миры. Крупные уборочные машины были едва различимы с этой высоты. Небо было необычайно чистым. Вблизи не было видно ни небесных тел, ни солнц, ни звезд. Белое гигантское солнце, к системе которого принадлежала Шубра, и которое через повторное излучение в туманном пространстве питало несколько колоний, лишь косвенно просматривалось и едва угадывалось, благодаря белеющей и немного блестевшей полосе в вечном бледно-синем межпланетном тумане.

В этом молочно-белом пространстве для малых планет было обычным не знать настоящей темноты.

Крупные планеты не имели благоприятных условий для развития собственной жизни и считались непригодными для заселения землянами. В пределах Милкпейл такие миры существовали слишком кратко в масштабах астрономического или эволюционного времени.

Космические тела здесь, как и за пределами туманности, образовались в результате необычайно редких солнечных взрывов. В более плотных слоях туманности, как в случае с Шуброй, световое давление, исходящее от большинства типов солнц, было недостаточным для обеспечения чистого космического пространства, где могли бы образовываться стабильные и длительные планетные орбиты. Относительно плотная материя туманности, вторгаясь в солнечную систему, как в данном случае, вызывается быстрый износ планетарной орбиты, особенно у крупных тел. Последние быстро раскалывались под действием трения среды, через которую они проходили и которая значительно уменьшала их орбиту.

Участок туманности Милкпейл, непосредственно окружающий Шубру, представлял собой хороший экран для нападающего, увеличивая тем самым опасность.

С другой же стороны, сама туманность являлась помощником и для тех, кто сейчас должен был защищаться.

Нападающие практически не имели времени для определения, сколько же сил они могут выставить для защиты. И они не могли даже заблаговременно заметить приближение врага.

Поэтому в данный момент через коммутатор разгоре-

лась дискуссия между капитанами орбитальных кораблей. Каждый пытался высказать свое мнение о том, как могла дальше развиваться ситуация с момента отправления курьера из Лайоунинг. Прежде всего обсуждали, как лучше ответить на призыв о помощи: либо разделиться и приблизиться к колонии с двух сторон, либо действовать всем вместе — одним эскадроном.

Каждый высказывал свое мнение, командир слушал внимательно, даже не прилагая никаких усилий, чтобы прекратить дискуссию.

«Пусть обсуждают,— думал он про себя.— В конце концов это их право». Но сам уже принял решение: лететь одним, и слушал терпеливо лишь для того, чтобы окончательно убедиться, что прав. Он был главным, каждый осознавал это. И он был уверен, что в решающий момент все подчинятся его приказу, проявят дисциплину, присущую флотилии воздушных космических сил.

Пойнсот предложил:

— Мы могли бы разделиться и приблизиться к ним поэтапно с разных сторон и с разным интервалом времени. Ведь по нашим сведениям, только один корабль нападает на Лайоунинг.

Доминго резко возразил на это:

— Вероятно, это голубая смерть. Мы остаемся вместе.

— Что собой представляет эта «голубая смерть? Ведь кто-то назвал его «Левиафаном»...— на этот раз говорил Чакушин, сравнительно недавно прибывший в Милкпейл.

— Это особенный берсеркер,— сказал Доминго и замолчал, тихо вздыхая.

Чакушин, уже встречавшийся с берсеркерами, помолчал, пытаясь представить опасноть ситуации по количеству нападавших и после этого добавил:

— Это ведь только один из кораблей; не так ли? И, я не думаю, что в нашу туманность сможет проникнуть действительно большой корабль.

Новичку было простительно так думать, но это было не совсем так. Машина или корабль любых размеров могли пролететь через густой туман межпланетной среды, но корабли, превышающие определенные размеры, например, вдвое больше размера «Сириан Пэрл» не могли пересечь этот туман на скорости, достаточной для выполнения каких-либо ощутимых боевых действий.

— «Левиафан» — это особенный берсеркер,— попы-

тался объяснить Искандер.— В настоящее время он имеет три или четыре имени. Некоторые зовут его «Старина Синева» или что-то в этом роде. Особенным он считается уже потому, что это действительно настоящий бандит, прямо-таки нашпигованный совершенным оружием. И всякий раз при нападении он почти недосягаем, потому что преподносит самые невероятные сюрпризы.

Понимая, что его слушают, Искандер продолжал:

— Вот поэтому он непредсказуем. Даже для берсеркера. Уже несколько поколений, а колонии Милкпейл — целый век, подвергаются нападениям с его стороны.

Симеон, которому все это не очень нравилось, пробубнил что-то невнятное. Доминго, прислушиваясь к их разговору, едва ли мог обвинить его в чем-либо. Мало кто из членов его команды, благодаря богам, имел богатый жизненный опыт, как Доминго.

Для того, чтобы все понять и осознать, взвесить необходимо было прожить здесь хотя бы несколько лет.

Его мысли вернулись к собственным проблемам. Он никак не мог выбросить из головы прерванную свадебную церемонию и думал сейчас о людях, которых только что оставил. Особенно о дочери — Меймио, которая вынуждена была провести свой свадебный день в одиночестве в защитном отсеке. Потом он встряхнулся и понял, что есть неотложные задачи, что ситуация не терпит промедления. Люди ждали его команды...

Небольой эскадрон, ведомый «Сириан Пэрл», перешел на более отдаленную орбиту и быстро оставил маленький шар Шубры далеко позади, спеша на помощь своим соседям.

Доминго пытался определить сколько еще кораблей могли бы сейчас направляться в Лайоунинг с других колоний. Ведь вероятно, что были посланы курьеры и в другие колонии звать на помощь. Капитан не мог быть совершенно уверен, что все посланцы достигли своей цели, но предположить такое было вероятным. А вдруг все-таки никто из курьеров не сумел передать сигнал тревоги? И кроме них помочь сейчас нуждающимся некому? Надо было торопиться — иначе промедление смерти подобно.

Но независимо от того, будет ли помощь действительной или нет, своевременной или запоздавшей, задачи и обязанности его команды и его собственные — предельно ясны. Доминго давно это понимал.

Думая о «Левиафане», он заставил замолчать — пы-

тался заставить замолчать — свои давние воспоминания и личные чувства. Он должен быть свободным, чтобы воспринимать ситуацию, как военный стратег, как логически мыслящий человек.

Было бы прекрасно, это действительно было бы огромным достижением, если бы им удалось окружить в космосе этот проклятый корабль и своими силами свести с ним старые счеты, которые вправе предъявить ему многие колонии и корабли.

— Может быть выберемся на некоторое время из молочной среды и посмотрим разок на настоящие звезды? — это снова заговорил Чакушин, новичок в команде, который все еще чувствовал тоску по дому.

Доминго жил в Милкпейле больше двадцати лет и лишь несколько раз за это время ездил, и то ненадолго, на родную Землю. Теперь он почти забыл, как выглядят звезды на ясном, чистом небе.

Маленькие корабли набрали скорость. Обволакивающая белизна туманности Милкпейл непреревно пролетала мимо, то под ними, то над. Почти так же, как земные облака проплывают мимо скоростного самолета — сгустки белизны мерцали в соответствии со скоростью полета кораблей.

— Справа какой-то объект, командир!

— Вижу! Спасибо,— ответил Доминго.

Члены команды каждый на своем устройстве слежения обнаружил, а детекторы подтвердили, что с правой стороны корабля двигалось нечто, не связанное с безжизненными потоками и волнами, вечно бушующими в самой туманности. Это была некая форма жизни, не встречающаяся на поверхности крупных планет. Может быть, это был сгусток микроскопических тел, состоящих наполовину из неопределенного вещества, наполовину из энергии?

Здесь на туманности, на этом небольшом участке Галактики, заселенном пришельцами с Земли, неизвестные формы жизни процветали в широком разнообразии, благодаря легкому ускорению силы тяжести, мягкому давлению и обилию энергии.

Это могла быть одна из более или менее известных форм жизни, присущей туманности, как например на Шубре или вблизи нее, в других активных колониях. Но не исключена была возможность и того, что этот сгусток состоял из веществ до сих пор неизвестных колонистам. Как бы то ни было, он находился слишком

далеко и Доминго не мог определить его природы, равно как и не имел времени, чтобы остановиться для более точного его изучения.

— Черт! Это очень специфическое место,— сказал Чакушин со смешанным чувством удивления и гордости недавно прибывшего, но уже постоянного жителя колонии...

ГЛАВА 2

Все основные системы «Сириан Пэрл» при необходимости могли управляться мысленными приказами одного единственного опытного пилота. Однако, для более слаженного, точного и надежного функционирования всех бортовых систем предпочтительнее была совместная работа всех членов команды.

Помимо капитанского кубрика, в разных отделениях корабля, изолированно друг от друга, располагались еще пять станций, где сейчас работали друзья и товарищи Доминго.

Сидя в бронированном кресле, Доминго надел шлем и командирский обруч, подключающий бортовые системы корабля к работе его мозга. Вообще-то обруч этот обладал совершенно незначительным весом, но капитан очень хорошо знал, как нелегок он бывает порой, когда надо принимать решение. Это как корона — с одной стороны — могущественный символ власти, а вот с другой...

Мысленно он задал «Пэрлу» наилучший по его мнению курс на Лайоунинг. Курс совпадал, хотя и не совсем точно с тем, который рассчитал компьютер. По мнению Доминго человеческий мозг и, в частности, его собственный, намного превосходит способности самой совершенной машины для разрешения трудных ситуаций или невероятно сложных задач.

Автопилот, связанный с компьютером корабля, мог бы управлять полетом так же хорошо — или почти так же хорошо,— как и Доминго, но в данном случае капитан предпочел взять ситуацию в свои руки.

«Пэрл» отличался совершенной конструкцией, позволяющей ему укрепить защитные поля,что было немаловажно. Но такой скорости передвижения внутри туманности необходима дополнительная защита от столкно-

вений с малыми молекулами, которых здесь просто невероятное множество.

Доминго уже давно мог бы уйти вперед от других пяти кораблей своего малого эскадрона, но не делал этого. Как бы ни важна была скорость, он просчитал, что еще важнее было объединение всех сил в один кулак перед лицом всесокрушающего и возможно более сильного врага.

«Левиафан»... У капитана были личные счеты с этим легендарным, неуловимым чудовищем, хотя трудно сказать имеет ли смысл чувствовать ненависть к машине. Доминго не был уверен, что столкнется с «Левиафаном» на этот раз.

Единственное, в чем он и не сомневался, так это в том, что ведет своих людей на бой с берсеркерами.

Берсеркеры — это роботы, оставшиеся после межзвездных воин, которые происходили задолго до возникновения письменной истории на Земле. Это были огромные неодушевленные космические крепости, безжизненно бороздившие просторы Галактики и бесстрастно выполняющие единственную запрограммированную команду: уничтожить всякую жизнь, встречающуюся на их пути. Во все века расселения землян на другие миры, берсеркеры представляли собой самую страшную опасность.

Доминго при желании мог проецировать на своих экранах и дисплеях беломолочный туман, заполняющий пространство за пределами корабля. Но проверив обстановку сразу же после вылета, решил, что лучше поочередно вызывать на экраны лица своих друзей-колонистов, летящих на других кораблях. Таким образом ему удавалось довольно стабильно поддерживать связь с другими экипажами спасательного эскадрона.

Всего их было пять, включая и корабль, пилотируемый Гьюджаром Сидорук. Доминго, являясь командиром спасательного десанта, хотел убедиться, что при достижении зоны боевых действий, весь состав будет подчиняться его командам. И он хотел видеть лица этих людей перед приближением опасности.

Для начала он приказал прервать межкорабельные разговоры и установить полную радиотишину, что, к его удовлетворению, было выполнено почти мгновенно, без споров.

Однако разговоры на борту «Сириан Пэрл» продолжались. Не было причин для обратного. Беседуя между

собой они высказывали тревогу о знакомых, живущих в Лайоунинг, и пытались угадать мощь нападения берсеркеров. Кто-то высказал опасение, что сообщение о нападении одного берсеркера уже устарело и могли появиться новые сведения о том, что нападающих уже больше. Если мощь врага окажется превосходящей, спасательный эскадрон должен будет повернуться и, в срочном порядке, вернуться домой — конечно, при условии, что это еще будет возможным. Каждый думал так, но никто не решался высказаться об этом вслух.

Доминго почти не принимал участия в вялой болтовне, хотя временами и прислушивался к ней. Мысли его текли своим чередом. Наблюдая за приборами, он пытался строить планы дальнейших действий.

Как и на других кораблях, на его собственном были собраны разные люди: одних он знал очень хорошо, других — похуже. Население Шубры было немногочисленным, но далеко не постоянным. Люди часто приезжали сюда и уезжали. Некоторые из ныне живущих были ему почти незнакомы. Одни были боевыми ветеранами, другие — нет. Доминго, который действительно принадлежал к числу первых, старался держаться с самообладанием, чтобы, таким образом, влиять на новичков.

Конечно, было бы прекрасно, если на «Сириан Пэрле» летела команда ветеранов...

В число ветеранов «Пэрла», помимо самого Доминго, входили Искандер Бейза, Вильма Чэнар и Генрик Пойнсот. Оставшиеся два были новичками.

Аполлина Суслова переехала на Шубру несколько месяцев назад и все еще считалась жителем Ийркалы. Подписывая контракт для работы в команде Доминго, предупредила, что пережила небольшую бомбардировку один только раз, еще на другой колонии и, следовательно, имеет небольшой опыт управления кораблем при ведении боев.

Доминго подозревал, что нравится ей, и мысль эта не особенно огорчала его, хотя понимал, что если все окажется именно так, он вынужден будет вывести ее из своей команды. Он считал себе непозволительным смешивать одно с другим — служба есть служба, а это... Но он не думал, что их отношения смогут зайти так далеко, во всяком случае, жениться вновь он не собирался.

Симеон Чакушин, в отличии от жены Вильмы Чэнар, был сравнительно недавним поселенцем, но все указывало на то, что это был психологически сильный, спо-

собный и надежный человек. Не обо всех колонистах можно было такое сказать, хотя многие всячески и пытались создать о себе такое впечатление.

Размышления капитана прервал Искандер Бейза по межсвязи:

— На детекторе — Лайоунинг, капитан.

Доминго включил один из своих дисплеев, чтобы перехватить сигнал детектора. Даже при натренированном восприятии, в изображении, появившемся на экране, он сумел всего лишь угадать неопределенное пятно с неясными очертаниями. Планетойда, к которой держал путь спасательный эскадрон, находилась на той же орбите, что и Шубра. Оба небесных тела медленно перемещались по длинной орбите вокруг одного и того же почти невидимого солнца, которое являлось одновременно огромным источником радиации. Беспощадное солнечное излучение смягчалось окружающей туманностью, но все же превращало атмосферы необитаемых планетойд, так же как и прилегающее космическое пространство, в постоянно мерцающую молочно-белую завесу.

Туманная среда не только затрудняла межпланетное наблюдение, но существенно препятствовала скоростным космическим перемещениям. Пилотируемый корабль или крепость-берсеркер, вряд ли, смогли бы достичь большую скорость, равную световой, через эти огромные разжиженные туманы.

Кроме того, все здешние заселенные планетойды располагались друг от друга на расстоянии многих часов и дней космического перемещения, что было равносильно многим световым годам в обычном космосе.

И, теперь, наблюдая за данными, выдаваемыми бортовыми компьютерами, об их перемещении в космосе, Доминго и его команде казалось, что они почти не движутся, а медленно ползут, прямо-таки с черепашьей скоростью.

Через много часов после старта спасательной миссии и несколько минут после сообщения Бейза о том, что цель достигнута, на экране начало медленно вырисовываться, а затем постепенно проясняться и принимать знакомые очертания изображение Лайоунинг.

— Прекратить разговоры,— отчеканил Доминго.— Всем на свои места!

Маленький спасательный эскадрон, состоящий из 6 кораблей, в полной боевой готовности добрался, нако-

нец-таки, до своей цели. Через вездесущую бело-молочную пелену все четче приближался почти круглый шар Лайоунинга. Нападающих не было видно.

— Вильма, сообщи им, что мы здесь.

Радиосообщение было передано целенаправленно и его перехват посторонним приемником был полностью исключен.

Прошло несколько секунд... Ответ уже должен был быть получен. Но все молчало. «Пэрл» приблизился на расстояние, достаточное, чтобы различить поселения, расположенные на поверхности Лайоунинг или, по крайне мере, рассмотреть те места, где они были прежде.

Все члены спасательной команды в безмолвном оцепенении уставились на возникшую перед ними сцену ужасающего разрушения. От всех поселений не осталось камня на камне.

Подлетели ближе. Разведывательные радиолучи прощупывали исковерканную и обожженную поверхность, лежащую перед ними. Дикое безмолвие пронизывало все. Вокруг не было ни единого намека на то, что где-то все еще прячется берсеркер или, что машина смерти недоработала, оставив после себя хоть что-то живое.

Чем ближе «Пэрл» спускался к планетойде, тем отчетливее и яснее просматривались следы какого-то ужасающего оружия, положившего конец всему живому.

Несколько часов назад, делая прогнозы относительно того, какую картину они смогут застать, подлетая к колонии, Доминго разработал план поведения и для такого, наихудшего варианта.

Теперь, отдавая лаконичные приказы, он приводит этот план в действие.

Доминго выбрал трех самых надежных членов своей команды: Искандера Бейза, Полли Суслову и Генрика Пойнсота и приказал им спускаться на небольшой ракете, имеющейся на борту «Пэрла» к поверхности Лайоунинг, чтобы обследовать руины на месте. Сам командир остался за штурвалом корабля.

На экране он видел, как небольшой, узкий длинный аппарат отделился от корабля и стал быстро удаляться по направлению к обгоревшей, исковерканной поверхности планетойды.

Шли долгие минуты ожидания, заполненные непрерывным потоком сообщений, дополняющим уже известную всем картину разрушения.

Похоже, что на огромном пространстве, где раньше

жила сотня колонистов, не осталось ни одного уцелевшего. Теперь, с позволения Доминго, остальные корабли спасательного эскадрона отправили свои собственные ракеты на разные участки исковерканной поверхности.

Ракеты приземлялись друг за другом на разные площадки и первые донесения, прямо с места происшествия, подтверждали масштабы катастрофы. Один десант нашел осколок поврежденного берсеркера, значит автоматическое наземное оружие на этом участке было в какой-то степени эффективным.

Наконец, одной из поисковых групп удалось поймать слабый сигнал по радиосвязи. В течение часа спасателям удалось обнаружить сигналы одного живого колониста, затем второго. Они находились в разных убежищах. Появились надежды, что отыщутся и другие. Но больше в живых никого найти не удалось.

Уцелевших отправили в космос и передали на борт одного из кораблей спасательного эскадрона. Все внимательно слушали разговор с уцелевшими, который тут же начал Доминго по радиосвязи. Первые вопросы он задал молоденькой девушке. В его голосе звучала мягкость и жалость, так как на ее месте представлял свою дочь Меймио.

Оба, найденные в разных убежищах, были ранены и в их несвязных и прерывающихся ответах сквозили ужас и отчаяние.

Потрясенные от всего пережитого, они бессвязно шептали о невероятных опасностях, о том, что их бомбила сама смерть и удивлялись своему неправдоподобному спасению, тому, что они единственные, кто выжил.

— Сколько их было там? — спросил Доминго.— Сколько берсеркеров?.. Сколько было машин в космосе?

Один из уцелевших не смог ответить ни на один из этих вопросов. Второй слышал, будто был только один единственный нападающий.

— Это был «Левиафан»?... Голубая смерть?

— Я не знаю. Кто-то говорил, что... что это был он... Люди всегда так говорят, когда нападает только один корабль... Но я не знаю.

Врач, находящийся на корабле, вмешался и попросил капитана прекратить свой допрос на благо раненых, как можно скорее, потому что оба были шокированы, в глубоком потрясении и требовалось время, чтобы они вновь пришли в себя.

— Я закончу, как можно скорее,— ответил Доминго,

но продолжал.— С какой стороны совершено нападение? Есть ли у вас какой-нибудь ключ к разгадке?

Оставшиеся в живых, естественно, ничего толкового сказать не могли. Никто из колонистов не заметил приближение врага к поселению. Даже устройства слежения безмолствовали и все пропустили начало атаки.

Капитан отпустил их.

Почему защитные силы Лайоунинг были так быстро сокрушены?

Онемевшие, дрожащие люди, пережившие эту страшную катастрофу, не смогли дать какой-либо внятный ответ. Наземные записывающие устройства, которые должны были сохранить запись боя и могли прояснить ситуацию, похоже разрушены и никаких концов теперь не отыскать.

Доминго включил свои собственные бортовые устройства и приказал команде внимательно прощупать разреженные бело-молочные облака, окружающие Лайоунинг. Нарушения, обнаруженные в прилегающем пространстве, указывали на недавнее прохождение объекта крупных размеров со скоростью достаточно разумной, а, может быть чуть, большей, чем требовалось для перемещения в туманной среде.

Сколько же нападающих могло здесь быть? Один? А может быть больше? Слишком разрозненные нарушения не могли дать ответа на этот вопрос.

Как компьютеры, так и сканирующие устройства не могли найти точные данные, которые указывали бы на дальнейший путь следования атакующих.

Постепенно до Доминго стали доходить разговоры, он прислушался — все экипажи были взволнованы. Члены их начали опасаться, что теперь их дома, семьи на Шубре находятся в опасности и, может быть, в данный момент подвергаются нападению со стороны берсеркеров.

— Нам лучше вернуться домой, капитан,— услышал он.

— Да, вы правы. Мы возвращаемся немедленно. Только не паниковать!

Затем Доминго спокойно напомнил им — и многие поддержали его, успокаивая друг друга,— что автоматизированная наземная служба Шубры очень мощная, гораздо мощнее, чем в Лайоунинг, и в случае необходимости, там смогут продержаться несколько дней, даже без поддержки спасательного эскадрона. Тем более, что нападает только один берсеркер.

Конечно, можно возразить, что всего лишь несколько часов назад люди, живущие в Лайоунинг, тоже были уверены в надежности своих автоматических защитных систем. Было ли у них время хоть на один ответный удар? Окончательно ответить на этот вопрос — сейчас было невозможно. Судьба, постигшая подземные укрытия в Лайоунинг, каких немало и на Шубре, сейчас перед ними: там полыхает ядерное пламя.

Обратный полет начался без промедления. Мысль о том, что на Шубре установлены мощные защитные системы хоть немного успокаивала спасателей, хоть как-то обнадеживала их во время долгого возвращения домой.

Доминго подумал, что сделал правильно, поместив обоих уцелевших на борт того корабля, где работали спасатели, знающие их прежде. Он надеялся, что это хоть как-то облегчит их страдания. И хотел быть уверенным, что его собственная команда находится в полной боеготовности.

Присутствие беженцев на его корабле расслабляло бы его команду и отвлекало бы от поставленных задач. Он был уверен, что его новый корабль, пусть еще и не испытанный в бою — самый лучший и боеспособный во всем эскадроне.

Если дорога на Лайоунинг казалась невероятно длинной, то возвращение домой тянулось бесконечно. Сердца всех спасателей были заполнены нетерпением и безмолвным страхом перед лицом неизвестности.

Доминго приказал всем кораблям держаться вместе, как и прежде. Причина все та же: они должны собрать воедино все силы, чтобы в случае нападения дать отпор. Когда берсеркеры одерживают такую сокрушительную и легкую победу, велика вероятность, что им захочется записать на свой счет еще одну победу, им захочется разрушать и убивать дальше.

Никто из летевших не осмеливался выразить вслух общий для всех страх перед тем, что может их ожидать при возвращении домой. Все, не переставая, думали только об одном.

Если рассуждать логически, то после успешного боя в Лайоунинг, берсеркер мог отправиться на Шубру... Но мог и еще куда-нибудь... В другое место...

Вдруг, Полли Суслова почувствовала витающий в воздухе дух легкого, молчаливого обвинения, будто Доминго просчитался и принял неправильное решение,

будто его тактические расчеты не оправдали себя. Конечно, это было несправедливо. Он выбрал единственно правильный вариант действий. Они должны были откликнуться на отчаянный крик о помощи своих соседей именно так и ни как не иначе.

Другое дело, что помощь оказалась малоэффективной... Вместо того, чтобы перехватить берсеркеров, спасти Лайоунинг и предотвратить опасность, все чего они добились — это спасение двух перепуганных насмерть людей и ослабление защитных сил собственного дома. Ведь их уже день не было на Шубре.

Конечно, это было бы зловещим невезением, если бы враг предпринял атаку на Шубру за время их отсутствия. Но от такого коварного врага можно было ожидать чего угодно.

Дорога домой, наконец, подходила к концу.

— На детекторе — Шубра, капитан.

«Хорошо»,— подумал Доминго,— теперь через тридцать секунд или минуту я получу дальнейшие данные по детектору, а также картину поверхности, активности на ней... Только тогда можно будет точно узнать, что там дома, как?..»

Доминго знал, что не будет никакой открытой радиосвязи. Красная сигнализация, при которой радиосообщения не передаются, оставалась включенной с тех пор, как эскадрон отправился в путь. Вскоре можно будет ее отключить. А потом подумать о свадьбе Меймио и Гьюджара... Хотя придется немного отложить продолжение церемонии. Некоторое время понадобится для полного отключения красной сигнализации, затем для обмена сообщений и переговоров с базой. Затем...

Но прошло тридцать секунд, затем еще тридцать... Молчание всех систем становилось зловещим, просто невыносимым. Визуальные приборы были свободны и уже могли дать хоть какую-то картину знакомой и ровной поверхности, но... но на них все еще появлялись двусмысленные, неясные участки колонии... Слишком много облаков, в которых летает много леденях кристалликов...

Через пару секунд ему пришлось признаться самому себе, что поверхность Шубры не должна так выглядеть.

Сигналы с защитных постов по-прежнему не поступали, а в этих пределах не должно, не может быть полной тишины. Сигналы обязаны поступать, за исключением тех случаев, когда... когда происходит непоправимое...

Этого не может быть! Нет! Только не это!

Минута, за которую ужасные предположения превращаются в реальность, кажется вечностью. Столько же длились секунды, в течение которых члены спасательной экспедиции осознавали, что их самые страшные опасения оправдываются.

Шубра лежала перед ними в руинах, почти так же, как и недавно оставленный ими Лайоунинг

Люди на борту «Пэрла» непроизвольно вскрикнули от ужаса.

Затем неступила оглушающая тишина.

Оцепенение было непродолжительным. За ним последовали судорожные попытки связаться с кем-нибудь там внизу. Но усилия были столь напрасными, сколь и отчаянными.

Где-то в глубине души теплилась надежда, что кто-то же должен остаться в живых. Доминго захлестнуло неистовое желание искать.

Он посадил «Сириан Пэрл» прямо на поверхность, потому что здесь, как и в Лайоунинг, космический порт был полностью разрушен и превращен в сияющую рану, похожую на кратер вулкана. Такую же картину представлял собой и центральный контрольно-защитный пункт.

Вслед за Доминго, прямо на поверхность рядом с «Пэрлом», приземлились и остальные корабли эскадрона. Члены команды, защищенные шлемами и бронированными космическими скафандрами, высадились на поверхность и бросились в разные стороны, надеясь найти какие-либо признаки жизни. Глубоко под ними все еще ревела и содрогалась израненная планетойда.

Воздух был отравлен, все здания и сооружения стерты с поверхности, будто были снесены огненным смерчем. Смесь свежего снега и черного тумана кружилась в демоническом танце над разрушенным, изрытом воронками и, вдруг, ставшим таким чужим ландшафтом. Искусственная гравитация ослабла. Построенные глубоко под землей генераторы, создающие ее, повреждены и в ближайшее время снег с туманом улетят, унося с собой и кислород...

Первым побуждением Доминго было бежать в отчаянии, в бешенстве, чтобы узнать что же случилось с дочерью? Но он все еще мэр Шубры, вернее того, что от не осталось. И в первые минуты заставил себя принять все меры, чтобы не допустить дезинтеграцию

как своей, так и остальных команд. Он обеспечил вначале поиск возможно уцелевших.

Через несколько минут до него дошла страшная весть: его дочь и ее товарищи по защитному посту найдены. Все мертвы.

Доминго забыл о своих обязанностях и на единственном наземном транспорте, доставленном сюда на борту одного из кораблей эскадрона, бросился к небольшому защитному посту Меймио.

Пост был также хорошо защищен, как и все остальные, располагавшиеся неглубоко под землей. Проникнуть туда можно было только через дверь, окруженную насыпью и спрятанную под нависшим над ней выступом скалы. Разрушенный взрывом вход был открыт. Массивная дверь свисала наполовину сорванная с петель, а внутренняя и внешняя стенки поста обвисали и уже начали плавиться, излучая красное тепло.

Доминго, защищенный бронированным скафандром, вбежал через разрушенную дверь. Вокруг постепенно росли насыпи отравленного снега. Внутри маленького помещения из камня и стали было достаточно светло, что позволяло различить лежащее на полу почти неузнаваемое тело.

Это было жалкое зрелище: перед ним предстали обожженные останки, уже расплавляемые ядовитым снегом. Он предполагал, что это его дочь только потому, что здесь был ее пост. Позже он заметил валяющийся неподалеку скафандр и рядом с ним куски ее белого свадебного платья.

Он в недоумении подумал: почему в момент смерти его дочь была без скафандра?

Когда убитый горем Доминго вскочил в наземный транспорт и уехал, не дожидаясь Гьюджара, молодой же человек вернулся на свой корабль, поднялся в воздух и тут же опустился рядом с укрытием Меймио. Забыв обо всем на свете, с окаменевшим сердцем, он вбежал в опустошенное укрытие вслед за Доминго. Неподдельное горе объединило его теперь с человеком, который должен быть стать его свекром.

Затем Гьюджар подобрал несколько лоскутков свадебного платья и, пошатываясь, направился к своему кораблю, намереваясь провести окончательный анализ материала.

Охваченный отчаянием отец опустился на колени и склонился над тем, что совсем недавно было человече-

ским существом. Одна мысль мучала его: «Почему снят скафандр? Меймио не могла сделать это во время боя... Может быть это исковерканное тело принадлежит не ей? Может быть это не она?

Доминго получил еще одно донесение: найдено устройство, подающее слабые сигналы.

В отличие от Лайоунинг на Шубре уцелел один из установленных в глубоком подземелье приборов, записавших, как шли военные действия.

Из полученной информации стало доподлинно известно, что единственный нападающий был «Левиафан» — голубая смерть. Нашпигованный усовершенствованным оружием нападения и защиты, он сумел устоять против наземной защитной системы Шубры и выйти победителем из боя.

Стоя на пороге разрушенного убежища и глядя на мрачное небо, Доминго увидел приближающийся корабль, который вскоре плавно приземлился рядом с остальными.

Опознавательные знаки вновь прибывшего принадлежали одному из гостей прерванной свадьбы. Маленький корабль остановился в пятидесяти или шестидесяти метрах от убежища.

Из него вышел человек и приблизился к небольшой группе людей, окружавшей *Доминга. Это был Спэнс Бенкович* — владелец крохотной колонии, расположенной на единственном спутнике Шубры.

Бенкович представлял из себя тип худощавого красивого молодого человека. Его выразительные глаза в настоящее время выражали отчаяние и горе.

Он то и рассказал ошеломленным людям о том, что пришлось пережить ему самому.

— Когда сирена замолчала, я подумал, что должен осмотреться и отправиться в разведку,— начал он глухим голосом.— У меня был только этот маленький одноместный штурмовой корабль. Этого, конечно, недостаточно для ведения серьезных боев, но я надеялся на удачу.

Далее он рассказал, как несколько часов подряд патрулировал огромный пространственный участок за несколько сотен тысяч километров от Шубры, надеясь вовремя уловить приближение берсеркеров, а затем успеть предупредить остальных о надвигающейся опасности.

Все молчали. Теперь его слова не имели никакого существенного значения.

— Затем мне показалось, что что-то движется в тумане,— продолжал он.— Вначале я подумал, что это сгусток какой-нибудь формы примитивной жизни. Но я ошибся: скорость перемещения была слишком велика. Однако, и на берсеркера не было похоже.

— Тогда на что? — спросил кто-то.

— Мне показалось, что на детекторе он выглядел как космический корабль — один или сдвоенный... В любом случае я не знаю, что за корабль это мог быть. Одно только скажу с уверенностью. Это не берсеркер, иначе он пошел бы в атаку!

— Может быть, это маленький разведывательный снаряд берсеркера?

— Возможно! — сказал Бенкович с сомнением.— Скорее всего, пока я летал на одной стороне, «Левиафан» приблизился к Шубре с другой и напал на нее. Он уничтожил наземные системы за считанные минуты... Я вернулся через несколько минут... и был достаточно близко, чтобы увидеть происходящее... Я наблюдал, как он сбрасывал снаряды прямо сюда... на этот участок.

— Доминго поднял голову и посмотрел на Бенковича, будто видел его впервые.

— Это был «Левиафан»? — переспросил капитан.

— Да. Я уже встречал «Голубую смерть» прежде много лет назад... раза два вступал в бой с ним... Он сбрасывал свои снаряды прямо здесь... Я ничего не мог поделать. Мой крохотный корабль был бессилен. Силы были неравны... И я уехал. Я отправился на свою колонию, но прибыл слишком поздно. Он уже там побывал.

После угнетающей паузы, кто-то расспросил:

— Кто еще жил с тобой на колонии? Я никогда не знал точно.

— Еще три человека. Три женщины. Выжила только одна... Я попытался передать предупреждение остальным планетам и их спутникам по радио, но не смог... из-за помех в эфире. Потом улетел обратно в поисках «Голубой смерти», но напрасно. Он исчез каким-то образом, пропустив меня... и оставив вот это.

Бенкович сделал быстрый выразительный жест, охвативший мертвый ландшафт, лежащий перед ним.

Доминго отвернулся от него и увидел, как Гьюджар, двигаясь словно лунатик, вышел из своего корабля и на-

правился к ним. В руке держал кусочек белого материала. Чужим, плохо повинующимся голосом несчастный жених сообщил, что окончательная проверка лоскутка подтвердила: это кусочек от свадебного платья Меймио. Ошибка исключена. В материал вплетено редкое волокно, имеющееся только на его родной планете.

Доминго побледнел, ноги перестали ему повиноваться и он стал медленно оседать. Полли Суслова едва успела его подхватить.

ГЛАВА 3

Полли уже была один раз замужем, но ее муж уехал неизвестно куда, оставив на нее двоих детей. Большую часть совместной жизни они прожили дружно, было немало радостей в их супружеской жизни... Но сейчас, возвращаясь мыслями к прошлому, Полли порой казалось, что она сама виновата в разрушенной семейной жизни, она пришла к выводу, что, не желая того, утомила мужа.

Единственными родственниками, оставшимися у нее во всей вселенной, помимо ее детей, были сестра и деверь, которые и присматривали в настоящее время за ее детьми. Они жили в другой колонии по названию И й р к а л а, расположенной далеко на окраине *Милкпейл. На этой* планетойде и были выращены цветы специально ко дню свадьбы Меймио...

Постепенно осознавая масштабы катастрофы на Шубре, в результате которой погибли семьи ее друзей и разрушены были их дома, Полли все больше занимали мысли не о руинах, лежащих перед нею, а тревога о собственных детях. Она не виделась с ними уже несколько месяцев. В душе ее росла тревога, что Ийркала может быть также атакована и полностью уничтожена. Но одновременно, как ни странно, она почувствовала необъяснимое удовлетворение, что не взяла детей с собой на Шубру, выбрала правильное местожительство для них, обеспечив, хоть на время, им безопасность. Ведь в душе теплилась надежда, что там пока все хорошо. Дети были еще маленькими и ей было тяжело жить вдали от них. Но переезд на Шубру вызван необходимостью — характером ее работы.

Полли была специалистом в области более серьезной, чем могло показаться на первый взгляд: она отвечала за взаимодействие приборов и окружающей среды. Работа, вопреки ожиданию, оставляла ей мало свободного времени. И как бы она ни хотела изменить положение вещей, ей приходилось признать, даже до этой страшной катастрофы, что детям лучше и безопаснее с родственниками, там в Ийркале.

Полли почти сразу, как это говорится, сработалась и хорошо поладила с шубринскими колонистами. Правда, хороших друзей за это время не приобрела. Но, в чем вынуждена была признаться себе самой, выделяла из всех колонистов одного — капитана Доминго. Это было то личное, что согревало, утешало ее в трудные минуты.

Она стояла сейчас рядом с капитаном Доминго и внимательно наблюдала за ним, благодаря чему ей удалось подхватить его, когда он стал падать. Его почти безжизненное, бледное лицо и помертвевший взгляд — признаки глубокого шока — напугали ее. Полли знала, что дочь много значила в его жизни. Полли помогла ему присесть и послала кого-то из стоящих рядом на корабль за аптечкой. Сама же она оказала и первую помощь: ввела противошоковое средство через входной клапан в скафандре, специально предусмотренный для таких чрезвычайных случаев.

Тревожно следила за тем, как Доминго медленно и мучительно приходил в себя под воздействием химического стимулятора. В последующие минуты, когда все остальные занялись массированным, но тщетным поиском оставшихся в живых, Полли не отходила от Доминго, желая подбодрить, утешить. Его потрясение было таким глубоким, что Полли начала всерьез опасаться за его жизнь. В течение часа Доминго сидел ошеломленный, почти парализованный, не проронив ни единого слова. После медицинской помощи Доминго стал проявлять слабые признаки сознания, но все еще находился в состоянии оцепенения. Он сидел прямо на земле, молчал и, казалось, что более одинокого человека просто не было.

Товарищи по команде в перерывах между бесплодными усилиями найти уцелевших подходили к нему и выражали, как могли, сочувствие.

Следующий этап прихода Доминго в себя был быстрым и пугающим. После часового молчания он, вдруг, проговорил несколько бессвязных слов. Никто ничего не смог понять.

А еще через две или три минуты он был снова на ногах, отвергая заботу Полли и, начисто игнорируя задаваемые ему вопросы. Переход из глубокого оцепенения в бешенство был чересчур стремителен.

Жестко и грубо он начал отдавать приказы, вынуждая Полли и остальных членов команды занять свои места на «Пэрле» и подготовиться к повторному вылету в космос. Не принимая никаких возражений, он сказал, что если бы еще кто-нибудь на планетойде оставался в живых, то за это время был бы уже найден. В этом он был прав. Тщательный поиск проведен: проверены все защитные посты и самые укромные убежища, в которых оставался хоть какой-то шанс на выживание.

Капитан другого корабля, со слезами на глазах, подошел к Доминго и, пытаясь отговорить его от задуманного, указал на бесполезность, безнадежность и бессмысленность сиюминутного возмездия.

— Слишком поздно,— сказал он.— Время на ответные действия упущено.

По персональному каналу связи прозвучал голос другого капитана:

— Разве ты не понимаешь, Доминго? Все кончено... Берсеркеров больше нет. Они улетели!

Но Доминго, казалось, никого не слушал.

— «Левиафан» еще не ушел! Мы настигнем его. Немедленно поднять все корабли! — приказал он хриплым, почти до неузнаваемости изменившимся голосом.

Члены команды Доминго, которые совсем недавно пытались ухаживать за ним, как за больным, теперь почувствовав непреклонность его намерений, подчинились его воле и заняли свои места на борту «Пэрла». К старту были готовы.

Поначалу решение Доминго показалось Полли ошибочным, принятым мгновенно после шокового состояния, но она не посмела остановить его, спорить с ним.

Отдавая приказы, капитан вынудил всех вернуться на свои рабочие места, к бортовым приборам; требовал последние данные с картой следов ионизации в космосе, а также свежие данные о нарушениях в близлежащем пространстве. Полученная информация показала, что вероятнее всего был только один нападающий берсеркер и подтвердила, что эта разрушительная машина ушла недалеко и находится от них на расстоянии не более, чем на два часа лета.

Доминго неистовствовал, свирепствовал, обвиняя всех

в том, что столько времени потеряно там, внизу.

Кое-кто пытался протестовать:

— Ты же был в шоке, капитан! Ты...

— Но ты не был! — резко парировал Доминго.— Не так ли? Если вы могли двигаться, а я нет, вы просто обязаны были доставить меня назад на корабль.

Теперь уже все были на борту и каждый приступил к исполнению своих обязанностей. Создавалось впечатление, что уже забыты оставшиеся там, внизу тлеющие погребальные костры и руины их бывших домов.

Полли вспомнилось когда-то услышанное высказывание, что-то вроде: «Пусть мертвые хоронят мертвых». «Может быть, в этом и есть искорка здравомыслия, но не доводить же все до такой крайности»,— подумала она, продолжая озабоченно наблюдать за Доминго. Когда он стал выходить из шокового состояния, Полли почувствовала облегчение. Радовало то, что Доминго оправлялся от ударов быстрее, чем другие, пережившие подобные потери. Но ее настораживало слишком внезапное изменение в психике. Он теперь хотел действовать, мстить, а еще час назад, казалось, был навсегда раздавлен своим горем.

Полли подозревала, что его «выздоровление» обманчиво. Она понимала, что отчаяние не оставило его, он просто сумел взять себя в руки и теперь жаждет отмщения, чтобы заглушить боль потери. Но команда еще не могла действовать слаженно, не все обладали столь сильным характером, не у всех еще прошел шок от увиденного...

Полли понимала, что в какой-то степени от такого положения вещей все только выигрывали: их вынудили вернуться на борт и взяться за исполнение служебных обязанностей. А необходимость подготовки данных и подчинения командам являлось для них, в некотором роде, противошоковым средством. И даже не понимая этого, люди просто подчинялись воле командира.

Доминго, в буквальном смысле слова, «надавил» на свой эскадрон и за считанные минуты все шесть кораблей с командами на борту поднялись в космос.

С высоты, их родная планетойда казалась почти такой же, как и до катастрофы. В эфире царила тишина. Молчание не было результатом приказа или запрета. Просто в данный момент людям нечего было сказать.

Полли обратилась к капитану по межсвязи:

— Куда мы летим?

В отдельности, черты лица Доминго, казалось, не изменились. Но в общем облике что-то изменилось до неузнаваемости. Это был уже другой человек. Как будто кто-то, поработав резцом, придал ему жесткие угловатые очертания.

— А ты как думаешь? Куда...— парировал он.— Вдогонку проклятому чудовищу.

Кто-то попытался вмешаться в разговор:

— Мы не можем...

Протест остался без ответа и слова повисли в воздухе. Далее была дана команда каждому заниматься своим делом. Снова наступило молчание и никто больше не осмеливался перечить командиру.

При желании Полли могла вызвать изображение капитана по межсвязи в любой момент, но этого было мало; ей хотелось видеть его рядом, живьем.

По радио, нарушая тишину, прозвучали недовольные голоса членов других команд о бесполезности погони.

Доминго вновь оставил без внимания все споры и рассуждения; не ответил и на жалобы. Он был занят управлением своего корабля, а капитанам другим кораблей передал следующее сообщение:

— Ваше право выбирать: следовать за мной или нет. Но куда еще вы собирались лететь?

Он направил «Пэрл» в туманный космос в поисках следов берсеркеров. Остальные пять кораблей следовали за ним. Никто из капитанов не повернул корабль назад, не отказался от погони.

Как только выдавалась свободная минута, Полли стала тайно наблюдать за Доминго по межсвязи. Она уже отказалась от надежды угадывать его мысли и дальнейшие намерения, по крайней мере, сейчас. Ей оставалось только сочувствовать его горю и, как и другим, подчиняться его приказам.

Доминго же думал только о том, как хорошо летит и слаженно работает его корабль. В упоении полетом он чувствовал удовлетворение и даже, по-своему, был счастлив. Ему больше ни о чем не хотелось думать; и только проплывающий за бортом бело-молочный туман, напоминал ему свадебное кружевное платье дочери...

«Я так мечтал о таком корабле,— подумал Доминго, мирно наблюдая за приборами.— Пусть мы еще мало с ним работали, но здесь имеется все, что необходимо. Десять лет я ждал такого...»

— Ты что-то сказал, капитан? — это по межсвязи прозвучал голос Полли.

«Неужели я что-то сказал вслух?..» — подумал Доминго.

— Нет, ничего,— ответил Доминго. Прервав на время свои размышления, он занялся расчетами, пытаясь увеличить скорость полета. А, когда решил эту проблему, то вновь вернулся к своим горьким раздумьям. Он обязательно догонит берсеркера... того самого, который десять лет назад... и сейчас тоже... он догонит «Голубую смерть», чего бы ему это не стоило. Да... догонит. И тогда...

Время шло и вскоре стало очевидным, что след ионизации рассеивается и следовать за ним становится все труднее. Полет по следу впереди летящего корабля считался в мирное время высшим классом пилотирования. Это помогало следовавшим за ним кораблям сохранять ориентиры и не сбиваться с пути. Доминго, достигший больших высот в этом искусстве, прекрасно знал, как необъяснимо быстро могут исчезать эти следы в туманной среде.

Он вновь стал прислушиваться к разговорам в эфире — ведь команда тоже наблюдала за траекторией следов. Генрик и Симеон многозначительно рассуждали о ближайших перспективах и пытались предугадать исход полета.

Доминго проигнорировал их намеки.

Команды на других кораблях были менее чем на «Пэрле» подвержены влиянию Доминго. Постепенно большинство этих людей стали говорить громче, обсуждая исход полета. Можно сказать, что на других кораблях начинался небольшой бунт. Берсеркеры ушли — вот в чем была их суть аргументов. Может быть, когда-нибудь в недалеком будущем и удастся отомстить. И они смогут настичь, уничтожить этих проклятых берсеркеров. Но сейчас им, немногочисленным уцелевшим, нужно время, чтобы прийти в себя, справиться с личным горем, потерями.

В обсуждении, правда, преобладали разумные аргументы, агрессивности не было. Все больше людей склонялось к тому, что пора возвращаться, лететь на космическую базу за помощью.

Но «Пэрл» продолжал свой путь, и хотя многие люди на борту неоднократно напоминали, что след уже потерян. Доминго упорно продвигался вперед.

— Капитан, куда мы летим? — На этот раз прозвучал голос Искандера. Такой вопрос уже неоднократно звучал на борту «Пэрла», но сейчас в нем был заложен особый смысл. Задан он был деловым тоном и требовал ответа. И ответ последовал после непродолжительной паузы.

— Хорошо! Берем курс на базу Четыре-Двадцать пять. Искандер, передаю тебе шлем на некоторое время,— сказал Доминго.

Полли облегченно вздохнула:

«Наконец, принято правильное решение».

База Четыре-Двадцать пять сможет оказать помощь. Это именно то место, где могут прийти в себя и набраться сил люди, все потерявшие. И если собираться отомстить, то база, несомненно поможет — это шанс. Только там они смогут достоверно узнать, куда улетел «Левиафан».

У Полли еще не было возможности выразить свое сочувствие капитану по поводу потери дочери. Она надеялась сделать это там, на базе.

Вначале путь на базу Четыре-двадцать пять протекал в молчании. Но постепенно люди на борту «Пэрла» заговорили, тихо обсуждая последние события. Еще вчера они были друзьями и соседями, объединенными общими интересами. Сегодня они — больше чем соседи, горе сделало свое дело.

Полли не была уверена, что Найлс Доминго все еще оставался другом и соседом для других. Остальные, переполненные собственным горем и потерями, не замечали этой метаморфозы. Полли сомневалась, что Доминго слышал их разговоры и была уверена, что он живет в ином измерении с другими, находящимися на борту этого или других кораблей. И хотя многие из них также потеряли детей, а некоторые — и полностью семьи, но никто из них не впадал в такой глубокий коллаж и не реагировал таким образом, как Доминго.

Вот это и страшило Полли. Она только догадывалась, до чего сузился сейчас мир для Доминго и была бессильна вмешаться, успокаивая себя тем, что когда наступит время, не упустит шанс помочь ему.

База Четыре-двадцать пять находилась сравнительно недалеко и занимала планетойду, принадлежащую другой солнечной системе.

Оставшимся в живых колонистам предстоял день лета, чтобы добраться до базы. День этот обещал быть долгим!

...«Пэрл», медленно скользя, приблизился к подземной стоянке базы, построенной специально для гражданских приезжих. Вслед за ним приземлились и остальные корабли несчастного сиротского эскадрона. Команды всех шести кораблей покидали свои корабли медленно, неохотно, будто этот выход означал для них окончательное и бесповоротное расставание с прошлым, с тем миром, в котором они жили.

Первой прибыла и первой вышла команда Доминго. На стоянке их встречала группа людей, работающих на базе и знающих Доминго и его товарищей. Они уже получили радиосообщение о горестной беде, постигшей Шубру и все хотели выразить свое сочувствие, помочь в беде.

Во главе приветствующих стоял командир базы — высокий человек с уставшим лицом по имени Геннадиус. Полли уже встречалась с ним однажды много лет назад. Она знала, что когда-то, в прошлом, он воевал с берсеркерами на стороне Доминго. Поведение командира базы подтвердило, что он и Доминго были старыми, добрыми друзьями.

Геннадиус направился к нему с протянутыми руками и с односложным вопросом:

— Найлс! Меймио?

Доминго посмотрел на высокого человека, стоящего перед ним:

— Она мертва,— сказал он. Голос был бесстрастным, будто говорил он об едва знакомом человеке.

Командир базы вздрогнул. Полли решила про себя, что при первой же возможности обратится к этому человеку за советом, как вывести Доминго из этого состояния.

Геннадиус спросил его:

— Как ты себя чувствуешь? Тебе надо отдохнуть. Тебя должен осмотреть врач.

Доминго махнул рукой, в знак приветствия, и сказал:

— Можете осмотреть моих людей, если они этого захотят. Лично я — в форме. Я пойду в твой рабочий зал и изучу космическую карту.

Когда один из врачей базы попытался проявить твердость и осмотреть его, Доминго грубо отвел его руку, сказав:

— Мне надо сначала посмотреть карту.

Геннадиус вежливо вывел доктора, затем пригласил своего старого друга Доминго в рабочий зал. Полли и

еще несколько человек последовали за ним. Другие колонисты от обрушившейся на них беды, от перелета уселись там, где стояли — врач осматривал их.

Рабочий зал находился этажом выше, над пристанью и являл собой овальное, прекрасно освещенное помещение. Зал был достаточно большой и мог вмещать одновременно сорок-пятьдесят человек. В центре возвышался компьютер, размером с небольшую комнату, на экране которого воспроизводились данные о заселенных участках Милкпейла. Рядом с ним находился цветовой ключ для расшифровки изображения. Изучив его несколько минут, Полли поняла, что это была именно та карта, о которой говорил Доминго.

На ней были нанесены участки Милкпейла, которые совсем недавно подвергались атаке берсеркеров, а также те, которые предположительно находились в зоне повышенного риска. Далее на экране было занесено место нахождения военных кораблей, имеющихся в распоряжении Геннадиуса. Таких мест было всего около двадцати, и в зоны риска уже были отправлены дополнительные корабли, чтобы помочь в отражении возможной вражеской атаки.

На одном из секторов экрана просматривалась пристань для приезжих. Полли увидела, как один за одним прибыли сюда еще три или четыре самолета. Кто-то из стоящих рядом сказал, что *прилетели жители Лайоунинг.* Вернувшись домой уже после состоявшегося нападения и увидев, что их мир полностью разрушен, они подобно шубрианцам, приехали на базу зализывать раны.

Доминго протянул Геннадиусу запись, которая неопровержимо доказывала, что атакующим был «Голубая смерть» и спросил, каковы планы действий командира базы для поиска и уничтожения берсеркера, погубившего Шубру.

— Мне надо вначале просмотреть запись,— сказал Геннадиус устало.— Здесь, действительно, может быть полезная информация, даже если она и покажется на первый взгляд незначительной, сделаем анализ.

— Плевать мне на твой анализ,— грубо выпалил Доминго. Никогда прежде за все месяцы знакомства с капитаном Полли не видела его таким несдержанным. Это огорчало ее, хотя она и понимала его.

— Я все-таки хочу знать, как ты собираешься поступать с «Левиафаном»? — не унимался Доминго.

— Я собираюсь выполнять свой долг,— уверенно

сказал командир, сложив руки на груди.— Я должен обеспечить безопасность живущих на туманности... Я понимаю тебя, Доминго, и сочувствую...

— Неужели?!

— Да, сочувствую. Но моя главная задача — не охота на «Левиафана». Он не единственный берсеркер в округе, ты знаешь.

Доминго молчал. Геннадиус продолжал рассказывать о своих дальнейших планах мягким методичным голосом и Полли показалось, что командир делает скидку на состояние своего старого друга.

Полли, не будучи военным экспертом, из всего сказанного смогла понять только то, что базовая стратегия скорее защитная, чем нападающая. Командир базы собирался отправить «Пэрл» наряду с другими кораблями, прибывшими из Лайоунинг и Шубры, нести дежурство на других, пока еще уцелевших колониях. Естественно, предварительно дав им некоторое время для отдыха и сборов. В Милкпейле осталось, по крайней мере, еще двадцать колоний, которые являли собой потенциальные мишени для атаки берсеркера. И Геннадиус собирался повысить их безопасность, укрепив их мощь как можно бóльшим количеством дополнительных бронированных кораблей; в том числе и теми, которые прибыли сейчас с колонистами.

— Ты считаешь, что колонии все еще целые и невредимые... и что все еще там живые. Но ты ничего не знаешь наверняка! — заявил Доминго новым хриплым, жестким голосом.

— *Правильно.*— Геннадиус уже не казался прежним добрым старым другом. Хотя все еще пытался им остаться.— Насколько я знаю, они все еще живы. Не хочешь ли ты помочь им такими и остаться?

Доминго продолжал все тем же бесстрастным голосом:

— Нет, не хочу. Ты сказал, что надо охранять двадцать позиций. Если я отправлюсь со своим «Пэрлом» для дежурства на одной из них, у меня будет один шанс из двадцати для встречи с «Левиафаном» при следующем его нападении. Меня это не устраивает!

— Тебя это не устраивает — медленно повторил Геннадиус, будто пытаясь понять значение сказанного.— Тебя это не устраивает? В каком смысле? Что ты предлагаешь взамен?

— Ты даешь команду на охоту за «Левиафаном»

и мой корабль присоединяется к твоему десанту.

— Нет, так не пойдет, Доминго.

— Тогда я начинаю охоту один.

— Ну и глупо!

Доминго монотонным, размеренным голосом уточнил, что «Сириан Пэрл» — его корабль, его частная, личная собственность и он, несомненно, имеет право поступать с ней, как считает нужным. Он не собирается отдавать свой корабль для дежурства где бы то ни было. Говоря медленно и подчеркнуто спокойно, словно объясняя прописную истину дураку, далее он сказал, что намеревается использовать «Пэрл» в погоне за Левиафаном и, если понадобится, сделает это один. Он выразил уверенность, что после небольшой подготовки будет способен найти и уничтожить берсеркера, где бы тот ни находился.

Некоторые члены его команды при этих словах с сомнением покачали головой. Командир базы смотрел куда-то вдаль, то ли пытаясь что-то подсчитать, то ли призывая на помощь все свое самообладание, чтобы не сорваться и не поругаться с Доминго.

Полли пыталась вспомнить правила межпланетных законов, выработанных за многие, многие годы. Она знала, что теоретически военные не имеют права, или может быть имеют очень сомнительное право, приказывать гражданским командирам или мэрам колоний. Даже в таких экстремальных ситуациях, как сейчас, когда колонии уничтожаются как муравьи под сапогом. Но любой здравомыслящий человек должен осознавать, что слепая приверженность теории может привести к катастрофе. Доминго не может этого не понимать, если конечно находится в здравом уме.

К группе людей, стоявших в рабочем зале, присоединился Гьюджар. Этот огромный молодой человек сейчас выглядел измученным и смертельно уставшим. Гьюджар после потери невесты был полностью на стороне Доминго и также требовал начать охоту на берсеркера. Но корабль, который он пилотировал, принадлежал не ему. Женщина, владеющая им, собиралась немедленно покинуть Милкпейл, махнув на все рукой. Гьюджар, получалось, оставался не у дел.

Геннадиус вернулся к спору с Доминго.

— Хорошо! Может быть, теоретически я не имею права приказывать любому из вас, даже сейчас. Ну, а если я скажу, что мне нужна ваша помощь и попрошу ее. Я действительно хотел бы, чтобы ты и все остальные,

жаждущие борьбы и победы над берсеркерами, отправились на своих кораблях и обеспечили прикрытие и защиту тем, кто в этом нуждается. Охоту оставьте для нас!

— Но ты только что сказал: космические силы не планируют вести поиск.

— Ничего подобного я не говорил. Просто мы сделаем это по-своему, когда наступит время.

Но Доминго не слушал его. Один из офицеров сказал, что у «Пэрла» нет шанса против «Левиафана», если он будет выступать в одиночестве. Доминго возмутился, доказывая, что в бою «Пэрл» был равен кораблям, принадлежащим военным космическим силам, а по многим параметрам даже превосходил многих из них.

— Целых десять лет я мечтал о корабле, который бы...— он замолчал, затем перешел на техническое описание достоинств корабля, подчеркнув, что на борту «Пэрла» установлено превосходное современное оружие.

С тех пор, как произошли те памятные события десять лет назад, Доминго потратил все свое умение и время на разработку и эпикировку корабля, способного устоять против любого возможного противника, а самое главное — способного настичь и уничтожить «Левиафана».

Кто-то тихо пробубнил, что это несерьезно и безрассудно выходить против берсеркера на одном, пусть даже самом совершенном корабле. По крайней мере в Милкпейле.

Но Доминго, настаивая на своей правоте и пытаясь доказать превосходство своей машины, указал на ее высокую скорость полета. Кроме того, он сам является опытным командиром. Но самое главное, закончил Доминго, он не уверен, что военные намерены всерьез охотиться на его кровного врага. Поэтому он займется этим сам и будет воевать с ним не на жизнь, а на смерть.

Геннадиус не проронил больше ни слова. Доминго и его команда покинули рабочий зал. Все это время Полли стояла рядом с капитаном и видела, как сверкали его глаза, когда он уходил, он был весь переполнен яростью...

В коридоре он осмотрелся, затем сказал своей команде:

— Мы никуда не летим в ближайшие десять минут. Но как только получу малейший намек на его местонахождение, я отправляюсь в поисках «Левиафана». Кому не нравится это, предлагаю остаться здесь и выйти из команды прямо сейчас.

Искандер стоял рядом с капитаном. Вид у него был

такой, словно это предложение к нему никакого отношения не имело. Вопрос о том, будет ли он в команде, для него был решен окончательно и бесповоротно.

— Я тоже остаюсь в команде,— сказала Полли, удивляясь своей решимости.

Симеон и Вильма посмотрели друг на друга, утвердительно кивнули друг другу и перешли на сторону капитана. У них был небогатый выбор. Им нечего было делать, некуда было идти.

После коротких раздумий, Пойнсот вздохнул и сказал:

— Я ухожу, Доминго. У тебя свои правила игры. У меня — свои. Я еще должен немного пожить. Я еще буду нужен сестре и ее детям.

Полли вспомнила, что во время нападения на Шубру, сестра Генрика с детьми где-то гостила, а муж ее погиб на одной из шубринских защитных станций.

— Твое право! — сказал капитан.

Генрик ушел.

Гьюджар Сидорук вышел из рабочего зала, проклиная Геннадиуса из-за его отказа от немедленной всеобщей охоты на Левиафана. Он еще не знал, что буквально через минуту будет официально принят в команду на место Генрика Пойнсот.

ГЛАВА 4

Прошло четыре дня после катастрофы... Команда Доминго в полном составе и другие шубринцы все еще оставались на базе Четыре-двадцать пять. Но были и такие, которые, взяв себя в руки, спрятав поглубже свои страдания, отправились на своих кораблях в другие колонии для несения караульной службы, как попросил их Геннадиус. Отныне их задачей стало помочь хотя бы одной из двадцати уцелевших колоний в случае нападения.

Доминго по-прежнему отказывался выполнять просьбу Геннадиуса. Он подсчитал, что патрулирование на какой-нибудь одной из колоний обеспечивало ему только один шанс из двадцати для поединка с Левиафаном, а этого ему было мало.

Полли, однако, казалось, что Геннадиус не теряет

надежды и терпеливо ждет, когда Доминго одумается и даст согласие на миссию спасения.

Капитан же был неумолим. Жажда мести слишком переполняла его сердце, оттеснив все остальные эмоции на другой план, в том числе и готовность помочь другим.

Шубринцы, оставшиеся на базе, делились на две группы.

Первая отдавалась только своему горю и подсчитывала потери, оставаясь равнодушной к судьбе других колоний, вторая — назло всем привратностям судьбы, была одержима желанием немедленно начать восстановление Шубры, чтобы вернуть все утраченное.

На базе всем беженцам на неопределенное время предоставляли кров, одежду, еду и, при необходимости, оказывали медицинскую помощь.

Но все знали, что это не надолго. Шубринцы не смогут оставаться в роли вечных подопечных, поэтому рано или поздно, даже самым отчаявшимся, придется куда-нибудь отправиться, чтобы чем-нибудь занять остаток своей жизни. Куда?.. Многим из них придется все начать с нуля, но жизнь то продолжается.

Через три дня после приезда на базу, к Доминго подошли жители бывшей колонии Шубра и попросили его, как мэра, позаботиться об их дальнейшей судьбе — найти какое-либо место вдали от базы, где они смогли бы начать жизнь, как говорится с нуля...

Но в данный момент Доминго волновали другие проблемы и он не мог понять этих проблем. Перед ним стояла одна единственная задача, от которой он не хотел и не думал отказаться.

Чуть позже Геннадиус подошел к Доминго и предложил ему выбрать какую-либо колонию для заселения, но последний странно улыбнулся и сказал в ответ:

— Начать жить заново? Тогда, что ты подразумеваешь под словом «жить»?

Несколько минут Геннадиус сурово смотрел на своего старого друга, затем повернулся и ушел, не произнеся ни слова.

Доминго крикнул ему вдогонку:

— Что нового на карте в рабочем зале?

Вопрос так и остался без ответа.

Полли безудержно хотелось обнять Доминго, дать ему возможность расслабиться и выплакать горе на ее

плече. Ее просто пугало его хладнокровие, ведущее его просто к безрассудству. Но капитан, как ей казалось, не был похож на человека, требующего, желающего утешения, сочувствия. Ей никогда в жизни не приходилось встречать кого-либо из мужчин менее склонного к слезам, чем Доминго.

И она ждала... Чего? Ждала любые перемены в его настроении, состоянии, к худшему или лучшему, но к другому...

Из разрозненных фраз и обрывков разговоров, здесь на базе, и раньше на Шубре, Полли смогла более или менее составить историю жизни Доминго.

Он прибыл в Милкпейл около двадцати земных лет назад, в то время, как говорится, еще зеленым, молодым... Его сопровождала молодая невеста — хрупкая, робкая девушка по имени Изабель. Судя по доходящим до нее разговорам, он ее страстно, самозабвенно любил. Годы, прожитые в Милкпейле, были для Изабель тяжелым испытанием. Она так и не смогла привыкнуть к жизни здесь, как будто вечно чего-то боялась...

Десять лет назад она погибла в кораблекрушении, при странных и невыясненных до сих пор обстоятельствах.

Никто точно не знал: была ли эта авария связана с берсеркерами или же это был просто несчастный случай? Двое из их трех малолетних детей погибли вместе с матерью. От этого *удара Доминго так и не* сумел оправиться.

О повторном браке он просто и слушать не выносил. Когда Полли увидела его впервые, он ей показался человеком добрым и мягким, но в некоторой степени отстраненным, как бы, от окружающей его действительности. Светом в окошке для него была единственная, оставшаяся в живых, дочь Меймио.

Беженцам было предоставлено хорошее жилище. Комнаты на базе были большими, удобными, которые и в мирное время редко пустовали. В нынешних чрезвычайных обстоятельствах все те, кому еще было куда ехать, отправились защищать свои дома, а комнаты для гостей оказались полностью в распоряжении потерпевших колонистов. Комнат на сегодня хватало, даже их было с избытком...

Полли выбрала небольшую уютную комнатку, расположенную рядом с комнатой Доминго. Днем они виделись редко, а по ночам она чутко прислушивалась к

тому, что происходило — там, в его помещении. Но оттуда обычно не доносилось ни единого звука, стояла такая тишина, что Полли начинала думать: а там ли он?

В первую ночь после приезда на базу, Полли подошла к двери Доминго и постучалась, наспех придумывая причину, оправдывающую ее вторжение к нему. Но ее нерешительный стук в дверь остался без ответа. Та же участь постигла ее и на второй раз. Она пыталась позвать его по имени, затем нажала на ручку двери, и неожиданно дверь открылась.

Комната была пуста. На узкой кровати лежала неразобранная рабочая сумка, которую Доминго всегда брал с собой в полеты.

Поразмыслив: где бы он мог быть в такое время, Полли отправилась на «Сириан Пэрл», где его и отыскала. Он даже и не намеревался спать. На настенном экране, в который раз, воспроизводилась запись разрушения Шубры, найденная потом на одном из ее защитных постов. Это была запись крушения не только Шубры, но и надежд и чаяний капитана. Через весь экран медленно проплывал Левиафан — летящая крепость уродливой, угловой формы, за которой тянулось длинное голубое свечение. Левиафан просматривался смутно, несмотря на многократное увеличение. Орудия бомбили Шубру. Все превращалось после этого в пыль... Вероятно, эта запись была сделана сразу после того, как Левиафан стал обстреливать Шубру своими снарядами — особыми малыми устройствами, которые взрывают и стерилизуют малые укрытия, подобные тому, в котором находилась Меймио. Снарядов на экране не было видно. Запись занимала всего несколько минут, а затем все автоматически повторялось...

Полли долго наблюдала, как Доминго вновь и вновь внимательно, с пристрастием смотрел запись, будто этот бой представлял собой обыкновенную инженерную разработку. Тем временем компьютер Пэрла методично конструировал цветную голографическую модель всей туманности и Полли, внимательно присмотревшись, вдруг поняла, что это — уменьшенный вариант карты, представленной на экране в операционном зале базы.

Когда несколько минут назад она вошла в зал, Доминго отвел взгляд от экрана, но только на мгновение, чтобы посмотреть: кто вошел...

— В чем дело, Полли? — спросил он рассеянно.

Она промолчала, но капитан даже не заметил. Он

тут же забыл о ней. Экран и модель, изображенная на нем, снова полностью завладели его вниманием. Через некоторое время, осознав, что кто-то наблюдает за ним, вновь взглянул на нее и спросил:

— Что случилось, Полли?

Все придуманное ею прежде было уместным для прихода к другу в соседнюю комнату, а здесь показалось совсем не уместным. Поэтому Полли выдала только часть правды:

— Я беспокоилась за тебя.

Что в это время было написано на его лице? Улыбка?..

— Не стоит! То малое, что осталось от меня, не заслуживает внимания, а тем более переживаний,— ответил он.

— Не верю. Я все еще вижу тебя. Но другого, которым ты был...

Он вновь замолчал, невнятно пробубнив что-то, сел в ожидании, когда же его оставят одного.

— Ты все еще намерен преследовать берсеркера,— спросила она. Это было скорее утверждением, чем вопросом.

Капитан рассеянно кивнул головой. Он все еще смотрел на нее, но мысли его витали далеко-далеко.

— Это тебе действительно поможет? — продолжала Полли, показав на экран.

— Думаю, что да! — сказал Доминго, откинувшись на спинку кресла и скрестив руки на груди.

Она подошла к нему поближе и присела рядом:

— Расскажи мне подробнее.

— Тебе это действительно интересно? Хорошо. Понимаешь, я пытаюсь проникнуть в мозг Левиафана, чтобы предугадать какие шаги он может предпринять в перспективе.

В устах Доминго, когда он все это объяснял, эта задача казалась почти легко осуществимой. Полли отметила про себя, что капитан сказал «он», какие шаги предпримет «он», имея в виду Левиафана.

— Могу ли я помочь чем-нибудь? — только и спросила она.

Он пристально посмотрел на нее, как будто увидел впервые, затем кивнул, обдумывая то, что собирался сказать:

— Да, конечно! Ты сможешь помочь... Когда придет время... Мне очень понадобится помощь. Мне нужна хорошая команда. А сейчас ... прямо сейчас ... я должен

со всем справиться сам. Моделирование — вот чем я занимаюсь, а тут я только сам...

Она поняла намек Доминго: на данном этапе лучшая помощь с ее стороны — уйти с дороги. Но вместо этого, откинулась на спинку и спросила, указав на экран:

— Это очень похоже на модель в операционном зале базы, не так ли?

— Должно быть.

— Геннадиус разрешил тебе воспользоваться данными центрального компьютера и всем, что записано в памяти?

Доминго кивнул утвердительно.

— Мы все еще разговариваем друг с другом, и я сказал, что мне это необходимо. Он достаточно разумный человек и понимает, что все боеспособные корабли в округе должны быть снабжены полной информацией.

У Полли еще оставалось немало вопросов, но Доминго становился все более отрешенным и отвечал на них односложно, да и неохотно. Сознавая, что он предпочитает сейчас остаться один, Полли посидела еще несколько минут и ушла.

Она не хотела, чтобы ее присутствие было нежеланным, но ей так хотелось помочь именно ему и быть нужной именно ему...

На следующее утро за завтраком в общей столовой между беженцами разгорелся спор. Полли осталась, чтобы послушать.

Небольшая группа из двенадцати или пятнадцати человек — все члены спасательного эскадрона Доминго — была готова начать все сначала и уже сумела разработать план восстановления и реконструкции Шубры.

Другие участники спора — оппоненты, говорили, что с Шуброй покончено навсегда и назад дороги нет, восстановить ничего невозможно. Обе группы не пытались убедить друг друга в собственной правоте. Но, похоже, никогда не смогли бы прийти к одному мнению или выработать единую линию поведения.

В разгар дискуссии появился Геннадиус. Он казался бодрее и веселее, чем вчера.

— У меня для вас хорошая новость, ребята! Только что прибыл пилотируемый корабль из Главного сектора. Как мы и ожидали, там прореагировали на катастрофу в Лайоунинг. Я уверен, что правительство ответит также, когда узнает о бедствии, приключившемся с вами...

Правительственный сектор выделит средства из фонда катастроф на восстановление Шубры, как, впрочем, и для других колоний, попавших в беду.

Присутствующие обменялись взглядами. Обе группы: и те, кто стоял за возрождение Шубры, и те, кто собирался уезжать, шумно приветствовали это известие. Кто-то с надеждой спросил:

— Вы считаете это решением проблемы, командир?

— Несомненно! Насколько я знаю, сектор планирует в отдаленном будущем полностью заселить Милкпейл. Пусть сейчас это и кажется далекой и трудновыполнимой задачей.— Помолчав Геннадиус добавил:

— Я тоже хочу этого. И чем больше людей будет жить на нашей территории, тем легче будет это осуществить.

— Колонии хорошо приживаются в Милкпейле,— добавил кто-то, желая казаться оптимистом.— И потом мы уже научились хоть как-то себя защищать. Туманность все еще полна жизни.

— Да. Берсеркерам обеспечена работа еще на тысячу лет,— возразил кто-то из тех, кто во всем разуверился и намеревался уехать. Оптимисты промолчали.

Через несколько минут прерванная беседа возобновилась.

«Будущее Шубры,— подумала Полли,— наверное решается сейчас. Решается без участия равнодушного мэра и при отсутствии большинства уцелевших шубринцев, которые на своих кораблях уже отправились защищать чужие жизни и чужие дома».

Но она не собиралась расстраиваться по этому поводу — у нее и так было достаточно причин для тревоги.

Когда Геннадиус ушел, Полли последовала за ним. Он оглянулся, посмотрел на нее и, не сбавляя шага, начал разговор, сам выбрав предмет для обсуждения:

— У меня еще один зал полон людей, там внизу.

Мимо них прошел Искандер Бейза, кивнул Полли, затем остановился и с любопытством посмотрел им вслед.

— Это не беженцы,— продолжал Геннадиус.— Это переселенцы с Сектора — потенциальные колонисты. Они были подняты по тревоге и прибыли сюда на базу сразу же после получения сигнала. Я хочу с ними переговорить лично до того, как они наслушаются о наших проблемах, из других уст. Если хотите, пойдемте со мной. Послушаете. Я буду говорить правду. Не

собираюсь приукрашивать действительность.

— Спасибо. Пойду с удовольствием.

Вместе с Геннадиусом она вошла в конференц-зал, где собралось приблизительно столько же человек, сколько в недавно оставленной ими столовой, но атмосфера здесь царила совсем другая.

Собравшиеся в этом зале заметно отличались от физически потрепанных колонистов. Новые пришельцы хотя явно и волновались, но казались здоровыми и не производили впечатление уставших людей.

К моменту прихода Полли и Геннадиуса потенциальные переселенцы прослушали полный официальный отчет о последних катастрофах, который скорее представлял собой скрупулезную статистику лишь голых фактов. За короткое время, проведенное на базе, они, естественно, узнали гораздо больше от уцелевших колонистов после нападения. Поэтому казались в достаточной степени озабоченными и расстроенными.

Когда Полли с командиром вошли в конференц-зал, пожилая женщина со сцены рассказывала собравшимся о берсеркерах.

— Все очень просто,— говорила она.— Там, где царит берсеркер, людям места нет. Попытка жить в местах, где хозяйничает берсеркер, это то же самое, что сунуть голову в пасть льва...

Женщина оглянулась через плечо, увидела, что Геннадиус напряженно смотрит на нее и закончила с вызовом:

— Я прошла через все это. Поэтому знаю, о чем говорю!

Геннадиус понял, что ему предстоит гораздо более серьезный разговор, чем он предполагал первоначально. Он не пытался заставить женщину замолчать и дал ей договорить. Когда она заняла свое место, командир не выдержал и начал говорить:

— Итак, мы столкнулись с очень серьезной проблемой за последние несколько дней. Пережили целую серию катастроф. Но как вы смогли убедиться наша база очень надежно укреплена и может устоять перед любой атакой. При поддержке Сектора мы чувствуем в себе силы и готовы вернуть назад то, что потеряли — хотя бы в плане территорий. Я хочу сказать, что сейчас в Милкпейле есть большие возможности: именно то, за чем, я думаю, вы сюда и приехали. Конечно, мы пережили большую катастрофу сейчас, но я...— командир

запнулся, подбирая слова.— Как бы мне лучше сказать?.. Мы не имеем дело с некими сатанинскими чудовищами. Я не знаю, кто из вас еще верит в сверхъестественные силы... и что собой представляет эта вера. Но неважно — это не имеет значение. То, с чем мы столкнулись сейчас — это машины, обыкновенные машины... ну как этот видеомагнитофон.

Пока он говорил, дверь в коридоре открылась и на пороге появился Искандер и Доминго. Они явились как раз вовремя и успели услышать его последние слова.

В ответ Доминго тихо произнес только одно единственное слово:

— Левиафан.

Он сказал его так, как будто это был единственно верный ответ на некоторые вопросы, витающие в зале.

— Добро пожаловать, капитан Доминго,— кивнул Геннадиус прибывшим.— Вот человек, который совсем недавно пережил трагическое столкновение с берсеркерами. Он ...

Капитан улыбнулся, и Полли показалось, что это была улыбка сумасшедшего.

— Нет, не с берсеркерами, командир. Это было столкновение с одной особенной машиной. Хотя термин «машина» — не совсем подходящий. А потом ... столкновение, как ты это называешь, не просто трагическое... Нет, скажи им всю правду.

Геннадиус пришел в отчаяние.

— И все-таки на твою колонию напала машина..., которой люди дали имя, как какому-нибудь искусственному богу ... или идолу. Но это все не так. Почему слово «машина» не подходит? Берсеркер — это машина!

— Неужели? Скажи еще что-нибудь,— голос Доминго был по-прежнему спокойным.

— Больше мне нечего добавить. Если вы хотите знать правду, то Левиафан и другие берсеркеры, это обыкновенные машины, которые рано или поздно выйдут из строя.

Доминго не возразил. Он молча слушал командира базы и наблюдал за его усилиями вдохновить потенциальных колонистов. Геннадиус сказал, что несмотря на страшные рассказы о берсеркерах, он хотел бы убедить всех, что препятствия, связанные с ними, не настолько непреодолимы.

— Некоторые люди,— продолжил он,— считают, что

проблемы, связанные с берсеркерами, неразрешимы и будут вечными. Но это неверно. Это машины, я повторяю, которые, с нашей точки зрения, могут иногда выйти из строя. А значит, мы сможем их преодолеть.

— Ты думаешь, что Левиафан — это простая машина, не так ли? — снова вмешался Доминго.— И что он может выйти из строя, да?

Он выдержал паузу.

— Я хотел бы показать тебе, что он собой представляет. Я хотел бы, чтобы ты был рядом, когда я выну его сердце.

Геннадиус холодно посмотрел на капитана.

— У тебя сейчас трудные времена, Доминго ... Но не у тебя одного. Я уважаю тебя за все, что ты сделал ... и сочувствую твоему горю. Но желание отомстить куску металла — это по-моему, безумное занятие.

Полли затаила дыхание. Она понимала, что слова командира были намеренной тактикой, он просто пытался вывести Доминго из шока, хотя она и не думала, что это сработает.

Потенциальные колонисты, затаив дыхание, следили за этой сценой. Они вертели головами, следя за разговором, как зрители на футбольном матче следят за действиями игроков.

— Только кусок металла, говоришь? Ты действительно так думаешь?

— Именно так я и думаю. У тебя есть доказательство обратного? Я хотел бы посмотреть на них.

— Мое тело — тоже машина? А — твое? — Или моей дочери?.. Чем было ее тело, командир? Чем?

Последовавшее за этой перепалкой гробовое молчание, казалось нескончаемым. Наконец, Геннадиус, заговорил:

— Я думаю мы все, в некотором роде, машины.

— А я думаю, что машина — это ты,— сказал Доминго в запальчивости.

Полли почувствовала, как по телу поползли мурашки: но не от слов, а от чего-то необъяснимого в интонации Доминго.

Присутствующие все еще внимательно слушали и наблюдали за происходящим.

Полли видела, как командир базы изо всех сил старался казаться спокойным, уравновешанным и предполагала, что он не хотел придавать большое значение поведению Доминго, сочувствуя его горю.

— Если у тебя есть тактические соображения, капитан, я буду рад выслушать их в операционном зале. Тем не менее мне хотелось, чтобы ты обратил внимание на другое. Ты все еще мэр Шубры. Некоторые из здесь сидящих, может быть, захотят отправиться туда. Я считаю, что это твой долг, твоя обязанность поговорить с ними и...

— Если я все еще являюсь мэром той колонии... К черту! Что касается ее возрождения... Я ничего не хочу!

— Как мэр ты...

— Ты хочешь моей отставки?

— Это не мое дело принимать ее. Поговори со своими гражданами!

Затем командир базы смягчился:

— Мы все пострадали, Найлс... Может быть, не в такой степени, как ты... Но всем нам надо подумать, как продолжать жить. Есть решения, которые нельзя откладывать.

— Я знаю, чего нельзя откладывать! — Доминго посмотрел на командира, затем на Полли. Но она не поняла, чего он от нее хотел в этот миг.

Через минуту он ушел из зала. Полли вышла вслед за ним.

Но его уже там не было...

ГЛАВА 5

«Сириан Пэрл» в последнее время, как и другие корабли спасательного эскадрона не принимал прямого участия в боях, а потому ему не требовался и ремонт.

Незначительная профилактика, необходимая для обеспечения его полной боевой готовности давно была проведена. Геннадиус стремился к тому, чтобы каждый пилотируемый корабль в туманности был полностью оснащен орудием и готов к боевым действиям.

Ситуация складывалась так, что каждый понимал — бои еще впереди, они не закончились. Но никто не мог с точностью предсказать: чего ожидать от берсеркеров. Но в любом случае, надо быть готовым к нападению.

Стоянка для кораблей практически была пуста. Кроме «Пэрла» здесь находилось несколько кораблей, принадлежащих Военно-космическим силам: одни из них находились на текущем ремонте, другие просто предназнача-

лись для транспортных работ и защитных целей — в случае неожиданного, хотя и маловероятного нападения берсеркеров на саму базу. База была в действительности оснащена защитной системой. Враг не посмел бы напасть сюда, так как в туманности еще можно было найти гораздо более соблазнительные точки для поражения: колонии менее защищенные, тем более после стольких лет относительного мира.

Корабль Доминго давно бы уже поднялся в пространстве, хотя продолжал оставаться на стоянке. Гьюджар Сидорук и Искандер Бейза проводили тщательную техническую проверку всех постов и систем. В общем-то это было излишним, они прекрасно знали, что все находится в рабочем состоянии.

— Ты знаешь, Сид? — спросил Искандер, подбочинившись и стоя на самом высоком изгибе корпуса корабля.

— Да...?

— Я действительно не дождусь, когда наш корабль отправится в путь.— Он казался серьезнее, чем обычно.

Гьюджар оторвался от дел и тревожно посмотрел на Искандера. Он и сам мечтал только об этом, иногда ему казалось, что ничего не ждет в будущем и единственное, оставшееся для него — охота на «Левиафана», чего он и желал как можно быстрее.

Сидорук, в отличии от других членов команды, был не знаком с этим кораблем и поэтому занялся изучением систем и новых видов орудий, внедряемых Доминго.

В начале Гьюджар принял как должное утверждение, что боевое снаряжение «Пэрла» соответствует сложной задаче, поставленной Доминго. Но, работая вместе с Искандером и отвечая на его многочисленные вопросы, он стал в кое-чем сомневаться.

Гьюджар все еще хмурился и думал о своем, когда внизу раздались чьи-то шаги. Через некоторое время на лестнице, прикрепленной к корпусу корабля, появилась Полли Суслова.

— Привет! — сказала она.— Где капитан?

Бейза улыбнулся ей, отвечая:

— На борту. Полчаса назад я видел его крепко спящим.

Полли чувствовала, что этот человек, несмотря на улыбающееся лицо, недолюбливает ее и догадывалась, что это своего рода ревность...

Насколько она знала, Бейза был одинок, не имел семьи, до нападения на Шубру.

— Хорошо,— сказала она.— Пусть поспит. Ему нужен отдых.— Она взглянула на Гьюджара, который, перегнувшись через перила лестницы, угрюмо куда-то смотрел. Он, казалось, не прислушивался к их разговору, хотя могло быть и иначе.

— Ты считаешь, что капитан болен? — спросил Искандер.

— А ты его видел таким прежде?

— Каким — таким,— голос Искандера показался ей ровным и лишенным каких-либо эмоций.— Он жаждет охоты на берсеркеров. Если это считается признаком сумасшествия, то таких здесь — неисчислимое множество.

— Я не сомневаюсь... Но дело в том, что еще несколько дней назад он не входил в их число.

— Он войдет в форму, как только уничтожит «Левиафана».

Солидный, широкоплечий Искандер казался очень уверенным в себе.

— Только при условии, что сможет поймать его,— вмешался Гьюджар.

— Сумеет! Он сумеет!

Сидорук, хмурясь, повернулся к Искандеру и сказал:

— Ты только что пытался нас убедить, что оружие на корабле несовершенное. Или я не так тебя понял?

— Ты в действительности считаешь, что это — именно то, что необходимо Доминго? — спросила Полли Искандера.

— Он так считает,— уточнил Бейза и пошел по направлению к лестнице.— Пардон, мадам, мне пора уже приниматься за работу.

Полли сделала шаг в сторону, уступая дорогу Искандеру. Но у нее оставался еще один вопрос к нему:

— Послушай, ты уже давно знаком с капитаном. Был ли ты с ним, когда его семья погибла в той аварии, десят лет назад?

— Был. Но тебе лучше спросить об этом его самого,— он как-то по-клоунски раскланялся и ушел.

Гьюджар на время отвлекся от своих грустных раздумий и услышал ее последний вопрос:

— Что ты хочешь знать о том крушении? — спросил он.

— Я просто хочу знать имеют ли берсеркеры отно-

шение к тому случаю? Ведь корабли исчезают в космосе порой при неизвестных обстоятельствах. Может это не берсеркеры?

— Но, я хорошо помню как все было. Действительно, на этот раз, кажется обошлось без берсеркеров. Хотя и очень было похоже, что это они...

Подавляя щемящее чувство жалости к Доминго, Полли осторожно присела на металлическое перило:

— Расскажи мне, пожалуйста об этом!

— Хорошо, если хочешь — слушай. Его жену звали Изабель. С их двумя детьми она откуда-то летела назад, на Шубру. На полпути, за несколько минут до аварии, их капитану удалось отправить курьера с известием, что их преследует Левиафан. Это было единственное сообщение. Больше никто ничего не знает: то ли берсеркер их нагнал, то ли корабль потерпел крушение, пытаясь ускользнуть от них. Может быть, корабль и превысил скорость в тумане или что-то в этом роде. Следов так и не нашлось. Не были найдены и обломки корабля, а в живых не осталось никого.

— Понятно,— пробормотала Полли.

Снова раздались чьи-то шаги по лестнице. Через несколько минут показалась голова Симеона.

— Вот вы где, ребята. Есть новости! Только что получено сообщение, что один из эскадронов Геннадиуса принял бой и расстрелян. Сейчас его доставят сюда, на базу.

— Не понятно?

— Ничего доподлинно неизвестно. Сообщения противоречивы.

Полли ухватилась за перила, боясь потерять сознание и попросила Гьюджара пойти с ней. Но он отрицательно покачал головой:

— Нет. Иди ты вперед. Я еще не все проверил. Какие бы ни были новости, я надеюсь, мы скоро отправимся.

Полли, взяв себя в руки, быстро сбежала по лестнице. Все понимали, что многие захотят узнать подробности недавнего боя. Но пока ничего нельзя было сказать точно.

Искандер сказал ей, что Доминго спит. Поколебавшись мгновение, Полли открыла крышку люка и вошла в корабль. Каюта капитана была пуста и Полли подумала, что глупо было искать Доминго здесь, чтобы там Искандер об этом ни говорил.

Она нашла Доминго в общем зале, неподвижно сидящим за пультом управления у компьютера, на его лице, повернутом к ней, играли многоцветные блики, отражающиеся от настенной модели.

Увидев его в первую минуту, Полли вздрогнула: он был похож на мертвеца.

Но чуть позже, рассмотрев его, она приободрилась: Доминго действительно спал. Он дышал глубоко, размеренно. Вероятно, это был его первый настоящий сон после всего, что произошло.

Но Полли была уверена в том, что он захочет узнать новости, поэтому решилась разбудить его. Она тронула его плечо. Доминго тут же открыл глаза и даже без малейшего удивления посмотрел на нее, словно ожидал этого. Узнав о последних событиях, он немедленно поднялся, без промедления отключил аппаратуру и стремительным шагом направился в рабочий зал. Полли последовала за ним.

Они пришли вовремя, командир базы Геннадиус как раз встречал прибывающие команды.

Прибывшие военные корабли привезли новые дополнительные данные. За последние несколько дней. По этим сведениям получалось, что это третье нападение берсеркеров. На этот раз их мишенью стала Мэласпайна — планетойда солнечной системы, расположенная на окраине туманности.

При возвращении на базу корабли флота перехватили странные радиосигналы, исходящие от заселенной колонии Мэласпайна. Сигналы извещали о том, что в пространстве, ее окружающем, обнаружено что-то похожее на корабли... Через считанные секунды к флоту подоспели курьеры-роботы с атакуемой колонии, со срочным и уже таким знакомым ужасающим донесением:

«Колония под атакой берсеркеров».

Геннадиус внимательно слушал отчет и одновременно пытался что-то вспомнить:

— Мэласпайна... По-моему, месяц назад было получено донесение о том, что в окрестностях колонии обнаружена какая-то особенная форма туманной жизни, не так ли?

Кто-то из стоящих рядом сразу подтвердил это.

— Но это еще не все,— сказал один из капитанов.— Согласно последним донесениям, полученным спасательным отрядом, некоторые жители планетойды вели себя как-то странно во время атаки.

— Вероятно, это из-за истерики,— предположил один из штабных офицеров.

— Похоже на то. В одной из радиопередач сообщалось, что люди ведут себя, как сумасшедшие: рвут на себе волосы, поют, мечутся словно бешеные... Вот и все, что нам пока известно.

— У вас есть запись?

— Последних боев? Да. Она будет готова через минуту, командир.

Присутствущие на базе, анализируя события сначала, решили, что странное поведение колонистов во время атаки и после нее, было вызвано каким-то новым вирусом, им еще неизвестным.

Оперативная группа, молниеносно среагировавшая на призыв о помощи, прибыла на атакуемую колонию как раз вовремя, чтобы спасти ее от тотального разрушения.

Наконец, в рабочий зал были доставлены пленки с записью боев. Свет в зале сразу же погас и зажегся экран. Рядовой офицер только что прибывшего оперативного отряда, показывал пока без комментариев полные записи битвы.

Когда на поле битвы вступил мощный защитный отряд космического флота, отряд берсеркеров прервал штурм и отступил. Космические силы прибыли с некоторым опозданием, а до тех пор людям пришлось пережить немало страхов. В нападении участвовало три или, вероятнее всего, четыре берсеркера.

Штабной офицер выругался:

— Проклятие! Вы только посмотрите. Это новый вид оружия. Наземные защитные лучи будто отрезаются и напоминают вспышки магния.

— Теперь понятно почему берсеркерам так легко удалось опустошить Лайоунинг и Шубру,— услышал он в ответ.

Когда берсеркеры отступили, прервав атаку на колонию, оперативная группа бросилась в погоню и, после часа преследования, вынудила их снова вступить в бой. Затем еще раз берсеркеры вышли из боя, но преследование космических сил продолжалось. На этот раз пилотируемый эскадрон угодил в хорошо задуманную засаду. Сделав петлю и вернувшись назад, на свой собственный след, эскадрон вскоре потерял врага из виду, после чего командир боевой группы дал приказ вернуться на Мэласпайну, для ее защиты.

— Вы говорите, что там уже оставлен отряд для защиты колонии? — спросил Геннадиус.

— Так точно! — последовало в ответ.

Геннадиус стал мучительно думать, где найти корабли, чтобы сменить те, которые остались на той планетойде. Противник за последнее время одержал такие победы, что пора было подумать и о безопасности самой базы.

— Лучшее, что я могу сейчас сделать — это послать в Мэласпайну несколько охранных кораблей. Это в том случае, если найду нужное количество штатских волонтеров.

Геннадиус повернулся и спросил у Доминго:

— Как ты думаешь?

Доминго, внимательно слушающий его до сих пор, проигнорировал вопрос.

— Была ли там «Голубая смерть? — обратился он с вопросом к офицеру.— Я имею в виду на Мэласпайне, и потом, на экране я видел аппарат, очень похожий на него. Но я не уверен...

Присутствующие переглянулись.

— Кажется, да,— прозвучал чей-то неуверенный голос.— Похоже на «Голубую смерть»...

— И вы не уничтожили его,— это был скорее не вопрос, а утверждение.

— Нет, к сожалению сделать это не удалось.

Полли показалось, что у капитана даже вырвался вздох облегчения.

— Мне хотелось бы посмотреть записи, как можно быстрее,— сказал Доминго.

Измученные капитаны оперативной группы снова переглянулись. Их взгляды, казалось, говорили: «Кто этот человек?»

— Они сейчас будут готовы, сэр,— ответил Геннадиус на просьбу Доминго.

Вскоре в зал принесли дополнительные записи, из которых после замедленного прокручивания, стало окончательно ясно, что Левиафан — активный участник акции против Меласпайны.

Полли впервые так четко видела монстра по имени «Голубая смерть». Уцелевшая фрагментарная запись шубринской наземной защиты была не в счет. На этот раз корабль был виден под разными углами, на различной длине волн. Быстрый темп боя замедлялся техническими средствами, что давало возможность хорошо изучить Ле-

виафана. Это было, как будто вы его увидели в действительности и остались в живых.

Перед всеми присутствующими предстала некая огромная старая угловатая и поврежденная форма, окруженная голубым сиянием. Предполагалось, что голубой свет представлял собой излучение дефективных компонентов привода или других бортовых систем.

«Это смертельный враг, Доминго, а значит и мой,— подумала Полли.— Если я не могу заставить его отказаться от задуманной цели, может быть, я смогу помочь ему добиться своего? И тогда...»

На экране страшные картины сменяли друг друга, но для Полли гораздо страшнее было выражение лица Доминго во время показа записей.

Геннадиус, не отрываясь от экрана, кивком подозвал к себе одного из помощников. Полли слышала, как командир базы приказал ему составить подробный отчет обо всем увиденном.

С минуты на минуту должен был отправиться пилотируемый курьер в Главное управление космических сил. Он и доставит в центр это тревожное донесение.

Затем, Геннадиус спросил курьера могут ли они надеяться на какое-либо подкрепление из Главного управления в ближайшем будущем?

— Не стоит на это рассчитывать, сэр. Сектору катастрофически не хватает боевиков. Берсеркеры шалят и в других районах.

— Я так и предполагал. Но все может еще больше осложниться,— Геннадиус вновь посмотрел на огромный экран.— Нам следует, как можно быстрее и эффективнее мобилизовать все колонии в Милкпейле.

— Да, сэр.

— Следующим курьером,— обратился командир к другому своему помощнику,— я отправлю донесение с призывом ввести законы военного времени во всем Милкпейле. Подготовь письмо, а я подпишу.

Потом он обратился к Доминго:

— Найлс, возьми своих людей, всех кто боеспособен, а также все свои корабли и присоединяйся к внутренним охранным силам базы. Службу будешь нести либо на Мэласпайне, либо еще где-нибудь, выбирай сам.

— Я уже сказал тебе, где буду нести службу, Геннадиус. Капитаны, желающие подчиниться тебе, вольны сделать это. У меня другие планы. У нас свой корабль, и команда мне пока подчиняется.

— Да? И какие же тогда у тебя планы?

— Я буду преследовать Левиафана.

В зале стояла такая тишина, что Полли услышала даже вздох Геннадиуса.

— Преследовать? На одном корабле? Но это же нелепо. Я уже сказал, что надо делать. Если ты не согласен с этим, тогда отправляйся домой и оставайся там.

— Домой? Ах, домой! И где же он, скажи на милость, мой дом?

— Тогда отправляйся куда хочешь с глаз моих долой. Извини, Доминго, но другим людям тоже нелегко. На этот раз — это мой приказ. Я ввожу законы военного времени.

Доминго молчал. Когда он заговорил, ответ его прозвучал удивительно кротко:

— Хорошо, Геннадиус. С этой минуты наши дороги разошлись.

Доминго обвел взглядом свою команду, кивком головы позвал их за собой и вышел. Команда молча последовала за ним.

Когда все собрались вокруг него в коридоре, он спокойно сказал, что объявляет немедленный сбор на корабле.

Через несколько минут шесть человек собрались в общем зале на борту «Пэрла». Капитан обвел всех внимательным взглядом и сообщил:

— Я не стал никого разуверять. Пусть на базе думают, что мы отправляемся домой посмотреть, что можно сделать, чтобы хоть как-то дать новую жизнь Шубре — восстановить ее обороноспособность. Но, если кто из вас думает, что я действительно собираюсь подчиниться приказу командира базы, то забудьте об этом. Моя прежняя задача остается в силе.

Генрик Пойнсот тоже присоединился к команде, когда все вышли в коридор. Он отправился за ними на корабль, мотивируя желанием забрать несколько личных вещей, оставленных им на борту.

Войдя в общий зал, он спросил у капитана:

— А что ты скажешь об остальных шубринцах? Им как быть?

— О чем ты?.. Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что здесь на базе остаются около двадцати наших граждан и они захотят узнать какого черта ты себя так ведешь, Доминго. Речь идет о

Шубре. В конце концов, ты все еще являешься ее мэром.

— Ну что же, я уполномачиваю тебя довести до их сведения: если они хотят, могут принять мою официальную отставку. Но если кто-либо из вас устанет глазеть на обломки того, что раньше было нашим домом, он сможет присоединиться ко мне позже. Сейчас я никого ждать не буду.

Капитан говорил холодно и пренебрежительно. Люди, хорошо знающие Доминго, во всяком случае лучше чем его знала Полли, странно смотрели на него. Если Доминго и сознавал это, то вида не подавал.

Искандер напряженно наблюдал за капитаном, а затем взглянул на Полли. Она не могла определить: был ли это взгляд союзника или соперника?

— Ты нарушаешь приказ командира, Найлс,— сказал Пойнсот.— И я не обещаю сохранять это в секрете.

— Говори кому хочешь и иди к черту! Ты, по крайней мере, избавишь меня от необходимости сообщить об этом Самому ...

Пойнсот осмотрел всех, начал что-то говорить, потом решив, что все напрасно, раздумал и ушел.

Доминго обвел всех взглядом:

— Кто еще уходит? .. Решайте сейчас, пора ...

— Я отправляюсь с тобой,— стал на его сторону Гьюджар Сидорук.

— Хорошо ... Ты, Полли?

— Я тоже,— с готовностью ответила она и поняла, что самый большой страх для нее в данный момент — расстаться с ним. Она боялась этого гораздо больше, чем самих берсеркеров. Когда она пыталась думать о своих детях, единственное, что пришло ей на ум — это то, что они далеко и в безопасности.

— Искандер? ... Думаю, тебе излишне спрашивать ... Вильма? Симеон? Как вы?

Супружеская пара, запинаясь и перебивая друг друга, сказала, что они все потеряли из-за берсеркеров, жаждут мести и пойдут с ним до конца.

Когда Пойнсот сообщил Геннадиусу о решении Доминго, «Пэрл» уже улетел.

Командир базы, обремененный другими трудноразрешимыми проблемами, только кивнул в ответ и как-то обреченно вздохнул. Зная Доминго, он даже не был удивлен таким решением.

Он вычеркнул «Сириан Пэрл» из списка охранных

кораблей и подумал, что отныне должен считать его потерянным, а это существенно усложнит многое — только прибавит ему головной боли.

ГЛАВА 6

Команда, дополненная новым членом, в Лице Гьюджара Сидорук, заняла свои места на борту «Пэрла» и улетела с базы, даже не заполнив официальный бланк вылета.

Капитан задал нужный курс кораблю и передал бразды управления своему главному помощнику Искандеру. Перебросившись с ним несколькими словами, Доминго отправился в свою каюту отдохнуть. До каюты было недалеко. Для этого нужно было только пройти через узкий, с мягкой обивкой коридор, соединяющий рабочую дежурную комнату с капитанскими «покоями». Последние представляли собой небольшое помещение, не отличающееся от кают других членов команды ни размерами, ни роскошью.

Капитанская каюта, как и все остальные на борту, могла поместить только одного человека с ограниченным комфортом, присущим военным кораблям.

Доминго снял верхнюю одежду, уменьшил интенсивность освещения и свечения различных дисплеев и поудобнее устроился, чтобы попытаться хоть немного поспать. «Если ему не удастся уснуть,— подумал он,— то примет какое-нибудь снотворное...

Но ему ничего не понадобилось. Усталость была намного больше, чем он предполагал. Доминго заснул почти мгновенно. И увидел сон ...

Никогда раньше в глубоких, даже мертвецких, снах, которые порой одолевали его, ему не снилась его убитая дочь Меймио — плоть от плоти его. Точно так же не снились ему и берсеркеры, как до, так и после уничтожения Шубры. А теперь это пришло все во сне.

Смутные сны, беспокоившие Доминго после аварии десятилетней давности, были малочислены и казались незначительными. Но теперь, когда он отправлялся в погоню за своим смертельным врагом на новом и совершенном корабле, к нему вернулся сон, который ему не снился уже много, много лет. Он видел рядом с собой

свою жену Изабель с двумя малолетними детьми, которые были с ней в тот момент... Меймио, их третий и последний ребенок, не появлялась в этом сне; она как будто была вне из их той жизни, словно никогда не существовала.

В этом сне получалось так, что вся его семья из трех человек вернулась, наконец, домой, на Шубру. Будто сообщение об их гибели оказалось ложным из-за досадных недоразумений.

Во сне Доминго был снова на Шубре и мирно работал в открытом космосе под жемчужным небом, а Изабель была где-то рядом. Он не видел ее, но чувствовал ее присутствие и знал, что рядом с ней и их дети тоже в безопасности. Он был настолько уверен в ее близости и доступности, что его не беспокоило даже то, что он до сих пор ее так и не видел.

Доминго в снах почему-то был слишком занят, пытаясь выполнить какую-то очень важную сверхсложную задачу. Сон ему снился неоднократно и, просыпаясь, он никак не мог вспомнить: какую работу делал. Он только знал, что это очень нужное дело, которое отнимало его внимание, не оставляя времени даже на попытку взглянуть на Изабель...

Но достаточно было чувствовать, что она рядом, и капитан знал: как только сделает свое дело, то сразу сможет пойти к ней.

На этот раз он проснулся, и одиночество захлестнуло его. Он знал, что летит на этом новом, совершенном аппарате и хорошо осознавал для чего и куда, но в душе была одна пустота и заполнить ее было нечем.

Отправляясь с базы Доминго вначале взял курс на Мэласпайну, как предполагала часть его команды, а решил сделать рейд по туманности, надеясь найти более свежий след от прохождения берсеркеров.

После двух дней поисков «Сириан Пэрл» прибыл в район последних боев, проведенных эскадроном Геннадиуса. Разрушения, вызванные оружием, применяемым во время битвы, ощущались повсеместно. Ударные волны вот уже столько дней распространяющиеся со скоростью несколько километров в секунду, образовали вполне очевидное и невызывающее сомнения, волнения среды.

— Давай выразим это в цифрах,— сказал Искандер Симеону, для которого поиск берсеркера в туманности и нахождение его следа было занятием новым и неиз-

вестным.— Ну предположим, диапазон распространения волн составляет десять километров в секунду, тогда через день мы имеем выпуклое облако, охватывающее пространство в миллионы километров.

Тем не менее, облако с нарушениями таких больших размеров представляет собой крохотную опухоль внутри объекта еще больших габаритов, как Милкпейл, который включает в себя дюжину известных солнечных систем и, может быть, еще несколько, пока не открытых.

Если не принимать во внимание столь явных следов недавних боев, этот участок туманности отличался неземной красотой. Контрастные вариации плотности в туманности, неизвестного происхождения, создавали картину из огромных, что-то вроде куполов и других архитектурных сооружений. Иные фантастические формы напомнили залы и особняки, встроенные в скалы. Такие и подобные этому виду постоянно проплывали мимо «Пэрла».

Вильма, всматриваясь в экран, напоминающий окно, восхищенно воскликнула:

— Многие люди думают, что рай должен выглядеть именно так! Везде белые облака и мраморные залы. Это потрясающе!

Ни один корабль больше не присоединился к «охоте» Доминго и, похоже, никто и не собирается сделать этого.

Доминго же волновало другое: он боялся, что что-нибудь помешает ему настичь Левиафана, это и не давало ему покоя.

Время от времени Симеон и Вильма пытались угадать: «Чем занимаются их друзья, отказавшиеся принять участие в «охоте»?»

Капитан как бы игнорировал все их раздумья, как впрочем, многим казалось, что ему вообще ни до чего нет дела.

Отправившись в путь, одержимый только одним, Доминго даже изменился и сейчас демонстрировал просто фанатичное терпение, не спорил, не разговаривал... Четко и кратко он изложил команде суть своих требований, затем приказал двум членам команды надеть скафандры и отправиться на аппарате в космос для его детального обследования. Цель была одна — тщательное изучение малейших обломков и осколков, широко разбросанных на поле битвы. Планировался и сбор образцов микроскопической пыли и частиц тонкого газа, а также

поиск материала, сообщающего любого вида информацию о берсеркерах и особенно о Левиафане.

Самой главной целью, конечно являлось нахождение точки отправки Левиафана. «Пэрл» патрулировал пространство, в котором имели место бои, и время от времени останавливался, чтобы выпустить аппараты с борта корабля с исследователями. Процесс этот длился полдня, пока наконец-таки нашелся участок, который, по мнению Доминго, был наиболее удачным для проведения детального изучения. В подкрепление к уже работающим в открытом космосе были отправлены еще два робота.

Туманность еще была насыщена энергией, выброшенной кораблями и машинами во время недавних боев.

Нарушения в большинстве облаков все еще продолжались и волны распространялись на расстояние в десятки метров и больше за секунду, постепенно затухая и смешиваясь с другими веществами. Излучающие радиацию облака по мере охлаждения сжимались и окрашивались в красный цвет и были похожими на кровавые брызги, разбросанные на фоне белизны. Сокращение облаков вселяло надежду: сжимающиеся сгустки пока еще сохраняли следы прохождения берсеркеров.

А ведь прошло уже несколько дней после битвы и следы начали стираться, благодаря естественному движению материи в туманности. Но Доминго упорно настаивал на продолжении поисков.

Полли продолжала наблюдать за капитаном, как только у нее выдавалась свободная минутка. Временами она пыталась убедить себя, что сопровождает его в этой безумной экспедиции, главным образом, ради безопасности своих детей. Она хочет внести свою лепту в благородное дело освобождения Милкпейла от ужаса, именуемого «Голубая смерть», чтобы маленькие миры, разбросанные повсеместно по туманности, представляли собой цветущие и безопасные островки для жизни и всего и вся, и в том числе ее детей. Это была стоящая задача, но в душе она знала, что — не единственная.

«Вот человек, которого я люблю»,— думала она, всматриваясь в его изображение по межсвязи и пытаясь угадать, что ждет их впереди.

Никогда прежде она не была так самозабвенно влюблена, как сейчас. Особенно в человека, который похоже, не отвечал ей взаимностью. Иногда она задавала себе вопрос: «Замечают ли остальные ее чувства? Не заметить этого невозможно,— решила она.— Если бы не

этот водоворот событий в кошмарном аду, в котором они пребывают сейчас, то тогда ее чувства не составляли бы секрета и для него самого».

Теперь она жалела, что не поговорила с Геннадиусом до их отъезда с базы. Она должна была сделать это. С одной стороны, не было времени — командир базы был постоянно занят. С другой стороны, Доминго пришел в себя и казался в норме. Размолвку между ними она считала временной.

Иногда ей хотелось серьезно поговорить с Искандером, но до сих пор это не удавалось. Она видела, что Искандер был ближе всех к капитану, хотя особой дружбы между ними не было.

Ее тревога за Доминго продолжала быть такой же жгучей, как и прежде. Хотя теперь, полностью отдавшись погоне, Доминго выглядел сильным, вполне здравомыслящим. Его поведение не давало абсолютно никакого повода для беспокойства. Он казался окрыленным, энергичным и почти счастливым, пока перед ним стояла цель — месть. Пусть даже месть куску металла, как сказал однажды Геннадиус. И все-таки, такая энергичность Доминго беспокоила Полли.

«Он не выдержит и силы его сдадут,— думала она.— У него не было времени оплакивать свою дочь, как положено. Психологический надрыв достиг своего апогея после трагедии десятилетней давности, а шок от смерти Меймио лишил его последних человеческих чувств».

Тем не менее были периоды, *длящиеся иногда часами,* а иногда минутами, когда ей удавалось убедить себя, что все ее опасения напрасны. Доминго — сильный, мужественный человек и выдержит этот удар. Естественно, он все еще зол на весь мир и бросает вызов своей горькой судьбе. Но он справится с бедой и все придет в норму.

Но уверенность ее длилась недолго и страхи возвращались вновь.

Поиск микроскопических доказательств, согласно требованиям Доминго, было заданием не из легких.

Однажды, на ежедневных сборах в общем зале, где команда обсуждала и планировала дальнейшую работу, Гьюджар запротестовал:

— Для того, чтобы хорошо выполнить твое задание, Доминго, нам нужен флот.

Капитан оставил его протест без внимания, но все-таки уточнил:

— У нас нет флота, мы должны сделать это своими силами.

Поиск продолжался еще несколько дней. «Пэрл» медленно пробирался по туманности. Этот прекрасный, напоминающий огромное серебристое яйцо корабль, созданный руками лучших мастеровых и снабженный самыми совершенными компьютерами и приборами, был способен выполнять любую работу в туманной среде. Он непрерывно продвигался вперед. Члены команды непрерывно отбирали образцы, методично проводили анализы и исследования.

Полли часто работала в открытом космосе и для этих целей имела специальный удобный скафандр, изготовленный по ее собственному заказу. Сейчас она в очередной раз находилась в космосе, вне летательного аппарата, в так называемой «молочной» среде и проводила исследования, стараясь не отвлекаться на окружающие красоты. Пейзаж за пределами корабля не был ей в новинку: она родилась на одной из планетойд Милкпейла и выросла из другой. Но имела мало возможности видеть такой участок туманности напрямую, а не на экране компьютера.

Временами в облаках встречалось видимое движение частиц. Здесь возникали примитивные формы жизни, которые иногда в изобилии размножались. Микроскопические создания, двигаясь в большом количестве, могли изменить форму облака и качество его освещения.

Главная задача Доминго — найти точку отправки берсеркера, пока не была достигнута. Здесь в космосе среди множества отвлекающих внимание предметов, легко было пропустить искомое.

— Тебе может помочь только удача,— сказал Искандер.

— Удача? — удивился Доминго.— Какая связь между нашей работой и удачей?

Левиафан, сам по себе, никогда не мог быть символом удачи: зловещие цели его древних создателей протекали по схемам этого монстра точно так же, как кровь протекает по венам у любого человеческого существа. Разрушение, боль и несчастья, которые он приносит в жизнь Милкпейла, не были случайностью. Точно также не были случайными и его, Доминго, столкновения с этой проклятой крепостью. Капитан был уверен в этом

сейчас, как никогда прежде, он ощущал это всем своим существом.

Поиск следа Левиафана мог и не увенчаться успехом. Но проведенные исследования принесли немало новых, другого рода, данных о берсеркерах.

Компьютерный анализ образцов, собранных в местах недавних боев, обнаружил некоторые до сих пор неизвестные нечеловеческие и необычной формы органические следы. Само по себе присутствие органической материи в туманной среде не являлось чем-то из ряда вон выходящим... На некоторых планетоидах была в ходу практика сбора и переработки такой материи. Но единичные образцы, собранные здесь после компьютерного анализа, не оставляли сомнений в их генетической, лабораторной обработке на молекулярном уровне.

— Я сказал бы, что это своего рода осколки, оставшиеся от микрохирургии. Каким бы ни был этот процесс, он скорее всего проводился широкомасштабно, раз мы сумели поймать его следы сейчас. Но одно то могу сказать. Это не оставлено ни одним кораблем Военно-космических сил. Неужели берсеркеры стали заниматься хирургией? — шли разговоры на корабле.

— Давно ходили слухи, что они занимаются биологическими исследованиями.

— Действительно, это не первая их попытка за всю историю. А, может быть это только предположения? Эти следы могут быть частицами, оставшимися от берсеркеров или от научного оборудования, созданного человеческими руками... или же результатом смешивания и того и другого.

— О каком человеческом исследователе может идти речь? О ком-нибудь, работающем здесь?

Никто не сумел ответить на этот вопрос.

Попытка берсеркеров вести биологическую войну против человечества с помощью микроорганизмов была не нова. Однако, этим машинам смерти редко удавалось достичь большого успеха в тактике распространения болезней. Если они снова пытаются добиться этого сейчас, вероятно сумели разработать некоторые новые варианты. Но какие?

Хотя теоретические и практические проблемы, связанные с болезнями и их распространением, могли и не интересовать берсеркеров. Тогда что?.. Вопросы... вопросы...

Основной компьютер «Пэрла» подал сигнал о том, что накоплен достаточный объем данных, позволяющий представить модель битвы.

ГЛАВА 7

Общая комната на борту «Сириан Пэрл» была единственным местом, где могли собраться одновременно все шесть членов команды. На платформе, занимающей центральную часть комнаты, установлен главный компьютер корабля, который все последнее время занят конструированием модели местных нарушений в пределах туманности. Другая модель, изображающая всю Милкпейл, была введена в банк данных для дальнейшего хранения.

Весь персонал редко собирался в общей комнате. Как правило, двое дежурили на рабочей станции. Остальные занимались своими делами. А для отдыха у каждого была личная каюта. Каюты были крохотными и скромно обставленными: койка, водопровод и устройство связи.

Полли, в последнее время, как и многие другие, проводила большую часть времени в общей комнате, с интересом наблюдая за конструкторской работой компьютера. Но с еще большим интересом — тайком, она наблюдала за Доминго, фанатично следящего за экраном.

Рассеянные взрывы, смутно заметные в самой туманности, здесь на модели по мере усиления экстраполяции становились меньше, но четче, а траектории нарушений, наносимые экспериментальным путем, принимали ясную и определенную форму. Благодаря проведенной работе, теперь можно было получить более точную картину происшедшей здесь несколько дней назад битвы между военно-космическими силами и берсеркерами.

На экране представлена картина перед началом боя: на одной стороне расположены военные корабли, на другой — враг, состоящий всего из четырех, а возможно и пяти берсеркеров, выстроенных в зигзагообразную линию на протяжении нескольких сотен километров. Такое построение берсеркеров было заранее рассчитанной тактикой? Судить об этом пока было трудно.

Картина расположения воюющих сторон перед началом боя была воссоздана благодаря изучению распределения следов элементов в облаках. Орудийные залпы воюющих сторон и приводные системы кораблей оставили после себя едва ощутимые запахи, распространяющиеся в виде мелких газовых частиц.

Боевые маневры начались сразу же после того, как противостоящие силы попали в поле зрения друг друга — то же самое сообщили на базу и уцелевшие в одном из эскадронов. Если предстартовая ситуация на этом участке была полностью и достоверно восстановлена, то события, развернувшиеся во время битвы еще не были окончательно выяснены. Доминго требовались дополнительные исследования образцов с избранных участков. Люди в скафандрах снова вышли в космос, а компьютер продолжал свою работу.

Гьюджар, который так стремился работать на «Пэрл», начал ворчать:

— Зачем он это делает? Почему он никогда не раскрывает нам своих замыслов?

— Искандер вяло улыбнулся.

— Он ищет след. Доминго знает, что делает.

— Вот как? Для этого достаточно бегло просмотреть участок. У нас немного шансов найти что-то стоящее. Какая разница, знаем мы очную позицию кораблей перед боем или нет?

— Поживем-увидим.— Искандер по-прежнему верил в правоту капитана.

Когда дополнительные данные, собранные после многочасовой работы в космосе, были введены в компьютер, прояснились и стали понятнее многие детали произошедших событий.

Подтвердилось сообщение уцелевших офицеров из команды космических сил о том, что сразу взорвалось два военных корабля. Полностью разрушены также два берсеркера и доказательством тому были летающие в космосе радиационные осколки.

Кроме того, удалось выяснить, что сильно поврежден и еще один берсеркер.

Раненый берсеркер наверняка улетел прочь зализывать раны, так как нигде на прилегающих участках не удалось его обнаружить. А в облаках не было видно каких-либо следов его полного уничтожения. Очевидно, остальные берсеркеры отправились восвояси, целые и невредимые; а может быть, чуть и поврежденные,

оставив слишком тонкий и неуловимый след для их преследования.

Что касается сильно израненного бандита, он, улетая прочь, несомненно оставил за собой след, пусть невидимый для человеческого глаза, но достаточный для его перехвата техническими средствами. Обнаруженный след — смесь частиц, напоминающих дым в атмосфере, и ужасающего света из тепла и радиации — уходил в неисследованную часть Милкпейла, в самое сердце неизведанного бело-молочного сгустка туманности, почти такого же огромного как орбита далекой Земли.

— Наконец! Вот оно! Именем всех богов, теперь мы поймаем одного из них,— охрипшим голосом воскликнул капитан.

Как только на компьютере была завершена модель битвы, Доминго отозвал подчиненных, собирающих дополнительные данные за пределами корабля. Для продолжения этой работы он оставил только двух роботов, подключенных к дополнительному питанию и защитной системе, что позволяло им перемещаться в космосе с разумной скоростью.

«Пэрл» снова отправился в путь, но с большей скоростью, чем раньше. Орудия были готовы к бою. Компьютер в общей комнате неустанно совершенствовал модель окружающей среды, дополняя ее поступающей информацией, которую роботы продолжали собирать на расстоянии нескольких сотен километров от летящего корабля.

Возбуждение у членов команды нарастало. Полли даже неохотно отправилась на короткий отдых, боясь что-либо пропустить. В перерывах между отдыхом, она наблюдала за Доминго, наспех перекусывала, несла свою вахту и старалась помочь, чем только могла. Она представила, как он уже однажды предпринял такой поиск, окончившийся безрезультатно. В тот раз его объектом был не берсеркер, а пропавший корабль, на котором летели его жена и дети.

— Ты действительно знаешь как осуществить задуманное, капитан? — как-то спросила она у него.

В тот момент он выглядел счастливым, и несмотря на многочасовую напряженную работу — почти отдохнувшим. В тот момент — она даже порадовалась, думая что он хоть немного отошел от ситуации.

— Во всяком случае, знаю лучше, чем знал это персонал Военно-космических сил,— ответил он.

Идти по следу было задачей не из легких. Продвигались медленно. К исходу первого часа след врага стал едва уловимым, и только благодаря неустанной работе роботов, он еще не был потерян. Постепенно положение вещей стало меняться, следы остатков битвы стали встречаться все чаще, они становились более определенными. Скорость погони нарастала и увеличилась до такой степени, что у команды появилась уверенность — цель будет достигнута.

«Пэрл» ушел далеко вперед на расстояние в миллион километров во всепоглощающую белизну участка туманности, еще не занесенного на карту. Определение местонахождения корабля, даже приблизительно, было уже задачей из задач. Здесь, среди густеющих, обволакивающих облаков бело-молочных, грязно-молочных и серых цветов, переходящих в пастельные тона на фоне вечных межзвездных рассветов и закатов, трудно было с точностью определить расположение даже самых ярких солнц. Время от времени появлялись слухи о бесследно исчезнувших кораблях в дебрях Милкпейла, даже на участках, где явно не бывали берсеркеры.

Скорость полета пришлось уменьшить — потеряли след. Но это было временным. К концу дня снова напали на след.

Время летело стремительно, по крайней мере для Полли, которая вся отдалась работе и только изредка отдыхала.

Люди, свободные от дежурства, находили время для бесед в общей комнате и для наблюдения за изменениями на компьютере.

Вильма и Симеон все чаще обменивались вслух своими мыслями, особенно в отсутствии капитана, о тщетности и бесполезности предпринятой погони.

Но к исходу второго дня команда получила неопровержимые доказательства, что они идут по верному следу — впереди берсеркер. След здесь был намного свежее, что указывало на сокращение расстояния между ними. Это всех как-то приободрило.

Предпринимая это путешествие, команда находилась в глубоком шоке и только сейчас начала осознавать насколько серьезна предстоящая работа. Теперь же появилась надежда, что охота не будет бесплодной, Полли пыталась предугадать, что же произойдет, когда они, наконец, догонят свою мишень. «Пэрл», конечно, хорошо

вооружен, а команда — опытна и профессиональна. Но тем не менее...

За кем они гонятся? За «Голубой смертью» или за кем-то другим? Полли, как и все колонисты в Милкпейле, много раз слышала это название и знала много связанных с ним легенд. Она ощущала определенный трепет перед берсеркерами, но, как и Геннадиус, никогда не считала, что один берсеркер страшнее другого, даже если у него есть имя. Хотя... есть что-то волнующее и будоражащее в зубчатой, нелогичной форме «Левиафана», окруженного каким-то театральным, таинственным голубым сиянием. Таким он, по крайней мере, представлен на имеющихся записях. В то же время, если логически мыслить, голубое свечение может быть результатом одного из видов радиации. Что касается его зубчатой формы... Кто знает, почему берсеркеры имеют ту или иную форму? Принято считать, что отсутствие какой-то закономерности — одна из их главных особенностей.

Ей не приходилось прежде сталкиваться с ними, но ведь на этот раз она знала, что преследуемый ими берсеркер серьезно поврежден.

Доминго разделил свою команду на две группы. Первая пилотировала корабль, готовила оружие и изучала след, моделируемый на компьютере, вторая — отдыхала, спала, беседовала и ждала своей очереди на дежурство. Погоня длилась уже несколько дней.

Сам капитан за это время редко отдыхал. Черты лица его обострились, будто снова поработал резец.

Туман вокруг «Пэрла» еще больше сгустился, но это не повлияло на скорость перемещения корабля. Можно было двигаться и быстрее, но боялись вновь потерять след.

Гьюджар, дежуря у детектора, вдруг сообщил, что впереди — какой-то объект. Искандер, на голове которого находился руководящей шлем, замедлил ход корабля. Однако, тревога оказалась ложной.

Приблизившись, они увидели, что это был неопознанный объект — некая естественная жизненная конструкция, из которой в разные стороны простирались сталактитовые образования. Объект тихо и размеренно пульсировал. Как показали приборы, это было не примитивное образование, а некая сложная форма жизни. Объект, существо или жизненная масса вначале появился на боковых детекторах, а затем на главном экране, после чего медленно проплыл мимо «Пэрла» на расстоя-

нии в несколько километров. Он намного превосходил «Пэрл» размерами, и не подавал каких-либо признаков, что заметил присутствие корабля. Кроме того, объект двигался со скоростью, приближающейся к скорости света — что невозможно осуществить ни одному кораблю.

Никто на корабле прежде не видел и не слышал о чем-нибудь подобном. В другое время они задержались бы, чтобы провести исследование. В другое... Но не сейчас.

Когда живой конгломерат исчез из виду, Симеон и Вильма предприняли попытку, надо сказать, неудачную, убедить капитана повернуть назад и вернуться на базу. Они доказывали, что их поездка результативна и им будет о чем докладывать Космическим силам относительно берсеркеров и считали, что проделанная работа — достойна уважения. Геннадиус будет им благодарен.

Но Доминго это не устраивало. Предложение ему не понравилось.

Если сказать правду, большинство команды, за исключением капитана и Искандера, все больше и больше чувствовало себя не уютно в этом роковом месте. Даже у тех, кто чувствовал себя более или менее дома в таинственной среде туманности Милкпейл, этот участок застывшей, мутной, порождающей чудовища белизны, вызывал дискомфорт.

Постепенно среди персонала Доминго росло и набирало силу, мнение, что такого рода преследование — занятие для военных космических сил.

Но Доминго был неумолим и просто игнорировал все попытки команды повернуть назад. Он категорически отказывался от малейшего отклонения по курсу. Он только напомнил неписаные правила для бунтовщиков. В порту команда имеет право голосовать при принятии серьезных решений и, как правило, пользуется этим. Но в далеком космосе слово капитана — закон, сила которого удваивается, если рядом — враг, берсеркер.

Капитан согласился отправить одного из двух роботов-курьеров на базу, прежде чем они возобновят преследование израненного берсеркера. Это была его единственная уступка команде.

Робот-курьер отправился на базу с сообщением об их последних открытиях, их местонахождении на данное время и дальнейших намерениях. Трудно было сказать с уверенностью: достигнет ли курьер своего местоназначения. Оставалось только надеяться.

После этого на борту остался только один курьер-робот. Здесь в густых облаках, где радиосвязь бездействовала, он оставался единственным связующим звеном между командой и остальным человечеством.

Погоня за поврежденным берсеркером возобновилась. Прошло еще несколько часов, напряжение на борту корабля усиливалось по мере того, как все более отчетливым становился след, указывающий на близость объекта преследования. В сообщениях роботов, работающих в космосе, все больше указывалось на наличие обломков, иногда размерами в кулак.

— Это — начинка берсеркеров,— сказал Доминго с заметной радостью.

Огромные взрывы, происходящие где-то впереди, продолжали излучать хорошо обнаруживаемые ударные волны.

— Он продолжает самовзрываться. Вот в чем дело,— сказал Чакушин, облегченно вздыхая.

— Посмотрим,— напряжение Доминго не спадало.

Скорость полета «Пэрла», даже внутри этой амортизирующей белизны, была высока и составляла все-таки значительную часть от скорости света. Скорость же перемещения ударной волны была намного меньше, благодаря чему детекторы имели возможность изучать ее, пока она достигала корабль.

Но это было единственное преимущество, так как до сих пор объект, образующий ударную волну, оставался вне видимости.

Доминго приказал увеличить скорость. Потом еще раз и еще... Мимо корабля со свистом пролетали частицы материи размером с молекулу, но его защитным полям удавалось предохранить его корпус от микроколлизий, неизбежных при такой большой скорости. Однако, индикаторы тревожно мигали.

— Оставляем след! — приказал капитан.— Направляемся к объекту. Удвоить внимание — впереди может быть засада.

На экране передних детекторов появился предмет размерами, значительно превосходящими «Пэрл», который возник как-то неожиданно. Это был металлический, угловатый, неправильной формы объект, размеры которого позволяли ему довольно эффективно двигаться в туманности.

— Внимание! Приготовиться к огню! — жестко ско мандовал капитан.

Какая бы машина не находилась там впереди, одно известно точно: это не «Левиафан». Полли услышала, как капитан разочарованно вздохнул.

Приблизившись к объекту, команда обратила внимание на множество свежих повреждений на нем. Разрушения были весьма обширными. Кроме того, объект излучал сильную радиацию, наводящую на мысль, что где-то в его недрах растет мелкомасштабное ядерное таяние.

Похоже, что вторичные взрывы, происходящие внутри берсеркера, были вызваны именно той битвой. Это теперь обрекло его на долгое и безнадежное дрейфование.

Люди на борту корабля осторожно разглядывали врага с расстояния в тысячи километров, затем в сотни, затем в десятки километров.

— Ну, теперь мы должны вернуться и отрапортовать.— Это был Симеон. Звучало это как утверждение, не подлежащее сомнению.

Полли, по межсвязи, увидела как Найлс Доминго резко повернулся к солидному молодому человеку и они уставились друг на друга. Капитан мгновенно пресек усилия Чакушина:

— Мы не можем сделать этого, иначе потеряем его. Неужели ты думаешь, что мы или кто-нибудь другой сможет снова найти дорогу сюда в таком тумане?

Известно, что через день-другой след, по которому они шли, рассеется, благодаря случайному дрейфованию или другим естественным движениям в среде. Кроме того, в туманности имеются течения, и они также динамичны, как вода, например, в океане.

— Хорошо. Тогда я считаю, что мы должны его прикончить. Наши ракеты в боевой готовности.

— Пусть остаются наготове. Но пока мы не используем ни одной из них.

— А что еще мы сможем сделать?

Чакушин резко замолчал. Вдруг, его пронзила мысль:

— Не хочешь ли ты отправить кого-нибудь на борт той штуки? Может быть, она как раз и поджидает любое живое существо, чтобы использовать свой главный разрушительный снаряд.

— Я думаю, что он уже использовал все оставшиеся у него заряды. Я сам, первый отправляюсь туда, можете не волноваться. Могу ли я попросить еще двух

человек пойти со мной? Если нет, я пойду один... Полли? Как ты думаешь? Ты мне нужна, как технический эксперт,— его глаза выжидательно смотрели на нее с экрана.

— Я иду с тобой,— не раздумывая, тут же согласилась Полли. Позже, осознав ситуацию, она ужаснулась и подумала о детях. Но теперь она уже не могла отказаться от своих слов. Она не могла подвести Доминго. Молча проклинать непрошеную судьбу, связавшую ее с ним — могла, но это была ее судьба и она не хотела ничего менять, даже если это и было бы в ее власти.

Искандеру, как всегда, нечего было сказать. Он был готов и даже стремился туда, куда вел капитан.

Гьюджар повторил предложение Симеона:

— Мы просто могли бы расстрелять его...

Но Доминго реагировал молча и предложение отпало как-то само собой.

Очевидно, конечная цель берсеркера — самоуничтожение, но что-то разладилось с разрушающими снарядами. Попытка берсеркера уничтожить себя перед лицом надвигающегося захвата командой Доминго, наводила на мысль, что на его борту, видимо, находилось что-то, представляющее особый секрет. Может быть, это был ключ к тому, где ремонтируются и восстанавливаются берсеркеры, терроризирующие Милкпейл.

А, может быть, на его борту находились живые пленники? Это могло показаться сомнительным, но ведь хорошо было известно, что время от времени берсеркеры забирали на борт пленников, чтобы получить от них информацию. Кроме того, им нужны были люди для проведения экспериментов.

Доминго продолжал изучать беспомощного берсеркера, поочередно переключая приборы слежения. Это — не «Левиафан». Перед ним — другой берсеркер, но все равно — это ему позволит приблизиться к «Левиафану» еще на одни шаг.

— Чертовски странный этот берсеркер. Я никогда не видел и не слышал о таком прежде. Мы не можем упустить свой шанс и должны отправиться туда и постараться узнать все новое, что там есть.

— У нас есть еще один робот-курьер, Доминго. Давай его отправим, чтобы, по крайней мере, сообщить людям, где мы. Может, получим подкрепление,— предложил Симеон.

— Я не согласен,— возразил Искандер.— Стоит ли

отправлять своего последнего курьера, если мы не уверены, что он сможет добраться до базы? Мы даже не можем быть уверены: не перехватят ли его космические силы где-нибудь... Да, и потом... курьеры очень дорогие,— это была в данной ситуации грустная, но шутка.

— Я согласен,— поддержал его Гьюджар.— Может быть курьер нам понадобится позже. Я не уверен, что мы сможем найти обратную дорогу.

— Даже если курьер и сможет найти дорогу к базе космических сил и решатся прибыть сюда... А потом решатся ли они на ее уничтожение... Нет! Спасибо. Мы справимся с этим сами,— подытожил Доминго.

Команда в данном случае поддержала капитана.

— Ну, если ты так считаешь...— уже не очень уверенно сказал Симеон.

— Да, именно так я и считаю. Начинаем! — ответил Доминго и в глазах его засверкал какой-то дикий огонек.

ГЛАВА 8

В маленьком тесном шлюзе, где хранился единственный летательный аппарат «Сириан Пэрла», являющийся одновременно и единственным спасательным средством для команды — Найлс Доминго, Полли Суслова и Искандер Бейза готовились к отправке на берсеркер. Они надели космические скафандры и шлемы и, убедившись, что все в порядке, все трое взяли свое личное оружие, необходимое еще снаряжение и, изрядно потолстевшие, осторожно протиснулись через узкий люк летательного аппарата. Это был цилиндрический небольшой корабль, длина которого была вдвое меньше самого «Пэрла», а в диаметре не превышал роста высокого человека.

После герметического закрытия люка отделения от шлюза, выход в космос оказался открытым.

Доминго уселся в командирское кресло и поправил шлем со встроенным в него обручем управления. Маленький корабль плавно отделился от «Пэрла» и направился к месту назначения.

Управление аппаратом осуществлялось, как и на основном корабле через прямое подключение к электрической активности мозга пилота. Но система управления здесь была менее сложной, чем на «Пэрле». Через иллюминаторы, летящие на борту люди имели прекрасный обзор пространства.

Позади завис «Пэрл»: открытые орудийные люки говорили о том, что на корабле все в полной готовности, орудия готовы были выстрелить при первой же опасности.

Впереди, на фоне бесконечных белых волнообразных облаков и светящихся пастельных колонн, парила вражеская машина, представляющая собой конструкцию из темно-серых плоскостей, зияющая черными дырами и освещаемая время от времени прерывистыми внутренними взрывами практически всех цветов, но, правда, голубого среди них не было.

Берсеркер значительно превосходил «Пэрла» в размерах, и когда трое летящих на аппарате человека приблизились к нему, смогли вплотную осмотреть его через иллюминатор, то он им показался просто чудовищным по размерам. Хотя, радарные устройства на борту показали, что зависшая перед ними машина имеет обыкновенные, присущие берсеркерам, габариты.

Он медленно вращался в вечной туманности пространства, выбрасывая огромное количество смеси дыма и осколков из рваной открытой раны и периодически озарялся вспышками света.

Почти лишенный верхнего разбитого корпуса и представляющий собой разорванный, неровный контур, этот берсеркер вызывал все-таки изумление летящих к нему людей тем, что все еще продолжает держаться и даже смог улететь в такую даль после недавних боев.

Враждебная машина казалась ослепшей и оглохшей и, похоже, не замечала ни «Пэрла», ни приближающегося к нему аппарата. Возможно, тот последний взрыв, ударную волну которого зафиксировали приборы «Пэрла», явился весьма удачным разрушительным зарядом и теперь электрический мозг или мозги берсеркера полностью уничтожены. Конечно, вполне возможно, что берсеркер все еще имеет дополнительные разрушительные заряды на борту и только и ждет подходящего времени для их использования. А, может быть, он обладает и другим секретным оружием и, чувствуя присутствие человека, ждет своего часа, высчитывая, как оптимальнее использовать свой последний шанс для воплощения первоначально задуманного.

— Приходилось ли кому-нибудь встречаться так близко с одним из берсеркеров? — тихо спросила Полли. Она обращалась сразу ко всем членам экипажа.

Дежурные посты на аппарате не были отделены друг

от друга и все трое находились в общем небольшом отсеке. Капитан, сидя рядом с Полли, продолжал маневрировать кораблем и приближался к врагу с небольшой скоростью.

Доминго отрицательно покачал головой. Сейчас у него не было времени для подобного рода разговоров. Полли это поняла и замолчала.

— А я встречал... однажды,— прошептал Искандер.

Полли повернулась и посмотрела на него, ожидая, что он продолжит разговор. Но тот снова замолчал.

Сейчас Доминго занимала одна единственная мысль: этот враг, что перед ним — вовсе не «Левиафан». И тем не менее, это все-таки один из берсеркеров и теперь он находится в пределах его досягаемости. И надо с ним покончить — это ближайшая задача.

Вид увеличивающегося повреждения на борту берсеркера, наличие ядерных и химических реакций, пожирающих его, вызывали у Доминго чувство какого-то безудержного удовольствия. Но к его радости примешивалась горечь при мысли, что информация, которую он надеялся получить здесь и которая помогла бы ему достичь превосходства над своим настоящим врагом — «Левиафаном», исчезала под воздействием этих взрывов прямо у него на глазах.

Доминго повысил скорость аппарата. Защитные поля вокруг сидений предохраняли его самого и товарищей по полету от воздействия ускорения но тем не менее, наблюдая за приборами, они поняли, как резко поддался вперед их аппарат.

Чем больше приближались к корпусу поврежденного берсеркера, тем сильнее становился поток радиации, исходящий откуда-то из недр врага.

Они знали, что скафандры в состоянии защитить их от воздействия радиации, когда они сойдут с борта на берсеркер. Но возможно это при условии, что ее уровень не поднимется выше, а останется прежним.

Они сделали еще один круг на аппарате на расстоянии чуть больше полукилометра от берсеркера. Затем Доминго на самой медленной скорости направил аппарат к берсеркеру, а позже еще медленнее вдруг свернул вправо и направился внутрь поврежденного корпуса. Полли успела только разинуть рот. Аппарат проник вовнутрь через дыру, образованную то ли с помощью орудий Военно-космических сил, то ли в результате вторичных внутренних взрывов. Дыра была настолько велика, что через нее

была видна половина туманного неба, состоящего из пастельного цвета закатных волнообразных облаков. Полли испугалась. Затаив дыхание, она представила, что находится внутри огромных челюстей, которые вот-вот сомкнутся и раздавят ее.

Внутренности корпуса летали в развалинах берсеркера: везде валялись куски пылающего металла, мерцание их усиливалось свечением, попадающем сюда извне, через дыру. Но это было только на руку, через иллюминаторы было лучше все видно. Однако, Искандеру этого показалось недостаточно. Он включил прожектора, лучи его, осветив самые дальние уголки руин, выхватили повсеместно громоздившиеся кучи исковерканного металла рядом с другими неопознанными предметами.

В некоторых местах из внутренних повреждений непрерывно валил густой дым, затрудняющий обзор местности, даже при освещении ее прожекторами.

Полли вдруг вспомнила своих детей и подумала:

«Зачем она все это делает?»

Ответ на этот вопрос был несложным — ее попросил об этом Доминго, вот и все, ему она не могла отказать. Но мысль эта не принесла облегчения. Тревога в душе нарастала.

Теперь, когда аппарат обосновался внутри берсеркера, связь с «Пэрлом» почти полностью оборвалась. Радио начало заикаться, дребезжать и, наконец, совсем заглохло.

Доминго предвидел подобную ситуацию. Он вновь начал маневрировать аппаратом и вернулся к выходу, к дыре, через которую они проникли внутрь, во вражеский каркас. Он решил установить здесь небольшую роботизированную релейную станцию и, чтобы сделать это, ему пришлось оставить аппарат и выйти наружу.

Полли и Искандер остались внутри, наготове. Они внимательно и напряженно всматривались вокруг, боясь пропустить малейшие признаки того, что враг начинает активизироваться. Но окружающий их металлический корпус — то ли мертвый, то ли умирающий — по-прежнему никак не реагировал на их присутствие. И Полли начала постепенно приходить в себя.

Эвакуационный люк захлопнулся — вернулся Доминго. Он снова уселся в командирское кресло; от его скафандра повеяло холодом, привнесенным извне. Капитан запросил «Пэрл» и перебросился несколькими словами с оставшимися на его борту людьми. Он хотел

убедиться, что связь прочно восстановлена.

Затем медленно направил аппарат в глубину огромного вражеского корпуса и с помощью магнитного якоря, пристыковался к возвышению в центре развалин.

— Вы оба знаете зачем мы сюда приехали, так? Будем постоянно поддерживать контакт друг с другом,— сказал капитан.

— Да, и еще одно,— продолжил он.— Мы должны закрыть люк. Чтобы даже мышь не проскочила в наше отсутствие. Запомните код: Бейкер Эпсилон Пэрл. Договорились?

Все повторили код, стараясь его запомнить.

Теперь они были готовы приступить к серьезным исследованиям. Первым покинул борт Доминго. Он осмотрелся и, кивком головы, позвал остальных. Бейза, выходивший последним, герметично закрыл крышку люка. Затем они разделились и отправились в неизвестность совершенно в разные стороны.

Касаясь металлического каркаса берсеркера, Полли почувствовала, сквозь перчатки, едва ощутимую дрожь его стенок. Видимо, где-то глубоко все еще работало машинное оборудование. Значит, берсеркер не умер. Корпус, однако, казался стабильным и можно было свободно перемещаться по его поверхности.

Каждый из членов группы имел индивидуальную сумку для сбора образцов, обломков, а также контейнер для сбора газов и всего, что могло представлять хоть какой-либо интерес *и явиться ключом к разгадке назначения* этой чудовищной конструкции.

Голос Доминго периодически звучал по индивидуальной, персональной рации. Он поторапливал всех с исследованиями и напоминал о необходимости не терять времени зря.

Возможно с каждой минутой вокруг них уничтожаются так им необходимые секреты. Полли недоумевала, но не решалась спросить, как им распознать секретные вещи, если те им попадутся.

Через некоторое время Искандер нашел кучу обломков крушения и, ткнув ее телескопическим жезлом, удивился.

— Вам надо на это посмотреть,— сказал он по своей связи.— Очень похоже на оборудование биохимической лаборатории. Скорее всего твои предположения верны, капитан. Здесь, пожалуй, есть кое-что достойное внимания.

Полли, отбросив в сторону непонятные осколки, присоединилась к Искандеру. Хлам, в котором он копался, был похож на промышленное оборудование или на остатки некоего завода.

Доминго проводил свое исследование недалеко от них. И сказал своим товарищам, что тоже наткнулся на остатки подобного оборудования.

Все трое, переговариваясь, продолжали поиск. Они успели уже обсудить ситуацию по связи с Симеоном, Вильмой и Гьюджаром, находящимися на борту «Пэрла». Все согласились, что инстинктивное решение Доминго — обследовать берсеркер — похоже, вполне оправдано.

Вдруг, прервав дискуссию, прозвучал взволнованный голос Вильмы.

— Внимание. На приборах зарегистрированы данные... Замечена посторонняя активность у вас на борту.

— Какая активность? — встрепенулся капитан.— Что ты имеешь в виду?

— Похоже на какое-то физическое движение предметов ростом с человека, двигающихся прерывистыми бросками... Но это не ваши движения. Мы вполне отличаем — это другие.

Полли сожалела, что не могла видеть выражения лица своих коллег под шлемами.

Голос Доминго прозвучал спокойно:

— Я думаю, что если бы здесь были еще какие-либо свободно функционирующие, программированные машины, то они уже дали бы о себе знать. Наверное — это дрейфующие кусочки хлама.

— Может быть. Трудно что-либо точно определить в таких условиях. Но не станем рисковать. Лучше вам вернуться на борт.

— Это невозможно. Вся наша операция далека от безопасности. Поэтому мы продолжим работу.

Полли почувствовала полное равнодушие к опасности капитана, подавила свою тревогу и продолжила работу. Искандер, естественно, поступил также.

По радио снова прозвучал голос с корабля.

— Хорошо. Продолжайте. Мы по-прежнему наблюдаем за вами.

Те трое, оставшиеся на борту «Пэрла», в случае необходимости, будут готовы оказать посильную помощь исследователям; или, в худшем случае, если произойдет непоправимое, они постараются удалиться на своем корабле и доставить весть о катастрофе на базу. Людям,

находящимся на борту, также дано задание записывать данные, которые им передавало трио с поврежденного берсеркера. Исследования продолжались без передышки.

Полли, как и два ее компаньона, прыгала, летала и карабкалась по развалинам со скоростью, которая ей показалась бы чрезвычайно безрассудной, если бы не было еще большим безрассудством, думала она, оставаться здесь дольше, чем требовала необходимость. Хотя она и была уверена, что им не удастся просмотреть весь корабль.

Тройка исследователей собрала массу информации, которая требовала обработки. Полезность этих данных, если таковая вообще будет, определится позже. Маленькие видеокамеры снимали все, что только попадалось в их поле зрения.

Доминго, карабкаясь и пробираясь через руины, заполненные незнакомыми предметами странных форм, так и не сумел найти остатки знакомых орудий, или следов электрических станций, необходимых для питания космических орудий. Все, что он находил на этом участке, напоминало лабораторное оборудование. Да, скорее всего, так оно и было.

Но он упорно искал, пытаясь обследовать как можно больше участков. При этом его постоянно тревожила мысль: может это части миниатюрного завода для производства некоторых видов биологических материалов, как уже однажды предположила Полли?

Вопросы ... *Вопросы ... Единственное в чем был* уверен Доминго, так в том, что данный берсеркер не оснащен оружием, во всяком случае знакомым им, и не работает на его производство. Чем больше материала рассматривал капитан, тем больше убеждался в своих догадках. Конечно, речь не о том, что здесь вообще нет никакого оружия — берсеркеры всегда вооружены. Но оружие, особенно если его мало, вмонтировано во внешний корпус, от которого почти ничего не осталось. Он еще не изучил остатки от его поверхности так, как считал, что самые главные секреты находятся внутри.

Одновременно он удивлялся, что такая машина, пусть даже и берсеркер, после такого разрушения все еще продолжает функционировать достаточно для того, чтобы добраться так далеко.

Продолжая свой путь, Доминго обошел разбитую перегородку и попал в другой отсек. Здесь стояли массивные цилиндрические объекты. Он подумал, что это

напоминает сложные полевые генераторы. Не те — обычные, которые применяются для создания защитных полей или искусственной гравитации в пилотируемых людьми кораблях или в безжизненных машинах смерти. Нет! Эти генераторы предназначены для чего-то другого... И объединены они в какие-то странные группы...

Интересно, что находилось в этом помещении? Резервуары, трубы, химическое оборудование... «Здесь, наверное, что-то производилось большими партиями»,— подумал он.

Теперь трудно догадаться, что именно. Сложно было определить назначение этой лаборатории. Трудности вызваны отчасти обширным разрушением помещения и его незнакомой конструкцией, а отчасти тем, что здесь слишком много незнакомых материалов и предметов. И, кроме того, времени слишком мало для того, чтобы трое спешащих, находящихся в опасности людей, могли все исследовать и записать на видео.

Доминго и его товарищи почувствовали сильную вибрацию корпуса берсеркера, как только сошли с борта своего корабля. Но постепенно грохот усиливался и вибрация достигла еще больших размеров. Металлический каркас раскачивался, а это, как полагал Доминго, было предвестником еще одного, может быть, окончательного взрыва.

Приборы, встроенные в скафандр капитана, зарегистрировали увеличение радиации. Все работали молча, но каждый думал только об этом. Уровень радиации пока оставался в допустимых пределах, скафандры предохраняли от облучения, но Доминго боялся, что он все-таки слишком высок для того, чтобы его люди могли не нервничать, сконцентрироваться и продолжать работу. Он не мог их подвергать опасности.

Для капитана этой проблемы не существовало. Он ничего не боялся, все его мысли были заняты только делом.

Он оглянулся, пытаясь осознать, где находится и составить наиболее полную картину: что было до того, как орудия военно-космических сил разбили берсеркер. Эта машина не похожа на транспортный или военный корабль. Она скорее похожа на космическую орбитальную станцию, построенную для определенной работы в одном месте. Корпус станции поделен на множество отделений, по крайней мере был таковым до катастрофы. Доминго подумал, что здесь в разных отсеках, вероятно

на разных линиях проводились разные эксперименты. Он со своими людьми исследовал только небольшой участок этого огромного комплекса. Берсеркер превосходил «Пэрл» два раза в ширину и около восьми-девяти раз в длину.

До сих пор Доминго не нашел каких-либо признаков о наличии людей-пленников на борту. Не попадались ему и жизнеподдерживающие системы, необходимые для сохранения пленников живыми. Не нашел он также следов комнат или проходов, где могли бы содержаться жертвы. Не было также ничего, напоминающего клетки для зверей.

Он спросил об этом своих товарищей, но те тоже ничего подобного не обнаружили.

— Клетки? — спросила Полли.— А почему бы им здесь быть?

— Не знаю. Но все может быть.

— Не похоже на тюрьму, ковчег или зоопарк. Это что-то вроде научно-исследовательской лаборатории. Могу поспорить на что угодно,— добавил Искандер.

Доминго продолжал работать во время разговора, складывая кусочки дрейфующего материала в сумку для образцов.

— Ну, я не настолько уверен,— ответил Доминго.— Я могу сказать наверняка только то, что этот корабль не для боев. Увиденное здесь, подтверждает это.

— Мы не так много видели до сих пор,— сказал Искандер, приближаясь к Доминго.— Но я думаю, что ты прав, капитан.

— Я почти уверен в этом.— Доминго захлопнул сумку.— Но остается вопрос: почему тогда эта машина летала с берсеркерами?

— Скорее всего, они также решают какие-то логические проблемы и, вероятно, перемещают свои лаборатории с одной планетойды или системы на другую... Откуда мне знать?

— У меня есть другой, более емкий вопрос для вас обоих,— вставила Полли.— Зачем берсеркеры культивируют жизнь? Может быть, они пытаются создать новые формы жизни экспериментальным путем?

Лучи прожекторов на миг осветили озабоченное лицо Доминго в шлеме.

— Я не знаю,— сказал он после продолжительного раздумья.— Но хорошо бы об этом узнать.

Он устало посмотрел на подошедших к нему товарищей и продолжил:

— Тем не менее, пока мы здесь сидим и обсуждаем увиденное, давайте еще и позаботимся о том, чтобы уцелеть. Мы собрали неплохой урожай данных для начала. Возвращаемся на корабль.

Возражений не последовало. После закрытия люка, аппарат покинул берсеркер и взял курс к «Пэрлу».

ГЛАВА 9

Спустя несколько минут на борту «Пэрла» собралась уже команда Доминго в полном составе. Сам корабль по приказу капитана был отведен от дрейфующего берсеркера на безопасное расстояние, что-то около сотен километров.

Капитан собрал всех на совещание. Члены команды надели специальные на случай непредвиденных обстоятельств комбинезоны. В центральном шлюзе велась стерилизация Летательного аппарата, скафандров исследователей, что было просто необходимо после сильной радиоактивной зоны, где побывал аппарат с исследователями.

Иные собранные образцы подверглись обработке на диагностической машине. Анализ показывал, что они содержат большой процент микробных культур. Поэтому их запечатали и положили на хранение до передачи на станцию в хорошо оснащенную лабораторию для их дальнейшего изучения.

— Все очень просто,— задумчиво сказал Гьюджар — Берсеркеры интересуются чистой, так сказать, наукой, им плевать на все живое. Они экспериментируют.

— Ты прав,— подтвердил Доминго.

— Тогда, создание новой формы жизни противоречит их основной программе, цель которой — убивать. Они экспериментируют с биологией, пытаясь произвести некие модифицированные формы жизни, не знаю, правда, зачем? Причина для этого какая-то особенная есть. Может быть, это часть одной большой цели?

— Думаю,— поддержала разговор Вильма,— Их цель обычная: стереть человечество с туманности. А мы — досадное препятствие, мешающее им стерилизо-

вать всю галактику. Мы всегда им мешали, с самого начала появления здесь.

— Так оно и есть. Расшифровывается все очень просто. Их биоисследовательская деятельность направлена на создание ... чего-то ... необычного, что-то типа антигуманного яда. Так?

— Нет, не думаю,— возразила Полли.— Вокруг столько различных ядов для убийства людей, что не стоило проводить такую работу для создания новых... Похоже на получение нового вируса...

Капитан напряженно думал.

— Да, в течение многих веков они неоднократно пытались использовать болезнетворные организмы против нас. Но, насколько я знаю, тактика не срабатывала. Люди проводили исследования значительно быстрее и научились противостоять многим болезнетворным вирусам. Мы опережаем их и не допустим, чтобы они догнали нас.

А вдруг на этот раз они превзошли? — вставил Искандер. Он до конца не верил в свое собственное предположение, но чем черт не шутит, как говорится.

— В таком случае, мы можем ввести в компьютер информацию, которую нам удалось собрать, а заодно и твою гипотезу. Посмотрим, что получится.

Вильма и Симсон приступили к этому занятию. Остальным оставалось только ожидать результатов.

— Я надеюсь, что все вы слышали о «Красном потоке», не так ли? — продолжил дискуссию Симсон, пока вводил данные в компьютер.

— Конечно! — удивленно ответил Искандер.— Не хочешь ли ты сказать, что они здесь замешаны?

«Красный поток» — первоначальная мишень берсеркеров. Это была смесь радиации и пыли, жившая столько же времени, сколько и сами создатели берсеркеров, а может быть, чуть больше.

— Ну тогда, несомненно, вы слышали и про «квиб-квиб».

— Естественно. Ну и что?

В незапамятные времена, когда история заселения туманности человеком только начиналась, оппоненты «создателей», уже почти на стадии вымирания, разработали, создали и запрограммировали специальные машины, единственная цель которых — находить и уничтожать берсеркеров. По крайней мере, так утверждают наши современные историки. К несчастью для «Красного

потока» и жизни в Галактике в целом, машины «квиб-квиб» слишком поздно появились и не смогли полностью справиться с берсеркерами.

— Легенда,— сказал Искандер, грустно улыбаясь.

— Как и сам «Левиафан»,— добавил Доминго, без улыбки.— Но дело не в том, что является легендой, а что нет. Как я понял, Симсон предполагает, что берсеркеры сейчас делают что-то аналогичное тому, что «Красный поток» делал с машинами. Я имею в виду, что они тоже пытаются создать некую форму жизни,— не обязательно микробы — которая поможет уничтожить все живое там, где другие средства не срабатывали.

Несколько минут все присутствующие сидели молча, погрузившись в свои мысли. Их раздумья прервал сигнал компьютера. Теперь все не отрывали глаз от его экрана. Анализ полученного материала подтвердил подозрения команды: речь действительно идет о биологических исследованиях. Однако, пока рано говорить об их целях. Нужны дополнительные данные, а для этого образцы. После этого более крупный и совершенный компьютер сможет дать какой-либо определенный ответ, поэтому надо для начала передать полученные данные на базу.

— Мы так и сделаем, когда настанет время,— резко возразил Доминго.— А пока продолжайте работу.

— Наверно, это не единственная орбитальная станция берсеркеров. Где-то должны быть другие,— возобновила Полли прерванную беседу.

— Если бы компьютер сделал запрос на такую возможность, я бы ему ответил утвердительно — сказал Доминго.

Но компьютер молча продолжал свою работу, время от времени требуя больше данных, в частности, дополнительных образцов с обломков.

— Нелегко добывать эти обломки. Интересно, какой ответ выдал бы компьютер, если дать ему всю необходимую информацию? — спросил Доминго, как бы размышляя вслух.

— Никакой! Гарантий нет! — ответил компьютер четким, нечеловеческим голосом.

— Тогда продолжай работать,— капитан осмотрел команду.— Вторая смена на дежурство. Первая отдыхает два часа.

Когда все разошлись, Доминго остался в общей комнате одинокий и задумчивый. Все происходящее до сих пор подтвердило его подозрения. Инстинктивно он

предчувствовал, что подогретый предельной ненавистью к «Левиафану» идет все же по правильному пути, по крайней мере шел им до сегодняшнего дня. Его интуитивное предположение теперь подтверждается расчетами корабельного компьютера. Но сомнения раздирали его: что лучше предпринять в данном случае? Снова вернуться на берсеркер и собрать больше материала? Или немедленно вернуться на базу с накопленными материалами? Новые данные явились бы хорошим подспорьем для разработки действенного оружия против «Левиафана». Но им было еще далеко от схватки со своим главным, основным врагом, а один из берсеркеров был здесь, рядом... В конце концов сейчас капитан получил шанс, который бывает раз в жизни, и не должен его упускать. Поэтому он вновь решил отправиться на обследование. Интуиция подсказывала, что там осталось много ценного, но с каждой минутой это могло безвозвратно погибнуть.

Доминго знал, что на этот раз ему, кроме него, нужно еще три человека.

Искандер, как всегда, вызвался первым. Вильма и Гьюджар тоже подняли руки, вероятно осознавая, что теперь их очередь разделить риск с остальными. Так была составлена команда из четырех. Полли на этот раз молчала и осталась на борту с Симсоном.

«Пэрл» вернулся на прежнее место и летательный аппарат, с четырьмя людьми на борту, отправился в путь.

Добравшись до берсеркера, команда еще раз измерила поток радиации и доложила на «Пэрл», что ее уровень значительно упал. У входа Доминго остановился и проверил реле связи, которое находилось на прежнем месте и продолжало работать. Доминго ввел аппарат внутрь берсеркера и пришвартовался на прежнем месте. В командирском кресле, на этот раз, осталась Вильма, и в случае необходимости была готова подогнать аппарат к любому из исследователей, попавшему в беду.

Остальные три волонтера оставили борт, и разделившись, отправились на индивидуальный поиск. Грохот и дрожание вражеского корпуса заметно уменьшилось.

Полли, занявшая место пилота на «Пэрле», получила еще один сигнал от корабельного компьютера. Машина протестовала против недостатка информации, требовала новых данных, чтобы решить возложенную на нее задачу.

Полли сократила рабочее время компьютера. Она внимательно прислушивалась к разговору отправившегося на берсеркер десанта по радиосвязи.

— Я не нашел ничего нового,— передавал Гьюджар по индивидуальной рации.— Я не ....

Это были последние слова, услышанные Полли. Связь резко оборвалась и по радиосвязи послышался только какой-то дребезжащий звук.

— Что ты делаешь? — Огромная фигура Симеона, еще более увеличенная скафандром, неожиданно выросла рядом с Полли. Он вышел из коридора, ведущего к его дежурному посту.— Что происходит?... Вильма!

Он не успел выкрикнуть имя своей жены, а «Пэрл» уже стремительно рванулся вперед.

— Мы отправляемся к ним! — крикнула Полли.— Возвращайся на свой пост.

Он стоял в нерешительности.

— Двигайся! — заорала она.

— Оружие к бою! — крикнула она и снова занялась пилотированием. Связь молчала.

— Эй, вы там на борту. Вы меня слышите?... Вильма, что происходит?

Но как и прежде, ответа не последовало. Ни с борта летательного аппарата, ни по индивидуальным рациям. Полли прибавила скорости кораблю, надеясь успеть вовремя, чтобы оказать помощь своим товарищам.

Она впервые управляла этим кораблем самостоятельно, если не считать нескольких кратковременных полетов для практики, но надеялась, что справится.

Когда Доминго, вдруг, почувствовал какое-то странное движение впереди, метрах в сорока, он насторожился. Это было необычное движение и, как он подумал, слишком резкое. Это не было похоже на дрейфующий предмет и скорее напоминал скрывающегося человека, который пытался бежать перебежками.

Через минуту он увидел андройда — робота, действующего на берсеркере. Ростом он был с человека, и, когда Доминго усилил оптику на своем шлеме, то увидел того в полной красе. На фоне белого лоскутка туманности, обрамленного опустошенным каркасом корабля, перед ним предстала машина — получеловек, полунасекомое.

Какое-то мгновение эта темная, нечеловеческая форма стояла неподвижно, через секунду — сделала резкое движение и исчезла.

Затаив дыхание, Доминго передал по рации закоди-

рованное послание, о котором условились заранее: «Я думаю, что вижу образчик».

Но ответа не получил. В наушниках стоял слабый писк. Капитан понял: радиосвязь блокирована.

Сознавая, что его товарищи могут быть уже убиты, Доминго на одном дыхании рявкнул в передатчик: «Берсеркеры! Назад к кораблю!»

Он вытянул из кобуры свой автомат — маленькое, но мощное оружие, стреляющее снарядами. Оптический прицел все еще был прикреплен к поясу. Прибор, к которому он должен подключаться, сейчас соединен со спектроскопическими линзами, световыми усилителями и датчиком и Доминго предпочитал все так и оставить на время поиска.

Капитан стрелял без оптического прицела, надеясь на меткость своих глаз и меткость рук. Намерение неплохое, но далеко от совершенства. После целой серии выстрелов взрывными снарядами он, наконец, увидел атакующего берсеркера раненым: одна из его конечностей, оторванная, болталась и вибрировала. Значит, один из выстрелов Доминго попал в цель. «Теперь он знает, где я, и убьет меня,— подумал он — Но прежде, чем он уничтожит меня, я успею выстрелить еще хоть раз».

Доминго выстрелил и снова попал, но ответного выстрела не последовало. Значит, машина, в которую он только что стрелял, подумал Доминго, наверно, только безоружное мобильное ремонтное устройство, единственным оружием которого являются его инструменты, способные разорвать любой скафандр, как бы он ни был прочен.

Доминго отполз в обратную сторону от андройда и спрятался за перегородку. Он должен выиграть время и успеть подсоединить оптический прицел. Доминго продолжал кричать в заглохшую рацию, но его крик тонул в чреве берсеркера. Его ноги отталкивались от исковеркованного оборудования, валающегося внизу, а руки судорожно пытались подсоединить систему оптического прицела к шлему. Пальцы стали неуклюжими, непослушными, но наконец он сумел оторвать зондирующий привод.

Неожиданно изменился характер радиошумов, он сразу это почувствовал через наушники. Радиосистема, встроенная в скафандр, технология которой заимствована от систем космических сил, зафиксировала помехи и

пыталась пробиться через них, чтобы поймать частоту для приема сигналов.

— «Может быть еще есть надежда»,— подумал и както приободрился Доминго.

Предостерегающие крики капитана так и оставались пока без ответа. Но он надеялся, что хоть вспышки его выстрелов не остались незамеченными и послужат сигналом для тревоги. Только бы кто-нибудь из его команды успел отреагировать, только бы все остались в живых.

Теперь капитан передвигался в темноте — освещение в скафандре он выключил. Его руки все еще пытались привести оружие в боевую готовность. Ему показалось, что пройдет вечность, пока он подсоединит оптический прицел. Он еще не завершил свою работу, когда снова заметил смутное движение, уже в другом месте, где как ему казалось должны находиться его товарищи. Может быть, это тот самый андройд, в которого он стрелял? А может быть еще один, готовый присоединиться к первому?

Вдруг, Доминго заметил вспышки от выстрелов снарядами из такого же автомата, как у него. Он воспрянул духом. Через минуту он увидел две человеческие фигуры в скафандре, карабкающиеся по руинам по направлению к аппарату. Радиосвязь по-прежнему не действовала.

За спиной карабкающихся раздался оглушительный взрыв, сопровождаемый яркой вспышкой света. Достаточно продолжительное освещение позволило высветить множество передвигающихся врагов. Руины просто кишели этими машинами. Некоторые из них были намного меньше человеческого роста и казались почти безобидными. Все они были экипированы разного рода режущими конечностями и, несомненно, их поведение управлялось неким, неизвестно где находящимся, высшим мозгом.

Летательный аппарат маневрировал недалеко.

— Слава богу! Вильма поняла, что происходит,— с радостью подумал Доминго.

Заработала единственная находящаяся на аппарате пушка. Андройды, попадая под действие ее невидимых энергетических лучей, вспыхивали и испарялись, словно их и не было. Вильма на время отвлеклась от управления аппаратом и сосредоточилась на уничтожении врагов.

Теперь аппарат парил в середине корабля берсеркеров в ожидании членов экипажа.

Здесь, в условиях невесомости, подобрать их на борт — задача не трудная. Капитан решил, что не будет первым. Он должен был сначала убедиться, все ли жи...

И вдруг его осенила мысль: враг-то охотится за летательным аппаратом. С того места внутри каркаса, где находился Доминго, «Пэрл» не был виден. Капитан пытался, но не мог предвидеть, какие действия предпримут Полли и Симеон. На данный момент, если они еще живы, то уже поняли, что радиосигналы, подаваемые с берсеркера, блокированы и, вероятно, они заметили прерывистые вспышки от перестрелки. Если Симеон и Полли воспользуются тяжелым орудием на борту «Пэрла», то вероятнее всего последует уничтожение всего, что осталось от разрушенного берсеркера вместе с четырьмя людьми внутри него, а заодно и с летательным аппаратом, привезших их сюда.

Но до сих пор «Пэрл» бездействовал.

Вдруг, в наушниках капитана пропал радиошум. Надеясь, что частота свободна и он сможет восстановить связь, Доминго приказал «Пэрлу» держаться на безопасном расстоянии от поврежденного берсеркера. Он знал какое еще дополнительное оружие враг сможет привести в действие, и если берсеркерные андройды сумеют захватить летательный аппарат, а затем «Пэрл», то битва будет проиграна.

Ответа от Полли он так и не дождался. Очевидно, релейная станция по-прежнему блокирована.

Естественно, оставшиеся на борту «Пэрла» уже поняли, что произошла беда. Только бы они действовали разумно и не подвергали корабль опасности, только бы враг не смог его захватить.

Доминго получил подтверждение, что Полли и Симеон разгадали ситуацию. Он увидел «Пэрл», парящим недалеко от входа, через который они сами сюда проникли. Радиошумы возобновились с прежней силой.

Перемещаясь по поверхности и пытаясь закончить подсоединение разъема к оптическому прицелу, капитан обнаружил, что релейная станция связи, установленная у входа в брюхо берсеркера, исчезла. Вероятно андройды вырвали ее с корнем.

Вдруг неожиданно в наушниках возник голос капитана.

По радио прозвучало тревожное сообщение, заставившее капитана посмотреть в другую сторону:

— Они пытаются схватить летательный аппарат.

«Проклятье! Я так и знал!» — с отчаянием подумал Доминго и повторил приказ, который раньше не доходил до места назначения.

— Вильма, уходи!

Писк в наушниках вновь вернулся, заглушив приказ капитана на полуслове. Услышала его Вильма или нет — неизвестно, но она продолжала делать то, что делала: маневрировала кораблем. Доминго понял, что она старалась подогнать его ближе к тому месту, где он сам был несколько секунд назад, чтобы взять его на борт. Она пыталась спасти и забрать их из этого змеиного гнезда, кишащего врагами. Она перестала стрелять потому, что вести корабль, определять направление движения и одновременно безошибочно стрелять — слишком непосильная нагрузка на одного человека.

Капитан двинулся навстречу аппарату. Как только машина коснулась поверхности, берсеркеры с нечеловеческой скоростью бросились ему наперерез, пытаясь его захватить. Доминго снова выстрелил. Он по-прежнему стрелял вручную, без оптического прицела, но достаточно удачно, и уничтожил пару маленьких андройдов, разорвав их в клочья. Ударной волной его отбросило от подлетающего аппарата и, чтобы остановиться, он схватился за какую-то балку.

«Почему они не захватили нас в прошлый раз? — мелькнула мысль.— Вероятно, враг еще не был готов и ему требовалось еще время, чтобы мобилизовать свои разрушительные машины. А может быть, в тот раз злонамеренный компьютер, желая нанести максимальный ущерб людям, ошибся и запоздал с атакой, неправильно рассчитав момент для нападения. Но скорее всего первоначальная цель врага — захватить летательный аппарат.

Наконец, попытка Доминго подключить оптический прицел к шлему увенчалась успехом — последний упрямый разъем стал на место. Теперь оружие стреляло с пугающей электронной точностью: суетящиеся андройды один за другим превращались в облако из летающих частиц.

Когда его выстрелы препятствовали их координированной атаке, они перенесли свой главный удар на Доминго, он стал их основной мишенью.

Взору капитана предстал целившийся в него андройд, более всего он похож был на полку с инструментами. Нонсенс. Но опасность от этих разных форм андройдов шла большая. Доминго выстрелом продырявил его и тот, крутясь волчком, разлетелся на кусочки.

Капитан едва успел вставить новую обойму в свое оружие, как на него напал второй андройд, который так же был разнесен в клочья. «Боеприпасы на исходе»,— отметил капитан. Оставалась только одна обойма.

Ответный огонь, который капитан пока предотвращал, наконец, грянул. Это был необычный обстрел, что-то похожее на лазерное оружие... При первых же выстрелах, Доминго почувствовал рядом опаляющий зной, даже через скафандр.

Члены команды Доминго до этого только наблюдая ситуацию, наконец-то перешли в наступление. Они стреляли непрерывно, но не так результативно, как хотелось бы, и Доминго предположил, что их оптические прицелы оружия тоже еще не подключены.

Орудие на летательном аппарате вновь вступило в бой. Вильма стреляла более или менее эффективно и в какой-то мере отводила опасность от своих товарищей. Искандер и Гьюджар устремились к аппарату. Это было не так уж и трудно в условиях невесомости. Искандер, это Доминго хорошо видел, несмотря на чрезвычайные обстоятельства зацепился за аппарат. Одной рукой он крепко держался за какой-то выступ, а второй — стрелял в окружающих его врагов.

Вильма, желая помочь товарищам по команде, которых все теснее брали в кольцо андройды, открыла внешнюю дверь люка. Автоматы, заметив это, тут же бросились к двери, пытаясь не допускать к аппарату никого.

Доминго окончательно убедился, что автоматы-андройды не собираются пока убивать его товарищей, он наконец понял, что их цель — проникнуть на аппарат, когда Вильма откроет люк.

Перестрелка продолжалась еще с большей силой и временами казалось, что андройды вот-вот захватят членов команды Доминго, а заодно и летательный аппарат.

Капитан погнался за андройдом, который был ближе всего к люку.

«Может быть, именно такой убил мою дочь»,— подумал он. Он стрелял, стрелял, заполняя всю округу взрывами, но андройд видимо был сделан из особого, проч-

ного материала и оружие имеющееся у капитана было бессильно против него, малоэффективно.

Андройд не имел собственного стрелкового оружия, но от него исходила страшная разрушительная сила. Доминго все равно стрелял и ему удалось вывести из строя лучевую установку на андройде, но тот продолжал действовать, и рывком повернулся к открытому люку аппарата.

Доминго тут же бросился ему наперерез и успел блокировать вход, мешая проникновению андройда в тамбур люка.

Вильма наблюдала за этой схваткой. Она бросила пульт управления, оставив аппарат дрейфовать, и одним прыжком оказалась рядом со входом, пытаясь изо всех сил закрыть дверь.

Тем временем Доминго и андрайд, уже другой формы, похожий на какой-то фрезерный станок, стояли друг против друга. Автомат кружил с огромной скоростью, пытаясь поймать капитана, Вильма пыталась забрать капитана в аппарат, но в это время кто-то из команды: то ли Гьюджар, то ли Искандер, устремился в тамбур люка и закрыл вход изнутри. Это было сделано своевременно, так как хватающая конечность автомата уже взялась за дверь люка.

Капитан вклинился в какую-то щель, а андройд пытался ощупать его каким-то длинным острым металлическим предметом.

Доминго не пытался бежать. Он как всегда был готов драться и решил стоять до конца.

Вдруг он почувствовал будто его разрубают на кусочки. Сделав последнее усилие над собой, он выстрелил в упор в ненавистный автомат и потерял сознание.

ГЛАВА 10

Прошло несколько долгих, бесконечно долгих дней. Доминго, израненный и изуродованный, лежал в госпитале на базе. Он так и не пришел еще в сознание, бредил и все об одном и том же — казалось, что он в кромешном аду, заселенном берсеркерами. И там у него на глазах, эти проклятые автоматы продолжают убивать его жену Изабель и их детей, а он бессилен помочь.

Потом в его состоянии наступил перелом, он стал осознавать, что жив... И эти новые физические ощущения никак не могли прийти в норму с его внутренним, духовным состоянием. Но с каждым днем все четче намечалась граница, отдаляющая его от адских, мучительных кошмаров и возвращающая его к жизни. Он четко осознал: жив, не умер, его окружают живые существа, медицинские аппараты, стремящиеся сделать все, чтобы он выжил. Он теперь знал, что не стал пленником берсеркеров, слава богу, это единственное, что радовало его. Он был на волоске от смерти и пытался вспомнить, что же произошло. Он видел себя сражающимся с отрядом автоматов-убийц берсеркеров на борту разрушенной космической лаборатории, а затем тяжело и безнадежно раненым, хотя боли совсем не чувствовал. Но подробности всех этих событий все-таки смутно вспоминались им.

Дни шли, сильный организм постепенно брал свое. Настоящее, в отличии от прошлого, было.

Доминго понял, что лежит на больничной койке и вокруг него непрерывно снуют люди. Чувствовал он постоянное присутствие заботливых аппаратов, следящих за ним со сверхчеловеческой бдительностью.

Временами ему казалось, что неладно с его левой ногой. Он не чувствовал ее на месте, словно она стала расти из какой-то другой части тела, прорастая то со спины, то с груди. А иногда казалось ее вообще нет. Нельзя сказать, что эти *ощущения его очень расстраивали*. Пока он дышал и берсеркеры не заполучили его — вот два основных момента, которые немного успокаивали. Раз жив, то будет и дальше бороться, доведет начатое дело до конца. Его желания нельзя в этой ситуации назвать скромными, они были труднодостижимыми. Но еле живой, едва придя в сознание, Доминго вновь начал строить планы, готовиться встретиться с «Левиафаном». Эта встреча, верил, состоится даже, если у него осталась только одна возможность из ста.

Прошло много долгих, томительных дней, прежде чем Доминго окреп и стал рассуждать здраво.

— Что случилось? Расскажи мне. Что мы привезли с собой? — этот вопрос к Полли — первой, кого он узнал, придя в себя. Она склонилась над ним и мягким, успокаивающим голосом сказала:

— Ты был ранен, Найлс. Но теперь все будет хорошо,— и отвернулась, чтобы скрыть выступающие слезы.

Постепенно к Доминго возвращалась память и он от-

рывками, шаг за шагом вспоминал перестрелку на борту берсеркера и того, самого последнего андройда.

Вместе с сознанием к Доминго пришла и боль. Но медицинские аппараты чутко улавливали состояние больного, постоянно проверяя дыхание, серцебиение и снимая, насколько возможно, болевые ощущения. Но при своем сильном характере он старался не думать о боли и даже воспринимал ее как знак выздоровления. Последнего он желал всей душой. Он обязан стать сильным, здоровым прежде, чем возобновит погоню за «Левиафаном».

Товарищи по команде, друзья и просто знакомые часто навещали его и, пытаясь приободрить его, говорили обнадеживающие банальности.

Капитан креп и все больше задавал вопросов. От Полли, от медицинского персонала, от Искандера, часто посещающего его, и от Гьюджара, однажды зашедшего к нему, Доминго постепенно узнавал подробности, которые не мог вспомнить сам, как в мозаике из отдельных осколков, он шаг за шагом восстанавливал картину пережитого и узнал о том, что произошло с ним и его экипажем. Узнал, что после того, как андройды его ранили, команде удалось уничтожить мобильных андройдов, вплоть до последнего из них. Позже команда, подобрав его без сознания, едва дышащего, в поврежденном скафандре, улетела с поля боя. Им пришлось разрезать его искромсанный скафандр и всю обратную дорогу он находился в реанимационной камере, в изоляторе «Пэрла». Его окружали контейнеры с замороженными образцами, собранными на злосчастном корабле. И теперь, узнав, что собранные образцы считаются экспертами на базе носителями ценной и новой информации, Доминго воспрянул духом и пребывал в приподнятом настроении. Искандеру даже удалось привезти с собой разбитые части одного из андройдов. Полли, заметив, что эта новость особенно порадовала капитана, неоднократно пересказывала ему мельчайшие детали о том, как они довели дело до конца и как Бейза настаивал на взятии уничтоженного автомата в качестве трофея и для дальнейшего изучения.

Когда Доминго уставал, Полли уходила, обещая вернуться. И его радовала мысль, что она придет снова. Теперь он засыпал с уверенностью, что проснется. И каждый раз, открывая глаза после сна, все полнее воспринимал окружающий мир. Он уже знал, что нахо-

дится в госпитале военной базы, который, как он заметил, оснащен в духе последних достижений медицинской техники. Доминго как-то подумал, что этот госпиталь вряд ли когда-нибудь работает с полной нагрузкой, даже когда ведутся боевые действия. В войне против берсеркеров — много убитых и мало раненых. К счастью, здесь неизвестны войны, в которых человек воюет с человеком, как было на далекой, древней Земле.

Доминго не унимался и продолжал задавать вопросы всем, кто к нему подходил. На этот раз он хотел знать: возвращалась ли его команда на борт берсеркера после боя и собрала ли еще какие-нибудь данные? Никто из медицинского персонала не знал ответа и не хотел обсуждать эту тему. Но Доминго был настойчив. Он надеялся, что ответ будет утвердительным. Но, к сожалению, получил отрицательный и рассердился на Искандера. Еще больше рассвирепел, узнав, что берсеркер-лаборатория так и не был полностью уничтожен. Несмотря на то, что он был без сознания, его команда, считал он, обязана была остаться в зоне боев и довести дело до конца, уничтожив врага, пока тот был беспомощен.

Искандер терпеливо выслушал упреки и проронил:

— Сожалею, Найлс.

— Сожалеешь! Это не оправдание.

— Понимаю. Но дело сделано и теперь поздно об этом говорить.

— Не волнуйся, Найлс. Та куча хлама уже никому не сможет принести вреда,— постарался убедить капитана Гьюджар, пришедший к нему во второй раз.— Даже какой-нибудь корабль и наткнется на него, берсеркер мертв....

Доминго только махнул рукой, мол, что с вами после этого говорить...

— Он наверняка будет там беспомощно болтаться, Найлс, пока не сгниет,— мирно сказал Искандер.— И вряд ли кто-нибудь на него наткнется, ты же сам знаешь.

— Ты не прав,— голос капитана был слабый и хриплый.— В пространстве туманности есть жизнь и он будет ее уничтожать. Он будет этим заниматься пока полностью не иссякнут силы.

Посетители капитана переглянулись. Видно, Доминго все еще под воздействием пережитого. Все туманное пространство было насыщено незначительной примитивной жизнью и некоторые ее необычные формы, уже

давно собирались людьми для производства различных снадобьев, лекарств. Но никто особого значения этой примитивности не придавал, в том числе и сам Доминго. По крайней мере до сих пор. Берсеркеры, конечно, уничтожали и эту разновидность жизни — так уж они были запрограммированы на убийство всего живого, но больше всего они хотели уничтожить человечество, До сих пор в Галактике только разумное существо, то есть человек, представлял собой серьезное препятствие берсеркерам в их стремлении стерилизовать вселенную.

Через несколько дней к Доминго пришел Геннадиус. Он сказал, что робот-курьер, отправленный с борта «Пэрл» на базу так и не добрался.

— Ничего удивительного. Этого следовало ожидать,— прошептал Доминго.

— Согласен.

— Вы охотитесь за «Левиафаном» сейчас? — не удержался от волнующего его вопроса Доминго.

— Мы делаем все, что можем, Найлс. Все, что можем.

Далее Геннадиус рассказал как сразу же после возвращения «Пэрла» на базу, он отправил военный корабль на поиск поврежденного берсеркера. Но через десять дней, посланный корабль вернулся, доложив, что его операция не увенчалась успехом. И это сообщение не вызвало удивления — все знали о трудностях астронавигации в туманном пространстве.

Прошло два месяца, как Доминго лежал, прикованный к постели. Почти все это время он находился либо без сознания, либо под действием наркоза и врачи прикладывали уйму усилий, чтобы поставить его на ноги.

Доминго хотел знать последние новости о «Левиафане», но никто не мог сказать, даже приблизительно, где он сейчас.

Капитан в мыслях часто возвращался к раненому берсеркеру. От других членов команды он узнал, что Искандер хотел остаться и уничтожить берсеркер. Однако ему не удалось настоять на своем и заставить команду выполнить его приказ.

По опыту капитан знал, что Бейза — выдающийся и мужественный борец и в кризисной ситуации сохраняет хладнокровие и здравый рассудок. Кроме того, он не один раз доказывал свою ярую ненависть к берсеркерам и даже в самых чрезвычайных обстоятельствах не терялся.

«Но все дело в том, что Искандер не лидер» — подумал Доминго.

Его главный помощник и преданный друг не умел приказывать и не имел дара убеждать других. Несмотря на то, что Искандер занял место Доминго, вышедшего из строя, он не смог заменить командира и поддался на уговоры команды.

Да! Все было действительно так. Но в противном случае капитан бы не уцелел, он мог умереть от ран.

По мере восстановления сил Доминго становился все более упорным и тайно от всех составлял план реорганизации своей команды. Это было нелегко. Как ни старался, он не мог подобрать подходящую кандидатуру для замены Искандера.

Он не мог простить Бейзу его малодушие и считал, что раз капитан находился в реанимационной камере, ему было все равно, задержатся они на поле боя или нет. Они обязаны были остаться, оправданий нет. Команда должна была выжать все остатки информации с поврежденного хлама, а потом, прежде чем улететь — превратить его в облако рассеивающегося газа.

Доминго мучала и еще одна тревога. Однажды он ее высказал вслух:

— Что с «Пэрлом»? Все ли с ним в порядке?

— Все в норме. Корабль в целости и сохранности. Никто из тех мерзких тварей даже и не приблизился к нему. Он пришвартован на пристани с тех пор, как мы прибыли сюда.

Как-то раз Искандер нерешительно попросил разрешения Доминго отправиться в разведку на нем.

— Конечно. Но будь осторожен. Он мне скоро понадобится.

Доминго заметил, как все окружающие переглянулись. Многим из них эти слова, вероятно, показались шуткой. «Наверное я плохо выгляжу»,— решил капитан.

Он еще о чем-то хотел спросить, но не мог вспомнить. Ах, да! Он хотел узнать, где остальные члены команды, что-то не все члены приходили его навестить в госпитале.

Снова последовал обмен взглядами. В результате было принято немое решение: он достаточно окреп и выдержит плохие новости. Вильма Чэнар погибла в схватке с последним андройдом перед его уничтожением.

— Плохо,— прошептал Доминго, сознавая, что надо

что-то сказать. Он услышал об этом впервые, но не испытывал каких-либо сильных чувств к Вильме — живой или мертвой. Он все еще находился под воздействием пережитого шока. Он испытал сожаление, узнав об ее смерти, но скорее всего из-за того, что трудно будет найти ей замену.

Время неумолимо двигалось вперед. Доминго постепенно, день за днем набирал сил, но даже ему было ясно, что полное выздоровление — перспектива далекого будущего. Оказалось капитан действительно лишился левой ноги, вплоть до бедра. И это было не единственной проблемой со здоровьем. Пришлось сознаться самому себе, что выздоровление — его первый шаг на пути к мести — будет продолжительнее, чем он предполагал. Оставалось одно: строить планы и выполнять все назначения врачей.

Предстояло привести в норму свое покалеченное тело или, если быть точным, то, что осталось от него. Врачи обещали сделать ему искусственную ногу. Нарастание же ноги, как здесь обычно практиковалось при потере конечности, пока было противопоказано из-за общего психологического состояния Доминго.

Как только капитан прослышал о том, что собираются изготовить протез, то у него сразу возник план действий. Чем больше он об этом думал, тем веселее ему становилось и дни уже не тянулись так медленно. Окружающие часто видели его с улыбкой на лице. До сих пор этого не было, с тех пор по крайней мере, как погибла его дочь.

Он расспросил об андройде, привезенном с развалин и узнал, что он все еще здесь, на базе. Эксперты изучили его, но ничего нового, неизвестного до сих пор обнаружено не было.

Тогда Доминго предложил врачам приспособить одну из ног андройда к своему телу, вместо потерянной.

Доктора переглянулись и пошли посовещаться. Одни были настигнуты врасплох такой постановкой вопроса, другие — шокированы и только один заинтересовался предложением.

Полли узнав об этом, подумала, что Доминго опять впал в безумие и решила при первой же возможности поговорить с ним.

Вначале он только усмехнулся.

— А почему бы и нет?

— Но ты не...

— Почему бы и нет? — выражение лица его стало жестким, отстраненным.— Почему бы мне не походить на одной из его ног?...— вдруг, силы оставили его, он закрыл глаза.

Полли почувствовала себя виноватой.

— Ты прав. Нет причин. Ты волен делать то, что хочешь.

И поменяла тему разговора. Она пригласила Доминго погостить у себя дома в Ийркале до выздоровления.

— Я собираюсь съездить туда ненадолго. Хочу отдохнуть. Думаю, что и тебе не мешало бы,— она старалась казаться равнодушной, будто ее приглашение сделано мимоходом.

Доминго поблагодарил и согласился. Он заметил, что это несколько удивило Полли, но одновременно и обрадовало.

Капитан чувствовал усталость, а ему необходимо накопить силы перед будущими испытаниями. Ему предстоит пройти долгий путь, прежде чем сумеет занять свое место на корабле и возобновить погоню.

Когда Полли пришла навестить его в следующий раз, Доминго расспрашивал ее об Ийркале, ее доме и семье. Они не раз уже говорили об этом раньше в той, прежней жизни, но теперь ему хотелось узнать больше, чтобы убедиться, что там найдет пристанище и благоприятные условия для быстрого выздоровления.

У Полли же были свои планы — отучить его от сумасшедшей мысли *отомстить куску металла — вот ее* сокровенное желание. Она воспринимала его одержимость местью, как проявление болезни. Врачи не были с ней согласны. Они считали, что их пациент психологически здоров и не нуждается в психотерапии. Гораздо больше их волновало его физическое состояние.

Когда они собирались улететь в Ийркалу, Доминго как-то сказал:

— Спасибо, Полли. За то, что заботишься обо мне так.

— Ну, это сделал бы на моем месте любой,— она старалась казаться безразличной.

— Не уверен, но я действительно тебе благодарен.

ГЛАВА II

Все, кто хоть сколько-нибудь знал Ийркалу, сходились на том, что эта самая жизнеспособная колония в Милкпейле. Она была наиболее крупной и больше других напоминала долекую планету Земля. Обладала собственной естественной гравитацией, а значит и атмосферой. Воздух был почти такой же, как и на Земле, разве что требовал небольшого обогащения кислородом. Температуры на поверхности Ийркалы были умеренными и под открытым небом здесь выращивались фрукты и овощи с помощью генной инженерии. После того, как естественная гравитация была немного ускорена естественным путем, на планетойде появились водные ресурсы, как подземные, так и на ее поверхности.

Родная планетойда Полли располагалась к базе значительно ближе, чем большинство других колоний, что способствовало ее безопасности — атака берсеркеров была маловероятна. Кроме того, жители Ийркалы, не особо надеясь на космические силы, всячески укрепляли свою и без того мощную защитную систему и постоянно ее совершенствовали, ибо берсеркеры там модернизировали свое оружие. Благодаря этому, здесь обеспечивалась максимальная безопасность жителей.

Корабль приземлился на местном аэродроме и Доминго на роботизированных носилках покинул борт. Рядом с ним шла Полли. Сквозь стеклянные стены аэропорта он увидел на недалеком горизонте живописные горы под белесым небом. Изувеченное тело капитана в повязках, укрытое одеялом, встрепенулось и ожило, когда теплый, нежный, почти земной, ветер коснулся его щек.

Доминго выехал на носилках на открытую площадь и перед ним предстали обширные просторы, большую часть которых занимали виноградники и цветущие сады.

Там вдали у горизонта он увидел знакомые машины с фильтрующими сетками, собирающие урожай микроскопической жизни из космоса.

Такие машины можно встретить почти во всех колониях Милкпейла.

— А вот и мой народец,— радостно воскликнула Полли.

Доминго посмотрел вниз и увидел двух человек.

Это были родственники Полли: ее сестра Ирина с мужем Каспером. Рядом с ними стояли и дети Полли: шестилетний сын Ферди и восьмилетняя дочь Агнес. Доминго отметил, что никто из детей не похож на мать. Дети с криками радости бросились к Полли и после бурных объятий, вдруг, поняли, что мать не одна, заметили Доминго. Дети уставились на него серьезными и пытливыми глазами и, после непродолжительного изучения, отвели взгляды. Капитану показалось, что на своих роботизированных носилках он произвел на них необычное впечатление и, может быть, показался героем из древних сказок. Супружеская чета при знакомстве вела себя вежливо, но без проявления повышенной доброжелательности.

Он приветствовал их и улыбнулся своей лучшей улыбкой, желая завоевать их симпатии, и обеспечить себе спокойное окружение на время выздоровления.

Оставив за спиной аэропорт, они направились к фургону, арендованному специально для перевозки носилок с Доминго.

Каспер и Ирина шли рядом и вели дружескую беседу, но чувствовалась какая-то неловкость.

По дороге к дому Полли, Доминго с интересом наблюдал за сменой пейзажей за окном фургона. Прямые широкие улицы, на которых росли ровные ряды деревьев, созданных благодаря генинженерии, напоминали красочные картины с далекой Земли. Ийркала была намного больше Шубры, *хотя с точки зрения землян, она считалась* небольшой.

Маленький дом Полли находился на окраине поселения и потребовалось чуть меньше часа, чтобы добраться туда с умеренной скоростью. Большую часть дороги они проезжали мимо цветущих садов, а затем полей с «жизнесборочными» машинами, которые были снабжены специальными сетками для фильтрования и сбора микроскопических организмов, летящих с туманного неба.

Принадлежащий Полли дом представлял собой небольшое двухэтажное строение. Родственники к приезду Полли привели его в порядок.

Они вошли в дом и капитану неожиданно для себя, показалось, что он приобрел новую семью.

Роботизированные носилки Доминго направил в маленькую спальню на первом этаже, расположенную рядом с комнатой Полли. Детские комнаты находились на втором этаже. Ферди и Агнес не привыкли к двухэтаж-

ному дому и перспектива жить наверху была заманчива и приносила немалую радость.

Пока Полли устраивалась в доме, разбирая багаж и раскладывая вещи, Доминго отдыхал на носилках в своей новой спальне и, по обыкновению, думал о берсеркерах.

В день приезда на Ийркалу Доминго был в состоянии самостоятельно переползать с носилок на кровать и обратно, а так же есть одной здоровой рукой. Но это было все, что он мог делать без помощи робота или Полли. В первые дни он пытался есть сам, а ночью, оставаясь один в спальне, порой впадал в дикое, безысходное состояние.

Первые дни прошли без особых происшествий. Дети были на школьных каникулах и почти все время находились дома. Они бегали, стучали и играли на верхнем этаже, или переполненные радостью жизни, выбегали на улицу, где веселились и резвились.

Иногда они ругались друг с другом, поднимая шум. Полли призывала их успокоиться и соблюдать тишину. Но уговоры порой не помогали.

Доминго уверял ее, что шумы не беспокоят его. И он знал почему. Не только шум, но и жизнь сама по себе уже не беспокоила его и ничего для него не значила. Его вела только одна единственная цель.

Он не страдал отсутствием аппетита, по крайней мере с тех пор, как набрал достаточно сил, чтобы научиться жевать. К счастью, зубы его не были повреждены и остались целы. Ему было все равно, что есть — еда представляла для него интерес только, как средство для укрепления организма перед выполнением одной, последней задачи.

Его заботливая няня — Полли следила за тем, чтобы он получал только качественную пищу и он начинал постепенно набирать сил.

Каждый день капитан фанатично выполнял предписанные ему упражнения. Часть из них он выполнял с помощью робота, специально привезенного с базы. Часть с помощью Полли, которая пользовалась возможностью, чтобы одновременно лечить его психологически. Она надеялась, что убедит Доминго отказаться от задуманной охоты и расстраивалась всякий раз, когда он вновь заводил разговор на эту тему. И он все это чувствовал. «Тем хуже для нее»,— считал капитан.

Каспер и Ирина жили недалеко от дома Полли и часто заходили в гости. Они были приветливы с Доминго, разго-

варивали с ним, но он понимал, что им неприятно его присутствие, но он знал, что его положение временное и как только он обретет силы, то сразу уедет отсюда.

У Доминго наступали минуты, когда он не мог удержаться от грез. Он мечтал о том, как хорошо было бы, если бы он мог остаться здесь с Полли и ее семьей. Но это был великий соблазн, не более. Он не мог допустить, чтобы его бесконечно нянчили, будто он... Эта мертворожденная мечта была бессмысленной. У этой мечты нет, и не может быть, продолжения. И по мере того, как силы возвращались к нему, он думал об этом все реже.

Прошел месяц со дня приезда Доминго в Ийркалу. Он окреп и поправился, набрал свой прежний вес, физически полностью восстановился. Роботизированные носилки были заменены на кресло на колесах, в котором капитан уже мог ездить вполне самостоятельно. Руки его обрели былую гибкость, силу, но он все еще был человеком на одной ноге. Ему еще только предстояло протезирование после возвращения в госпиталь базы.

В минуты свободные от игр или от работ, придуманных для них матерью, дети прибегали к Доминго. Они стали проявлять интерес к нему, лично для него это было неожиданным. До сих пор никто из детей не проводил с ним так много времени и капитан пока только удивлялся этому.

Однажды Агнес спросила капитана есть ли у него собственные дети дома. Он ответил, что нет и не будет. Затем какая-то мелочь отвлекла девочку и на этом, к счастью, расспросы закончились.

Наконец наступил день, когда Доминго мог оставить кресло и, шатаясь, пройти по комнате на костылях. Впервые после ранения он подошел к зеркалу и был потрясен тем, что увидел. На него смотрело чужое лицо, совсем не похожее на то, которое он помнил. Он смотрел в зеркало, удивляясь происшедшим с ним переменам.

Помимо множества мелких шрамов, проходящих через всю щеку, шею, алел до плеча огромный, крученый шрам, который не смогло стереть даже искусство хирургов.

Но не эти шрамы, а более глубокие перемены, он не мог сказать точно какие, сделали его таким неузнаваемым, чужим для самого себя.

Потрясенный он всматривался в свое изображение и,

вдруг, заметил, как мимо дверей прошла Полли. В доме было жарко,— Полли постоянно поддерживала температуру ради его здоровья. Сейчас она была почти раздета, занята уборкой дома. Она ничуть не изменилась и осталась такой же, как была при их первой встрече: хорошо сложена — стройная, гибкая. Полли действительно привлекательная женщина — Доминго осознавал это.

Насколько он знал, у нее не было постоянного мужчины, по крайней мере, она никогда об этом не говорила. Она любила Доминго, он знал об этом.

Иногда его беспокоило то, что он пользовался ее чувствами, привязанностью. Он чувствовал себя виноватым в том, что она вкладывает свою любовь в никуда и не получает ничего в ответ. Но это чувство вины возникало лишь время от времени. У него не было моральных сил беспокоиться об этом. Потому что было что-то более важное, занимающее все его чувства и мысли.

И тем не менее... Полли и ее дети являлись для него отдушиной, гаванью, где он мог отдохнуть от жизненных штормов. Они создавали иллюзию семьи, словно ничего не случилось. Но эта маленькая девочка — дочь Полли особенно болезненно напоминала ему о потерянной семье.

Что касается Полли.... Доминго давно уже не думал о женщине. Задолго до ранения от берсеркера, задолго до уничтожения Шубры.

Его тело выздоравливало, набирая силу, но у него попрежнему не было побуждения думать о Полли или о ком-нибудь другом... в этом плане.

Доминго продолжал смотреть в зеркало и видел позади физкультурного робот-машину, ожидавшего его. Ему еще долго и упорно предстояло на нем работать. Надо было потренировать мышцы и прийти в форму, прежде чем вновь суметь летать на своем корабле.

Постепенно, когда погода была хорошей, понемногу капитан стал выходить из дома. Однажды все четверо — он и Полли с детьми — устроили пикник. Они отправились на озеро, где целый день катались на катере. Доминго, на всякий случай, одел спасательный круг на свое кресло.

Сидя на катере и любуясь природой, Доминго и Полли размышляли о жизни. Хотя в основном говорила Полли, стараясь растормошить его и втянуть в беседу.

В озере обитало множество рыб, также созданных с помощью генинженерии. Это были странные, серебристые и безопасные монстры, длиной в человеческую руку, медленно скользящие в холодных глубинах водоема, если два-три метра можно было назвать глубиной.

Дети развлекались играми. Они сочиняли легенду о жизни на дне озера и, развивая тему, каждый из них по очереди добавлял какой-нибудь штрих или факт к уже сказанному. Например:

— Там внизу в мрачной пещере в скале жила-была рыба. Это была огромная и страшная рыба. И....

— И... ты знаешь, как ее звали, дядя Найлс? — расширенные, взволнованные детские глаза смотрели на него с любопытством.

— Знаю... знаю...— Но ответ остался незаконченным. Капитан снова ушел в свой мир, где решал одному ему известные проблемы.

Позже, чувствуя неловкость за свое немногословие и желая как-то исправить положение, он сказал:

— Как здесь хорошо, Полли! Как чудесен этот мирок.

Еще не отдавая себе отчета, Полли импульсивно воскликнула:

— Тогда оставайся здесь, Найлс! Оставайся с нами.— И тут же спохватилась. Она боялась отпугнуть его своими словами.

Он ответил что-то невразумительное, уже жалел о только что проявленной слабости.

Возвращаясь час спустя, они увидели перед ломом неизвестно кому принадлежащий наземный транспорт. Как только они подъехали, из машины к ним навстречу вышел человек и они узнали Гьюджара Сидорука, тот приехал из Щубры и уже несколько часов поджидал их.

Поначалу Гьюджар показался Доминго прежним.

— Ты хорошо выглядишь, Найлс. Действительно хорошо.

— Я рад твоим словам.

— Нет, это действительно так.

Позже мужчины сидели дома и разговаривали, а Полли занималась детьми.

Гьюджар рассказывал капитану о своем состоянии духа. Он по-прежнему тосковал по Меймио и жалел всех погибших в тот страшный день. До сих пор он не мог спокойно думать об этом дне, его начинало трясти, а оставаясь один, он даже плакал. До недавнего времени он даже слышать не хотел о том, чтобы вернуться к обычной жизни.

— Я думаю о Меймио постоянно.— Молодой человек был подавлен.

— Я тоже,— тихо ответил Доминго и уже более твердым голосом спросил: Ты приехал сюда зачем?

— Вначале я не хотел возвращаться на Шубру. Слишком много пережито там. Но теперь... я считаю, что должен сделать это. Я уже был там и.... Думаю, что Меймио одобрила бы меня. Я знаю, ты хочешь продолжать охоту, но... я хочу сказать, что больше не могу. Я буду с тобой.

— А я и рассчитывал на тебя, Гьюджар. Та штука, которая убила ее, все еще действует.... и убивает остальных.

Гьюджар поднялся и сделал несколько кругов по комнате. Он казался смущенным.

— Космические силы справятся с охотой лучше меня. Я не хочу потратить свою жизнь на....

К тому времени Полли успокоила детей, вернулась в комнату и сочувственно прислушивалась к их разговору. Но она молчала. Она никогда не пыталась отговорить Доминго от своих намерений или настаивать на продолжении дискуссии, за что он ей был благодарен.

— Разработан план восстановления Шубры, Найлс,— продолжал Гьюджар.

— Не сомневаюсь,— голос Доминго звучал грубо и жестко, как в те дни после катастрофы, когда он был в полной прострации. Полли, вдруг, впервые пронзила мысль, что Доминго иногда сам напоминает берсеркера.

— Здесь мощная и надежная защитная система,— поменял тему Гьюджар. Он, казалось, преодолел свою скорбь и постепенно воодушевлялся.— Это ясно без слов и, пока я здесь, хочу посмотреть на некоторые новые установки.

Доминго молчал. Он сидел в своем роботизированном кресле и недовольно думал о наземной защите и о людях, заботящихся о таких пустяках.

Посетитель, казалось, не замечал настроения капитана и бодро продолжал.

— Желающих хоть отбавляй. Я имею в виду, что много новых людей уже готовы приехать и обосноваться там.

— Я знаю. Однажды их видел там, на базе.

— И...?

— И поговорил с ними немного.

Гьюджар ничего не понимал. Он никогда не смог бы

быть хорошим заместителем капитана.

— Сектор заявляет, что у них много претендентов вкладывать инвестиции в колонии, здесь в Милкпейле.

Доминго не сомневался в этом. Но все дело в том, что он ничего не мог с собой поделать. Он воспринимал стоящего перед ним человека, не иначе, как отступника, желание Гьюджера вернуться к обычной жизни для него было равносильно предательству.

Его дочь мертва и ее убийца все еще спокойно курсирует по Туманности, будто убийство Меймио — это всего лишь уничтожение какой-нибудь колонии.

Гьюджар постоял еще немного, затем попрощался и сказал, што отправляется на Шубру.

Вечером зашла Полли. Она была резка:

— Тебе нянька больше не нужна? — спросила она.

— Нет — равнодушно ответил он.

«И все дело в том, что остальные мне тоже не нужны»,— подумал он. Но пока он не собирался об этом говорить.

ГЛАВА 12

Капитан «Сириан Пэрла» вернулся в госпиталь базы для очередного медицинского осмотра. На этот раз врачи решили, что пора приступить к протезированию. Они тоже подготовились и, для успешного проведения операции, тщательно подготовили промежуточный материал для обеспечения совместимости человеческой ткани и металла берсеркера.

По дороге на базу Полли обдумывала предстоящую беседу с докторами относительно психологического здоровья Доминго. Она не знала, чем мотивировать свои страхи так, как за время пребывания в Ийркале не произошло ничего примечательного: поведение и речь Доминго вроде бы не давали повода для тревог. Однако, не произошло и ничего такого, чтобы рассеять ее смутные сомнения и где-то в глубине души назревало предчувствие грядущей катастрофы.

Операция длилась два часа и завершилась успешно, к удовольствию капитана. Но Полли это беспокоило и, перед отправкой на Шубру, она решила снова проконсультироваться с психиатрами.

Они осмотрели его и остались довольны состоянием его здоровья, как физическим, так и моральным.

— Он выздоравливает, миссис Суслова. Он возвращается к жизни и интересуется гражданскими делами на Шубре.

— Правда? Он ничего не говорил мне об этом,— единственное, что смогла она ответить.

Но в душе она ясно осознавала, что Доминго дурачит всех. Но врачам в данном случае легче — они меньше тревожатся о нем. А вот ее душа разрывалась от горя....

Когда Доминго и Полли прилетели на Шубру, ее восстановление шло полным ходом. Капитан все еще ходил с тростью, изготовленной в Ийркале, но походка становилась все лучше, он распрямился и осанка стала почти прежней, такой же, как до ранения. Новая нога, похоже, не причиняла ему неприятностей.

Их поездка на Шубру была деловой. Полли собиралась закончить незавершенные там дела, а Доминго — прежний мэр планетойды — пока еще оставался ее собственником, поэтому за ним оставались определенные права и обязанности.

Восстановление его бывшего дома на Шубре шло полным ходом, но этот факт его мало занимал. Его интересовало только то, что было связано с охотой на «Левиафана», Полли знала это. Оказалось, он приехал сюда, чтобы продать свои права на собственность. Ради этого даже отложил свою отставку с поста мэра, так как считал, что его официальный статус мог как-то помочь при заключении сделки.

Большинство людей, заново строящих Шубру, не были знакомы ни Доминго, ни Полли. Восстановительные работы продвигались быстро и уже был готов зал Ассамблеи. Когда капитан пришел сюда на фестиваль, устроенный по случаю открытия зала, перед ним предстало прочное, внушительных размеров здание, на много превосходящее предыдущий зал, причем, совершенно прекрасное по дизайну. В этом нарядном хрустальном дворце было значительно меньше зеленых насаждений, чем в прежнем, а сигнальное освещение не было на виду.

В дальнем углу фойе была прикреплена скромно, но со вкусом выполненная металлическая табличка в память о погибших в последней катастрофе. Капитан не остановился, чтобы просмотреть имена в списках, а быстро

прошел в зрительный зал и занял свое место в дальнем углу.

Люди постепенно заполняли зал, занимая свои места, но Доминго почти никого не узнавал. Да и его, похоже, никто не знал. Среди незнакомцев он увидел Генрика Пойнсот, который приветствовал его кивком.

Тихо заиграла музыка. Музыканты пока только настраивали свои инструменты. Наконец, занавес раздвинулся и праздник иннагурации начался. Ведущий объявил, что сегодняшний день знаменует собой окончание первого этапа восстановления шубринского поселения и отныне будет считаться ежегодным праздником.

Мэр Доминго — уже бывший, так как здесь намечалась также и политическая реорганизация,— увидел Полли среди выступающих, улыбнулся ей и помахал рукой. Полли ответила тем же. Она с энтузиазмом согласилась принять участие в фестивале и многого ожидала от сегодняшнего выступления, тем более что Доминго обещал прийти только для того, чтобы посмотреть на исполняемый ею танец.

Народу здесь сегодня собралось больше, чем жило на этой планетойде раньше. Доминго догадывался, что кто-то из бывших граждан Шубры собирался продать свои участки потенциальным колонистам и на этом хорошо заработать. Доминго когда-то тоже собирался обосноваться здесь, основательно построиться и многого достичь. Он мечтал завладеть своим куском от пирога туманности, так как думал, что здесь все условия, чтобы стать состоятельным....

С одной стороны, капитан пришел на фестиваль, чтобы, как обещал, посмотреть на танцующую Полли, но главная его задача — повстречаться с состоятельными людьми. Он надеялся найти здесь богатого, которому смог бы выгодно продать остатки своих владений. Он знал, что с куплей-продажей не будет проблем, но хотелось иметь дело с покупателем, готовым хорошо заплатить. Следующая ступень его погони, он знал это наверняка, потребует больших расходов. Ведь он не знал, как долго продлится охота за «Левиафаном».

Музыканты затихли, но только на минуту-другую и вновь заиграли. Взору присутствующих предстала превосходная огромная и празднично-украшенная сцена. Началось выступление танцевальной группы, в которой он увидел и Полли. Она была удивительно хороша в своем открытом серебряном костюме. Впервые Доминго

отметил, что она действительно красива и выгодно отличается от других женщин.

Постепенно он стал замечать и другое: поворачиваясь лицом к залу, Полли тут же искала его глазами. Даже в этом заполненном помещении она должна была с уверенностью знать, где он находится. Он, вдруг, осознал, что этот танец она посвящает ему, как, впрочем, и все, что она делала последнее время, она делала для него.

Спустя несколько минут Доминго отвлекся от мыслей о Полли, скорее почувствовал, чем услышав, слабую вибрацию в воздухе. В шумном зале, заполненном музыкой, этот посторонний звук был не слышен, но чуткому уху Доминго удалось его уловить. Он обернулся и через большую прозрачную стену увидел небольшой космический корабль, приближающийся к взлетной полосе нового аэропорта. Доминго, сидя в полуоборот, продолжал одним глазом наблюдать за концертом, но мысли его уже были далеко. Он не выпускал из виду серебряного пришельца и думал, что вероятно тот привез какие-нибудь новости.

Корабль приземлился. Тем временем концерт продолжается: первый танец завершился, а за ним последовал комический театрализованный спектакль. Внимание капитана раздваивалось. Он следил за Полли и за приземлившимся кораблем. Он просто кожей чувствовал, что будут новости.

Прошло еще несколько минут. Кто-то сзади подошел к Доминго и взял за плечо. Обернувшись, капитан увидел человека с другой колонии, с которым встречался несколько раз прежде. Тот наклонился и прошептал на ухо, что несколько минут назад прибыл корабль с тремя экспертами на борту, которые хотят немедленно с ним переговорить.

— Они настаивают на этом и говорят, что не могут ждать. Извините, мне не хотелось бы отрывать вас от праздничного представления, но...

Доминго быстро направился к выходу, где его уже ожидали две женщины и мужчина. Он пригласил их в одну из ниш переполненного зала, где они и познакомились. Пришельцы прилетели из Главного управления и являлись экспертами по технологии создания искусственного разума. Они поблагодарили Доминго и его команду за образцы и информацию, привезенные с биологической лаборатории берсеркера. Сейчас они хотели выяснить, чем занималась эта фабрика — именно так ее

и назвали — до своего уничтожения. Им нужны дополнительные подробности и они надеялись получить их от капитана.

В зале продолжался концерт, играла музыка. Капитан, прежде чем отвечать на их вопросы, пожелал узнать есть ли что-либо новое о «Левиафане». Но для тройки эта тема не представляла никакого интереса и они, как и Доминго, умели отметать вопросы, которые их не волновали и настаивать на своем.

Желая проявить добрую волю, Доминго вначале ответил на интересующие их вопросы, надеясь, что потом получит ответы и на свои. Пришельцы рассказали ему, что в Главном управлении почти убеждены: этот берсеркер разрабатывал грозное биологическое оружие против человечества. Разгадать каково оно — задача экспертов.

Все это очень интересно, как бы подытожил капитан, но не совсем то, что его волнует.

— Что еще? — спросил Доминго.

Женщины переглянулись и отошли в сторону, видимо, чтобы посовещаться и решить в каком объеме информацию они имеют право разгласить. Тем временем мужчина позволил себе отвлечься от дел и приблизился к сцене.

Там под зажигательную музыку молодые женщины выходили вперед одна за другой и выполняли индивидуальный танец. Сейчас была очередь Полли.

— О! Какая женщина! Кто это?

— Она в моей команде,— сказал Доминго. А вы уверены, что он больше не появлялся?

— Кто он?

— Да «Левиафан» — капитан старался не показывать нарастающего раздражения.

— «Левиафан»? Нет, не появлялся.... Значит, говорите, она в вашей команде?

К ним подошли обе женщины с намерением сообщить Доминго еще несколько подробностей. Они сказали, что привезли с собой результаты, выданные компьютером в Главном Управлении после обработки данных с берсеркера. Они представляют собой огромный интерес.

— Вы уже говорили об этом.

— Все указывает на то, что берсеркер работал над созданием клеточных организмов... определенного типа.

— Я не совсем понимаю....

— Их интересовали крупные организмы. Не микробы.

Доминго считал, что эта информация не имеет никакого отношения к тому, что его волнует. Поэтому продолжал требовать дополнительную информацию о «Левиафане». Его настойчивость, наконец, увенчалась успехом, и они пообещали просмотреть все данные на своем компьютере, как только вернутся в Управление.

К этому времени закончилось первое отделение концерта. Занавес опустился под бурные аплодисменты присутствующих.

Луч прожектора осветил Доминго и ведущий представил бывшего мэра Шубры и героя войны. Последовал гул одобрения, но приветствие было не продолжительным: герои войны здесь не редкость, пост мэра принес ему мало друзей. Затем свет прожектора переключился на сцену: вновь избранный мэр собирался произнести речь.

В это время Полли похорошевшая и разгоряченная после танца, пробиралась через проход к Доминго.

— Тебе понравилось? — нежно спросила она. Серебряный костюм облегал ее стройную фигуру. Она была восхитительна.

Капитан уставился на нее, но мысли его были заняты только что полученной информацией.

— Что понравилось? — спросил он в свою очередь, не замечая ее выжидательного взгляда.

Блестящие глаза Полли потухли. Он повернулся к экспертам, готовый задать еще несколко вопросов. Когда он снова обернулся, Полли уже ушла.

Вскоре после праздника Доминго завершил свои дела на Шубре, он был доволен. Выгодно продал остатки своей собственности. Часть средств потратил на приобретение снаряжения и несколько роботов-курьеров для «Пэрла». Остальное оставил, еще пригодится. Кроме того, он собирался хорошо платить своей команде.

На следующий день при встрече Полли заявила, что не поедет с ним на этот раз. Она выходит из команды.

Он долго и задумчиво смотрел на нее, затем медленно проговорил:

— Хорошо. Наверно так будет лучше.

ГЛАВА 13

«Мою любимую дочь убила не та машина, которая изуродовала меня. Это были машины разного типа. Машина, убившая ее, пришла с другого берсеркера — с «Голубой смерти» «Левиафан». Мое ранение было случайным... почти случайным. Ее же смерть — нет. Ее настиг кулак «Левиафана», превратив ее цветущую жизнь в ничто...» — эти и другие мысли проносились в голове Доминго, когда он одиноко стоял под утренним небом Шубры. Он стоял у подножья скалы, почти отвесной. Раньше тут была пещера, та самая, где смерть настигла Меймио. На этом искареженном стерильном участке несколько месяцев назад он прощался с тем, что осталось от его дочери, а рядом валялись лоскутки свадебного платья....

Она ушла. А в его душе навечно поселился ужас, и кроме мести теперь ничего не было в его сердце.

...Всего лишь за несколько месяцев старый дом Доминго изменился до неузнаваемости и уже был не похож на груду развалин. Центр Шубры уже застроен, но пока еще всюду оставались следы недавнего нападения. Однако, обновление атмосферы почти завершено и люди возвращались сюда, чтобы жить дальше. Сотни людей, в большинстве прибывших сюда по контракту, жили в настоящее время в подземных поселениях. Все упорно работали на сотнях различных видов машин, которые привезли сюда сами. Шло обеззараживание поверхности и в оставшихся пещерах заново строился подземный космический порт, устанавливали новые, более совершенные и мощные наземные защитные системы. Вновь прибывшие люди верят в возрождение Шубры и, засучив рукава, делают все от них зависящее для ускорения этого процесса.

Несколько месяцев назад была восстановлена искусственная гравитация Шубры и ветер, обдувающий убитое тело Меймио, давно улетел. Но осталась скала, как память о тех горестных ужасных днях.

Но кое-что из бывшего пейзажа сохранилось — низкие горы на западном горизонте и такой знакомый склон... Одно время шубринцы поговаривали об его превращении в парк под открытым небом. Теперь картина изменилась. На склоне сделаны уступы, где работали строительные машины.

Доминго еще раз взглянул на место, где была пещера — там погибла его дочь. Но теперь это представляло собой совершенно ровную поверхность. Меймио не было, как не было и десятков других его друзей. А он казнил себя и думал только о том, что так и не смог пока отомстить этому металлическому кораблю «Левиафан». Он резко повернулся и пошел.

Его движения были быстрыми и слаженными. Новая нога как бы срослась с ним и он чувствовал себя превосходно. Повторяя форму и внутреннее строение человеческой, эта нога вросла в организм капитана и питалась от его кровеносной системы, как настоящая. Даже более того — она была крепче и менее подверженной усталости, благодаря чему превосходила его собственную. Правда, когда он снимал брюки, она представляла собой ужасное зрелище: серая, угловатая и безжизненная, что, как он не раз замечал, многих повергало в шок. Обычная искусственная нога, наверное, была бы более естественной, эстетичней. Однако, Доминго предпочитал эту. У него были свои на то причины. Ему доставляло какое-то нездоровое наслаждение ходить на ноге своего врага. Он постоянно ощущал разницу между обеими ногами и понимал, что от технологии берсеркера ничего не осталось — только металлическая структура, но и та — удлинена, изменена и подогнана под его собственную ногу.

Он подошел к своей припаркованной недалеко наземной машине и увидел как другая машина, направляется к временному космическому порту. Потом она остановилась и из нее вышла знакомая широкоплечая фигура. Узнав Искандера, Доминго помахал ему и ускорил шаг. Бейза заметил его и остановился, поджидая.

— Привет, капитан! Ты хорошо выглядишь.

В сотнях метров от них работали разные машины, очищая, разравнивая и благоустраивая землю.

— Ты тоже в порядке. Какие новости? — Он не видел Бейзу несколько месяцев.

— Ничего существенного — пожал плечами Бейза.— Я думал, ты сможешь чем-то обрадовать.

Доминго как-то отстраненно посмотрел на вечную крапчатую белизну неба и ответил:

— Что касается берсеркеров — все пока на нуле. Но я не отступлюсь, тем более, что здоровье мое пришло в норму.

Капитан рассказал ему, что совсем недавно через

регулярного робота-курьера получил сообщение, согласно которому врачи базы после последних медицинских анализов признали его физически здоровым. Однако, Доминго не сказал, что в этом же сообщении врачи предлагают ему вернуться на базу и провести еще одну, последнюю, психологическую проверку. Не сказал, потому что в его планы тоже не входило возвращение на базу.

— Отличные новости. Рад за тебя. Бейза оглянулся вокруг и, конечно, узнал место, на котором они стояли. Но не стал говорить об этом с Доминго.

— А где Полли?

— Она вернулась в Ийркалу.

К расставанию с ней Доминго отнесся спокойно, но какой-то горький осадок в душе оставался. И ему не хотелось говорить о Полли с посторонними. Но Бейза продолжил:

— А-а... Она поехала погостить?

— Нет. Ушла из команды,— отчеканил капитан.

— О...— только и смог произнести Бейза. Он понимал, что что-то произошло, но лишние вопросы задавать было не в его характере, тем более раз капитан не хотел касаться этой темы.

— Где Гьюджар? Он собирался повидаться с тобой.

— Он так и сделал. Приезжал ко мне в Ийркалу. Сейчас где-то здесь. Думаю, занимается строительством. Он тоже оставил команду.

— Вот это да! — удивлению Бейзы не было предела.

— Как видишь! Ну да ладно. Давай пойдем к пристани. Может быть, прибыло какое-нибудь снаряжение.

Последующие дни Доминго потратил на поиски среди шубринцев профессионалов, обладающих крепкими нервами, и способных работать на борту космического корабля, но безуспешно. Ему не удалось найти ни одного человека, за исключением Искандера, отвечающего его требованиям. Капитан встречался с Пойнсотом, но последний с головой ушел в восстановительные работы, и Доминго даже не пытался говорить с ним на эту тему и вернуть его в команду. Из прежнего экипажа не оставалось никого. Вильма погибла, ее муж куда-то исчез, а Полли и Гьюджар покинули экипаж. Теперь Доминго считал, что его команда была далека от совершенства и, может быть, к лучшему, что она распалась.

Старые шубринцы, оставшиеся здесь, как и вновь прибывшие, были решительно настроены на восстановле-

ние и возрождение колонии. Их первоначальная растерянность и беспомощность рассеялись, уступив место уверенности, что не все еще потеряно.

Но заботы этих людей не интересовали Доминго. Ему нужны решительные и мужественный бойцы.

— Похоже, нам придется делать набор где-нибудь в другом месте, Искандер,— заметил Доминго.

— Думаю, ты прав, капитан... Но может быть у нас еще есть одна кандидатура, прежде чем мы отправимся на поиски?

— Кого ты имеешь в виду?

— Спэнса Бенковича, я видел его за штурвалом. Он действительно ас. Кто-то говорил, что он все еще живет на своем спутнике.

Доминго и Искандер направились к своим арендованным машинам, намереваясь отправиться в порт. Вдруг, сзади их кто-то окликнул.

Обернувшись, они увидели Чанушина и остановились, поджидая его.

— Где ты был все это время? — спросил Искандер, когда Чанушин подошел.

Внушительного вида молодой человек только взглянул на Искандера и заговорил с Доминго.

— Я прилетел сюда час назад, слышал, что ты набираешь команду, Найлс. Возьми меня.

Лицо Симеона было изможденным, одутловатым. Он изменился с тех пор, как они расстались несколько месяцев назад. Что-то с ним произошло.

Доминго молчал, обдумывая предложение.

— Ты знаешь мои планы — ответил он, наконец.— Это не увеселительная прогулка. Я отправляюсь на охоту и доведу ее до конца, чего бы это ни стоило. Я буду охотиться за «Левиафаном», пока не увижу его внутренности, разбросанные где-нибудь в пространстве «Милкпейл» или за ее пределами.

— Я знаю.— Чанушин утвердительно кивнул головой.— Это меня устраивает, ты знаешь. У меня нет пристанища, с тех пор как Вильма...

Ты хочешь вернуться на проклятую машину, убившую ее? — спросил Доминго, внимательно разглядывая его.

— Да...

Доминго продолжал рассматривать одутловатое лицо и потухшие глаза молодого человека.

— Ты хороший человек, Симеон. Я рад, что ты решил заняться делом, но с тобой что-то происходит. Ты, похоже, последнее время баловался наркотиками.

— С этим покончено, Найлс. У меня были трудные, безысходные дни после ее смерти. Но я уже справился с этим. Начинаю все сначала.

— Наркотики у нас не пойдут, ты знаешь. Строго запрещены в моей команде. Единственный допустимый у нас допинг — «Левиафан», тебя это устраивает?

— «Левиафан»?

— Да. Проклятый берсеркер «Голубая смерть».

— Да, я... «Ле-виа-фан».— Молодой человек медленно и задумчиво повторял это название несколько раз, будто пробовал его на вкус.

Бейза, насмешливо наблюдавший эту сцену, подумал: «Такое впечатление, будто принимает первую дозу».

Чанушин подписал контракт и получил свой первый гонорар. Затем все трое отправились в колонию, где обосновался Бенкович.

Этот спутник представлял собой угловатое, неправильной формы тело, скорее чем-то напоминающий кирпич. Он был значительно меньше Шубры и не имел собственного названия. Может быть, в начале и получал какое-нибудь имя, но жители никогда не упоминали его, поэтому оно кануло в вечность.

Его все называли «Спутник» и этого было достаточно, тем более он был единственным у Шубры.

Потеря, а затем восстановление искусственной гравитации Шубры не повлияло на спутник каким-либо определенным образом, как предполагали многие колонисты, и он продолжал вращаться по старой орбите.

— Я столько лет прожил на Шубре, но ни разу не приезжал сюда,— прошептал Доминго, когда «Пэрл» приблизился к единственной посадочной площадке. Здесь, на площадке, располагались три куполообразных здания: два из них были заняты кораблями, третье — оставалось свободным, и Доминго направил свой корабль туда. В окрестностях располагалось несколько небольших зданий, которые соединялись с куполообразными туннелями.

— Я никогда не был здесь,— сказал Симеон.

— А я только однажды,— продолжил Бейза.

Доминго не спешил установить радиосвязь. При-

близившись они смогли рассмотреть стоявшие внизу корабли. Один из них был крохотный, высокоскоростной, нашпигованный оружием «бомбардировщик», как его назвал Бенкович. На этом корабле Спэнс патрулировал пространство тогда, во время нападения «Голубой смерти». Второй — большой, из тех, которые применяют для сбора микроскопических форм жизни в облаках туманности. Она была приобретена недавно, после того злополучного дня. Все корабли, находящиеся здесь тогда, были уничтожены.

— Кажется, дома кто-то есть. Транспорт на месте.

— Чанушин послал радиозапрос — что-то вроде вежливого стука в дверь перед визитом. Последовал ответный сигнал приветствия, правда, автоматический.

«Пэрл» приземлился. Порт и прилегающие дома казались недавно выстроенными. Так оно и было. Симеон слышал, что берсеркер и здесь не оставил камня на камне.

Когда «Пэрл» остановился, сработала встроенная автоматика, вокруг корабля небольшой пузырь, заполненный воздухом. Затем прибывшим был подан сигнал. Обстановка безопасна и они могут покидать корабль. Что они и сделали. Все трое стояли на площадке и беспомощно смотрели вокруг. Встречающих не было.

Через некоторое время в надутом пузыре открылась дверь, ведущая через проход к одному из близлежащих домов. На пороге появилась молодая женщина и поприветствовала гостей. Мужчины, увидев ее, в буквальном смысле разинули рты. Перед ними стояла чуть полноватая, среднего роста молодая женщина, совершенно обнаженная, если не считать оранжерейных цветов алого и темно-красного цвета, вплетенных в ее черные волосы.

Симеон, переминаясь с ноги на ногу, сконфуженно взглянул на своих товарищей. Он считал что, согласно протоколу, в каждом общественном месте одежда все-таки предусматривается. Искандер как всегда забавлялся пикантной и необычной ситуацией, усмехаясь про себя. Доминго хмуро и недовольно смерил ее взглядом.

Тем временем женщина отстраненно улыбалась всем троим, но создавалось впечатление, что она их не замечала. Она молчала. Мужчины снова переглянулись. Перед катастрофой по Шубре прошел слух, что Бенкович ведет, мягко говоря, непристойный образ жизни. Кое-кто даже шутил, что тот устроил у себя гарем. Одно время Спэнс пытался ухаживать за дочерью мэра и даже при-

глашал ее погостить несколько дней у него, но Меймио решительно пресекла его поползновения.

Молодая женщина продолжала рассеянно улыбаться. Взгляд ее был отстраненный и бездумный. Неужели наркотики? Доминго обратил внимание, что из дверей исходит ароматизированный воздух... но может быть это только цветы? Его неопределенные опасения относительно Бенковича, которого он знал мимолетно, стали обретать форму. Но тот считался первоклассным пилотом и знатоком летного искусства.

Хозяйка, которая, казалось, ничуть не стеснялась своей наготы, прервала, наконец, свое молчание и заговорила детским голосом:

— Спэнса сейчас нет дома. Он на обратной стороне.

Создавалось впечатление, что она, наконец, преодолела какую-то инерционность, мешающую ей говорить.

— Как вы думаете, скоро он вернется? — заговорил капитан, проявляя признаки нетерпения.— Или нам лучше отправиться поискать его?

Обратная сторона спутника, предполагал Доминго, находилась на расстоянии где-то около десяти километров.

— Я — Найлс Доминго. Это — Искандер Бейза. А это — Симеон Чанушин. Знакомьтесь.

Женщина равнодушно пропустила услышанные имена мимо ушей. Не назвала и своего. Ее поведение не было похоже на проявление грубости, так же как и ее нагота не имела целью шокировать кого-либо. Она жила в каком-то другом, только ей принадлежащем, мире.

— Думаю, он будет скоро,— сказала она тихо, будто самой себе.

— Заметил ли он наш корабль, как вы думаете? — спросил Искандер.

— Я его сейчас вызову.

Она медленно повернулась, затем постепенно ускоряя шаг, пошла по коридору. Все трое посмотрели ей вслед. Ее фигура была далека от совершенства.

Она оставила дверь открытой и все трое снова переглянулись и последовали за ней в дом.

Здесь было много мебели, украшений и цветов. Стены были увешаны картинами в прекрасных рамах. Но дом в целом производил впечатление запущенного, словно его давно не убирали. В одном из углов большой комнаты стоял видно давно бездействующий робот-уборщица.

Все трое застали хозяйку в первой комнате среди

груды подушек и множества пищевых контейнеров, большинство которых уже были пусты.

Женщина взглянула на них и тихим голосом произнесла:

— Подождите меня здесь.— Она вышла через другую дверь. Но мужчины не были уверены: вернется ли она назад и разыщет ли Спэнса.

Через пять минут ожидающие уловили слабый рокот прибывающего корабля. Еще через пару минут к облегчению посетителей, в комнату вбежал Спэнс Бенкович.

Они обменялись приветствиями, после чего Бенкович предложил всем выпить. Предложение было вежливо отклонено.

Доминго показалось, что Бенкович немного нервничает, но ничего не указывало на то, что и он принимает наркотики. Бенкович охотно рассказал, что находится на мели и уже брал деньги из фондов помощи, как и многие колонисты, но этого оказалось недостаточно.

Узнав о планах Доминго, он пришел в восторг и признался, что давно хочет начать новую работу, обеспечивающее ему приличное существование.

Доминго назвал сумму, которую будет платить. Бенкович обрадовался.

— Я слышал, что ты хороший пилот и знаешь толк в кораблях. Но я хотел бы убедиться в этом прежде, чем ты подпишешь контракт. Давай сегодня проведем испытательный полет на «Пэрле»,— сказал капитан.

— Нет проблем.

— Отлично. Когда будешь готов?

Бенкович долго не раздумывал:

— Хоть сейчас.

Молодая женщина, по-прежнему не назвав себя, последовала за Спэнсом в комнату, где улеглась на кушетку, свернувшись калачиком.

Она издавала какие-то нечленораздельные звуки и переводила умоляющий взгляд с одного мужчины на другого.

Спэнс посмотрел на нее.

— Пусси останется здесь. Она не летчик.

— Надо что-то решать с ней. Иначе ты не сможешь уехать?

— Ну... Боюсь, что так,— неуверенно ответил Бенкович.

Последовал непродолжительный спор, в котором Пусси не принимала участия. Наконец, капитан решил

выделить ей сумму денег, достаточную для того, чтобы она устроилась на любой планетойде, по своему усмотрению.

Собираясь в дорогу Спэнс нарвал букет цветов. Симеон спросил все ли получат по такому букетику перед отправкой.

— Нет,— ответил Бенкович,— цветы предназначены для другого.

Все вместе они направились уже по другому коридору и подошли к странной конструкции. Это было нагромождение разных материалов, кусков скалы, остатков мебели и других неузнаваемых предметов, скрепленных между собой и напоминающих своего рода памятник. Структура имела около трех метров в высоту, широкая у основания и суживающаяся кверху.

Спэнс возложил свой букетик у подножья, поверх лежащих здесь и уже увядших цветов. Он стоял сложа руки на груди и молча смотрел на эту конструкцию.

Симеон долго не мог понять, что обозначает это странное сооружение, пока не увидел на приклеенной к нему табличке два женских имени.

— Это ты соорудил, Спэнс? — спросил Искандер.

Тот посмотрел на Искандера затуманенным взглядом. Только боль и грусть были в его глазах.

— Я это установил в честь моих друзей, которые находились здесь во время атаки берсеркеров и погибли.

Затем он повернулся к Доминго.

— Хочешь я добавлю сюда имя твоей дочери, капитан?

— Лучше начинай собираться,— сказал зло Доминго.

База — первое место, где остановился «Пэрл» после отправления с Шубры. По дороге сюда Доминго проверил способности Бенковича по вождению и управлению кораблем и остался доволен. Позже он сказал:

— Ты был прав, Искандер. Он действительно профессионал, с ним нам будет хорошо.

— Разве я когда-нибудь направлял тебя по неверному пути, капитан? — Искандер улыбнулся.— Но, думаю, трудности впереди.

Когда они прилетели на базу, Доминго разыскал Геннадиуса и накоротке с ним переговорил. Искандер сначала внимательно прислушивался к их беседе, но потом решил, что этот разговор ни о чем и никуда не приведет.

Затем «Пэрл» снова отправился в путь. В команде Доминго было четыре человека, включая и его самого. Капитан отчасти был доволен, но ему нужны шесть человек. Где взять еще двух? Чтобы набрать недостающих, капитан решил отправиться за пределы Милкпейла.

ГЛАВА 14

Прошло несколько дней. «Пэрл» стремительно мчался вперед. Последние подернутые дымкой края Милкпейла остались далеко позади. «Пэрл» перешел на режим работы «си-плас» — переключился на межзвездной скорости, при которой вселенная за пределами корабля уже не была видима. С такой скоростью «Пэрлу» потребуется всего лишь несколько недель для достижения любой точки на участке Галактики, уже исследованном выходцами Земли.

Прошло много лет с тех пор, как Доминго в последний раз пилотировал корабль в таком чистом пространстве. Это гораздо легче, чем пилотировать в туманности, тем более на таком первоклассном корабле, как «Пэрл».

Капитан переключил бортаппаратуру на автопилот, а себе позволил отвлечься и задуматься о тайнах биоисследований врага. На экране была представлена самая последняя модель поверхности Милкпейла, на которой виднелась паутина из черных линий, изображающая путь всех известных и даже предполагаемых перемещений «Левиафана». Записи этих путей велись столько лет, сколько вообще люди жили в туманности.

Однажды капитан показал Искандеру одну из моделей на экране компьютера и сказал:

— Ты знаешь, я как-то спросил Геннадиуса: собирается ли он провести настоящее исследование насчет «Левиафана»?

— И..?

— Он сказал, что, конечно, его люди ведут записи активности берсеркера и, конечно, они пытаются определить заранее, куда он нанесет удар в следующий раз. Но космические силы не ведут наблюдения именно за «Левиафаном». Их не интересует, сказал он мне, отдельные, индивидуальные машины.

— Он так и сказал? — Искандера всегда забавляла

непреднамеренное человеческое легкомыслие.

— Знаешь, я подозреваю, что берсеркеры обладают более точными данными о космических силах, чем мы о них.

— Согласен, но скорее всего они не делают индивидуальных записей, не владеют информацией об отдельных кораблях.

Доминго как-то по-особенному взглянул на своего заместителя и покачал головой.

— Не верю словам твоим. И ты не верь в это. Думал ли ты когда-нибудь, что им надо знать, где мы находимся и они следят за нашим полетом?

— Я как-то ни разу об этом не думал, капитан,— сказал Искандер, подняв брови.

— А вот и подумывай иногда. Я пришел к этому совсем недавно.

Симеон, который также слышал их разговор, не мог согласиться с этим и вообще не хотел об этом думать. Ему казалось, что все это — бред. Для берсеркера ненавистна любая форма жизни, которую они беспощадно уничтожали или, на худой конец, только временно терпели, как в случае с таким редким отклонением от нормы, как «гудлайф» — людьми, которые служат машинам и обожествляют их. Он слышал, что есть места, где «гудлайфы» используются берсеркерами в качестве солдатов в войне против людей в туманности. В Милкпейле, правда, такого до сих пор не наблюдалось.

Насколько Симеон помнит, нет известий о том, чтобы «Голубая смерть» считалась грозной опасностью за пределами Милкпейла. Возможно потому, что люди в тех краях как и космические силы относятся к нему, как к одному из многих берсеркеров.

Чем дольше времени Симеон проводил с Доминго, тем больше убеждался, что он ошибается. Но он все равно, как никогда, был готов следовать за Доминго, хоть и не совсем понимал, куда он ведет корабль.

Первый этап по набору недостающих членов команды за пределами туманности был недолгим.

После однодневного полета в режиме «си-плас», «Пэрл» оказался в чистом пространстве. На переднем детекторе показалась солнечная система, в которую входила планета «Рохан», напоминающая планету Земля.

Когда «Пэрл» приблизился к ночному небосклону «Рохан», у пульта управления сидел Искандер. Миры этого края не подвергались нападению берсеркеров.

«Рохан» был окружен кольцом защитных спутников, а военные наземные установки были видны с неба даже ночью, но нельзя сказать, что эта планета напоминала крепость. Здесь, за пределами туманности — прекрасная видимость. Любой объект попадал в поле зрения приборов слежения задолго до его появления, что позволяло защитной системе мобилизовать свой флот для отражения атаки.

Аэропорт располагался на поверхности под открытым небом — планету окружала совершенно естественная атмосфера. Посадка корабля не потребовала много времени. «Пэрл» легко коснулся земли, и команда Доминго покинула борт. Они ступили, наконец, на твердую землю, на площадку, покорную всем ветрам. Небо было звездным. Симеон вспомнил землю, уже несколько лет он не видел настоящие, ясные звезды, как на земле.

В межзвездном пространстве звезды видны только как изображение на том или ином приборе. А здесь человека со звездами разделяет только едва заметный нежный туман настоящей, жизнеспособной атмосферы. Симеон, выросший на земле, а потом переехавший в чистое пространство туманности, испытывал огромное удовольствие и наслаждался открытостью неба. Ему теперь казалось, что время, проведенное там, в Милкпейле, было нереальным и, вдруг, подумал, что здесь в более естественном мире Вильма была бы жива. Она все еще жила бы и смеялась под солнечным голубым небом... как в тот день, когда они впервые встретились.

Отсюда он смотрел на Милкпейл новыми глазами и представлял «Левиафана»...

Стоящий рядом Бенкович толкнул его локтем и сказал:

— Давай двигаться, Сим. Нас ждут дела.

— Хорошо.— Симеон постоял еще минутку, а затем последовал за товарищем.

Доминго и Искандер шли далеко впереди.

Через некоторое время все четверо благополучно добрались до центра на общественном транспорте. Если мерить стандартами, принятыми на планетах заселенных землянами, то этот город был сравнительно небольшой. Однако он являлся важным центром, где решались все проблемы, связанные с космическим бизнесом.

Доминго взялся за дело сразу. Он отправился в компьютерное бюро по найму, куда обычно обращались космические путешественники, желающие найти работу.

В объявлении Доминго сообщал, что требуются три смелых человека для опасной работы, умеющие работать в условиях туманности с высокой плотностью и имеющие опыт борьбы с берсеркерами, за это гарантируется щедрое вознаграждение.

Доминго заплатил небольшую сумму за объявление. Служащий сообщил капитану, что оно будет размножено тысячами экземпляров на всех стенах города и за его пределами.

Первое время не принесло каких-либо результатов. Рохан был центром пересечения цивилизации в этой галактике и город, в котором они сейчас находились, отличался от маленьких, незаметных городков Милкпейла. Здесь подавалось тысяча рекламных объявлений и добрая сотня из них была выставлена сейчас на электронном табло, причем многие из них сулили большие деньги за небольшую опасность.

В ожидании каких-либо предложений четверка из Милкпейла отправилась в ближайший ресторан, где Искандер уже был как-то раз. Они прекрасно пообедали, еда была просто изысканной, приправленная специями, которые делались из образцов примитивной жизни, собранных в туманности. Но с известными приправами на Земле это не имело ничего общего. Может быть, эти специи были собраны в Милкпейле в более мирные времена, до нападения берсеркеров.

После десерта Искандер сказал, что хорошо знаком с городом и знает другое место, недалеко отсюда, где не исключена возможность найти тех, кто войдет в их команду. Потому что есть вероятность, что свободные от работы профессионалы не всегда читают объявления. Покончив с едой, четверка вновь отправилась в путь. Они прошли несколько кварталов, оставив позади центр города, и оказались в менее респектабельном районе.

Искандер привел своих товарищей в одно из увеселительных мест, низкосортное, как они поняли. Здесь собиралась своеобразная публика. Одни приходили сюда за наркотиками, другие — чтобы выпить, поговорить. А кое-кто и затем и за другим. Тем не менее часть посетителей, и немалая, приходила сюда просто потанцевать и развлечься. В эту группу, по словам Бейза, входило большое число опытных космических путешественников.

Доминго сначала отнесся скептически к теории Бейза. Когда капитан вошел в многолюдное прокуренное помещение, его барабанные перепонки чуть не лопнули от

оглушительной музыки. И тут он еще больше осознал, что найти в такой атмосфере нужных людей просто невозможно, о чем он и сказал Искандеру.

Симеона же занимали другие мысли. Когда он шел пешком по улицам города и вошел в переполненный кабачок, ему показалось, попал в совершенно другой мир. В Милкпейле все было иначе. Жизнь на этой планете отличалась от жизни на любой из крохотных планетойд Милкпейла, так же как здешнее ночное небо не похоже на небо шубринское.

Он ощутил, что в этом зале есть люди, которые жили на Шубре до ее уничтожения. Ведь и так по всей туманности несколько десятков людей живут на разных планетойдах. А на сравнительно крупном метрополе Ийркала даже до нескольких тысяч. Он подумал, что только здесь, в этом городе достаточно людей, чтобы одновременно заселить все колонии Милкпейла вместе взятые несколько раз. Но его не радовала такое большое количество людей.

Потом он подумал, что кондиционер явно проигрывает битву за чистоту воздуха, а шум, гомон и оглушительная музыка утомляют. Как они могли существовать в этом гаме?

На одной из стен помещения висело электронное табло, на котором среди множества других красовалось и их объявление. Несмотря на обещанные щедрые гонорары, похоже, оно никого не интересовало.

— Может быть, попробовать поговорить с кем-то из летчиков? — спросил Искандер.

— Попробуем, если это вообще здесь возможно,— откликнулся капитан.

Доминго вышел из кабинки, где до этого все четверо обосновались, и направился к бару. Он умел быть общительным, когда хотел, вернее, когда этого требовали обстоятельства. Сначала Искандер, затем Симеон последовали за ним. Бенкович остался в кабинке.

Оказалось совсем нетрудно завязать беседу с присутствующими. Доминго только пришлось повысить голос, чтобы его слова не утонули в этом гаме. Однако, миссия капитана никого не заинтересовала.

Выслушав его, все разошлись. Капитан, задетый за живое, сказал Симеону, даже не пытаясь понизить голос, что не-хотел бы иметь таких людей в своей команде. Кто-то из посетителей отреагировал грубостью.

Симеон быстро допил содержимое стакана. Он понял,

что вряд ли, придется закончить этот вечер мирно.

— Пусть космические силы занимаются погоней — это их дело. С нас хватит защиты наших домов,— было общее мнение.

Доминго с горечью подумал, что такой взгляд на вещи присущ людям как внутри Милкпейл, так и здесь, за ее пределами. Большинство людей именно так воспринимают ситуацию. Своя рубашка ближе к телу, как говорится.

— Вы хотя бы имеете представление о том, что затеваете? — вдруг заговорил кто-то стоящий рядом с баром.— Знаете ли вы, что значит бороться с берсеркерами? Какой у вас флот? И вообще, что вы знаете о астронавигации в туманности? Или о берсеркерах?

— Ну, раз знаешь ты, расскажи нам,— хмыкнул в ответ Искадер.

— Я знаю, что это такое,— сказал Доминго. Голос его был тихим и спокойным, и, скорее всего, его услышали немногие.

— Неужели? — насмешливо парировал один из тех, кто услышал.

Музыка заиграла еще громче. Капитан повысил голос, но продолжал говорить спокойно:

— Я провел большую часть своей жизни в Милкпейл. Мой корабль такой же совершенный, как и корабли космических сил.

Вокруг никто не возражал, но Симеон подумал, что люди молчат из вежливости. А может быть оттого, что их это не интересует? Вероятно, среди присутствующих были потенциальные кандидаты на свободные места в команде. Однако, если это и так, то они не спешили обнаружить себя.

— Посмотрите. Вон там на табло — мое объявление! — воскликнул капитан громко.

Но и на этот раз никто не отреагировал.

— И еще: я — лучший капитан в Милкпейле.— Доминго почти кричал. Он был настроен решительно и, похоже, хотел взбудоражить этих людей.

Многие слушатели Доминго, может быть, и были готовы поверить ему на слово, но, похоже эта тема многих действительно не интересовала.

Прислушиваясь к высокомерным речам своего капитана и наблюдая за реакцией окружающих, Симеон подумал, что все-таки многие настороженно относятся к Доминго, хотя и не признаются себе в этом.

Симеон поставил пустой стакан на стойку бара, посмотрел в другой конец зала и увидел, что Бенкович все еще сидит в кабинке и ведет оживленную беседу с подсевшей к нему молодой женщиной. Судя по наряду, она была служащей этого заведения.

Осмелевший после выпитого, Симеон принялся громко убеждать окружающих в важности и необходимости их миссии. Он доказывал, что «Голубая смерть» не просто вышедший из-под контроля кусок металла, что кто захочет побороть «Левиафана», тот обретет настоящий смысл жизни. Охота на «Левиафана» будет стимулом для тех, кто хочет избавиться от наркотиков или бросить пить. Стремление уничтожить «Левиафана» поможет им найти себя.

Люди в баре постепенно умолкали, окружив его тесным кольцом, прислушиваясь к тому, что он говорит. Воодушевленный, он продолжал уговаривать всех, сам удивлялся своему красноречию. Искандер кивал в ответ на его слова и обнадеживающе улыбался, Симеон продолжал. Он рассказал о людях, погибших от оружия «Левиафана» не только на Шубре, но и на других планетойдах Милкпейла и привел подробности об ужасных машинах-убийцах, словно жители планеты «Рохан» не имели представления о берсеркерах.

Он собирался рассказать спокойно, не говоря о личных потерях Доминго и остальных членов экипажа, но не смог. Среди слушателей поднялся и постепенно набрал силу ропот недовольствия. Среди них было немало ветеранов космических сил и они, уж точно знали, что такое берсеркеры и не им было это объяснять — провинциалам-колонистам из далеких планетойд.

Искандер, не выдержав насмешек рассчетливо отправил преднамеренное оскорбление самому агрессивному из посетителей бара. Но тут в него бросили пустую бутылку и, он едва успел увернуться.

Как из искры возгорается пламя, так от этого броска вспыхнула всеобщая потасовка. Симеон только успел подумать, что драка пойдет не на равных. Он стал рядом с капитаном и ударил кулаком в лицо ближайшего противника. Тот пошатнулся, но устоял. Уголком глаза он заметил, что Бенкович оставил свою собеседницу и бросился на помощь своим друзьям.

Мимо головы Симеона просвистела очередная бутылка. Вдруг, он почувствовал, что по уху ему заехали то ли кулаком, то ли еще чем-то. На него сразу напали двое, но

отступать было некуда. После отчаянной, но короткой схватки, он заметил как товарищи пришли ему на подмогу. Стало легче.

Доминго не любил драк и не был расположен драться с себе подобными. Берсеркеры — это другое дело. Но сейчас — особый случай. Членов его команды могли просто изувечить в этой неравной схватке, и он с необычной свирепостью ринулся в бой.

Капитан был великолепен в драке. Он уперся спиной в стойку бара, а своей новой ногой действовал, как поршнем, круша всех, кто попадался на ее пути.

Всеобщая вакханалия кончилась так же неожиданно как и началась. Наступила мертвая тишина. По крайней мере она такой казалась по сравнению с тем, что было за минуту до этого. Ощущение было такое будто каждого дерущегося остановила волшебная палочка. Симеон отвлекся от своего противника и поднял голову, отвечая неизвестно на какой сигнал. У него неосознанно появилась мысль, что пора остановиться.

Тяжело дыша, он медленно стал на ноги. То же сделал и его противник.

Все вокруг перестали драться и смотрели в одном направлении. На пороге стоял Кармпэн. Это был человек, но не потомок землян, а представитель другой человеческой формации. Он одиноко стоял у двери и внимательно смотрел на присутствующих. Выражение его лица было непредсказуемым.

Все потомки землян хорошо знали как выглядит Кармпэн, хотя его мало кто видел. Фигура, стоящая перед ними у плохо освещенного порога, была приземистой, коренастой и, казалась, почти механической. На ней была небрежно подпоясана простая драпировка из тканей. Голова — лысая, а серого цвета кожа скорее всего напоминала металл. Выражение лица было отчужденным. Присутствие этого существа здесь, в кабачке, было непонятным. Хотя с другой стороны: почему бы и нет?

Много веков потомки землян, расселившиеся по этой галактике знали, что люди другой формации, живущие в другом, бесконечно далеком мире и называемые кармпэнами, являлись важными и ценными союзниками человека в войне против берсеркеров. Это действительно так и было, хотя кармпэны никогда не воевали сами и не совершали актов насилия даже против берсеркеров. Ни один кармпэн не создавал и не поставлял оружия. По

галактике ходили разговоры об их великолепных достижениях в области телепатии и периодических предсказаниях, иногда мистического, иногда математического толка. Потомки землян называли их непредсказуемыми пророками.

— Капитан Доминго? — рот Кармпэна, похожий на щель, едва двигался. Голос был глубоким и резким. Если бы говорящий находился вне поля зрения, можно было бы с уверенностью сказать, что голос принадлежал потомку Земли. Только теперь Симеон осознал, какая гробовая тишина царит в помещении. Даже музыка смолкла.

Доминго сделал шаг вперед, оторвавшись от своего окружения. Выражение его лица, казалось, говорило о том, что он давно ждал подобного чуда и не удивился.

— Да? — произнес Доминго.

— Я хочу стать членом твоей команды. Я профессионал и хорошо взаимодействую с управляющим обручем. Хорошо знаю все системы корабля. Могу быть весьма полезен.

Это был беспрецедентный случай. Никогда прежде кармпэны не подписывали контракты на полеты в кораблях, принадлежащих потомкам Земли.

— Рад буду иметь тебя в своем экипаже,— сказал Доминго в звенящей тишине и почувствовал прилив крови к щекам. Через минуту он спокойно добавил:

— В том случае, если докажешь свою компетентность.

— Согласен. Рад, что принят. Может быть сразу выполним все формальности.

— Возражений нет,— сказал Доминго после непродолжительного раздумья.

Капитан достал бланки из папки и началось оформление контракта. Подошел Кармпэн, неуклюже шаркая обутыми в сапоги ногами. У бара ему освободили место. Кармпэн молча склонился над бумагами, прочитал и затем подписал. Симеон наблюдал как серые пальцы кармпэна, превратившись в пишущее устройство, четко и разборчиво заносили имя.

Спустя несколько минут дополненная и почти укомплектованная команда покинула бар.

На улице мимо них промчалась полицейская машина. Она держала путь в кабачок, чтобы навести там порядок.

Кармпэн попросил ненадолго заехать в местную гостиницу, где он занимал комнату в крыле, предназначенном для людей, не являющимися потомками землян, Там он собрал свой скромный багаж, куда входил, как успел заметить Симеон, хорошо смоделированный костюм, напоминающий космический скафандр. Багаж погрузили на робата-носильщика, и вся команда, с новобранцем в том числе, отправилась на космический аэродром.

По дороге Доминго воспользовался возможностью и рассказал об условиях жизни на корабле и заверил, что с питанием нет проблем. Совершенной конструкции синтезатор снабжает их качественной и питательной едой. Кармпэн воспринял это, как само собой разумеещееся.

После драки в кабачке Доминго не хотелось долго оставаться на этой планетойде. Перед отправкой к нему обратилось несколько человек, уже желающих поступить в команду. Слух о зачислении Кармпэна разлетелся молниеносно. Но никто, по разным причинам, не устроил Доминго.

— Это мудрое решение, капитан,— сказал Кармпэн неожиданно.

Присутствующие удивленно посмотрели друг на друга.

«Рохан» остался позади, и Кармпэн предложил устроить сбор всех членов экипажа в общем зале. Узнав о цели собрания, Доминго сразу же дал согласие.

Когда все собрались, новый член команды напомнил своим товарищам, что все они, несомненно, слышали об его телепатических возможностях. Эти слухи, продолжал он, имеют под собой почву, но он обязуется и торжественно обещает не разглашать их.

Бенкович, доброжелательный как всегда, подошел к Кармпэну и сказал:

— Некоторым из нас хотелось бы кое-что уточнить. Не сочти наш вопрос невежливым, но кто ты? Мужчина или женщина?

— Я — мужчина.

Бенкович казался несколько разочарованным.

Когда «Пэрл» отправился с «Рохан», Доминго по совету Кармпэна взял курс, который, казалось, никуда не ведет. По дороге новобранец успешно прошел испыта-

ние по пилотированию корабля, устроенное ему капитаном. Для этого понадобилось только немного отрегулировать бортаппаратуру, чтобы приспособить ее к мозгу человека, не принадлежащего к потомкам Земли. Все казалось нормальным, но на этом сюрпризы не кончились.

ГЛАВА 15

Как только «Пэрл» покинул солнечную систему, к которой принадлежала планета «Рохан», Кармпэн вызвал капитана по межсвязи и предложил поменять курс следования.

Доминго тут же посмотрел на голографическую карту и вначале не понял, зачем надо менять курс. Они летели к Милкпейлу. Четвертый искатель приключений настаивал на том, что следует изменить курс на 30 градусов и отправиться, в так называемое, межзвездное пространство.

Капитан, понимая, что вся команда их сейчас слушает, повернулся к маленькому, серому, весьма загадочному изображению на экране межсвязи.

— Почему ты настаиваешь на этом курсе? — спросил Доминго.

Голос Кармпэна прозвучал убедительно и, как не странно, почти по-человечески.

— Потому что это — твой лучший шанс укомплектовать команду, я знаю человека, который тебе нужен.

— А-а... Вот как! И что это за человек?

Могу сказать, что это опытный пилот.

Последовала пауза, в течение которой капитан еще раз просмотрел показания прибора.

— Кажется, ты мне предлагаешь свернуть к Грейлпайлу,— выговорил он наконец.

Формация, известная под этим названием, представляла собой тусклое, безжизненное пространство из сырой межзвездной материи. Оно распространялось на биллионы километров вглубь и вширь на окраине Милкпейла и напоминало мертвую или, вернее умирающую поверхность. Это было враждебное и нежизнеспособное пространство, на котором не встречались колонии. Здесь была затруднена астронавигация на любой скорости, поэтому люди и корабли редко проникали сюда.

Любые проявления жизни здесь были редки, значит, и берсеркеры сюда не наведывались.

— Все правильно. Именно туда и предлагаю направиться,— сказало крохотное изображение на экране компьютера.

— Интересно, что же там делает этот высокопрофессиональный пилот? Предполагаю, что он или она находятся на борту какого-нибудь корабля, не так ли? — капитан все никак не мог отвязаться от мысли, что их слушает вся команда, разговор превращался в личный.

— Это предложение логично, но я не уверен. Мне трудно сказать, что либо точно.

Симеон, следивший за разговором по индивидуальной межсвязи, подумал, что впервые видит своего капитана сомневающимся.

— Это все, что ты можешь мне сказать? — продолжал испытывать Кармпэна капитан.

— Да! Пока это все, что я могу пока сказать тебе. Ты должен понять, что я неохотно вникаю в чужие мысли, мне это не интересно в данной ситуации.

— Хорошо! Но ты уверен, что он или она именно там, куда мы направляемся?

— Несомненно. И скажу, что он там один.

— Вероятно, можно найти множество искусных пилотов, разбросанных по всей Галактике,— вмешался в разговор Искандер.— Почему мы должны лететь именно за этим пилотом?

— Он единственный в своем роде, без его участия может провалиться и вся наша миссия,— ответил Кармпэн.

Каждый, кто находился на борту не раз уже слышал удивительные рассказы о телепатических и прогностических возможностях Кармпэнов. Теперь решение уже оставалось за капитаном.

— Ладно, согласен,— сказал Доминго после короткого раздумья.

Через несколько дней полета «Пэрл», наконец, добрался до окраины Грейлпайла. Кармпэн еще раз предложил изменить курс, но его голос звучал, как командирский.

Заместитель капитана, чувствовалось, был недоволен:

— Что вообще мы собираемся здесь найти, четвертый искатель приключения. Мне все это кажется авантюрой.

— Одинокого пилота... но, боюсь, события развиваются не вполне благоприятно.

— Что ты имеешь в виду? — жестко бросил Доминго.

— Я начинаю подозревать, капитан, что пилот, которого мы ищем, умирает или погружен в летаргический сон. Я это чувствую, мои возможности известны. Его мысли угасают, пока не знаю почему.

— Ладно. Летим дальше,— согласился Доминго,— там будет видно.

Корабль медленно продвигаясь, вошел в пространство Грейлпайла. В этой местности средняя плотность материи вокруг корабля такая же высокая, как в Милкпейле, поэтому им и пришлось лететь на сравнительно низкой скорости.

Через час «Четвертый искатель приключений» посоветовал еще раз сменить курс, это уже слишком. Капитан исполнил предложение молча. Остальные члены команды тоже молчали.

Приблизительно через час Кармпэн предложил остановиться.

— Это здесь... Где-то рядом,— сказал он.— Теперь надо приступить к поиску, капитан. Лично я очень устал. С твоего позволения, я пойду отдохну.

Бенкович пробубнил что-то нелицеприятное. Доминго же сочувственно посмотрел на Кармпэна:

— Разрешаю. Иди.

— Я буду снова в форме через несколько часов. А теперь я должен отдохнуть.

И станция межсвязи Кармпэна отключилась.

Доминго вздохнул и вновь занялся приборами. Корабль не двигался, висел в пространстве.

— Искандер, Бенкович. Включить приборы слежения,— отдал приказ Доминго.

Через несколько минут вся команда кропотливо работала, изучая на детекторе пространство вокруг корабля. Но никому не удалось обнаружить присутствие пилота или вообще чего-либо похожего на человека или робота.

— Продолжайте искать. Начинаю объезд местности.

К удивлению всей команды после непродолжительных поисков их усилия увенчались успехом. Вначале был получен слабый, искаженный сигнал, потом на экране появилось изображение предмета, похожего на бессильно парящий спасательный аппарат, на расстоянии где-то около сорока тысяч километров.

— Берем курс туда,— заявил Доминго.— Всем, за исключением «Четвертого искателя приключений», оставаться на своих постах.

«Пэрл» приближался к источнику сигнала осторожно. При ближайшем облседовании стало ясно, что это аппарат принадлежит без сомнения человеку. Аппарат, естественно, был поврежденным и сильно разрушенным — видно принимал участие в военных действиях.

Прощупывание аппарата прожекторами и попытка установить связь с ним, не дала каких-либо результатов.

Но сигнал тревоги продолжал поступать и стало ясно, что аппарат автоматический.

Все на борту «Пэрла» продолжали наблюдать за ним на расстоянии в сотни метров, и никто не брался с точностью определить сколько времени он здесь дрейфует: один день или несколько лет.

— Я думаю, что надо разбудить квадратоголового.— Это говорил Бенкович.— Пусть убедится, тот ли кого мы ищем. Может быть, перед нами подарок от берсеркера: что-то вроде ловушки?

Капитан сразу отмел это подозрение.

Ловушка? Почему именно здесь? Они не стали бы предпринимать столько усилий в этом безлюдном пространстве, где практически нет кораблей. Мне нужны два человека для разведки.

Спэнс вызвался идти первым, будто хотел сгладить впечатление от своего недавнего брюзжания.

Искандер на этот раз молчал. Заместитель капитана, подумал Симеон, презирал такую легкую и безопасную работу.

Симеон решил, что пора теперь ему надевать скафандр. Через несколько минут Симеон и Спэнс вышли в открытое пространство.

Они добрались до дрейфующего аппарата быстро и без всяких инцидентов.

Основной люк корабля мягко открылся при первом же усилии. Кабинка аппарата была разгерметизирована и произошла утечка воздуха.

Первым в люк вошел Бенкович, а Чакушин остался снаружи. Как на всех спасательных аппаратах каюта внутри была небольших размеров. Через минуту Спэнс вызвал товарища по радио:

— На это стоит посмотреть, Сим.

Симеон вошел как раз в тот момент, когда Спэнс включил внутренний свет. Аппарат был стандартный, сравнительно современной конструкции. Внутри были две койки, которые при необходимости могли превращаться в кушетку для погружения в летаргический сон. Обе кушетки были заняты. Через маленькое смотровое стекло Симеон взглянул на ближайшую из них и увидел лежащего мужчину. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить — он мертв.

Спэнс находился у второй кушетки. Симеон тоже заглянул туда и заметил привлекательное лицо молодой женщины. Ее глаза были закрыты и, казалось, что она мирно спит. Данные по приборам указывали — она жива.

По индивидуальной рации раздался голос Доминго. Он хотел знать результаты осмотра.

— Похоже женщина жива.

Бенкович, не отрываясь, оценивающе разглядывал молодую женщину.

— Есть что-нибудь подозрительное на аппарате? — продолжал Доминго.— Если нет, берем на борт.

Исследователи ничего подозрительного не заметили и несколько минут спустя спасательный аппарат с открытым люком уже находился в шлюзе «Пэрла».

Когда атмосфера в аппарате была восстановлена, началась работа по приведению женщины в нормальное состояние. Показания приборов были благоприятными: женщина подавала признаки жизни. Потенциальный пилот, если, конечно, она будет соответствовать этой категории, начала дышать. Искандер отправился в изолятор за необходимыми лекарствами.

Камера, где она находилась, открылась. Молодая женщина, одетая в специальный комбинезон, поднялась, и, преодолев искусственную гравитацию «Пэрла», села.

Спэнс и Симеон оставались рядом, предлагая свою помощь и через несколько минут она была почти в норме.

Женщина, это чувствовалось, полностью пришла в себя. Высокая, стройная, удивительно привлекательная она произвела впечатление на Искандера и Спэнса. Они не отходили от нее ни на секунду и предлагали свою помощь для перехода на «Пэрл».

— Который час? — это был ее первый вопрос, ее первые внятные слова.

К этому времени она уже была в изоляторе «Пэрла» и с любопытством рассматривала свое окружение. Ее

речь и произношение были обычными, она не казалась чужестранкой в пространстве.

Доминго оставил свое кресло и тоже пришел посмотреть на чудом выжившую женщину. Он рассказал ей, что они летят с планеты «Рохан», сообщил год и месяц отъезда.

В глубоком космосе под влиянием эффектов относительности числа и часы всегда требуют корректировки. Правда, полет в режиме «си-плас», теоретически, позволяет избежать искажений, хотя иногда такая коррекция и бывает необходима.

Узнав число и время, женщина облегченно вздохнула.

— Очень хорошо. Значит я была в спасательном аппарате всего лишь несколько дней.

Она глубоко вздохнула, откинула назад блестящие волосы и обвела окружающих внимательным взглядом.

— Меня зовут Брэнвен Гэлуей. Что это за корабль? Торговый?

— Нет. Я — Найлс Доминго, собственник и капитан корабля «Сириан Пэрл». Мы охотимся за берсеркерами... А что случилось с вами? Почему вы были в этом аппарате? Надеюсь, что вас вывела из строя не «Голубая смерть»?

— Да, на нас напал берсеркер, но я не знаю его названия. Мой корабль «Оулд Пуэбло». Мы из новых тринидад... Значит, охотитесь за берсеркерами? А какой у вас флот? До нападения на нас я собиралась делать то же самое, у меня был флот.

— У меня нет флота. Только этот корабль.

И капитан четко и сжато выложил данные о вооружении «Пэрла», его оснащении.

— Значит ваш корабль уничтожен? И вы не знаете чьих это рук дело — «Левиафана» или другого? — продолжил расспросы капитан.

Брэнвен Гэлуей рассматривала капитана с некоторым любопытством.

— Да, сэр. Я же сказала, что не знаю названия...

Вдруг она резко оборвала разговор, а потом спросила:

— А в другой каюте аппарата... там еще кто-то был, не так ли?

— Мужчина.— сказал Симеон.— Мне очень жаль, но он мертв.

— ...Ничего удивительного.— Брэнвен окинула взглядом своих собеседников.— Он мало значил для меня, но...

Интересно, что осталось от нашего корабля? Боюсь, что вы ничего не нашли?

— Вы правы,— ответил Доминго, слабо улыбаясь. Глядя на нее, капитан подумал, что неизвестно, будет ли спасенная ими женщина зачислена в его команду, но похоже, что она не из тех, кто доставляет лишние хлопоты.

— Значит у вас один корабль? В смелости вам не откажешь. Почему же вы охотитесь на берсеркера?

Все посмотрели на Доминго.

— Я расскажу когда-нибудь...

— Это, видно, не простая история, да? — заинтересованно спросила она.

Затем состоялось знакомство новенькой с остальными. В разгаре церемонии Симеон, вдруг, заметил, как изменилось лицо женщины. Она удивленно смотрела мимо него на дверь и Симеон, еще не обернувшись, уже знал, что там увидит.

Там, в дверном проеме, стоял «Четвертый искатель приключений». Он поспешил сообщить, что уже отдохнул и готов снова приступить к своим обязанностям, после чего представился новенькой.

Он произвел неизгладимое впечатление на Брэнвен, особено когда она узнала, что обязана своим чудесным спасением его удивительным телепатическим способностям. Не последуй капитан его совету — ей пришлось бы дрейфовать здесь миллионы лет.

«Четвертый искатель приключений», в свою очередь, долго и внимательно всматривался в нее и, кажется, остался доволен.

Доминго, указывая на женщину, спросил:

— Ты о ней говорил, Искатель? Это ее ты мне пророчил в пилоты?

— Она очень способный пилот, капитан. Но ты сам должен спросить хочет она этого или нет?

Кармпэн повернулся и устало шаркая, вышел. Он по-прежнему выглядел усталым.

Брэнвен была немного смущена.

— Не понимаю. Что все это значит? Я — действительно пилот. Но откуда ему знать: хороший или плохой?

Никто даже не попытался ей ответить.

Симеон заметил, что Бенкович смотрит на Брэнвен уже не просто как спаситель на пострадавшего. Когда она хотела встать, то пошатнулась, Спэнс первым бросился ей на помощь.

— У вас головокружение?

Брэнвен вежливо, но решительно отвела его руку.

— Нет проблем. Спасибо. Я сама справлюсь. Мне только необходима маленькая отдельная каюта, смена белья и немного еды.

Ей отвели каюту, предназначенную для шестого члена команды, и выдали одежду, в том числе скафандр, еду и все необходимое. Вскоре Гэлуей заявила о своей готовности присоединиться к охоте на берсеркера, если сможет доказать свою компетентность.

Через некоторое время Симеон застал Кармпэна одного и не смог удержаться от вопроса.

— Почему ты не занимаешься этим постоянно? Я имею в виду, спасательные работы.

— Это сложно. Есть цена, которую я и остальные должны платить для оказания такой помощи. Но тебе этого не понять.

— Да, я действительно не понимаю.

Встретившись глазами с этим чуждым, загадочным существом, Симеон, вдруг, почувствовал, что делает из себя дурака и, смущаясь, добавил: — Во всяком случае, я рад, что ты делаешь это сейчас.

Кармпэн посмотрел на него странным взглядом, затем повернулся и ушел.

Искатель заступил на свое дежурство. Последующие дни он проводил в основном в своей каюте, избегая общения с остальными.

Доминго снова взял курс на Милкпейл. Брэнвен поправлялась, просто стремительно восстанавливала свои силы после летаргического сна. Время от времени, отвечая на вопросы, рассказывала подробности о том, что произошло с ней и с ее кораблем.

С появлением женщины, атмосфера на борту «Пэрла» изменилась. Отчасти от того, что Доминго успокоился, полностью укомплектовав свою команду. Как только Брэнвен поправилась, он предложил ей место второго пилота, конечно, при условии, что она докажет свою компетентность. Он оставил за ней право отказаться от предложения, но уточнил, что будучи просто спасенной, она не имеет права требовать, чтобы ее отвезли куда-нибудь прервав полет. Доминго пообещал, оставить ее на одной из планетойд по ее выбору, если она откажется подписать контракт.

Искандер, желая удовлетворить присущее ему любопытство, спросил куда бы она хотела отправиться, будь ей предоставлена такая возможность. В ответ она только пожала плечами.

Вскоре она сказала капитану, что готова пройти испытания.

— Сожалею, капитан, но у меня нет рекомендаций. Поэтому постараюсь показать себя в деле.

Брэнвен уже изучила все бортовые системы и была уверена, что справится.

— Итак, с чего начнем?

Доминго был доволен результатами испытаний. Она выдержала экзамен с честью. Без сомнения, это женщина профессионал и может управлять любым кораблем.

Когда «Пэрл» снова очутился в глубине туманности Гэлуей смогла доказать на деле на что способна.

Симеон часто думал, что Брэнвен во многом превосходит своих соплеменниц и, несомненно, привлекательнее многих из тех, кто заработал себе репутацию «крутых» космических специалистов. Однако, Брэнвен, казалось, не обращала внимания на то, какое впечатление производит на мужчин.

Похоже, что на Брэнвен самое большое впечатление произвел Кармпэн. Конечно, такие загадочные существа кого хочешь заинтригуют. До сих пор никто в команде не имел ни малейшего представления о том, почему Искатель присоединился к охоте на берсеркеров.

Справившись с шоком, вызванным присутствием чужеземца, Брэнвен обратила внимание на Доминго. Ее удивляло и, может быть, чуть-чуть задевало его пренебрежение и безразличие. Она проводила немало времени за разговорами с капитаном.

Вскоре Брэнвен, выполнив все формальности, подписала контракт и стала полноправным членом команды.

На борту отнеслись к ее зачислению по-разному. Искандер похоже, смирился, хотя и не высказывал особого энтузиазма, а Бенкович не знал, радоваться ему или нет.

Капитан же объявил, что теперь корабль и команда готовы к борьбе с «Левиафаном».

ГЛАВА 16

Брэнвен Гэлуей и Искатель доказали свою полную компетентность, хотя и не отрицала, что имеют недостаточный опыт в пилотировании кораблей в густых участках туманности.

Капитан предполагал, что немного практики такого рода будет новобранцам нелишней. Но и остальным членам команды тоже не мешает быть во всеоружии, когда наступит время сражаться с «Левиафаном». Эта проблема разрешится сама собой.

Команда наберет необходимый опыт, пока будет искать вражеский след.

Однажды, когда Брэнвен и Доминго были свободны от дежурства и сидели одни в общем зале, она задала капитану вопрос, который давно ее мучал:

— Почему ты всегда говоришь «он», когда упоминаешь берсеркера?

Доминго поглаживал волосы, обдумывая свой ответ. Затем посмотрел на высокую, стройную женщину, стоящую рядом, и спросил:

— Ты веришь в каких-нибудь богов?

Гэлуей стояла, склонившись над пультом компьютера. Капитан давно заметил, что ей больше нравилось стоять, чем сидеть.

— Я не могу сказать, что верно, капитан. Хотя бывают минуты, что — да. А почему ты спрашиваешь?

— Если бы ты верила в бога, какое бы местоимение ты предпочла?

Она попыталась осмыслить сказанное капитаном.

— Значит ты хочешь сказать, что чертова машина, которую ты хочешь уничтожить, и есть твой бог?

— Да, приблизительно так. Ты попала в точку.

— Ну, что ж! Единственное утешение, что ты не говоришь о берсеркере «она».

Возвращаясь в Милкпейл, Доминго решил начать свою погоню с посещения Ийркалы. Он объяснил своим товарищам, что эта планетойда — одно из лучших мест в туманности для получения новейшей информации.

Когда «Пэрл» приблизился к Ийркале, все на борту обратили внимание на то, что ее система защиты значительно укреплена, а на ней живет гораздо больше переселенцев, чем на других планетойдах. Массовый отъезд

из Милкпейла, который предсказывали иные колонисты, так и не состоялся.

«Пэрл» приземлился и Доминго, не покидая борта корабля, задал по радиосвязи главный для него вопрос: есть ли новая информация о «Левиафане». Ответ его разочаровал. За это время, что «Пэрл» летал за пределами туманности, «Левиафан» не напоминал о себе. Он не подавал никаких признаков жизни и ни разу ни на кого не нападал. Один только раз его где-то видели, да и то не было уверенности, что это был именно он.

Затем Доминго оставил корабль и направился к знакомой площадке перед аэропортом. Он оставил корабль, обещая команде вернуться через час-другой. Все остались на борту, выполняя обычные повседневные работы.

Когда он полностью осознал то, что собирается делать, ему стало не по себе. Он понял, что хочет только одного — встретиться с Полли, поговорить с ней. Он не знал о чем будет с ней говорить, но был уверен, что им не следовало расставаться так, как это случилось в последний раз. Однако, его усилия найти Полли оказались напрасными. Ее нигде не было. Служащий местного центра связи сообщил, что такой здесь не значится, и он не смог добавить больше ничего к сказанному.

Звонок ее сестре расставил все на свои места. От Ирины он узнал, что Полли уехала из Ийркалы. Она получила работу на другой солнечной системе и отправилась туда вместе с детьми.

— На другой системе? — удивился Доминго.

— Совершенно точно.

— На какой?

Последовала пауза, затем:

— Я не знаю.

Доминго не поверил ей. Но не стал больше расспрашивать.

Перед тем как закончить разговор, Ирине удалось намекнуть ему, что Полли попыталась устроить свою жизнь, у нее есть мужчина.

Медленно возвращаясь на корабль, Доминго раздумывал: «Правду ли сказала ее сестра?» Вдруг его осенила догадка. Может быть ее новый мужчина — Гьюджар? Хотя, какая ему разница, если это и так? В конце концов, Полли и Гьюджар — люди его команды, пусть и бывшие, и он, естественно, желает обоим счастья. Затем он подумал, что Полли ему не нужна, несмотря на ее профессионализм! Шесть человек — оптимальное количество

людей на борту — уже есть. Пусть все остается, как есть. Это самый лучший вариант. И Доминго ускорил шаг, направляясь к кораблю.

Капитан настолько быстро вернулся на борт, что его новая команда так и не успела сойти на землю, чтобы размять хоть немного ноги.

Пока выполнялись формальности перед отлетом «Пэрла», Доминго связался с одним знакомым, который мог дать какую-то информацию о нахождении Гьюджара. Удалось узнать, что тот снова пилотирует корабль, принадлежащий кому-то из гвардии патрулированных космических сил. Однако, не удалось уточнить, где сейчас точно находится Гьюджар.

После разговора, капитан собрал всю команду, еще раз просмотрел модель, изображенную на экране компьютера, и взял курс туда, где в последний раз видели «Левиафан».

Прошло два дня. На полпути к месту назначения Кармпэн вызвал капитана по индивидуальной связи и предложил ему круто изменить курс. Находясь в телепатическом состоянии, почти агонии, он сообщил, что получает сигналы тревоги с одной маленькой колонии, расположенной на самой дальней окраине туманности. Она по его уверениям подвергается нападению и находится на грани гибели.

— Нападают берсеркеры?

— Я уверен в этом, несмотря на то, что доказательств — никаких.

— Конечно, берсеркеры. Кто еще это может? Но... Это «Левиафан»? — спросил Доминго.

— Этого я не могу сказать, капитан.

Не мог Кармпэн и назвать имя разрушаемой планетойды. Однако определить местонахождение и приблизительно расстояние — смог.

Несколько часов спустя, Искатель доложил капитану, что атака на колонию закончена.

— Как ты чувствуешь — жизнь там погасла?

— Не могу сказать. Я чувствую, что все закончилось. Но думаю надежд на спасение — нет.

Но Доминго не свернул с намеченного курса.

На борту «Пэрла» разгорелась дискуссия. Обсуждали последние данные о боевой мощи «Левиафана» и сравнивали вооружение на борту «Пэрла» с тем что, как

предполагалось, имелось на «Голубой смерти».

На экране компьютера была изображена последняя модель, которую Симеон не видел прежде. На голографической модели приводились размеры и конструкция «Левиафана»; данные взяты из последних записей, сделанных в Милкпейле.

На экране медленно вращалась модель зубчатой формы, а рядом, в тех же масштабах, показана модель «Пэрла». И команда четко осознавала насколько их корабль меньше своего потенциального противника.

Сравнение отрезвляло, однако каждый на борту «Пэрла» воспринимал эту ситуацию с профессиональной точки зрения и понимал, что шансы на победу все-таки есть. Каждый из них был уверен, что цель Доминго — победить, и они, согласившись участвовать в этой борьбе могут достичь этой цели. Никто из них, тем более капитан, не собирались заниматься тем, что может принести врагу еще один триумф.

Во время подобных тактических обсуждений Доминго не раз утверждал, что маленький корабль имеет свои преимущества, причем немалые. Главное из них заключалось в том, что такой корабль может двигаться быстрее в туманной среде; кроме того ему гораздо легче защищаться, благодаря компактной площади, чего не скажешь о размерах корабля типа «Левиафана».

На борту «Пэрла» имеются ракеты самых последних моделей, летящих со скоростью света. На корабле имеются также лучевые прожекторы, приспособленные для работы в туманной среде и имеющие модуляцию такого фокусирования, что позволяет преодолеть любую защиту, даже такую мощную, как на «Левиафане».

Дискуссия в общем зале корабля была прервана сигналом, поступившим из боевой станции. Подал его дежурный наблюдающий за детекторами. Согласно его сообщению появилась цѐлая армада, похожая на берсеркеров флот, которая совершает рейс в вечном тумане вдалеке от «Пэрла».

Все, кто был на корабле заняли свои боевые посты. Доминго еще не успел осмыслить тактику. Но уже было очевидно, что отступать некуда, «Пэрла» заметили. Расстояние стремительно сокращалось и «Пэрлу» не оставалось времени на подготовку к бою.

— Подготовить оружие. Будем...

— Да это же флот космических сил!

— Черт возьми! — голос Искандера по связи

звучал более чем раздраженно.— В другое бы время, даже если бы очень искали, то не сумели бы найти.

Доминго поспешил установить связь с приближающимися кораблями.

Оттуда последовал ответ, вначале осторожный и не совсем ясный. Но по мере того, как расстояние сокращалось, а «Пэрл» и космическая флотилия двигались навстречу друг другу по одной траектории, то — наконец, удалось установить четкую связь.

Вскоре на экране появилось изображение Геннадиуса, сидящего за капитанским штурвалом своего боевого корабля.

Его лицо, несмотря на красное освещение сигнала тревоги, казалось усталым. Голос звучал почти враждебно:

— Какого черта ты здесь делаешь, Доминго?

— Думаю, ты знаешь, что я здесь делаю. Надеюсь, и ты делаешь то же самое. А сейчас я особенно на это надеюсь. Если верить компьютеру, это именно то место, где должен быть сейчас «Левиафан».

— Ничего из того, что показывает компьютер, мне не говорит об этом. Поэтому я пытаюсь сам все осмыслить, как впрочем, и ты. Ну ладно! Допустим, я действительно охочусь за «Левиафаном»...

Доминго на несколько секунд молчал, затем жестко спросил:

— Ты знаешь, что он уничтожил еще одну колонию? Какую, на этот раз?

— Он? — Гьюджар делал вид, что не понимает. Затем сказал:

— Знаю. «Он» уничтожил очередную колонию.— И тут назвал имя последней жертвы.

Симеон попытался по памяти определить ее местонахождение на карте. К своему удивлению, он определил, что она находится именно в том направлении, куда указывал Кармпэн.

— Как ты думаешь, куда лежит теперь путь «Левиафана»?

— Не могу сказать точно, боюсь ошибиться.

Геннадиус после короткого раздумья принял решение.

— Послушай, Доминго. По моим соображениям, некоторые берсеркеры, в том числе и тот, которого ты зовешь «Левиафан», имеют ремонтную базу где-то здесь, на этом участке туманности. Даже, может быть, в системе «Темной звезды». Я проверю свои догадки. Но

мои возможности ограничены. Они повысятся только, если я смогу призвать на помощь дополнительные корабли.

— Ну, так сделай это.

— Не так все просто. Если я вызову корабли, мне придется их отозвать из других планетойд. Может быть, из гвардии патрулирования. Но я не хочу этого делать. У меня к тебе предложение. Возьми «Пэрл» и отправляйся на дежурство к колонии «Да Гама», а я отзову оттуда два своих корабля.

— Не пойдет! — отреагировал Доминго, почти мгновенно.

— Они помогут мне вести поиски здесь. Это даст нам значительно больше шансов найти то, что мы ищем. Если мне удастся поймать «Левиафана» со своей группой, я обещаю, что привезу тебе на память его остатки — по выбору.

— Повторяю: не пойдет!

— Зря! — Геннадиус рассердился, хотя и не ожидал другого ответа.— Хорошо! Тогда я повторяю свой первоначальный вопрос: какого черта ты здесь делаешь? Если ты знаешь чего-то новенького...

— Я не видел ничего неординарного. Я пытаюсь выяснить, где сейчас «Левиафан» как, впрочем, это делаешь и ты...

— На своем маленьком компьютере? — фыркнул Геннадиус.— Тогда, я должен сказать, что тебе чертовски повезло, что пока вы целы и невредимы.

Капитан кивнул, слегка улыбаясь:

— Согласен. Ты можешь считать, что мне привалила удача.

Командир космических сил снова спросил имеются ли на «Пэрле» новые записи о берсеркерах.

— Никаких,— немедленно парировал Доминго.— А как у тебя?

— Мы что-то записали два часа назад. Возник некий предмет, движущийся со скоростью корабля. Очень далеко от нас и нам не удалось определить, что это. Я не уверен, что это был берсеркер. Хотя... Что еще это может быть?.. О, что там за черт?

Взглянув на индикаторы, Симеон понял, что Искатель подключил к своей станции двухканальную связь, будто намеревался вступить в радиоразговор.

Впервые Геннадиус имел возможность увидеть команду Доминго в полном составе, в том числе и того.

чье присутствие на человеческом корабле являлось уникальным событием в космической истории.

— Это — один из моей новой команды,— сказал Доминго.

— Один из твоей команды?.. Искандер, что у вас там происходит?

Кажется присутствие Кармпэна на борту взбесило Геннадиуса гораздо больше, чем все то, что произошло до сих пор.

— Все, что видишь, сэр. Если позволишь, я бы посоветовал тебе более дипломатично относиться к нашему союзнику из формации Кармпэнов.

— Я... Мне следовало бы знать...— проговорил Геннадиус едва слышно. Затем, пытаясь сгладить недавний промах, он обратился к Искателю:

— Позвольте заверить Вас, сэр... Или...— он оказался в тупике.

— Доминго, я предупреждаю тебя. Если ты что-то делаешь, что приведет нас к осложнению...

Но Искатель, прервал командира, спокойно представился и уверил его, что никаких осложнений в плане общения людей разных формаций не существует. Он, Искатель, принимает участие в этой миссии по собственному желанию и считает, что его присутствие скорее решит дипломатические разногласия, чем создаст их.

Геннадиус попытался продолжить эту тему, но затем отказался. У него и так много других трудноразрешимых вопросов.

— Я, я не понимаю этого, сэр.

— И не стоит об этом заботиться, командир,— ответил Искатель.

Пауза.

— Значит ты себе присваиваешь дипломатический статус? — наконец выговорил Геннадиус. Изображение лица становилось все четче по мере приближения кораблей друг к другу.

— Нет! Я ничего себе не присваиваю и не собираюсь, по крайней мере сейчас. Но оставляю за собой право делать это в будущем. Здесь ставятся на карту вещи особой важности, командир. Вещи более важные, чем избавиться от берсеркеров.

После этих слов команда Доминго уставилась на Кармпэна, будто видит его впервые.

— А-а...— протянул Геннадиус, абсолютно ничего не понимая из только что услышанного.

— Большого значения, говоришь?

— Да, командир.

— Например?

— Я сказал, что они ставят на карту. А «что» и «когда» станет известно в свое время.

— Хорошо,— растерянно проговорил командир.— Тем не менее меня ждет работа. Всех нас.

Командир и капитан поговорили еще немного.

Геннадиус прагматично одобрил присутствие Доминго со своим кораблем, подчеркивая, что тот усиливает общую мощь космических сил в регионе; однако, про себя очень боялся, что фантазия Доминго создаст ему дополнительные трудности. Конечно, по мнению Геннадиуса, Доминго со своим кораблем вряд ли будет полезен настолько, насколько ему хотелось бы. Но он решил, что попытается не думать о присутствии Кармпэна и о том, к чему это может привести.

— Капитан, думаю бесполезно приказывать тебе отправиться со своим кораблем патрулировать Да Гама... или вернуться домой.

— Так точно, командир. Я снова и снова повторяю. Мои планы не изменились.

Командир обреченно вздохнул.

— Хорошо.— И уже более примирительным тоном добавил:

— Похоже, погода портиться и приближается ненастье. Справишься?

— Постараюсь. О таких мелочах не думаю.

ГЛАВА 17

Детекторы на всех кораблях предупреждали о надвигавшемся шторме. В этом регионе штормы вызывались столкновением магнитных и гравитационных сил, в результате чего материя, составляющая вечные облака, сжималась больше обычного. А часть ее выплескивалась в виде грозовых штормов с электрическими разрядами, переливаясь всеми цветами радуги. Это напоминало грозы, происходящие на далекой Земле.

Если какая-либо колония находилась на пути шторма, жители прятались в убежищах в глубоких подземельях или улетали на надежных кораблях, которые

в состоянии опередить электронную непогоду. Вихри из сплетающихся атомных частиц хлестали магнитные и другие поля, нарушая связь между кораблями, сметая урожай всех форм жизни в пространстве и на планетных поверхностях. Но подобные штормы бывали крайне редко.

Надвигающийся шторм был не из крупных и находился в нескольких метрах от них. Шквал ударил по кораблям. Ядерно-магнитный вихрь разорвал связь между кораблями, препятствуя их продвижению вперед, экраны погасли. Даже за пределы туманности в чистое пространство доходили отголоски этих мощных бурь. Нарушалась астрогация, временно выводились из строя приборы на кораблях, из-за чего они сбивались с курса.

В первые минуты шторма команда Доминго успела увидеть, как вихрь разбросал корабли космических сил; стрелки приборов на «Пэрле» задрожали, зашкаливая все показания, и корабль, отрезанный от всего остального мира, несся в неизвестном направлении.

Правда, внутренняя связь на «Пэрле» не прерывалась и продолжала работать исправно.

Молчало только устройство Кармпэна, несмотря на неоднократные попытки связаться с ним. Брэнвен и Искандер отправились в его каюту, чтобы выяснить причину. То, что они увидели, привело их в растерянность: он лежал на полу и, как это бывает при космической болезни, бился в конвульсиях.

Брэнвен склонилась над ним, мягко потянула за край одежды, но тот не мог или не хотел реагировать на это прикосновение. Не отвечал на взволнованные вопросы вошедших.

Женщина подняла голову и нерешительно посмотрела на Бейза.

— Как ты думаешь, у Кармпэна может быть температура? Он кажется горячим.

— Не знаю,— в первый раз Искандер действительно не знал как поступить. Он спросил по межсвязи, обращаясь ко всем:

— Кому известно о биологии Кармпэнов?

Оказалось никому. Никто даже не мог сказать какого рода первую помощь следует ему оказать, какое лечение провести. Доминго предложил занять выжидательную позицию, но ждать пришлось недолго.

Ко всеобщему облегчению, Искатель поднялся сам

и заявил, что не болен. Он сообщил, что просто страдает от напряжения, пережитого при телепатическом контакте с некими странными формами жизни, появившимися в сырой, бурлящей туманной среде.

Под воздействием шторма местные формы жизни переносили боль и их страдания передавались сознанию Кармпэна.

Симеон ничего не понял.

— Я думал, что ты можешь отключаться от посторонних влияний,— сказал он.

— Обычно я могу. Но сейчас не осмеливаюсь.

По межсвязи воцарилась тишина и Симеон понял, что все внимательно вслушиваются в их разговор.

— Но ты же знал, что здесь в туманности есть различные формы жизни, не так ли? Наверняка знал.

Кармпэн ответил слабым жестом, но Симеон не понял его значения.

— Просто я имею в виду, что ты должен отключать свое сознание от того, что тебе приносит страдание.

Искатель наконец заговорил.

— Я повторяю. Сейчас это невозможно. Все это не так просто, как кажется.

Брэнвен вмешалась в разговор, сказав о том, что волновало всех:

— Ты говорил, что можешь отключить свои мысли от наших, не так ли?

— Я так и делал, уверяю вас. Но в случае с формами жизни за пределами корабля, я не могу. Моя задача исследовать и изучать их.

— Это те самые «вещи особой важности», о которых ты говорил Геннадиусу?

— Да.

Кармпэн замолчал и трудно было заставить его добавить что-либо к уже сказанному.

Несколько часов спустя шторм стал ослабевать и больше не представлял опасности для корабля и его команды. Погода оставалась ненастной и Доминго не мог с точностью определить их местонахождение.

Капитан освободил трех человек от дежурства, отправив их отдыхать. Он понимал, что все устали и необходимо время для восстановления сил.

Спэнс Бенкович не собирался спать и отправился в гости к Брэнвен. Он хотел поговорить с ней. С тех

пор, как эта привлекательная женщина появилась на борту, он все время думал о ней.

Когда Брэнвен увидела его на пороге своей каюты, ее переполнили смешанные чувства. В основном, он вызывал у нее отвращение. Она могла воспринимать его как товарища по команде или, на худой конец, как случайного знакомого. Но как только она пыталась представить его в роли любовника, ей становилось не по себе.

Она сама не могла объяснить своих чувств. Одно только знала точно: Бенковича она не сможет полюбить. Никогда. Это выше ее сил.

Хотя Брэнвен признавала, что он красив и, если захочет, может быть весьма привлекательным, как в первый день их знакомства... Может быть ей стоило попробовать перебороть себя, попробовать пойти с ним на отношения?

Вначале вежливо, затем более откровенно она дала ему понять, что не желает видеть его. Бенкович оказался настойчивым и она вынуждена была захлопнуть дверь, практически выгнать.

Когда через несколько минут она вышла в коридор, то к своему удивлению встретила Бенковича. Он так никуда и не уходил. Когда она проходила мимо него, он попытался прижать ее к себе.

Получив отпор, превратил все в шутку. Позже, когда уходила, она почувствовала, как он горящими от страсти глазами смотрел ей вслед. Ей не надо было оглядываться — она чувствовала его взгляд спиной.

Она была единственной женщиной на борту. Щекотливая складывается ситуация: одна женщина и четыре мужчины. Интересно, подумала она, беспокоит ли Кармпэна сексуальная жизнь? Если верить когда-то услышанным рассказам, то эти вопросы не тревожат представителей данной человеческой формации. Надо будет как-нибудь спросить его об этом.

Между тем она снова вернулась к своим проблемам; ей надо решить, как поступать с Бенковичем. Опыт показывал, что в данной ситуации ей лучше всего оставаться просто членом команды и забыть о том, что она женщина. К несчастью, это не может продолжаться слишком долго. Все дело в том, что никто не знает, как долго будет длиться это путешествие и когда Доминго решится, если не прекратить его, то хотя бы сделать небольшой перерыв. Она пришла к выводу, что надо

держать Спэнса на расстоянии. Но он не уступит, будет домогаться ее. Поэтому, надо сблизиться с кем-нибудь другим. Но с кем? Доминго? Да, она выбрала бы его в первую очередь, но подозревала, что сейчас он недосягаем, хотя и не понимала почему. Может быть, потому что он, в конце концов, капитан? Но она неосознанно чувствовала, что есть и другая причина.

Искандер... нет. Хотя он тоже иногда так смотрит на нее... Брэнвен не сомневалась, что нравится ему.

Значит остается Симеон. Тем более, что он ей не был противен...

И она постучала в его дверь.

Чакушин тоже был свободен от дежурства и, увидев ее, был приятно удивлен.

Она сразу направила разговор в легкомысленное русло, спросив о выпивке.

Симеон пригласил ее в каюту и сказал, что для него сейчас самый главный стимулятор — «Левиафан». И тут же спохватился, сознавая смехотворность своих слов. От растерянности добавил:

— В такую погоду чувствуешь себя одиноким.

— Но ведь нас сейчас двое,— улыбаясь сказала она, плотно закрыв за собой дверь.

Вскоре они сидели рядышком,— именно так и можно сидеть в такой тесной каюте,— закрыв дверь на замок и отключив межсвязь. Только в случае непредвиденной срочной тревоги им могли бы помешать. Свою каюту Брэнвен изолировала таким же образом и любопытным не удается определить, где она была в это время: в своей каюте или в другом месте на борту.

Им было хорошо вдвоем...

Через некоторое время Симеон почти сонно проговорил:

— Жаль, у нас нечего выпить.

Гэлуей что-то пробормотала и лениво вытянулась на подушках. Ее комбинезон оставался расстегнутым и помятым. Выпить ей уже не хотелось, о чем она не преминула сказать Симеону.

— Я знаю. Я тоже ничего не хочу. Но я думал, что... Его слова повисли в воздухе. Он увидел выражение неописуемого ужаса на лице своей подруги.

Брэнвен смотрела мимо него широко раскрытыми глазами, а губы, что-то пытаясь произнести, издавали нечленораздельные звуки.

Он повернулся и, увидев то, что так поразило Брэнвен, замер. В их маленькую цилиндрическую комнату проникло «нечто» и то выходило, то входило, совершенно беспрепятственно проходя через твердую, плотную стену. Это «нечто» представляло собой какое-то неуловимое, призрачное тело и однозначно не принадлежало ни к чему им известному.

«Оно», скорее, походило на тепловые волны или на виток дыма, но уж слишком целенаправленными были движения.

Минуту спустя мужчина и женщина схватились за свои ручные оружия.

Симеону показалось, что они сталкиваются с разреженным, аморфным существом, чем-то напоминающим фотонегатив. Он не успел осмыслить свою догадку, а это «нечто» снова выплыло из комнаты через плотно закрытую дверь.

Симеон, который только что целился в непонятное явление, беспомощно опустил оружие. Брэнвен включила связь, намереваясь просить о помощи.

Следующим увидел «пришельцев» Искандер Бейза. Он наткнулся на них, когда проходил по коридору. Он мгновенно выхватил небольшое ручное оружие, которое всегда имел при себе, и выстрелил. Это оружие короткого действия не могло причинить какого-либо серьезного повреждения оборудованию или самому кораблю. Искандер попал в цель, но похоже, его выстрел не повредил пришельца, а только заставил его исчезнуть.

К этому времени уже вся команда была на ногах, за исключением погруженного в летаргический сон Кармпэна. Все чувствовали смутную опасность. Свободные от дежурства члены команды бросились к своим боевым постам. Но больше ничего подобного не возникало.

Что касается пространства вокруг корабля, то там обстановка была совсем иной. В его окрестностях, вокруг, появился рой космических машин, или даже скорее, скопление до сих пор неизвестных форм жизни. Люди на борту корабля решили, что подвергаются нападению. И начался бой...

Тяжелое оружие «Пэрла» выстрелило, поражая мерцающую, меняющуюся пустоту...

ГЛАВА 18

С первых секунд тревоги и отчаянной растерянности, установившейся на борту «Пэрла», стало очевидно, что все оружие, применяемое до сих пор в космических боях, бессильно против этих загадочных пришельцев.

Доминго находился в капитанском, казалось бы он все время внимательно следил за приборами, но о появлении непрошеных интервентов узнал только из сигнала, поступившего по межсвязи, и из сообщений самих членов команды, что говорило о неуловимости приборами этих существ.

Кем бы ни были эти интервенты капитану трудно было увидеть или обнаружить их на своих приборах, пусть даже и совершенных.

По межсвязи началось обсуждение ситуации:

— Это не корабли, я уверен.

— Но это и не берсеркеры.

— Ну во всяком случае, они не из тех берсеркеров, которых мы до сих пор знали.

— Они вообще ни на что не похожи.

Возбуждение нарастало и пока не началась паника, Доминго рявкнул, требуя тишины. Затем каждому человеку дал определенное задание по сбору и анализу информации. Начавшаяся было паника, стала постепенно затихать. Скоординированное изучение данных на всех приборах все-таки принесло новую и полезную информацию.

В течение нескольких секунд после начала тревоги, считаясь с наблюдениями своих товарищей, Доминго удалось настроить приборы так, чтобы лучше рассмотреть то, что окружало их корабль. Он смог различить причудливые существа каких-то неопределенных форм и размеров. Они кишели вокруг «Пэрла» на пространстве до нескольких сотен километров. Скорость их перемещения была присуща скорее кораблям, чем каким-либо самодвижущимся существам. Но после тщательного изучения Доминго склонился к мысли, что это скорее всего какие-то необычные формы жизни, так как им удавалось увертываться от орудий «Пэрла» и оставаться невредимыми.

От металлических форм в данной ситуации не осталось бы и следа. Эти новые, неизвестные существа, похоже, умели время от времени перестраиваться и

изменять свою структуру, благодаря чему оружие, пробивающее защиту берсеркера, было бессильно перед ним, совершенно не причиняя им вреда.

«Такое впечатление, что пришельцы, окружающие корабль, могут превращаться в призраки,— подумал капитан.

Прошла всего лишь минута с тех пор, как Брэнвен и Симеон подняли тревогу.

— Прекратить огонь! — крикнул Доминго.— Мы делаем не то! Прекратить огонь!

Стрельба прекратилась почти мгновенно. Пользы от нее не было никакой. Она привела не только к большой потере энергии, которую еще можно будет сравнительно легко восстановить, но и потере нескольких ракет новейших моделей, которых уже не вернуть.

Существа за бортом не получили ни малейших повреждений от выстрелов и, естественно, не собирались уходить от корабля. На «Пэрле» тоже все пока осталось целым и невредимым.

Обдумывая создавшееся положение, Доминго все больше убеждался, что странные формы за пределами корабля уж точно не берсеркеры и, возможно, даже не враги. Если рой призрачных существ принять за нападающий десант, то можно считать, что атака не удалась, хотя определенное их количество и проникло на борт «Пэрла».

Тем не менее, через минуту после прекращения огня, капитан чуть не отменил свой предыдущий приказ. Дежурные снова подняли тревогу, но это было излишне, так как Доминго сам видел, что творится за бортом. Существа начали меняться и выстраиваться в виде ленты, когда полностью опоясала «Пэрл», над кораблем плелась полупрозрачная паутина.

— Думаю, что они пытаются связать нас, капитан,— проговорил Искандер, растягивая слова.

Доминго решил, что формы там, снаружи, кем бы они ни были — устройствами или живыми созданиями — пытаются при помощи силового поля захватить «Пэрл».

Вдруг, по межсвязи заговорил Искатель. Голос его был бодрым, усталость и болезненность исчезли.

— Это не попытка связать нас. Они прощупывают корабль для сбора данных,— голос его прерывался от волнения.— Действуй, капитан, действуй! Иначе они подумают, что мы не одушевленные.

«Действовать? — думал Доминго.— Но что делать?» И тут пришло решение.

По его приказу экипаж, пытаясь разорвать «объятия» врага, начал создавать собственное силовое поле вокруг «Пэрла». Его команда была хорошо натренированной и умела обращаться с приборами такого типа. Доминго закрепил за каждым человеком защиту определенного участка корабля. Все приступили к работе в глубоком молчании, развертывая защитные поля «Пэрла» и пытаясь найти способ защиты от пришельцев. Иногда, нарушая тишину, раздавались лаконичные приказы капитана.

Усилиям пришельцев теперь противопоставлялось разнообразие полей, создаваемых на «Пэрле». После первых минут обоюдной борьбы, корабль все еще оставался в тисках пришельцев, но Доминго был уверен, что ему не составляло труда разорвать путы и освободить свой корабль. Пока же от этого он воздерживался.

Все чаще и чаще он приходил к мысли, что его команда и пришельцы не столько собираются воевать, сколько побольше получить информации друг о друге.

«Пэрл» находился в тисках уже несколько минут. Тем временем, Доминго тщательно изучал данные приборов, сопоставлял отрывочные донесения своих товарищей и, на основании этого решил, что чужестранцы сплетены с ними в один запутанный клубок и не смогут из этого вырваться. Разве что у них есть еще какие-либо силы в резерве и они их приберегают для более удобного случая.

Следующее сообщение Искателя убедило капитана окончательно, что тела, окружающие их — живые, разумные существа.

— Я, наконец, установил мысленный контакт с ними. Это довольно трудно. До сих пор мне удалось добиться только прерывистой связи, но может даже этого минимума будет достаточно.

— Значит, они живые?

— Конечно.

— Это, наверное, скопление каких-то форм, вроде тех, урожай которых мы собираем. Но...

— Правильно, капитан. Эти существа во многих отношениях такие же, как и остальные живые формы в туманности, но они уже прошли через значительную эволюцию. Окружающие нас существа намного выше

тех по развитию.— Искатель замолчал.

— Мы можем с ними общаться? Я имею в виду, на мыслительном уровне,— уточнил Доминго.

— Я попробую еще раз. А потом сообщу результаты.

«Пэрл» и скопление пришельцев оставались не только запутанными в одном клубке, но и совершенно изолированы от остального мира. До сих пор никаких сообщений о флоте космических сил не прорывалось на корабль.

— Кажется, их стало меньше,— спокойно сообщила Брэнвен.— Теперь их не так много, как в самом начале.

Некоторые из них, вероятно, отступили, другие — рассеялись, а, может быть, и погибли.

Возможно часть этих существ проводит такие же действия с кораблями космического флота, но никто на борту «Пэрла» не мог об этом сказать с уверенностью. Никто, за исключением Искателя.

Доминго спросил его об этом, на что тот ответил, что считает столкновение между пришельцами и космическими силами маловероятным. Искатель предполагал, что его присутствие на «Пэрле» стягивает все эти странные существа сюда.

— Твое присутствие? Почему же?

— Они чувствуют мой разум, так как я чувствую их.

— Но тогда, кто же они? Кто? Они не похожи на берсеркеров,— прозвучал по межсвязи взволнованный голос Бенковича.

— Ну здесь все ясно. Мы уже знаем наверняка, что они такие же берсеркеры, как и мы с вами. Искатель утверждает, что они живые существа и я тоже склонен так считать. Вопрос в том, каков уровень их мышления и чего они в конце концов хотят от нас.

Кармпэн, наконец, мог добавить кое-какие штрихи к этой проблеме. Пока ему удавалось установить только частичную телепатическую связь с пришельцами.

— Это тоже разумные человеческие существа и в настоящее время их основная цель — узнать, кто мы. Вернее, пытаются изучить наш корабль. Они постоянно улавливают мои мысли и хотят разобраться в них.

Последовала длительная пауза.

— Так ты говоришь, что они представители человеческой формации?

— Несомненно. Когда я присоединялся к вашей ко-

манде, я питал надежду встретить их и помочь вступить в братство «Тай».

На межсвязи мгновенно наступила тишина. Все ждали, что Искатель скажет дальше.

— Я пытаюсь объяснить им вашу сущность и природу,— прервал затянувшееся молчание Искатель.— Я хочу им сказать, что вы просто управляете кораблем, но мне это не удается. Как правило, корабли являются большой тайной для них, такой же как и сами берсеркеры. Телепатия тоже немалая загадка, так как между собой они общаются только на чисто физическом уровне, как вы и я.

— Новая человеческая формация,— прошептала Брэнвен.

Остальные тоже были потрясены.

Во всей предыдущей истории исследования Вселенной землянами такие открытия происходили не более пяти-шести раз.

— Да,— повторил Искатель терпеливо.— Это представители новой человеческой формации, о существовании которой до сих пор не подозревали вы, земляне, а мы, Кармпэны, только догадывались. Дело в том, что эти существа стали мыслящими совсем недавно. Вот причина моего присутствия здесь и присоединения к вашему экипажу. Я смог бы добраться до них на любом корабле, но только твой, капитан, оснащен в достаточной степени для оказания им надлежащей помощи. Для того, чтобы расчистить им дорогу к «Тай», нужны не только слова.

— Дорогу... куда? — спросил кто-то.

Но капитан нетерпеливо прервал говорящего.

— Прекрасно. Все прекрасно. Но проблем-то у нас только прибавилось.

— Ты имеешь в виду физическое сцепление с наружными пришельцами? Думаю, что это разрешиться легко,— ответил Кармпэн.

— Можешь ли ты сказать им, что мы не желаем им зла? Что мы такие же одушевленные, как и они, что... Ну, надеюсь, ты сам знаешь, что говорить.

— Наверное, да, капитан. Но мне необходимы еще несколько минут тишины и молчания.

На межсвязи снова наступила тишина. Симеон, продолжая наблюдение за приборами, отметил, что сцепление не ослабевало и оставалось прежним.

— Война и военная доктрина чужды им,— вдруг заговорил Кармпэн.

— Ну тогда, черт возьми, скажи им, что мы тоже не ищем борьбы. С ними — нет.

— Они говорят, что приняли наш корабль за неодушевленного, металлического убийцу.

— Если они приняли нас за того, кого я думаю...

— Вот именно это я и хочу сказать. Они приняли нас за берсеркеров.

Тем временем, обе стороны старались не обострять ситуации. Силовые поля по-прежнему противопоставлялись друг другу, удерживая трепетный, хрупкий баланс: с одной стороны — более мощные поля, создаваемые на корабле, с другой — более проникающие и неуловимые поля, созданные снаружи.

«Пэрл» дрейфовал, а команда, терзаясь догадками, оставалась на своих постах.

Бенкович подключился по персональному радио к капитану, желая высказать свои подозрения.

— Капитан, можно соображения по секрету?

— Валяй.

— Я не знаю, можно ли верить тому, что сказано. Но ведь они могут вновь проникнуть к нам на борт...

— О чем ты говоришь, Спэнс? Ты считаешь, что Кармпэн врет?

— Не знаю, сэр. Наверное, не врет, но и он же может ошибаться. Вдруг его дурачат?

— Так. Что еще?

— Думаю, надо еще кое-что объяснить. Если помнишь, я говорил тебе, что в тот роковой день видел какие-то странные формы в тумане недалеко от Шубря. Кроме того, многие другие люди тоже рассказывали, что видели странные создания недалеко от других колоний затем уничтоженных. А вдруг тогда были те же пришельцы, которые окружают нас сейчас? Вдруг это «гудлайфы», действующие как разведотряд берсеркеров? Не знаю, что и сказать. Но надо понаблюдать.

— Уверяю тебя, что я так и делаю.

Как только Бенкович отключил свою рацию, Кармпэн тут же подключился по другому каналу и сообщил:

— Ситуация, насколько я понимаю, капитан такова: некоторые существа все еще нам не доверяют. Наш тяжелый металлический корабль многим из них слишком напоминает берсеркера и это сходство заставляет их думать, что мы союзники берсеркеров.

«Как будто Искатель слышал предостережения Бенковича, несмотря на закрытый канал межсвязи»,— подумал капитан.

— Они боятся наших полей и считают, что мы пытаемся их поймать в ловушку,— продолжал Кармпэн.— Это их настораживает — так поступают и сами берсеркеры.

— Поймать в ловушку, говоришь? Но ты же знаешь, что это наши ответные действия. Мы тоже подумали, что они против нас.

— Я уже послал им эту мысль, капитан.

— Как ты думаешь, Искатель? Они заслуживают доверия.

— Думаю, да. Не похоже, чтобы я ошибался. Хотя ничего нельзя исключать.

— Отлично. Это все, что я хотел знать. Мой следующий вопрос: можем ли мы договориться и разъединить поля? Если они уберут свои, мы сделаем то же самое.

— Я попытаюсь убедить их.

Корабль дрейфовал. Время шло. Искатель снова заговорил. Связь с существами в туманной среде происходила долго, но, кажется, дело сдвинулось с мертвой точки.

— Как они себя называют? — задал вопрос Доминго Искателю.

— Их зовут... нет, не могу найти подходящего слова, обращайся к ним как хочешь, а я постараюсь перевести.— Искатель помолчал немного, затем добавил: — Они спрашивают, что нам известно о берсеркерах.

— Я буду только рад обменяться информацией на эту тему. Буду очень рад. Обязательно скажи им об этом.

На этот раз по межсвязи заговорил Искандер. Он не совсем доверял пришельцам и, подобно Бенковичу, подозревал, что это или «гудлайфы» или разведчики берсеркеров. Он напомнил капитану о биологических исследованиях врага, о которых они сами узнали совсем недавно.

Доминго слушал его, но не совсем верил тому, что говорил Спэнс. Он знал, что есть «гудлайфы», даже может быть в каждой человеческой формации, но никогда прежде с ними не сталкивался и не мог допустить, что какое-либо живое существо согласиться быть слугой берсеркеров.

— Ты сказал, что пришельцы за бортом стали такими, как сейчас, совсем недавно,— обратился Бейза к

Искателю.— Но как это понять? Недавно — это сколько?

— Трудно определить. Я только могу сказать, что это короткий отрезок времени — ну что-то вроде одной человеческой жизни.

— Не обижайся, Искатель. Но это звучит неправдоподобно. Я имею в виду, как могут они думать, если их мозги представляют пустоту? А потом разве можно за такое короткое время развития создать свой язык? И сколько длится их жизнь?

— Ты не удивлялся и не находил бы это столь неправдоподобным, если бы знал больше о законах Галактики — был резкий ответ.

— Хм! — растерянный Искандер замолчал.

— Но я допускаю, что моя оценка эволюционного времени не совсем точная, так как я могу определить время только по их собственному восприятию: так как оно существует в их сознании. А если быть точнее, догадываюсь потому что мне довольно трудно перевести их временные рамки в ваши.

Обстановка стала более спокойной и Симеон подумал, что неплохо бы вернуться в каюту, чтобы одеться как следует. Но чувство долга взяло верх и он остался на боевом посту.

Через несколько минут произошел еще один всплеск тревоги. На борту снова появилось несколько непрошеных пришельцев. Доминго увидел одного из них. На расстоянии примерно метра от своего лица. Перед приборами, вдруг, возникло серое призрачное видение. Это можно было сравнить с легкой тепловой волной. Существо возникло и мгновенно исчезло — Доминго даже не успел отреагировать.

Бортовые генераторы полей продолжали работать. Создаваемые поля действовали на пришельцев по-разному: одни замедляли или искажали их движения, другие — вызывали явный дискомфорт. Ряд полей воздвигали препятствия, преодолеть которые пришельцам было явно не под силу. Конечно, желательно было бы обеспечить такой барьер на всем корабле, но задача эта была весьма трудной при имеющемся оборудовании.

Тем временем, пришельцы продолжали исследовать «Пэрл».

— Искатель, скажи им, чтобы убрались с нашего корабля.

— Я попрошу их, капитан. Думаю, что не тоит им приказывать.

— Согласен. Но только, если они в состоянии понимать просьбу. В противном случае, я найду способ превратить ее в приказ.

Искатель, похоже, нашел самый эффективный способ уговорить их, так как посетители немедленно удалились.

Люди на борту «Пэрла» придумали имя возникающим как бы ниоткуда пришельцам — «Туманчики» и с недоумением размышляли, как могли эти существа, намного моложе, чем человечество, пройти такой большой путь развития за предельно короткий срок.

Доминго же волновала другая проблема. Вопреки мнению Искателя, он не мог не учитывать предостережения Искандера и Спэнса. В конце концов не исключено, что эти самые «Туманчики» — создания берсеркеров для борьбы с человечеством.

Другие тоже допускали такую возможность, но:

«Как могли берсеркеры создать такую сложную форму жизни»,— думали они. Это не под силу даже человеку. А ведь он знает биологию лучше, чем эти проклятые машины».

Через Кармпэна пришельцы снова высказали подозрение: слишком много, по их мнению, общего между крепким, металлическим «Пэрлом» и берсекерами. На что Искатель возразил, что есть одно, очень существенное различие между ними: на «Пэрле» много человеческих жизней, в то время как на берсеркерах — такое бывает крайне редко.

Другой отличительный фактор состоит в том, что корабль с человеком на борту во время своих полетов никогда не наносит вреда скоплению любых форм жизни в туманности. Но пришельцы возразили, что это не ответ по существу.

Прошел долгий, нескончаемый час. К этому времени Доминго и его людям стало ясно, что пришельцы имеют более скоростные возможности для перемещения в туманной среде, по сравнению с людьми, потомками земли и даже по сравнению с берсеркерами. Кроме того, «Туманчики», благодаря своей способности обнаруживать малейшие пустотные щели в бурлящей Туманности, могут проникать на любой корабль без наличия люков или какого-либо входа.

Они сообщили Искателю, что точно так же могут проникать и на берсеркеры, правда, при условии, что последние их не заметят... Однако, теперь берсеркеры

знают об их существовании и на такие проникновения дают отпор.

— Капитан. Если «Туманчики» могут разбить берсеркер, значит они могут разбить и нас.

Но Доминго не терял присутствия духа.

— Я уже думал об этом, Искандер... Продолжай, Искатель...

— Неодушевленный металлический убийца,— рассказывал далее Кармпэн,— потеряв несколько своих кораблей, тут же принял контрмеры и создал не только эффективные поля-барьеры, но так же и поля-убийцы против «Туманчиков». Правда, последние действуют только на коротком расстоянии, поэтому берсеркерам не слишком сопутствует удача при охоте и уничтожении «Туманчиков».

Открытие новой разумной формации человечества в Галактике — это одно из самых редких событий в истории Вселенной. Даже при наличии стольких нерешенных проблем, люди на борту были поражены этим.

Все, кроме Доминго. Он, похоже, воспринял все, как должное. Он больше думал о том, повысит ли сотрудничество с пришельцами его шансы в погоне за «Левиафаном».

Капитан, надеясь на то, что сможет получить значительное подкрепление со стороны «Туманчиков» в борьбе против своего смертельного врага, попросил Кармпэна выяснить у них все, что те знают о берсеркерах.

— Спроси у них, знают ли они некоего неодушевленного-металлического убийцу по имени «Левиафан»?

После непродолжительного молчания, Искатель был готов дать ответ.

— Знают и даже дали специальное имя для «Голубой смерти».

Кармпэн перевел это название на язык потомков землян и получилось «Неодушевленный металл — несущий смерть».

ГЛАВА 19

— Среди этих «Туманчиков»,— сказал Искатель есть один, разум которого открыт для меня более других, от него я получаю в основном информацию.

— Я думаю, что это именно то, что нам надо. Как ты обращаешься к нему? Или как ты должен обращаться к нему или к ней?

— Мне трудно сказать, есть ли имена у «Туманчиков». Но, кажется, ты попал в точку, черты женственности угадываются.

Симеон недоумевал, как Кармпэн мог определить пол существа, принадлежащего человеческой формации, с которой он никогда прежде не сталкивался.

— Ты считаешь — это своего рода лидер среди них, да? — спросил Доминго.

— Уверен, что лидеров они имеют,— ответил Искатель, раздумывая,— но я не думаю, что она принадлежит к их числу.

Капитан задумался. В конце концов это не так важно было для Доминго, как обращаться к собеседнику, вежливость хорошо было бы соблюсти, но в данной ситуации важнее другое.

— Давайте назовем своего собеседника «Сникером», хотя бы между собой. Если она даже и не является лидером, то, несомненно, находится в тесном контакте с ним.

— Как ты думаешь,— вмешался Симеон,— они нам тоже придумывают имена?

— Если и придумывают, то, наверное, такие, о которых не хотелось бы и знать,— сказала Брэнвен.

Остальных на борту корабля эта тема мало волновала, им хотелось поскорее выпутаться из ситуации.

Кармпэн, вероятно, воздержался от ответа, потому что был подключен к другому каналу.

— Я задам им еще несколько вопросов относительно «Левиафана»,— сказал он Доминго.— К сожалению, у них нет данных о нем, полезных для нас. Но... Подожди... они еще что-то, кажется, хотят сказать. Уверен, тебя это обрадует, капитан,— после этого Искатель замолчал на некоторое время, а затем объявил, что получил от призрачных существ предложение для капитана.

«Туманчиков» особенно беспокоит «что-то», очень напоминающее объект берсеркеров. Если люди внутри тяжеловесного «Пэрла» помогут им уничтожить берсеркеров, то «Сникер» и те, кто с ней, будут вечно благодарны,— заключил Искатель,— именно так я воспринимаю то, что они пытаются мне передать.

— Ты сказал «другой объект?» Что это может быть? Боевая машина? Или база?

— Мысль, которую они мне передают не совсем ясна, капитан. Они не выяснили пока, что это за объект, но точно знают, что он опасен и вредоносен для них.

— Где находится? Каков он? Можешь ли ты расспросить их более подробно?

— К сожалению, нет. Сообщение доходит до меня именно так — смутно и неясно.

— Очень хорошо,— капитан не медля принял решение.— Мы поможем, если сможем. Скажи им, что я принимаю их предложение.

— Попробую.

— Если я смогу им помочь. Я сделаю это, но при условии, что и они окажут мне встречную помощь. Мне тоже нужны союзники для выполнения моей цели. Мы должны помочь друг другу, но тебе не обязательно говорить им обо всем.

— Думаю, что я понял твою позицию, капитан. Попробую, чтобы это дошло и до них.

Переводчик некоторое время молчал, а затем объявил:

— Они совещаются сейчас, капитан. Не сомневаюсь, что скоро будут готовы вести нас к объекту «берсеркера».

— Как далеко он находится от нас? Хотя... неважно. Откуда тебе знать?

— Ты прав.

В разговор неожиданно вмешался Бенкович.

— Может быть прежде, чем последовать за ними, нам тоже посоветоваться, пока у нас еще есть такая возможность?

— Посоветоваться о чем? — жестко спросил Доминго.

— Капитан, я знаю, что подписал контракт и готов следовать ему. Но с тех пор обстановка изменилась и появилось много нового. Я имею в виду столкновение с этими новыми... людьми, что ли или кто они там? Это меняет все. Теперь у нас новая игра — значит и другие правила. Мы не можем проигнорировать это и продолжать все так и дальше, будто ничего не произошло.

— Ничего у нас не изменилось. Задача остается прежней. Но давай выкладывай какие твои предложения?

— Я предлагаю следующее. Мы должны предпринять все меры, чтобы связаться с космическими силами.

Речь идет не о каком-то маленьком берсеркере или о встрече с какой-то планетойдой. Речь идет о чем-то важном. Я имею в виду столкновение с новой, до сих пор неизвестной человеческой формацией, живущей в туманности. Но аргументы не произвели какого-либо впечатления на Доминго.

— Ну и как ты предполагаешь сообщить эти чудесные новости? Мы не знаем, где искать Геннадиуса с его флотом. Может нам проделать огромный путь назад и снова вернуться на базу? А я собираюсь помочь этим людям, а не гоняться за командиром.

Бенкович что-то промямлил в ответ, было ясно, что ясного и четкого ответа у него нет.

«Бенкович намеревается прервать свой контракт — вдруг подумал Симеон,— он хочет, чтобы мы прибыли на любую планету, чтобы остаться там, даже если придется вернуть полученные деньги. Почему сейчас? И так, вдруг? Почему? Бенкович может выдержать все. Все, кроме одного. Ему невыносима мысль, что на борту одна единственная хорошенькая женщина и та принадлежит другому».

Тем временем Доминго продолжал:

— Допустим, мы отправимся искать Геннадиуса. Каковы наши шансы снова найти сюда дорогу и связаться с этими существами? Какую территорию они обживают, Искатель?

— Я еще не знаю этого,— покачал головой Кармпэн.

— Мы можем выслать курьера,— предложила Брэнвен.

На борту «Пэрла» все еще находились оба курьера, взятых в полет на всякий случай.

— Не стоит,— сказал капитан, после продолжительного раздумья.— Может быть, позже они нам будут более нужны.

Впечатление было такое, будто Доминго по-прежнему не хотел присоединения космических сил к его охоте на «Левиафана».

— Наши проводники сообщили, что готовы указать нам путь к объекту берсеркера, капитан. Их готовность и даже нетерпение слишком очевидны для меня.

— А как насчет правдивости их намерений? Заслуживают ли они доверия? — с сомнением спросил Искандер.

— Как уже говорил прежде, я не думаю, что они

лгут мне. Более того, я не могу ничего сказать. Мне жаль. Их разум слишком новый и чуждый мне. Но именно так я воспринимаю их мысли.

— Они не могут быть более нетерпеливы, чем я,— вернул разговор в прежнее русло Доминго.— Я хочу узнать все о том «объекте». Пусть ведут нас к нему. Скажи им об этом, Искатель.

Несколько секунд все оставалось без изменений. Затем пространство вокруг «Пэрла» стало чистым и существа, которые только что роем кишели около корабля, куда-то исчезли, будто растворились.

— Куда же они делись? — удивился капитан. Он прижал ко лбу управляющий обрез и настроил электронные приборы видения, чтобы увеличить уже имеющееся изображение...— А вот и они...

Доминго послал «Пэрл» вперед и началось путешествие команды через Туманность под предводительством существ новой человеческой формации.

На борту «Пэрла» пока сохранялась обычная обстановка: трое дежурили на своих постах, трое отдыхали.

Симеон, наконец, вернулся в свою каюту, чтобы привести себя в порядок. Путешествие длилось несколько дней, вымотало.

Постепенно по мере стихания шторма, люди на борту «Пэрла» стали делать попытки определить свое местонахождение в Милкпейле. Проводники двигались группками впереди и всегда оставались в поле зрения Доминго. Они неустанно устремлялись вперед, уверенные в том, что тяжелый корабль будет следовать за ними. На борту «Пэрла» вдруг кто-то неожиданно назвал эти существа «Космическими жильцами» и это имя сразу было всеми принято, как альтернативный вариант «Туманчикам».

Искатель несколько раз напоминал о нетерпеливости проводников, но тем не менее «Космические жильцы» часто останавливались, правда, через определенные интервалы. В это время их можно было увидеть на «грядках» микрожизни — вероятно здесь они питались, набирая сил.

— «Сникер» меня спрашивает, почему мы не выходим из корабля в пространство, чтобы поесть, раз мы утверждаем, что являемся живыми существами. Я пытался объяснить, что наша пища такая тяжелая и плотная, как мы сами. Но сомневаюсь, что мне поверили,— сказал Искатель.

Другие члены команды на борту «Пэрла», в частности, Гэлуей и Бейза, часто проводили свободное время, размышляя и пытаясь определить по какому эволюционному пути могли развиться такие создания, которые порхают вокруг них. Бенкович тоже заводил беседы, но его волновал другой аспект этой проблемы. Его интересовала их репродуктивная система. В группе проводников, похоже становилось все больше этих существ. Конечно, самым вероятным объяснением этому, по человеческим меркам, могло быть следующее: по пути к «объекту» к группе все больше и больше присоединялось «Туманчиков». Но никто на борту не видел, чтобы кто-то приблизился или присоединился к ним.

После нескольких дней спокойного путешествия, Искатель объявил, что скоро должно завершиться и добавил, поведение призрачных существ дает ему основание полагать, что место их назначения уже совсем близко.

У руля управления сидела Брэнвен.

— Мы приближаемся к какой-то системе, капитан,— сказала она.— Мне кажется, что она занесена на космическую карту.

Отрываясь от своих розовых снов об Изабель и возвращаясь к горькой действительности, Доминго взглянул на детекторы и увидел перед собой белое солнце. Вероятно, это была не крупная звезда, занимающая нижние ступени в квалификации звездных величин.

— Я могу прямо сейчас поспорить,— встрепенулся Искандер,— что этой звезды нет на карте.

Предположение оказалось верным. Впереди сияющее скромных размеров солнце не принадлежало ни к одной из до сих пор известных систем в Туманности. Но это никого не удивило. Все знали, что в пределах Милкпейла имеется множество звезд еще не известных и не обозначенных на космической карте.

Через рассеивающийся туман появился ядерный свет звезды, который с приближением становился все ярче и ярче. Одновременно снижалась и скорость полета, до тех пор, пока проводники «Пэрла» и сам корабль почти не остановились полностью.

Впереди сияющая звезда не была частью двойной или более сложной системы. «Пэрл» дрейфовал на краю огромного сферического региона диаметром в биллион километров, центром которого была маленькая белая звезда. Давление излучения, исходящего от звезды,

рассеивало окружающий тонкий слой туманной материи. Само по себе это явление не удивительно. Около половины звезд в Милкпейле, за исключением тех, которые имеют колонии, заселенные землянами, были окружены такими же участками чистого без тумана пространства. Вокруг этой звезды двигалось по своим орбитам гораздо больше планет небольших размеров, чем вокруг большинства других звезд в туманности. В пределах огромного региона из чистого пространства двигалось по орбитам по крайней мере два кольца из меньших планетойд. Последние представляли собой осколки нескольких разрушенных прежде планет. Эти протомиры, будучи еще целыми, намного превосходили по размерам обычные, заселенные землянами, планетойды.

Внутреннее кольцо планетойд в отличие от наружного вращалось против часовой стрелки и люди на борту «Пэрла» выдвинули своеобразную гипотезу. По их предположениям здесь возможно когда-то две крупные планеты вращались по своим орбирам навстречу друг другу и в один прекрасный день столкнулись, после чего и образовалось множество мелких планетойд. Похоже, в настоящее время в системе часто наблюдается множество таких, но уже меньших размеров, коллизий. Они, коллизии, образовались не на долго, если считать по астрономическому времени. Но надо сказать, что согласно звездной хронологии ни одна солнечная система в пределах Милкпейла не была долгоживущей.

Между тем «Туманчики» продолжали медленно, медленно двигаться вперед, ведя за собой корабль. Они приближались к звезде, замедляя ход. Для Симеона такое постоянное снижение скорости было знаком того, что следует удвоить осторожность.

Рост «космических жильцов» и корабль с людьми на борту приблизились к самому краю чистого пространства, окружавшего звезду. Как бы в подтверждение предчувствий Симеона Кармпэн доложил о сомнениях, нерешительности и разногласиях, возникших в рядах их проводников.

— Попроси их остановиться, Искатель,— приказал Доминго.— Я считаю, что мы все должны посоветоваться, прежде чем что-то предпринять.

Кармпэн каким-то образом передал это сообщение вперед.

Через несколько минут медленно продвигающийся рой остановился и корабль догнал его. Через Карм-

пэна «Туманчики» передали, что «объект» берсеркера находится здесь в этой системе, на одной из самых больших планетоид, вращающихся вокруг солнца.

Эта планетойда располагается в чистом пространстве между внешним и внутренним кольцом достаточно близко к солнцу. Здесь, на этом небесном теле, неодушевленные металлические убийцы установили «нечто» и если люди на борту «Пэрла» хотят выяснить для себя, что это из себя представляет, то им надлежит отправиться туда и самим изучить обстановку. Они предупредили, что там всех прибывших и в особенности «Космических жильцов» везде подстерегает опасность, поэтому сами они туда не пойдут.

— Если «нечто» построено внутри скалы, то скорее всего, это чертова база,— голос Доминго дрожал от возбуждения.

Брэнвен почти физически ощутила как «слышит» его мысли, о том, что теперь, вероятно, секрет ремонта и эксплуатации «Левиафана» почти у него в руках.

Люди на борту «Пэрла», получив через Кармпэна информацию о точном расположении базы берсеркера, теперь переключились на слежение за ней со своего достаточно далекого наблюдательного пункта.

В начале их старания были напрасными, но Доминго решил не терять времени зря и посвятил несколько часов тщательному изучению всей системы, насколько было возможно отсюда, с этой позиции.

Доминго считал, что первоначальный неуспех в обнаружении базы совсем не значит, что их проводники ошиблись или сознательно обманули. Любая база в системе, как правило, комуфлируется, прячется в скале. Однако, можно обнаружить движение ракет, кораблей туда и обратно, даже если оно будет не частым, но, правда, на все это трёбуется время.

С места, где «Пэрл» пассивно дрейфовал, трудно было обнаружить корабли или какие-либо их следы.

Постепенно, шаг за шагом, Доминго приближал свой корабль к солнцу и к орбите и планетойде на внутреннем кольце, где по мнению «Туманчиков» была спрятана база. Одновременно капитан принимал все меры предосторожности, чтобы насколько возможно спрятать «Пэрл» за лучами электрически активных частиц, которых здесь было в достаточном количестве. Обширный водоворот частиц обеспечивал, в некотором роде защитную завесу кораблю, но одновременно и затруднял

просмотр окружающей среды. После неоднократных усилий, приборы, наконец, подтвердили наличие базы на одной из планетойд внутреннего кольца. Еще одним фактором, указывающим на присутствие базы явилось обнаружение остатков следов, оставленных кораблями на внешнем кольце планетойд по периметру чистого пространства. И, наконец, на приборах были зарегистрированы слабые радиосигналы.

Искандер выдвинул предположение:

— Нам следует выпустить летательный аппарат, он намного меньше и нам проще будет подобраться к солнцу, не обнаружив себя.

Позднее Кармпэн сообщил, как «Туманчики» были чрезвычайно удивлены, увидев как открылся шлюз «Пэрла» и оттуда появился летательный аппарат. Доминго решил сам управлять аппаратом, а в помощники выбрал Брэнвен и Симеона. Аппарат преодолел тонкую завесу — маскировку и подобрался к солнцу еще ближе, входя через внешнее кольцо системы в полосу, содержащую пыль и достаточно крупные осколки, позволяющие противостоять радиации. Маленький аппарат дрейфовал в течение часа в кольцевом районе, где плотность на планетойдах была равна массе в один грамм на сотню кубических километров. Летящие на борту люди не теряли ни минуты и постоянно проводили исследования и делали записи.

Этот наблюдательный пункт был удобным и позволил им составить наиболее полную картину планетоиды, на которой по их мнению, располагалась база берсеркера. Проведенные исследования и собранные данные окончательно подтвердили предположение «Туманчиков».

Здесь, действительно, была база. Однако, похоже, она была не очень крупная и вряд ли, предназначалась для постройки или ремонта крупных боевых машин. Кроме того, Доминго не заметил, чтобы здесь были какие-либо мобильные космические установки, и что очень важно, похоже, здесь не было никакой связи между этой базой и «Голубой смертью». Хотя с другой стороны, такая связь могла иметь место и не исключена возможность, что «Левиафан» здесь тоже побывал. После часа усиленного сбора данных, люди на борту аппарата решили, что увидели достаточно. Они покинули данную орбиту вокруг солнца и вернулись туда, откуда можно было просигнализировать «Пэрлу», не боясь быть обнаруженным. Эта операция, проделанная с

соблюдением повышенной предосторожности, заняла еще один час. «Пэрл» в результате умелых маневров приблизился к аппарату и взял его на борт.

Позже, собравшись на борту, все приступили к изучению и анализу полученной информации. Кто-то из присутствующих высказал мнение, что есть много общего в структуре этой базы и той разрушительной лаборатории, на которой они уже раньше побывали. Когда были настроены крупные телескопы «Пэрла» это предположение получило свое подтверждение. Единственной, бросающейся в глаза разницей между ними было то, что теперешняя база не имела следов боевых повреждений. С этого расстояния Доминго не удалось обнаружить ни одного орудия, но он не сомневался, что база имела определенные виды оружия, хотя бы, с целью своей защиты. Доминго пытался разгадать загадку: почему враг выбрал именно это место для создания базы? Вероятно, прежде всего, потому что оно расположено вдали от космической трассы, и здесь возможность обнаружения ее землянами сокращается до минимума. Во-вторых, кто-то на борту предположил, это место, свободное от тумана благодаря давлению излучения, является идеальной лабораторией для биологических исследований.

Обсуждение, вдруг, резко прервал поступивший сигнал тревоги. Приборы зарегистрировали небольшой всплеск активности на биолаборатории или вблизи ее. Это указывало на то, что, вероятно, оттуда были выпущена ракета или робот-курьер. Но в любом случае, эти высланные установки не были направлены против «Пэрла». Вполне возможно, что база, обнаружив присутствие корабля с человеком на борту и опасаясь нападения с его стороны, решила отправить сообщение своим механическим союзникам, кем бы они ни были, с призывом о помощи. «Туманчики» через Кармпэна подтвердили эту догадку и сообщили, что только что с планетоиды на высокой скорости вылетела маленькая неодушевленная металлическая установка. Курьер, если это был он, наверное, уже покинул систему и бороздит просторы туманности с просьбой о помощи.

Похоже времени не осталось и нельзя было терять ни минуты. Доминго с помощью Кармпэна разработал совместно с «Туманчиками» план дальнейших действий. Затем капитан поспешно собрал всю команду и подго-

товил «Пэрл» в случае чего к нападению.

Его цель была обезвредить лабораторию, лишить ее возможности действовать, но в то же время не прибегая к ее полному разрушению.

ГЛАВА 20

Доминго был полон решимости. Времени на разработку плана атаки затрачено было минимально. Все работали четко, слажено. Симеон даже подумал, что в такой ситуации ни у кого не оставалось времени задуматься о том, что же их ждет дальше. Страх отступал. Но лично к нему это не относилось. Симеон погружался в страх и никак не мог отогнать от себя мысли о неизбежности какой-то чудовищной развязки.

Капитан разработал и согласовал план совместных боевых действий корабля и «Туманчиков» и, через переводчика, стал ждать сигнала к наступлению.

Когда Искатель сообщил, что Кармпэны построены к атаке, «Пэрл» с командой на борту взял курс на вражескую базу. Все члены команды находились на своих боевых постах, мысленно готовя себя к предстоящей схватке. Выйдя из укрытия, «Пэрл» стремительно приближался к враждебной планетойде.

«Космические жильцы» испытывали страх и волнение при приближении к базе берсеркера, но надежда на победу подбадривала их чувства. Теперь они были готовы броситься своими призрачными телами против любого поля-барьера, воздвигнутого берсеркерами.

Как только «Пэрл» вышел из завесы, но еще находился на расстоянии в сотни миллионов километров от базы берсеркера, по нему открыли огонь.

Огненный шквал был не такой мощный, как следовало ожидать. Защита корабля устояла, но команде казалось, что они находятся внутри металлической комнаты или бочки, по которой колотят огромными молотками.

Симеону никогда прежде не приходилось быть в эпицентре такой интенсивной огневой атаки. Подавляя страх, он сжал зубы и продолжал выполнять свою работу.

Когда капитан достиг нужного расстояния между

«Пэрлом» и базой, он спокойно приказал открыть ответный огонь. Вначале были выпущены ракеты. Доминго рассчитал так, что они достигли цели одновременно с более быстрыми разрушительными лучами, отправленными несколько позже.

Результаты первого нападения стали известны через несколько секунд, когда на приборах корабля появилось изображение удара.

Тяжелый обстрел с корабля не смог сразу уничтожить защитные поля станции берсеркера, но ему удалось разорвать эти преграды и очистить дорогу для проникновения «Туманчиков» на базу.

Кармпэн сообщил капитану, что восторженные крики победы издают «Космические жильцы».

Приборы «Пэрла» были не в состоянии обнаружить призрачный рой «Туманчиков», но Искатель успокоил всех, сообщив о том, что толпы этих существ проникли на базу через твердую скалу и металлические стены.

Попав вовнутрь «Космические жильцы», согласно докладу Искателя; немедленно приступили к уничтожению основных разрушительных снарядов, которые располагались именно на участке, намеченном Доминго.

Корабль быстро приближался к противнику. Спустя несколько минут Кармпэн передал еще одно известие, на этот раз неожиданное для всех членов команды.

— Капитан. Спикер сообщила, что на базе найден пленник. Это один из представителей наших союзников и, вероятно, он содержался там долгое, неопределенное время. Она признается, что эта атака была предпринята ими с целью освободить своего соплеменника.

— Понятно! Но они почему-то не удосужились сообщить нам об этом раньше,— сказал Доминго.

Однако, похоже, он не испытал удивления или досады. На данном этапе его больше занимала мысль о решениях, которые ему предстоит принять в ближайшую минуту-две.

— Какого черта, как берсеркер сумел удержать такое существо в пленниках? Я бы хотел разгадать эту хитрость,— только и ответил он.

— Здесь речь идет о создании специальных силовых полей. Я уверен, что ты узнаешь секрет их создания, если только выживешь в этом бою. С этим связан и захват заложника.

Симеон, затаив дыхание, подумал, что его личные шансы увеличиваются, так как база берсеркера, вряд ли,

сможет успешно отразить атаку с двух сторон. Пока на базе, собрав силы, пытаются подавить вторжение «Туманчиков», ей не удается справиться с огнем, летящим сверху, с борта «Пэрла».

Доминго продолжал свою работу. Он подбирал наиболее подходящие виды оружия, подавая команды для открытия огня, а затем по приборам изучая результаты.

База берсеркера все еще сопротивлялась, отстреливаясь, но ее ответный огонь с каждой минутой ослабевал.

После еще нескольких обменов ракетами и лучевыми снарядами враг, наконец, был окончательно сломлен. «Пэрл» подошел к ней еще ближе.

За этим последовало несколько секунд относительного затишья и Искатель доложил о положении «Туманчиков».

Пленника они уже освободили. Тот, будучи в плену, подвергался ужасным испытаниям, и Кармпэн считал, что он или она находится на грани жизни и смерти, подозревали даже сумасшествие.

Далее Кармпэн сообщил, что их атака завершилась успешно, а основные орудия базы с разрушительными снарядами полностью выведены из строя.

После этого «Пэрл» снова приблизился к врагу. Выяснилось, что последняя защитная завеса базы сметена. Орудия на борту «Пэрла» еще раз прочесали базу по периметру, но ответного удара не последовало.

Оружие на объекте было уничтожено, в то время как на корабле оно оставалось целым и невредимым и выглядело довольно внушительно.

Доминго приказал закончить обстрел. Несколько минут спустя «Пэрл» уже приближался к летающим внизу руинам. Капитан сообщил, что собирается высадиться на базу противника, чтобы собрать дополнительную информацию, которая возможно, явится ключом к разгадке местонахождения «Левиафана». Он спросил, есть ли добровольцы, пойти с ним.

Последовало молчание. Симеон пытался подавить истерический смех, который после пережитого вот-вот мог начаться.

Наконец Брэнвен и Искандер вызвались сопровождать капитана. В предпринимаемой экспедиции была пугающая, на грани безумия, новизна и женщина не смогла устоять перед этим. Кроме того, думала она,

если ей удастся узнать какие-либо секреты о Доминго, то ее решение будет стоить того.

Доминго же решил, что теперь, когда враг повержен, наступил удобный случай проверить свою технику быстрого абордажа.

«Пэрл» приблизился к базе вплотную, увернувшись в последнюю минуту, чтобы избежать столкновения с металлическим врагом.

Затем открылись шлюзы корабля и оттуда, словно камень, выпущенный из рогатки, вылетел небольшой металлический аппарат с тремя членами экипажа на борту. Суть этой операции заключалась в том, чтобы сократить до минимума время нахождения аппарата в открытом пространстве и тем самым свести на нет риск его обстрела. Но эта предосторожность оказалась излишней. Обстрела не последовало, по одной простой причине: врагу нечем было стрелять.

Когда приблизились вплотную к поверхности, Доминго включил автопилот и оставил аппарат парить, на случай, если потребуется поспешное отступление.

Затем все трое, взяв оружие и взрывчатку, оставили аппарат и быстро спустились на поверхность, которая все еще светилась и тлела после недавней бомбардировки.

Защищенные скафандрами они быстро приблизились к внешнему крепостному валу и перелезли через него. Внутри было много перегородок, перекрытий, обезображенных после такой разрушительной атаки.

Они хотели быть уверены, что за ними останется свободный и неблокированный путь назад после того, как они соберут всю необходимую информацию.

База берсеркеров была выведена из строя, или там не успели саморазрушиться — даже не смогли уничтожить свои центральные компьютерные установки. Не успели уничтожить и своего пленника. Но некоторые мелкие установки продолжали работать и попытались потревожить пришельцев. Однако, их не составляло труда уничтожить.

К Доминго приблизилась группа «Туманчиков», с ними был и пленник. Через несколько мгновений они удалились и вырвались на свободу.

— До свидания, и может быть, навсегда,— игриво помахал им вслед рукой Искандер, он оставался самим собой и, как всегда, находил забавное в любой ситуации.

Эта база была не столь крупной, а ее подземная

часть не столь оснащенной, как того ожидала команда Доминго. В их поле зрения не попала ни одна крупная пристань, что наводило на мысль о том, что база не могла служить местом для ремонта и создания даже небольших боевых машин, тем более для «Левиафана» и других крупных убийц его класса.

Но как только они спустились в глубокое подземелье, перед ними предстало помещение очень напоминающее лабораторию по биоисследованиям. Она оставалась в целости и невредимости, похоже, не была совсем повреждена. Как и в предыдущей лаборатории, которую они недавно посетили, здесь имелось множество генераторов полей сложной конструкции. Несомненно, с помощью этих устройств были созданы стены и перекладины, за которыми был заключен пленный «Туманчик», и где над ним ставились опыты и эксперименты.

После долгих поисков команда нашла, наконец, то, что, по их мнению, являлось центральным мозгом базы.

— Здесь немало интересных банков данных, капитан.

После этого Искандер замолчал и выглядел уставшим, будто силы вот-вот оставят его.

Собираясь в путь Доминго прихватил с собой небольшой компьютер, который позволял расшифровать большинство систем памяти, принадлежащих берсеркерам. Доминго потратил львиную долю своего состояния на эту покупку. Он подключил кабель к устройству памяти, а затем саму систему к своему управляющему обручу. Сконцентрировавшись, он начал считывание, а два его товарища стояли рядом в молчаливом ожидании.

— Это устройство...— сказал, наконец, капитан и замолчал. Несколько минут спустя снова заговорил.

— Вот чем они занимались в этой лаборатории... машины здесь пытались найти и создать самый эффективный способ уничтожения человеческой жизни.

Остальные стояли молча, ожидая продолжения разговора.

— Похоже, что для этого они собирались использовать живые существа из потомков землян и создать из них смертоносную форму уничтожения жизни.

Тем временем на борту «Пэрла» события развивались.

— Немедленно передай им это по радио,— сказал Симеон.

— Хорошо. Так передать само сообщение? — спросил Бенкович. Он выглядел очень уставшим.

— Если надо, отправь открытым текстом. Сообщи им, что наши детекторы обнаружили объект на расстоянии двухсот миллионов километров от нас, который напоминает зубчатую клетку для птиц... и на ней изображен череп. Скажи, что за ним тянется целый шлейф из голубого пламени. Это — «Левиафан» — без сомнения.

ГЛАВА 21

Как только было получено сообщение с «Пэрла», Брэнвен сорвалась с места. Но не успела она сделать и первого шага, как Доминго, опередив ее, рванулся к аппарату. Искандер бежал следом.

Всего лишь минуту назад Доминго внимательно изучал устройство памяти и остальные приборы, находящиеся на базе, но сообщение о «Левиафане» в одну секунду заставило его забыть обо всем и вся.

Брэнвен, пробегая мимо устройств памяти, машинально прихватила с собой несколько мелких экземпляров для их дальнейшего изучения потом, когда наконец-то все будет позади.

Искандер, услышав сообщение, забыл обо всем на свете. Брэнвен мельком увидела его лицо в шлеме и ее поразил какой-то потусторонний взгляд глаз.

Брэнвен держала под мышкой около полдюжины небольших устройств но во время бега, перепрыгивая через попадающиеся на пути препятствия, теряла их. Она боялась, что отстанет от капитана, который стремительно несся вперед. Он ни разу не оглянулся назад, чтобы проверить поспевают ли за ним его товарищи. Брэнвен даже показалось, что он готов оставить их здесь, если они промедлят. Перед ним стояла одна единственная цель — вернуться на корабль и ринуться в последний решительный бой, уничтожить «Левиафана» и остальное не имело никакого значения.

Все трое бежали из подземелья наверх со скоростью, с максимальной скоростью возможной гравитации. Перескакивая через препятствия, перебегая от одной перегородки к другой, они стремились вперед, пытаясь не ошибиться и найти правильный выход.

До летательного аппарата оставалось буквально

несколько метров. Вдруг на них стала опрокидываться плита внушительных размеров. Вероятно, умирающий мозг уничтоженного берсеркера еще пытался защищаться. Но благодаря низкой гравитации люди сумели увернуться и благополучно избежать встречи с падающей махиной. Металлическая глыба с грохотом ударилась о землю, прямо за их спиной.

Через несколько минут все трое вырвались на открытое пространство. Брэнвен по-прежнему крепко прижимала к себе оставшиеся, может быть уже и не нужные, устройства. Она считала себя физически хорошо подготовленной для таких бросков и не раз попадала в экстремальные ситуации, но даже ей трудно было поспевать за мужчинами.

Искандер бежал впереди и только один раз оглянулся, чтобы убедиться: не отстала ли она?

Доминго не оглянулся ни разу.

Все трое стремительно бежали по все еще излучающей тепло поверхности планетойды, перепрыгивая через препятствия. Окружающий ландшафт представлял мрачное зрелище: каменная поверхность, по которой тянулись длинные тени и абсолютно белый свет маленького ближнего солнца. А над всем этим небо, лишенное звезд, только облака виднелись вдали.

Вдруг на небосклоне показалась одинокая, искусственная звездочка. Она приближалась к бегущим и становилась все ярче и ярче. Это их аппарат, который до сих пор стоял на автопилоте и маневрировал неподалеку. Но в ответ на радиосигнал Доминго аппарат начал быстро спускаться к их местонахождению.

В это время Брэнвен ощутила, что рядом что-то движется. Пока лишь интуитивно. Но нет. «Туманчики» действительно были здесь. Она считала, что их союзники вместе со своим пленником уже давно улетели прочь, но, почувствовав их присутствие, успокоилась. К бегущим в скафандрах людям присоединились две мерцающие группы призрачных существ. Они как бы хотели показать, что им как союзникам, рано пока покидать поле битвы. Брэнвен подумала, что в этом бесформенном скоплении, может быть, находится «Спикер», но им без Кармпэна этого не узнать. И она пожалела, что того нет рядом.

«Космические жильцы» летели рядом с бегущими и то появлялись, то исчезали. Их присутствие вселяло надежду, даже при невозможности прямого общения.

К этому времени аппарат коснулся поверхности планетойды и, маневрируя приблизился к Доминго и его товарищам, открылся люк и люди устремились туда.

Уже внутри аппарата Брэнвен дала себе клятву, что как можно скорее, найдет свой способ связи с «Космическими жильцами», она понимала, что нельзя полагаться только на одного Кармпэна для общения с «Туманчиками». Нетрудно предположить, что в будущем могут быть ситуации, в которых такая зависимость может оказаться роковой.

Когда люки были задраены и экипаж обосновался на борту, Доминго сразу же пошел на связь с «Пэрлом». Он успел услышать, как Бенкович пытался определить не являются ли «Туманчики» причиной появления «Левиафана». Этот вопрос он и задал капитану.

— Если это действительно так,— заявил Доминго,— то они заслуживают награды. Надеюсь, ты ведешь «Пэрл» к нам?

— Да, сэр. Я вас подберу через двадцать секунд.

«Пэрл» и аппарат летели навстречу друг другу.

Поднявшись на аппарат, Брэнвен сразу заняла свое место и надела шлем управления. Затем принялась рассматривать небо в иллюминаторе в надежде отыскать следы голубого шлейфа от берсеркера. Но «Левиафан» был слишком далеко и ей не удалось ничего увидеть.

К счастью для Доминго и тех, кто был с ним, «Пэрл» все это время маневрировал совсем рядом с планетойдой и теперь, под управлением Бенковича, быстро приближался к летательному аппарату, чтобы взять его на борт.

Тем временем «Левиафан» начал боевые действия. Он открыл стрельбу с дальнего прицела по «Пэрлу» с целью вывести из строя защитные устройства корабля. Ударная волна из космических частиц и электромагнитных волн сильно ударила по летательному аппарату... По сравнению с этим залпом, огневой обстрел, недавно исходивший от только что поверженной, побежденной базы, показался взрывом хлопушек. Интенсивность удара была такова, что Брэнвен почувствовала его, несмотря на отсутствие атмосферы, передающей движение волны.

В редких перерывах между постоянными радиопереговорами пилотов, неумолимо приближающихся кораблей, Кармпэн, пытаясь вставить обнадеживающие слова, предупредил, что «Туманчики» собираются вызывать огонь на себя в важный и ответственный момент, когда «Пэрл» будет брать летательный аппарат на борт. Они

обещали симулировать нападение на «Левиафана», чтобы отвлечь его внимание, пока люди и аппарат не возвратятся на «Пэрл».

Первой на борт корабля вбежала Брэнвен и сразу же заняла свое боевое место. Она не нашла подходящего места для прихваченных с базы устройств, поэтому положила их рядом с собой.

Доминго прибыл к своему боевому посту как раз вовремя, чтобы перед началом боевых действий, взять бразды управления в свои руки.

Когда капитан подключил свой обруч к шлему, корабль уже мчался на полной скорости, а вокруг гремели выстрелы... По сравнению с оружием, применяемым базой в свою защиту, орудия «Левиафана» были намного сильнее, и как было уже не раз доказано, попадали в цель.

Кармпэн сообщил, что «Туманчики» готовы предпринять атаку. Среди них прошел слух, что появились иные силы, которые проникли в корпус металлического убийцы и пытаются бороться с ним. Далее он сказал, что в ряды «Космических жильцов» вливается новое пополнение и, согласно сообщению Спикера, среди них растет уверенность в победе над своим старым заклятым врагом.

— И моим тоже. Моим — в первую очередь. И я приму любую помощь, откуда бы она ни пришла,— ответил Доминго.

«Пэрл» выдержал первый обстрел врага, ровно как и последовавший за этим мощный удар более тяжелых орудий.

Брэнвен почувствовала какой-то животный страх, что защита корабля выдерживает натиск уже на пределе, почти не имея запаса прочности. Но орудия «Пэрла» тоже не теряли времени зря и открыли ответный огонь, но видимого результата не было видно. «Левиафан» оставался невредимым.

«Пэрл» стал их целью, хотя передвигался быстро, пытаясь стать неуловимым.

Доминго маневрировал кораблем, уводя его подальше от поверженной базы. Минуту или две он лавировал, бросая корабль то внутрь лабиринта планетойды и колец из космической пыли, то из него. Вражеские ракеты преследовали корабль, пытаясь вычислить траекторию полета, однако, Доминго удавалось перехитрить их. Но не это было главным для капитана — он не собирался убегать и накапливать силы для решающего нападения.

По приказу капитана «Пэрл» вновь начал стрелять, но на этот раз на всю боевую мощь. Когда туман вокруг «Голубой смерти» в результате последней бомбардировки частично рассеялся, Доминго к своему огорчению, увидел, что берсеркер, в основном, остался невредим. Он с горечью подумал, что в борьбе против этого мощного врага, новые ракеты и лучевое оружие, на которые он возлагал столько надежд, не совсем оправдывают себя.

Брэнвен же именно в минуты этих боев чувствовала всю прелесть жизни и только ради этого она постоянно возвращалась в космос. Без опасности она не представляла себе жизни.

Вскоре в военных действиях наступило краткое затишье. На приборах уже не было следа «Левиафана». Неужели он улетел из системы? Но нет! Вот снова появилось изображение чего-то вроде причудливой клетки для птицы в окружении голубого сияния. Доминго облегченно вздохнул.

— Он меняет правило игры,— сказал Симеон. Притворяется раненым и обессиленным, чтобы заставить нас преследовать его. Видимо, боится, что мы уйдем, так как понимает, что проиграет, если будет сам охотиться на нас. Мы слишком малы и быстры для него. Поэтому и менее уязвимы.

— Сомневаюсь, что он чего-нибудь боится,— ответил Бенкович.

Естественно не боялся и капитан. Он преследовал врага, выбрав такой угол приближения, при котором сможет маневрировать кораблем в условиях относительной маскировки.

Безжизненная форма поверженной планетойды теперь вырисовывалась недалеко от «Пэрла» и находилась между воюющими сторонами, затрудняя наблюдение друг за другом. Перед Доминго стоял вопрос: как лучше обойти возникшие препятствия?

Как раз в то время, когда все на борту гадали куда повернет капитан в следующую секунду, произошло нечто, повергшее всех в смятение. На дальних детекторах появилось изображение нового корабля, он выходил из-за туч и находился на краю чистого пространства, сзади «Пэрла». Доминго теперь оказался между ним и «Левиафаном».

Что же это могло быть? Может подкрепление, спешащее на помощь берсеркеру?

До сих пор никто на борту не подумал о такой воз-

можности. Все знали, что «Левиафан» благодаря какой-то ошибке в программировании, а может быть и случайно выбранной тактике, как правило, сражался в одиночку. Он никогда не проводил совместные бои с другими машинами-убийцами.

Пришелец пока находился далеко и импульсный передатчик «Пэрла» не мог точно определить его принадлежность. Спустя некоторое время, при более пристальном изучении приближающегося зловещего новичка, все на борту вздохнули с облегчением. Это был корабль «космических сил».

— Геннадиус,— сердито пробурчал Доминго.— Первый раз оказался под рукой именно тогда, когда нужен. Надеюсь корабль летит в сопровождении флота, не один же он?...

Приборы «Пэрла» энергично прощупали все туманное пространство окружавшее вновь прибывшего, но напрасно. Флота не было. К ним летел один корабль и, при его приближении, все на борту удостоверились: да, к ним летит крейсер Геннадиуса.

«Левиафан» снова исчез из поля зрения. Где он мог быть сейчас?

Корабль Геннадиуса был оснащен совершенным оборудованием, в том числе и отличными детекторами. Командир попытался установить связь с Доминго, и несмотря на то, что окружающее пространство все еще звенело от орудийных залпов, ему это удалось.

В закодированном сообщении командир обещал оказать помощь воюющему «Пэрлу» и уверял капитана и его команду, что может найти след «Левиафана». Далее он сообщил, что все последнее время потратил на поиски своего разбросанного во время шторма флота, но на сей раз удача изменила ему, найти ничего не удалось. Он не сумел установить контакты ни с одним из своих кораблей. Единственное, продолжал он, что смог сделать после шторма — это найти один, единственный след, который и привел его сюда к «Пэрлу». И к врагу...

Симеону стало легче дышать. В их полку прибыло. Теперь с двумя первоклассными, оснащенными по последнему слову техники кораблями в сотрудничестве с представителями трех человеческих формаций, похоже, шансы противников «Левиафана» на победу в этом, конкретном, бою увеличивались. Приподнятое настроение он заметил и у остальных членов команды.

Поникшие и удрученные минуту назад, сейчас они, казалось, приободрились, воспрянули духом и были готовы снова к бою.

Капитаны обоих кораблей устроили совещание с помощью трехканальной связи, включающей в себя «Спикера», Электрические бортовые устройства работали на пределе, а телепатические способности Кармпэна тоже были на исходе. После кратковременного обсуждения приняли тактику ведения боя: корабли нападают на врага с двух противоположных сторон, а «Туманчики» одновременно с ними пытаются проникнуть в защитные поля «Голубой смерти».

— Все, начинаем,— подвел итог Доминго.

Симеон, прежде чем полностью сосредоточить свои мысли на тактических действиях и контроле за стрельбой, взглянул в последний раз на изображение Брэнвен по межсвязи. Если он ожидал ответного взгляда, то ему пришлось разочароваться. Ее внимание было полностью поглощено работой.

«Левиафан» отчаянно маневрировал, пытаясь увернуться от двойной атаки, но это ему не удалось. Воюющие корабли стремительно приближались к нему с обеих сторон и пока трудно было сказать, кто кого поймал в ловушку: корабль берсеркера или наоборот.

Защита «Пэрла» противостояла ударам такой силы, что Симеон стал подумывать, не получил ли враг тоже подкрепление. Хотя скорее всего, нет. «Левиафан», вероятно, оставил про запас свою тяжелую артиллерию и теперь поджидал, пока его противники подлетят поближе, чтобы разделаться с ними уже наверняка.

«Пэрл», отброшенный с намеченного курса ударной волной, содрогнулся и во мгновение ока погрузился в пылающий ад. Звук и вибрация внутри корабля были оглушающими. Кто знает, где предел выносливости защитных устройств корабля? Или команды? Проклятый берсеркер был намного сильнее, чем предполагал или ожидал Доминго. Он был сильнее обоих кораблей вместе взятых. Теперь стало ясно и бесспорно, что если бы «Пэрл» один противостоял «Левиафану», то несомненно проиграл бы.

Но несмотря ни на что команда Доминго действовала и корабль продолжал обороняться. А где-то рядом был корабль космических сил и тоже все еще жил и боролся.

Битва продолжалась с всепоглощающей неистовостью.

Все члены команды были заняты своими обязанностями. Брэнвен на данном этапе отвечала за работу защитных устройств, обеспечивая их непрерывное снабжение энергией.

Симеон Чакушин следил за ведением обстрела. По приказу капитана, а иногда и по собственному уразумению, он стрелял ракетами и снарядами. В начале боя снарядов было немало на борту, что-то около сотни тяжелых ракет, но они быстро убывали.

Спэнс поражал врага лучевым оружием, а Кармпэн проводил свою собственную линию связи. Доминго пилотировал корабль, пока Искандер выполнял функции главного бортинженера, готовый устранить любое возможное повреждение или, в случае необходимости, заменить какого-либо члена команды.

Посылая врагу очередной салют из ракет и снарядов, Симеон только на одно мгновение подумал: не поговорить ли с Брэнвен? Но эта мысль тут же оставила его и он продолжал выполнять обязанности, от которых зависели и их жизни и жизни сотен тысяч других людей, если «Левиафан» не будет побежден.

Маневрирование кораблей в сложном кольце планетоид продолжалось, а борьба с берсеркером шла не на жизнь, а на смерть. Время как бы остановилось. Никто не мог сказать: сколько его прошло с начала боя? Минуты? Часы? Для уставшей команды Доминго исчезли все остальные миры, за исключением этого, бушующего насилием и огнем.

Симеону, казалось, что нет другого мира и он всегда жил в этом воюющем аду. Где-то существующая Вселенная казалась ему призрачным сном. Реальным и осязаемым был только этот мир, стоящий на грани катастрофы. С каждой секундой этот мир приближался к уничтожению. Симеон пытался избавиться от этих мрачных мыслей, но не мог, и порой казалось, что он сошел с ума.

Вокруг корабля пиротехника праздновала свой огненный бал.

Десятки маленьких каменных небесных тел были разбиты залпами из тяжелых орудий и разлетелись сотнями, тысячами огненных комочков, освещающих близлежащие облака из пыли мириадами крошечных солнц. Доминго, отдавая точные приказы, взорвал несколько небольших планетоид и создал плазменный щит, из-за которого мог незаметно подобраться к своему врагу.

Скорость перемещения воюющих кораблей и машины взбудоражили окружающее пространство и прежде здесь редко разбросанная материя, сейчас на экране напоминала плотное облако из гравия и камня. Столкновение с частичкой, превышающей микроскопический размер, могло закончиться плачевно. Человек, нервы и чувства которого бессильны состязаться с машинами, доверился приборам, компьютерам, которые могли выполнять расчеты за долю секунды.

Насилие привело Симеона в паническое состояние. Костлявые руки смерти на мгновение коснулись его. В какой-то миг он, вдруг, подумал, что бой проигран и он мертв.

Пронзительно выли сирены. Когда он снова был в состоянии думать, то понял, что «Пэрл», только что выдержал удар внутренней волны.

Вполне возможно, что эта волна была сознательно спровоцирована берсеркером с помощью детонации. Защитные силы справились с атакой, но внутренний толчок принес ощущения, которые команда не переживала.

Капитан устроил перекличку по межсвязи. Все ответили, кроме Брэнвен. Что с ней?

Бенкович вызвался узнать. Кому-то необходимо, сказал он, немедленно отключить ее обруч управления, так как ошеломленный, полубессознательный разум, подключенный к системе, может привести к катастрофе.

Симеон был привязан к своему посту и не мог отлучиться. Посылая очередную порцию ракет, он был озабочен: на складе оставалось сорок боевых единиц.

Между тем Доминго упрятал свой корабль в укромное убежище — орбитальное кольцо из космической пыли — и наступило временное затишье.

Сквозь туман боли и замешательства Брэнвен увидела Бенковича, подходящего к ее боевому посту. Она услышала, как он сказал что-то ободряющее, предлагая провести ее в каюту.

Он отсоединил ее обруч управления и, поддерживая под руки, повел по коридору. В каюте, когда он укладывал ее на кушетку, Брэнвен ненадолго вновь потеряла сознание.

Когда снова пришла в себя, увидела, что шлем ее лежал в стороне, а комбинезон был расстегнут. С отвращением почувствовала руку на своей груди... Его рука была обнажена, но шлем оставался на голове и Брэнвен

не могла увидеть его лица. Она застонала и начала бороться, пытаясь освободиться от его рук.

Бенкович убрал руку. А когда он заговорил, его голос, приглушенный шлемом, напоминал больше механический, чем живой.

— Я пытаюсь помочь тебе... Не сходи с ума,— а затем более мягко.— Разве тебя это не заводит, малышка? Неужели все это не заводит тебя?

Она отшатнулась от него и встала на колени. Она даже не пыталась возражать ему, только произнесла:

— Вон! Вон!

Спэнс молча смотрел на направленное на него оружие. Одетый на нем комбинезон, защитил бы его, но руки были обнажены. Брэнвен по-прежнему не видела его лица.

— Вон! — повторила она.

Постояв еще несколько секунд молча, он повернулся и вышел.

Брэнвен поспешно закрыла за ним дверь, механически набрав код замка. Она была на грани безумия.

«Позже сообщу об этом капитану. А может быть устрою все сама,— думала она.— Но это потом, теперь предстоит закончить бой...»

Отдыхая в убежище, «Пэрл» был похож на планетоид. Бой стих. Теперь команда могла увидеть и снова ощутить вечную пустоту окружающего пространства.

Но никто не сомневался, что тишина недолговечна и грядет новый, неистовый взрыв.

«Пэрл» получил ряд несущественных повреждений и Искандер с помощью мыслительного обруча, занимался их устранением.

Симеон получил разрешение оставить ненадолго свой боевой пост, чтобы навестить Брэнвен. Сообщение Спэнса относительно ее здоровья было кратким и неясным. Симеон нашел ее в полубессознательном состоянии и собрался отвести в изолятор. Но в тот момент получил жесткий приказ Доминго немедленно вернуться на свой боевой пост. Выходя из ее каюты, он прихватил несколько образцов, привезенных ею с базы берсеркера. Когда он вернулся на свое место, беглый взгляд на эти образцы подсказал ему, что они могут сообщить немного дополнительной информации и многое сказать об исследовании и достижениях берсеркеров в области биологии. Но сейчас было не до этого. Время тщательных научных анализов — впереди.

На горизонте снова показался «Левиафан». Геннадиус вышел на радиосвязь. Еще раз обоим капитанам удалось объединить усилия против общего врага.

Великий берсеркер, неотступно преследуемый, безжалостно обстреливаемый и нещадно терзаемый кишащими вокруг «Туманчиками», не сдавался и продолжал сражаться.

Бой продолжался с переменным успехом. И, вдруг, берсеркер исчез.

Доминго невзирая на повреждения корабля и отчаянное состояние своей команды, невзирая на исчерпанные склады с оружием и повсеместные красные сигналы тревоги, немедленно бросился в погоню за «Левиафаном», клянясь, что его злейший враг не ускользнет.

Между тем Искатель, которому пока удавалось выдерживать чрезвычайное напряжение, пытался утешить себя тем, что сам выбрал этот путь.

Геннадиус, полностью захваченный азартом погони, пренебрег всеми предупреждениями о повреждениях на корабле. У него была альтернатива: он мог остаться на любой ближайшей планетойде и нести там патрульную службу. Но его корабль был в лучшем состоянии, чем у Доминго и он возглавил охоту.

Корабли на бешеной скорости петляя между многочисленными маленькими планетойдами, достигли наконец, окраины системы. Покинув ее, они продолжали свою неистовую охоту.

Но берсеркер продолжал жить. Он завернул в ущелье и бой возобновился с еще большим ожесточением, чем прежде.

Симеон услышал странные крики по межсвязи и, вдруг, осознал, где он. Закрыв глаза, он стал молиться богу всех Галактик, которому его учили поклоняться еще в детстве.

Кто-то другой из команды — Симеон не узнал кому принадлежал замученный голос — кричал и умолял о чем-то капитана. Но несмотря на сменяющие друг друга крики и бормотание, Доминго продолжал свое дело. Человеческий плач затих. А сигналы тревоги остались. Металлические голоса продолжали визжать и, без всякого сомнения, корабль, разрывая облака из газовых молекул и микроскопических частиц, непрерывно подвергался опасности.

Защита корабля, каким-то необъяснимым чудом, держалась до сих пор и стремительная охота продолжалась. В нормальных условиях это было бы немыслимо. Силы были на исходе, а враг ускальзывал.

Позади осталось безымянное солнце и свободное от тумана пространство вокруг него. Неожиданно плотные облака туманности поглотили намеченную жертву и ее преследователей, летящих на огромной скорости.

Внешнее кольцо планетойд, которое до сих пор было скрыто в туманных облаках, теперь замаячило впереди.

В этот момент все присутствующие на борту «Пэрла» увидели на детекторах моментальную вспышку, а затем услышали последние доносящиеся до них слова, которые переходили в крик.

Симеон осознал происшедшее только секунду спустя, когда корабль Геннадиуса исчез. Либо он врезался в камень крупных размеров, либо попал в ловушку к «Левиафану» и был уничтожен.

Доминго, не прерывая бешеную погоню за врагом ни на секунду, приказал отстрелять все оставшиеся ракеты.

Симеон выполнил приказ. Летя вперед с головокружительной скоростью, капитан не позволял себе ни на минуту отвлечься от пилотирования.

— Капитан, на детекторах появился объект, похожий на спасательный аппарат. Может быть, это Геннадиус и его люди?

— Мы не можем остановиться,— отрезал Доминго.

Корабль продолжал свою стремительную погоню за «Левиафаном». Главный шлем был по-прежнему на голове капитана и никто не мог бы остановить его...

ГЛАВА 22

Одержимость Доминго передавалась команде и «Пэрл» продолжал преследование, не прерывая его ни на мгновение.

Симеон, захваченный погоней, был будто бы загипнотизирован. Он даже забыл об усталости и страхе. Но в глубине души таилась тревога: он понимал, что товарищи по команде действуют на последнем пределе сил.

Брэнвен, Спэнс и даже Искандер находились на высшей точке своих физических и моральных возмож-

ностей и, может быть, уже перешагнули ее и продолжают держаться только по инерции. Искатель — тут особый случай. Трудно сказать, где он черпал силы, но он держался лучше других, хотя чувствовалось — устал.

Подбитый берсеркер вновь погрузился в безбрежное туманное море Милкпейла. К удивлению команды он проявлял просто чудеса скорости, его поведение можно было обозначить, как безрассудство или самоубийственную смелость. Все понимали, что эта машина таких же размеров, как и «Левиафан», летящая на такой высокой скорости несомненно получает множество дополнительных повреждений от неизбежных в таких случаях столкновений с космическими частицами. Генераторы, создающие силовые поля, работают на пределе, а корпус берсеркера разрушается с каждой минутой. Машина подвергается огромному риску внезапного и полного разрушения. Это могло произойти в любой момент.

Но пока горящий след врага не исчезает — значит машина действует. Удача пока сопутствовала машине.

Доминго следовал за берсеркером, не сбавляя скорости, тем самым подвергая и свой корабль риску. Шлейф, тянувшийся за вражеской машиной, увеличивал опасность для «Пэрла».

Доминго был вынужден сворачивать с этой траектории, теряя таким образом, драгоценное время и уменьшая расстояние между ними.

— «Ты все рассчитал, черепная морда! Все «за» и «против». Но ты не учел меня. В своих расчетах, ты забыл обо мне. А я здесь. Я иду за тобой. И я достану тебя!» — шептал он про себя, но по связи все слышали его.

В очередной раз «Пэрл» выстрелил в туманное пространство вслед за уходящим врагом. Корабль продолжал полет со скоростью, которую не одна машина не смогла бы держать так долго, особенно в тумане. Сигналы тревоги на борту стали повторяться с удвоенной силой.

Приводная система «Пэрла» была повреждена и действовала вопреки всему. «Голубая смерть» могла спокойно уйти от преследования, если бы не маниакальные действия Доминго и помощь «Туманчиков».

«Космическим жильцам» не составляло труда преследовать «Левиафан», но как только они пытались проникнуть на его корпус, поля берсеркера нейтрализовали их и отбрасывали назад. Искатель, сообщал Доминго, что

среди «Туманчиков» немало погибших в результате таких столкновений. И тем не менее, эти призрачные существа не отставали и держали металлическую убийцу в поле зрения, а благодаря телепатии Искатель непрерывно сообщал Доминго информацию об их местонахождении. Когда берсеркер неожиданно изменил курс, сделав петлю, тем самым устроив ловушку преследовавшему его «Пэрлу», Доминго сумел увернуться, и тем самым сократить расстояние между кораблями.

Берсеркер, наконец, сообразил, что «Туманчики» являются разведчиками и докладывают обо всем увиденном своим союзникам.

— Он собирается улизнуть,— сказал Искандер, до этого молчавший долгое время.

— Нет, он не пытается улизнуть,— голос Доминго был таким же, почти механическим, как тогда в первые дни после катастрофы на Шубре.— Мы идем по его следу, и он прекрасно знает это и пытается избавиться от преследования. Он скорее всего собирается отсидеться где-нибудь, чтобы восстановить силы. Вопрос только в том, зачем «Левиафану» восстанавливать силы: найти союзников или наметить последнюю жертву и там пойти на последнее — уничтожить еще кого-нибудь.

Преследование продолжалось. Время как бы остановилось. Шли часы или минуты?

«Пэрл», летевший со скоростью тысяча километров в секунду, ловко увертывался от попадающих на пути мелких планетойд, но ему не удавалось избежать столкновений с более мелкими каменными частицами.

Симеон на мгновения отвлекался от работы и, осматриваясь вокруг, поражался тому, что его товарищи, и он в том числе, все еще оставались живыми.

Корабль и все его системы управления были на грани разрушения. Заменить приборы было нечем. «Пэрл» в любой момент мог выйти из строя и тогда уже никто не сможет их спасти.

Если рассуждать здраво, то прежде, чем любая из надвигающихся частиц уничтожит корабль, нужно срочно сбавить скорость, до минимума и найти пристанище, чтобы начать ремонт. Но это, если рассуждать здраво... Вместо этого «Пэрл» продолжал лететь на самой высокой скорости, которую капитан был в состоянии выжать из него, вдогонку за врагом, который, несмотря на все усилия, так и не был разрушен еще...

«Пэрл» был искусно и добросовестно построен в мас-

терских «Остил» Но кто знает, где предел его возможностей?

Симеон подозревал, что берсеркер «Голубая смерть» тоже серьезно поврежден. Он должен быть поврежден. Однако, причин думать, что берсеркер лишен способности превратить любого преследователя в руины — не было.

Только один единственный человек не хотел об этом думать. Доминго был настроен любым способом довести охоту до конца, пусть даже ценой собственной жизни. Его одержимость какое-то самоубийственное сумасшествие имели шанс на уничтожение этого электронного бандита.

Несмотря на все усилия самого Доминго и те, которые он выжимал со своей команды, разрыв между преследователем и преследуемым оставался прежним и сократить его не представлялось возможным.

Гэлуей вызвала капитана по персональной закрытой рации и доложила о своей готовности приступить к своим обязанностям.

Он отрешенно взглянул на нее. Он был похож на человека пытающегося определить как долго аппаратура корабля сможет протянуть, прежде чем выйдет из строя.

— Ты не собираешься сдаться в самый разгар погони? — спросил он.

Она покачала головой.

— Я готова начать работу, но не знаю, можно ли это сказать о Бенковиче, что-то он мне не симпатичен...

— Бенкович? Что ты имеешь в виду?

В нескольких словах Брэнвен описала капитану то, что произошло, когда Бенкович был с ней наедине в ее каюте.

— Если он попытается дотронуться до меня еще раз,— заключила Брэнвен,— у него будет уйма неприятностей. Я найду способ его урезонить. Война — так война.

Капитан молчал. Он, казалось, не воспринимал в этот момент ничего. Все в нем давным-давно умерло. Он не осмысливал простых человеческих вещей. Даже на элементарные слова сочувствия был не способен.

Возьми на себя контроль за стрельбой,— сказал он, наконец.— Симеону нужен отдых. Мне же необходима помощь, пусть хоть один человек будет в хорошем состоянии на борту. Без Симеона потом не обойтись, пусть отдохнет, мы готовимся к последнему броску.

Хорошо, сэр,— ответила Брэнвен.

Ее не удивила реакция Доминго. Она понимала, что в данный момент не стоило тратить энергию или время на другие проблемы. Охота — вот главное. Любой, способный действовать человек в команде должен был действовать. Она знала, что Доминго не интересовали личные конфликты между членами команды, и даже срывы в дисциплине. Другое дело, если это мешало его главной задаче. Она тоже понимала, что он не будет сейчас разбираться в том, что сделал, сказал или собирался делать Бенкович. Если они останутся в живых (а это вряд ли возможно), тогда — другое дело. А сейчас она сама может о себе позаботиться. Хотя у нее по-прежнему очень болит голова, и ей трудно думать.

Капитан прервал разговор и сосредоточился на погоне. Но диалог с Брэнвен отпечатался на каком-то уровне его подсознания.

Доминго с головой ушел в преследование, уже не думая о том, куда охота заведет его. Но Симеону это было не совсем безразлично. Он временами пытался определить их местонахождение и удивлялся, что его разум до сих пор оставался ясным и активным. Он уже прошел через первые стадии усталости и теперь даже не мог понять, откуда черпает силы, чтобы продолжать борьбу. Ему хотелось узнать, какой участок туманности их ждет впереди и имеют ли они шансы на получение подкрепления в своей охоте.

Согласно его подсчетам летящий впереди на огромной скорости враг держит путь на заселенную людьми планетойду Да Гама.

Закончив расчеты и проверив их окончательно, Симеон вызвал капитана по межсвязи. Доминго, после настойчивых требований Симеона, наконец, сдался и согласился отправить курьера для того, чтобы попытаться получить подкрепление из кораблей космического флота. Что и было сделано.

Защитная система Да Гамы сработала автоматически. На всей планетойде, везде, где жили люди, зазвучали сигналы тревоги. Детекторы слежения местной наземной защиты перед этим указали на появление берсеркера. Пока еще на дальней дистанции, но, согласно приборам, «Левиафан» стремительно приближался к Да Гаме и, похоже, решительно настроен на «камикадзе». Если он сохранит курс и скорость, то меньше, чем через час протаранит планетойду.

Мэр Да Гамы прибыла в центр управления наземной защиты, где ей сообщили, что если берсеркер действительно настроен провести последний самоубийственный удар, защитная система без посторонней помощи окажется бессильной.

Она потерянно упала в кресло.

— Что мы сможем сделать?

Но на этот момент никто не имел ответа.

Тактика скоростного полета и внезапного нападения неоднократно оказывала добрую услугу берсеркеру в его долгой карьере: даже когда он был преследуемым намного превосходящими его силами.

«Левиафану», конечно, был чужд страх. Для него — собственное выживание не было главным, хотя тоже имело значение. Если он будет разрушен, то не сможет выполнять высшую цель своего существования, а именно: программу, направленную на уничтожение всяческой жизни.

Спастись — не основная его цель. Но слишком много ракет и снарядов поразили его и полученные накапливающиеся повреждения были слишком серьезными и могли оказаться роковыми в ближайшие часы. Поэтому на сейчас, ему осталась одна задача — уничтожить как можно больше человеческих жизней.

Корабль, преследующий его, постепенно сокращает расстояние. «Левиафан» снова прибавил скорость, выжимая все, что можно из приводных устройств, которые пока работали, и не обращая внимания на всеувеличивающиеся нагрузки.

До сих пор люди, охотившиеся за ним, рано или поздно отказывались от преследования. Только этот, последний, похоже, готов довести дело до конца. При теперешнем расстоянии между ними охотник настигает жертву через пару часов. Поэтому нельзя терять времени. Что можно сделать, чтобы уничтожить максимальное количество жизней за ближайшие час-два? Где найти самую многолюдную цель? Центральный компьютер на борту «Левиафана» уже провел поиск данных и обобщил все еще работоспособные устройства памяти, после чего определил, что в пределе досягаемости — одна из самых крупных колоний Милкпейла. Впереди — Да Гама.

Людям на борту «Пэрла» удалось, наконец, разгадать планы летящего «на всех парусах» берсеркера. И на-

сколько они понимали ситуацию, в окрестностях Да Гамы находился только один патрульный корабль, способный хотя бы попытаться защитить колонию от надвигающегося берсеркера.

Патрульный корабль уже был виден на детекторах «Пэрла», но Доминго не знал, кто его пилотирует. Как бы то ни было, там похоже, поняли опасность, и корабль уже менял курс, пытаясь опередить «Левиафан» и помешать его атаке.

— Останови его,— бормотал Доминго капитану другого корабля.— Ну пожалуйста, останови его.

Но люди на патрульном корабле не могли слышать мольбы Доминго и находились слишком далеко от «Левиафана», чтобы попытаться вступить с ним в отвлекающий бой. Единственное, что оставалось патрульному кораблю,— броситься наперерез врагу. Именно это он и сделал.

Этот тактический маневр был выполнен, но он стоил очень многого. На борту «Пэрла» увидели яркую вспышку на расстоянии в несколько свето-секунд. За считанные мгновения отважный патрульный корабль был одним залпом сметен с пути нападающего монстра. Симеон с опозданием осознал, как крошечен был человеческий корабль и насколько превосходил его противник.

Команда Доминго, по-прежнему дееспособная, настойчиво зондировала каждую пядь близлежащего пространства в надежде найти другой корабль патрульной службы или космических сил, способных прийти планетойде на помощь. Но тщетно.

Симеон попытался восстановить в памяти, какова мощь наземной защиты планетойды, и, насколько смог вспомнить, она была не очень велика. Да Гама, похоже, обречена. На нее надвигается сотня тонн металла со скоростью, превышающей скорость метеорита, но и противник, способный результативно стрелять. «Левиафан» только что показал мощь своего оставшегося орудия. Кроме того, берсеркер имеет приводную систему «Сиплас», которая становится безотказноуничтожительным орудием, если машина или человек готовы на самоубийство.

Доминго стонал и проклинал все на свете. Он хотел воспрепятствовать «Левиафану» в достижении его разрушительных целей и уничтожить, не позволив набрать финальные очки,— нанести ему, Доминго, последнее личное оскорбление перед своей гибелью. Ради этого

капитан был готов продать душу за пушку «си-плас» и три-четыре снаряда к ней. Ворчание капитана продолжалось:

— Кто-нибудь, остановите его. Задержите его. Задержите его хотя бы на немного и я протараню этого чертова монстра.

Неожиданно Доминго закричал по радио, желая, чтобы враг услышал его:

— Я здесь, черепная морда, за тобой. Я тот, кого ты ищешь. Поворачивай назад, я жду тебя. Иди сюда, бери меня. Возвращайся и я возьму тебя на абордаж.

Какое-то мгновение этот сумасшедший план зачаровал Симеона. Но «Голубая смерть» не отвечала.

— Он не придет. Нам придется самим его догонять, капитан.

Через минуту капитан снова заговорил, на этот раз здраво:

— Может быть, нам следует катапультировать летательный аппарат вперед... он меньше размером и может двигаться быстрее. Айк, ты в скафандре?

Ответ Искандера по межсвязи был лишен всякого смысла· слова непонятны и прозвучали, как обрывки песни.

Капитан снова попытался связаться с ним.

— Айк, ты в скафандре? Ты готов?

— Буду у тебя через минуту, капитан.

Все увидели по межсвязи, как Бейза медленно продвигался по коридору, идя навстречу с капитаном. Искандер шел без шлема, и даже по крохотному изображению на экране было видно, что это лицо принадлежало человеку нездоровому. Оно было лишено всякого выражения и напряжения. Симеону показалось, что на нем лежала печать великого облегчения, как будто кто-то только-что сказал ему, что скоро он, наконец, освободиться от этой непосильной ноши любым способом, все равно каким.

Встретившись с капитаном, Искандер сказал:

— Послушай, капитан. Шутка есть шутка, но ты слишком далеко зашел.— Бейза засмеялся, что редко делал за все время работы с Доминго, и начал снимать с себя одежду. Вначале Доминго попытался заставить своего главного помощника занять место в летательном аппарате, но очень скоро понял, что это лишено всякого смысла.

— Возвращайся на свой пост, Айк!

Бывший помощник проигнорировал этот приказ.

— Я думаю, что все это... не имеет значения... для меня. То, что случилось теперь или раньше. Я думал, это все шутка. Но я не могу больше гоняться за ним! Видишь, капитан!? Я...— и снова полетел в сторону еще один предмет одежды.

— Возвращайся на свой пост. Или в изолятор. Я говорю тебе в последний раз.

— Мне все равно, капитан... Я был один из тех, кто должен был поддерживать тебя... или наблюдать за твоим крахом. Но я...

Доминго выстрелил в него. Это лучевое оружие капитан всегда носил при себе. Симеон надеялся, что это было сделано только для того, чтобы оглушить, а не убить. В следующую минуту Доминго отодвинул упавшее тело с дороги и снова переключился на своего врага. У него не было времени перенести человека в изолятор. Его ждало пилотирование.

Охота продолжалась.

Следующим по радиосвязи заговорил Гьюджар Сидорук:

— Появился командир корабля патрульной службы, дежуривший в окрестностях Да Гамы.

Изображение Гьюджара на детекторе «Пэрла» не удивило Доминго, теперь надо было только согласовывать свои дальнейшие совместные действия двум капитанам.

Доминго вкратце рассказал все, что знал о «Туманчиках», и Гьюджар отметил, что с такими союзниками будет проще полностью освободить Милкпейл от берсеркеров.

«Может быть»,— подумал Доминго. Но пока в этом кризисе, они мало чем могут помочь».

Между тем «Туманчики» не теряли времени зря и делали все возможное, как об этом периодически сообщал Искатель. К сожалению, Гьюджар был слишком далеко и не успевал перехватить «Левиафана» до того, как тот нападет на планетойду.

Орудия наземной защиты Да Гамы открыли огонь по «Голубой смерти» с дальнего прицела. Берсеркер ответил. Связь между двумя кораблями затруднялась из-за роста ионизации и из-за грохота и шума в окрестности. Поэтому Гьюджар не успел сообщить, что Полли находится с ними, на борту его корабля.

Когда прервалась связь между обоими кораблями Гьюджар с Полли начали обсуждать ситуацию.

Полли только сейчас поняла, что корабль, преследующий «Левиафана» принадлежал Доминго. Но ее мысли были заняты другим. Ее переполняла тревога за своих детей, которые находились на атакуемой колонии «Да Гама». По этой причине Гьюджар бросился туда по первому сигналу тревоги, посланной с планетойды. Но видимо, Гьюджар волновался и из-за Полли. Но он прекрасно сознавал, что она, Полли, озабочена чем-то другим.

Кармпэн, который долгое время лежал, свернувшись калачиком в своей каюте и ни с кем не общался, теперь дал очередное сообщение для своих товарищей по команде. Берсеркеры собираются предпринять атаку на все планетойды, к которым приближаются «Космические жильцы», желающие познакомиться с образом жизни людей, потомков землян. Машины смерти ошибочно решили, что люди и представители этой мыслящей человеческой формации объединились и теперь сотрудничают против берсеркеров. Следовательно, они поставили себе целью любым способом — прервать это сотрудничество.

— Спасибо, Искатель,— сказал Симеон, когда доклад закончился. Доминго промолчал.

Орудия «Голубой смерти» из средней дистанции сравняла с землей часть наземных батарей планетойды. Затем машина смерти сбросила мины, которые взрываются при приближении объекта.

Это — «подарок» для «Пэрла», когда тот подлетит поближе. Обстреливался и корабль Гьюджара.

Симеон, в ответ, выстрелил последними, находящимися на борту снарядами. «Левиафан» приближался к планетойде. Она становилась все ближе и ближе, и уже находилась на расстоянии в несколько минут полета.

Однако, высокая плотность туманной среды, окружающей Да Гаму, сыграла свою положительную роль и серьезно воспрепятствовала скоростному продвижению огромной машины. Приводные устройства берсеркера начали отказывать, и он стал быстро терять скорость, несмотря на то, что все его двигатели работали на всю мощь, которую еще были способны.

Ферди и Агнес вместе с тысячами остальных жителей планетойды, сидели в убежище, в самом глубоком

подземелье. Над их головами покоились километры наскальной породы. Властями были приняты решительные меры, чтобы сохранить энергию, как можно дольше. Темнота в укрытии порой нарушалась светом аварийных лампочек. Чтобы заглушить страх, дети играли в придуманную ими игру, но вскоре им пришлось прервать ее. Лампочки погасли, и на них навалилась кромешная тьма.

Они заплакали и стали громко звать свою маму. Они успокаивали себя тем, что мама их находится в безопасности, она далеко, на своем корабле. Но тут остановилась искусственная гравитация. Представители властей выступили по громкоговорителям и предупредили всех о случившемся, предотвратив, таким образом, панику хотя бы на ближайшее время.

«Левиафан», оставляя за собой голубой шлейф, стремительно приближался к Да Гама со скоростью нескольких километров в секунду. Наземная защита планетойды, собрав последние силы, старалась замедлить падение смертоносной массы.

При создании и фокусировке антиволны инверсионной гравитационной силы сгорели все генераторы планетойды и было получено множество других повреждений повсеместно на ее поверхности, однако, если бы произошел незамедленный удар берсеркера о землю, повреждений было бы намного больше.

«Туманчики», подхваченные гравитационной волной в пространстве, были вынуждены удалиться, ретироваться. Они были оглушены и разбросаны и им до сих пор не удалось проникнуть в корпус своего металлического врага.

Берсеркер, почти полностью остановленный неожиданной антиволной, медленно падал на планетойду. В последнюю минуту он, вынужденный изменить свои планы, использовал остатки своей приводной системы, чтобы затормозить свои наступательные движения.

«Левиафан» потерял драгоценные секунды и теперь его столкновение с поверхностью не могло не привести к сильным повреждениям, поэтому он решил при посадке сохранить хоть какие-то свои устройства в работоспособном виде.

Касание берсеркером поверхности планетойды произошло на очень маленькой скорости. Повреждений не было.

Люди, толпящиеся в Центре управления наземной защиты, и те на кораблях, которые следили за действиями берсеркера на своих экранах, затаив дыхание, ждали взрыва от орудия «си плас», но напрасно. Взрыва не последовало. Стрелять по врагу было небезопасно. Взрывы вызвали бы детонацию привода «си-плас» на берсеркере. Кроме того, у наземной защиты не осталось бы ни одного тяжелого орудия.

Не было его и у Доминго. Но если у него и было, он не стал бы им пользоваться.

Он решил, скорее понял, что это его судьба — перед смертью отправиться на борт еще одного берсеркера.

ГЛАВА 23

Доминго, готовый занять свое место в летательном аппарате, задержался в последнюю минуту, обдумывая предстоящие действия. Возможно, ему и понадобится поддержка с корабля. Он должен быть уверен, что у руля находится надежный человек.

«Искандер? — Нет. Он — либо мертв, либо еще не в состоянии действовать». Доминго не видел его с тех пор, как Симеон оттащил его в изолятор, но, в любом случае, он, вряд ли, был в форме. Надо было доверить корабль кому-нибудь другому. Кому?

Капитан, стоя рядом с аппаратом, подключился к межсвязи, прийдя к решению.

— Искатель? Ты возьмешь на себя командование кораблем в мое отсутствие. Это приказ.

— Сожалею, капитан. Но я должен отказаться.

— Это приказ, я сказал.— Доминго был застигнут таким ответом врасплох.

— Я понимаю, капитан. И тем не менее — отказываюсь. Ты просто не представляешь, что приказываешь.

По голосу Доминго уловил не только упрямство, которое присуще было и ему самому. И понял, что угрозы тут не помогут. Кроме того, если Кармпэн так уверен, что не может взять управление на себя, вероятно, тут есть причины. Тогда кто? Брэнвен? Нет, она контужена и не сможет действовать.

Спэнс? Нет. Капитан приберегает для него другое

задание. Если он мог выбирать, то предпочел бы не оставлять Брэнвен и Бенковича наедине. Особенно после того, что ему рассказала женщина.

Значит — Симеон. Да, пожалуй. Насколько Доминго понимает, он — единственный из членов экипажа, кто находится в наилучшей форме.

Капитану потребовалась только одна минута по межсвязи, чтобы поручить Чакушину управление «Пэрлом».

Следующим на связь с Доминго вышел Спэнс. Бенкович, как и все остальные, был изможден и находился на грани нравственного срыва. Когда капитан приказал ему немедленно явиться для очередного полета. Бенкович посмотрел на него странным потусторонним взглядом. Однако, все сделал в точности — принял команду без протеста и через минуту, уже одетый в скафандр, появился в ангаре.

Некоторое время спустя аппарат отправился вперед, к «Левиафану». Симеон, надев шлем управления, остался на борту «Пэрла» вместе с Брэнвен, чтобы, в случае необходимости, оказать необходимую помощь капитану.

Разбитый и лежащий на поверхности планетойды «Левиафан» еще не был полностью уничтожен. Во всяком случае, так считал Доминго, и он ни на секунду не хотел верить, что машина окончательно разрушена, но выглянув в иллюминатор летящего аппарата на своего поверженного злейшего врага, капитан, вдруг, осознал, что сделал все возможное — враг повержен.

Огромная масса берсеркера, распластанная там, внизу, напоминала громадную морскую звезду. Несмотря на то, что центральная часть корпуса берсеркера оставалась целой, казалось, невозможным, что эта подбитая громадина, когда-нибудь поднимется сама по себе. Края огромного экзоскелета были погнуты и раздроблены, и как успел заметить Доминго, даже то, что осталось от защитных силовых полей «Левиафана», постепенно растворялось в виде смутной радуги, в соцветии которой в основном преобладал голубой оттенок.

Как не присматривался капитан, ему не удалось обнаружить следов жилища в этом пространстве. Но вдруг на далеком горизонте показались дороги, перерабатывающие башни, здания, многие из которых были разрушены.

— Он, кажется, мертв. Черт возьми, он мертв! — сказал Бенкович, имея в виду берсеркера.

— Нет, не мертв. Еще нет. Я чувствую это,— ответил яростно Доминго.

Бенкович промолчал.

Вдруг на аппарате по радио раздался голос Елены Моссурил — мэра планетойды Да Гама. Она искала капитана.

Но тот раздраженно ответил только на третий ее запрос, проигнорировав первых два.

— Я — Доминго слушаю, но я — занят.

Последовала короткая пауза. Затем снова прозвучал ее голос.

— Я не сомневаюсь, капитан. Но тем не менее, я должна поговорить с тобой. Говорит мэр Да Гама — Елена Моссурил. И я хотела бы знать, что ты предпринимаешь. Передай закодированным сообщением, пожалуйста.

— Поговори с моим заместителем, Симеоном. Сообщи все, что необходимо,— и капитан вновь сконцентрировал свое внимание на пилотировании кораблем, но между тем краем уха все же прислушивался к разговору по межсвязи.

Симеон сообщил мэру о планах Доминго и уверил ее, что корабль находится поблизости и готов оказать посильную помощь и, при необходимости использовать все оставшееся в наличии оружие для этого.

Мэр Моссурил, в свою очередь, настойчиво просила Чакушина не стрелять в поверженного берсеркера во избежание повторного взрыва, на что Симеон ответил, что стрелять будет только в летательные аппараты. Направляющиеся из берсеркера. Далее он добавил, что стрелять будет только по приказу капитана.

Мэр, находясь в укрытии, глубоком подземелье, продолжала получать тревожные доклады от своих наземных войск. Они сообщали, что ничего не могут сделать с берсеркером. Во-первых, потому что у них в наличии мало наземных машин. Во-вторых, с уходом искусственной гравитации, также быстро исчезала и атмосфера, что затрудняло полет аппаратов. И, наконец, они считали невозможным нападение на берсеркера, так как им пришлось бы идти самостоятельно в скафандрах, без аппаратов, увязая и погружаясь в расселины, образованные после падения «Голубой смерти».

Мэр понимала все трудности и не могла кого-либо обвинить за медленное приближение к поверженному

монстру. Но страшась, что ее услышит враг, не посмела рассказать об этом своим союзникам в космосе. Она не имела права забывать, что там внизу, прямо под «Левиафаном» находится убежище, где прячутся тысячи жителей этой планетойды.

Все снаряды, ракеты со складов «Пэрла» использованы, а тяжелые оружия — истощены. Корабль продолжал двигаться в сторону Да Гамы, за «Левиафаном», но по прибытию, вряд ли смог быть полезным. Необходимо было подкрепление, но ждать его пришлось бы несколько часов.

Симеон и Брэнвен по-прежнему оставались на своих боевых постах и рассчитывали на небольшое количество легкого оружия, которое еще у них оставалось.

Кармпэн лежал в своей каюте, ему было не по себе и он постанывал, страдая от невыносимой физической боли, которая ему передавалась от опаленных и оглушенных «Туманчиков».

Искандер лежал в изоляторе, он находился на грани жизни и смерти. После последнего выстрела он был оглушен, организм не выдержал напряжения, перенесенного во время охоты: вначале лопнул кровяной сосуд в головном мозге, затем стало отказывать сердце.

Он умер тихо, так что товарищи по команде не сразу заметили это.

Аппарат с Доминго и Спэнсом на борту медленно и плавно опустился и остановился поодаль, не касаясь плиты, на которой лежал распластанный берсеркер.

Затем жестко Доминго приказал Бенковичу оставаться на борту и быть начеку, чтобы исполнять приказы.

Спэнс сидел тихий, подавленный и покорно исполняя команды капитана. Похоже, он был не в себе, но у Доминго не осталось времени, чтобы подумать об этом.

Как только аппарат остановился, Доминго, одетый в скафандр и обвешанный оружием, необходимым снаряжением, выскользнул через люк и спрыгнул на поверхность планетойды.

Края возвышающегося над ним громадного вражеского тела были сплетены в фантастические формы, а из одного из множества отверстий на его корпусе сгрудилось едва видимое голубое пламя. Недалеко от него виднелась еще одна наиболее крупная дыра. Доминго решил использовать ее для проникновения в берсеркер.

Постояв несколько секунд и осмотрев окружающее пространство, Доминго наконец-таки решился. Он не находил ничего странного в том, что в очередной раз собирается подняться на борт еще одного берсеркера, хотя и предполагал, что вряд ли кому-либо еще из людей пришлось побывать на берсеркере так часто за свою жизнь.

Капитан ясно осознавал, что на этот раз его цель — найти сердце чудовища, исковеркавшего его жизнь. Взорвать и сжечь физическую форму берсеркера было недостаточно для капитана. Ему требовалось большее для полного морального удовлетворения.

Доминго вошел в корпус «Левиафана» без всяких препятствий, не встретив никакого сопротивления. Одна дверь следовала за другой, и Доминго медленно продвигался вперед. По пути время от времени оставлял радиорелейные устройства, с помощью которых собирался поддерживать связь с кораблем.

Опасаясь ловушек и неожиданных нападений, он держал детонатор наготове, а в руках — оружие, подключенное к шлему и срабатывающее только благодаря его мысленным приказам. Это оружие было более мощным, чем то, ручное, которое он брал с собой, в предыдущие визиты к берсеркерам. На поясе висели гранаты. Теперь, пусть приходят андройды со своими летательными снарядами. Он готов ко всему и ждет их.

Перед ним веером лежало множество проходов. И по любому из них с каждым шагом он был все ближе и ближе к жизненноважным органам своего смертельного врага. До сих пор на берсеркере не было предпринято ни единого шага, чтобы помешать его продвижению. Вокруг была кромешная тьма и только свет от скафандра освещал дорогу.

Окружающие капитана механизмы, он это понимал, отличались от тех, что он встречал на предыдущих берсеркерах-лабораториях.

Оборудование было старым по конструкции. Но все было направлено на нападение и защиту. Где был построен этот берсеркер — неизвестно.

Всюду были видны следы от неоднократных ремонтов, замен деталей на протяжении последних веков. Всюду встречались доказательства титанических усилий, предпринятых для поддержания в форме этого разрушающего для всего живого оружия.

— А теперь, ты — мертв,— прошептал Доминго. Все

это оборудование — безжизненно. Но где же твой мозг? Он находится где-то здесь глубоко, глубоко... Где-то здесь, и еще живет.

Он медленно шел, пробираясь на ощупь через длинные, бесформенные коридоры, через странные туннели, где никогда прежде не ступала нога человека, и с каждым шагом все ближе подбирался к сердцевине поверженного берсеркера. К своему удивлению, он почувствовал, что у него дрожат руки. Они впервые так дрожали с тех пор, как... Он не мог вспомнить когда и почему эта потеря памяти беспокоила его, не давала возможности думать о чем-то другом.

Тем временем в самом главном отсеке машины-убийцы еще теплилась жизнь и основная схема гиганта высчитывала способ уничтожения планетойды, вместе с людьми, находящимися там. Такие расчеты на данный момент трудно давались берсеркеру: его центральные аппараты были повреждены, а многие вообще бездействовали. То же самое было и с датчиками. Но берсеркер все же пытался, будучи запрограммированным, уничтожить все живое.

Если ему не удастся стерилизовать всю планетоиду, может он сможет уничтожить хотя бы убежище, которое ощущает под собой? Там тысячи жизней...

А если уже и это не сумеет сделать, тогда он сотрет хотя бы один экземпляр человеческой жизни — вредителя, который ползет где-то здесь, в его внутренностях. Этим экземпляром был Доминго.

Где находится сейчас этот пришелец? Хотя бы приблизительно? Внутренние датчики берсеркера не рассчитаны на такие цели и могут дать только общие сведения. Но он находится где-то здесь, за несколькими автоматическими дверями, и идет сюда... Берсеркер это чувствовал.

После резкого удаления искусственных гравитационных полей вокруг Да Гамы, верхние слои атмосферы быстро рассеялись, и в результате произошла быстрая разгерметизация нижних воздушных слоев, что вызвало холод и жестокие снежные штормы.

Беженцам, скрывающимся в убежищах глубокого подземелья эти изменения не были видны. Однако, среди них прошел слух: все выходы убежища блокированы. Либо в результате бомбардировки берсеркером с воздуха,

либо при его падении на поверхность планетойды.

Отсутствие выходов пока не беспокоили тысячи людей, находящихся в подземелье: подача воздуха им была обеспечена — по крайней мере так неоднократно их уверяли по радио местные власти. Да и дела на данный момент обстоят так, что им некуда больше идти. Но все же люди волновались.

Спэнс Бенкович, как и было приказано, сидел в аппарате и безнадежно смотрел в иллюминатор. Аппарат был переключен на автопилот и легко парил невысоко, над поверхностью Да Гамы. Там, снаружи, шел снег, медленно опускаясь и покрывая камни, лежащие на расстоянии около трех метров от сидения Бенковича. Чуть выше в холодном, разреженном воздухе, островки снега выделялись на древнем, черном металлическом корпусе «Левиафана», может быть, в первый раз за последние столетия или тысячелетия его существования.

Спэнс понуро смотрел на падающий снег и не испытывал в этот момент ничего, даже усталости. Только одна, единственная мысль беспокоила его и, если бы не это, он считал бы, что самое лучшее, что можно сделать сейчас — это сидеть здесь и смотреть, смотреть на этот снег...

Но он знал, сколько это еще будет продолжаться.

Ветер усиливался и, похоже, шторм станет явью. Бенкович видел, как тяжелые камни стали подниматься и уноситься прочь вместе со снегом.

Он уже видел все это однажды, наблюдал, как таял снег над голубым пламенем, струившимся из «Голубой смерти».

Края отверстий на корпусе берсеркера продолжали светиться и оттуда временами были видны вспышки лучевого оружия.

Стараясь ни о чем не думать, Спэнс сидел и задумчиво смотрел на раны берсеркера, которые больше, как он был уверен, никогда не заживут.

Доминго продолжал свой путь вперед, и с каждым шагом осторожно оглядывался, опасаясь неожиданного нападения из летательного аппарата или андройда. В любой момент он ждал появления аппарата, убившего его дочь Меймио.

Только один раз он встретил сопротивление, когда пытался пройти через ряд автоматических дверей. Они

резко закрылись, как бы пытаясь поймать его. Но он благополучно прошел через них и его дальнейшее продвижение прошло без помех.

Эти двери, подумал Доминго, не зря попытались помешать ему, он понял, что подходит к мозгу берсеркера.

Достигнув своей цели, капитан осознал, что это то, что он ищет, хотя не увидел никаких опознавательных знаков.

Он стоял в большом, просторном помещении и здесь было достаточно места для нескольких летательных аппаратов и снарядов. Но, к его удивлению, все здесь было пусто.

По дороге сюда, Доминго умышленно оставлял за собой след благодаря радио-реле, и теперь он мог, при необходимости, связаться с внешним миром. Позже, если он будет в состоянии говорить, он, несомненно так и поступит. Теперь же, ему предстоит провести другой, более важный на данном этапе, разговор.

Капитан переключил свой приемник с обычного канала на коротковолновый диапазон, и если берсеркер был в состоянии что-либо слышать, то теперь он услышит его, Доминго. Более всего капитан хотел, чтобы перестали дрожать его руки, но они ему не подчинялись.

— Где аппарат, черепная морда? — спросил он своего врага.— Я хочу видеть именно того, которого ты послал на Шубру. Вызови его сюда и направь против меня теперь.

Берсеркер слышал его.

Все его действующие приборы, находящиеся на другом участке корпуса, сейчас готовили единственное, оставшееся приводное устройство «си-плас» к последней, самоубийственной операции. Берсеркер, собрав воедино всю оставшуюся энергию, готовился к проведению детонации. Расчеты показали, что при естественной гравитации планетойды, взрыв, полученный в результате подключения энергии к приводу, будет достаточно сильным, чтобы взорвать убежище. Это повлечет гибель всего живого, не то что людей.

Но основной источник питания был поврежден во время падения и ремонтным машинам предстояло немало работы перед выполнением последнего фейерверка. Им требовалось время и, если не задержать одинокого при-

шельца, им не удалось бы выполнить задуманное. У них была только одна альтернатива: либо задержать человека, либо полностью отказаться от своих целей. Ловушка с дверями — мало чем могла помочь, но и у берсеркера не оставалось иного выбора.

Время — единственное, что нужно было выиграть.

И, когда человек стал задавать вопросы, берсеркер увидел в этом возможный способ выиграть время. Берсеркер знал человеческий язык, он подключил устройство, умеющее издавать звуки, и заговорил.

Доминго услышал, как машина заговорила. Голос ее был скрипучий, нечеловеческий, но слова — понятны:

— У меня нет летательных аппаратов.

— Врешь, негодяй,— сказал Доминго. Голос его был холоден и бесстрастен. Он хотел вырвать душу врага, пролить последнюю каплю его крови. Он хотел видеть, что враг умирает, осознавая свое поражение.

— Лжец,— прошептал он.

Он направил лазерный луч на один из пультов, содержащих память берсеркера, и начал бить по нему.

Когда вход на пульт открылся, Доминго начал изучение его компонентов. Они были маленькими, не больше кулака; он брал их в руки по очереди и долго рассматривал. Благодаря им он узнал координаты секретной ремонтной базы, обслуживающей «Левиафан» многие века.

«Ценная информация», подумал капитан. Но был попрежнему неудовлетворен результатами исследований.

Мозг берсеркера был вдребезги разбит оружием Доминго и разобран его руками и теперь мало, что осталось от него, за исключением банка данных. Мозг этот уже не был в состоянии планировать какие-либо разрушения.

Доминго взял в руки еще одно устройство. Этот маленький осколок машины хранил в своей памяти результаты исследований, проведенных берсеркером в биолабораториях и Доминго понял, что его усилия увенчались успехом. Он нашел, что искал. Берсеркер, наконец нашел форму оптимального оружия против человечества, и, согласно изображению, спроецированному на декодере, основой этого оружия служил человек, из потомков землян. Однако, Доминго подумал, что это направление их исследований — малоперспективно.

Вдруг чувствительный микрофон капитана уловил странные звуки, исходящие от окружающего его металла. Он швырнул рассматриваемое устройство и схватил ору-

жие. Он прождал несколько минут, прислушиваясь и оглядываясь, однако, ничего не произошло. Слышен был только звук взрыва. Опасности Доминго не чувствовал.

«Левиафан» защитил бы и этот отсек, и свой центральный мозг, если бы был в состоянии сделать это. Здесь достаточно просторно и хватило бы места для одного летательного аппарата, если таковой нашелся бы, чтобы убрать пришельца. Такие аппараты были небольшие, по крайней мере те, которые видел Доминго. Когда они отправлялись на поверхность планетойды с целью их стерилизации, они должны были быть способны проникнуть даже на самые малые объекты. Даже в пещеру,— в небольшую прячущуюся под нависшей скалой...

Но Доминго не встретил какого-либо сопротивления с тех пор, как ступил на борт «Голубой смерти». Можно было даже подумать, что его тут приветствовали как друга — раз не сопротивлялись.

Неужели «Левиафан» был действительно беспомощен? Или, может быть, его маленькие машины делали свою работу где-нибудь еще, в другом месте?

— Послушай, лживый негодяй! Давай свои аппараты... Где они? — закричал Доминго.

Теперь даже сама сердцевина мозга «Левиафана» быстро умирала. Действия Доминго ускорили этот процесс.

Зловещая программа этой проклятой громадины была почти полностью стерта. Только детонатор «си-плас» продолжал действовать, готовясь к последнему броску.

Разум берсеркера постепенно угасал и его осталось только на размышления: стоит ли отвечать на последний вопрос и зачем.

Но Доминго не хотел ждать ответа. Он судорожно сломал еще один пульт, в котором, как был уверен капитан, находилась еще одна часть мозга «Левиафана». Он по-прежнему не мог чувствовать радости от окончательной победы и мести.

— Ты помнишь, проклятая машина, ... ты помнишь планетойду ... колонию по имени Шубра?

Угасающий разум берсеркера теперь, наряду с другим, потерял и способность лгать. Разрастающиеся повреждения уверенно разрушали его и на данном этапе мозг сохранил только способность отвечать на вопросы.

— Я помню это.— Голос машины был хриплый и неустойчивый.

— Тот день, когда ты уничтожил жизнь на этой планетойде, ты помнишь? ... когда ты отправил свои маленькие аппараты, чтобы убедиться ... ты помнишь? ... чтобы убедиться, что ты довел работу до конца. Ты отправил один аппарат в одно, особенное убежище ...

Устройства памяти еще не совсем вышли из строя и после, секундного молчания, берсеркер ответил:

— Нет!

— Голос Доминго тоже менялся. Он говорил прерывисто, дыхание учащалось, и он думал, что задохнется.

— ...в убежище под одной... нависшей скалой. Твой аппарат отправился туда и убил одно юное создание... Ты помнишь?

— Нет.

— ...Он убил ее...— Доминго слышал, как кровь стучала в висках. Он слышал собственное дыхание внутри шлема и испугался, что его сердце не выдержит.— Что ты имеешь в виду, говоря «нет»? — Он боялся, что сейчас умрет от разрыва сердца и будет повержен перед своим смертельным врагом. Нет, только не это.

— Когда я нападал на Шубру, у меня не было аппаратов. Ни одного. Последний я сбросил на Лайоунинг.

— Ты лжешь?

— Нет.

Капитан глубоко вздохнул и его вздох был похож на рыдание.— Десять лет назад,— сказал он.— Нет, скорее одиннадцать. Ты уничтожил транспортный корабль,— и он назвал корабль.— Ты убил всех, не оставив никого в живых. Там была моя жена и мои дети. Ты это можешь понять?

— Когда и где?

Доминго сообщил необходимую информацию.

— Нет, я не уничтожал этого корабля.

— Врешь, негодяй!

— Нет. Бывают несчастные случаи.

Вновь прозвучал неясный металлический звук, и Доминго отпрыгнул в сторону, готовый стрелять. Но мишени не было.

Он усилил чувствительность микрофона на своем скафандре. И услышал что-то постоянно работающее, гудящее...

— Ах ты, лгущий подлец... негодяй...— Он был готов заплакать.— Где твои поражающие аппараты?

— Они готовятся...— последовала пауза, затем тот же, лишенный эмоций голос добавил: — Готовят детонацию «си-плас», которая взорвет крышу... убежища с живыми существами... Убежища, которое там внизу, под...

— Останови их!

В переговорах наступила пауза.

— Остановил. Живые существа...

И все. Последовала тишина и ничего более.

Далекое гудение прекратилось. Доминго с подозрением начал обыскивать то, что осталось от мозга врага.

— Чертов предатель... Я не верю тебе.— Но только тишина ответила ему по радиосвязи.

— Нет, не несчастный случай с тем транспортным кораблем, нет,— Он помолчал.— Несчастный случай?

Но машина больше не отвечала ему. Он искал, осматривал и проверял. Но ему не удалось найти признаков жизни у берсеркера. Мозг умер. Где бы ему найти его проклятую душу?

«Значит здесь нет летательных аппаратов. И он не посылал их на Шубру. У него их не было...»— думал он.

Капитан вспомнил про приводное устройство «си-плас». Он должен проверить его, чтобы убедиться, что с «Голубой смертью» покончено. Ему потребовалась только одна или две минуты, чтобы добраться туда, через зал для машинного оборудования.

Устройство «си-плас», окруженное мелкими рабочими машинами, было неподвижно. Доминго рассматривал их долгое время, а затем схватил оружие и стал стрелять.

Потом он вернулся в центральный отсек «Левиафана», где покоился мертвый мозг берсеркера и понял, что аппараты не нападали на Шубру. Его руки мелко и противно дрожали. Раньше такого не было никогда.

ГЛАВА 24

В одном из длинных проходов, сходящихся к месту, где сидел Доминго, вдруг показался свет. Он приближался по коридору, где никогда прежде не ступала нога человека и который теперь был завален оборудованием, разрушенным во время атаки «Левиафаном». Свет был ярким и по мере приближения отбрасывал вокруг себя дрожащие, меняющиеся тени.

Капитан вскочил на ноги, подавляя желание закричать. Затем, молча сделал шаг назад и двумя руками, как в замедленной съемке, схватился за оружие, до сих пор висевшее на плече.

Он стоял и молча ждал. Вдруг к нему вернулось бешеное подозрение... Приближающаяся тень была слишком мала для летательного аппарата. Может быть, это андройд? Размер как раз подходил для него.

Но это был не андройд. Светоносящее пятно постепенно превращалось в человеческую фигуру, одетую в космический скафандр, принадлежащий «Пэрлу».

Спэнс Бенкович, увидев направленное на него дуло автомата, резко остановился. Минуту стояла звенящая тишина. Затем Бенкович заговорил по рации.

— Я пришел на поиски. Я должен был посмотреть, что ты делаешь?

— Я тебе приказывал оставаться на корабле,— выговор капитана казался чисто механическим.

— Я не мог оставаться там,— сказал Бенкович просто.— Я должен был посмотреть, что ты делаешь.

Они взглянули друг на друга.

— Я тоже о тебе думал,— сказал Доминго.— Меня интересует причина твоего вступления в мою команду... Настоящая причина.

— Я не мог держаться в стороне, понимаешь? Я должен был отправиться с тобой. Я должен был знать, что ты собираешься искать.

— Ты — «гудлайф», Спэнс, не так ли? Я прав, да?

На лице Спэнса над пластиком шлема проглянуло замешательство. Он ожидал от Доминго всего, что угодно, только не этого.

— «Гудлайф»? Какого черта? Откуда ты взял? — протест выглядел слабым, неубедительным. Бенкович был на грани не то смеха, не то слез.

— Отвечай. Это так?

— Ничего подобного, капитан. Нет! Ничего подобного!..— Спэнс показал рукой на разбросанные у ног Доминго детали уничтоженного мозга «Левиафана».— Он теперь мертв?

— Он был мертв все это время, Спэнс. Теперь он выведен из строя и разобран.

Бенкович кивнул утвердительно. Минуту или две они помолчали, будто им не о чем было говорить. В одной из близлежащих пещер раздались механические звуки. Спэнс тут же схватился за кобуру у пояса, но вспомнил,

что пришел невооруженным. Все это время Доминго продолжал целиться в Бенковича.

— Он напрочь выведен из строя, но тем не менее успел рассказать мне очень многое. Я узнал кое-какую правду от него. Он не имел летательных аппаратов. Уже много месяцев, понимаешь? Этот берсеркер не имел ни аппаратов, ни андройдов.

Спэнс, не отрываясь, смотрел на него, будто надеясь, что узнает что-нибудь спасительное для себя.

— Он лишился всего еще в Лайоунинг,— продолжал капитан,— до нападения на Шубру.

Брэнвен Гэлуей в полубессознательном состоянии лежала в своей каюте и стонала. Ей пришлось оставить боевой пост. Она так и не смогла прийти полностью в себя и нуждалась в медицинской помощи. Но убеждала себя, что должна подняться и довести одно очень важное дело до конца... Застрелить Спэнса Бенковича, если тот еще раз посмеет переступить ее порог.

Искатель был жив, но после пережитого напряжения снова погрузился в летаргический сон.

Фактически, Симеон остался единственным активным человеком на борту «Пэрла», хотя и находился на пределе. Только долг задерживал его на посту.

В центральной полости поверженного берсеркера Бенкович медленно сел на металлический выступ, когда-то предназначавшийся для совсем иных целей, и обхватил руками голову, на которой все еще покоился шлем.

Капитан продолжал стоять. Он пошатывался, несмотря на естественную гравитацию. Механические звуки, временами исходящие из полостей берсеркера, прекратились, но шум в его голове остался. Он ощущал рев и свист, как после оглушительного взрыва. Минуты, казалось, тянулись вечно, как во время боя с «Левиафаном».

Доминго опустил автомат, но он ничего не мог с собой поделать: пальцы, сжимавшие оружие продолжали мелко дрожать.

— Расскажи мне, что случилось тогда, в тот день,— голос Доминго звучал, как у актера, пытающегося вспомнить фрагмент из своей роли.

Спэнс утвердительно кивнул и шлем его съехал набок. Он не смотрел на Доминго, а уставился в один из затемненных проходов разрушенного берсеркера.

— Часть, большая часть из того, что я рассказывал

тебе — правда,— выговорил он, наконец.— Первая часть того, что я всем рассказывал — действительно правда.

— Расскажи еще раз. Все. Я хочу знать всю правду.

Бенкович снова кивнул головой. Он говорил с трудом, будто вспоминая события давно минувших дней.

— Тогда, на свадьбе, после сигнала тревоги, я побежал вместе со всеми и занял место на своем корабле. Я еще ни о чем не думал...— Монолог прервался.

— Продолжай.

И он продолжил. Он рассказал, что когда все корабли поднялись, он тоже улетел с Шубры на своем одноместном бомбардировщике и отправился на свой спутник.

В космосе он увидел, как Доминго повел свой спасательный эскадрон на Лайоунинг.

— Меня тогда охватило желание присоединиться к вам и тоже принять участие в спасательной операции. Но уже было поздно.

— Продолжай...

Бенкович сообщил, что передумал и изменил курс, решив провести собственное небольшое патрулирование округи. Он связался со своим спутником и сообщил женщинам по радио о надвигающейся беде, приказав им спуститься в убежище в подземелье и отсидеться там.

Бенкович не думал, что берсеркер нападет на Шубру в ближайшее время и считал, что женщины будут там в безопасности.

— Я должен был вернуться и забрать их на корабль. Я должен был забрать их оттуда, но не сделал этого,— он передернул плечами.— Другой бы именно так и поступил.

— Продолжай.

Предупредив своих женщин, Бенкович на несколько часов отправился патрулировать окрестное пространство. Но безуспешно. Хотя то, что он является опытным пилотом, любой может подтвердить.

— И я никогда ничего не боялся, ты знаешь,— сказав это, Спэнс поднял голову и осмотрелся вокруг. Он как бы хотел подчеркнуть, что его присутствие здесь тому подтверждение.

Далее он отказался от бесплодных поисков и вернулся на Шубру. Вернее, в ее поле видимости. Он прибыл как раз в разгар нападения «Левиафана» на колонию.

— Ты уже все это рассказывал прежде.

— Да! И до сих пор все, что я рассказывал тебе — сущая правда.

— А теперь расскажи мне остальную правду.— Доминго продолжал стоять. Не в силах унять дрожь в руках, он положил автомат на какие-то приборы перед собой.

— Да. Я сам хочу этого,— его голос становился все тише. Он качался, и временами казалось вот-вот упадет.

— Господи! Какое испытание ты нам уготовил с этой охотой! Я еще чувствую ее. Все это до сих пор меня переполняет.

Доминго ждал.

— Ну, так... Что произошло в действительности... Хорошо...— Бенкович снова надолго замолчал.— Но это все кажется нереальным сейчас.

— Нет, это реальность. Проклятая реальность. Продолжай.

И он продолжал. Он не видел, чтобы «Левиафан» поражал индивидуальные защитные посты ракетами или снарядами, но предполагал, что берсеркер еще имеет летательные аппараты и андройды, так как это стандартное оборудование для любого крупного берсеркера.

— Я даже представить не мог, что он... Я бы тогда пришел сюда совсем не так как сейчас.

— Продолжай.

Бенкович не помнил сколько времени дрейфовал в своем маленьком, одноместном корабле. Он находился на безопасном расстоянии, далеко от орбиты своего спутника и оттуда наблюдал, как берсеркер безжалостно уничтожал Шубру, а потом, выполнив свою разрушительную программу, убрался прочь. Благоустроенная колония за несколько часов превратилась в дымящиеся руины.

Бенкович отправился на спутник и там застал жуткую картину. Все было разбито и уничтожено. В живых осталась одна, единственная женщина, но она была серьезно ранена. Он оказал ей посильную помощь и оставил одну на попечении медицинского робота — единственной машины, уцелевшей после нападения.

Разрушения всегда действовали по-особому на Бенковича — они завораживали и гипнотизировали его. И на этот раз, зачарованный, он снова отправился на Шубру.

— То, что я увидел, вернувшись туда, не описать словами. Все разрушено и уничтожено. Радиосигналы молчали. Я решил приземлиться и проверить вдруг есть уцелевшие, и я могу им помочь. Вот основная цель, из-за которой я вернулся туда... А теперь я увидел... я на-

чал осознавать весь ужас происшедшего... Я не знаю... Все кончено. Все разрушено... Это заводит меня некоторым образом... Понимаешь? Нет, думаю тебе этого не понять.

— Говори. Я хочу услышать все.

— Ты, наверное, знаешь уже, не так ли?.. Я чертовски устал... Чертовски... Нет выхода. Но вначале я тебе все расскажу.

— Давай.

— Итак... Наконец, мне удалось различить слабый радиосигнал, где-то совсем рядом. Он не мог идти издалека, потому что вокруг большая ионизация. Это был крик о помощи. Я ответил и пошел на него. Она... назвала себя.

— Моя дочь?

— Да. Это была Меймио. Не знаю, узнала ли она мой голос. Но думаю... Я себя не называл. Но она сообщила свои координаты, и я нашел укрытие. Тамбур укрытия все еще держался и был закрыт. Она... она увидела меня снаружи. И когда убедилась, что я — человек, а не машина, она... впустила меня.

— Но дверь... массивная дверь в убежище была взорвана.

— Это моя работа. Я взорвал ее потом... выстрелом из пушки с моего корабля. Чтобы подумали, что это дело рук берсеркера, понимаешь?

— Понимаю. Продолжай.

— Я сказал ей, что все позади. Атака закончена. Но вначале она не поверила мне. Не думаю, что она узнала меня, даже тогда. Она была в шоке. Что-то вроде усталости от боев. Но, похоже, она не была ранена. Только немного контужена.

— Как Гэлуей...

— Да, именно так. А потом... потом на меня нахлынуло. Я сказал ей, чтобы сняла скафандр. И она сделала это. Она была в полном шоке и выполняла любые приказы. Я заставил ее снять скафандр, а потом — белое платье, а затем... лечь на пол. Потом она начала сопротивляться, но я... После... я подумал, что не могу оставлять ее здесь, потому что ты знаешь, она, вероятно, все запомнила...

Последовала долгая, мучительная пауза.

— А запомнив, она все рассказала бы,— заключил Бенкович.

— И ты убил ее?

Спэнс взглянул на капитана.

— Я не мог оставить ее, понимаешь? Я не мог поступить иначе.

Это была правда. Правда, которая пугала его гораздо больше, чем оружие капитана. Он уставился на дуло и тоскливо следил за его перемещением, пока Доминго медленно целился в него.

Когда Полли и Гьюджар вбежали в отсек, Доминго все еще продолжал сидеть. С ними вошли еще несколько незнакомцев. Это были люди из команды Гьюджара. Они пришли сюда, чтобы спасти капитана Доминго, хотя и сомневались, что найдут его или кого-либо другого в живых здесь, в брюхе «Левиафана».

Вновь прибывшие увидели в стороне обезглавленный труп Бенковича, но не удивились. Все подумали, что это дело рук берсеркера.

Симеон, Искатель и Брэнвен до этого уже переговорили со спасателями по радио и теперь приветствовали их возвращение на корабль. Они привели с собой Доминго.

Так никто на борту «Пэрла» и не узнал о том, что произошло между Бенковичем и капитаном тогда, на разрушенном «Левиафане».

Найлс Доминго расскажет эту историю один единственный раз, только одному человеку. Но это будет много лет спустя.

А теперь Полли и Доминго снова рядом и оставили уничтоженный берсеркер, чтобы отправиться вместе за ее детьми.

Прежде чем уехать навсегда Доминго долго и задумчиво рассматривал окружающее пространство. Ему казалось, что он видит это место впервые.

КРЫЛАТЫЙ ШЛЕМ

Его руки были подняты вверх, его серая борода и черные одежды бились на ветру. Номис стоял на плоской вершине утеса на высоте добрых ста футов над шумящим прибоем. Белые чайки плыли к нему по течению, а затем неожиданно взлетали с резкими криками, словно их маленькие души испытывали боль.

С трех сторон от него возвышались над морем черные базальтовые скалы. Перед ним простиралось необъятное волнующееся море.

Широко расставив ноги, он стоял в центре замысловатой диаграммы, мелом начерченной на утесе. Вокруг себя он разложил предметы своего ремесла — вещи мертвые и иссушенные, вещи старые и изрезанные, вещи, которые обычный человек выбросил бы и забыл. Своим тонким пронзительным голосом Номис пел под аккомпанемент ветра:

Собирайтесь, тучи черные,
Появляйтесь, злые молнии,
Волны жадные, зеленые,
Моего врага ищите,
В море яростно топите,
Пусть его корабль взорвется,
Мертвым эхом отзовется.

Это и впрямь было похоже на песню, и он повторял эти слова много раз. Тонкие руки Номиса дрожали, устав держать над головой обломки разбитого корабля. А птицы все кричали над ним, и ветер трепал его редкую седую бороду.

Сегодня он был утомлен, чувство, что вся его дневная работа была напрасной, не покидало его. Сегодня ему не было даровано никакого знака успеха. Он и раньше редко их получал. Это были либо его беспокойные символические сны, либо грезы наяву — темные моменты экстаза, пронизывавшие странными видениями его разгоряченный мозг.

За свою жизнь Номису не часто удавалось своей волей вызвать злые силы, чтобы покарать своих врагов. Успех своего колдовства у него самого вызывал гораздо больше сомнений, чем у тех, кого он заставлял верить в свои способности. Он был абсолютно уверен, что силами природы можно управлять посредством магии, но успех зависел не столько от мастерства и искусства заклинателя, сколько от его везения.

Дважды в своей жизни Номис пытался вызвать бурю. И только один раз ему улыбнулась удача. После этого в нем зародилось сомнение в себе. Скорее всего, это было простое совпадение — буря надвигалась сама. С тех пор неуверенность в своих силах не оставляла его.

Теперь же, несмотря на все свои сомнения, он упорно пытался добиться успеха в этом скрытом от всех месте, где провел в заклинаниях уже трое бессонных суток. Таковы были его страх и ненависть к человеку, который должен был в это время находиться в море и приближаться к этому берегу. Он вез с собой нового Бога и желание стать правителем этой страны, называвшейся Квинсленд.

Угрюмые глаза Номиса, вглядывавшиеся в морскую даль, заметили, что там начали появляться сильные всплески волн. Однако, они выглядели насмешкой над его стараниями, так как совсем не походили на ту страшную бурю, способную раздавить корабль, которую он так старательно пытался вызвать.

* * *

До скал Квинсленда, лежавших вдали безжизненной полосой, оставалось грести еще день. Погода начинала портиться. Харл нахмурился, глядя на серое море. Его руки с ленивой уверенностью отдыхали на руле корабля.

Тридцать гребцов, вольных людей и воинов, тоже были обеспокоены вспенивающимися впереди волнами. У них было достаточно опыта в мореходстве, и они понимали, что нужно грести медленнее. Это позволяло легче проскакивать волны. По безмолвному согласию люди стали реже опускать весла.

Налетел легкий прохладный бриз. Затрепетали флажки на мачтах со спущенными парусами и бахрома пурпурной королевской палатки, которая стояла посередине корабля.

В палатке, один на один со своими мыслями, находил-

ся молодой мужчина, которого Харл называл королем и господином. Хмурое выражение исчезло с лица Харла, как только он подумал, что, вероятно, молодой Ай удалился в палатку, чтобы продумать план битвы, которая неминуемо ждала их. Племенам варваров не было никакого дела до нового Бога или до крушения старой империи, но они непременно захотят испытать волю и храбрость молодого правителя Квинсленда. В этом не было никакого сомнения.

Харл улыбнулся, когда подумал, что его молодой господин может в этот момент и вовсе не думать о войне. Наверняка его сейчас занимает другой предмет — принцесса Аликс. От ее согласия принять руку и сердце Айя зависела судьба королевства и армии. Говорят, все принцессы красивы, но у этой, по слухам, был еще и характер. И если она была такой же, как и те девчонки знатного происхождения, которых встречал Харл, то покорить ее будет так же трудно, как вождя варваров, а может быть, и еще труднее.

Лицо Харла, которое только что было настолько веселым, насколько позволяли его шрамы, снова нахмурилось, ему пришло на ум, что король мог уйти в палатку для того, чтобы попрактиковаться в чтении. Ай уже давно был обожателем книг и, без сомнения, взял парочку с собой в плавание.

А может быть, он в это время молился своему новому доброму Богу рабов. Несмотря на молодость и прекрасное здоровье, Ай все же слишком серьезно относился к богослужению.

Хотя голова Харла и была занята разными мыслями, он, как всегда, оставался настороже. Неожиданно у левого борта раздался странный слабый всплеск. Он повернул голову в ту сторону, и его мысли сразу же оборвались, а кровь застыла в жилах.

Прямо возле корабля, закрывая горизонт и далекие облака, возвышалась голова чудовища с мордой дракона из какой-то зловещей легенды. Тускло блестевшая шея, поддерживающая голову, была такой толщины, что мужчина не мог бы обхватить ее обеими руками. Только морские демоны могли знать, каким было его туловище, скрытое под водой. Его глаза были как два затуманенных дымкой солнца, каждый размером с большое серебряное блюдо. Чешуя головы и шеи была серой, тяжелой, казавшейся железной. Рот походил на гроб с приоткры-

той крышкой, сквозь щель которого был виден забор из зубов-кинжалов.

Длинная, как якорная цепь, шея, покачиваясь, добралась до судна. Ее чешуя стала скрести деревянное покрытие планшира. Люди в испуге и растерянности закричали, но в следующее же мгновение все храбро схватились за оружие. Большой Торла, самый сильный в команде, на этот раз оказался и самым быстрым. Поставив ногу на скамейку для гребцов, он стал рубить своим мечом эту раскачивающуюся ужасную шею.

Но удары, с лязгом наносившиеся по тусклой чешуе, были абсолютно бессильны. Дракон даже не ощущал их.

Его голова перестала качаться и повернулась к входу в пурпурную палатку. Из щели этой жуткой пасти раздался пронзительный крик. Столь мощного вызова на бой не слышали в своей жизни даже бывалые воины, подобные Харлу.

Шум голосов и звон оружия ясно дали понять королю, что же происходило на палубе. Еще не успел стихнуть вопль дракона, как полы палатки распахнулись, и из нее вышел молодой Ай, вооруженный мечом, в боевом шлеме и со щитом в руке.

Харл почувствовал необычайную гордость за юношу, который ни на шаг не отступил от вставшей перед ним опасности. Харл вытащил левой рукой свой короткий топор из-за ремня и бросил его в чудовище. Не нанеся никакого вреда, звякнув об огромный глаз-блюдо, топор упал. Чудовище, вероятно, даже не заметило удара. Чудовищная голова дракона, неожиданно широко раскрыв пасть, сделала выпад в сторону короля.

Ай мужественно встретил его. Своим длинным мечом он попытался пронзить черную глотку изнутри, но для дракона этот удар был не страшнее, чем укол булавкой. Мгновенно его челюсти захлопнулись, раздавив Айя. Затем исполинская голова поплыла прочь, уносимая длинной шеей. Взгляду людей предстала жуткая картина: зубы дракона сжимали тело короля, раздробленные ноги которого свисали наружу. Снова раздался слабый всплеск воды, и зловещее чудовище исчезло. Освещенное солнцем море как обычно катило свои волны, скрывая свои страшные тайны в глубине вод.

Остаток дня прошел на корабле почти в полном безмолвии. Судно круг за кругом ходило на том ничем не отмеченном месте, где вода поглотила его господина. Оно было в полной боевой готовности, но не с кем было

биться. Стала приближаться большая волна, и люди предприняли все меры, чтобы встретить ее, но волна, даже не успев раскачать корабль, откатилась назад.

К концу дня море снова успокоилось. Щурясь в лучах заходящего солнца, Харл отдал резкую команду: «Отдых!»

Уже давно его затупившийся топор был найден и водворен на место — за пояс. О трагедии, случившейся на палубе, напоминали лишь несколько кусков дерева, содранных с планшира чешуей дракона, разбрызганные капли крови и упавший с головы Айя крылатый шлем.

* * *

Деррон Одегард, недавно награжденный орденом и получивший внеочередное — на три ступеньки выше — звание майора, сидел на заседании отрядов особого назначения, открытого новым командиром Временной Оперативной службы. Он выполнял обязанности адъютанта.

В этот момент Одегард с профессиональным и дружеским интересом слушал своего бывшего одноклассника Чана Амлинга, ныне майора службы Исторических Исследований, делавшего короткое информационное сообщение.

— Как теперь нам всем стало известно, последнее нападение берсеркеров было совершено на одного человека. Их мишенью оказался король Квинслендский Ай, чей уход из жизни явился невосполнимой утратой для нашей истории.

Амлинг, остроумный человек и умелый оратор, снисходительно улыбался, глядя поверх голов своих слушателей.

— До совсем еще недавнего времени большинство историков сомневалось даже в его существовании. Но как только мы начали непосредственные расследования, его историческая значимость была сразу же подтверждена.

Амлинг повернулся к электронной карте и стал атаковать ее жестами учителя.

— Мы видим здесь, как сокращалась и распадалась Великая Континентальная Империя, что в конце концов привело ее к краху. Теперь обратите внимание — это Квинсленд. Во многом благодаря деятельности и влиянию короля Айя Квинсленд смог сохраниться в таком

сравнительно стабильном состоянии, оберегая для последующих цивилизаций нашей планеты фундаментальную часть культуры империи.

Новый командир Временной Оперативной службы, словно студент, поднял руку. В это время докладчик рассказывал уже о разведывательной экспедиции, которую собирались послать на луну или, по крайней мере, на Сиргол вместе с полковником Борсом и другими.

— Майор, признаться, мне кое-что не совсем понятно. Ведь Ай и сам был немного варваром, не так ли?

— Да, он действительно был таким сначала. Но будем говорить проще — когда он осознал себя собственником земли, которую нужно было защищать, он прекрасно с этим справился, отказавшись от своих пиратских набегов. Долгое время он был одним из налетчиков и варваров, поэтому знал все тонкости их игры. И он так хорошо исполнял свою роль по другую сторону борьбы, что на него предпочитали не нападать.

Ни у кого на этот раз не было вопросов к Амлингу, и он сел. Следующим офицером, занявшим место во главе стола, был майор службы Анализа Вероятности, чья манера говорить была не более убедительной, чем его речь.

— Джентльмены! — начал он нервным голосом.— Мы не знаем, как был убит Ай, зато знаем где.

Майор продемонстрировал видеопленку.

— Его жизнь недавно оборвалась здесь, во время его первого похода на Квинсленд. Как видите, все остальные люди на корабле остались живы. Наверное, враг посчитал, что, уничтожив команду Айя вместе с ним, он может нанести вред историческому развитию. Нам в службе Анализа Вероятности кажется, что это предположение во многом оправдано.

Лицо Амлинга выглядело так, словно он собирался перебить докладчика и поспорить с ним, или, скорее, заключить с ним пари.

«Неправильно составлен регламент,— подумал Деррон.— Службе Вероятности следовало дать слово до Амлинга».

Майор службы Вероятности остановился, чтобы сделать глоток воды.

— Честно говоря, ситуация в настоящее время крайне серьезная, через девятнадцать или двадцать дней ударная волна Айя дойдет и до нас. Больше времени мы не имеем, это все, что у нас есть. Я знаю, что шансы

обнаружить замочную скважину врага за эти девятнадцать дней отнюдь не велики.

Раздраженное уныние быстро поползло по лицам людей, сидевших за столом, делая их напряженными помимо воли. Только новому командиру удавалось сохранить относительное спокойствие.

— Боюсь, вы правы, говоря о трудностях обнаружения этой замочной скважины, майор. Разумеется, в этом направлении предпринимаются все возможные попытки. Затруднение в том, что врагу удается ловко прятать свои следы. На этот раз он атаковал только одной машиной вместо шести, что значительно усложняет нашу работу. И сразу же после того, как было совершено убийство, та единственная машина где-то спряталась. Она не покинула того времени, когда жил Ай, и она будет пытаться запутать наши расследования и направить их на ложный путь. В то же время она будет действовать очень осторожно, чтобы не оставить нам никаких следов.

Командир Оперативной службы наклонился вперед, становясь все более возбужденным.

— Итак, у кого есть идеи, касающиеся способов проведения контрмер?

Первые предложения заключались в том, чтобы каким-то образом продлить жизнь Айя, чтобы он все-таки остался жив после убийства. Эту идею сразу же стали обсуждать на высоком техническом уровне. Естественно, верх в этом вопросе взяли ученые, но они никак не могли договориться между собой. Когда стали выдвигаться личные точки зрения, сплошь аргументированные формулами, командир Оперативной службы объявил получасовой перерыв.

Неожиданно получив немного времени в свое распоряжение, Деррон вышел и позвонил в общежитие медперсонала, находившееся в больничном комплексе, расположенном совсем рядом. Лиза жила сейчас там. Она обучалась на медсестру. Он обрадовался, когда застал ее дома и узнал, что у нее тоже найдется свободное время. Уже через несколько минут они вместе гуляли по парку, где впервые когда-то встретились.

У Деррона уже была готова тема для разговора, но Лиза все эти дни думала только об одном.

— Знаешь, Матт выздоравливает так быстро, что удивляет всех докторов.

— Прекрасно. Мне нужно будет зайти навестить его на днях. Я уже хотел было, но потом подумал, что будет

лучше подождать, пока мы сможем поговорить друг с другом.

— О, Господи! Он уже разговаривает!

— На нашем языке? Уже?

Ей было приятно рассказать ему все подробно.

— Что касается его быстрого выздоровления, врачи считают, что причина вполне объяснима. Ведь он появился из такого далекого прошлого. За короткий срок ему пришлось пройти все ступени эволюции за двадцать тысяч лет, что ускорило все энергетические процессы его мозга и тела. Конечно, мне понятно не слишком много. Врачи говорят о какой-то сфере, где материальное встречается с нематериальным.

— И что?

— И, кажется, Матт понимает их так же, как и я, если не лучше. Он уже почти все время на ногах. Доктора дали ему свободу. Он такой послушный: никогда не войдет в комнату, если висит табличка «Вход запрещен», никогда не касается опасных предметов...

— И что?

— Я уже говорила тебе, что приостановили коррекцию его лица? До тех пор, пока он сам не примет окончательного решения, каким он хочет видеть себя.

— Я уже что-то слышал об этом. Лиза, сколько времени ты еще собираешься жить в больнице? Это действительно только потому, что ты изучаешь медицину, или... что-то еще? — он чуть было не добавил»: «Это Матт?»

Ее лицо немного вытянулось.

— Иногда мне кажется, что это не мое призвание — быть медсестрой. Но пока я не собираюсь переезжать. Мне трудно жить в больнице, когда мне самой каждый день проводят терапевтические сеансы.

— Уже есть какие-нибудь результаты?

Деррон знал, что по убеждению врачей, Лиза просто потеряла память, когда перед ней разорвался снаряд берсеркера. Какое-то время некоторые считали, что она могла быть шпионкой или дезертиром из будущего и что память она потеряла, путешествуя во времени. Однако исследования линии ее жизни ничего подобного не подтвердили. В самом деле, ни одного человека, ни одного прибора, ни одного сообщения еще не отправляло будущее в эту всегда готовую к обороне цивилизацию, называвшую себя современной. Наверное, жители неизвестного грядущего времени имели свои собственные соображения, по которым воздерживались от общения. А может

быть, планета будущего Сиргол была не заселена людьми. А может, будущее было просто заблокировано от настоящего времени, что в какой-то мере было на руку. В таком случае ни одна машина-берсеркер не могла напасть оттуда на настоящее.

— Нет, терапия почти не помогла.

Лиза тихонько вздохнула. Она почти ничего не помнила о своей жизни. Ударная волна взрыва стерла ее память. Она решила переменить тему и снова вернулась к Матту, рассказывая о его новых успехах.

Деррон, не слушая ее, на секунду закрыл глаза. Он смаковал те ощущения, которые приносило ему присутствие Лизы. В этот момент он наслаждался прикосновением ее руки, запахом травы и земли под ногами, теплыми лучами псевдосолнца на его лице. В следующий момент все могло исчезнуть — взрыв снаряда снова мог сотрясти воздух или суровая нитка жизни короля Айя могла быстрее, чем ожидалось, распустить ткань истории, ведя к разгадке тайн.

Он открыл глаза и увидел ограду кладбищенского парка и невероятно живых, поющих и порхающих птиц. Там, где были зоны отдыха, как всегда, толпились люди, прогуливаясь парочками и по одному. Места, где затоптанная трава не могла уже подняться, садовники оградили металлическими сетками. Во всем была видна попытка имитировать настоящий, натуральный мир. В присутствии Лизы он несомненно становился лучше.

Деррон показал рукой на деревья.

— Где-то здесь то дерево, под которым ты упала, а я тогда побежал спасти тебя. Но скорее это ты спасла меня тогда...

— Я спасла тебя? От чего?

— Я медленно умирал от одиночества среди сорока миллионов людей. Лиза, я хочу сказать тебе, что ты должна уехать из больничного общежития.

Она отвела глаза, посмотрела вниз.

— Если я это сделаю, где же я буду жить?

— Разумеется, я прошу тебя жить со мной. Ты больше не маленькая заблудившаяся девочка, ты самостоятельная, изучаешь медицину. Поэтому можешь решать. В этом районе есть несколько пустых квартир, и мы вместе могли бы выбрать одну из них. Это возможно. Особенно теперь, после моего повышения.

Она сжала его руку и ничего не ответила. Она была

молчаливо задумчива. Ее глаза следили за дорожкой, по которой они шли.

— Лиза, что ты скажешь?

— Скажи, что конкретно ты предлагаешь мне, Деррон?

— Послушай, вчера, когда ты рассказывала мне о проблемах своей новой подруги, мне показалось, что ты имеешь отчетливое представление о взаимоотношениях мужчин и женщин.

— Ты хочешь, чтобы я жила с тобой временно, так?

Ее голос был чужим и холодным.

— Лиза, ничего в мире нет постоянного. Только что на совещании... я не должен говорить тебе об этом. Но дела обстоят не так уж благополучно. Я хочу разделить с тобой то хорошее, что еще ждет нас впереди.

Она все еще молчала. Он повел ее по камням, положенным для перехода через ручей.

— Лиза, ты хочешь устроить свадьбу? Наверное, сначала я должен был предложить тебе официально выйти за меня замуж. И все же немногие будут осуждать нас, если мы обойдемся без росписи. К тому же, свадьба — это бюрократическая волокита и канцелярщина, требующая времени. Ты думаешь, мы поступим неправильно, если не зарегистрируемся?

— Думаю... нет. Меня тревожит то, что ты считаешь все временным. Боюсь, чувства тоже.

— Конечно, когда все так непостоянно! Это совсем не значит, что мне все это нравится. Но кто в нашем мире может сказать, что он будет чувствовать или думать через месяц, через год? Через год мы все можем...

Его голос затих.

Она стала подыскивать нужные слова и, наконец, нашла их.

— Деррон, в больнице я прониклась верой в то, что жизнь людей можно сделать более стабильной, не такой уж временной. Просто каждый человек должен иметь цель и идти к ней, строя, создавая ценности, какой бы короткой ни была его жизнь.

— Ты говоришь, что прониклась этими мыслями в больнице?

— Кто знает, может быть, я всегда была уверена в этом.

Где-то в глубине сознания Деррон чувствовал то же самое. Это ощущение появилось целую вечность назад, так давно, что, казалось, это было не с ним, а с кем-то

еще. Он не мог, да и не хотел сделать стоп-кадр своей памяти, чтобы поднять завесу над случившимся.

У Лизы был свой пример, подтверждающий ее мысль.

— Посмотри на Матта. Вспомни, как сильно был он покалечен. И с какими усилиями он борется за жизнь...

— Извини,— перебил Деррон, глядя на часы.— Я побежал. Я уже почти опоздал на заседание.

* * *

Ученые, разобравшись наконец, со своими вычислениями, пришли к единому мнению.

— Все сводится к тому,— начал объяснять их только что выбранный оратор,— что если мы хотим иметь хоть какую-то надежду на восстановление жизни Айя, то, прежде всего, нужно обеспечить неподвижность поврежденным частям его тела — наложить шину на сломанную руку или ногу, или сделать что-нибудь в этом роде.

— Но каким же образом вы собираетесь наложить шину на его оборванную жизнь? — потребовал разъяснений командир Оперативной службы.

Ученый нетерпеливо продолжал.

— Командир, единственное, что я могу предложить, это послать кого-нибудь на место Айя. Временно, всего на несколько дней. Чтобы он продолжил прерванное плавание короля в Квинсленд. Мы дадим ему коммуникатор, чтобы он, в случае необходимости, мог получать от нас ежедневные или даже ежечасные инструкции. Если берсеркеры на этом успокоятся, то можно будет закончить игру, которая позволит нам выжить.

— Как вы думаете, сколько времени человек может успешно играть эту роль? — перебил кто-то.

— Я не знаю.— Оратор-ученый слабо улыбнулся.— Джентльмены, я не знаю, сработает ли вообще этот план подтасовки. Такие эксперименты еще не проводились. Но я думаю, таким образом мы сможем получить несколько лишних дней или недель, чтобы позаботиться о себе.

Командир оперативной службы поскреб свой давно не бритый подбородок.

— Что ж, на сегодняшний день этот план у нас единственный. Но Ай жил двенадцать столетий назад. Это означает, что человеку, который заменит Айя, придется пройти этот путь во времени, верно?

— Боюсь, что да, сэр,— сказал биопсихолог.— Ум-

ственная деволюция происходит уже через четыреста лет.

Командир устало стал рассуждать вслух монотонным голосом.

— Что, если выйти из этой ситуации, послав туда робота? Нет, нельзя. Роботы не умеют действовать во всем, как люди. Это не будет достаточно убедительно. Что же остается? Нам нужно найти кого-нибудь из современников Айя, чтобы тот научил нашего человека, как вести себя там.

— Внешность тоже не имеет особого значения,— заметил кто-то.— Никто не знал ничего об Айе в Квинсленде. Была известна только его репутация.

— Полковник Лукас, офицер службы Психологии, откашлялся и сказал:

— Мы должны заставить команду Айя принять нашего посла. Для этого действительно требуется человек, а не машина. И было бы замечательно, если бы нам удалось перенести некоторых из них в настоящее время, чтобы несколько дней поработать с ними здесь.

— Мы можем это организовать, если есть такая необходимость,— сказал командир Оперативной службы.

— Хорошо.— Лукас что-то машинально рисовал в блокноте.— Вначале нам потребуются кое-какие транквилизаторы и антибиотики... Затем установим диагноз, обследуем все поврежденные места... Затем несколько дней гипноза. Я уверен, что-нибудь получится.

— Прекрасно, Лукас,— командир обвел взглядом всех сидящих за столом.— Итак, джентльмены, остается решить самую важную проблему. Кто же будет нашим подставным Айем?

«Разумеется,— думал Деррон,— кто-то еще кроме меня должен стать единственным кандидатом».

Он не хотел говорить этого первым, просто не хотел и все. Но, черт возьми, почему не он! У него было время подумать, и он четко построил каждую фразу своего выступления. Он откашлялся, обратив на себя внимание удивленных людей, которые почти забыли о его присутствии.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, джентльмены. Но разве все мы не знаем человека, которого можно было бы отправить во времена Айя, не причинив вреда его памяти? Я имею в виду человека, явившегося к нам из еще более глубокого прошлого.

* * *

Харл ясно представлял себе свои тягостные, мучительные обязанности. Он собирался отвести корабль в Квинсленд, а там предстать перед королем Горбодуком и принцессой. Ему придется смотреть им в глаза и рассказывать, что случилось с Айем. Постепенно Харлу становилось понятным, что ему могли не поверить. И что тогда?

Остальная команда сознавала, какой груз ответственности неожиданно свалился на него. Вот уже несколько часов после нападения чудовища они безоговорочно выполняли все его приказания. Уже садилось солнце, а Харл все заставлял грести. Он хотел, чтобы они плыли без остановок до самого Квинсленда даже ночью. Это могло отвлечь людей от печальных мыслей, которые непременно овладели бы их умами, останься они без дела.

Они гребли как слепые, как больные или даже как мертвые. Их лица были бледны от пережитого потрясения. Они не знали и не думали о том, куда плывет корабль. Часто их весла работали не в такт, сталкиваясь друг с другом или неловко шлепаясь на воду. Никто не бранился из-за этого, никто, казалось, даже этого не замечал.

Торла греб со стонами и проклятиями в адрес врага.

В пурпурной палатке стоял сундук с драгоценностями Айя. Когда улягутся печаль и скорбь, он станет еще одной проблемой для Харла. На крышке сундука, на почетном месте, лежал крылатый шлем. Это было все, что осталось от Айя.

Десять лет назад Ай был настоящим принцем, а его отец — королем. В то время, когда у Айя только начинала пробиваться борода, Харл попал к нему в услужение, став вскоре правой рукой принца. И приблизительно тогда же среди братьев, дядей и кузенов Айя стала, как чума, распространяться страшная болезнь — зависть и вероломство. Эта чума унесла жизнь отца Айя и разорила его дом. Королевство же растащили по кускам чужеземцы.

Наследство Айя сократилось до одного-единственного боевого корабля. Харл оставался искренне преданным своему господину. Он был также и терпелив. Он никогда не выражал недовольства по поводу книг и пристрастия принца к чтению. Он не был против молитв Богу, проповедующему любовь и милосердие, от которых сам же и пострадал.

Неожиданно какая-то сила пронеслась в воздухе, наклонив, повернув и раскачав корабль. Первой мыслью Харла было предположение, что вернулся дракон, задев дно корабля своим туловищем. Очевидно, люди подумали то же самое. Бросив весла, они схватились за оружие.

Но дракона не было видно. Почти со сверхъестественной скоростью туман стал окутывать корабль. Красный свет заката рассеялся в белой мгле. Выхватив свой боевой топор, Харл огляделся по сторонам. Ему показалось, что изменился даже ритм накатывающихся волн, даже запах моря. Воздух стал теплее. В этом странном мягком свете люди смотрели друг на друга, пытаясь понять, что происходит вокруг. Они держали в руках мечи, готовые к бою, и шептали что-то о колдовстве.

— Медленно гребите вперед! — приказал Харл, засовывая бесполезный топор за ремень.

Он пытался заставить свой голос звучать так, как будто у него был план действий. На самом же деле, он полностью потерял ориентир. Он передал руль Торле, а сам занял наблюдательную позицию. Затем он остановил гребцов, которые не успели сделать и пятидесяти ударов. Вода забулькала вокруг опущенных весел. Не дальше, чем на расстоянии выстрела из лука в тумане стал вырисовываться отлогий песчаный берег. Что за земля лежала здесь, совсем рядом?

Когда люди увидели берег, их голоса стали громче. Только одно они знали наверняка — всего несколько минут назад в их поле зрения не было видно никакой земли.

— Смотрите, впереди твердый берег!

— Он только кажется твердым. Не удивлюсь, если он растает, как дым.

— Колдовство!

Без сомнения, колдовство. Никто не спорил с этим. Здесь действовали какие-то сверхъестественные силы, добрые или злые. Но как вести себя в подобной обстановке? Харл перестал притворяться, что знает это, и собрал совет. После некоторых споров они решили грести прочь от берега, чтобы выяснить, удастся ли им выйти из-под власти колдовского видения.

Солнце давно зашло, но тусклый свет, просачивающийся сквозь туман, не исчезал. Наоборот, он даже усиливался по мере того, как таял туман, и чем дальше от земли, тем сильнее.

Когда корабль окончательно вышел из тумана, и у

Харла появилась надежда на освобождение от колдовских чар, прямо из моря, перегородив путь судну, встала черная стена. Не было видно ее краев, ни боковых, ни верхнего. Ее слегка вогнутая, гладкая поверхность отрезала все пространство, находившееся перед людьми. Запрокинув вверх головы, они увидели, что стена имеет форму гигантской опрокинутой чаши, нависшей над их маленьким кораблем. Высоко над ними, ярко, как солнце, горели огни. Они отбрасывали свет на белый туман и черную воду.

Люди стали громко молиться, призывая всех известных им богов и демонов. Они пронзительно кричали, что наступил конец света. Все думали, что попали на небо. Они чуть не сломали весла, когда с силой налегли на них, поворачивая корабль назад, к загадочной суше.

Харл был так же потрясен, как и все остальные, но он поклялся, что умрет, но не покажет людям своей растерянности. Один из них повалился на палубу, закрыл руками и стал выть: «Колдовство! Колдовство! Колдовство!» Он снова и снова повторял это слово. Харл пнул его ногой, а потом с трудом поставил на ноги. У него родилась идея.

— Да, колдовство! И только! — закричал он.— Это не настоящее небо и звезды, это мираж. Но если где-то здесь находятся волшебники, которые хотят нам зла, мы сумеем разделаться с ними. Ведь у них тоже есть кровь, и они смертны, а мы и сами еще не забыли два-три фокуса, правда?

— От этих слов люди немного приободрились. Там, позади, в тумане, еще оставался реальный мир, на который можно было смотреть, не теряя разума.

Почти ровным голосом Харл приказал плыть назад, в направлении берега. Люди охотно повиновались. Человек, которого страх свалил на палубу, поворачивал голову то вправо, то влево, глядя на своих товарищей и ожидая от них насмешек. Но никто в эти минуты не собирался шутить.

Они быстро добрались до пологого берегового склона. Он оказался настоящим, твердым. Когда корабль пристал к берегу, Харл, держа в руке меч, первым выпрыгнул на мелководье. Вода была теплее, чем он ожидал, и когда брызги попали ему на губы, ему показалось, что она пресная. Но к тому времени Харл уже перестал удивляться таким пустякам.

* * *

Один из учителей Матта, опередив Деррона на шаг, слегка постучал в дверь палаты, а потом немного сдвинул ее в сторону. Просунув в образовавшуюся щель свою голову, учитель сказал медленно и отчетливо:

— Матт, к вам пришел один человек. Он хочет поговорить. Его зовут Деррон Одегард, он сражался вместе с вами, в вашей эпохе.

Учитель повернулся, чтобы пропустить Деррона. Когда тот вошел в комнату, человек, сидевший до этого в кресле перед телевизором, встал. Он был прямой и высокий.

В этом мужчине, одетом в костюм и тапочки, которые обычно выдавали в больницах, Деррон не мог обнаружить никакого сходства с тем умирающим первобытным человеком, которого несколько дней назад он помог принести в больницу. Тогда его голова была обрита, и только теперь стал появляться ежик русых волос. Лицо Матта ниже глаз было покрыто пленкой, которая служила кожей до того момента, когда будет принято решение о его внешности.

На прикроватном столике, наполовину занятом учебниками для средней школы, лежало несколько набросков и разных фотографий, которые выглядели вариантами одного и того же лица молодого мужчины. У Деррона в кармане была фотография другого лица — лица Айя. Она была сделана специальным роботом-птицей, которого послали на задание как раз в тот роковой день, когда молодой будущий король отправлялся в свое роковое плавание в Квинсленд. Это была последняя фотография перед убийством. Обычно пространственно-временные витки не пропускали посланников других веков два раза в одно и то же место.

— Я рад вас видеть, Деррон.

Матт вкладывал истинное значение в слова этой расхожей фразы. Его голос был довольно низким, но если он будет звучать немного повыше, то его вряд ли отличишь от голоса Айя. Запись голоса принца была сделана одновременно с фотографией. Матт, так же, как и его учитель, разговаривал медленно, произнося слова подчеркнуто отчетливо.

— Я рад, что вы выздоравливаете,— сказал Деррон,— а также, что вы так быстро привыкаете к новому миру.

— Я тоже рад, что вы здоровы, Деррон. Очень хорошо, что ваша душа смогла покинуть тело металлического человека, в котором жила, потому что металлический человек сильно пострадал в бою.

Деррон улыбнулся, затем кивнул в сторону учителя, который занял у дверей позицию то ли тюремщика, то ли слуги.

— Матт, не давайте им надувать вас разговорами о моей душе. В том бою мне не угрожала прямая опасность, как вам.

— Надувать меня? — быстро спросил Матт.

— Деррон имеет в виду, что вы не должны позволять нам обучать вас не соответствующим истине вещам. Он шутит,— сказал учитель.

Матт нетерпеливо кивнул. Он знал, что такое шутка. Но не это занимало его в данный момент. Его волновало другое.

— Деррон, но все-таки это ваша душа была в металлическом человеке?

— Ну... скажем, это была моя электронная сущность.

Матт взглянул на телевизор. Когда вошли посетители, он выключил звук. Показывали что-то вроде исторического фильма.

— Мне немного рассказывали об электронике. Она переносит душу с одного места на другое.

— Вы имеете в виду, перенести глаза и мысли?

Казалось, Матт задумался, правильно ли он понимает эти слова. Решил, что правильно.

— И глаза, и мысли, и душу,— твердо сказал он.

— Эта ориентация на душу — его собственная идея, майор. Мы здесь ни при чем.

— Понимаю,— тихо сказал Деррон.

С точки зрения Оперативной службы эта склонность Матта к точности суждений и уверенность в сказанном была очень важной. Такая непоколебимость просто необходима агенту, у которого, естественно, должны быть правильные представления.

Деррон улыбнулся.

— Хорошо, Матт. Моя душа сражалась рядом с вами, хотя я и не рисковал своей шеей, как вы. Когда вы вскочили на берсеркер, я знаю, вы хотели спасти меня. Я очень благодарен... и рад, что сейчас могу сказать вам это.

— Может быть, вы присядете?

Матт подвинул Деррону стул и сел сам. Учитель

остался стоять, словно притаившись в сторонке.

— Я сражался за вас, за свой народ, я хотел убить этот берсеркер. С тех пор, как я здесь, я понял, что все люди могли бы быть уничтожены, если бы мы тогда не победили. Даже эти.

— Это правда. Но опасность еще не миновала. Надвигается другая битва. В другом времени и в другом месте, но такая же важная.

Это было подходящее начало для вербовки. Именно за этим он и был послан сюда. Но прежде, чем начать свою речь, Деррон задумался. Десятый раз он просил, чтобы Оперативная служба послала на это задание кого-нибудь другого. Но специалисты считали, что Матт скорее ответит согласием именно Деррону, человеку, сражавшемуся рядом с ним. Пусть даже последний момент и нуждался в некоторых оговорках. К тому же именно Деррон предложил Матта.

Да, он не раз возвращался в своих мыслях к тому заседанию. Он не видел Лизы со времени их последней прогулки по парку — избегал встреч с ней. Признаться, теперь он жалел, что сделал это предложение на совещании. Ему бы следовало не высовываться.

Как бы там ни было, дела обстояли так, что если Деррон окажется не на высоте, этим делом займется кто-нибудь другой, возможно, менее добросовестный.

Бесшумно вздохнув, Деррон перешел к делу.

— Вы уже много сделали для нас, Матт. Для каждого из нас. Но теперь мое руководство прислало меня сюда, чтобы спросить вас, готовы ли вы помочь нам еще?

Как можно проще он рассказал Матту суть дела.

Берсеркеры, смертельные враги всего рода людского, серьезно ранили великого вождя, жившего когда-то в другой части планеты. Теперь требовался человек, способный на время занять его место.

Матт сидел тихо, его глаза над прикрывавшей лицо пленкой, заменяющей кожу, были напряжены. Когда Деррон закончил свое краткое вступление, Матт сразу же спросил:

— Что будет тогда, когда великий вождь снова обретет силы?

— Он опять займет свое место, а вас вернут сюда, в наш мир. Есть все основания надеяться, что вы не пострадаете, хотя вы сами должны понимать, что полностью опасности избежать не удастся. В какой степени

она вам грозит, мы сказать не можем, у нас пока нет опыта подобного рода.

«Объясни ему все, майор, но не слишком сгущай краски»,— сказал себе Деррон.

Ему самому доверили, каким оттенком серого рисовать эту картину. Конечно, оперативники могли подсматривать за ним сейчас, но каким образом, интересно знать, можно убедить человека согласиться на то, о чем он и сам бы слышать не захотел, откройся перед ним такая перспектива!

Нет, сам бы он ни за что не стал добровольцем. Что для него сделало человечество за последнее время? Для него всегда выглядело сомнительным, когда для кого-либо что-либо нужно было совершать. Его больше не пугала смерть, но оставалось все же кое-что неприятное, например, физическая боль. Или же вероятность встретиться лицом к лицу с непредвиденными опасностями где-то в полуреальности, называемой пространством вероятности, в которое уже научились запускать роботов-разведчиков, но еще не научились понимать его.

— А если, несмотря на все попытки врачей, великий вождь умрет и никогда больше не может вернуться к себе?

— Тогда на ваши плечи ляжет обязанность прожить его жизнь до конца. Если вам потребуется совет, мы подскажем вам, что делать. На месте этого короля вам будет уготована лучшая участь, *лучшая судьба в истории,* чем большинству остальных людей. А когда вы закончите его жизненный путь, мы постараемся вернуть вас сюда, в наш мир, где вас будет окружать почет.

— Почет?

Учитель попытался объяснить.

Вскоре значение слова стало понятно Матту, и он задал следующий вопрос.

— Мне дадут с собой магические стрелы для борьбы с берсеркерами?

Деррон задумался.

— Думаю, вы получите какое-то оружие для личной защиты. Но вашей основной целью будет не борьба с берсеркерами, а исполнение роли короля, довольно достоверное исполнение.

Матт кивнул. Его движения были такими же медленными и четкими, как и речь.

— Все слишком ново и странно. Мне нужно подумать.

— Конечно.

Деррон уже собирался сказать, что придет за ответом завтра, когда Матт задал еще два вопроса.

— А что будет, если я скажу нет? И если вы никого не найдете для замены раненого вождя?

— Не может быть и речи, чтобы вас или кого-либо еще заставили сделать это силой. Наши опытные специалисты считают, что если такое случится, то война будет проиграна, а все мы скорее всего погибнем меньше, чем через месяц.

— Я — единственный, кто может отправиться туда?

— Вполне вероятно. Вы были первой кандидатурой.

Была еще одна задача — доставить одного или двух человек из глубокого прошлого, чтобы помочь будущему посланнику адаптироваться в новой для него обстановке. Однако, лучше, чем у Матта, это не получилось бы ни у кого. А на счету был каждый день.

Матт развел только что излеченными руками.

— Я должен верить вам, ведь благодаря вам я жив. Мне не хочется умереть через месяц, мне не хочется видеть, как погибают люди. Поэтому мне следует положиться на ваших специалистов и отправиться на место вождя, если это в моих силах.

Деррон, охваченный противоречивыми чувствами, с облегчением вздохнул. Он засунул руку в карман, где лежала фотография.

* * *

Командир Временной Оперативной службы, сидевший в маленькой пещере и наблюдавший за происходившим в больничной палате разговором при помощи системы секретных сканнеров, удовлетворенно и слегка удивленно кивнул. Этот Одегард действительно был ловким парнем. Никогда никакой бравады, только отличная работа. Сегодня как и всегда: спокойное мягкое внушение — и вербуемый делает нужные ему выводы.

Теперь предстояло всерьез заняться проведением операции — колесо попало в колею. Командир развернулся на своем вращающемся стуле и стал наблюдать за полковником Лукасом, который натягивал на себя через голову белый балахон, похожий на ночную рубашку. Под балахоном скрылась кольчуга из пластиковых колец, защищавшая его от шеи до колен.

— Лукас, а как же лицо и руки? — спросил коман-

дир, нахмурясь.— У этих парней, с которыми ты собираешься встретиться, настоящие ножи, как тебе известно.

Лукас это знал. Он проглотил комок в горле.

— У нас нет времени придумывать новые защитные приспособления. Я не внушу никакого доверия, если буду выглядеть переодетым дьяволом, поверьте мне.

Командир Оперслужбы проворчал что-то и встал. Некоторое время он постоял за спиной оператора радара, чтобы посмотреть на изображение корабля, приставшего к берегу. Напротив корабля на побережье располагалась группа маленьких зеленых точек — его команда. Затем командир подошел к окну — широкому, грубо прорубленному в скале отверстию, и покосился на находившиеся с обеих сторон от него тяжелые огнеметы, около которых были обслуживающие их артиллеристы. Генераторы тумана были поставлены очень близко к окну с обратной стороны стены. Из-за них абсолютно ничего не было видно, кроме струившихся в разных направлениях светонепроницаемых потоков. Командир надел очки с набором толстых линз. Точно такие же были на артиллеристах. Сразу же стало видно. Теперь он мог рассмотреть каждого человека из группы, стоящей в сотне ярдов от корабля, раскачивающегося на поверхности спокойного моря.

— Ну что ж,— сказал он с неохотой.— Кажется, мы увидим, как ты помашешь нам рукой, если, конечно, они не окружат и не схватят тебя. Если они попытаются это сделать, начинай размахивать руками над головой, и мы им покажем.

— Я не хочу, чтобы вы стреляли без разбора, командир,— сказал Лукас, с беспокойством глядя на артиллеристов.— Нам нужно провести очень тонкую, искусную обработку этих людей. Это будет нелегко, а сумасшедшая стрельба может совсем провалить дело. Лучше всего справиться с ними при помощи наркотиков. И потом произвести на них впечатление, задать некоторые вопросы.

— Как знаешь,— командир Оперслужбы пожал плечами.— Взял противогаз?

— Да. Помните, что мы собираемся подмешать транквилизаторы в их питье. Они устали физически, поэтому должны сразу уснуть. Но не мешкайте, когда потребуется дать газ.

Лукас быстрым взглядом обвел все вокруг.

Кажется, некоторые из них уходят с побережья,— сказал оператор радара.

Лукас вскочил.

— Я иду. Где мои помощники? Скажите им, пусть пока не появляются. Я пошел!

Послышался глухой стук его сандалий, быстро ударявшихся о ступени лесницы, которая вела вниз.

Песчаный, отлого поднимавшийся берег переходил в каменистую почву долины, на которой то там, то здесь виднелась редкая травка, какая обычно растет в тени. Основную часть своих людей Харл оставил у воды. Они были готовы в любой момент начать оборону корабля и при необходимости столкнуть его на воду. Себе же он выбрал шесть человек и вместе с ними отправился в разведку.

Они не успели отойти далеко. Едва миновав первый бугор, попавшийся на их пути, они увидели одинокую фигуру, двигающуюся к ним сквозь туман. Вскоре она превратилась в мужчину, одетого в белые одежды, похожие на те, которые носили добрые волшебники из старых преданий.

Не выказывая ни малейшего удивления или страха перед стоящими напротив него семью вооруженными морскими разбойниками, он подошел еще ближе, миролюбиво подняв руки.

— Меня зовут Лукас,— просто сказал он.

Фраза прозвучала на родном Харлу языке, правда с сильным акцентом. Но в своих путешествиях ему приходилось слышать речь и похуже.

— Давайте-ка кое о чем спросим этого чародея,— сказал Торла, положив руку на кинжал.

Человек в одеянии колдуна поднял брови. Он слегка отвел правую руку в сторону. Возможно, это был только жест протеста, но он же мог оказаться и сигналом.

Стойте! — резко сказал Харл.

В этом тумане на расстоянии выстрела из лука могла залечь целая армия. Поэтому он вежливо кивнул Лукасу, представился и представил свою команду.

Человек в белом, чьи руки снова были безобидно опущены, поклонился степенно и с признательностью.

— Мой дом совсем недалеко. Позвольте мне предложить вам свое гостеприимство. Прошу вас хотя бы отобедать.

— Благодарю вас за приглашение,— сказал Харл,

которому совсем не нравилась неуверенность в собственном голосе.

Спокойная независимость незнакомца вызывала тревогу. Харл хотел сначала спросить, в какой стране они оказались, но потом решил не показывать своего незнания.

— Прошу некоторых или всех вас зайти в мой дом,— сказал Лукас.— Я угощу вас. Если вы хотите оставить людей для охраны корабля, то я прикажу отнести им чего-нибудь освежающего.

Харл что-то нерешительно пробормотал. Он пытался представить, как бы воспринял эту странную обходительность Ай. Лукасу не надо было обладать ясновидением, чтобы оценить ситуацию. Эти семеро морских разбойников только что высадились с корабля на берег. Теперь нужно было узнать, сколько людей и кораблей прибыло сюда.

— Подождите немного здесь,— наконец ответил Харл.— А потом мы все семеро пойдем с вами.

Оставив двух человек с Лукасом, Харл и остальные решили вернуться к кораблю, чтобы рассказать все команде. Узнав новость, некоторые стали убеждать Харла немедленно схватить колдуна и задать ему несколько вопросов. Харл покачал головой.

— Мы можем сделать это в любой момент. Колдуны обычно бывают упрямыми и высокомерными. А если пустить человеку кровь, то потом, если мы ошибемся, очень тяжело будет закачать ее обратно. Просто понаблюдаем за ним, пока не узнаем поближе. Если вам пришлют сюда пищу, думаю, вам следует любезно обойтись с его людьми.

Не было необходимости предупреждать команду быть настороже. Они теперь все опасались собственной тени.

Харл и шесть его пиратов, окружив Лукаса, отправились вместе с ним. Разбойники делали вид, что Лукас оказался в их кольце совершенно случайно, что он совсем не их узник. Лукас, судя по всему, принял условия игры, потому что не выказывал ни малейшего беспокойства.

Чем дальше группа двигалась вперед, тем реже становился туман. Не успели они пройти и ста шагов, как путь им преградила гряда низких, прежде невидимых скал, с вершин которых струились серые массы воздуха. Прямо у подножия скалы стоял дом колдуна. Это было простое каменное строение, новое на вид, одноэтажное, но до-

вольно большое и прочное, способное быть и особняком, и маленькой крепостью. Хотя для крепости у него были низкие и широкие окна, а ворота не были защищены ни рвом, ни насыпью.

В дверях показались несколько человек, одетые в простые одежды слуг. Они поклонились приближавшемуся Лукасу и его гостям. С некоторым облегчением Харл заметил, что все слуги были самыми обыкновенными людьми. Среди них были хорошенькие веселые девушки, которые, искоса оглядев воинов, со смехом убежали в дом.

— Никаких сказочных ведьм,— громко проворчал Торла.— Но я не сомневаюсь, что эти тоже знают, как околдовать.

Торла вошел в ворота перед Лукасом, за которым по пятам следовали остальные. Последним шел Харл, постоянно оглядываясь и держа руку на топоре. Как можно доверять человеку, который пригласил в дом семь вооруженных чужестранцев?

В доме не было ничего вызывающего подозрений, за исключением странной самоуверенности хозяина. Входная дверь открывалась прямо в просторную столовую, где стояло несколько столов и скамеек, за которыми можно было разместить всю команду корабля. У огромного очага слуга с самодовольной улыбкой поворачивал аппетитно подрумяненную, сочащуюся каплями жира тяжелую тушу. Казалось, ее начали готовить всего за несколько часов до их прихода.

Несмотря на то, что окна пропускали достаточное количество света, на стенах фисели факелы, освещавшие зал ярким светом. Через простые портьеры, скрывавшие задние комнаты, Харлу было видно, как за ними то и дело мелькали суетившиеся слуги. Задняя часть дома, должно быть, была встроена прямо в скалу. Трудно было определить, сколько вооруженных людей могло поместиться в этих комнатах или подстерегать в засаде вокруг дома, но до сих пор Харл не видел здесь никакого оружия, кроме столовых ножей.

Другой слуга с непринужденными манерами ставил на главный стол восемь приборов. Рядом с дорогими, но довольно простыми на вид серебряными блюдами, ножами и вилками появились высокие пивные кружки.

Лукас прошел прямо к столу, сопровождаемый как бы случайно оказавшимися около него двумя пиратами. Он любезно обратился к гостям:

— Прошу садиться. Есть вино и пиво, на ваш выбор.

— Пиво! — рявкнул Харл, многозначительно посмотрев на своих людей.

Он слышал о сильно действующих наркотиках и ядах, вкус которых нельзя было различить в вине. Нельзя было также допустить, чтобы даже чистый напиток затуманил их разум. Остальные хором подтвердили его выбор, хотя Торла казался немного разочарованным.

Компания расселась, и из-за портьер проворно вышли две девушки, чтобы наполнить кружки. Харл заметил, что напиток колдуну наливали из того же сосуда, что и ему, но прежде чем попробовать пиво самому, он подождал, пока хозяин не вытер пену со своих губ. Только после этого он сделал небольшой глоток.

Пиво было не слишком крепким и не слишком слабым, но вкус его был немного необычен. Харл подумал, что не может быть иначе в этом месте, где все так странно. И он снова приложился к своему бокалу.

— Пиво в вашей стране вкусное и крепкое,— решился сказать он, погрешив против истины, чтобы сделать комплимент.— Без сомнения, у вас здесь много сильных мужчин, и вы служите сильному королю.

— Все, что вы говорите — правда.

— А как зовут вашего короля?

— Имя нашего теперешнего короля — Командир Планеты,— колдун причмокнул губами, наслаждаясь пивом.— А кому служите вы?

Тяжелый вздох пронесся над столом. Одновременно были подняты и сдвинуты кружки, после чего их, значительно потерявших в весе так же одновременно поставили на стол. Все, кроме Харла. Он пока не заметил никакого вероломства, но твердо решил больше не пить. Пока.

— Кому мы служим? — переспросил Харл.— Наш славный молодой господин мертв.

— Молодой Ай мертв! — прорычал Торла так, как будто кто-то коснулся его открытой раны.

Обслуживающая их девушка вошла, чтобы вновь наполнить кружки. Торла сгреб ее и усадил к себе на колени. Когда она своими тонкими слабыми руками попыталась высвободиться из его медвежьих объятий, он с комически-глупым выражением на лице только нежнее стал прижимать ее к себе.

Эта сцена чем-то насторожила Харла. Его собствен-

ная голова была абсолютно ясна, но все же он должен был усилить бдительность.

— Смерть молодого Айя была бы действительно очень печальна,— сказал спокойно Лукас,— если бы это была правда.

Он как-то странно осел на своем стуле, полностью расслабившись и, казалось, позабыв о своем величии.

Как ни странно, никто не посчитал оскорбительным, что их, пусть даже косвенно, заподозрили во лжи. Люди уже сильно подвыпили, и вокруг стола стали раздаваться приглушенные рыдания.

— Мы видели, как он погиб!

— Да, да!

Большие кулаки Харла сжались, когда он вспомнил, как беззащитен был перед драконом.

— Мы видели, как он погиб. И черт подери, в это трудно поверить!

Лукас наклонился вперед, неожиданно проявив настойчивый интерес.

— И как же он погиб?

Дрожащим голосом Харл стал рассказывать обо всем. Его горло быстро пересохло. Почти не сознавая, что он делает, Харл прервал рассказ и отпил еще глоток из кружки. Рассказ о драконе ему самому казался неудачной выдумкой. Есть ли надежда, что король Горбодук поверит в это?

Когда Харл закончил повествование, из-за стола стал подниматься Торла, как будто желая что-то сказать. Девушка с визгом упала с его колен и мягко приземлилась на пол. Торла, показывая несвойственную ему заботу, наклонился, чтобы помочь ей. Но девушка сама поднялась и убежала. Торла же так и остался в согнутом положении, пока его не усадили на место. Положив голову на стол, он захрапел. Его товарищи, которые сами изрядно клевали носами, громко смеялись над ним. Все люди были утомлены... Нет. Что-то не так. Они не могли опьянеть от одной-двух кружек пива, каким бы оно ни было. Даже если они пьяны, почему не шумят и не спорят?

Все это было настоящей головоломкой для Харла. В задумчивости он сделал еще глоток и решил, что ему лучше встать на ноги.

— Ваш король не умер,— монотонным голосом повторял ему колдун.— Не умер, не умер. Почему вы должны думать, что он мертв?

— Почему? Мы видели, как... как дракон схватил его.

Но Харл уже не был уверен в том, что он видел или помнил. Что здесь происходило? Он стремительно встал, наполовину обнажив меч, и крикнул:

— Предательство! Проснитесь!

Глаза его товарищей были остекленевшими или вовсе закрытыми, у тех, кто еще не спал, было глупое выражение на лицах. Некоторые, услышав его крик, пробовали подняться, но тут же снова опускались на лавки, опираясь на стол и не замечая, как оружие соскальзывало на пол.

— Колдун,— пробормотал один из пиратов,— скажите нам снова, что наш король жив.

— Он жив и будет жить.

— Он... он уже...— Харл не мог заставить себя сказать, что Ай мертв.

Испытывая неизвестно отчего накативший на него ужас, он отшатнулся от стола, держа в руке обнаженный меч. Было бы чудовищным преступлением пустить сейчас в ход оружие, но он был так напуган, что не мог за себя ручаться.

— Не двигайтесь! — приказал он колдуну.

Колдун тоже встал. Он был спокоен. Его и Харла разделял длинный стол. Откуда-то из-под своей одежды Лукас достал маску, напоминавшую рыло животного, и надел ее на голову. Его голос звучал хрипло.

— Никто здесь не причинит вам вреда. Я пил вместе с вами тот же напиток, который успокоил ваших людей. А теперь сядем и поговорим.

Харл повернулся и бросился к двери. На улице он неожиданно почувствовал, что искрящийся туман стал, словно иголочками, покалывать его легкие. Он добежал до бугра, откуда был виден приставший к берегу корабль. Все его люди, оставленные для охраны судна, были мертвы или умирали. С полдюжины чудовищ, похожих на людей, с серыми рылами вместо лиц, укладывали его товарищей в ряды на берегу. Те из его команды, кто еще мог двигаться, совершенно не сопротивлялись, позволяя обращаться с собой, как с послушными волами.

Случившееся было ужасно. Харл машинально стал нащупывать свой меч, потом топор, но вспомнил, что где-то их выронил.

— Все в порядке,— успокаивающе прозвучал голос Лукаса из-за спины Харла. Когда он обернулся, колдун

продолжал.— Все ваши люди спят. Им нужно отдохнуть. Не будите их.

— Так вот в чем дело!

Харл с облегчением вздохнул. Теперь он был уверен, что не было никаких оснований для беспокойства на этом добром острове с искрящимся воздухом и искрящимся пивом, с дружелюбными людьми, которые говорили только правду. Ему стало ясно, что чудовища с рылами были обыкновенными людьми с масками на лицах, такими же, как у колдуна. Они заботились о его товарищах. Харл доверчиво посмотрел на Лукаса, ожидая, что тот скажет что-то обнадеживающее.

Лукас, казалось, расслабился.

— Подойдите ко мне,— сказал он.

Они пошли вниз, к морю, где небольшие набегавшие волны лизали мокрый песок, делая его поверхность идеально ровной.

Колдун стал пальцем рисовать на песке что-то похожее на большую голову.

— Предположим, что это дракон, которого, как вам показалось, вы видели. Так что же все-таки случилось?

Харл устало и тяжело вздохнул. Он опустился на колени, беспомощно уставившись на рисунок. Теперь, когда напряжение спало, он почувствовал себя невероятно утомленным и вот-вот готов был уснуть. Но сейчас ему следовало сосредоточиться на том, что показывал ему колдун.

— Он схватил Айя,— сказал Харл.— Зубами.

— Вот так? — палец колдуна нарисовал палочку, изображавшую тело Айя, зажатую пастью дракона, потом прибавил извивавшиеся линии рук и ног.

Когда он рисовал, набегали ленивые волны, стиравшие картинку.

— Так,— согласился Харл, неловко присев рядом.

— А теперь все исчезает,— нараспев произнес колдун.— И когда волна смоет эту дьявольскую морду, мы сможем установить истину или то, что мы хотим считать истиной, и она займет свое законное место.

Волны все набегали и набегали, смывая дракона. Харл уснул.

* * *

В один из дней поспешной подготовки Матт спросил:

– Значит, король Ай вовсе не мертв и не ранен, как мне говорили прежде?

Учитель стал объяснять.

— Вам говорили, что он только ранен, поэтому его можно вернуть к жизни. Если ваша задача будет успешно выполнена, то все будет так, как будто ничего не произошло — ни ранения, ни смерти.

— А если мне не удастся, будет пробовать кто-нибудь другой? Если меня там убьют, смогут ли сохранить мою жизнь?

Ему сразу стал понятен ответ, как только он увидел, насколько серьезными сделались их лица. Но объяснения продолжались.

— Все, что вам придется делать там, вся эта работа нужна только для того, чтобы попытаться вернуть жизнь этому человеку. Если нам удастся оживить его, то мы вернем его на корабль, в то место и к тем людям, туда, где произошла трагедия. Но они ничего не будут знать о берсеркере, они просто продолжат свой путь. Вас, разумеется, мы не можем поместить туда, потому что вас там в тот день не было. Если вам суждено умереть во времена короля Айя, то смерть окажется настоящей для вас. Смерть придет и к нам, если ваша миссия потерпит неудачу. И больше никто не сможет попробовать еще раз.

* * *

Одной из привилегий Деррона, которые давало ему новое звание, был личный, отгороженный перегородкой закуток в офисе. Сейчас Деррон молча проклинал свое продвижение по службе, которое предоставило Лизе столь прекрасную возможность припереть его к стенке.

— Чья это вина, если не твоя? — требовала она ответа и была такая сердитая, какой он еще никогда ее не видел.— Ты признаешься, что это ты предложил кандидатуру Матта. Почему же ты вместо этого не предложил им отправиться в прошлое привезти еще кого-нибудь оттуда?

Деррону все же удавалось не потерять терпения.

— Оперслужба не может каждый раз, как только захочет, возвращаться в прошлое и вытаскивать людей из истории. Экипаж Айя — это особый случай. Все они живут там, где должны жить. А Матт — это другой особый случай. Он, между прочим, уже умирал, когда попал к нам. Кстати, Оперслужба уже спасла двух умиравших в прошлом людей, но они еще не знают, где находятся. Когда они придут в себя и начнут понимать, у них будет возможность выбора.

— Выбора? Какую возможность выбора ты оставил Матту? Как он мог отказаться, когда ты потребовал этого? Он думает, ты великий герой. Он во многом еще ребенок.

— Прошу прощения, но он вовсе не ребенок. Далеко не ребенок. И он не окажется беспомощным. Прежде чем послать его туда, мы научим его всему необходимому — от политики до пользования оружием. И мы будем стоять у него за...

— Оружие?

Теперь она действительно была разъярена. Она сама была как ребенок.

— Конечно, оружие. Хотя мы и надеемся, что он отправится в Квинсленд всего на несколько дней и ему не придется ни с кем сражаться. Мы собираемся попытаться вылечить Айя и вернуть Матта сюда еще до свадьбы.

— Свадьбы?

Деррон терпеливо продолжал.

— Матт сам может справиться с тем, что от него требуется. Он лидер по своей природе. Любой, кто может быть предводителем людей эпохи Неолита...

— Никогда не говори об этом! — начиная понимать, что ее гнев беспомощен, Лиза была готова заплакать.— Конечно, он может сделать это! Если должен. И если он действительно единственный, кто может справиться. Но почему ты, ты предложил использовать его! Как раз после того, как я рассказала тебе о нем. Почему? Не хотел ли ты убедиться в том, что он тоже временный?

— Лиза, нет!

Ее глаза переполнились слезами, и она быстро пошла к двери.

— Я не знаю, как назвать тебя! Я больше тебя не знаю!

И она ушла.

* * *

Уже несколько дней, как с его лица сняли больше не нужную искусственную пленку. Благодаря мастерству докторов его новая кожа ничем не отличалась от обветренной кожи моряка. После снятия пленки его борода два дня росла с фантастической скоростью. После этого процесс нормализовался.

Матт все еще жил в больнице. Сегодня, в день своего

отправления, Матт стоял в своей комнате напротив зеркала, чтобы хорошенько запомнить свое новое лицо. Поворачивая голову из стороны в сторону, он рассматривал щеки, нос, подбородок Айя под разными углами. Это лицо было так не похоже на то, которое он видел отраженным в воде озер эпохи Неолита. Ему хотелось знать, как изменение внешности повлияло на его душу. Матту казалось, что он ничего не чувствовал в себе от короля.

— Еще несколько вопросов, сир,— сказал один из вездесущих учителей, стоявший рядом с ним.

Уже несколько дней с Маттом разговаривали только на языке Айя, обращаясь к нему с подобающим почтением, как к предводителю воинов. Может быть, они думали, что таким образом помогут измениться душе Матта, но все это было больше похоже на театральную комедию.

— Первое — как вы собираетесь провести свой первый вечер по прибытии в Квинсленд? — спросил учитель, почему-то нахмурившись.

Матт отвернулся от зеркала. Отвечал он очень терпеливо.

— Сейчас очень трудно сказать об этом. Я буду играть роль Айя как можно лучше и попытаюсь не принимать решений, особенно важных решений. Если мне потребуется помощь, я воспользуюсь коммуникатором.

— А если вам придется встретиться с *драконом*, который убил вашего предшественника?

— Я постараюсь, чтобы он как можно дольше охотился за мной. В такое случае у вас будет некоторое время, чтобы найти его «замочную скважину» и уничтожить его, оградив человечество от смертельной опасности.

Другой учитель, стоявший у дверей, сказал:

— Оперслужба будет внимательно следить за всем. Она сделает то, что от нее зависит, чтобы вытащить вас оттуда прежде, чем дракон успеет хоть как-то задеть вас.

— Да, да. И с помощью меча, что вы мне дали, я смогу обороняться.

Учителя задавали ему вопросы, пока не подошло время готовиться к отправке.

Пришли несколько специалистов, чтобы одеть Матта. Они принесли точно такие же одежды, какие были на Айе в день его отплытия в Квинсленд. Костюмеры обращались с Маттом больше как с манекеном, чем с королем. Когда

пришло время нанести последний штрих, один из них недовольно сказал:

— Если бы нам дали настоящий шлем для него! Где он?

— Оба шлема утонули на месте происшествия. Наши люди из службы Коммуникации никак не найдут их.

Учителя все еще продолжали придумывать новые вопросы, на которые Матт терпеливо отвечал. Костюмеры надели на него поверх одежды Айя комбинезон из специальной пленки. Подошел еще один офицер, чтобы сопроводить Матта до небольшого поезда, отправлявшегося через тоннель в пункт Н.

Однажды ему уже приходилось ездить на этом поезде, когда его возили посмотреть на спящих людей и корабль. Он думал теперь о тряском поезде и о том, что вероятнее всего, ему не доставит удовольствия путешествие на корабле. Как будто прочитав его мысли, один из учителей посмотрел на часы и дал Матту таблетку, которая защитит все функции его организма.

На полпути в пункт Н поезд остановился там, где в прошлый раз остановки не было. В вагон вошли два мужчины. Один из них был командиром Временной Оперслужбы. Было видно, что он с почтением относился к своему спутнику, которого Матт узнал по фотографиям. Это был Командир Планеты. Он сел напротив Матта и посмотрел на него испытующим взглядом. Поезд, покачиваясь, возобновил движение.

Лицо Матта, закрытое пленкой, покрылось испариной. «Значит, вот как выглядит живой король!» — думал он. Более неуклюжий и менее каменный, чем по телевизору. Но в конце концов, этот человек — современный король, и поэтому дух короля в нем совсем не тот, что в Айе.

Командир Планеты заговорил.

— Я думаю, вы понимаете, что для вас очень важно встретиться со мной, прежде чем покинуть этот мир?

Немедленного ответа не последовало.

— Вы понимаете, что я говорю? — добавил Командир Планеты.

— Да, понимаю. Язык Айя не вытеснил из моей головы ваш язык. Я хотел вас увидеть, своими глазами увидеть, что делает человека королем.

Некоторые люди из сопровождения чуть не рассмеялись, услышав это, но сдержались, придав своим лицам каменное выражение.

Командиру Планеты было не смешно, он даже не улыбнулся, а только искоса посмотрел на командира Оперслужбы, прежде чем спросить Матта:

— Вас проинструктировали, что делать в случае нападения дракона?

Краем глаза Матт заметил, что Оперком слегка кивнул Командиру Планеты.

— Да,— сказал Матт.— Мне нужно заставить берсеркера охотиться за мной как можно дольше. Вы постараетесь вытащить меня оттуда...

Слушая, Командир Планеты с удовлетворением кивал головой. Когда поезд остановился, он жестом приказал всем остальным выйти из вагона, чтобы остаться наедине с Маттом.

— Я объясню вам, в чем секрет короля. Он в том, чтобы всегда быть готовым отдать свою жизнь за свой народ, если это потребуется.

Он торжественно кивнул, что означало окончание нравоучение и что его слова — это высшая мудрость. На какое-то мгновение в его глазах появились нерешительность и тоска одиночества. Но он тут же снова натянул на себя маску общественного деятеля и стал говорить Матту громкие слова ободрения, улыбаясь и похлопывая по плечу, пока они выходили из поезда.

Деррон находился в низкой, прорубленной в скале пещере, располагавшейся у железнодорожных путей. Он ждал Матта, чтобы пожать ему на прощание руку, как это делали во времена Айя. В небольшой оживленной толпе людей он искал глазами Лизу, но кроме него самого здесь были только те, кто выполнял свои служебные обязанности.

В своих мыслях Матт всегда связывал Лизу с Дерроном и часто удивлялся, почему эти двое не поженятся. Может быть, он сам женится на Лизе, если вернется с задания и если она согласится. Иногда он подумывал о том, чтобы выяснить это с Лизой, но как-то все не хватало времени.

Матту сказали, что он должен подождать один в маленькой комнате и что можно снять комбинезон. Последнее он сделал с большой радостью. Где-то поблизости отворилась дверь, и в его комнату ворвался свежий воздух, запах озера, скрытого здесь для будущих нужд планеты.

В этой маленькой комнате на столе лежал меч, сделанный специально для него современными мастерами,

виртуозами своего дела. Матт пристегнул к ремню ножны и стал удивленно рассматривать меч. Его лезвие было острым, но не острее обычного. Невооруженным глазом нельзя было заметить того, что ему показывали через микроскоп — еще одно острие, такое тонкое, что его нельзя было рассмотреть даже при большом увеличении. Для этого годился не всякий микроскоп. Это острие выдвигалось из обычного лезвия, когда рука Матта и только его брала меч. В его руке меч резал металл как сыр, пронзал броню и при этом никогда не тупился. Мастера объясняли секрет этого чистого металла, из которого было сделано потайное лезвие. Оно состояло из какой-то единственной молекулы или что-то в этом роде. Матта не интересовали эти тонкости, он даже не пытался разобраться, в чем тут дело.

В последние дни он стал многое понимать. Вкладывая меч в ножны, он вспоминал, как во сне и наяву сквозь его ум, словно реки, лились потоки различных наук, а главное — истории. И он обрел новую силу, о которой его учителя не подозревали. Они были изумлены, узнав о ней, и объясняли это тем, что Матт в короткий срок прошел путь в двадцать тысяч лет.

Работая над учениями Современников, Матт смог ясно понять, что история Сиргола воспринимает их культуру как что-то странное, а их цивилизацию как ошибку времени. Разумеется, и по простому летоисчислению, и по языкам, и по своим институтам Современники были гораздо ближе к эпохе Айя, чем времена Айя к эпохе народа Матта. Но по своему образу мыслей и чувств Ай и его народ были несравненно более близки друг другу и всему остальному человечеству.

Только такая сила, какой обладали Современники, могла уничтожить берсеркеров... или же породить их. Но когда дело доходило до духовности, Современники становились маленькими детьми. Их беспокойный ум был следствием их необычайной физической мощи. Но в любом случае они не могли помочь Матту проникнуться духом короля, что ему теперь было крайне необходимо.

Он понял главное. Дух, духовность жизни были чрезвычайно сильны во Вселенной, иначе давным давно злобные машины-берсеркеры давно бы уничтожили людей при помощи страшных болезней и катастроф.

Желая обратиться к истокам жизни за помощью, которая теперь была так нужна ему, Матт сделал то, что перед началом опасного путешествия должен был сде-

лать Ай — он поднял руки и зашептал короткую молитву о своих чувствах и желаниях на языке Айя.

Закончив, он посчитал, что больше не было необходимости оставаться в этой маленькой комнате. Поэтому он открыл дверь и ступил за порог.

Все были заняты, как и прежде. Люди по одному и группами устанавливали и проверяли различные механизмы и приспособления. Другие суетливо ходили между ними, отдавая приказы или собирая информацию. Большинство из них были полностью поглощены работой, но некоторые повернулись в сторону Матта. На их лицах была досада оттого, что он до срока вышел из своей комнаты, и беспокойство о том, как бы он не сорвал график.

Оглядевшись, Матт решил не обращать внимания на эти лица. Шлем Айя ждал его на специальной подставке. Он подошел, взял его и водрузил себе на голову.

Это был незапланированный инстинктивный поступок. Но достаточно было взглянуть на лица людей, чтобы понять — интуиция его не подвела. Невольно воцарившаяся тишина была лучшим доказательством того, что шлем как-то изменил Матта. В следующий момент люди уже деловито работали, вернувшись к своим обязанностям и делая вид, что не замечают его присутствия.

Через несколько минут к Матту поспешно подошли некоторые из его учителей. Они попросили его ответить еще на несколько вопросов. Матт понял, что это больше нужно им, чем ему. Они хотели удостовериться, что все еще остаются его наставниками. Но теперь, когда тот дух, которого он искал, вселился в него, он не собирался доставлять им такого удовольствия. Их власть над ним кончилась.

В поисках Командира Планеты он нетерпеливо обходил группы работающих людей. Некоторые из них сердито поднимали головы, но, увидев его, молча уступали дорогу. Наконец, он пробился в круг людей, где находился правитель Современников, и остановился перед ним, глядя в его окруженные морщинками глаза.

— Сколько можно ждать? — спросил Матт.— Готовы мои люди и корабль или еще нет?

Командир Планеты с удивлением взглянул на него, затем кивнул.

В свой предыдущий приезд в пункт Н Матт видел, что экипаж Айя спал на специально сконструированных кроватях, различные аппараты напрягали их мышцы,

чтобы сохранить силу, лампы солнечного света направляли свои лучи на их лица и руки, чтобы не исчезал загар, а электронные диктофоны без устали нашептывали им, что их молодой господин жив.

Сегодня люди были уже на ногах, но двигались они как лунатики, и глаза их были закрыты. Они были в своих привычных одеждах и доспехах. Их вели длинной колонной из дома Лукаса на берег и сажали на корабль. Планшир, ободранный чешуей дракона, был отремонтирован, все остальное тоже приведено в порядок.

Генераторы тумана были давно отключены. Каждый человек и предмет, находившийся на полукруге песчаного берега, стоял в центре своих теней-лепестков в свете холодных маленьких солнц, теснившихся высоко под черным изгибом.

Подошел Деррон и пожал руку Матту, стали протягивать руки и другие. Затем он ступил в чистую воду и пошел вброд по направлению к кораблю. Добравшись до судна, он влез на палубу. Специальный механизм должен был столкнуть корабль на большую воду.

Командир Оперслужбы взобрался на борт вместе с Маттом. Они быстро осмотрели корабль и, наконец, зашли в королевскую палатку.

— Придерживайтесь наших указаний, особенно относительно дракона. Попытайтесь заставить его кружить возле корабля как можно дольше... если заметите его. Помните, что сейчас самое главное — обнаружить его «замочную скважину», все остальное имеет второстепенное значение. И если...

Командир Оперслужбы осекся, когда Матт повернул к нему свое лицо. В руках он держал крылатый шлем, точную копию того, который был у него на голове. Этот дубликат он только что нашел на крышке сундука с драгоценностями.

— Я уже слышал все ваши лекции,— сказал Матт.— А теперь возьмите это и придумайте лекцию о небрежности для тех, кем вы командуете.

Командир схватил шлем, в ярости глядя на него, и на секунду потерял дар речи.

— А сейчас убирайтесь с моего корабля, если не хотите сесть на весла.

Все еще сжимая шлем и ворча что-то себе под нос. Оперком удалялся.

После этого Матт уже не обращал на мир Совре-

менников никакого внимания. Он подошел к Харлу, который сидел, как спящая статуя, возле руля. Остальные люди, все еще не пришедшие в себя, с неохотой брались за весла руками, казавшимися деревянными. Было такое впечатление, что на их сонных лицах просыпалось желание вернуться туда, откуда их привели на корабль.

Глядя на черную гладь моря с отражавшимися на ней далекими огнями, Матт услышал, как позади него загудел мотор. Он почувствовал, что корабль свободно заскользил по воде. В следующую минуту над ним замерцал круг огней, затем под легкий всплеск волны исчезли пещера и темнота. Судно ворвалось в яркое сияние голубого света. В бескрайнее утреннее небо с удивленным криком взметнулись чайки, напуганные неожиданным появлением корабля. Вольный соленый ветер подул в лицо Матта, и палуба закачалась у него под ногами. Перед ним простирался пустынный горизонт, и только неясно очерченная голубая линия на нем говорила, что где-то там находится Квинсленд.

Над правым бортом вставало красное солнце.

Матт не стал тратить времени на размышления.

— Харл! — взревел *он и так чувствительно ударил* своего рулевого в плечо, что тот чуть не упал. Однако глаза его открылись.— Прикажешь мне день и ночь самому следить за ходом корабля?

Ему говорили, что эти слова, произнесенные его голосом, разбудят людей. Так и случилось. Воины стали щуриться и ворчать, пробуждаясь от долгого сна. Скорее всего, каждому из них казалось, что он один задремал на веслах. Большинство людей начало грести еще раньше, чем их разум полностью проснулся и стал контролировать тело. Уже через несколько секунд они все вместе сделали дружный удар по воде и одновременно вытащили весла.

Матт продвигался между скамейками, проверяя, все ли проснулись, награждая ругательствами или же дружелюбно хлопая по плечам своих воинов так, как никто, кроме Айя, не мог позволить себе. Прежде, чем пришли в порядок их мысли, *привычный повседневный ритм* жизни захватил всю команду. И даже если из-за забывчивости оперслужащих чей-то мозг затаил видения атакующего дракона и погибающего вождя, то картина, разворачивающаяся перед глазами вместе с лучами вставшего солнца, быстро рассеивала эти кошмары, казавшиеся ночными снами.

— Гребите, ребята! Впереди земля, где, как говорят, все женщины — королевы!

Их корабль вошел в порт. Это был Бланиум, столица Квинсленда, большой город с населением в восемь или десять тысяч жителей. Недалеко от берега возвышался холм, с самой высокой точки которого прямо на гавань смотрела серая главная башня небольшого замка.

Разумеется, на той зубчатой стене сейчас находилась принцесса Аликс, которая пристально всматривалась сверху в прибывший корабль, чтобы издалека оценить своего будущего мужа.

В гавани стояло еще с полдюжины торговых и других судов. Их было так мало частично из-за времени года, когда большинство из них должно выходить в море, частично из-за небольших размеров причала. В последние годы торговля империи приходила в упадок, жители страны переживали тяжелые дни. Но со славным Айем, надеялись они, жизнь пойдет совсем по-другому.

Народ стекался с крутых улиц Бланиума к гавани, образуя галдящую толпу на причале, к которому подходил большой корабль. Люди встречали его приветственными криками. Матт заметил, что их было около тысячи человек всех сословий. От замка, обитатели которого наверняка уже давно разглядели корабль, в сторону гавани направлялись две большие колесницы из позолоченного дерева, в которые были впряжены горбатые животные. Когда они остановились у самого края воды, с них сошли люди высокого сословия.

Наступил торжественный момент — корабль стал причаливать. Зазвучали песни встречающих, в воздух полетели цветы. Швартовы были отданы, и судно пристало к берегу. Матт выпрыгнул на землю, почувствовав облегчение оттого, что все приливы и отливы позади. К чести Айя его плавание не затянулось надолго.

Делегация знатных людей важно приветствовала его, из толпы им вторили радостные возгласы. Король Горбодук посылал свои извинения, что не смог лично приехать для встречи из-за сильного недомогания и передавал, что как можно скорее желает увидеть Айя в своем замке. Матт знал, что Горбодук был стар и очень болен — ему оставалось прожить от силы месяц.

У короля не было наследника, знать же Квинсленда не стала бы долго подчиняться какой бы то ни было женщине. Если бы Аликс вышла замуж за одного из местных богачей, это могло не понравиться остальным, чего было

бы вполне достаточно для начала гражданской войны, того, чего отчаянно пытались избежать отец и дочь.

Именно поэтому мысли короля обратились к Айю — молодому, чрезвычайно способному человеку королевских кровей. Его если не любили, то уважали все, но у него не было своих земель.

Оставив Харла следить за разгрузкой корабля и поручив ему расквартировать команду, Матт достал из сундука Айя драгоценности, выбранные самим Айем в подарок королю и принцессе. После этого он сел в колесницу.

В мире Современников он слышал о местах во вселенной, где водились такие вьючные животные, которых можно впрячь в повозку и одновременно ехать верхом на них. Таких уже не встретишь на Сирголе. Управлять колесницей было делом довольно-таки сложным, поэтому Матт был счастлив отдать поводья в другие руки. Одной рукой он крепко держался за повозку, а другой приветственно махал толпе. Сотни городских жителей всех сословий валили на улицы из домов, мимо которых грохотала колесница Матта.

Люди были радостно возбуждены. Они надеялись, что морской разбойник сумеет объединить их страну.

Наконец показались очертания высоких серых стен замка. Повозки загрохотали по подъемному мосту и остановились во внутреннем дворе, окруженном крепостью. Стража подняла мечи и пики в честь Матта, здесь же его приветствовали около сотни мелких чиновников и дворян.

В огромном зале замка собралось всего десятка два мужчин и женщин. Все они были по-настоящему важными персонами. Когда под звук труб и барабанов Матта ввели туда, только на некоторых лицах появилось подобие того восторга, который он видел на улицах.

Матт смог узнать большинство из этих людей по фотографиям, секретно сделанным Современниками. От историков он знал, что большинство из них были очень влиятельные люди и что они крайне скептически относились к Айю. Улыбки некоторых из них были неприкрыто фальшивыми. Главой этой группировки, должно быть, был придворный колдун Номис, фигура которого, одетая в такие же белые одежды, как и полковник Лукас, возвышалась над остальными. Его улыбка была похожа на оскал хищника.

Если кто и был действительно рад, так это король

Горбодук, чье морщинистое изнуренное лицо буквально светилось. С громкими приветствиями он поднялся со своего трона. Ноги его были очень слабы. Обняв Матта и произнеся официальное «Добро пожаловать!», он с тяжкой одышкой опустился в кресло.

Король не переставал испытующе смотреть на Матта прищуренными глазами. Казалось, он проверял, не является ли Матт подставным лицом.

— Юноша! — неожиданно продребезжал Горбодук.— Ты очень похож на своего отца. Мы часто делили с ним радость пиров и горе сражений. Пусть душа его веселится в Замке Воинов сегодня и всегда.

Такие слова должны были вызвать в Айе смешанные чувства, а Ай всегда был человеком, который говорил то, что он чувствовал.

— Благодарю вас, Горбодук, за такое отношение к моему отцу. Пусть душа его будет вечно покойна в Благословенном Саду.

Неожиданно у Горбодука начался приступ сильного кашля. Возможно, он откашливался несколько дольше, чем требовалось.

Номис решил воспользоваться ситуацией. Пока слуги хлопотали около временно вышедшего из игры короля, он сделал шаг вперед, взметнув белые одежды.

Номис не стал обращаться прямо к Матту. Он встал рядом с ним и обратился к собравшимся в зале.

— Вы, в чьих руках королевство, неужели будете молчать в то время, как боги ваших предков подвергаются такому оскорблению?

Казалось, большинство из них действительно собиралось молчать. Возможно, они не были уверены, что действительно нанесено оскорбление, а может быть, просто не знали, кто эти боги. Некоторые что-то заворчали, но так тихо, что их никто не смог бы расслышать.

Матт, чьи нервы были до предела напряжены, не стал пропускать мимо ушей заявление колдуна.

— Я считаю, что никто здесь нисколько не оскорблен,— отчетливо произнес он.

Ему с трудом давались слова примирения, произносимые мягким голосом, настолько они не соответствовали натуре Айя.

На лице Номиса появилась легкая презрительная улыбка. Остальные с недоумением обдумывали его речь. Обстановка в зале неуловимо изменилась.

Король, наконец, оправился от приступа кашля. Те-

перь все остальные дела должны были подождать — в зал входила его дочь в сопровождении придворных и служанок. Из-под прозрачной вуали Матту быстро улыбнулись ее глаза, затем она скромно опустила их. И он подумал о том, что, похоже, Современники были правы, говоря, что пройти путь Айя будет не так-то просто.

Пока шли приготовления к церемонии обмена подарками, кто-то дружелюбно прошептал Матту на ухо, что если король Ай не возражает, можно сразу провести обряд обручения. Конечно, это было слишком поспешно, но, принимая во внимание здоровье короля...

— Я понимаю.— Матт посмотрел в сторону принцессы.— Если Аликс согласна, я готов.

Она снова подарила ему быстрый и теплый взгляд своих напряженных глаз. Уже через несколько минут они стояли рядом, соединив руки.

С огромным нежеланием, движимый только своим долгом перед королем, который был сильнее эмоций, к ним подошел Номис, чтобы провести церемонию официального обручения. В середине обряда он обвел глазами присутствующих и задал обычный для таких случаев вопрос: не имеет ли кто-нибудь возражений против этого брака.

На лице колдуна не появилось и тени удивления, когда послышался голос того человека, на которого он смотрел.

— Я... я имею возражения! Я уже долгое время ищу для себя принцессу. И думаю, что пирату лучше бы обвенчаться с моим мечом.

Вначале человек говорил неуверенно и запинаясь. Его слишком громкий голос вызывал сомнения в его искренности. Выглядел он довольно внушительно. Высокий и широкоплечий, с крепкими руками. Такой одним своим видом мог заставить обычного человека броситься наутек.

Разумеется, Горбодук хотел бы вмешаться и остановить поединок, но у него не было такого права. Церемония не позволяла этого.

Не было никаких исторических данных о том, как обычно вел себя в подобных случаях Ай, в летописях это не было сказано. Номис сделал свой ход. Теперь Матту оставалось полагаться только на себя.

Нельзя было уронить достоинство Айя в глазах окру-

жающих. И не было никаких сомнений в том, что надлежало предпринять в этот момент.

Подсунув большие пальцы рук под широкий кожаный ремень, он повернулся лицом к бросившему вызов.

— Не скажете ли вы, как ваше имя? — спросил он, сделав глубокий вдох.

Молодой гигант ответил с напряжением в голосе, его тон был менее решительным, чем его слова.

— Мне нет необходимости представляться. Мое имя известно любому человеку высшего сословия. Но дабы вы могли обращаться ко мне с должным уважением, знайте, что я Юнгуф из Дома Юнга. Знайте также и то, что я претендую на руку принцессы Аликс.

Матт поклонился. Он был спокоен и холоден, как и подобало Айю.

— Я вижу, вы достойный человек, Юнгуф. Поэтому мы могли бы немедленно разрешить наш спор в бою... если у вас нет причины для отсрочки.

Лицо Юнгуфа вспыхнуло, на секунду он потерял над собой контроль. Матту стало ясно, что этот человек страшно испугался, испугался гораздо сильнее, чем подобало воину, какое бы сражение его ни ждало.

Ладонь принцессы легла на руку Матта. Она откинула вуаль и, глядя ему в глаза, отвела его немного в сторону. Ее голос был тихим.

— Я верю всем своим сердцем, что победа за вами, мой повелитель. Я никогда не чувствовала привязанности к этому человеку.

— Принцесса, он уже просил вашей руки?

— Год назад,— глаза Аликс смотрели на него с детской скромностью.— Как и все остальные. Но тогда я сказала ему «нет», и он больше не настаивал.

— Понятно.

Матт посмотрел через зал туда, где сейчас Номис нараспев благославлял Юнгуфа по обряду Старой Религии. Казалось, Юнгуфу нужно все его мужество, чтобы не отпрянуть от колдуна, прикасавшегося к его рукам. Нет, Юнгуф боялся не просто смерти или ранения в бою.

Матт довольно спокойно смотрел в лицо опасности. Большую часть своей жизни он провел в окружении опасных животных в жестоком и коварном мире природы. Однако, там угроза никогда не исходила от человека. Современники вложили в него силу и стойкость Айя, его навыки и быструю реакцию. Они его еще и вооружили особым мечом. Одно это давало ему огромное преиму-

щество в бою. Нет, Матта беспокоила не удаль Юнгуфа, а сам факт дуэли и те перемены в истории, которые должны были произойти после этого.

Кроме короля и принцессы, а также самих участников, все остальные выглядели вполне довольными в предвкушении небольшого кровопускания. Чувствовалось нетерпение публики из-за задержки поединка. Ждали, пока с корабля принесут щит Айя.

Это позволило Матту отлучиться на некоторое время и связаться с Оперслужбой. Но они не придумали, как избежать дуэли. Оставшееся время Матт провел в легких беседах с дамами, а Юнгуф стоял, сердито сверкая глазами, в кругу людей, судя по виду — родственников.

Вскоре Харл принес щит. Он почти вбежал в залу, выказывая пылкое желание увидеть поединок. Этим, вероятно, он хотел немного пощекотать нервы противника своего господина.

Вся толпа двинулась во двор, где к ним присоединилась знать более низкого сословия и простой народ. Короля усадили на самом лучшем месте. Вокруг него разместились приближенные.

Было видно, что двор предназначался для боевых зрелищ. Вдоль дальней стены стоял ряд обшитых деревом мишеней, которые во многих местах были изрублены до щепок.

Человек, который говорил Матту о помолвке, снова подошел и зашептал на ухо, не возражает ли Его Величество Ай, если его назначат судьей. Ай кивнул, давая свое согласие.

— Теперь, мой господин, будьте любезны, займите свое место на арене.

Матт встал в центр мощеной камнями площади, которая была достаточно большой даже для проведения военных маневров, и обнажил меч.

Церемония начала поединка была короткой. Похоже, что при дворе Горбодука для убийства требовалось гораздо меньше времени, чем для свадьбы.

Надвигающийся на него Юнгуф выглядел столь воинственно, будто шел на осаду города.

Солнце уже собиралось садиться, воздух был напоен теплом, и в безветренном дворе даже самые умеренные упражнения могли заставить человека очень быстро вспотеть.

Первые выпады Юнгуфа были до смешного медленными и осторожными. По реакции зрителей, которые

не выказали никакого удивления, Матт понял, что это его обычная тактика. Вскоре он стал двигаться гораздо быстрее, и Матту пришлось сделать шаг назад. Он уже отразил три удара противника и надеялся, что при столкновении лезвий меч Юнгуфа сломается. Однако лезвия не сталкивались при сильных ударах, а скользили одно вдоль другого. Меч Юнгуфа был, без сомнения, очень прочным, кроме того, было ясно, что если он сломается, принесут другой. Если же сломаются два или три, все закричат о колдовстве. Нет, единственный выход — это ранить противника.

Матт снова занял позицию в центре арены, уклоняясь от ударов Юнгуфа. Он знал, что если совершит сегодня убийство, это будет на руку берсеркерам. Но если Юнгуф убьет или покалечит его, это будет еще хуже, это еще страшнее и губительнее отразится на истории. Зрители уже начали приглушенно перешептываться, видя явное нежелание Матта по-настоящему вести поединок. Он должен победить, и чем скорее, тем лучше, но желательно без убийства или увечий.

Как только Юнгуф пошел в атаку, Матт быстро поднял меч и прикрылся щитом. Юнгуф сделал очередной выпад, и Матт ответным ударом попытался поразить плечевые мышцы руки. Но Юнгуф уклонился от удара. Лезвие его меча скользнуло по щиту Матта. Затем Юнгуф развернулся и снова пошел в атаку. Матт нанес ответный удар, и лезвие его меча вошло в тело противника между верхних ребер.

Рана была не слишком глубокой, и Юнгуф не прекратил борьбы. Однако следующий его удар сплеча был слабым и медленным, Матту потребовалось лишь слегка качнуться назад, чтобы он прошел мимо. В ответ он сам сделал выпад, а затем при помощи щита повалил противника наземь.

Юнгуф упал, как подкошенный. Над его горлом навис окровавленный меч Матта, который ногой наступил на правую руку противника и не давал ему поднять меча.

— Признай, что ты проиграл поединок и награду.

Только теперь Матт заметил, что дышал часто и тяжело, а дыхание Юнгуфа было свистящим и булькающим.

— Я проиграл,— быстро ответил он.

Никто и не сомневался в его поражении.

Матт устало отступил назад, пытаясь догадаться, чем обычно Ай вытирал кровь с меча. Его выручил Харл, который подскочил, чтобы забрать оружие, а заодно по-

журить за нерешительность в начале схватки.

Родственники Юнгуфа окружили его, и с их помощью ему удалось сесть. Матт подумал, что, по крайней мере, удалось избежать убийства.

Он повернулся к принцессе и ее отцу. Их испуганные глаза были устремлены на какой-то лежащий перед ними предмет. Это было одеяние Номиса, светившееся снежной белизной в лучах солнца. Самого колдуна не было видно. Сброшенный белый покров говорил о том, что колдун стал теперь черным.

Позади Матта раздался мокрый кашель. Обернувшись, он увидел яркое пятно крови на губах Юнгуфа.

* * *

Огромный металлический дракон лежал без движения, почти полностью утонув в грязи морского дна. Вокруг него монотонно шевелилась жизнь великих глубин, не опасаясь этого берсеркера. Он не собирался никого убивать, потому что без исторической необходимости не мог погубить даже растение, иначе огромные компьютеры Современников, такие же неумолимые, как сами берсеркеры, получили бы след, путеводную нить к «замочной скважине» дракона, которую они так неустанно искали.

Дракон все еще находился под непосредственным управлением флотилии берсеркеров, которая осаждала планету в эпоху Современников. С помощью широкой сети своей видеосистемы компьютеры флотилии наблюдали, как корабль Айя вместе с экипажем был доставлен в Современное время, а затем их снова вернули в прежнюю эпоху, добавив в их экипаж одного человека.

Было совершенно ясно, чего *добивались Современники*. Машины были прекрасно знакомы с теорией и практикой расстановки ловушек и приманок. Такая наживка, как замена Айя, не могла уйти просто так. Они снова должны были бороться, используя дракона.

Но на этот раз нужно быть хитрее. Подставное лицо нельзя убивать, по крайней мере, таким способом, который потянет за собой ниточку причинных связей и приведет Современников к дракону. Электронные компьютеры берсеркеров, тщательно обдумав эту проблему, решили, что нашли оптимальное решение: поймать этого псевдо-Айя живым и держать его в заключении до тех пор, пока не будут сокрушены столпы истории Сиргола.

Даже прячась на дне, дракон раскинул вокруг себя

неуловимую инфраэлектронную чувствительную сеть. Среди всех остальных предметов он вдруг заметил одетого во все черное мужчину, который стоял на возвышавшейся у моря скале всего в двух милях от убежища берсеркера и говорил, говорил, говорил. Его ритмическая речь лилась в пространство. Подключившись к банку данных в своей памяти, берсеркер пришел к заключению, что этот человек пытался призвать на помощь сверхъестественные силы.

Среди потока его слов берсеркер уловил имя Айя.

* * *

Под яркими лучами полуденного солнца на своей вершине скалы стоял Номис. Самые зловещие силы лучше всего заклинать в темноте, но его ненависть и страх были так велики, что, казалось, они сами рождают тьму вокруг колдуна. Он не мог ждать, когда сядет солнце.

Вокруг него кружили рыдающие чайки, а он пел высоким пронзительным голосом:

Дьяволы ночи, проснитесь,
Встаньте скелетами мертвых людей,
Водными тропами тихо крадитесь,
Жду на скале вас, мрака детей!

Все текли и текли слова, призывая, заманивая темные силы, которые таились в глубинах вод в ожидании утопленников, податливых свежих трупов, в чьи скелеты, как в одежды, могли облачаться демоны для своих бесконечных плясок на дне моря. Эти темные силы все знали о смерти, знали и то, как можно было убить Айя, что не смог сделать Юнгуф, несмотря на все магические заклинания, которые Номис щедро расточал этому болвану.

Тонкие руки Номиса дрожали, держа над головой пальцы утонувших людей. Затем, поклонившись, он опустил их, продолжая петь. Глаза его были закрыты от яркого солнца. Сегодняшние заклинания должны были подействовать, сегодня его ненависть, словно магнит, притягивала все самые зловещие силы.

Наконец, он прервал свою песню. Он открыл глаза, и ему послышался какой-то посторонний звук в шуме вздымающихся волн прибоя. Грудь старца под черными одеждами переполняло возбуждение.

Вскрикнула птица. И снизу, от кромки скал, омываемых волнами, снова донесся скребущий звук, почти сливавшийся с шумом ветра и прибоя.

Он уже было перестал обращать внимание на него и снова начал петь, когда совсем близко от вершины скалы, почти под ногами Номиса раздался грохот падающих камней, сброшенных чьей-то рукой. Этот звук был настолько ясным, что все колдовские мысли мгновенно вылетели из утомленной головы Номиса. Единственное, о чем он мог сейчас думать, это возможность потерять свое тайное укрытие, когда его кто-нибудь обнаружит.

В скале, на которой он стоял, со стороны моря была глубокая вертикальная расселина, извилистой змеей поднимавшаяся от самой воды до вершины. Откуда-то из этой расселины до Номиса доносился звук скрипевшего под тяжелой ногой гравия.

То, что вскоре увидел колдун, заставило его содрогнуться от ужаса. Сначала показался череп утопленника с прилипшим к нему завитком морской водоросли, затем появилось и тело. Это существо было похоже на человека. Его фигура была тоньше человеческой, хотя и толще, чем скелет. Когда демон вселяется в тело утопленника, он изменяет его по своему вкусу. Этот же, казалось, был металлическим.

Полностью выбравшись из расселины, демон встал перед Номисом. Он был выше колдуна, ему приходилось наклонять голову, чтобы смотреть в лицо старику. Усилием воли Номис не бросился бежать и остался на месте, заставив себя не отрывать взгляда от мутных камней, бывших глазами демона. Сверкнула капля воды, скатившаяся с его костяного пальца. Только когда это страшилище сделало еще один шаг, приближаясь к Номису, он опомнился и стал жестами и магическими словами подкреплять защитную силу своего *магического круга, на*рисованного мелом.

И только потом он, наконец, вспомнил, что поразительный успех его колдовства должен быть подкреплен последним заклинанием.

— Я освободил тебя. Теперь ты должен повиноваться и служить мне. Сослужи первую службу, скажи, как можно убить моего врага?

Блестящая челюсть не двигалась, но из черного отверстия, где должен был находиться рот, раздался дрожащий голос.

— Твой враг — Ай. Сегодня он высадился на этот берег.

— Да! Да! В чем секрет его смерти?

Если бы берсеркеры поручили убить псевдо-Айя да-

же кому-нибудь другому, компьютеры Современников все равно бы напали на след.

— Ты должен привести своего врага Айя сюда живым и невредимым. Больше ты его никогда не увидишь. Если сделаешь, как я сказал, я помогу тебе добиться всего, чего ни пожелаешь.

Мысли Номиса забегали. Почти всю жизнь он готовился к этой встрече, теперь уж не упустит случая, не даст себя обмануть. Итак, демон хочет получить живого Айя, живого! Значит, между пиратом и этим утопленником существовала какая-то очень важная магическая связь. Разумеется, Ай будет очень доволен таким поворотом своей судьбы. Он и сам отправил немало людей на вечное поселение к рыбам, а жизнь его весьма загадочна и малоизвестна.

Голос Номиса прозвучал резко и уверенно.

— Кем тебе приходится Ай, демон?

— Врагом.

Невероятно! Номис чуть не выкрикнул это слово вслух. Ему теперь показалось, что это мокрое чудовище явилось сюда за собственным телом и душой. Но сам он стоял в очерченном мелом кругу и произносил заклинания, уверенный в своей недосягаемости. Демон хотел защитить Айя. Но Номис и вида не покажет, что догадался об этом. Еще не время. Эта ситуация открывала перед ним такие невероятные возможности, что стоило пойти на риск.

— Слушай, грязная уродина! Я сделаю так, как ты сказал. Сегодня в полночь я приведу сюда твоего врага связанного и беспомощного. А теперь убирайся и возвращайся сюда в полночь. Будь готов наградить меня всем, чего я ни пожелаю!

* * *

Вечером Матт отправился на прогулку с Аликс. Они шли вдоль зубчатой стены, наблюдая, как на небе зажигались звезды. Где-то поблизости, за углом башни слышалось щебетание фрейлин принцессы.

Матт был полностью поглощен своими мыслями. Его собеседница вскоре отчаялась завязать с ним разговор. Она спросила напрямик.

— Я нравлюсь вам, мой господин?

Очнувшись от своих унылых размышлений, он остановился и повернулся к ней.

— Принцесса, вы действительно очень нравитесь мне. Если мои мысли не здесь, то только потому, что обстоятельства вынуждают меня думать о другом.

Это была чистая правда.

Аликс сочувственно улыбнулась. Современники не назвали бы Аликс красавицей. Но в своем прежнем мире Матту приходилось встречаться с куда более суровой красотой, с простыми и даже грубыми лицами. Теперь же он видел перед собой совсем другую красоту девушки из совсем другого мира, третьего по счету в его жизни.

— Могу я узнать, мой господин, какие проблемы занимают ваши мысли?

— Одна из них — этот человек, которого я ранил. Нельзя сказать, что это хорошее начало.

— Такое беспокойство делает вам честь. Я рада, что вы оказались более благородным, чем мне рассказывали.

Аликс снова улыбнулась. Без сомнения, она понимала, что его забота о Юнгуфе основывалась, главным образом, на политических соображениях. Хотя, конечно, она не могла и догадываться, как глубоко уходили корни этих политических соображений. Она стала говорить Матту о том, что можно было бы предпринять, с кем поговорить, чтобы помочь восстановить отношения между Домом Айя и Домом Юнга.

Слушая ее слова, он почувствовал, что мог бы в самом деле стать королем, если бы она была его королевой. Но он никогда не будет Айем. Теперь он понимал то, что наверняка знали Современники — ни одному человеку не суждено прожить жизнь другого. Но в личине Айя ему, возможно, удалось бы послужить людям.

— А я вам нравлюсь, *моя госпожа? — перебил он* Аликс.

Ее глаза, излучавшие дивный свет, обещающе взглянули на него. В этот момент, будто почувствовав что-то, появились гувернантки и объявили, что пора заканчивать прогулку.

— До завтра,— сказал он, пожимая руку принцессы, что допускали правила придворного этикета.

— До завтра, мой господин.

Гувернантки повели ее в замок. Она обернулась, чтобы послать ему еще один многообещающий взгляд, прежде чем скрыться из вида.

Матт остался один. Он стоял, пристально глядя вслед принцессе, мечтая о том, чтобы завтра, когда он вновь ее сможет увидеть, наступило еще десять тысяч

раз. Затем он снял шлем и потер свою голову. Его коммуникатор до сих пор молчал. Конечно, он должен связаться с Оперслужбой и доложить обо всем происшедшем.

Вместо этого он снова надел шлем и стал спускаться в главную башню, где в одной из комнат лежал Юнгуф под присмотром придворного лекаря. Сквозь открытые двери комнаты Матт увидел, что возле раненого находится кто-то из его родственников, охранявших покой больного. Он не решился войти. Однако, заметив его, родственники закивали головами, приглашая его внутрь. Они заговорили с ним учтиво и без усилий над собой. Похоже, никто из Дома Юнга не питал к нему враждебности за победу в поединке.

Лицо Юнгуфа было бледным, а сам он выглядел каким-то съежившимся. Он трудно, с бульканьем дышал. Когда он повернулся на своем ложе, чтобы сплюнуть кровь, повязка ослабла, и было видно, как из раны вместе с дыханием вырывается воздух.

Его лицо не выразило никакого страха, когда Матт подошел к нему. На вопрос о своем самочувствии он сказал, что умирает. Он хотел рассказать Матту о чем-то еще, но говорить ему было слишком трудно.

— Ваше Величество, господин Ай,— произнес один из родственников,— я думаю, мой кузен хочет сказать, что его вызов не имел под собой оснований, и поэтому он заранее знал, что не может победить.

Юнгуф кивнул головой.

— И еще...

Кузен остановился, потому что другой родственник стал делать ему предупреждающие знаки, но он не стал обращать на них никакого внимания.

— Мне кажется, Юнгуф хочет сообщить вам, что против вас здесь замышляются такие вещи, с которыми не справиться мечом.

— Я видел брошенную на землю белую одежду.

— Значит, вас уже предупредили. Сможет ли ваш новый Бог защитить вас, когда меч окажется бесполезным?

Где-то в ночи послышался крик чайки. Глаза Юнгуфа, вдруг наполнившиеся страхом, обратились к маленькому окошку.

Матт пожелал удачи мужчинам Дома Юнга и по лестнице вновь поднялся на крышу замка. Здесь он был совершенно один, и никто не мог его заметить. Охрана замка была чисто символической.

Наступила полная темнота. Глубоко вздохнув, он нажал пальцем на правое крыло шлема, подключая коммуникатор.

— Оперслужба слушает.

Скрипучий голос Современника был лишь шепотом, но Матту показалось, что его звук волшебным образом сделал всю эту ночь, зияющую чернотой, и даже сам замок чем-то нереальным. Реальностью была только зловещая пещера-крепость в центре фантастического сплетения машин и энергии.

Матт докладывал об уходе Номиса, о сброшенных белых одеждах, заключавших в себе угрозу. Его голос казался безжизненным даже ему самому.

— Да, экраны наших компьютеров показывают, что линия жизни Юнгуфа повреждена. Он, скорее всего...— что-то странное прозвучало в голосе Современника.— Хотя, это не имеет особого значения.

Слова означали, что события, связанные с поединком никоим образом не задевали исторической основы мира Современников.

— Вы уже слышали что-нибудь о драконе?

— Нет.

Дорожка всходившей луны освещала спокойную гладь моря до самого горизонта.

— Почему вы так много говорите о драконе?

— Почему? — казалось, тихий голос треснул.— Потому что это важно!

— Да. Я это знаю. Но что же вы ничего не говорите о моей миссии короля? Если вы поможете мне, я справлюсь, хотя мне кажется, что у меня не получается по-настоящему быть Айем.

Наступила пауза.

— Вы справляетесь со всем как нельзя лучше, Матт. Когда потребуется сделать что-то дополнительное для того, чтобы стать еще ближе к Айю, мы вам сообщим. Черт побери, наши видеосистемы показывают, что вы прекрасно справляетесь. Как я уже сказал, произошедшее с Юнгуфом абсолютно не важно. Вам нужно остерегаться дракона.

— Конечно, я буду остерегаться.

После вежливого окончания разговора Матт решил, что пора навестить людей Айя, временно размещенных в караульном помещении замка, встроенном в массивную наружную стену. С такими мыслями он спускался по лестнице главной башни.

Думая о своем, он не заметил, что внутренний двор был почему-то темнее, чем обычно. Не вызвало удивления и то, что задние ворота были полуоткрыты и не охранялись. Шорох быстрых движений за спиной насторожил его, но слишком поздно. Прежде чем он успел выхватить меч, на него набросились какие-то люди и повалили наземь. Отбросив гордость Айя, он хотел позвать на помощь, но на голову ему надели плотную повязку.

* * *

— Сэр, не найдется ли у вас свободная минутка? Это важно.

Командир Оперслужбы раздраженно оторвал взгляд от стола, но выражение его лица сразу изменилось, когда он увидел глаза Деррона и заметил что-то в его руках.

— Входите, майор. Что это?

Деррон вошел в кабинет на негнущихся ногах. Под мышкой у него был крылатый шлем.

— Сэр, дело касается его. Это тот шлем, который Матт нашел на своем корабле перед отправлением. Сегодня люди из службы Связи пришли ко мне, чтобы кое-что сообщить о шлеме. Его хронотрансмиттер передавал постоянный шумовой сигнал.

Оперком с нетерпением ждал окончания его речи.

— Связисты объяснили мне, что точно такой же сигнал издает тот шлем, что носит Матт. Какой бы шлем из этих двух он ни носил, он обнаруживает себя этим звуком, который хорошо знаком берсеркерам. Естественно, они засекли его и поняли, что для них поставлена ловушка. Ведь они до сих пор не схватили и не убили Матта.

Деррону удавалось контролировать свой голос, хотя он чувствовал, как гнев сжимает ему горло.

— И вы шокированы тем, что мы делаем, Одегард. Так?

Негодование Оперкома тоже заметно нарастало. Но он нисколько не чувствовал себя виноватым. Казалось, он был только раздражен крайней бестолковостью Деррона. Он взглянул на стоящий у него на столе дисплей и начал крутить селектор.

— Взгляните, так сейчас выглядит жизненная линия Айя.

Еще во времена, когда Деррон был часовым, он хорошо научился разбираться в этих схемах. Сегодня ему в первый раз предоставлялась возможность узнать, что

за это время произошло с Айем. Он внимательно рассмотрел изображенное на экране, но картина только подтвердила его вчерашнюю тревогу.

— Кажется, дела плохи. Он сбивается с пути.

— Матт только платит за наше дополнительное время здесь, в настоящем. И это все, что он делает. Теперь понятно, почему нам нужно, чтобы дракон стал охотиться за ним и убил? Миллионы людей, многие миллионы погибли в этой войне ни за что. Ясно, майор?

— Я знаю,— он уже задыхался от гнева, потому что не имел возможность дать ему выход. Руки, сжимавшие шлем, дрожали, и эту дрожь невозможно было унять. Он смотрел на шлем как на археологическую находку.— Я знаю. Вы не сможете победить, пока не найдете «замочную скважину» дракона. А Матт никогда не был для вас ничем иным, как живой приманкой в ловушке, правда?

— Нет, я бы так не сказал, майор,— голос Оперкома стал менее резким.— Когда вы впервые предложили его кандидатуру, мы даже не надеялись, что он сможет вернуться живым. Но уже первые показания полномасштабного компьютера говорят о том, что все идет как нельзя лучше. Без сомнения, вы правы, когда говорите, что установленное в шлеме подслушивающее устройство сделало ловушку слишком явной.

Командир Оперслужбы сделал плечами устало-ленивое движение.

— Дела сейчас обстоят так, что Матт может оказаться в большей безопасности, чем мы.

* * *

Очнувшись, Матт ощутил боль в скулах и попытался кашлем освободиться от куска грязной тряпки, которой ему заткнули рот. Болела и голова. Кровь с силой ударяла в виски, словно после приема наркотиков. Он ощущал тошнотворную тряску, его куда-то везли. Когда его голова еще немного прояснилась, он понял, что лежал перекинутым через спину горбатого животного, с одной стороны которого свешивалась его голова, а с другой — ноги. Шлем где-то свалился с его головы, не чувствовал он и привычной тяжести ножен с мечом.

Он был пленником шести или восьми человек. Они шли в темноте рядом с горбатым животным, ведя его по узкой извилистой дорожке, освещенной лунным светом. Люди часто оглядывались, то и дело перебрасываясь словами вполголоса.

— ...мне кажется, сзади двое, или они...

Матт расслышал только это. Он попробовал пошевелиться и понял, что его щиколотки и запястья крепко связаны. Повернув голову, он заметил, что тропинка впереди вилась между зубчатыми скалами и огромными камнями, из чего он сделал вывод, что они находились в окрестностях Бланиума на самом побережье.

Когда указывавший путь человек обернулся и ненадолго остановился, чтобы подтянулась вся группа, Матт безразлично отметил, что его высокая худая фигура подпоясана ремнем, на котором висели ножны, похожие на его собственные. Это Номис решил оставить себе один из символов королевской власти.

Дорога становилась все непроходимее. Скоро процессия добралась до небольшого каменистого гребня. Отсюда начинался подъем на скалу, которая с обеих сторон была прорезана глубокими расселинами. Здесь надо было спешиться. По приказу Номиса Матта сняли с животного. Он попытался притвориться, что еще не пришел в сознание, но подошел Номис, приподнял его веки и понимающе усмехнулся.

— Он в сознании. Развяжите ему ноги, но смотрите, чтобы руки были крепко связаны.

Его люди выполнили приказание. Дальше отправились пешком. Чем дальше он продвигались, тем чаще останавливались, тревожно оглядываясь вокруг и вздрагивая от каждого шороха. Было похоже, что они боялись Номиса не меньше, чем погони, которую уже наверняка послали за ними из замка.

Руки Матта были связаны за спиной. Впереди и сзади шли конвоиры. Они пересекли гряду камней и стали карабкаться вверх по длинной извилистой расселине, больше похожей на тоннель, куда не проникал даже свет луны. Казалось, только Номис знал дорогу. Откуда-то снизу ветер стал доносить звуки прибоя.

Луна была закрыта тучей, когда тянувшаяся в беспорядке группа наконец взобралась на небольшую ровную площадку. Один только Номис сразу заметил каменнонеподвижную фигуру, стоявшую здесь в ожидании их прихода. Колдун немедленно обнажил меч Матта, схватил одной рукой его за волосы, а другой приставил острие к горлу пленника.

В это время показалась луна. Все остальные заметили существо, наблюдавшее за ними. Словно птенцы ка-

кой-то птицы, люди, пронзительно крича и толкаясь, столпились вокруг Номиса, чтобы попасть в зону защиты его древней, начерченной мелом диаграммы. На несколько секунд все замерли. Был слышен только шум легкого ветра, прибоя и голос кого-то из конвоиров, бормотавшего что-то в испуге.

Продолжая держать меч у шеи Матта, Номис вытащил кляп из его рта.

— И ты, грязное чудовище, говоришь, что это твой враг? Почему бы мне тогда не убить его?

Металлическая кукла могла бы стремительно броситься к колдуну, чтобы вырвать Матта из его рук. Ведь она двигалась гораздо быстрее, чем любой человек. Но острие меча находилось как раз напротив артерии, и рисковать в такой ситуации машина не имела права.

— Колдун, я дам тебе власть, богатство, все удовольствия жизни и даже бессмертие,— сказал металлический демон.— Но прежде ты должен отдать мне этого человека живым.

Душа Номиса пела, ликуя от радости победы. Все остальные за его спиной съежились от ужаса. В эту минуту, когда, казалось, могли исполниться любые желания, самое страстное из них заставило его вспомнить очень далекий день, когда его обжег смех девочки-принцессы, передразнивавшей его.

— Я хочу Аликс! — прошептал он.

Для него гораздо важнее было сломать ее гордость, чем обладать ее телом.

— Ты получишь ее,— торжественно солгал демон.— Только сначала отдашь мне этого человека живым.

Рука Номиса, державшая длинный меч, слегка задрожала в экстазе триумфа. Матт напрягся всем телом. Его связанные запястья все-таки не совсем сковывали движения рук. Собрав все силы, он локтем ударил колдуна в его старые ребра. Номис растянулся на камнях, выронив оружие.

Ужас, охвативший остальных людей, обратил их в паническое бегство. Сорвавшись с места, они вначале слепо бросились врассыпную, но вскоре сбились в кучу на пути к единственной спасительной тропинке, по которой они поднимались сюда. Матт побежал за ними, ногой подталкивая перед собой меч. Ему даже удалось опередить их благодаря тому, что Современники хорошо поработали над его мускулами и нервами.

Берсеркера задержала толпа убегавших людей, пре-

градивших ему дорогу. Он не мог покалечить ни одного из них. Но как только Матт достиг тропинки, он почувствовал, как чьи-то жесткие, нечеловеческие пальцы царапнули его по спине. Они схватили одежду, но ткань порвалась, и Матт оказался на свободе. Затем он стал спускаться, перепрыгивая с камня на камень. За его спиной люди закричали от дикого страха, когда к их беспорядочной толпе присоединился берсеркер.

Уже почти спустившись, Матт упал. Он сильно ушибся и поцарапался, но даже не почувствовал боли. Дорожка была такой узкой, что он даже не потерял меч, все время подталкивая его перед собой. Связанными руками он нащупал позади себя его лезвие и, не боясь порезать пальцы, поднял его с земли. Затем он вскочил на ноги и еще немного прошел вниз, но оступился и снова упал, повредив колено. Но он уже был далеко впереди опутанного ужасом клубка его конвоиров, застрявшего в узкой расселине. Двое из них упали, сломав себе кости и перегородив дорогу остальным. Они выли от безумного страха. Их ужас перешел все мыслимые пределы, когда холодные пальцы берсеркера стали ощупывать их, ища одного-единственного человека, который был ему нужен...

Матт поставил меч на рукоятку позади себя и уверенно провел веревками, стягивавшими его запястья, вдоль острия лезвия. Ему удалось освободить руки раньше, чем послышались скрипевшие на камнях шаги машины, приближавшейся к нему в темноте.

* * *

— Вот он! Вот он! Мы сейчас поймаем эту чертовщину! — выкрикивали люди из Оперативной службы, охваченные ликованием, словно первобытные охотники.

Их гигантские компьютеры растягивали на своих экранах кольца паутины, центр которой должен был захватить дракона. Его можно было поймать только в том случае, если бы оборвалась хоть одна из жизненных линий, которые во множестве гнулись и переплетались у них на экранах. Должно быть, берсеркер вел бой с какими-то людьми в замкнутом пространстве.

Но он никого не убивал, поэтому обнаружить его «замочную скважину» было невозможно.

— Ну еще немножко! — Оперком не отрывал напря-

женных глаз от экрана, умоляя про себя машину пролить кровь.— Ну что?

Ничего. Изображение пропало с экранов.

* * *

Прихрамывая, Матт отступил в полосу лунного света, чтобы видеть врага, который неторопливо следовал за ним, уверенный в своем успехе. Матт стал спиной к выступу скалы, возвышавшейся между двумя расселинами, зиявшими такой глубиной, что даже свет луны не мог достать до их дна. Окровавленными пальцами он сжимал рукоятку меча. Мертвенно бледная, скелетообразная машина неотступно следовала за ним. Она не хотела, чтобы он упал. Она должна точно рассчитать момент, когда следует броситься и схватить его с такой же легкостью, с какой атлет подхватывает на руки младенца.

Матт направил острие своего меча в ту сторону, откуда должен был появиться берсеркер. Его рука успела отдохнуть и крепко держала оружие. Еще минуту назад враг был на расстоянии двенадцати футов, а теперь он уже совсем рядом.

Машина видела, что ей угрожает всего лишь обыкновенный меч, и с размаху ударила по нему рукой. Четыре стальных пальца, словно маленькие серебряные рыбки, сверкнули в лунном свете, падая на землю. Мономолекулярное лезвие осталось там же, где держал его Матт. Его твердая рука крепко держала меч.

Машина же, не сумев остановиться, по инерции двигалась вперед, прямо на острие лезвия, которое через долю секунды пронзило ее корпус. То, что только секунду назад было сложнейшим механизмом, превратилось в груду металла. Под ее тяжестью Матт отклонился и присел. Его спина уперлась в край скалы. Он видел, как металлическое чудовище свалилось с обрыва и, кувыркаясь, уносило в бездну меч Матта, застрявший в ее теле. Его лезвие светилось, словно раскаленная докрасна игла.

Демон исчез. Из глубины расселины послышался грохот, эхом раздавшийся среди скал. Матт лег на камни и отполз от края на несколько футов. Затем он встал и пошел туда, где дорога становилась широкой и безопасной. Его ушибленное тело болело, но он все же мог двигаться. Стараясь держаться в тени, он проковылял мимо флегматичного, спокойно ждавшего хозяев животного. Пройдя десяток шагов, он заметил, как из темноты вы-

скочили двое людей, оставленных Номисом для дозора. Они набросились на него, ударили по раненой ноге, и он упал.

— Лучше отпустите меня и бегите сами,— сказал он людям колдуна.— Там, в скалах дьявол только что отправился за вашим хозяином.

Эти слова заставили их обернуться и посмотреть в ту сторону, откуда доносились крики их товарищей. И тут они были схвачены сами, но не дьяволом, а двумя людьми Матта, которые появились со стороны замка. Меч и топор засверкали в воздухе, послышался лязг металла и крики, которые, впрочем, скоро затихли.

— Ваша нога ранена, мой господин? — с беспокойством спросил Харл, засовывая свой топор за пояс и склоняясь над Маттом.

— Да. Но я почти в порядке.

— Тогда мы пойдем и убьем остальных,— мрачно прогрохотал Торла.

Матт попытался привести свои мысли в порядок.

— Нет. Не сейчас. Номис вызвал демона из моря...

Издалека раздался стон, и Торла вздрогнул.

— Тогда уходим?

— Вы можете встать, мой господин? Обопритесь на меня,— сказал Харл, помогая Матту подняться на ноги. Затем он достал что-то из-под своего плаща.— Ваш шлем. Я нашел его за воротами, он помог нам напасть на правильный след.

Харл и Торла были удивлены, как медленно протягивает руки за шлемом их господин. Они подумали, что это из-за раны в ноге и из-за недавнего шока, который пережил Матт. Харл нес его под плащем, и он был не более, чем металлическая скорлупка. Но стоило его одеть на голову, и человек мгновенно превращался в мишень.

* * *

В грязи морского дна шевелился дракон. Дразнившая ложными надеждами живая приманка, посланная Современниками вместо Айя, была сейчас недалеко от берега. Если бы можно было поймать эту приманку, не пролив ничьей крови, то берсеркеры могли бы праздновать победу. Но нужны были какие-то ухищрения, чтобы преследовать этого псевдо-Айя на земле, в окружении других людей. Вспомогательный механизм дракона, имевший форму человека, мог бы справиться с этой зада-

чей, не привлекая к себе внимания, но он был потерян. И все же нельзя было упускать возможности поймать эту наживку, пока она двигалась по побережью. Взбаламутив воду облаком поднятой со дна грязи, дракон начал всплывать.

* * *

Поддерживаемый с обеих сторон сильными мужчинами, Матт мог медленно идти по неровной каменистой дороге, которая вела в Бланиум. Он думал, что для особой спешки не было причин. Без сомнения, Номис и его люди не станут устраивать погони. Если даже Номис и жив, он совершенно лишился возможности *представлять* какую-либо опасность.

А дракон? Он сделал все, что мог, чтобы поймать его и тихо захватить живым. Матт содрогнулся. Должно быть он прятался в море. Казалось, он не собирался больше охотиться за ним. Разве что Матт сам пойдет к воде и, опустив в нее руку, начнет дразнить его. Дракон легко мог убить его здесь, на земле. В любой момент. И ни крестьяне, ни армии, ни стены Бланиума не смогли бы его остановить.

Нет, если бы он был нужен берсеркеру мертвым, он был бы уже мертв. Его не спасло бы ничто, в том числе, его волшебный меч. Он достаточно хорошо знал берсеркеров, чтобы быть уверенным в этом.

— Как вам удалось спастись, господин?

— Я расскажу позже. Дайте мне немного подумать.

ЗАСТАВЬТЕ ДРАКОНА ОХОТИТЬСЯ ЗА ВАМИ. МЫ ПОСТАРАЕМСЯ ВОВРЕМЯ ЗАБРАТЬ ВАС ОТТУДА.

До сих пор не забрали.

КОРОЛЬ ДОЛЖЕН БЫТЬ ГОТОВ ПОЖЕРТВОВАТЬ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ.

Это сказал Командир Планеты, считающий, что сидя в надежном укрытии, защищенном от всяких неприятностей, он занимается очень важным делом.

Современники сражались за весь человеческий род, а Матт или кто-то другой был для них всего-навсего инструментом в этом сражении. Однажды они спасли его жизнь, а потом снова толкнули на смерть, потребовав высечь молнию из глаза каменного льва...

Вспышка озарения расставила все на свои места. Крупицы знаний, которые дал ему мир Современников

об их войнах с использованием компьютеров и ракет, «замочных скважин» и линий жизни, неожиданно сложились в ясную картину. Он вдруг понял, что происходило с ним здесь, в мире Айя. Конечно, как он не догадался раньше! Современникам было нужно, чтобы берсеркеры убили его здесь. А берсеркеры, зная это, хотели поймать его живым.

Он все еще мрачно размышлял над тем, что открылось ему, когда запищал коммуникатор. Охваченный гневом, он не стал обращать внимания на то, что ему говорили. Он чуть не снял шлем и чуть не выбросил его вместе со всеми его лживыми голосами. Но он выбросит его, обязательно выбросит в море. Нет, ему теперь не следует появляться на берегу. Значит, выбросит в бездонную расщелину, когда снова попадет в горы.

Но вместо этого он положил руки на плечи своих товарищей, останавливая их.

— Друзья мои, мне нужно недолго побыть одному. Подумать... и помолиться.

Его друзья переглянулись. Такая просьба в это время и в этом месте несомненно выглядела странно. Но после того, что пришлось пережить сегодня королю, любой человек мог бы повести себя странно. Харл нахмурился.

— Вы же безоружны.

— Здесь нет врагов. Но если хотите, оставьте мне кинжал. Мне нужно совсем немного времени.

И они ушли, часто оглядываясь. Оставили его сидеть на камне, освещенном лунным светом. Он был их королем, и они любили его. Он удовлетворенно улыбался им вслед и думал, что они будут рядом еще много лет. Он мог остаться в этом мире и собирался именно так и поступить. Современники не смогут наказать его, если он прекратит охоту на драконов. Матт был всем, что они имели между собой и хаосом. Они не осмелятся вернуть его в будущее, пока он живет жизнью короля Айя. Исполняя свои обязанности не лучшим образом, он может сильно им навредить, ослабив тем самым оборону мира Современников.

Он снял свой жужжавший шлем и не спеша почесал затылок. Затем, держа его перед собой, нажал на правое крыло, предоставив Оперкому слушать невнятное бормотание прибоя, приносимого ветром с моря.

— Матт, ответьте мне, это срочно.

— Я здесь. Что случилось?

— Где вы? Что, черт возьми, у вас за...

— Я иду. К своей невесте и в свое королевство.

Молчание. Потом снова:

— Матт, того, что вы заменяете Айя, кажется, уже недостаточно.

— Разве? Я думаю, мне этого достаточно. За мной уже охотился демон, и я использовал ваш меч. Поэтому я не собираюсь гоняться за драконом, который, кажется, очень доволен, что я жив.

— Охотился демон? Что?

Матт все объяснил. Ему было слышно, какой ужас охватил Оперслужбу. Они и не думали, что враг попытается захватить его живым. Вскоре снова послышался голос Оперкома. Он говорил непререкаемым тоном и настойчиво, как никогда.

— Матт, что бы ни случилось, не позволяйте им схватить себя живым.

— Как? Мне всегда приказывали заставить их поохотиться за мной.

— Забудьте это. Нет, подождите. Они не могут вас поймать. Но если вы будете избегать берсеркера и займетесь только ролью Айя, этого будет недостаточно. Вы сделали все как нельзя лучше, но просто замещать Айя — этого мало.

— Но почему же тогда враг пытается остановить меня?

— Потому что сейчас мы выигрываем за счет вас время. Они хотят лишить нас любого шанса продлить наше время, любой возможности найти новый способ защиты, спастись каким-то чудом. Они играют очень осторожно и надеются очень быстро закончить игру. Все, что я могу сказать вам, о чем попросить, это пойти к морю, туда, где прячется эта чертова штука. Заставить ее вылезти и погнаться за вами. Нужно что-то предпринимать.

— А если дракон схватит меня?

Наступила пауза. На другом конце был слышен приглушенный шум голосов, затем раздался другой, но знакомый Матту голос.

— Матт, это Деррон. Все эти люди пытаются найти способ сказать вам, что вы должны умереть. Вам нужно заставить берсеркера убить вас. Если вы попадете в плен живым, найдите способ убить себя сами. Вам необходимо будет это сделать. Понятно? Расстаньтесь с жизнью так, чтобы дракон хоть как-то был причастен к этому. Это и есть то, чего от вас добивается Оперслужба. Простите,

я не знал, что ситуация такова до тех пор, пока вас не отправили на задание.

Снова появился командир Оперслужбы.

— Матт, вы, конечно, можете заставить нас замолчать и отправиться к своей невесте в свое королевство, как вы мне и говорили. Но если вы это сделаете, ваш мир медленно начнет приходить в упадок, разлагаясь изнутри. Для вас это будет незаметно. Мы же здесь все погибнем. Хаос начнется в вашу эпоху, во времена ваших детей. Хаос — вот все, что останется после вас.

— Вы лжете!

Голос Матта сорвался на крик, потому что он знал, что Оперком не лгал. Он мог солгать, говоря о том или ином человеке, но он не мог лгать, когда речь шла о победе в войне.

— Матт? — это снова был Деррон.— Он сказал правду. Я не знаю, что еще можно добавить.

— Ничего больше не нужно добавлять! — выкрикнул с болью Матт.

Резким движением руки, чуть не сломав крыло шлема, он отключил связь.

Слишком поздно. Он заставил их замолчать слишком поздно. Он медленно надел шлем на голову и встал. Вскоре он увидел приближающихся к нему Харла и Торлу. Все это время они бдительно наблюдали за ним издалека, вслушиваясь в отдельные странные слова его молитвы.

Когда они подошли, он сказал очень спокойно и без тени раздражения:

— Меня беспокоит нога. Думаю, что будет легче идти вдоль берега.

И, опираясь на своих друзей, он отправился в сторону шумевшего прибоя. Он шел медленно, потому что нога его действительно болела сильнее. Пока он сидел, она затекла. Но теперь это не имело значения. Его мысли путались, в голове проносились отдельные фразы и картины. Время для раздумий и тревог прошло.

Когда-то, двадцать тысяч лет назад, он вытащил из волчьей ямы человека каменного века. Теперь ему казалось, что он прожил все эти двадцать тысяч лет. Он смог проследить движение человеческого рода из прошлого в будущее через безмерность пространства и времени. Ему удалось немного познать жизнь. Он был королем, и женщина с душой принцессы смотрела на него с любовью.

Только около минуты шли они у самого края воды,

когда лежащая перед ними скала неожиданно зашевелилась и превратилась в голову чудовища, поднимающуюся на длинном столбе своей шеи. Следом из моря стало появляться тяжелое тело дракона. И вот он уже бежит им навстречу.

— У меня есть кинжал,— сказал Матт своим товарищам.— А мечом и топором вы умеете сражаться лучше, чем я.

Дракон пришел не за Харлом и за Торлой. Поэтому было бессмысленно их обижать, приказав оставить его. Кинжал был спрятан в его ладони. Рукоятка зажата в кулаке, а лезвие холодило запястье.

Голова дракона на столбе-шее приблизилась к нему. Она могла заживо проглотить его. Меч и топор безрезультатно рубили ее с двух сторон. Огромные, похожие на гроб челюсти распахнулись, и Матт успел заметить, что в них не было зубов. Только в тот момент, когда челюсти стали осторожно сжиматься, он быстро вытащил кинжал и направил острие прямо в свое сердце.

* * *

— Он убил его! — неуверенно прошептал командир Оперслужбы. Затем раздался его радостный возглас.— Убил! Он убил его!

Остальные охотники, которые сидели, словно примороженные к своим компьютерам, уверенные в провале операции, вдруг зашевелились. На их экранах вокруг четкого зеленого изображения цели как аркан затягивалась сеть паутины.

* * *

В глубокой пещере под названием Оперативная Ступень-Два за реактивным снарядом протянулись металлические руки. Они сняли его с круглой серебряного цвета стойки. Щелчок. Руки разжались и отпустили свой груз. Падая, снаряд стал скрываться из вида.

* * *

Деррону уже доводилось видеть, как поражались цели, как закрывались «замочные скважины». И теперь он отлично понимал, какую победу он только что видел на экране. Корчившееся перед ним пятно, которое хотело изменить мир Айя, вдруг взорвалось, и линии жизней

стали выпрямляться, словно натянутые струны. Поток исторической реки сильно и свободно повернул в свое знакомое русло. Только одна жизненная линия, бывшая катализатором всего процесса, недавно оборвалась. Чтобы заметить эту маленькую деталь на экране, следовало хорошенько присмотреться.

Обрубленный конец этой жизни не оставлял никаких сомнений, но все же рука Деррона стукнула кулаком по кнопке коммуникатора. Он связался со Ступенью Три.

— Альф? Послушай, скажи мне, в каком он сейчас состоянии? Хорошо, спасибо.

Он ждал, не прерывая связи со Ступенью Три, пристально вглядываясь в экран безучастными утомленными глазами. Вокруг него бурлил центр Оперслужбы, захваченный первыми волнами ликования, переливавшимися через все дисциплинарные грани.

— Деррон?

Альф говорил медленно, тихим голосом о ране в сердце и своих предположениях о том, как этому человеку удалось пронзить себя ножом. Он подтвердил, что мозг Матта слишком долго оставался без крови и кислорода и что врачи в такой ситуации бессильны.

Деррон щелкнул выключателем и остался сидеть на своем месте, усталый и неподвижный. Некоторые из праздновавших вокруг него охотников попыхивали сигарами, кто-то весело просил порцию грога. Через несколько минут появился сам Оперком со стаканом в руке. Но на его лице не было улыбки, когда он задержался возле Деррона.

— Он был хорошим человеком, Одегард. Лучшим. Не многие бы справились и с тысячной долей того, что сделал он. Ни ценой их жизни, ни ценой их смерти.

Оперком торжественно поднял тост за победу над зеленым врагом. Естественно, позже будут празднования, церемонии, может быть, даже поставят памятник в честь этого события.

— Для меня совершенно неважно, что происходит в мире,— сказал Деррон.— Мне важен каждый отдельный человек.

Оперком вполне мог не расслышать его слов из-за нарастающего радостного шума.

— Вы сделали все, что от вас требовалось, майор, и сделали хорошо от начала до конца. Мы собираемся расширять штаты, и нам нужны люди для командных постов. Я собираюсь представить вас к очередному повышению в звании.

* * *

Его руки были подняты вверх, его седая борода и черные одежды бились на ветру. Вот уже три дня стоял Номис на вершине скалы в укромном месте, упорствуя в своей попытке вызвать злые силы. Номис без устали заклинал демонов. Но чувство, что все его черные замыслы против Айя были напрасны, не покидало его...

* * *

На зубчатой стене, щурясь от утреннего солнца и напряженно вглядываясь в морскую даль, стояла Аликс. Она надеялась заметить парус или мачту приближающегося к берегу корабля. С замиранием сердца она ждала, когда впервые увидит своего будущего мужа и повелителя.

* * *

Впереди были скалы Квинсленда, и Харл знал, что до них грести еще целый день. Он нахмурился, глядя на серую поверхность моря, на барашки небольших волн, вздымавшихся почти у самого горизонта. Но вспомнив о молодом Айе, который сидел в своей палатке и, несомненно, думал о предстоящей ему борьбе, Харл улыбнулся.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ УБИЙЦА

Он имел форму человека и мозг электронного дьявола.

Он и такие же роботы, как он, были лучшими копиями мужчин, которых берсеркеры, сами смертоносные машины, могли только сотворить. И все же, если внимательно к ним приглядеться, можно сразу обнаружить подделку.

— Насчитываете только двадцать девять? — резко спросил начальник Обороны.

Пристегнутый ремнем безопасности к своему рабочему креслу, он напряженно вглядывался в космическое пространство через полупрозрачный информационный экран. Поверхность находившейся рядом Земли была одета в серовато-коричневую броню защитных силовых полей, из-за чего не были видны обычные цвета ее воды, суши и воздуха.

— Только двадцать девять.

Ответ, донесшийся на капитанский мостик флагманского корабля, сопровождался треском электрошумов. Подвергавшийся их пытке голос продолжал:

— Но это точно, что вначале их было тридцать.

— Тогда где же еще один?

Ответа не последовало.

Силы обороны Земли *все еще находились в полной* боевой готовности, несмотря на то, что атака врага была непродолжительной — не более, чем попытка проникновения в их тыл. И несмотря на то, что она казалась полностью отбитой.

Над серовато-коричневой Землей скакало маленькое расплывчатое пятно. По своей запрограммированной траектории оно со свистом проносилось всего в нескольких сотнях километров от корабля начальника Обороны. Это была Энергетическая Станция Один, «приручeнная» черная дыра. В мирное время она давала планете половину требовавшейся ей энергии. Невооруженным глазом Станция Один была видна только как легкая прозрачная

волна, наплывавшая за звезды и искривлявшая их свет.

Пришло сообщение: «Мы ищем, куда пропал человекообразный робот берсеркеров, командир».

— Проклятье, как вы пропустили его!

— На борту проникшего к нам в тыл вражеского корабля было тридцать специально оборудованных роботов-андроидов, как показывает компьютерный анализ их обломков. Приходится сделать вывод, что все футляры были заполнены.

Начальником овладела ярость.

— Существует ли вероятность, что недостающий робот пролетел мимо вас на Землю?

— Никак нет, командир,— последовала короткая пауза.— Во всяком случае, нам известно, что он не приземлялся за время нашего дежурства.

— Нашего дежурства? Что ты несешь, болван! Как ты можешь...

Мимо пронеслась черная дыра. Нельзя сказать, что она действительно была «приручена», хотя люди часто самоуверенно говорили о ней так. Ее просто более или менее научились использовать. Можно было предположить, что по какой-то случайности андроид берсеркера номер тридцать был втянут в черную дыру. Судя по месту, в котором происходила схватка, такое предположение казалось вполне правдоподобным. В соответствии с последними теориями, робот мог остаться невредимым и вскоре вновь очутиться во вселенной, вытолкнутый из дыры взрывом радиоактивных частиц.

* * *

Командир жестко отдавал приказания. Неожиданно система его компьютеров — Конгломерат Обороны Земли — вышла из строя, давая врагу значительное преимущество. Что мог сделать Земле один берсеркер-андроид? Наверное, немного. Но для начальника Обороны и его подчиненных обязанности были святыми. А сегодня храм безопасности Земли был позорно осквернен.

Связь наладилась только через одиннадцать минут.

— Номер тридцать попал в черную дыру, сэр. Ни мы, ни враг не могли предвидеть этого, но...

— Какова степень вероятности, что андроид останется цел?

— Так как он вошел туда под несвойственным для обычных случаев углом, вероятность — приблизительно шестьдесят девять процентов.

— Так много!

— Существует и такая возможность: он упадет на поверхность Земли в рабочем состоянии, попав при этом куда-то в прошлое. По данным компьютеров это вероятно на сорок девять процентов. Поскольку он запрограммирован для ведения сложной и хитроумной борьбы в современном мире, можно быть уверенными в том, что он не сможет принести большого вреда людям в том времени, куда он...

— В вашей голове гуляет ветер. Вы ничего не знаете об устройстве Вселенной. И когда можно будет почувствовать себя хоть в малейшей степени уверенными, то об этом вы и компьютеры узнаете от меня. А пока дайтека мне еще цифры.

Следующий ответ он получил только через двадцать минут.

— Существует вероятность на девяносто два процента, что андроид приземлился, если такое случилось, в месте, координаты которого: пятьдесят один градус одиннадцать минут северной широты, ноль градусов семь минут западной долготы, в пределах ста километров.

— А время?

— На девяносто восемь процентов 1 января 1880 года Христианской эры, плюс-минус десять календарных лет.

На экране командира появились очертания большого острова, небо над которым было затянуто тучами.

— Какие меры рекомендуются?

Конгломерату Обороны Земли потребовалось полтора часа, чтобы дать ответ.

Первые два добровольца погибли, пытаясь пролететь через черную дыру, прежде, чем был разработан довольно надежный план, позволявший посланнику уцелеть. Подготовили третьего человека. Перед тем, как отправить его на задание, командир вызвал его для личной беседы.

Командир с ног до головы осмотрел его, отметив необычную одежду и странную прическу. Он не спросил, был ли готов доброволец к выполнению задания, он начал прямо:

— Вам должно быть известно, что в любом случае, выиграете вы или проиграете свою битву — вам никогда не вернуться в наше время.

— Да, сэр. Я вполне осознаю это.

— Прекрасно,— начальник Обороны указал на лежащую перед ним распечатку данных.— Мы до сих пор

не имеем полного представления, как вооружен враг. Несомненно, он подготовлен как диверсант, которого собирались забросить на Землю в наше время. Вдобавок ко всему он обладает недюжинной силой и сверхскоростью, о которых вы не должны забывать. Он способен также вывести наши компьютеры оборонительной сети из строя, заразив их вирусом. Есть вероятность, что он начнет биологическую войну. Вам выдали аптечку медпомощи? Да, вижу. И, конечно, не исключено, что у него на вооружении есть и иные способы борьбы.

— Да, сэр.

Доброволец выглядел готовым на все. Командир подошел к нему, чтобы по обычаю обнять его на прощание.

* * *

В Лондоне моросил дождь. Он стоял на тротуаре возле театра и, как будто поджидая друга, смотрел на свои тяжелые тикающие часы, которые держал в руке. Этот похожий на часы прибор вдруг беззвучно завибрировал в его ладони, и этот специальный сигнал означал, что робот находился где-то совсем рядом с ним. Приблизительно в радиусе пятидесяти метров.

Афиша на театральной доске гласила:

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ АВТОМАТИЧЕСКИЙ ШАХМАТИСТ

ЧУДО ВЕКА

НОВЫЙ АТТРАКЦИОН

— Но в действительности все дело в том, сэр,— провозглашал стоявший рядом мужчина в котелке, обращаясь к другому,— что машину научили играть в шахматы, и неважно, победит она или проиграет.

«Нет, дело абсолютно не в этом, сэр,— подумал агент из будущего.— Но можешь считать себя счастливчиком, если пока еще уверен в том, что говоришь».

Он купил билет, вошел и занял место. Когда собралось достаточно публики, началась короткая лекция, которую читал маленький человечек во фраке, в чьем облике было что-то хищное, но в то же время он выглядел как-то испуганно, несмотря на отрепетированный юмор и бойкость речи.

Наконец, появился сам шахматист. Он представлял собой похожий на стол ящик, за которым сидела фигура мужчины-гиганта. Всю эту конструкцию на сцену выкатили ассистенты. Фигура была одета в турецком стиле. Не вызывало сомнений, что это был манекен или что-то

вроде куклы, потому что тело этого «человека» подскакивало на стуле, прикрепленном к ящику-столу, когда его везли по сцене. Теперь агент мог чувствовать пульсацию своих часов, даже не опуская руку в карман, где они лежали.

Хищный лектор выдал очередную шутку, сопроводив ее омерзительной улыбкой. Затем он выбрал среди нескольких зрителей (агент не был в их числе) одного игрока, который хотел сразиться с автоматом. Претендент на победу взобрался на сцену. Шахматные фигуры были уже расставлены. Переднюю панель ящика специально открыли, и зрители могли видеть, что внутри находился только механизм.

Агент заметил, что на этом столе не было свеч, как несколько лет назад на представлении робота-шахматиста, изобретенного Маэльзелем. Конечно, аппарат Маэльзеля был обычным надувательством. Свечи тогда были поставлены на шахматный столик, чтобы не чувствовался запах той свечи, которой пользовался искусно спрятанный среди механизмов человек.

Агент знал, что он прибыл в то время, когда еще не было электрических ламп, по крайней мере, таких маленьких, какую мог бы использовать спрятанный в ящике человек. Тот факт, что противнику робота в сегодняшнем матче позволили сесть гораздо ближе к автоматическому шахматисту, чем во время маэльзелевской встречи, говорил о том, что сегодня не было никакого замаскированного человека.

Следовательно...

Агенту стоило только встать, и он мог сделать точный выстрел прямо сейчас. Но куда целиться — в фигуру или в ящик? К тому же он не знал, как аппарат был вооружен. И кто остановит робота, если он выстрелит не в ту его часть?

Он уже довольно хорошо знал Лондон девятнадцатого века. Может быть, робот уже совершал убийства для поддержания своей «формы», а теперь устраивает новый «аттракцион»?

Нет, теперь, когда враг был обнаружен, нужно все тщательно обдумать и действовать осторожно. Погруженный в свои мысли, он в конце представления вышел из театра и отправился домой — в квартиру, которую он совсем недавно снимал вместе с еще одним постояльцем на Бейкер-стрит.

Пролететь через черную дыру стоило ему потери не-

которой части его снаряжения, включая почти все его фальшивые деньги. Его новоприобретенная профессия еще не приносила ему каких-либо существенных доходов, поэтому он находился в стесненном материальном положении.

Он должен был разработать план. Предположим, он сумеет найти подход к маленькому испуганному человечку во фраке. Тот уже, должно быть, начинал понимать, какого тигра держит на поводке. Можно найти к нему подход под видом...

Неожиданно часы в кармане агента стали тихонько постукивать. Это был совершенно особый сигнал, отличавшийся от всех остальных, которые прибор подавал до сих пор. Он обозначал, что врагу удалось засечь его, что он уже взял след.

Агент бросился бежать, пот на его лице смешивался с моросившим дождем. Должно быть, робот обнаружил его присутствие в театре, но, вероятно, не смог найти его в толпе. Уклоняясь от кебов, карет и омнибусов, он свернул с Оксфорд-стрит на Бейкер-стрит и, слегка замедлив шаг, прошел короткий остаток пути. Он не мог выбросить сигнальное устройство, потому что без него потерял бы след врага. Но он также боялся теперь носить часы с собой.

Когда агент ворвался в гостиную, его сосед поднял на него глаза. На его лице была, как всегда, ничего не выражавшая улыбка. Он неторопливо вытаскивал книги из коробок и расставлял их на полках.

— Понимаете,— начал агент торопливо,— появились очень важные дела, и мне необходимо немедленно выполнить два задания. Могу ли я поручить вам одно из них?

Неотложное задание, которое выполнял сам агент, заставило его отправиться не дальше, чем на противоположную сторону улицы. Там он прислонился к двери подъезда Камден Хаус, пытаясь неслышно дышать. Он не шелохнулся, когда спустя три минуты со стороны Оксфорд-стрит показалась высокая фигура, в которой агент сразу заподозрил что-то нечеловеческое. Шляпа была надвинута на глаза, а нижняя часть лица забинтована. Фигура остановилась на противоположной стороне улицы, сверилась со своими карманными часами, а затем, повернувшись к двери, позвонила в колокольчик. Будь агент абсолютно уверен, что это была цель, он бы выстрелил ей в спину. Но без своего прибора он не мог рисковать.

После пары вопросов, заданных незнакомцу владелицей дома, он был впущен. Агент подождал две минуты. Затем, собрав все свое мужество, вошел в ту же дверь.

Фигура одиноко стояла у окна гостиной. Она обернулась на звук его шагов, и теперь у него не было сомнений. Глаза над бинтами вовсе не были глазами турка, это были вообще нечеловеческие глаза.

Белая повязка приглушала грубый резкий голос этого существа.

— Вы доктор?

— А, вам нужен мой сосед,— агент бросил небрежный взгляд на письменный стол, в котором был заперт его прибор, а сверху в беспорядке лежали бумаги его соседа.— Он вышел ненадолго, но вы можете его подождать. Я вижу, вы пациент.

— Меня направили к нему,— сказало существо своим неестественным голосом.— Кажется, у нас с доктором определенно есть что-то общее. Ну, а милая хозяйка дома позволила мне войти и подождать его здесь. Надеюсь, я не причиню вам неудобства своим присутствием.

— Нисколько. Прошу, садитесь, мистер...?

Агенту не пришлось узнать, каким именем мог назваться берсеркер. Прозвучавший внизу звонок прервал беседу. Было слышно, как служанка открыла дверь, и через пару секунд по лестнице застучали торопливые шаги его соседа. Машина смерти вытащила из своего кармана какой-то маленький предмет и сделала шаг в сторону, чтобы агент не загораживал ей дверь. Повернувшись спиной к врагу, как будто для того, чтобы поприветствовать входившего человека, агент непринужденно достал из своего кармана обыкновенную курительную трубку, которая имела еще и другое назначение. Затем он повернул голову и выстрелил в берсеркера из-под своей левой под мышки.

Для человека он действовал сверхъестественно быстро. Андроид же, предназначенный прежде всего для подражания человеку, а не для сражений, был, по мнению его создателей, неуклюж и неповоротлив. Их оружие выстрелило одновременно.

Враг был разнесен на куски мощным, но беззвучным взрывом.

Робот тоже попал в цель. Агент зашатался, и последней ясной мыслью, пришедшей в его голову, было то, что он, наконец, понял, каким оружием обладал враг —

переключением разума человека. Больше он уже не мог ни о чем думать. Через какую-то подернутую рябью пелену он осознал, что опускается на колено. Потом он увидел, что только секунду назад вошедший сосед так и замер в дверях, ошеломленный.

Наконец, агент снова смог двигаться. Первым делом он спрятал нетвердой, трясущейся рукой свою трубку в карман. Разбитое тело врага уже почти испарилось. Должно быть, он был сконструирован так, что при сильном повреждении начиналось его самоуничтожение во избежание раскрытия людьми секретов его устройства. Теперь это было всего лишь облачко тяжелого дыма, струйкой вытекающее через окно.

Человеку, все еще стоящему в дверях, пришлось опереться рукой о стену, чтобы не упасть.

— У ювелира... не было ваших часов,— изумленно пробормотал он.

«Я победил»,— вяло подумал агент.

Это была безрадостная мысль, потому что он медленно начинал понимать, какова была цена этой победы. Он лишился по меньшей мере трех четвертей своего интеллекта. Высшая структура соединений его мозговых клеток была разрушена. Когда-нибудь там, на дороге в будущее структура эта будет восстановлена тем же самым переключением разума, скрывавшегося за серыми глазами с их по-новому проницательным взглядом.

— Ясно, что ваше задание пойти за часами было просто уловкой.

Голос его соседа стал неожиданно более твердым, более уверенным, чем до этого.

— Понятно также, что ваш стол взломал кто-то, кто думал, что он мой,— тон его немного смягчился.— Эй, парень, я не желаю тебе зла. Твой секрет я сохраню. Но совершенно точно, что ты не тот, за кого себя выдаешь.

Агент поднялся на ноги и, держась за голову, рассеянно пытался все осмыслить.

Ужас охватывал всю Галактику при одном слове «берсеркер». Даже в тех мирах, которых не коснулось пламя войны с ними, были люди, ощущавшие внутренний болезненный страх перед врагом. И только несколько человек выбрали для себя долгий путь в ночное небо. Некоторыми людьми овладели мучительные тени смерти.

Я коснулся разума того человека, чья душа была мертва.

СОДЕРЖАНИЕ

БАЗА БЕРСЕРКЕРА

База пленников . .	5
Что делает нас людьми .	18
Друзья вместе .	57
С такими друзьями	60
Родники печали	97
Удивленный .	101
Великий секрет	127
Утроба смерти	130
Опасные сны . .	173
Пилоты сумрака .	175
Пересекая черту . .	234
Падение капли слезы	241
База берсеркера	253

БЕРСЕРКЕР ГОЛУБАЯ СМЕРТЬ

Глава 1	259
Глава 2	272
Глава 3	285
Глава 4	297
Глава 5	307
Глава 6	317
Глава 7	324
Глава 8	333
Глава 9	342
Глава 10	352
Глава 11	360
Глава 12	367
Глава 13	373
Глава 14	382
Глава 15	392
Глава 16	401
Глава 17	408
Глава 18	414
Глава 19	423
Глава 20	433
Глава 21	438

Глава 22 449
Глава 23 460
Глава 24 471
Крылатый шлем . . . 479
Металлический убийца . 545

Литературно-художественное издание

Саберхаген Фред

БЕРСЕРКЕР-III

Романы

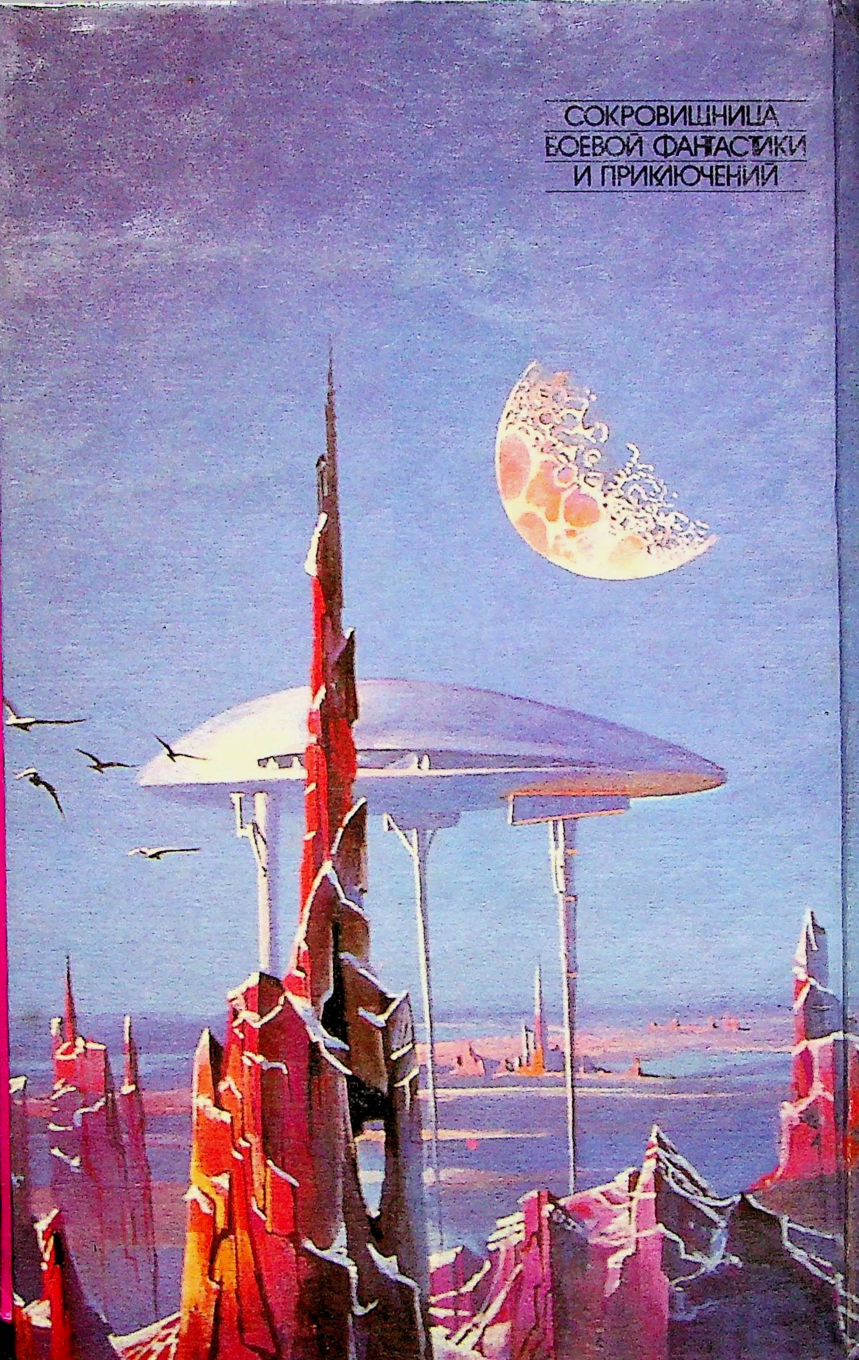
Ответственный за выпуск *В. В. Тарасенко*
Редакторы *М. В. Ливанова, О. Чулкова, С. Шейдт*

Сдано в набор 10.08.94. Подписано в печать 31.08.94. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 29,4. Усл. кр.-отт. 30,24. Тираж 50 000 экз. Заказ 1177.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432. 214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии производственно-коммерческого предприятия «Дилер». 220746, Минск, пр. Машерова, 23-415.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная. 23.

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ